

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ,
ЗАКОНОМЕРНОСТИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы IV Международной
научно-практической конференции
г. Минск, 9-10 ноября 2023 г.**

Минск
2023

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института социологии НАН Беларуси

Редакционная коллегия:

Н. Л. Мысливец (главный редактор), М. И. Артюхин, Н. Л. Балич, Н. А. Барановский, О. В. Кобяк,
Е. Н. Новицкий, А. В. Посталовский, Е. Ю. Смыкова, А. П. Соловей, Н. А. Сосновская, С. В. Хамутовская,
В. Р. Шухатович, М. И. Горбач, В.С. Подвальская, А. В. Семенова, Т.А. Толстяк

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д.К. Безнюк
доктор социологических наук, профессор В.В. Кириенко

*Конференция проведена в рамках выполнения
Государственной программы научных исследований
«Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»
на 2021-2025 гг.; подпрограмма 5 «Социология»*

С69

Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы
IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9-10 ноября 2023 г. / редкол. : Мысливец Н.Л. (гл.ред.) [и др.]; НАН
Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2023. – 400 с.

ISBN

Сборник включает доклады и выступления известных белорусских и зарубежных социологов, экономистов, культурологов, историков и науковедов, принимавших участие в IV Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии 9-10 ноября 2023 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые проблемы развития современного общества.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и специалистов органов государственного управления, а также читательскую аудиторию, интересующуюся вопросами современного социального развития.

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43

ISBN

© Институт социологии НАН Беларуси, 2023

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ,
АКАДЕМИКА В. Г. ГУСАКОВА**

Уважаемые коллеги!

От имени Национальной академии наук Беларуси и от себя лично рад приветствовать участников и гостей IV Международной научно-практической конференции «Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы».

В современных геополитических условиях созидательный потенциал научного сообщества, в том числе и гуманитарного знания, становится важнейшим ресурсом дальнейшего развития нашей страны. Сегодня гуманитарная наука призвана не только обеспечить передачу научных знаний и идей новым поколениям, но и сформировать их ценностные ориентиры, прежде всего в гражданско-нравственном измерении. Исследования ученых-социологов позволяют прогнозировать возможные варианты развития событий, социальные последствия принимаемых политических, экономических и управленческих решений, а также определить потребности и настроение различных социальных групп.

Сегодня Институт социологии Национальной академии наук Беларуси – ведущее государственное научное учреждение страны в сфере фундаментальных и прикладных социологических исследований. За более чем 30 лет существования коллектив ученых-социологов достиг значительных успехов в научной и инновационной деятельности, а также в развитии отечественной социологической науки. Ежегодно ученые Института готовят около 40 научно-аналитических материалов по наиболее актуальным вопросам социально-экономического, политического и социокультурного развития Беларуси. Научные наработки социологов способствуют защите информационного пространства страны, национально-государственной идентичности, сохранению исторической памяти белорусов, укреплению государственности.

Уважаемые друзья! Сегодняшнее научное мероприятие объединило исследователей из многих стран, которые представляют различные области социально-гуманитарного знания. Проведение подобных форумов является важным событием в жизни Национальной академии наук Беларуси, которое, несомненно, будет способствовать приращению социогуманитарного знания, а также совершенствованию методологии прикладных социологических исследований. Конференция – это всегда новые знакомства, обмен опытом, представление и апробация материалов научных исследований.

Хочу пожелать, чтобы каждый участник смог открыть для себя нечто новое, получить ответы на интересующие вопросы, которые позволят решить актуальные задачи и справиться с вызовами, стоящими перед современным обществом.

Плодотворной работы, интересных дискуссий, дальнейших творческих успехов!

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
СОПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА,
АКАДЕМИКА-СЕКРЕТАРЯ ОТДЕЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ,
АКАДЕМИКА НАН БЕЛАРУСИ,
А. А. КОВАЛЕНИ**

Уважаемые участники IV Международной научно-практической конференции «Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы»! От имени Бюро Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси позвольте искренне поприветствовать всех участников ежегодного Международного научного форума, который проводит Институт социологии Национальной академии наук Беларуси!

Несмотря на то, что социология считается относительно молодой наукой, вклад социологов в познание актуальных для общества проблем заметен и признан в современном мире. Изучать социальные процессы особенно важно во времена, когда глобальные вызовы и угрозы стремительно врываются в нашу повседневность, нарушая привычные ритм и уклад жизни. Динамичностью изменений в мире определяется значимость взгляда на то, как Беларусь встраивается в меняющуюся реальность, как страна намерена развиваться дальше, какой образ будущего будет предложен гражданам. В связи с этим, современным социологам необходимо обеспечивать высокое качество проведения исследований, позволяющее достоверно отражать общественное мнение по наиболее актуальным проблемам. Социальная ответственность социолога подобна долгу врача-диагноста (принцип «не навреди») и состоит в стремлении найти пути сохранения стабильности общества либо определить наиболее эффективные способы достижения социального прогресса.

В настоящее время институтом социологии проводится большое количество разнообразных исследовательских проектов в сфере фундаментальных и прикладных социологических исследований. Каждое республиканское исследование Института социологии можно считать своеобразным мини-референдумом, позволяющим определить позиции общества в оценках важных, волнующих граждан вопросов. Кроме того, сохранение исторической памяти белорусов, защита информационного пространства Беларуси и национальной идентичности требуют более активного использования данных социологической науки в ответ на текущие события геополитической повестки.

Служение науке объединяет неравнодушных людей, преданных своему делу и стремящихся к реализации своих задумок, идей. Выражаю надежду, что работа нынешнего форума будет максимально продуктивной, а каждый его участник сгенерирует новые прорывные идеи, получит полезные деловые связи и уникальный опыт.

Искренне желаю всем участникам конференции интересных научных выводов, выработки перспективных рекомендаций и практико-ориентированных технологий в области изучения современного общества.

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 316.35

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Семененко И. С.

*и. о. заместителя директора по научной работе ИМЭМО РАН
член-корреспондент РАН, доктор политических наук*

г. Москва, Россия

Категория политического пространства стала неотъемлемой частью современного научного дискурса. Это связано с происходящими изменениями в структуре современного миропорядка, с процессами регионализации и формирования трансконтинентальных и транснациональных пространств разной конфигурации, с поисками адекватных инструментов для прогнозирования перспектив мирового и внутрисистемного развития. Политические пространства складываются в процессе коммуникации политических и экономических акторов, и наряду с интересами участников таких взаимодействий структурирующими факторами выступают мотивирующие их идеи и формирующиеся в ходе таких взаимодействий идентичности, которые определяют социокультурное измерение пространственного развития, его смысловое наполнение и долговременные перспективы.

Так, закономерно, что формирование европейской идентичности стало ключевым направлением научного дискурса, анализирующего динамику европейской интеграции и перспективы Европейского союза (ЕС); при этом само понятие «европейской идентичности» связывается сугубо с географическим и политическим пространством ЕС. Налицо расхождение в разработке методологии пространственного анализа с политической практикой. Это дополнительно актуализирует необходимость в прояснении тех понятий, которые могут адекватно описать формы политически значимых идентификаций, важных для понимания пространственной организации современного миропорядка (цивилизационной, гражданской, а также инклюзивной, гибридной, негативной / позитивной, сетевой и цифровой идентичности – понятийный ряд можно продолжить).

С позиций формирования научного дискурса продвижения возможны здесь на путях уточнения содержания, а, в ряде случаев, и пересмотра некоторых базовых понятий. Так, концепт национальной идентичности может быть уточнен за счет предложенного еще в середине 2010-х гг. понятия национально-цивилизационной идентичности, которая «характерна прежде всего для модернизирующихся незападных обществ и развивается в условиях современных процессов нациестроительства» [2, с. 461]. Сформулированный мэтром российской этносоциологии Л. М. Дробизевой концепт государственно-гражданской (национально-гражданской) идентичности указывает на ключевое значение государства как ориентира политически значимых идентичностей, на необходимость выстраивания механизмов обратной связи между государством и гражданами в процессе нациестроительства. Ею же был поставлен ключевой для развития современных сложных обществ вопрос о позитивной совместимости таких ключевых измерений идентичности, как государственно-гражданская и этническая [3; 4]. Достижение такой совместимости – принципиально важный приоритет политики идентичности, но само понимание политики идентичности выходит за рамки укоренившейся в 1970–1980-е годы, на волне подъема в странах Запада массовых протестных движений и расцвета мультикультурализма, трактовки такой политики как борьбы меньшинств за право на идентичность: сегодня такое право в либерально-демократической логике не гарантировано скорее большинству. Политика идентичности определяет комплекс практик государства и действующих от его имени структур, а также других субъектов политического процесса по утверждению разных форм идентичности, имеющих макрополитическое измерение (не только национальной, но и гражданской, а также разных форм территориальной идентичности) [1, с. 647–655]. В широком контексте речь идет о

формировании и продвижении в публичное пространство политически значимых смыслов, отражающихся в индивидуальных и групповых идентичностях. В фокусе внимания – «борьба за идентичность» путем конструирования общих пространств памяти и ее символической репрезентации в мемориальной культуре, продвижения других форм символической политики (например, праздничной культуры, организации публичных пространств), языковой политики и политики языка, и, в первую очередь, – в приоритетах политики в сфере образования.

Политизация идентитарной повестки (когда приоритеты защиты «своей» идентичности продвигаются сугубо в противостоянии «другим», на основе негативной мобилизации или через виктимизацию идентичности) может использоваться как инструмент укрепления позиций определенных групп интересов во власти под видом нацистроительства. Это явственно проявляется в условиях эскалации военно-политической конфликтности на постсоветском пространстве, на Южном Кавказе или на территории Украины.

Динамика евразийского пространства и его реконфигурация напрямую связывается в современном научном дискурсе с появлением здесь новых государств и новых «центров силы», с многовекторностью их политики. Переформатирование мирового порядка идет в направлении пересмотра западоцентричного видения мирового развития. Но и в «повороте на Восток» наметились сегодня разные векторы. Само понимание евразийского пространства, его контуры формируются как результат проекции этой дискуссии в поле публичной политики и «отклика» в массовом сознании на продвигаемые смыслы и предлагаемые приоритеты.

В изучении перспективных тенденций динамики современных транснациональных пространств, имеющих институциональные (в виде системы межгосударственных соглашений, органов наднационального регулирования и сотрудничества), но также внеинституциональные (общая историческая память, общее медийное поле) опоры, можно выделить несколько измерений:

- институциональное (приоритеты, инструменты, институциональные опоры и практики взаимодействия между вовлеченными акторами);
- дискурсивное (научные и политические дискурсы, их взаимовлияние), определяющее эффективность формирующейся на этой основе дискурсивной силы государств, интегрированных в такие пространства;
- социогуманитарное (связи между людьми, их проекции в разные формы взаимодействий, в том числе сетевых);
- идентитарное (восприятие продвигаемых смыслов и приоритетов в массовом сознании и отражение в политике идентичности).

Евразийское пространство – это географическая и ментальная реалья, представления о которой во многом определяют характер и приоритеты трансграничных взаимодействий между государствами, их институтами и другими заинтересованными участниками – бизнесом, научными и экспертными сообществами, религиозными организациями, некоммерческими организациями, диаспорами, медиа, публичными интеллектуалами. Само понятие отсылает к историческим корням евразийства – мировоззренческого подхода и общественно-политического движения, укоренившегося в среде послереволюционной эмиграции и стремившегося к утверждению ориентиров в развитии России за пределами сугубо европейской системы координат. В центре стояли тогда идеи «натурализации» истории, объяснения текущих процессов на основе ландшафта и географии, стремление к объединению народов, проживающих на просторах Евразии, в условиях ожидаемых тектонических сдвигов в структуре мироустройства. Процессы нацистроительства на постсоветском пространстве и рост экономической и политической значимости стран Евразии в современном мире способствовали появлению неоевразийства. Насколько обращение к этим широко известным истокам способствует осмыслению перспектив динамики современного евразийского пространства – открытый вопрос, тем более что в пространственной динамике, которую мы наблюдаем сегодня, налицо наложение разных политико-пространственных конфигураций, например, евразийского и тюркского, туранского. У таких пространств могут быть разные скрепы и разные символические опоры, которые актуализируются в зависимости от текущей повестки дня. Вопросы общего культурного наследия, памяти и идентичности занимают в ней сегодня очень заметное и даже приоритетное место.

Современное евразийское пространство формируется в условиях конкуренции идей о перспективах общественного развития и сопряженных с ними политических и экономических интересов. Даже географические контуры этого пространства прочитываются по-разному; это актуализирует, в частности, вопрос о создании евразийского учебника географии. Похожая инициатива была предпринята в рамках тюркского мира и его институциональной опоры – Организации тюркских государств, она опиралась на общие политические и исследовательские структуры (Парламентская ассамблея тюркских стран, Международная организация тюркской культуры, Международная тюркская академия).

На евразийском пространстве также налицо разные уровни институционализации межгосударственных взаимодействий. Это Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Есть и формы институционализации сотрудничества на макрорегиональном уровне, например, в рамках Каспийского региона. Но такие институты должны «прорасти» в сознание людей, стимулировать заинтересованность в разных форматах взаимодействий, опираться на узнаваемые и позитивно воспринимаемые символические ориентиры. Приоритетным направлением сотрудничества является поэтому образование, обмен кадрами, реализация совместных научных проектов, перекрестное изучение позитивного опыта друг друга.

Идеи формируют дискурсивную силу государства, достаточно вспомнить выдвинутую десятилетие назад от имени КНР формулу «сообщества единой судьбы человечества». В пространствах международно-политических взаимодействий разворачивается новый фронт «борьбы за идентичность», которая во многом определяет развитие как отдельных государств, так и макрорегионов. В переосмыслении нуждаются базовые концепты, вокруг которых выстраивается дискуссия об общественном развитии, в частности, такая категория, как политика развития. На евразийском пространстве, богатом материальными и интеллектуальными ресурсами, лидерами будут те страны, которые покажут ощутимые для граждан результаты в формировании среды, благоприятной для жизни и для духовного возрастания человека.

Поддержание благоприятной для развития личностного потенциала человека среды может обеспечиваться на основе продвижения общественного запроса на развитие, широкого и заинтересованного обсуждения его этического измерения. Растет потребность в изменении оптики в видении ориентиров развития – продвижении принципов *ответственного развития*. В его основе – наращивание в производстве и потреблении доли нематериальных, интеллектуальных (возобновляемых) ресурсов, повышение роли нематериальных стимулов жизнедеятельности, поддержание эффективного для обеспечения качества жизни в конкретном обществе сочетания материальных и нематериальных, инновационных и традиционных источников развития и ценностей, организация эффективного управления и институционального обеспечения вовлеченности граждан; ответственная разработка и внедрения прорывных технологий. И, что принципиально важно – утверждения нравственной мотивации при выборе приоритетов развития на путях взаимодействия вокруг общей повестки носителей разных идейных установок и идентичностей.

Формирование на такой основе позитивного дискурса о развитии и разработка перспективных механизмов взаимодействий на евразийском пространстве становится важной составляющей дискурсивной силы, а оценка рисков и ограничений для конкретных стран с учетом фактора идентичности – значимым инструментом прогнозирования социальной и мирополитической динамики. Объединение исследовательских и экспертных усилий ученых России и Беларуси в разработке этой повестки будет способствовать повышению их эффективности и влияния на приоритеты публичной политики в рамках Союзного государства и в более широком евразийском контексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / Отв. ред. И.С. Семененко. / ИМЭМО РАН. – М. : Издательство «Весь Мир», 2017. – 992 с.
2. Пантин, В. И. Национально-цивилизационная идентичность / В. И. Пантин // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / Отв. ред. И. С. Семененко. / ИМЭМО РАН. – М. : Издательство «Весь Мир», 2017. – С. 461.

3. Дробижеева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижеева // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 7. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – С. 214–228.

4. Дробижеева, Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития / Л. М. Дробижеева // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 73–84.

УДК 316.334.22+316.324

ЦИФРОВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Лебедева Е. В.

*доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью
Белорусского государственного университета,
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

В современном мире цифровые технологии относятся к числу стратегических приоритетов развития инновационной составляющей большинства мировых экономик. Вопросам построения информационного общества, процессам цифровизации уделяется особое, пристальное внимание на государственном уровне. Уже сегодня такие проявления цифровой трансформации, как миниатюризация технических устройств, их интероперабельность, увеличение объемов цифровой информации привели к появлению всеохватывающей сетевой и динамичной инфраструктуры, которая повлияла на образ жизни людей и изменила их отношения со средой обитания и друг с другом. Н. Луман представляет социум как «систему коммуникаций (виртуальных и реальных), когда окончание одной выступает условием возникновения другой» [1, с. 179]. По мере своего развития цифровая среда выходит за пределы повседневных коммуникаций и превращается в способ бытия индивида, позволяя решать задачи поиска многообразной информации, обучения, заработка, получения услуг, покупок, лечения и т. д. При этом помимо очевидных преимуществ цифровизации (сокращение транзакционных издержек, таких как аренда офисных помещений, транспортные расходы, внедрение гибких систем организации труда, исключительные возможности для профессионального роста, обучения, личностного развития, стирание границы между городом и деревней, возможности карьерного роста и т.д.), этот процесс несёт в себе и новые вызовы. Переход общества из одного состояния в другое – это всегда эволюционный процесс, занимающий не одно десятилетие. В ситуации пандемии Covid-19 принцип эволюционности был частично нарушен. Следовательно, у человечества не было достаточно времени адаптироваться к новым условиям, осознать и смягчить все риски (явные и латентные), связанные с происходящими кардинальными переменами. Роль цифровизации в развитии городской среды можно охарактеризовать двояко. Особенно ярко такая двойственность проявляется в сфере образа жизни и межличностного взаимодействия горожан. Обозначим основные векторы влияния цифровых технологий на развитие городской среды.

Во-первых, одним из таких направлений является изменение характера солидарности горожан. В контексте цифровизации городской среды данная тенденция связана, в первую очередь, с широким распространением социальных сетей и мессенджеров. Привыкая жить в «прозрачном» цифровом пространстве, беспрестанно транслируя свой повседневный опыт и потребляя повседневный опыт других посредством социальных сетей, индивиды постепенно формируют и закрепляют взаимоприемлемые правила безопасного и комфортного для всех поведения, вырабатывая т. н. «информационный иммунитет». Возникает стихийный низовой фактчекинг (пользователи социальных медиа начинают сами стремиться к поиску достоверных данных), усиливается фактор горизонтального социального контроля. Социолог Ю. В. Веселов называет это явление трансформацией понятия «доверие» – *переход от личностного и институционального доверия к сетевому и цифровому* [2]. При этом само сетевое (цифровое) доверие понимается как «уверенность пользователей в способности людей, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир» [2, с. 134] – доверие в социальных сетях. В разрезе цифрового города это будет способствовать развитию экономики совместного потребления (sharing economy), а также экономики совместного производства («викиномики») – использованию в бизнес-технологиях принципов массового сотрудничества (mass collaboration),

взаимодействия равных (peer collaboration) и идеологии открытого кода. Соответственно, технологическими решениями, способствующими укреплению цифрового доверия, могут стать различные платформы, поддерживающие экономику совместного потребления, фандрайзинговые и краудфандинговые сервисы. Однако можно отметить и негативный эффект активизации цифровых инструментов коммуникации горожан. Информационное воздействие на горожан часто осуществляется в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. В итоге складывается достаточно противоречивая ситуация, когда при увеличении интенсивности коммуникационных потоков их сила, наоборот, снижается («быть на связи, но быть в одиночестве» [3, p. 13]). Американский социолог Ш. Теркл полагает, что за последние несколько лет общество стало разобщеннее, а каждый человек – чуть более одинок. Краеугольным камнем в этом отношении является *уровень развития цифровой культуры индивидов* – «понимание современных информационных и цифровых технологий, их функциональных возможностей, а также возможность их грамотного использования в работе и в быту» [4, с. 31]. При этом освоение цифровой культуры (как и любой другой) – процесс длительный, предполагающий регулярное, осознанное, систематическое взаимодействие с миром цифровых технологий. Если же «погружение» в новую культурную среду происходит слишком быстро, без соответствующей подготовки, то индивиды могут испытывать культурный шок – «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия» [5, p. 179].

Во-вторых, значимым вектором развития городской среды в условиях цифровизации стала трансформация культурной самоидентификации горожан – *приоритет локальной идентичности*. Если ранее исследователи выражали опасения, что протекающие в городах глобализационные процессы угрожают сохранению локальной идентичности горожан, приводят к унификации и космополитичности городского сознания, то сегодня можно говорить об обратном явлении – увеличении внимания к тому, что находится рядом (своему району, своему двору). В этом контексте особую актуальность приобрела проблема поиска новой культурной идентичности, которая могла бы составить «антитезу тотальной виртуальности» [6, с. 42]. Данная тенденция также имеет двунаправленный характер. С одной стороны, городская среда, реализуя свой культурно-образовательный (историческая память, зафиксированная в архитектурном облике, символическое наполнение образа города), а также креативный потенциал (осознание горожанами общих проблем и готовность к совместным усилиям по их решению), способствует формированию самоидентификации на основе определённого локуса, местоположения индивида, препятствуя «стиранию» территориальных границ идентичности (появлению «гражданина мира», живущего исключительно в виртуальном мире). С другой стороны, в цифровом городе локальная идентичность меняет свои характеристики, становясь более мобильной, пластичной, гибкой («мой двор», «мой любимый квартал», «моя кофейня»), опирается не столько на знания, сколько на эмоциональные составляющие – чувство причастности, принадлежности, удовлетворенности от достижения цели. С трансформацией локальной идентичности в цифровой городской среде тесно связано понятие «городское воображаемое» (urban imaginary) как «синтез реальных и виртуальных коллективных представлений о городе, коллективное ощущение связанности городского пространства» [7, с. 229]. Закрепляют и транслируют городское воображаемое цифровые городские медиа, которые предоставляют горожанам возможность конституировать городскую среду «снизу» (к примеру, загружая фотографии в социальные сети, делясь различными новостями на своих страницах или же в тематических чатах), т. е. делают доступным то, что ранее было привилегией архитекторов и городских управленцев. Поскольку городское воображаемое – крайне изменчивый и подвижный феномен, тесно связанный с репрезентацией символических образов города в виртуальной среде, то и локальная идентичность, формируемая на основе городского воображаемого, не имеет жёстких границ и легко трансформируется в бесконечное количество частных идентичностей. Уже сейчас мы наблюдаем зависимость выбора социальных сетей в качестве основного источника информации о городской жизни в зависимости от возраста. Следовательно, в данном случае можно говорить, как минимум, о существовании разных моделей территориальной самоидентификации в зависимости от возраста горожанина (те, кто предпочитает цифровые городские медиа, имеют одну модель локальной самоидентификации, те, кто чаще обращается к традиционным источникам информации – другую). Можно говорить не о единой модели территориальной самоидентификации (к примеру, «Я – минчанин»), а о множестве

разнообразных её вариаций, в значительной степени зависимых от возраста, культурного багажа, образа жизни, ценностных ориентиров горожанина (например, «Я – житель IT-столицы»). Иными словами, более высокая степень независимости поведения индивида в цифровом (в частности, медийном) пространстве делает возможным более гибкие и адаптивные механизмы идентичностного моделирования, которое может отрываться от физического основания, всё больше проявляясь в сфере публичного самовыражения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
2. Веселов, Ю. В. Доверие в цифровом обществе / Ю. В. Веселов // Вестник СПбГУ. Социология. – 2020. – Т. 13. Вып. 2. – С. 129–143.
3. Turkle, Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / Sh. Turkle. – NY : Basic books, 2011. – 360 p.
4. Паньшин, Б. Н. Цифровая культура как фактор эффективности и снижения рисков цифровой трансформации экономики и общества / Б. Н. Паньшин // Цифровая трансформация. – 2021. – № 3(16). – С. 26–33.
5. Oberg, K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments / K. Oberg. // Practical Anthropology. – 1960. – № 7. – P. 177–182.
6. Козлова, Ю. В. Городская идентичность в эпоху цифровизации и посттруда / Ю. В. Козлова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 5. – С. 41–44.
7. Федотова, Н. Г. Urban imaginary как символический капитал города / Н. Г. Федотова // Ярославский педагогический вестник – 2018. – № 2. – С. 228–233.

УДК 327.7:008+316.722

ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ватыль В. Н.

*Заведующий кафедрой политологии и социологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор
г. Гродно, Беларусь*

I. Гуманитарная безопасность страны – ключевое понятие, находящееся сегодня в эпицентре практического и теоретического внимания. Повышенный исследовательский интерес к нему обусловлен, с одной стороны фактом возрастания значимости места и роли обозначенного феномена в достижении стратегических целей государства, общества и личности, с другой – наличием неопределенности в познавательной интерпретации понятия «гуманитарная безопасность», возникшей под влиянием усиления глобальных вызовов и угроз, прежде всего геополитических и цифровых.

II. К геополитическим угрозам, подрывающим основы гуманитарной безопасности страны, относятся:

- а) резкое обострение взаимосвязей между нынешней экосферой и техносферой;
- б) нарастание циклического спада в мировой экономике и переход к 6-му технологическому укладу;
- в) очевидное усиление социального неравенства в мире;
- г) кризис текущего миропорядка, нарастающий катаклизм в структурах обеспечения безопасности на европейском континенте, специальная военная операция России в Украине;
- д) релятивизация принципа суверенитета и опасность сепаратизма;
- е) навязывание стандартов западного образа жизни как универсальных, ведущих к разрушению культурно-символических кодов и национальных идентичностей.

III. Проблему сохранения гуманитарной безопасности страны создают и глобальные технологические трансформации. Нарастающая цифровизация в лице глобальных цифровых платформ ощутимо влияет на традиционные институты взаимодействия власти и общества. Попадая под их воздействие, привычные политические и культурные практики меняют свой информационно-коммуникативный облик, что, как следствие, вызывает изменение характера

устоявшихся политических структур и культурных организаций. Прежде всего – государственных институций. Усиление процессов геополитической турбулентности, конкуренции за глобальное информационное доминирование принципиально изменяют как сам миропорядок, так и обычные методы контроля и регуляции социокультурного пространства.

IV. Обозначимые геополитические и цифровые вызовы и угрозы затрагивают не только сферу экономики, не только область политических отношений, но и пространство традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Вызов определяется нами как возникшая опасность, а угроза – как реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь. Национальные интересы понимаются как объективно значимые потребности личности, общества, государства в устойчивом развитии. Гуманитарная безопасность трактуется как защита традиционных для страны духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. К таковым ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство национальностей и конфессий страны.

V. Сложные и неоднозначные процессы перехода к многополюсной структуре современного мира ведут к тому, что молодые независимые государства сталкиваются с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ценностей и устойчивых исторических ориентиров. Активное насаждение группой стран, исповедующих неолиберальный путь развития, чуждых духовных ценностей и социальных идеалов, грубое навязывание, без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, реформ в сфере образования, науки, религии, языка и инфодеятельности, приводит к усилению разобщенности поколений и поляризации настроений и интересов формирующихся независимых социумов, разрушают фундамент культурного суверенитета и гуманитарной безопасности, подрывают основы политической стабильности и национальной государственности. Обобщение международного и национально-государственного опыта позволяет говорить о следующих вызовах и угрозах:

VI. Угроза либеральной модели глобализации. В конце 20-го века глобализация приобрела ярко выраженный американоцентричный характер, осуществлялась как либеральная модель с доминированием культуры, политических и экономических ценностей США. Процессы глобализации сопровождалась культивированием американофилии, мифологизацией практических реалий англосаксонского мира. Их выражением стало магдональдизация, глобально распространявшаяся американизированная иррациональная рациональность, охватывающая практически организацию всей общественной жизни – семья, память прошлого, воспитание, образование, здравоохранение, СМИ, вплоть до сексуальных отношений и организации похорон. Обозначенные сферы общественной жизни трактовались как «должное» для других стран и превращались в категорический императив для исполнения. В случае несогласия, к непокорным предъявлялись необоснованные претензии, за чем следовали принудительные акции.

VII. Вызовы «нового варварства». Под «новым варварством» подразумеваются осознанные и целенаправленные нелегитимные насильственные действия в отношении людей, культурных ценностей и артефактов – материальных и духовных, нормативных основ общества и природы. Данный тип варварства, которым означаются незападные цивилизации порождён неолиберализмом. С одной стороны, «новое варварство» выполняет функцию «универсализации» автохтонной «цивилизованной» культуры, политического устройства, их доминирование над чуждым «варварским» окружением, с другой – оправдывает насилие в отношении «чужаков», культурных ценностей, норм поведения, маркируемых как «нецивилизованные», «варварские». Инструментами утверждения «нового варварства», чаще всего, являются скандалы, провокации, механизмы деструкции и разрушения, вплоть до организации терактов, гибридных войн, «цветных» революций. Особо можно отметить такой механизм легитимации «нового варварства», как эффекты «окна Овертона» (названы по имени американского социопсихолога Овертона). Их суть в том, что однажды чуть приоткрытое «окно» в сакральное в итоге распахивается настежь: ранее неприемлемые патологии, переходя поэтапно от абсолютно невозможного к радикальному, а от него к «нормальному», легитимируются и становятся нормативным правилом, обязательным

для подражания остальными. Разновидностью «нового варварства» также становится «цифровое варварство».

VIII. Угрозы гибридизации социо-цифро-природной реальности. В условиях перехода к 6-му технологическому укладу на авансцену выдвинулось «цифровое варварство», представленное теориями постгуманизма, акцентирующих внимание на наделении природы субъектностью и отказом от гуманистического антропоцентризма, а также концепциями трансгуманизма, проявляющимися в техноцентризме и культе прогресса, вплоть до цифровых и биотехнологических «улучшений» человека. Эти авангардные объяснительные модели абсолютизируют момент модернизации средств производства, которые, по мнению их сторонников, ведут к поэтапному «очеловечиванию», «интеллектуализации» техники: автоматы – роботы – киборги, функционирующие на основе принципов виртуальной реальности, программного мышления и искусственного интеллекта. В обозримой перспективе подобные процессы фактически приводят к радикальной перезагрузке биологической сущности человека и замене её цифровым аватаром.

IX. Артикулированные вызовы и угрозы становятся проводниками насаждения чуждых идеалов и ценностей, осуществляемыми без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, непродуманных реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности, приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Подобным вызовам и угрозам необходимо противопоставить продуманную систему защиты, посредством реализации национально-государственной культурной политики.

УДК 316.7

КУЛЬТУРНАЯ НОРМА И ЕЕ СОЦИЕТАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: КЕЙС ПИЩЕВЫХ ПРИВЫЧЕК РОССИЯН

Русакова М. М.

*доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии, и.о. Директора Центра прикладной социологии, Санкт-Петербургского государственного университета,
Кандидат социологических наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Ткач С.

*социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Жарикова А. В.

*социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Изучение рациона питания людей, их пищевых привычек и предпочтений является предметом исследования ряда естественных и социально-гуманитарных наук. Употребляя в пищу те или иные продукты, человек, с точки зрения медицины и естественной антропологии, насыщает организм необходимыми микроэлементами, удовлетворяя естественные физиологические потребности [1]; с точки зрения политической философии – проявляет свободу воли, основывая свой выбор на индивидуальных предпочтениях [2, с. 38-39]; с точки зрения экономики – принимает наиболее выгодное решение, исходя из имеющихся у него ресурсов [3]. В различии в потреблении тех или иных продуктов видят влияние господствующей идеологии, отражение проблемы социального неравенства, проблемы поддержания устойчивости общества и экологического баланса [4].

Исследователи отмечают четыре группы факторов, влияющих на привычки питания отдельных людей:

1. Индивидуальные особенности,
2. Состояние экономической системы,
3. Окружающая среда,
4. Социальное окружение индивида [5].

Последний пункт включает в себя людей, с которыми человек ежедневно взаимодействует, а также культурные нормы, ценности и практики, усвоенные в процессе социализации, что, в свою очередь, становится предметом социологических исследований.

Социальная составляющая вносит существенное разнообразие в практики питания: даже проживая в одной климатической зоне и имея равный доступ к характерным для этой местности продуктам, отдельные группы людей будут иметь отличные друг от друга рационы [6], в зависимости от их этнической принадлежности, религиозных взглядов, профессиональной деятельности, а также финансового положения. Продукты питания наделяются социальным значением и отражают более широкие социальные структуры, институты, идеологии. Потребление той или иной пищи приобретает демонстративный характер и становится одним из атрибутов носителей определенного социального статуса. Это видно как из классической работы Веблена Т. [7], так и в современных работах по социальной антропологии [8]. Историческое развитие социальной компоненты пищевых предпочтений также видится неоднозначным. На протяжении всего Средневековья в Европе сохранялось противопоставление «хлеба» и «мяса»: изначально – как символов греко-римской и варварской культуры, затем модели питания разных сословий, отношений господства и подчинения [9, с. 23]. Вегетарианский рацион был характерен для низших слоев населения, тогда как феодалы благодаря праву на охоту могли употреблять в пищу дичь. Так мясо становится символом знати и привилегий, а качество и способ подачи еды стали играть более важную роль, чем её количество [10].

Сменившая Средневековье эпоха Просвещения строилась на метанарративе человека-творца и природы-мастерской. Человек способен до неузнаваемости преобразовать природные ресурсы, создав свой собственный, непохожий ни на что иное, мир. Об этом явно пишет М. Барбери на примере высокой французской кухни [11]. Отсюда бульоны, соусы, жульены, желе и заливные во французской кухне представляют собой эмульсионную пасту, лишенную всяких намеков на ингредиенты, из которых она была сделана. Все эти блюда, как отмечает писательница, были далеки от стандартов здоровой пищи. Однако богатая аристократия оказалась вынужденной питаться именно так ввиду необходимости поддерживать собственный образ и демонстрировать собственный достаток. Связь между богатством и здоровым питанием возникает значительно позже, в период становления диетической культуры XX века [12]. «Здоровой» снова считается пища, которая подвержена минимально необходимому количеству термической обработки, что способствует сохранению полезных свойств того или иного продукта. Современные работы о связи диетического питания и культуры престижного потребления, большей частью, строятся на зарубежных эмпирических данных и результатах исследований [13]. Это оставляет открытым исследовательский вопрос – можем ли мы говорить, что в постсоветском пространстве мы наблюдаем такую же однозначную связь богатства и диетической культуры?

Методология. Теоретическая модель исследования базируется на логической схеме, разработанной Roetlisberger F. и Dickson W.: та или иная практика, а также усердие, с которой она совершается человеком, зависят от имплицитной нормы об этой практике [14]. Другими словами, мы, являясь частью определенной культуры, точно знаем, что и как в этой культуре принято делать. Roetlisberger F. и Dickson W. использовали свою теорию строго применительно к корпоративной культуре, однако, как это показано в работе Lareau A. и Weininger E., такую связь культуры и практики можно наблюдать не только в корпоративной сфере, но и во всем разнообразии человеческих отношений [15]. Ученые делают такой вывод, привлекая концепцию культурного капитала Бурдье П. Однако мы полагаем, что теоретическая конструкция останется устойчивой, если извлечь из нее культурный капитал Бурдье П. и оставить имплицитную норму Roetlisberger F. и Dickson W., привязанной, как и капитал Бурдье П., к уровню финансового благополучия. Отсюда мы можем строить гипотезы о связи практик и финансового благополучия в различных гранях человеческой жизни: просмотр фильмов, посещение музеев, прослушивание музыки и выбор рациона блюд. В настоящем исследовании мы постарались сконцентрироваться

на последнем пункте наших примеров – еде и практиках ее потребления. Реконструировав предпочтения людей разного богатства, мы сможем реконструировать их культуру и наполнить ее практическим содержанием. Для реализации этой задачи мы построили регрессионную модель наименьших квадратов, где зависимой переменной выступал ответ на вопрос об отнесении респондентом себя к определенной группе по десятибалльному уровню благополучия. В качестве независимых – ранговые шкалы частоты употребления тех или иных продуктов питания. Выборочная совокупность составила 1100 человек, репрезентативная по полу и возрасту для Санкт-Петербурга и Ленинградской области (среднее значение возраста – 47 лет, std – 15,6 лет, 45% мужчин и 55% женщин). Работа выполнена в рамках НИОКТР № 121062300141-5 «Комплексное исследование факторов и механизмов политической и социально-экономической устойчивости в условиях перехода к цифровому обществу».

Результаты исследований. Как мы видим из таблицы, наибольший вклад в субъективную оценку финансового благосостояния оказывает употребление фастфуда, макарон, рыбы, консервов и соленых снеков. Среди продуктов, которые, наоборот, указывают на низкий уровень такого благополучия, те, которые принято связывать со здоровым питанием: фрукты, ягоды, необработанное мясо. Также на низкий уровень финансового благополучия указывают пакетированные соки и газированные напитки.

Таблица. Регрессионная модель зависимости практик потребления еды и финансового благополучия, $R^2 = 0,870$

	coef	std err	t	p-value
Фастфуд	0.4396	0.068	6.512	0.000
Крупы, макаронные изделия	0.3585	0.080	4.480	0.000
Рыба и морепродукты	0.3335	0.067	4.969	0.000
Консервированные овощи и фрукты	0.2978	0.062	4.779	0.000
Соленые снеки	0.2871	0.064	4.482	0.000
Растительные масла	0.1976	0.081	2.432	0.015
Молоко, молочные продукты	0.1942	0.057	3.380	0.001
Хлеб и хлебобулочные изделия	0.1835	0.072	2.535	0.011
Фрукты, ягоды	-0.2565	0.073	-3.507	0.000
Необработанное мясо	-0.1456	0.067	-2.190	0.029
Сладкие газированные напитки, пакетированные соки	-0.1172	0.055	-2.114	0.035

Дискуссия. Полученные результаты кажутся контринтуитивными. Богатство не только предполагает доступ к более дорогим и качественным позициям, оно же предоставляет больше возможностей для неторопливого и вдумчивого выбора [16, 17]. Мы ожидаем от обеспеченных людей отказа от фастфуда и продуктов глубокой обработки в пользу свежих овощей, фруктов, ягод, необработанного мяса. Для некоторых позиций это утверждение справедливо: рыба и морепродукты действительно оказываются маркерами благосостояния. Однако остальные выводы требуют менее очевидных объяснений.

Одним из факторов становится фастфуд, который традиционно связывается с подростковой культурой и низкодоходными группами. Однако, в постсоветском пространстве его культурная коннотация связывается Seliverstova O. с образом воображаемого запада, описанным у А. Юрчака [18] – детерриториализованным пространством, в котором на время можно забыть о окружении и представить себя в сформированном массовой культурой образе западной страны. Yilamu W. и Yilamu W. пишут, что фастфуд оказывается одним из основных драйверов культурной трансформации постсоветской эстетики – наравне с английским языком [19]. Фастфуд не ассоциируется с быстрой, доступной едой, а с элементом новаторской модернизации, какими воспринимаются вывески на английском языке. Этот период совпадает с развитием представлений о потреблении финансово обеспеченных социальных групп в современной России – в период экономического роста конца 90-х годов XX века и первого десятилетия XXI века. В это время в России стремительно растет социальное неравенство и активно появляются дорогие для большей части населения «Макдональдс», «KFC» и др., а также торговые марки наиболее популярных сегодня снеков. Потребление фастфуда становится статусным символом обеспеченных граждан. Такая связь, созданная более тридцати лет назад, оказывается устойчивой и воспроизводимой сегодня, что показано, например, в работе Zasimova L. [20] Обнаруженные результаты задают направления дальнейших исследований: насколько другие элементы

имплицитной культурной нормы оказались устойчивыми к временным изменениям: вкусы в кино, музыке, театре, одежде, автомобилях и т.д.

Также важным будет указать ограничения исследования: в первую очередь они связаны со спецификой метода опроса, ограничивающего простор для интерпретации и валидации данных, а также география исследования – насколько устойчивыми будут результаты в других крупных городах, исключительно сельской местности и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Downer S. et al. Food is medicine: actions to integrate food and nutrition into healthcare //bmj. – 2020. – Т. 369.
2. Barnhill A., Bonotti M. Healthy eating policy and political philosophy: a public reason approach. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 256 p.
3. Lazaroiu G. et al. Trust management in organic agriculture: sustainable consumption behavior, environmentally conscious purchase intention, and healthy food choices //Frontiers in Public Health. – 2019. – Т. 7. – С. 340.
4. Fielding-Singh P., Oleschuk M. Unequal foodwork: Situating the sociology of feeding within diet and nutrition disparities //Sociology Compass. – 2023. – Т. 17. – №. 4. – С. e13067.
5. Marcone M. F., Madan P., Grodzinski B. An overview of the sociological and environmental factors influencing eating food behavior in Canada // Frontiers in nutrition. – 2020. – Т. 7. – С. 77.
6. Wicthell EC, Sheehka J. Socio-environmental Factors Influencing Food Behavior. Comprehensive Biotechnology. 2nd ed. Amsterdam : Elsevier, 2011. – p. 775–780.
7. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. – 384 с.
8. Michael N. I. Lokuruka Meat is the Meal and Status is by Meat: Recognition of Rank, Wealth, and Respect Through Meat in Turkana Culture // Food and Foodways. – 2006 – Т. 14. – №. 3-4. – с. 201-229 DOI: 10.1080/07409710600962001
9. Веселов Ю. Всемирная история еды. Введение в гастрономическую экономику. – М. : Litres, 2022. – 360 с.
10. Смирнова Е. Д. Пищевые приоритеты средневековой Европы //Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя ІП Шамякіна. – 2008. – №. 4 (21). – С. 37-42.
11. Барбери М. Элегантность ёжика. – Paris : Gallimard», 2006, – 359 с.
12. Wolf N. The Beauty Myth: How Images of Beauty are used Against Women. – New York : Perennial. 2002. – 104 p.
13. Stinson K. M. Women and Dieting Culture : Inside a Commercial Weight Loss Group / Kandi M. Stinson. New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 2001. – 254 p.
14. Roetlisberger F., Dickson W. Management and the worker. Boston: Harvard University Press, 1939. – 462 p.
15. Lareau A., Weininger E. Cultural capital in educational research: A critical assessment. // Theory and Society. – 2003. – №32. – p. 567-606
16. Bhargava, S., Loewenstein, G., Sydnor, J. Do individuals make sensible health insurance decisions? Evidence from a menu with dominated options. // National Bureau of Economic Research. – 2015. – art. w21160
17. Capuano A., Ramsay I. What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics (March 23, 2011). U of Melbourne Legal Studies Research Paper No. 540, – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=1793502> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1793502>. – Date of access: 18.08.2023
18. Seliverstova O. Keeping alive the «Imaginary West» in post-Soviet countries. // Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. – 2017. – №25(1). – p. 117-134 DOI: 10.1080/0965156X.2017.1345439
19. Yilamu W., Yilamu W. Neoliberal Capitalist Transitions in Post-Soviet Uzbekistan and Kazakhstan: A Cultural Perspective. // Neoliberalism and Post-Soviet Transition: Kazakhstan and Uzbekistan. – 2018. – p. 115-150.
20. Zasimova L., The association between fast-food consumption and job-related factors among Russian adults. // Economics & Human Biology. – Vol. 46. – 2022. – art. 101147

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИУМА

УДК 316.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ

Андрос И. А.

*ведущий научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси
доктор социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Сегодня становится популярным социологически измерять влияние культуры на социально-экономическое развитие при помощи математического моделирования. Например, наиболее известные измерения культуры: культурные ценности (индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность, позже была добавлена долгосрочная ориентация) Г. Хофстеда [1], культурные ценностные ориентации Ш. Шварца [2], теория постматериалистического сдвига в современном обществе (изменения культур стран во время экономического развития и при переходе от «материализма» к «постматериализму») Р. Инглхарта [3], культурный синдром (определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой) Г. Триандиса [4].

Социальные аксиомы как оценка иррациональных убеждений, специфичных для разных культур М. Бонда и К. Леунга [5], подробно представлены в монографии «Культура как фактор общественного прогресса» (2009) [6]. Кроме того, авторы книги предложили собственную концепцию социокультурных факторов, влияющих на экономическое развитие, которая объединила подходы Р. Инглхарта и Ш. Шварца.

Экономисты, изучающие влияние культуры на экономическое развитие, начали использовать новое понятие – социокультурная экономика, которую определяли как «область экономической науки, которая изучает формирование, динамику и структуру социокультурного и культурного капитала» [7, с. 8]. В рамках социокультурной экономики чисто экономические термины наделяются культурными свойствами. Например, Р. Солоу, лауреат Нобелевской премии 1987 г. «за фундаментальные исследования в области теории экономического роста», считает, что инвестиции и амортизация – «идеология как пример инвестиций в культурный капитал, затухание идеологии как пример амортизации культурного капитала», а измеримость – это «методика оценки социокультурных факторов» [7, с. 8].

Обратим внимание, что ученые, занимающиеся анализом влияния культуры на развитие экономики, не говорят о том, что социокультурные факторы *определяют* экономическое развитие. Они лишь *делают акцент* на силе влияния того или иного социокультурного фактора либо группы факторов на экономику. Изучение некоего экономического явления (реформы, преобразования, кризиса и т. п.) осуществляется с позиций социокультурного подхода тогда, когда данное явление невозможно объяснить иначе, как через изучение взаимодействия связи «культура – экономика». То есть возникает необходимость показать, как влияет социокультурный фактор: что именно и при каких условиях данный фактор изменяет в экономических явлениях. В результате знание и учет социокультурных особенностей населения позволяют, по мнению экономистов, менее травматично осуществлять реформы социально-экономического характера в социокультурном и социально-психологическом плане.

Например, интерес к морально-этическим принципам ведения предпринимательской деятельности был заложен уже в работе немецкого социолога и экономиста М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», благодаря которой к детерминантам экономического развития, кроме географических, ресурсных и т. п., стали относить социокультурные факторы. В конце 1980-х гг. (время возрождения предпринимательства) в Советском Союзе религиозная этика рассматривалась как один из факторов, способствующих рационализации различных сфер жизни.

Рационализация, в свою очередь, прямо или опосредованно была связана с развитием европейской культуры и капитализма. По аналогии с духом капитализма новой форме хозяйственных отношений в СССР необходим был новый «дух», который бы активизировал предпринимательскую деятельность. В поисках такого «духа» анализировалась совокупность самых разнообразных факторов духовного и экономического, правового и политического порядка. Мотивы и стимулы поведения первых отечественных предпринимателей, а точнее, кооператоров времен перестройки, оценивались, прежде всего, с духовных и социально-культурных оснований хозяйственной этики христианской религии. Как это понимать? Поскольку принятие системы ценностей и постулатов определенной религии влияет на формирование у индивида характерной психологической мотивировки жизненного поведения, то суть хозяйственной деятельности верующего рассматривается как одна из его возможностей реализовать духовные ценности в жизни. Поэтому нравственность верующего человека направляет его хозяйственные усилия в положительную или отрицательную сторону. Ориентация деятельности обусловлена свободой человека как возможностью проявления своей воли. Степень свободы, в том числе раскрепощенности, указывает на духовное содержание работающего субъекта. Выбор, сделанный человеком, определяет духовную основу его творческой направленности. Ориентиром служит Бог, понимаемый в случае хозяйствования как ориентир совести, справедливости и самоограничения. Следовательно, стремление к Богу изначально не может делать человека жадным и агрессивным, а хозяйствование не является ущемлением материальных интересов и разорением другого человека, безжалостным опустошением своего ближнего.

Спустя некоторое время проблемы развития предпринимательства в 1980-е гг. в СССР стали объясняться тем, что соответствующий капиталистическому рынку «дух» аскетического рационализма пытался закрепиться посредством борьбы с противниками, которые в целом являлись носителями докапиталистического «духа», в частности, псевдокапиталистического. Псевдокапиталистический «дух» представляет собой практически полное отсутствие способности и желания отказаться от привычных методов работы, заменив их на более прогрессивные формы организации труда. Однако в процессе возрождения предпринимательства в СССР форсировались некоторые моменты развития капитализма, что объяснялось стремлением создать новый «идеальный» тип хозяйствования. Сравнительный анализ этики хозяйствования в протестантизме и православии представлялся как поиск альтернативы двум социально-экономическим системам – капиталистической и социалистической. Качественная характеристика нового слоя предпринимателей-производителей зависела (и до сих пор зависит) от того, какое место в духовной системе трансформирующегося общества займет блок ориентаций, определяющий индивидуальную мотивацию хозяйствующих субъектов, но главное – какой по содержанию будет эта мотивация.

В трудах современных ученых проблема «религия и экономика» рассматривается очень широко, начиная с духовных начал и заканчивая научной деятельностью. На протяжении нескольких столетий социальные и культурные качества субъектов рыночного хозяйствования сформировали определенную экономическую культуру, которая максимально соответствует капиталистическим отношениям. В последние два десятилетия ее основными составляющими являются: экономический рационализм, инновационность, разные модели экономического поведения, субъектность (высокая роль человеческого фактора), ориентация экономических субъектов на институциональные ценности, культура партнерских трудовых отношений, основанная на доверии, высокая трудовая мораль, законопослушность, политическая нейтральность [8, с. 233–240]. Что касается личности предпринимателя, то, несмотря на отличия в определениях понятия «предприниматель» в различные исторические периоды (этот термин в своих работах обсуждали Р. Кантильон, Ж. Б. Сэй, Й. Шумпетер, В. Зомбарт и др.), тем не менее, они все включают такие общие черты как новаторство, творчество, ответственность за дело, решительность, умение пойти на риск.

На наш взгляд, сегодня при изучении влияния социокультурных факторов на развитие предпринимательства в Беларуси акцент необходимо сделать на просоциальной мотивации предпринимательской деятельности, т. е. на выполнении предпринимателями в первую очередь социальной роли в социально-экономическом развитии страны. Во-первых, такие социокультурные условия как воспитание, усвоение социальных норм, система социализации в

целом (мораль, поведение, законы и т. д.), религиозность, способность к эмпатии, личный опыт, инициативность, коллективный / индивидуальный тип организации общества существенно влияют на формирование просоциальной мотивации. Во-вторых, осмысление, понимание и учет определенных социокультурных факторов может оказывать положительное воздействие на формирование социальной среды, в которой персональные и коллективные (государствообразующие) ценности не противоречат, а комплиментарно сочетаются либо дополняют друг друга. В-третьих, в рамках социокультурной экономики просоциальную мотивацию предпринимателей предлагаем изучать как структурный компонент социокультурного капитала, который может быть преобразован в материальное благо посредством активации экономически активными социальными акторами своих социальных и культурных ресурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values / G. Hofstede. – Beverly Hills : Sage, 1980. – 474 p.
2. Schwartz, S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology / M. Zanna (ed.). – New York : Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.
3. Inglehart, R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies / R. Inglehart. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997. – 464 p.
4. Triandis, H. C. Culture and Social Behavior / H. C. Triandis. – New York : McGrawHill, Inc., 1994. – 320 p.
5. Culture-level Dimensions of Social Axioms and Their Societal Correlates Across 41 Cultures / M. H. Bond [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2004. – № 35. – P. 548–570.
6. Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408 с.
7. Аузан, А. Социокультурная экономика / А. Аузан // Наука и инновации. – Февр. 2017. – № 2 (168). – С. 4–10.
8. Рывкина, Р. В. Драма перемен / Р. В. Рывкина – М. : Дело, 2001. – 472 с.

УДК 316.42:007

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В XXI СТОЛЕТИИ

Бабосов Е. М.

*главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
академик, доктор философских наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

Социальное знание в своем формировании и развитии предстает как сложно структурированная, многоуровневая, динамично функционирующая система информации, имеющая социокультурную, обучающе-воспитательную, социо-гуманитарную значимость и обширную прикладную применимость. Она дает индивидам, социальным группам и общностям важнейшие ориентиры в понимании сущности окружающей реальности и самих себя. В ней воплощаются результирующий итог и перспективы развития мышления во всей качественной специфике его исторического становления и прогнозируемого движения к будущему, многообразной концептуализации когнитивных систем в конкретных социокультурных контекстах и сферах познавательной деятельности.

Важной формой такой деятельности является научное знание, выступающее как творческая и созидаящая сила общества. Технологии становятся материальным воплощением науки, а технологические возможности общества определяются степенью развития его научного потенциала. Поэтому возникают и распространяются научные понятия «общество знаний» и «общество, обладающее знаниями». В зависимости от предметной направленности исследовательской деятельности формируются в качестве самостоятельных дисциплинарных областей социология науки, наукометрия, эпистемология знания, социогуманитарное знание и др.

В первой четверти XXI столетия в развитии социального знания происходят два крупномасштабных революционных переворота. Один из них воплощается в Третьей промышленной революции, которая привела к познанию человечеством его взаимосвязанности и встроенности в биосферу, к формированию новой научной картины мира, «предпосылки и допущения которой более совместимы с сетевым образом мышления, лежащим в основе экономической модели третьей промышленной революции» [1, с. 222].

Использование потоков энергии, текущих через земную биосферу, – энергии солнца и ветра, энергии воды, энергии биомассы, геотермальной энергии, энергии волн и приливов – позволяет нам воссоединиться с ритмами и циклами планеты. Мы вновь встраиваемся в экосистемы биосферы и начинаем понимать, что наш индивидуальный экологический след оказывает влияние на благосостояние всех других людей и каждого существа на Земле.

Критически важной задачей в этих условиях является мобилизация государственного, рыночного и, главное, социального капитала человечества для обеспечения перехода к экономике третьей промышленной революции и постуглеродной эре. Переход такого масштаба должен сопровождаться формированием социобиосферного сознания. Только тогда у нас появится возможность спасти наше общее социобиосферное сообщество и сохранить планету для будущих поколений.

В более обширной социальной панораме проблемы и перспективы, с которыми сталкивается человечество в первой четверти XXI века, рассматривает в своих работах основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария) Клаусом Швабом. В одной из них, называемой «Четвертая промышленная революция», анализируются ошеломляющие технологические прорывы в чрезвычайно широком спектре научно-технологических областей, включая искусственный интеллект, роботизацию, беспилотные средства транспорта, биотехнологии, нанотехнологии и многое другое. В ней обращается внимание на основные черты и особенности Четвертой промышленной революции, имеющей творческое начало, ориентированное на человека. «Фундаментальный характер данной революции, – подчеркивает К. Шваб, – означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотрудничество, не имеющее научных, социальных, политических и промышленных границ» [1, с. 223]. В Четвертой промышленной революции коммуникации, обеспечиваемые цифровыми каналами связи и технологиями программного обеспечения, принципиально изменяют общество. Уникальность Четвертой промышленной революции, помимо темпов развития и широкого охвата включенных в нее отраслей научных знаний, заключается в растущей гармонизации и интеграции различных научных дисциплин и совершаемых в них открытий и нововведений. К примеру, в настоящее время цифровые технологии и производство все более активно взаимодействуют с миром биологических явлений и процессов. Создается и быстрыми темпами развивается синтетическая биология, ориентированная на новаторскую разработку систем взаимодействия между микроорганизмами, человеческими и другими биологическими организмами растительного и животного мира.

К. Шваб подчеркивает, что Четвертая промышленная революция в равной мере создает как колоссальные преимущества, так и колоссальные проблемы. К числу острых проблем и угроз, которые порождает Четвертая промышленная революция, кроме проблемы занятости, относится еще несколько, несущих с собой как массовые, так и личностные угрозы. По словам К. Шваба «кибернетическая война представляет собой одну из самых серьезных угроз нашего времени. Киберпространство становится таким же театром военных действий, как в прошлом были земля, моря и воздух, в то время как любой будущий конфликт между в достаточной степени технологически развитыми субъектами может происходить в физическом мире или отсутствовать там. Проявления такого конфликта в киберизмерении будет иметь место почти наверняка, хотя бы потому, что ни один современный противник не станет сопротивляться искушению подорвать функционирование, внести сбой или уничтожить системы своего врага, включая датчики, средства связи и мощности, обеспечивающие принятие решений. В результате этого не только снизится порог критериев наличия войны, но также станет менее выраженной грань между войной и миром, поскольку любые сети или подключенные устройства, от военных систем до гражданской инфраструктуры, такие как источники энергии, электрические сети, системы

управления здравоохранением, движением или водоснабжением, могут быть взломаны и подвергнуты нападению» [1, с. 224–225].

Чтобы осознать важность Четвертой промышленной революции и обеспечить достижение интересов всего общества, а не только его привилегированной части, необходим новый образ мышления и широкое понимание технологий, влияющих на отдельных людей, сообщества, организации и – правительство.

Можно выделить двенадцать групп новых технологий, в том числе искусственный интеллект, робототехнику, аддитивное производство (3D-печать), нейротехнологии, биотехнологии, виртуальную и дополненную реальность, передовые материалы и энергетические технологии. Квантовые вычисления предлагают невероятный прорыв в области моделирования и оптимизации сложных систем, позволяющий намного повысить эффективность в разных сферах от логистики до разработки новых лекарств. Надежные цифровые идентификаторы сделают новые рынки доступными для каждого, кто подключен к Интернету. Виртуальная и смешанная реальность предлагает новый канал восприятия окружающего мира, позволяя быстрее учиться и применять знания на практике – в любое время и в любом месте. Новые материалы могут резко повысить энергоемкость аккумуляторов, что расширит границы применения гражданских и военных дронов, откроет новые возможности электроснабжения уязвимых групп населения и ускорит всестороннюю модернизацию транспортных систем.

Нейротехнологии позволяют усовершенствовать существующие механизмы влияния на сознание и мыслительный процесс, а также понять многие процессы, происходящие в мозге. В числе прочего это подразумевает расшифровку наших мыслей с высокой степенью детализации за счет применения новых химических веществ и методов влияния на мозг для устранения ошибок и расширения его возможностей. Помимо этого, нейротехнологии помогают нам общаться и взаимодействовать с миром, а также значительно расширять возможности наших органов чувств.

Охарактеризованные особенности Третьей и Четвертой промышленной революции получают свои проявления и в Беларуси. К примеру, сейчас в мире набирает популярность концепция развития энергетики «зеленый квадрат» – это сочетание энергии солнца, ветра, воды и атома. В Беларуси представлены все эти виды генерации. Для их развития созданы благоприятные условия. А характерные тенденции Четвертой промышленной революции воплощаются в стремительном и крупномасштабном развитии в нашей республике био- и нанотехнологий, беспилотных видов транспорта, в трансплантации органов в медицинской практике не только в Минске, но и в других городах страны.

Современное сообщество народов, государств, регионов и цивилизаций (кто в большей, кто в меньшей степени) включено в противоречивый, многомерный и многосистемный поток социально-политических, экономических, социокультурных, семейно-бытовых турбуленций и противоборств. Эти необратимые трансформации втягивают в себя всю обширную и многогранную область социального знания: философию, социологию, культурологию, этнологию, политологию, психологию, религиоведение. В процессе и в итоге таких глубоких турбулентных преобразований прежний одномерный миропорядок с огромным нежеланием и ожесточенным сопротивлением покидает историческую арену и никогда на нее уже не возвращается, а на авансцену исторических трендов и преобразований не без трудностей и сложностей выходит новый многомерный миропорядок, неизбежность которого предопределена всем ходом исторического процесса первой четверти XXI века. Само наше время, наполненное социально-турбулентными преобразованиями, диктует необходимость существенной актуализации формирования и развития проблематики социального знания во всех его сегментах и направлениях.

Всегда будут актуальными и значимыми опросы общественного мнения, но наряду с относительно привычными вопросами, повторяющимися из года в год в мониторинговом режиме, в инструментарий необходимо включать вопросы об информатизации, сетевизации, цифровизации различных сфер нашего общества. Кроме того, следует иметь в виду, что социолог – это не просто человек, работающий с анкетами и занимающийся их обработкой, но, прежде всего, человек, глубоко изучающий социодинамику общества, способный уловить его существенные особенности, обобщить и осмыслить их, сформулировать варианты возможных перспектив его развития в будущем.

Высокую степень актуальности приобретает социологическое исследование процессов становления и развития гибридизации социально-цифровой и социально-природной реальности в рамках перехода к многополярному миру, разумеется, с учетом выбора белорусским народом своего собственного самобытного социально-политического, экономического и социокультурного развития в XXI веке.

Нуждается в переориентации фокус социальных исследований на человекомерность общественной жизни с выделением в качестве наиболее актуальных тематических проблем исследования системных изменений в социодинамике сознания, деятельности, формах опредмечивания в культуре личностного сознания индивида, его способности формировать свое жизненное пространство – мир смыслов, индивидуальных и групповых представлений, навыков, умений, и (что особенно важно) способов их интеграции в обобщенное когнитивно-аксиологическое, интеграционное и практологическое содержание деятельности конкретной субъектно-организованной целостности, будь это личность, группа, общество, организация, нация.

Серьезные вызовы социальному знанию выдвигает стремительный рост в современном мире, в том числе в России и Беларуси, крупных технологических компаний – платформ, представляющие собой новый способ интеграции технико-производственных предприятий и организаций, дающих возможности для взаимодействия пространственно распределенных агентов, будь это отдельные работники, группы, общности, организации и т. п. Весьма эффективная продуктивная деятельность таких платформ ставит перед социальным знанием, в частности, перед социологией, множество новых актуальных вопросов. Они таковы: как работают новые организационные формы и насколько они устойчивы и эффективны в своей деятельности? Какую роль в их деятельности выполняют новые сетевые связи? Что изменяется в них, в поведении человека и в социальных отношениях? Как в них трансформируются формы собственности и у кого концентрируется управленческая власть? Специфика платформ заключается в том, что они не создают корпоративных иерархий, вводимые ими правила осуществляются без обычной бюрократии, и вместо вертикальных или горизонтальных связей они выстраивают трехсторонние отношения (поставщик – платформа – клиент), замещая колаборативные (сетевые) связи более зависимыми (замкнутыми) связями. Здесь на место экспертного и менеджерского контроля приходят пользовательские оценки [2, с. 16]. Но главное, платформы осваивают новый источник – *алгоритмическое управление*, определяемое как мониторинг и модификация человеческого поведения на основе заданных компьютерных правил с детальным структурированием и автоматизацией бизнес-процессов [2, с. 16–17].

В Беларуси эффективно работает действующая в Минске технологическая платформа Парк высоких технологий (ПВТ). В ней в 2020–2021 гг. было 417 компаний, в 2022–2023 гг. прибавилось 130 новых. В сентябре 2023 года в ПВТ работают более 60 тыс. сотрудников, сосредоточено свыше 100 центров иностранных корпораций. По итогам 2022 года объем иностранных инвестиций составил свыше 400 млн. долларов, а экспорт превысил 2,7 млрд. долларов. В настоящее время эта организация вносит в бюджет отрасли 4 % ВВП. За 2022 г. объем производства составил 8 млрд. 280 млн. долларов налогов в бюджет заплачено 750,1 млн. рублей [3].

Обобщая все изложенное, отметим, что применение цифровых методов исследования в социологии выводит всю совокупность экономических процессов и сопряженных с ними сдвигов в производстве, науке, образовании, здравоохранении, культуре на более высокий уровень эффективности. Важная и существенная отличительная особенность цифровой экономики заключается в том, что она переводит свои ресурсы – производственные, финансовые и другие – в информационные сообщения и на базе этого развивает интеллектуально емкие трудовые процессы. Вследствие этого перемещения информационно-коммуникационные потоки в экономической сфере обретают квантовые скорости. Такая особенность резко ускоряет экономическое развитие, рост производительности труда и конкурентоспособности предприятий, социально-экономические трансформации, вызываемые развитием цифровизации экономики, позитивным образом сказывается на уровне и качестве жизни человека.

Беспредельные перспективы развития актуальных технологических новшеств открывает многообразное и труднообозримое соотношение микро- и макроуровней в развитии социального знания. На этом проблемном пространстве может возникнуть, кажущееся сейчас фантастическим, но в то же время достижимое, взаимодействие человеко-машинных компонентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов, Е. М. Наука и человекомерность окружающей реальности / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 299 с.
 2. Радаев, В. В. Экспансия платформ как вызов социологии / В. В. Радаев // Социс. – 2022. – № 12. – С. 16–17.
 3. Парк Высоких технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.park.by/http/facts/>. – Дата обращения: 19.09.2023.
- УДК 316.33:321

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

Барановский Н. А.

*главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

Преступность – социально-правовое явление, которое имеет социальную и уголовно-правовую природу и форму бытия. Сущность преступности проявляется в ее общественной опасности и антиобщественной направленности, причинении физического, морального и материального вреда, в препятствии устойчивому развитию общества. Преступность, несмотря на устойчивую тенденцию значительного снижения уровня зарегистрированных преступлений (в 2022 году 1,6 раза по сравнению с 2000 годом), все еще превышает показатель 1990 года (в 1,3 раза) и остается серьезной социально-правовой проблемой. По данным мониторинговых социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в последнее десятилетие, проблемы личной и общественной безопасности стабильно входят в десятку социальных проблем, которые в наибольшей степени волнуют население. При этом только третья часть опрошенных граждан оценивает деятельность государства в борьбе с преступностью как эффективную. Таким образом, сохраняющийся достаточно высокий уровень распространенности и многообразие форм преступного поведения, обеспокоенность граждан эффективностью борьбы с преступностью обуславливают социальную необходимость дальнейшего совершенствования государственной антикриминальной политики.

Результаты криминологических исследований свидетельствуют, что существование и динамика преступности в современном белорусском обществе обусловлены комплексом взаимодействующих экономических, социальных, культурных, правовых, психологических и других детерминант. Основными социальными причинами преступности в современном белорусском обществе являются: длительный период и социальные последствия системного кризиса; противоречивость и медлительность процесса социальной модернизации общества; эклектическое смешение социалистических и капиталистических начал в экономике, политике, социальной жизни и культуре; резкое снижение жизненного уровня и сохраняющееся невысокое качество жизни значительной части населения; высокий уровень социально-экономической дифференциации и материального неравенства; большая степень социальной несправедливости; значительная дезорганизация общества и дисфункциональность таких важных социальных институтов как государство, семья, система образования и воспитания, средства массовой информации; деформации в социальном и духовном развитии личности, социальных групп и общностей; противоречия и конфликты в системе межличностных, микро- и макросоциальных отношений и взаимодействий; высокий уровень распространенности преступности, пьянства, наркомании и другого асоциального поведения, а также наличие довольно многочисленных социально маргинальных групп населения, ведущих аморальный и противоправный образ жизни; невысокий уровень эффективности работы правоохранительных и других государственных органов по профилактике и противодействию преступности и другого асоциального поведения. В системе личностных причин преступности следует выделить: высокую степень распространенности асоциального образа жизни; неразвитость социальных и духовных потребностей; устойчивое присутствие в психологии и образе жизни значительной части населения жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, эгоистического, материально-потребительского, корыстного, конформистского, властно-пренебрежительного, агрессивно-насильственного и социально-безответственного характера. Сложное системное

взаимодействие перечисленных социальных и личностных причин порождает в современном белорусском обществе массовую социокультурную аномию (противоречивость и конфликтность нравственных, правовых и других социальных норм, их несоблюдение, пробельность и т. п.), а также высокую степень деструктивности и конфликтности в системе межличностных, групповых и социально-институциональных отношений как на индивидуально-личностном, так и социально-групповом и макро-социальном уровнях [1]. Антикриминальная политика – это регулируемая национальным законодательством совокупность субъектов, направлений, объектов, форм и мер осуществления комплексной предупредительной, уголовно-правовой и правоприменительной деятельности государственных органов, общественных объединений и граждан с целью обеспечения общественной безопасности, снижения уровня и позитивного изменения структуры и характера преступности, уменьшения негативных социальных и личностных последствий и страха перед преступностью, укрепления правопорядка в обществе. В теории и социальной практике антикриминальная политика должна быть в полной мере адекватной уровню, структуре и формам преступности, особенностям ее этиологии (происхождения и развития) и учитывать социальные ожидания населения, потребности и возможности общества.

Мировой исторический опыт показывает, что в системе государственной антикриминальной политики главным и приоритетным направлением является деятельность по предупреждению преступности. Она включает следующие основные направления:

- социальное предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности, направленная на устойчивое экономическое, политическое, социальное и культурное развитие личности, групп, институтов и общества, обеспечение материального благополучия граждан, создание экономических, политических, социальных и социокультурных условий и мотивации социально-позитивного, безопасного и правомерного образа жизни населения;
- криминологическое предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности, направленная на выявление и предотвращение преступлений, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, детерминирующих преступность, а также установление, учет и превентивный социально-правовой контроль преступников и других правонарушителей;
- виктимологическое предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности, направленная на выявление и предотвращение криминальной виктимизации граждан, выявление и устранение всех факторов, причин и условий, ее детерминирующих, а также защиту прав и интересов жертв преступлений, виктимологическое просвещение населения;
- правовое предупреждение – законотворческая, правоприменительная уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительская и административная деятельность субъектов предупреждения преступности, связанная с установлением и реализацией уголовной и административной ответственности и наказания за преступления и другие правонарушения, которая обеспечивает социальную реабилитацию правонарушителей, оказывает общее профилактическое воздействие на граждан, а также специальное профилактическое воздействие на лиц, привлеченных к уголовной и административной ответственности, обеспечивает возмещение вреда и способствует восстановлению социальной справедливости;
- социально-реинтеграционное предупреждение – деятельность субъектов предупреждения преступности, направленная на выявление, диагностику, социальную реабилитацию и интеграцию в общество правонарушителей и лиц из групп криминального риска.

По данным социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в феврале 2023 года, *в системе профилактических антикриминальных мероприятий*, по мнению населения, доминирующее значение имеет криминологическая и виктимологическая профилактика, в частности работа по выявлению причин и условий совершения преступлений, криминальной виктимизации и меры по их устранению (такое мнение высказало 44,5 % респондентов). На втором месте – меры социальной профилактики, направленные на создание благоприятных социальных условий для законопослушного поведения граждан (35,1 %). На третьем месте – меры, связанные с улучшением профессиональной подготовки и качеством работы сотрудников правоохранительных органов (30,4 %). На четвертом месте – меры по повышению эффективности системы социальной реабилитации и адаптации преступников, отбывших наказание (25,3 %). На пятом месте – меры по развитию правовой культуры населения

и общественному контролю работы милиции, прокуратуры и суда (20,4 %). На шестом месте – меры по привлечению граждан к охране общественного порядка (17,3 %).

Отмечая социальную значимость и приоритетность деятельности по предупреждению преступлений, население страны обращает внимание на необходимость дальнейшего совершенствования национального уголовного законодательства. По мнению населения, в области уголовного законодательства акцент должен быть сделан на обеспечение неотвратимости ответственности и наказания за преступления (57,9 %), защите прав и интересов жертв преступлений (37,8 %) и усилении уголовной ответственности за преступления (35,4 %). За смягчение уголовной ответственности за преступления высказывается только 5 % респондентов, а за отмену смертной казни 17,2 %. Это свидетельствует о доминировании в общественном мнении населения страны в области уголовно-правовой законодательной политики ориентации на неотвратимость и суровое наказание преступников. В системе антикриминальных мер население страны большое значение придает также *повышению качества и эффективности работы правоохранных и других государственных органов*. В частности, усилению ответственности работников правоохранных органов за злоупотребления своим служебным положением (46,5 %), обеспечению независимости следственных и судебных органов (34,4 %), повышению уровня доверия граждан к работникам правоохранных органов (33,0 %), улучшению координации деятельности правоохранных органов и общественных организаций (25,5 %), усилению общественного контроля деятельности правоохранных органов (21,2 %).

Таким образом, население страны в полной мере осознает актуальность, социальную востребованность и объективную необходимость формирования и реализации научно обоснованной и соответствующей отечественному и зарубежному опыту современной государственной антикриминальной политики, в которой системно интегрируются и комплексно осуществляются меры профилактического, законодательного уголовно-правового, организационно-управленческого и правоприменительного характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барановский, Н. А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский. – Минск : Наука и техника, 2011. – 272 с.

УДК 316.334.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Гаврилик О. Н.

*доцент кафедры политологии и социологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
кандидат социологических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь*

В широком смысле слова модернизация общества представляет собой прогрессивные изменения не только в экономической сфере, но и в социальной, политической, культурной. Модернизация зачастую ассоциируется с совершенствованием техники и технологий, но она сопровождается и расширением социальной мобильности, развитием системы социального обеспечения, здравоохранения, функционированием демократических институтов, обеспечением доступа для всех слоев населения к образованию, информации, современным средствам коммуникации, культурному наследию. В данной работе процесс модернизации общества рассматривается в дискурсе социокультурных изменений, в основе которых лежат духовные компоненты.

На протяжении последних десятилетий представления о модернизации претерпели существенные изменения. Появившиеся в 1950–1960-е гг. теории рассматривали данный процесс как догоняющее движение «слаборазвитых» стран по траектории развития Западной Европы и США, от периферии к центру. Они базировались на положениях о поступательности и необратимости прогрессивных изменений, однолинейном направлении развития глобального сообщества, экзогенном характере процесса модернизации, т. е. задуманном и управляемом извне [1, с. 527–528].

Со временем эти теории подверглись серьезной и обоснованной критике, в том числе под влиянием объективных обстоятельств – с одной стороны, негативных побочных эффектов модернизации, с другой стороны, примеров реализации национальных проектов модернизации, которые не были слепым копированием западных образцов. В научном социогуманитарном дискурсе доминирующие позиции стали занимать идеи о многолинейном развитии, наличии альтернатив исторического пути обществ, способности традиций не тормозить, а стимулировать модернизацию, об отсутствии необходимости ориентироваться исключительно на европейские государства [2, с. 178]. Подтверждением тому стали впечатляющие экономические успехи Китая, Сингапура, Японии, Южной Кореи и других государств, которые сумели сочетать инновационные достижения развитых стран со своими национальными традициями. Теперь речь не идет о едином движении от периферии к «ядру» (по терминологии И. Валлерстайна), более актуальным для современных государств становится поиск своего уникального пути, учитывающего историю, ценности, менталитет и интересы народа.

В связи с этим ученые обращаются к вопросам соответствия осуществляемых модернизационных перемен внутреннему устройству общества и его базовым духовным элементам. На первый план выходят исследования социокультурных императивов экономического развития общества. В своей теории модернизации Р. Инглхарт и К. Вельцель обосновывают взаимосвязь культурных ценностей, социально-экономического развития и процесса демократизации [3]. В сборнике статей «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу» представлены работы, раскрывающие влияние традиционных верований, убеждений, ценностей, социального капитала на процветание обществ [4].

Технологическая модернизация может основываться на локальных культурно-институциональных особенностях. Именно они в центре внимания современных исследователей. Комплексное изучение культурных факторов модернизации в России осуществлено учеными под руководством А. А. Аузана [5]. Детальный анализ неэкономических факторов общественного развития представлен в работах белорусского социолога А. С. Шавеля и его коллег [6]. Актуальность подобных исследований обусловлена стремительными переменами во всех подсистемах общества, осознанием того, что реформы должны быть созвучны ментальным характеристикам населения, их готовности к преобразованиям. Рассуждая о белорусской действительности, А. В. Савиных отмечает: «для успеха модернизации мы сначала должны обеспечить сдвиг в ценностях, далее – учесть в новой модели интересы социальных групп, а только потом приступать к изменению технологической среды и материальным трансформациям» [7].

Научные исследования и практика показывают, что успешность институциональных перемен в экономике в немалой степени зависит от ряда социокультурных факторов: существующего уровня доверия в обществе – между индивидами, группами, по отношению к организациям, институтам (то, что П. Штомпка назвал культурой доверия); системы образования, его доступности для всех социальных слоев; религиозных норм, особенно тех, которые регулируют хозяйственную деятельность индивидов; ценностных ориентаций. Также в этом ряду следует упомянуть социальные ожидания, представления, стереотипы, культурный и социальный капитал. Немаловажную роль в процессе развития бизнес-среды играют предпринимательские компетенции населения, особенно молодежи как носителя инновационного потенциала. Особое место занимает экономическая культура как механизм регуляции экономических отношений. Специфические особенности всех социокультурных компонентов определяют своеобразие фактического воплощения проекта модернизации общества в конкретной стране. Многовекторность преобразований является реальностью сегодняшнего дня и условием создания многополярного мира. Она базируется на множественности культур, национальных традиций и приоритетов, в центре которых государственный суверенитет, коллективная идентичность и благополучие народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
2. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
3. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.

4. Харрисон, Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре / Л. Харрисон // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Московская школа политических исследований, 2002. – С. 290–305.
5. Аузан, А. А. Культурные факторы модернизации: доклад / А. А. Аузан, А. Н. Архангельский, П. С. Лунгин, В. А. Найшуль. – Москва, Санкт-Петербург, 2011. – 221 с.
6. Неэкономические факторы устойчивого развития общества / С. А. Шавель [и др.]; под общ. ред. С. А. Шавеля ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Беларуская навука, 2020. – 362 с.
7. Савиных, А. Культура имеет значение! Для экономического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.belta.by/comments/view/kultura-imeet-znachenie-dlja-ekonomi cheskogo-razvitija-7639/](http://www.belta.by/comments/view/kultura-imeet-znachenie-dlja-ekonomi-cheskogo-razvitija-7639/). – Дата доступа: 13.07.2022.

УДК 101.1:316.72+101.1:316.422

МОРАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Екадумов А. И.

*доцент кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Минимизация разрушительных последствий насилия как социального феномена является актуальной социокультурной проблемой на протяжении всей человеческой истории [1]. В глобальном, технологически высокоразвитом обществе, охарактеризованном У. Беком как «общество риска» [2], ее актуальность возрастает в связи с растущим масштабом негативных последствий технико-экономического развития. Баланс естественных и техносциальных рискогенных факторов социодинамики смещается в сторону последних. Минимизация цивилизационных рисков, обусловленных разобщенностью социальных субъектов и эскалацией конфликтов, требует анализа предпосылок социальной консолидации в условиях глобализации мирового сообщества.

Проблемы солидарности в глобализированном обществе определяются его поликультурным характером, зафиксированным концепцией постмодерного состояния культуры [3]. Сосуществование в социокультурном пространстве разнообразных, зачастую несовместимых аксиологических представлений, в комплексе с сопутствующими им жизненными практиками, выступает значительным препятствием для моральной консолидации этнонациональных культурных общностей.

Отсутствие универсальных представлений о благе не позволяет разнородным культурным сообществам сплотиться на основании единой социокультурной стратегии, исключающей насилие как средство достижения частных целей и примиряющей локальные интересы с интересами глобального человечества.

Социально-политические проекты раннего модерна предлагали человечеству универсалистскую утопию. Солидарность выстраивалась вокруг позитивного требования будущего с лучшими условиями существования. Солидарность позднего модерна общества, согласно У. Беку, организуется вокруг негативных требований: не реализации желанного идеала, а избегания опасностей [2].

В качестве негативных оснований социальной консолидации У. Бек рассматривает физические угрозы здоровью и жизни, в основе сводимые к техногенным рискам, побочным экологическим последствиям роста индустриальной мощи. Однако совокупность рискогенных факторов социодинамики не сводится к физическим угрозам, как высоко вероятным и отсроченным последствиям разрушения природных экосистем. Комплекс рискогенных факторов представлен также антропокультурными процессами, не относящимися непосредственно к техноэкономической сфере. Угрозы выживанию культурных сообществ обостряются не просто вследствие технического прогресса, а в результате рассогласования возрастающих технических возможностей с действующими ценностно-нормативными регулятивами, неадекватными интенсивности генерирования рисков [4].

Культурное разнообразие является как ресурсом развития, так и рискогенным фактором социодинамики в силу сосуществования в детерриторизованном глобальном мире зачастую

несовместимых нормативно-ценностных представлений, социальных институтов, в разной степени влияющих на динамику техносociальных рисков. Тем не менее, рискогенный потенциал несовместимости представлений о благе и должном поведении, укорененных в локальных культурных сообществах, может быть определенным образом минимизирован.

Предлагая в качестве альтернативы политическому и социокультурному национализму космополитический реализм, У. Бек рассматривает его аксиологические основания. Скептически оценивая унификацию политических целей, У. Бек видит выход в негативной ценностной консолидации: «реалистический аспект в реалистическом универсализме легче всего уловить, если попытаться охарактеризовать его исходя не из его цели, а из того, чего он стремится всеми силами избежать, а именно – фашиствующего конформизма, систематического унижения человеческого достоинства, геноцида и преступлений против человечности... Испытанием космополитизма на подлинность и действенность является всеобщее сопротивление злу» [5, с. 105–106]. Избегание катастрофических сценариев социодинамики увязывается с негативизмом политических целей, что, в свою очередь, отсылает к проблеме моральных регулятивов политики.

Несовпадение этико-аксиологических представлений, провоцирующее, согласно С. Хантингтону, столкновение цивилизаций [6], может нивелироваться общностью представлений о морально недопустимом. Политическая консолидация на негативных этических основаниях представляется перспективной в контексте анализа идеальных этических систем В. А. Лефевра. Моральная общность возможна на основании как требований блага, так и запретов зла. Причем приверженцы морали запретов более склонны к поиску компромиссов и минимизации конфликтов, чем сторонники морали, предписывающей благо [7].

Таким образом, выявление в разнообразных культурах идентичных представлений о недопустимом зле выступает альтернативой попыткам сформулировать универсальные представления о благе как основании транскультурной консолидации и общности политических целей, предполагающих минимизацию рисков цивилизационного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгайт. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 480 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. / У. Бек. – М. : Прогресс Традиция. – 2000. – 384 с.
3. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
5. Бек, У. Космополитическое мировоззрение. / У. Бек. – М. : Журнал «Свободная мысль» Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
7. Лефевр, В. А. Алгебра совести / В. А. Лефевр. – М. : Когито-Центр, 2003. – 426 с.

УДК 316.344.2

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Кармызова Д. Д.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В основе Теории социальных ресурсов заложено положение, что ресурсы играют важную роль во взаимодействии между индивидами и социальной структурой. Теория позволяет предметно исследовать, каким образом люди получают доступ к ресурсам и используют их для реализации или продвижения собственных интересов в социальной структуре, которая состоит из социальных позиций и статусов, иерархически связанных и организованных с точки зрения ценности ресурсов [1]. Одно из положений Теории социальных ресурсов строится на том, что человек, получая доступ к ресурсам, использует их для реализации своих инструментальных и/или эмоциональных целей (потребностей).

Уточним понятие ресурсов – это блага, материальные и символические, к которым можно получить доступ и которые можно использовать в социальных взаимодействиях [1, 2]. Ресурсы можно разделить на две категории: личные ресурсы и социальные ресурсы. Личные ресурсы – это ресурсы, которые находятся во владении и распоряжении индивида (включают приписываемые и достигаемые характеристики, как пол, раса, возраст, образование, профессия и доход, а также семейные ресурсы (социальный, культурный, экономический и пр. капитал). Социальные ресурсы – это ресурсы, встроенные в социальную сеть и связи индивида. Это ресурсы, которыми владеют другие люди, с которыми человек имеет или может иметь прямую или косвенную связь. Социальные ресурсы также определяются как любой конкретный или символический предмет, который может быть использован в качестве объекта обмена между людьми [2].

Ресурсы (личные и социальные, материальные и нематериальные) представляли интерес для исследователей многих научных областей: социологии, экономики, философии (например, К. Маркса, Т. Веблена, Г. Зиммеля, М. Вебера), антропологии (например, Дж. Фрейзера, Б. Малиновского, М. Мид, К. Леви-Стросса) и социальной психологии (А. Маслоу, Э. Хэтфилд). К примеру, в «Философии денег» Г. Зиммель трактует деньги, как инструмент рационализации жизни общества и фактор, детерминирующий его культуру. Т. Веблен в «Теории праздного класса» писал о демонстративном потреблении и материальных благах как символах статуса. М. Вебер описывал три типа социальных «ресурсов», которые составляют основу для социальной стратификации: класс, статус, партия. Принадлежность к «классу» влияет на возможность получить деньги и богатство; статус, престиж или уважение – это ресурс, приобретаемый на основе финансового успеха или власти; членство в партии дает власть и привилегии. В контексте социологических и экономических теорий социальная стратификация зачастую концептуализируется с позиции владения или не владения ресурсами, как фактора (причины), сопутствующего возникновению и поддержанию иерархий власти и престижа (что отсылает нас к гипотезе силы позиции и гипотезе силы связей, которые определяют вероятность доступа к лучшим социальным ресурсам) [3].

Сегодня информация и навыки владения технологиями, которые позволяют её сохранять, обрабатывать, удалять, анализировать, накапливать и проч. во всех ее формах – критически важный ресурс. С наступлением цифровой эпохи те, кто имеют доступ к точной и актуальной информации, часто имеют конкурентное преимущество. Передовые технологии и актуальная информация – одна из составляющих успеха в принятии обоснованных решений, определении возможностей и снижении рисков.

Взаимодействие между личными, социальными ресурсами и технологиями образует сложную сеть отношений, которая влияет на перспективы людей в рамках социальной структуры, их профессиональной и карьерной мобильности, статусных амбиций и проч. Если исходное положение человека (агента, в терминах Э. Бурдьё) в социальной структуре отчасти определяют его возможности получить доступ к лучшим социальным ресурсам, встроенным в социальную структуру, то технологии (владение ими и/или успешное освоение) и информация могут выступать в качестве дополнительной (альтернативной) возможности оставаться в курсе событий, приобретать новые навыки и получать доступ к знаниям, которые могут улучшить их личную и профессиональную жизнь.

В заключение отметим, что на практике каждое взаимодействие с технологиями контекстуально и темпорально обусловлено, поскольку технологии никогда не бывают полностью «завершенными». Вместе с тем, технологии изменяются (модифицируются, улучшаются, уничтожаются и проч.) и реализуются людьми (агентами), которые сами находятся под влиянием культуры, политики, условий окружающей среды, технологий, профессиональной конкуренции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Handbook of Social Resource Theory. Theoretical Extensions, Empirical Insights, and Social Applications / Kjell Törnblom [et al.]; editors: K. Törnblom, A. Kazemi. – NY : Springer New York, 2012. – 470 p.
2. Foa, E.B., Foa, U.G. Resource Theory / F.B. Foa, U.G. Foa // Social Exchange. Advances in Theory and Research / K. J. Gergen, M. S. Greenberg, R. H. Willis. – Boston, 2012. – ch. 2. – P. 17–32.
3. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – № 4. – Т. 10. – С. 31–50.

КОЛЛЕКТИВНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В ДИСКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Максимук Е. Г.

специалист по менеджменту

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

г. Гродно, Беларусь

Историческая память как процесс реконструкции воспоминаний о событиях прошлого в общественном восприятии выступает междисциплинарной категорией научного знания. С одной стороны, память в целом исследуется представителями психологических, исторических, политических и других социогуманитарных наук. С другой стороны – сама по себе память может приобретать различные формы, обретая при этом собственный тип. К современной типологии реконструкции воспоминаний о событиях прошлого, на наш взгляд, необходимо отнести такие категории как коллективная, историческая, социальная и культурная память. В контексте представленной типологии представляется актуальным рассмотреть генезис научно-теоретических концепций памяти в дискурсе социологической теории.

Французский социолог М. Хальбвакс рассматривает *коллективную память* как процесс, функционирующий в социальных рамках памяти. Исследователь отмечает: «... существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [1, с. 29]. Социальными рамками памяти выступают ориентиры, окружающие индивида, включенного в социальную группу.

С целью определения, что представляет собой коллективная память, можно отметить два ее отличия от исторической памяти. Первым отличием является перманентный мыслительный процесс. В пределах одной социальной группы невозможно определить смену одного времени другим, то есть отсутствуют четкие «разделительные черты». В отношении истории имеется ряд фактов, которые способствуют пониманию того, когда заканчивается одна эпоха (период) и начинается следующая [2].

Вторым отличием выступает тот факт, что история едина, в то время как количество социальных групп определяет число коллективных памятей. Несмотря на наличие частных историй (история группы, история города, история страны), они, соединяясь друг с другом, в итоге образуют мировую историю. Коллективная память призвана сохранить воспоминания о жизни социальной группы в целом. Историческая память ориентируется на произошедшие отличия как фактор, способствующий изменению общества [2]. Другими словами, участники социальной группы сосредоточены на себе, своих традициях и ценностях, в то время как историки стремятся отметить факты, фокусируясь на истории как на действительности, отделенной от субъективных взглядов. Коллективная память характеризуется эмоциональной вовлеченностью индивидов.

Под *исторической памятью* понимается «ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история» [2, с. 41]. Данный вид памяти содержит фактологическую информацию о произошедшем. Историческая память характеризуется установленным и принятым в обществе пониманием о прошлом страны, траекторией развития ее деятельности, которые выражены официальными представлениями [3, с. 10]. Историческая память формирует коллективную идентичность и «структуру коллективного сознания, детерминируя социальную память» [4, с. 56].

Российский историк Л. П. Репина рассматривает историческую память как структуру «или непрерывный процесс, в котором идентичность социума поддерживается посредством реконструкции воображаемого прошлого (путем нейтрализации противоречивых и даже конфликтующих версий этого прошлого) ...» [5, с. 11]. Исследователь отмечает, что исторический опыт преобразуется в случае, когда границы реальности не согласуются с принятыми представлениями и возникает необходимость в изменениях памяти [5, с. 11].

Историческая память общества определяется посредством социальных институтов, коммуникаций и информации, организующих социум. Необходимыми составляющими в формировании данного вида памяти являются источники (фиксируют информацию) и механизмы

передачи (транслируют информацию) [6, с. 246]. Развитие общества оказывает воздействие на формы сохранения и передачи информации, а также на ее восприятие.

Французский философ Дж. Э. Бараш отмечает, что коллективная память представляет собой слова и символы, характерные для конкретного общества в данный период времени [7, с. 30–32]. По прошествии времени слова и символы трансформируются, а в отдельных случаях приобретают иное содержание. Настоящее определяет понимание произошедших событий.

Согласно американскому социологу Дж. Олику, коллективная память характеризуется рядом особенностей: во-первых, несведение всех видов социального взаимодействия к психологическим процессам; во-вторых, независимость символов и их взаимодействия от интересов, способностей и действий индивидов; в-третьих, «технологии памяти», представленные различными способами сохранения в различные времена [8, с. 34–37].

Российский философ Н. С. Корнющенко-Ермолаева представила коллективную память в качестве многоуровневой структуры. Уровень «живая коммуникативная память» представлен передачей воспоминаний через поколения и содержание, которой формируется исходя из потребностей настоящего. Уровень «функционального / символического характера» реализуется практиками, поддерживающими память. Последний уровень «накопительной памяти» выражен сохранением памяти в материальных средствах (книги, архивы, образование и др.) [9, с. 36–37]. Коллективная память представляет собой коммуникацию между индивидами, деятельность с целью поддержания воспоминаний как актуальных, а также сохранение памяти с помощью различных возможностей.

Французский историк П. Нора понимает историю и память как элементы дополняющие друг друга. «Места памяти» являются выражением поддержки воспоминаний, способом их сохранения. Празднование памятных дат, шествия в честь значимых событий, минуты молчания и др. формы практик направлены на сохранение памяти [10]. Исторические символы выступают основой для укрепления памяти и актуализации коллективной памяти.

Израильский историк Г. Бейнер приходит к выводу о том, что как таковой коллективной памяти нет, скорее есть социальные практики. Другими словами, существует социальная память, выступающая «полем битвы за власть», в котором сложно достигнуть единообразия, вследствие чего для обозначения такого феномена используется понятие «коллективный». Сложность и изменчивость динамики социальной памяти приводят к использованию понятия «коллективная память» [11]. Согласно Г. Бейнеру, допущение такой грубости в отношении неверного использования понятий приводит к проблемам междисциплинарного исследования памяти. Вместе с тем, неопределенные и противоречивые взгляды в применении понятия ограничивают либо приводят к формально-логическим искажениям.

Российский философ О. Т. Лойко определяет *социальную* память как «всеобщее свойство социума (общества, группы, человека), способное в своем бытии постоянно трансмутировать от степени абсолютной реальности (прошлого) к степени абсолютной нереальности (будущему) через обязательное обращение к основным формам своего бытия (артефакт, текст и др.) с целью постоянного расширения вместимости социума» [12, с. 51]. Социальная память выступает выражением коллективной памяти, которая содержит ряд действий, направленных на воспроизведение воспоминаний о прошлом в настоящем времени.

Социальная память представляет собой «социально созданное, трансформированное, в какой-то степени консолидированное и общепринятое знание, относящееся к прошлому определенного сообщества» [13, с. 99]. В данном случае понятие социальной памяти используется как выражение, синоним коллективной памяти. Социальная память формируется в результате совместно пережитых событий и передается следующим поколениям; связана с взаимодействием участников сообщества; ориентирует деятельность и действия социальных групп.

Немецкий египтолог Я. Ассман представил две формы коллективной памяти: коммуникативную и культурную. *Коммуникативная память* включает индивидуальные воспоминания, опирающиеся на опыт, и коммуникацию между индивидами. Данная форма имеет временную структуру 80-100 лет, 3-4 поколения, и трансформируется в ходе их смены. Носителями коммуникативной памяти выступают современники, принадлежащие конкретной общности. *Культурная память* характеризуется событиями в «абсолютном прошлом», согласно Я. Ассману. Она организована и представлена символами, образами, праздниками и др. Культурная память охватывает все прошлое, насколько это возможно. Специалисты, эксперты

являются носителями данной формы памяти [14, с. 58–59]. Содержание культурной памяти формируется согласно требованиям социальной группы. Особое внимание уделяется символам, выражающим прошедшие события.

Культурная память характеризуется постоянным приумножением значимой информации для общности, объединением участников группы, их самоидентификацией, усвоением ценностей и поведения общности и поддержка ее устойчивого функционирования. Культурная память представляет собой «тип надындивидуальной памяти, аккумулирующей в себе коллективные, ценностно значимые воспоминания, намеренно сохраняемые и транслируемые в мифо-символических формах» [15, с. 13].

Таким образом, понятия «историческая память», «коллективная память», «социальная память» и «культурная память» получили развитие в философском, историческом, социологическом и культурологическом дискурсах. Каждое из них как феномен является самостоятельным видом памяти со своими особенностями. Специфика коллективной памяти выражена обеспечением ее поддержки посредством практик, направленных на сохранение и трансляцию воспоминаний эмоционально неравнодушных к произошедшему индивидов в рамках социальной группы либо общности, исходя из потребностей настоящего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 784 с.
3. Тульчинский, Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский // Социально-политические науки. – 2016. – № 4. – С. 10–13.
4. Касьянов, В. В. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия / В. В. Касьянов, С. А. Чупрыников // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2020. – № 4 (269). – С. 54–61.
5. Репина, Л. П. Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 9–15.
6. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.
7. Бараш, Дж. Э. Анализ понятий памяти и истории в контексте идеи времени: интерпретация концепции коллективной памяти в полемике с теорией Райнхарта Козеллека / Дж. Э. Бараш // Философские науки. – 2020. – Т. 63. – № 9. – С. 18–34.
8. Олик, Дж. К. Коллективная память: две культуры / Дж. К. Олик // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4 (17). – С. 22–49.
9. Корнющенко-Ермолаева, Н. С. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре / Н. С. Корнющенко-Ермолаева // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3 (38). – С. 32–51.
10. Нора, П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет). – Режим доступа: <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/upload/6ec/nora1-arph7asf0ow.pdf>. – Дата доступа: 24.09.2023.
11. Beiner, G. Troubles with Remembering; or, The Seven Sins of Memory Studies [Электронный ресурс] / G. Bainer // Dublin Review of Books. – Режим доступа: <https://drb.ie/articles/troubles-with-remembering-or-the-seven-sins-of-memory-studies/>. – Дата доступа: 24.09.2023.
12. Лойко, О. Т. Философский анализ памяти: постановка проблемы / О. Т. Лойко // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2001. – № 2 (39). – С. 47–51.
13. Верещагина, А. В. К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма / А. В. Верещагина, В. Н. Нечипуренко, С. И. Самыгин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 1/2. – С. 97–107.
14. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. Пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
15. Ярычев, Н. У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации / Н. У. Ярычев // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 11–20.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО СТИЛЯ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИЗУЧЕНИЯ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Манвелян Д. М.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Обращаясь к труду С. Майлза «Youth lifestyles in a changing world», аккумулирующему теоретические основания изучения жизненного стиля как самостоятельной и самодостаточной социологической концепции постсубкультурности, могут быть представлены следующие интерпретации категории «жизненный стиль» в рамках социологического изучения идентичности социальных групп. Поскольку перевод с английского языка категории «lifestyle» в русском языке имеет два значения: жизненный стиль и образ жизни, в последующем анализе эти два значения будут использоваться как синонимичные.

К. Маркс описывал «образ жизни» как объективную позицию индивида в процессе производства, формирующую систему ценностей и социальных отношений и определяющую социальный жизненный опыт индивида. На этом основании следует вывод, что социологическое изучение образа жизни определенной социальной группы позволяет выявить как социальные ценности, так и предпосылки закрепления их значимости в социальном опыте индивида. Обращаясь к М. Веберу, С. Майлз отмечает привязку образа жизни индивида к его социальному положению, статусу и классу: «решающая роль образа жизни в статусе «чести» означает, что статусные группы являются носителями «конвенций». В какой бы форме она ни проявлялась, любая «стилизация» жизни либо зарождается в статусных группах, либо, по крайней мере, «консервируется» ими» [1, с. 26].

Согласно классовой теории стратификации общества, статусные группы, или классы, стратифицируются согласно закреплённым и воспроизводимым принципам и механизмам потребления продуктов производственной сферы, которые, в свою очередь, формируют определенный репрезентирующий образ конкретного класса в глазах общества [1, с. 27]. Но, как указывает автор, в анализе М. Вебера жизненный стиль является слишком вторичным по отношению к социальному статусу и конструирующей социальную реальность роли не несет, т. е. просто демонстрирует уже сформированные социальные детерминанты и их влияние на структуру общества.

Значительный вклад в понимание и определение места образа жизни в социальных практиках общества был привнесён работами П. Бурдьё, в частности, его трудом «Различение. Социальная критика суждения». Ключевой же категорией П. Бурдьё для понимания образа жизни выступает «габитус». П. Бурдьё определяет габитус как совокупность характерных для групп рамок социального познания и интерпретации социальной реальности. В другом социальном разрезе, габитус – это отражение накопленного социального опыта взаимодействия индивида с культурным полем группы, к которой он принадлежит, каждодневные привычные практики и убеждения, принятые в определенной социальной среде и детерминированные культурным капиталом и культурным полем. Габитус предрасполагает представителей определенной социальной группы думать, воспринимать социальную реальность, выстраивать социальные отношения, действовать определенным закреплённым образом [2]. Исходя из понимания концепции габитуса, образ жизни выступает и продуктом габитуса, и механизмом структурирования личного социального опыта индивида, социальной общности.

Важно отметить, что, учитывая тотальную детерминацию габитуса социальной средой, которая опосредована, в первую очередь, социальным статусом группы, П. Бурдьё указывает на то, что индивиды не могут действовать автономно, являясь «зеркалами» группы, не являясь самодостаточными агентами социального действия. Этим социальным действием выступают в первую очередь способы и паттерны потребления. Воспроизводя коллективные паттерны потребительских предпочтений, индивиды подчеркивают свою идентичность и включенность в социальную группу.

Таким образом, во-первых, образ жизни неразрывно связан с репрезентацией групповой идентичности; во-вторых, образ жизни закрепляет групповую самобытность в социальной

реальности общества; в-третьих, образ жизни имеет в своей сути не индивидуальный характер, а выстраивается в системе сложных механизмов коммуникации и интеграции индивида и социума, в которой хоть и уделяется внимание субъектной способности индивида конструировать собственную социальную реальность, однако во многом сводится к воспроизводству.

Ф. Мигель и Т. Джоханссон, в своей работе «Lifestyle and Identity in Contemporary Youth Culture» (1992) продолжили рассмотрение взаимосвязи групповой идентичности и образа жизни. Они соглашались с тезисом о том, что социальный класс оказывает значительное влияние на образ жизни группы, его представляющей, однако ключевую роль оставляют за идентичностью субъекта. Идентичность в их представлении триединая и отражается в таких компонентах, как личная, социальная и культурная идентичности. Культурная идентичность при этом является смыслообразующей в конструировании образа жизни человека, и в этом контексте представляет собой социальный опыт культурного потребления. Также исследователи обращают внимание, что создателями образа жизни человека выступают не сами социальные конструкты, а, в первую очередь, личностная субъективная интерпретация, система диспозиций и отношений индивида к ним, повышая значение субъектности индивида [3].

Представление категории идентичности через разделение ее на взаимосвязанные, но все же в достаточной степени структурно независимые компоненты, позволяет увидеть новые, постсубкультурные, проявления социальности индивида. Во-первых, тезис о том, что культурная идентичность является определяющей в образе индивида, позволяет нам говорить о возможности существования важных для саморепрезентации, накопления социального опыта и идентификации индивида групповых идентичностей, не происходящих от его «социального мира»: классовой принадлежности, социального статуса, гендерной идентичности, этнической группы, направленности сексуальности, а значит не субкультурных по своей природе, постулирующих главенство символического протеста классовым устоям. Во-вторых, мы можем говорить о том, что изменение собственной культурной идентичности не обязательно затрагивает личную и социальную идентичность индивида и может оставаться только в культурном поле его вкусов и потребительских предпочтений.

Возвращаясь к образу жизни как теоретической рамке для определения постсубкультурных сообществ, следует уделить внимание следующим ключевым моментам, выделенным ее исследователями. Образ жизни – это социальное использование символических объектов культурного потребления для репрезентации собственной идентичности. С учетом существующего многообразия и многовекторности культурного пласта общества, мы можем утверждать, что образ жизни каждого человека уникален, хоть и может выступать предметом категоризации социальных групп, учитывая стремление индивида к социальности и ориентированность на общее, коллективное. Таким образом, образ жизни определяется не только социальными характеристиками индивида и его культурным предпочтениями, но и совокупностью его социальных отношений с обществом и его структурными элементами.

Образ жизни изменчив в зависимости от новообретенного социального опыта индивида. Конструирование личного образа жизни – это динамичный процесс, сопровождающий всю жизнь человека. Констатируя изменчивость в противовес незыблемости, мы можем говорить о возможности трансформации общества – переходу к обществу без фиксированных групп статуса, по крайней мере, в культурном контексте.

Образ жизни – это не отражение совокупности культурных продуктов потребления, а наделение этих продуктов индивидами личной эмоциональной значимостью, символизмом и, в некоторой степени, ритуальностью, а также разделение этих символических смыслов в своей повседневной коммуникации с другими. Отмечая особенности конструирования жизненных стилей молодежи, автор отмечает, что образ жизни может быть описан как «функциональные ответы на современность», поиск возможности преодоления кризиса идентичности, поиск своего места в социуме, преодоление внутренней установки на поиск своей идентичности в единственном, устойчивом и максимально долговременном варианте [4, с. 120–130].

Обращаясь к русскоязычным авторам, исследовавшим проблематику идентичности в рамках категории жизненного стиля, стоит рассмотреть концепцию жизненно-стилевых стратегий молодежной повседневности, разработанной такими исследователями как Е. Омельченко, Н. Гончарова, Н. Нартов и другими. В рамках концепции жизненно-стилевых стратегий молодежной повседневности происходит акцентуализация на повседневных проявлениях

групповой активности, механизмах формирования солидарностей, их культурных практиках, ярлыках. Стилевая, или культурная, стратегия – это последовательный целенаправленный процесс организации индивидом или группой индивидов собственной культурной жизни посредством принятия рефлексивных решений о способе выражения собственной идентичности, системы ценностей, нормативной ориентации, культурных практик. Стилевая стратегия выступает важным социальным ресурсом молодежи, так как является ценностным «посредником» в преодолении социальных барьеров, идентификационной фрустрации и социального беспокойства.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что концепция жизненного стиля достаточно далеко отошла от общепринятой формы в пользу содержания групповой идентичности. Во многом, это является слабостью данного постсубкультурного подхода, так как не позволяет выявлять «точки» исследовательского интереса – социальное воплощение постсубкультурных сообществ. Однако концепция жизненного стиля обладает достаточно высоким эвристическим потенциалом эмпирического изучения постсубкультуры в совокупности с другими подходами. Сохраняя логику рассмотрения идентичности посредством жизненного стиля (образа жизни), в прикладных исследованиях можно добиться получения достоверной эмпирической информации о мотивах, установках и ориентации молодежи в закреплении, потреблении и использовании культурных продуктов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Weber, M. Class, Status and Party / M. Weber in R. Bendix, S. M. Lipset (Eds.) // Class, Status, and Power. – New York: The Free Press, 1966. – P. 21–28.
2. Бурдьё, П. Практический смысл / пер. с фр. : А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001 г. – 562 с.
3. Johansson, Th. Do the Right Thing: Lifestyle and Identity in Contemporary Youth Culture / Th. Johansson, Fr. Miegel. – UK : Almquist & Wiksell, 1992. – 324 p.
4. Miles, S. Youth Lifestyles in a Changing World / S. Miles. – Philadelphia: Open University Press, 2000. – 188 p.

УДК 316.42 (476)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Мартищенко Е. В.

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Эффективность реализации социальной политики в государстве напрямую влияет на уровень его экономического развития. Когда человек понимает, что государство о нем заботится, и чувствует себя защищенным в любых жизненных ситуациях, тогда он работает более продуктивно и с большей отдачей. Социальная политика государства регулирует социальную сферу и поддерживает целостность, стабильность и равновесие всей социальной системы, предотвращает накопление социального недовольства путем рационального согласования интересов различных социальных групп, обеспечивает социальной защитой каждого члена общества [1, с. 45].

В свою очередь, эффективность реализуемой социальной политики также требует оценки общества, причем при проведении оценки необходимо опираться не только на объективные показатели, основанные на статистических данных о реализации социальных стандартов, но и сочетать объективную информацию с данными, получаемыми при изучении общественного мнения. Например, тезис о том, что именно социологическая наука способствует проведению адекватной социальной политики, основанной на мнениях и ожиданиях граждан, их ценностях и представлениях о справедливости, красной нитью проходит во многих трудах доктора социологических наук, профессора С. А. Шавеля [1; 2; 3]. Белорусский социолог неоднократно акцентировал внимание на том, что общественное мнение выполняет в системе управления социальными процессами достаточно значимую функцию – функцию обратной связи. При этом положительная обратная связь означает принятие населением управленческих решений, а отрицательная обратная связь, позволяет отслеживать ход и своевременно корректировать процессы реализации социальной политики по конкретным направлениям и регионам, с учетом

оценок разных демографических категорий (молодежь, женщины, пенсионеры) и социальных групп. Благодаря этому можно избежать роста социальной напряженности во взаимоотношениях населения с местными и центральными органами власти и управления по самым сложным социальным вопросам [4, с. 81].

В рамках выполнения НИР «Социальная политика в Республике Беларусь как фактор обеспечения гуманитарной безопасности в современных условиях» авторским коллективом отдела социальной теории и методологии Института разработана методика социологического измерения уровня эффективности реализуемой государством современной социальной политики на основе оценок населением состояния и качества работы центральных и местных органов государственной власти и управления в различных сферах жизнедеятельности (труд и занятость; здравоохранение; образование; жилищно-коммунальное хозяйство; культура и досуг; пенсионное обеспечение; социальная защита малоимущих, многодетных, инвалидов, детей и молодежи; обеспечение общественной безопасности и правопорядка). С использованием данной методики в феврале 2023 года проведен социологический опрос взрослого населения Беларуси ($N=1849$, доверительный интервал $\pm 2,28\%$), который позволил выявить оценки населения эффективности реализуемой социальной политики.

В процессе научного анализа эмпирических данных, используя принцип весовых коэффициентов в нормировании шкалы [5, с. 171], рассчитаны комплексные показатели эффективности реализации социальной политики по оценкам населения – среднее арифметическое значений частных индексов проявленности положительного вектора оценок населения (ППВ_{ОН}) по каждому вопросу-индикатору (см. рисунок).

Респондентам предлагалось оценить эффективность реализации социальной политики в определенной сфере по пятибалльной шкале: эффективно, скорее эффективно, скорее не эффективно, совершенно не эффективно и затрудняюсь ответить. С учетом необходимости измерения интенсивности оценок и суждений опрошенных по всем сферам проведено преобразование процентных показателей в интервальную шкалу путем присвоения баллов ее делениям – при пятибалльной шкале – 1, 2, 3, 4, 5.

В итоге формула (1) для расчета индекса проявленности положительного вектора общественного мнения по определенной сфере имела следующий вид:

$$\text{ППВ}_{\text{ОН}} = \frac{X_{\text{п}} \times 5 + X_{\text{с.п.}} \times 4 + X_{\text{н}} \times 3 + X_{\text{с.о.}} \times 2 + X_{\text{о}} \times 1}{X_{\text{п}} + X_{\text{с.п.}} + X_{\text{н}} + X_{\text{с.о.}} + X_{\text{о}}}, \quad (1)$$

где ППВ_{ОН} – индекс проявленности положительного вектора оценок населения,

$X_{\text{п}}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как эффективную,

$X_{\text{с.п.}}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как скорее эффективную,

$X_{\text{н}}$ – количество неопределившихся респондентов, т. е. выбравших при ответе на вопрос вариант «затрудняюсь ответить»,

$X_{\text{с.о.}}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как скорее не эффективную,

$X_{\text{о}}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как не эффективную.

**Оценки населения эффективности реализуемой
государством социальной политики**

Рисунок. Оценки населения эффективности социальной политики в Беларуси (комплексный показатель, баллы от 1 до 5, где 1 – совершенно не эффективно, 5 – эффективно)

По результатам проведенного опроса выявлены незначительные региональные различия в оценках населения эффективности реализуемой государством социальной политики. Однако во всех регионах страны было зафиксировано выше среднего (> 3 баллов) значение общего уровня эффективности государственной социальной политики (комплексного показателя) (см. рисунок). В Витебской области на формирование самого низкого значения комплексного показателя оказали влияние значения частных индексов по таким сферам как труд и занятость (2,6 балла), обеспечение жильем нуждающихся и жилищно-коммунальное хозяйство (по 2,8), социальная защита малоимущих (2,9).

Таблица. Оценки населения эффективности проводимой социальной политики в зависимости от их самооценок материального положения (частные индексы, баллы от 1 до 5, где 1 – совершенно не эффективно, 5 – эффективно)

Сферы	Оценки материального положения:			
	Хорошее	Среднее	Плохое	Затрудняюсь ответить
Труд и занятость	3,9	3,3	2,6	2,9
Здравоохранение	4,0	3,5	3,1	3,4
Образование	4,0	3,6	3,2	3,4
Жилищно-коммунальное хозяйство	3,8	3,2	2,6	2,8
Обеспечение жильем нуждающихся	3,6	3,2	2,7	2,9
Культура и досуг	4,1	3,6	3,3	3,4
Пенсионное обеспечение	3,9	3,4	2,8	3,1
Социальная защита малоимущих	3,9	3,4	2,9	3,0
Социальная защита многодетных	4,0	3,7	3,3	3,3
Социальная защита инвалидов	3,9	3,5	3,0	3,1
Социальная защита детей и молодежи	4,0	3,5	3,1	3,0
Комплексный показатель	3,9	3,4	3,0	3,1

Проведенный анализ данных позволил выявить наличие прямой зависимости между оценками эффективности реализации государством социальной политики и самооценками респондентов своего материального положения: чем выше респонденты оценивают свое материальное положение, тем выше их оценки эффективности реализации социальной политики во всех сферах. Различия в группах, выделенных по уровню материального положения, составляют от 1 до 1,3 балла (см. таблицу).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шавель, С. А. Социальная политика в обеспечении национальной безопасности / С. А. Шавель // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3–4 ноября 2022 г. / редкол.: Мысливец Н. Л. (гл.ред.) [и др.], НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – С. 45–48.
2. Шавель, С. А. Социосферная стратегия развития общества / С. А. Шавель. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 389 с.
3. Шавель, С. А. Современная белорусская стратегия развития общества / С. А. Шавель // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – № 1. – С. 4–10.
4. Мартищенко, Е. В. Специфика формирования социального самочувствия населения (на примере Витебской, Гомельской и Гродненской областей Беларуси) / Е. В. Мартищенко // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXIII Междунар. науч. конф. (Минск, 20–21 окт. 2022 г.). В 3 т. Т.3 / Редкол.: Н. Г. Берченко [и др.]. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2022. – С. 81–83.
5. Кобяк, О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования / О. В. Кобяк. – Минск : РИВШ, 2015. – 240 с.

УДК 1:316.2

ПАРАДИГМА ПРИЗНАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Ратникова И. М.

доцент кафедры философии

Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

кандидат философских наук, доцент

г. Минск, Беларусь

Вектор развития современной критической социальной теории задан переходом к парадигме признания, наиболее репрезентативно представленной концепцией А. Хоннета. Этого мыслителя по праву можно назвать наиболее значимой и плодотворной фигурой социально-философского дискурса современности. Его учение в настоящее время является предметом серьезных научных исследований, а труды подлежат незамедлительному переводу, активно публикуются и изучаются. Еще со времен работы в должности директора Института социальных исследований при университете им. Гёте во Франкфурте-на-Майне, он является убежденным сторонником критической теории как наиболее эффективной программы исследования социального бытия.

Основной лейтмотив хоннетовской версии критической теории состоит в имманентном единстве социальной теории и практики. По его мнению, развитие общества детерминировано нормативной грамматикой признания. Главными факторами возникновения социальной напряженности выступают моральные переживания, вызванные нарушением глубоко личностных притязаний на признание. Глубинные структуры логики господства-подчинения эксплицируются чувствами несправедливости, непризнания, социального презрения. Именно эти феномены выполняют функцию индикаторов патологий социального развития. Понятие «социальной патологии» возникает уже в ранних хоннетовских работах, «красной нитью» проходя через все его творчество, и связывается им с такой формой организации социального порядка, где опыт непризнания носит систематический характер.

Кроме того, они же выступают и детерминантами фактически всех общественных движений, направленных на социальные преобразования и выступающих против любых форм господства и угнетения. Опираясь на идею К. Маркса о достижении социальной интеграции через конфликт между группами и социальной природе формирования субъективности, А. Хоннет переосмысливает учение о классовой борьбе в терминах парадигмы признания. Социальная динамика рассматривается им в нормативной плоскости и трактуется как борьба за символическую власть, а не как утилитарный конфликт по поводу распределения материальных благ. Осуществляя переход от парадигмы производства к парадигме признания, современная критическая теория рассматривает социальную борьбу в качестве ключевого фактора

прогрессивного развития общества в направлении достижения большего равенства и меньшей несправедливости.

В такой интерпретации механизмов и направленности социальной динамики прослеживается и размежевание с основоположниками критической социальной теории, которые, как полагает А. Хоннет, завели ее в безнадежный негативистский тупик. В противовес радикальному пессимизму представителей первого поколения критической теории, модерн рассматривается им в позитивном ключе, а развитие общества как моральный прогресс, в котором сфера автономии личности постоянно расширяется как в аспекте прибавления прав, так и в плане увеличения числа индивидов, пользующихся благами эгалитаризма.

Не устраивает А. Хоннета и коммуникативный переворот в критической теории, совершенный Ю. Хабермасом, поскольку акцент на дискурсивных практиках делает ее чувствительной только к тем общественным движениям и формам социального опыта, которые уже смогли заявить о себе в публичной сфере. Критическая теория, которая сосредоточена лишь на нормативной обоснованности коммуникативных актов, рискует упустить из виду структурирующие эффекты классового господства, не учитывая те трудности и препятствия, с которыми сталкиваются и вынуждены преодолевать угнетенные социальные группы с целью артикуляции и удовлетворения их притязаний и требований. Переживание ситуации непризнания, несправедливости ощущается субъектами не как «ограничение языковых правил, а как ущерб, нанесенный требованиям идентичности, которые приобретаются в процессе социализации» [1, с. 70]. Критическая теория, по мнению А. Хоннета, ни в коем случае не должна редуцировать проблему социальной справедливости к вопросу участия в рационально организованных дискурсивных практиках просвещенной общественности.

Таким образом, негативный опыт непризнания является нормативным ориентиром критической социальной теории при анализе патологических тенденций развития современного общества, а также при объяснении и обосновании социальных движений, направленных на их преодоление. Такое использование моральных переживаний, вызванных ситуациями социального непризнания, в качестве диагностического инструментария состояния современного общества и культуры специфицирует хоннетовскую концепцию, существенно отличая ее от других теоретиков признания (американский прагматизм, левогегельянство и др.). Переосмысливая учение К. Маркса в терминах морали, А. Хоннет утверждает, что социальная борьба выступает, прежде всего, как моральная борьба против господства, а основополагающая мотивация общественных движений носит не утилитарный, но нормативный характер. Коммуникативный подход к обществу признается им неудовлетворительным в силу интерпретации прогрессивных социальных тенденций через призму расширения свободной от господства коммуникации не критической диагностики социальных предпосылок систематического нарушения условий осуществления практик признания как фактора социального прогресса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Honneth, A. Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory / A. Honneth. – Cambridge : Polity Press, 2007. – 275 p.

УДК 303 (045)

АЛГОРИТМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ, ОСНОВАННЫХ НА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Рафикова К. Ф.

*аспирант, преподаватель кафедры теоретической социологии и
эпистемологии философско-социологического факультета
Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
г. Москва, Россия*

Внедрение машинного обучения и алгоритмических систем в социологические исследования открыло уникальные возможности для изучения сложных общественных явлений. Однако такой поворот в вычислениях порождает важнейшие этические вопросы, включая, в частности,

конфиденциальность данных, алгоритмическую предвзятость и социальную стратификацию. Целью данной работы является изучение этических аспектов использования моделей, основанных на данных, в социологических исследованиях в современную эпоху.

Цифровая эпоха характеризуется бурным ростом объема данных и вычислительных возможностей, что оказывает влияние на все дисциплины, включая социологию. Традиционные методы дополняются или даже заменяются моделями машинного обучения и комплексными алгоритмами. Эта вычислительная революция открывает большие возможности для социального анализа, обеспечивая сбор данных в режиме реального времени, распознавание образов и прогностическое моделирование.

Говоря о методологических достижениях, стоит отметить, что машинное обучение используется в социологических моделях. Машинное обучение позволяет анализировать сложные и многомерные модели общества. Эти возможности расширили горизонты социологии, позволив моделировать социальное поведение в сложной среде. Другим важным аспектом является принятие решений на основе данных. Правительства и организации все чаще полагаются на аналитические данные при принятии политических решений. Например, модели, основанные на данных, могут служить основой для принятия мер по охране здоровья населения или разработки планов общественного развития.

Этические проблемы, связанные с применением тех или иных алгоритмов в социологических моделях, можно разделить на несколько групп. Во-первых, это проблема конфиденциальности данных. Социологические исследования часто связаны с конфиденциальной информацией. При использовании цифровых платформ риск утечки или несанкционированного использования данных присутствует постоянно. Безопасное хранение и этические протоколы обмена данными являются обязательными, но часто упускаются из виду. Во-вторых, это алгоритмическая предвзятость. Алгоритмы разрабатываются людьми и обучаются на данных, созданных и собранных людьми. Следовательно, они могут усилить существующие социальные предубеждения (расовые, гендерные, статусные и т.п.), искажая результаты и усиливая неравенство в обществе. И, наконец, важно упомянуть проблему социальной стратификации. Риск того, что алгоритмы разделят людей на жесткие социальные классы на основе количественных показателей, вполне реален. Это грозит усилением существующих социальных противоречий и может привести к «технологическому детерминизму», когда алгоритмические модели определяют индивидуальные возможности и социальную мобильность.

Анализируя примеры из практики стоит отметить, что алгоритмы применяются достаточно широко. Например, использование алгоритмов в прогностической полиции может привести к усилению социальной предвзятости и даже к несправедливому стигматизированию маргинализированных сообществ [3]. Системы социального кредита, например, используемые в Китае, могут привести к социальной стратификации и дискриминации [2]. Алгоритмы, применяемые для персонализации образовательного процесса, могут усиливать образовательные разрывы между студентами из разных социально-экономических групп [1]. В здравоохранении алгоритмы могут привести к неполному представлению малых групп в медицинских исследованиях и клинических испытаниях [4].

Существует ряд рекомендаций для решения этических проблем, связанных с применением алгоритмов. Первоочередной задачей является создание структуры этического использования данных в социологических исследованиях. Эта структура должна включать в себя такие принципы, как прозрачность, соблюдение конфиденциальности и информированное согласие участников. На стадии проектирования алгоритма нужно заложить принципы справедливости. Это может включать в себя аудиты на предмет предвзятости, а также включение разнообразных данных для тренировки моделей. Но даже после разработки алгоритмов необходимы регулярные аудиты для выявления и коррекции внутренних предвзятостей. Также рекомендуется использование междисциплинарных команд, включающих социологов, этнографов, юристов, для разработки и анализа алгоритмов. Если говорить о введении государственного регулирования и контроля за использованием алгоритмических систем, то важно начинать с областей, затрагивающих общественную жизнь, таких как здравоохранение, образование и правоохранительная система. Также немаловажным фактором является организация образовательных программ для повышения уровня осведомленности общества о том, как алгоритмы могут влиять на их жизнь.

В эпоху цифровизации социологическая наука стоит перед набором уникальных вызовов и возможностей. Этот аспект особенно выражен в разработке и применении алгоритмических моделей и методологии вычислительной социологии. Несмотря на их потенциал для глубокого понимания социальных процессов, алгоритмы и их применение в социологии несут в себе ряд этических и методологических проблем, о которых необходимо говорить открыто.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bulger, M. The legacy of in Bloom. Data & Society Research Institute / M. Bulger, P. McCormick, M. Pitcan. – 2017. – 34 p.
2. Creemers, R. China's Social Credit System: an evolving practice of control / R. Creemers // SSRN. – 2018. – 32 p.
3. Lum, K. To predict and serve? / K. Lum, W. Isaac // Significance. – 2016. – Т. 13. – №. 5. – С. 14–19.
4. Obermeyer, Z. Dissecting racial bias in an algorithm that guides health decisions for 70 million people / Z. Obermeyer, S. Mullainathan // Proceedings of the conference on fairness, accountability, and transparency. – 2019. – С. 89–89.

УДК 316.334.22

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УДАЛЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Рачкевич В. А.

*младший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В связи с пандемией COVID-19 в последние годы наблюдалось расширение использования удаленной занятости, что обусловило повышенный исследовательский интерес к этой форме организации труда, в том числе и со стороны социологов. Социология – плюралистическая наука, в которой сосуществует множество теорий, методологических подходов для описания социальной реальности. Для изучения удаленной занятости также можно применять различные теории, которые позволяют выделить те или иные существенные черты изучаемого феномена. В качестве примера будут приведены следующие теории: концепция общества «третьей волны» Элвина Тоффлера, мобильная социология Джона Урри, концепция макдональдизации общества Джорджа Ритцера и концепция «общества риска» Ульриха Бека.

Концепция общества «третьей волны» Э. Тоффлера подразумевает выделение нескольких стадий, или волн, развития общества в ходе эволюционного процесса: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное. Последнее и есть общество «третьей волны», которое приобретает новые черты в сфере производства, коммуникации, человеческих взаимоотношений и пр. Удаленную трудовую занятость можно рассматривать как одно из проявлений становления общества нового порядка. Рассмотрим подробнее некоторые характеристики общества «третьей волны».

Ориентация на экологичность. Индустриальное общество с его темпами производства и эксплуатацией природных ресурсов привело к различным экологическим проблемам и угрозам, в частности к загрязнению окружающей среды, истощению ресурсов и пр. Для дальнейшего существования человечества необходима забота об окружающей его природной среде. Компания Huawei в 2022 году опубликовала отчет «Зеленое развитие 2030», в котором отмечено, что в будущем промышленное производство станет экологичным, благодаря виртуальным фабрикам, в которых работники-эксперты со всего мира смогут сотрудничать в режиме реального времени, не выходя из дома [1, с. 5].

Усиление роли грамотности и развитие цифровых навыков. В постиндустриальном обществе, благодаря повсеместному распространению новых технологий, создается новая инфосфера – интеллектуальная среда. Из-за этого навыки чтения, письма и счета становятся недостаточным для жизни, необходимо уметь пользоваться новыми технологиями. Положение о наличии особой инфосферы, которая требует увеличения роли грамотности (прежде всего, грамотности в сфере использования ИКТ) представляется актуальным, так как для удаленной работы важно обладать специальными навыками, уметь пользоваться определенными программами, с помощью которых и будет выстраиваться весь процесс работы.

Усиление чувства одиночества. Именно из-за этого чувства процветает туристический бизнес, индустрия развлечений, потребляется больше алкоголя, уменьшается производительность

труда. Очевидно, что удаленная работа имеет не только достоинства, но и недостатки. Один из них – усиление чувства одиночества. Несмотря на то, что можно общаться с коллегами по телефону, в рабочих мессенджерах и по видеосвязи, вербальная коммуникация также играет важную роль в общении, но ее в виртуальной среде реализовать не представляется возможным.

Мобильная социология Дж. Урри во главу угла ставит изучение мобильности, причем не только людей, но и различных предметов и идей. Под мобильностью понимается перемещение из одного физического пространства в другое, то есть в данной теории рассматривается именно понятие горизонтальной мобильности, а не вертикальной. Если ранее социология изучала конкретные общества (как правило, в масштабах государственных границ), то теперь границы между ними стираются из-за различных межгосударственных перемещений и движений. Это стало возможным благодаря научно-техническому прогрессу: созданы различные виды транспорта, которые делают путешествия менее затратными, в том числе и по времени, а также более безопасными.

Появление удаленной трудовой занятости можно рассматривать как новые возможности для мобильности. Благодаря тому, что работник самостоятельно определяет место работы, он становится менее привязанным не только к определенному офисному зданию, но и к городу, стране. Кроме того, обмен информацией и результатами работы, благодаря глобальной сети, позволяет работодателю нанимать сотрудников из других городов и даже стран. Достоинство для работодателя заключается в том, что он не ограничен одним регионом для поиска сотрудников, а для сотрудника – в больших возможностях для трудоустройства, т. к. в малых городах, например, их меньше, чем в крупных.

С помощью **концепции макдональдизации общества Дж. Ритцер** описал развитие современного общества по принципам работы соответствующей сети ресторанов быстрого питания. Им были выделены четыре принципа макдональдизации, или рационализации, которые проникают в разные сферы жизни общества. Один из них – принцип *эффективности*, заключающийся в оптимальном методе ускоренного продвижения от одного места к другому. В связи с ускорением темпа жизни, существует потребность в экономии времени, что находит отражение в ускоренном, быстром обслуживании клиентов, четком соблюдении регламентированных операций с этой целью. Эти принципы отражаются и в удаленной занятости: так, одним из наиболее ощутимых достоинств для «удаленки» в различных социологических исследованиях отмечается экономия времени для респондентов, ведь рабочее пространство находится уже дома. Еще один принцип – *калькулируемость*, то есть акцент на количественных показателях. Зачастую в компаниях эффективность оценивается количественными параметрами: количество обслуженных клиентов, время, затраченное на обслуживание одного клиента, и прочее. Как это отражается в организации удаленной работы? В данном случае вопрос осуществления контроля постоянных сотрудников является одним из основных для нанимателей, ведь они находятся вне поля видимости, особенно если есть необходимость осуществлять контроль не только за результатом работы, но и за ее процессом. Так, в некоторых организациях вводятся показатели, позволяющие оценивать работу «удаленщика» в количественном выражении: когда он зашел в систему и когда из нее вышел, как долго в течение рабочего дня компьютер находился в спящем режиме или не было никакой активности на экране. В этом обнаруживается еще и соблюдение принципа *контроля*. Однако в условиях удаленной работы, когда профессиональное и личное пространство дома смешиваются, может возникать проблема с перетеканием удаленного мониторинга за работой сотрудника в нарушение личных границ. Также может происходить стирание личного и рабочего времени: то есть коммуникация с сотрудником со стороны нанимателей иногда происходит 24/7.

В соответствии с **концепцией «общества риска» У. Бека**, для современного мира характерны различного рода риски, угрозы, которые отличаются по масштабам своих последствий от тех рисков, которые существовали в прошлом. Удаленную работу можно рассматривать как один из способов минимизации некоторых рисков для общества и как источник новых угроз.

Минимизация рисков. Учитывая, что удаленная работа стала особенно распространена в связи с пандемией COVID-19, так как позволяла соблюдать требования социального дистанцирования, то ее можно рассматривать в качестве ответа на новые риски. Апологеты этой формы организации труда также отмечают ее экологичность, о которой было упомянуто выше. Японский социолог Хироши Оно писал, что удаленная работа позволяет решить проблему, связанную с

предоставлением рабочих мест для неконкурентоспособных людей на рынке труда: осуществляющих уход за пожилыми родственниками или инвалидами, людей с ограниченными физическими возможностями, для которых физические передвижения представляют значительные затруднения. Для первой категории удаленная работа с гибким графиком позволила бы совмещать уход за другими людьми с работой. В итоге, это содействовало бы вовлечению в трудовую деятельность экономически неактивного населения [2].

Появление новых рисков. Появление возможности работать удаленно сопровождается возникновением новых рисков: например, мошенничество с предложением удаленной работы. Его целью может быть как получение денег от работника, так и присвоение результатов его труда.

На основе краткого рассмотрения четырех социологических теорий можно выделить положительные и отрицательные социальные последствия удаленной трудовой занятости (см. таблицу).

Таблица. Положительные и отрицательные характеристики удаленной трудовой занятости

Теория	Социальные последствия удаленной трудовой занятости	
	Положительные	Отрицательные
Концепция общества «третьей волны» Элвина Тоффлера	Ориентация на экологичность Усиление роли грамотности и развитие цифровых навыков	Усиление чувства одиночества
Мобильная социология Джона Урри	Больше возможностей для поиска новых сотрудников или нового места работы из-за меньшей территориальной привязанности	Трудности с обеспечением прав сотрудников и нанимателей при организации удаленной занятости из-за рубежа
Концепция макдональдизации общества Джорджа Ритцера	Появление новых количественных показателей и методов контроля для отслеживания эффективности работы Экономия времени	Возможные нарушения личных границ, т. к. личное и рабочее пространство дома смешиваются
Концепция «общества риска» Ульриха Бека	Минимизация рисков (экологичность, содействие занятости экономически неактивного населения и пр.)	Появление новых видов рисков (мошенничество с предложением удаленной работы и пр.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Green development 2030 [Электронный ресурс] / HUAWEI TECHNOLOGIES CO. – 2022. – Режим доступа: https://www-file.huawei.com/-/media/corp2020/pdf/giv/industry-reports/green_development_2030_en_0427.pdf. – Дата доступа: 12.09.2023.

2. Hiroshi, O. Telework in a Land of Overwork: It's Not That Simple or Is It? [Электронный ресурс] / O. Hiroshi // American Behavioral Scientist. – 2022. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00027642211066038#bibr2-00027642211066038>. – Дата доступа: 12.09.2023.

УДК 316.35

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ДИАГНОСТИКИ ИНВАЛИДОВ

Рогачева Т. В.

*заведующий отделением реабилитационной диагностики и мониторинга
Государственного автономного учреждения Свердловской области
«Областной центр реабилитации инвалидов»
доктор психологических наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия*

Современная общественная ситуация, изменение отношения общества к людям, имеющим ограничения физического, психического или социального характера, требует пересмотреть принятые научным сообществом методологические принципы организации реабилитационного процесса. В условиях перехода науки на уровень исследования глубинных процессов реабилитации и ее комплексности оказалось необходимо осуществить методологический поворот от понимания реабилитации как только медицинского процесса устранения последствий заболеваний, травм или любых других нарушений функционирования, то есть восстановления

трудовых, бытовых, образовательных, социальных и других деятельностных функций, к ценностному, ориентированному не на внешние стороны, связанные с восстановлением, а на внутренние процессы, ведущие к формированию способностей к максимально полной реализации человека, имеющего статус «инвалид».

Интересна сама трактовка понятия «реабилитация». Так, в странах, говорящих на французском языке, предпочитают использовать понятие «реадаптация», т. е. восстановление приспособляемости; в Дании и Швеции – «нормализация»: понятие, сближающееся с термином «абилитация», используемым в отношении больных, имеющих дефект с детства. «Вместе с тем лингвистическая семантика этого понятия и его происхождение ни у кого не вызывали сомнения, и оно рассматривалось как *rehabilitatio* – восстановление способностей (от латинского *re* – возобновление, повторность действия, *habilis* – способность)» [1, с. 36].

Можно констатировать, что организация реабилитационного процесса нацелена на восстановление не только физических, но и других способностей человека со статусом «инвалид». Как указывает М. Ф. Шунтерманн, «предметом науки о реабилитации в области теории и практики являются:

- отрицательные воздействия нарушений здоровья и функциональных проблем на умственное, духовное и физическое развитие индивида;
- их этиология, причины возникновения, процесс протекания и прогнозы;
- их профилактика, диагностика и лечение» [2, с. 28].

Возникает вопрос: зачем вводить в научный дискурс и в практическую деятельность еще одну диагностику? Существуют медицинская, психологическая, педагогическая, экспертная диагностика, которые применяются в реабилитационном процессе. Диагностика, применяемая в медицине, это в первую очередь процесс установления клинического диагноза, то есть заключения о сущности болезни и состоянии пациента, выраженного в принятой медицинской терминологии. Специфика медицинской диагностики четко сформулирована известным организатором здравоохранения Ю. Т. Шарабчиевым, который подчеркнул: «Медицинская диагностика – это основа раннего выявления отклонений в состоянии здоровья и заболеваний, оказания адекватной и контролируемой лечебно-профилактической помощи» [3, с. 13]. За рубежом вопросы медицинской диагностики в реабилитационном процессе решаются, обычно, в комплексных бригадах, состав которых разнится. Как правило, разные реабилитационные центры специализируются на одной либо близких нозологических формах. Так, в Германии существует около 200 специализированных центров, занимающихся реабилитацией пациентов с заболеваниями системы кровообращения, диабетом, ревматизмом и пр. В США активно развиваются гериатрические реабилитационные центры. В Финляндии реабилитационные центры функционируют в составе центров здравоохранения. Например, в общине Sipoo, кроме стационарной формы обслуживания общего профиля, есть отделение на 40 коек для реабилитации лиц престарелого возраста после перенесенных инсультов [4, с. 176–177]. Основная задача специалистов, участвующих в реабилитационном процессе – оценить изменения в функционировании организма и его структур и выявить возможности пациента (что он может делать в стандартном и обычном окружении). В России диагностические процедуры в медицинской реабилитации также проводятся, как правило, в мультидисциплинарных бригадах, что подчеркивает социальную направленность реабилитации.

Педагогическая диагностика в реабилитационном процессе применяется в основном логопедами и дефектологами в ситуациях нарушений сенсорных систем и / или ментальных нарушений. Психологическая диагностика выступает одним из важных компонентов реабилитационной диагностики как, в первую очередь, экспертная диагностика, но чаще, являясь началом какого-то процесса: коррекции, консультирования, психотерапии. Кроме того, именно в процессе психодиагностики психолог формирует доверительные и достаточно открытые отношения клиента ко всему реабилитационному процессу.

Экспертная диагностика выступает «инструментом для определения степени выраженности нарушений основных категорий жизнедеятельности человека и оценки наличия и тяжести инвалидности» [5, с. 10]. Чаще этот вид диагностики называют экспертно-реабилитационной диагностикой, т. к. она осуществляется при проведении медико-социальной экспертизы (МСЭ). Данный вариант диагностики очень близок по своему содержанию к реабилитационной диагностике и включает похожие компоненты: клинико-функциональную диагностику,

социальную диагностику, в т. ч. оценку активности и участия, а также факторов окружающей среды, психологическую диагностику, оценку ограничений жизнедеятельности человека, оценку его реабилитационного потенциала и прогноза, определение потребности инвалида в мерах реабилитации. Экспертная диагностика так же, как и медицинская диагностика, первична, но носит комплексный характер, т. к. требует диагностики как функций и структур организма, так и индивидуально-личностных особенностей клиента и его социального окружения, но не требует определения результативности процесса. Особенностью данного вида диагностики выступает ограничение контингента лиц только клиентами, имеющими статус «инвалид» или ребенок-инвалид, т. к. целью данной диагностики выступает как раз определение статуса и разработка индивидуальной программы реабилитации / абилитации (ИПРА).

Таким образом, экспертную диагностику можно охарактеризовать как достаточно противоречивую практику. С одной стороны, теоретические источники рассматривают данный вид диагностики как комплексную оценку состояния здоровья и степени ограничений жизнедеятельности на основе анализа клинических, социальных и психологических данных освидетельствуемого. С другой стороны, в практике проведения освидетельствования все диагностические процедуры выполняются, как правило, специалистами без достаточной квалификации, что четко отражается в ИПРА.

Особенности различных видов диагностики можно свести в таблицу:

Таблица. Особенности видов диагностики

Показатели	Виды диагностики				
	Медицинская	Педагогическая	Психологическая	Экспертная	Реабилитационная
Позиция клиента либо пациента	Пассивная	Пассивная	Активная	Пассивная	Активная
Время проведения	В начале процесса	В течение процесса	В начале процесса	В начале процесса	В начале, середине и конце процесса
Необходимость выявления личностных особенностей	Нет	Обязательна, но чаще используются психологические методы	Обязательна	Обязательна	Обязательна
Характер	Однонаправленный	Комплексный	Однонаправленный	Комплексный	Комплексный
Результат	Выздоровление = смерть	Подготовленность и обученность	Оценка	Определение статуса	Результативность

Таким образом, реабилитационная диагностика выступает, с одной стороны, как своеобразное предписание, алгоритм, норма фиксации содержания и последовательности определенных видов деятельности в реабилитационном процессе. С другой стороны – это описание фактически выполненной деятельности. Реабилитационную диагностику можно определить как взаимодействие (систему действий) участников реабилитационного процесса (и субъектов и объектов реабилитационной диагностики), необходимых для определения реабилитационного диагноза на «входе», разработки реабилитационного маршрута в конкретной реабилитационной организации, получения результатов (промежуточных и итоговых) осуществления процесса и их соответствия стандарту оказания реабилитационных услуг. Поэтому реабилитационную диагностику можно трактовать как системообразующий компонент реабилитационного процесса, целью которого выступает получение информации о состоянии наблюдаемого (инвалида, в т. ч. ребенка-инвалида) с помощью комплексных процедур (клинического, социологического, психодиагностического и др. инструментариев) для определения результативности этого процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зак, Г. Г. Исторический анализ сущности понятия «реабилитация» в системе специального образования / Г. Г. Зак // Специальное образование. – 2012. – №3. – С. 30–38.
2. Шунтерманн, М. Ф. Цели и философия МКФ / М. Ф. Шунтерманн // Материалы научно-практической конференции по проблемам использования МКФ (Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья) в медико-психологической работе с

людьми с интеллектуальными и физическими нарушениями, психическими заболеваниями. – Минск, 2014. – С. 26–38.

3. Шарабчиев, Ю. Т. Доступность и качество медицинской помощи: слагаемые успеха / Ю. Т. Шарабчиев, Т. В. Дудина // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. – 2013. – №4. – С. 1–19.

4. Нечаев, В. С. Организация медицинской реабилитации за рубежом: аналитический обзор / В. С. Нечаев, З. А. Магомедова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2017. – № 25 (3). – С. 175–178.

5. Андреева, О. С. Пути совершенствования социальной экспертно-реабилитационной диагностики с учетом основных положений МКФ и Конвенции о правах инвалидов / О. С. Андреева // Медико-социальные проблемы инвалидности. – 2011. – №2. – С. 10–19.

УДК 316.6

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Цюхай Е. И.

*старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь*

Хабарова М. А.

*студентка 3 курса кафедры общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь*

Важной целью современного общества является формирование гармонично развивающейся личности, стремящейся к собственному росту и самоактуализации. Путь каждой личности индивидуален. Он зависит от множества факторов и барьеров (среда, уровень образования, подверженность чужому влиянию и т. д.) [1]. Современный человек должен обладать способностью к самоопределению и критическому мышлению.

Для сохранения собственного здоровья и независимости человеку необходимо научиться радоваться жизни, находить счастье в мелочах, ценить то, что он уже имеет, как это делают самоактуализированные люди [2]. По мнению А. Маслоу, люди, не достигшие высокого уровня самоактуализации, не способны брать на себя ответственность, им постоянно необходимы любовь и уважение окружающих [3].

Быстро растущее Интернет-пространство позволяет в большинстве случаев удовлетворить социальные потребности личности, что в особенности характерно для молодежи. Однако для самоактуализации молодым людям предстоит преодолеть ряд препятствий в ходе их развития: финансовая зависимость от родителей, недостаточная мотивация при обучении в образовательных учреждениях, низкая самооценка и сомнения в определении жизненного пути [1].

В подобных условиях немаловажное значение приобретает диалогичность межличностных отношений как необходимое условие развития личности. Реализуется она в желании учитывать уникальность своего партнера, понимании ценности и значимости отношений для взаимодействующих людей [4]. Человек, стремящийся к саморазвитию, более открыт для общения и готов к диалогу. Он способен лучше понимать других людей и проявлять к ним уважение и терпимость. При этом взаимное общение и обмен мнениями помогают человеку лучше понимать себя и свои потребности, а также расширять собственный кругозор, получая новые знания. В диалогичных отношениях человек может проявлять свои таланты и способности, что способствует его самоактуализации.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между уровнями самоактуализации и диалогичности межличностных отношений в молодежной среде. Установление данной связи поможет конкретизировать понятие самоактуализации личности и выявить тенденции развития личности в период ранней зрелости.

В исследовании приняли участие 47 человек: 12 юношей и 35 девушек, получающих образование в высших учебных заведениях. Возраст респондентов варьировался от 17 до 22 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием: опросника диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ) Э. Шострома (адаптация А. В. Лазукин, Н. Ф. Калина) и «Шкалы диалогичности межличностных отношений», разработанной С. В. Духновским.

В результате обработки полученных данных с помощью пакета SPSS Statistics v. 22 были выявлены следующие статистически значимые корреляции Спирмена между шкалами опросника самоактуализации и диалогичности отношений (см. таблицу).

Таблица. Значимые корреляции между шкалами самоактуализации и диалогичности отношений

Название шкалы	Диалогичность отношений	Самоценность	Конструктивность
Стремление к самоактуализации	0,304*	–	0,563***
Ценности	0,544***	0,292*	0,548***
Взгляд на природу человека	0,389**	–	0,467***
Аутосимпатия	0,310*	–	0,297*
Ориентация во времени	0,353*	–	0,370*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Корреляция значима на уровне 0,001 (двухсторонняя).

Так, в ходе корреляционного анализа была установлена средне значимая прямая связь ($\rho = 0,304$) между уровнем *самоактуализации* и *диалогичности* межличностных отношений. Человеку, отличающемуся высоким уровнем самоактуализации, свойственны уверенностью в себе, доброта и эмпатия, что позволяет ему уважать и понимать точку зрения других людей. Он открыт к диалогу, стремится познать другого человека. Способность понимать собеседника позволяет познавать человеческую природу и, как следствие, эффективно взаимодействовать с окружающими. Навык эффективного общения с другими людьми позволяет добиваться авторитета в коллективе и достигать успеха в жизни и карьере.

Кроме того, установлена высоко значимая связь между стремлением к самоактуализации и конструктивностью – когнитивным аспектом диалогичности отношений. Человек, стремящийся к самоактуализации, обладающий честностью, открытостью, непредвзятостью, что позволяет ему более эффективно выстраивать межличностные отношения, удовлетворяющие нужды и потребности субъектов отношений, формулирование общих целей с учетом статусно-ролевых особенностей друг друга и актуальной жизненной ситуации. Это обеспечивает *личностный рост каждого члена общества, вовлеченного в отношения со стремящейся к самоактуализации личностью*.

Также были выявлены значимые прямые взаимосвязи между диалогичностью и отдельными компонентами самоактуализации. К таким особенностям самоактуализирующейся личности можно отнести:

1. Ориентацию на такие ценности, как истина, добро, красота, совершенство, справедливость, истина, порядок, целостность, эмпатия [5]. Взаимосвязь шкалы «Ценности» и диалогичности можно интерпретировать следующим образом. Люди, разделяющие эти ценности, смотрят на мир и окружающих людей в более широком контексте: они ценят доверительные, честные отношения с другими, не терпят вранья и недомолвок, и себе не позволяют такого отношения. В результате, они способны выстраивать глубокие отношения с людьми. Причем предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с другими людьми, как в эмоциональном (шкала «Самоценность»), так и в когнитивном (шкала «Конструктивность») аспектах.

2. Вера в человеческие возможности и в людей. Взаимосвязь шкалы «Взгляд на природу человека» и диалогичности межличностных отношений свидетельствует о склонности стремящихся к самоактуализации личностей к проявлению терпимости и уважению к различиям между людьми. Позитивный взгляд на природу человека позволяет проявлять эмпатию и понимание к другим, что является устойчивым основанием для построения искренних, непредвзятых, доброжелательных и гармоничных межличностных отношений.

3. Хорошо осознаваемая позитивная «Я-концепция», а также устойчивая адекватная самооценка, как естественная основа формирования здоровой и цельной личности. Шкала

«Аутосимпатия» у стремящихся к самоактуализации личностей взаимосвязана с диалогичностью отношений, что находит выражение в более глубоком понимании и принятии себя, помогает адекватному реагированию и управлению собственными эмоциями в процессе общения. В свою очередь, это помогает понимать других людей. Человек, принимающий себя, легче принимает чувства и потребности других людей, считается с ними, что также способствует установлению глубоких межличностных связей.

Более того *самоактуализирующиеся люди способны жить настоящим* – это умение позволяет выстраивать здоровый, конструктивный диалог с другими людьми, не припоминая прошлых обид и не ориентируясь на возможную пользу от общения в будущем. Такие люди способны ценить межличностные отношения сами по себе, не сравнивая их с прошлым опытом и не обесценивая предполагаемыми будущими успехами. Об этом свидетельствует наличие прямой взаимосвязи между шкалами «Ориентация во времени» и «Диалогичность отношений».

Таким образом, установление самоактуализирующимися людьми глубоких связей с окружающими и забота не только о собственных интересах ведут к большему пониманию окружающих и мира в целом. Самоактуализация человека проходит в обществе других людей. Осознание общих целей, способность выстроить конструктивный диалог и уважительные взаимоотношения способствуют развитию личности. Способность видеть в каждом человеке уникальную личность, а не инструмент для достижения целей, понимание и принятие другого человека – участника здоровых, диалогичных отношений – есть движущая сила самоактуализации личности, которая развивается, познавая человеческую природу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крупенина, Н. С. Барьеры самореализации личности в современном мире / Н. С. Крупенина // Гуманитарные основания социального прогресса : сб. ст. науч.-практ. конф. – М., 2016. – С. 262–261.
2. Маслоу, А. Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности. Тексты / сб. под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. – Москва, 1982. – 117 с.
3. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 432 с.
4. Духновский, С. В. Диагностика межличностных отношений / С. В. Духновский. – СПб. : Речь, 2009. – 141 с.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2014. – 400 с.

УДК 316.4

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «РОДИТЕЛЬСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В ЗАРУБЕЖНОМ ДИСКУРСЕ

Шестакова Е. В.

*директор Государственного автономного учреждения Свердловской области
«Областной центр реабилитации инвалидов»
г. Екатеринбург, Россия*

Вопросы, связанные с концептуализацией понятия «родительская компетентность», активно анализируются как в западном, так и в российском научном дискурсе. Несмотря на принципиально разную направленность исследований родительской компетентности отечественных и зарубежных авторов, все они подчеркивают мультидисциплинарный характер данной категории.

В западный научный дискурс понятие «родительская компетентность» ввели немецкие психологи Х. Шредер и М. Форверг, определяя его через личностные свойства, к которым данными авторами были отнесены:

- коммуникабельность как коммуникативный потенциал личности;
- решимость на создание отношений как готовность к общению;
- влияние как способность к внушению;

«Я-концепция» как познавательного-эмоционального образ, ядром которого является самоуважение [1, с. 52].

У. Пфлингстер и Р. Хинтц предложили рассматривать социальную компетентность как набор умений когнитивными, эмоциональными и поведенческими способами взаимодействий, которые ведут к долгосрочному и благоприятному балансу положительных и отрицательных последствий

[2, с. 61]. У. Ульрих выдвинул свое представление о компетентности, считая, что это в первую очередь следующие характеристики человека:

- способность принимать решения относительно самого себя и стремиться к пониманию собственных чувств и требований;
- забывать блокирующие неприятные чувства и собственную неуверенность;
- представлять, как следует достигать цели наиболее эффективным образом;
- правильно понимать желания, ожидания и требования других людей, взвешивать и учитывать их права;
- анализировать область, определяемую социальными структурами и учреждениями, роль их представителей и включать эти знания в собственное поведение;
- представлять, как с учетом конкретных обстоятельств и времени вести себя, принимая во внимание других людей, ограничения социальных структур и собственные требования;
- отдавать себе отчет, что социальная компетентность не имеет ничего общего с агрессивностью и предполагает уважение прав и обязанностей других [3, с. 588].

Все вышеперечисленные авторы подчеркивают, что социальная компетентность – качество, необходимое любому человеку независимо от сферы его как профессиональной, так и любой другой деятельности. Представленный выше подход можно назвать педагогическим. Его методологической основой является конструктивизм. В этом подходе категоризация понятия «родительская компетенция» представляет собой набор различных компонентов, которые зачастую не очень связаны друг с другом, что значительно затрудняет эмпирические исследования.

«Социальный» подход в изучении компетентности базируется на структурно-функциональном подходе и определяет данный конструкт через способности, справедливо критикуя педагогический подход за «знаниевую» модель. Для данного подхода характерен акцент на динамический показатель, т.к. практически во всех исследованиях, выполненных в структурно-функциональной парадигме, отмечается необходимость развития различных способностей и моделей поведения.

Так, М. Берже обращает внимание на, казалось бы, очевидный факт, который отсутствует во многих отечественных исследованиях родительской компетентности, что компетентность – это динамичное явление. Ученый подчеркивает, что «актуализация родительских компетентностей требует наличия двух фундаментальных элементов: способности и желания исполнять роль родителя. Родительская же способность имеет неизменяемый характер и может быть охарактеризована в терминах: родитель «способен» или «не способен» [4, с. 222]. Компетентность как динамический процесс необходимо корректировать в соответствии, как с уровнем развития ребенка, с особенностями взаимоотношений в семье, так и с социальными требованиями, которые предъявляются семье на разных этапах развития социума.

Д. Грусек и Д. Гудноу предлагают рассматривать родительскую компетентность через понятия социализация и интернализация. Интернализация – это «принятие ценностей и установок социума как собственных, поэтому социально приемлемое поведение мотивировано не предвидением последствий, а значимыми для конкретного родителя как внешними, так и внутренними факторами» [5, с. 7]. Поэтому компетентные родители, это те, чей «ребенок имеет развитые усвоенные социальные стандарты и верно понимает правильное или неправильное для конкретного социума» [5, с. 8]. Другие авторы, продолжая развивать идею интернализации, считают универсальным способом освоения и принятия ценностей дисциплинирование, которое может быть представлено в техниках: утверждение силы, лишение любви и выявление причин и объяснение [6, с. 342–344].

Дж. Бельский предложил рассматривать компетентность родителей с точки зрения детерминант, к которым автор относит «личностные ресурсы индивида (родителя), социальные источники стресса и характеристики ребенка» [7, с. 88]. Первая детерминанта включает своеобразный анамнез родителей как социальный капитал (уровень образования, способность к доверительным отношениям, принятый стиль взаимодействия в семье и пр.), а также тот накопленный опыт, который «дает хороший толчок для созревания здоровой личности, которая способна обеспечить чуткий уход, способствующий оптимальному развитию ребенка» [7, с. 90]. Вторая доминанта описывает реальные источники стресса для данной семьи, которые являются

контекстными факторами. Третья доминанта содержит все компоненты, связанные с ребенком (его состояние здоровья, пол, возраст и пр.).

Наиболее близка к нашему пониманию компетентности точка зрения Ж. Вудкока, который дал следующее определение: «родительская компетентность обусловлена контекстом и зависит от дистальных факторов, таких как социо-экономическое окружение семьи, среда проживания, культура и общественные ценности, а также более близких – навыков жизни в семье и семейных отношений» [8, с. 100]. Автор рассматривает родительскую компетентность как компонент социального капитала, т.к. утверждает, что «поскольку родительство – межкультурная действительность и ценность, основная цель которой заключается в том, чтобы воспитать детей полезными и продуктивными членами общества, то именно компетентностное родительство – тот значимый ресурс, который способен обеспечить успешную социализацию детей» [8, с. 101].

Изучив различные определения родительской компетентности, считаем значимым достижением зарубежных авторов в исследованиях компетентности родителя, во-первых, указание на динамический характер данного конструкта, во-вторых, ориентацию на деятельностный подход как взаимодействие в конкретной среде. Действительно, компетентность это не раз и навсегда сформировавшийся инструмент родительских воздействий на ребенка, вхождение в новую социальную ситуацию требует трансформации тех моделей и способов взаимодействия, которые уже были сформированы у родителя. Поэтому все исследования, в которых предпринимаются попытки оценить компетентность родителя как постоянную характеристику, только констатируют факт «здесь и сейчас» проявлений компетентности. Поэтому считаем бесперспективным подход многих отечественных исследователей, выделяющих психологическую компетентность родителя, педагогическую компетентность родителя, абилитационную компетентность родителей и пр. Компетентность может проявляться только в конкретной деятельности как показатель ее успешного выполнения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Shroder, H. Soziale Kompetenz als Zielgrosse fur Personlichkeitstruktur und Verhaltensmodifikation. Zur psychologischen Personlichkeitsforschung / H. Shroder, M. Vorweg. – Berlin, 1978. – P. 48–63.
2. Phingsten, U. Gruppentraining sozialer Kompetenzen / U. Phingsten, R. Hintsch. – Weinheim : Weinheim Psychologies Verlag Union, 1991. – P. 61–69.
3. Ulrich, U. Soziale Kompetenz/ U. Ulrich // Diagnose und Therapie sozialer Storungen. Das Assertiveness – Trainings – Programme ATP / U. Ulrich. – Munchen : Pfeiffer, 1980. – P. 587–596.
4. Berger, M. L'échec de la protection de l'enfance / M. Berger. – Paris: Dunod, 2003. – P. 304.
5. Grusec, J. E. Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values A reconceptualization of current points of view / J. E. Grusec, J. J. Goodnow // Developmental Psychology. – 1994. – № 30 (1). – P. 5–12.
6. Sears, R. R. Patterns of child rearing / R. R. Sears, E. E. Maccoby, H. Levin. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1976. – 549 p.
7. Belsky, J. The determinants of parenting: A process model / J. Belsky // Child Development. – 1984. – № 55 (1). – P. 83–96.
8. Woodcock, J. The social work assessment of parenting: an exploration / J. Woodcock // British Journal of Social Work. – № 33. – 2003. – P. 87–106.

УДК 316.346.32

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ: СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ, ОПТИМИЗАЦИЯ

Шушунова Т. Н.

*старший научный сотрудник НИИ теории и права государственного управления Академии
управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
Минск, Беларусь*

Поддержка участия активных молодых граждан в социально-экономических и общественно-политических процессах является важным условием реализации государственной молодежной политики Республики Беларусь. Для достижения значимых результатов и активизации инновационной деятельности молодежи Совет Министров Республики Беларусь в своем

постановлении №87 от 31.01.2023г. «Об утверждении Положения о порядке формирования, финансирования и реализации молодежных инициатив», объявил о проведении специального конкурса по отбору и поддержке наиболее перспективных молодежных инициатив [1].

Молодежные инициативы – это социально значимая активность, исходящая от представителей молодежи и реализуемая ими на региональном или республиканском уровнях. Как полноценные акторы молодежной политики, современная молодежь, посредством выдвижения своих обоснованных предложений иницирует решение экологических, интеллектуальных, профессионально-трудовых, демографических и иных задач. Важным условием выдвижения любой молодежной инициативы является необходимость удовлетворения в социуме неких потребностей в рамках жизнедеятельности определенной социальной группы, когда есть запрос на ее удовлетворение или реализацию определенных социальных и культурных запросов. Инициаторами инициативы по условиям конкурса могут быть как отдельные представители молодежи, так и молодежные объединения. Сфера применения результатов молодежных инициатив является достаточно широкой и распространяется на различные слои населения, а не только на молодёжь.

Опыт проведения белорусского «Конкурса молодёжных инициатив», который проходил в мае 2023 года при организационной поддержке Министерства образования и координационной поддержке Белорусского республиканского союза молодежи, показал свою перспективность и популярность у молодежных организаций, молодежных объединений и отдельных представителей молодежи [2].

В то время как белорусский «Конкурс молодёжных инициатив» получает широкое распространение, анализ поступивших заявок от потенциальных участников конкурса выявил ряд проблем различной направленности и степени сложности, которые требуют отдельного рассмотрения и внесения методических рекомендаций на организационном уровне. Так, например, существует терминологическое непонимание сущности понятия «молодежная инициатива», связанного с восприятием его либо в качестве продукта интеллектуальной активности представителей молодёжной группы, либо как некую социально-значимую активность, направленную на молодежную аудиторию. Разночтения при оформлении заявочной документации, отсутствие единообразия при заполнении необходимых приложений также усложняют отбор поступивших потенциальных социально-значимых проектов.

Однако не менее существенной сложностью заявленного конкурса, который будет иметь развитие и дальнейшее продвижения в будущем, на наш взгляд является отсутствие четких типологических оснований представленных проектов молодёжных инициатив, которые делали бы более прозрачной и объективной процедуру отбора конкурсных заявок, облегчали бы задачу экспертной группы, принимающей стратегически важные решения по вопросу финансирования, и в то же время, упрощали бы процесс формирования и отбора самой экспертной комиссии с учетом профиля ее членов, на основании их опыта и компетентности в рассмотрении тех заявок молодежных инициатив, которые соответствуют определенному типу с учетом имеющихся в положении конкурса критериев отбора.

Следовательно, целью данной работы является разработка и обоснование типологии молодежных инициатив для белорусского «Конкурса молодёжных инициатив». Типология – это разновидность научного познания, универсальная процедура научного мышления, в основе которого лежит способ разделения систем объектов и их последующая группировка с помощью типа, т. е. обобщённой, идеализированной модели или логической единицы, лежащей в основе расчленения [3]. По способу построения типология разделяется на теоретическую и эмпирическую. Теоретическая типология основывается на понимании объекта как системы, выделении его структурных уровней и их последующих описаний, в то время как эмпирическая – связана с количественной обработкой и обобщением имеющихся данных. Нами будет использован принцип построения теоретической типологии, где важным критерием для отбора заявок и условием может выступить, например, *«сфера интересов молодежных инициатив»*. Теоретическим обоснованием для ее построения выступает сферный подход белорусского социолога С. А. Шавеля. Главной методологической предпосылкой данного подхода выступает тезис, что «социальный порядок и стабильность общества обеспечивается оптимальным взаимодействием основных сфер общества» [4]. Традиционно под социальной сферой в научной литературе понимается подсистема общества, где устанавливаются отношения по поводу

общественного положения, образа и уклада жизни, акцентируя внимание на социально-стратификационных особенностях социума и дифференциации людей в социальные группы по различным критериям. С. А. Шавель предлагает определять социальную сферу как «представляющую собой кластер институтов с имеющимися в них материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления и другими средствами, объединенных на основе функционального назначения и единого принципа связи элементов в определенную качественную целостность, отличную от других, но взаимодействующую с ними в процессах воспроизводства целостности общества как страны-государства» [5]. Таким образом, под социальной сферой понимаются те отрасли жизни, которые непосредственно связаны с жизнеобеспечением и воспроизводством населения, т. е. здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная работа, туризм, физкультура и спорт, социальное страхование и др. На этом основании мы можем выделить 10 типов заявок по критерию «сфера интересов молодежных инициатив»:

- инициативы, направленные на укрепление здоровья и профилактику девиантного поведения;
- инициативы, популяризирующие спорт и двигательную активность молодежи;
- инициативы, направленные на образовательные проекты;
- инициативы, связанные с духовным возрождением культурно-нравственных ценностей;
- инициативы, связанные с развитием туристической деятельности молодежи;
- инициативы социальной направленности (волонтерская деятельность, работа с незащищенными категориями населения);
- инициативы с предпринимательской базой (бизнес-идеи);
- инициативы научно-исследовательского плана;
- инициативы, связанные с развитием процессов цифровизации в обществе;
- инициативы, направленные на укрепление жилищно-коммунального фонда.

Таким образом, использование методического сопровождения и теоретической типологии значительно упростит процесс формирования экспертной комиссии и сделает отбор заявок молодежных инициатив более прозрачным и объективным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Информация о порядке и условиях проведения конкурса молодежных инициатив в 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.gov.by/proekty-i-obsuzhdeniya/%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F_%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.docx. – Дата доступа: 26.09.2023.
2. Победители конкурса молодежных инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/stali-izvestny-pobediteli-konkursa-molodezhnyh-initsiativ-569558-2023>. – Дата доступа: 26.09.2023.
3. Типология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6846>. – Дата доступа: 26.09.2023.
4. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск, 2015. – 508 с.
5. Сферная парадигма в социальном знании и жизнеобеспечении общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sfernaya-paradigma-v-sotsialnom-znani-i-zhiznesposobnost-obschestva/viewer>. – Дата доступа: 26.09.2023.

УДК 101.1:316+930.1

METHODOLOGICAL FEATURES AND PROSPECTS OF GLOBAL HISTORY

Yahela Ya. A.

*postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science BSU
Minsk, Republic of Belarus*

In the second half of the XX century the «global turn» evoked a wave of change that came to all spheres of life including the world of science. One of the new fields that arose in this process was global history. An interdisciplinary, and in some instances transdisciplinary, field of study characterized by postnonclassical traits, and most often associated with historiography, historical sociology and philosophy of history, though it engages with a variety of different fields from the humanities and social sciences to

natural sciences. The term is a popular one and has attracted the attention of many researchers and scholars. Despite the large amount of materials dedicated to global history, there is no one clear and widely accepted definition of the term. There exists a large variety of interpretations of what is global history and what it aims to achieve. The matter is further complicated by the various terms that co-exist alongside global history such as world history, universal history, big history, etc. If we turn to the more recent and comprehensive literature, we will discover rather broad definitions. History professor S. Conrad views global history as «a form of historical analysis in which phenomena, events, and processes are placed in global contexts» [1, p. 5], he specifies that there are three main approaches: «global history as the history of everything; as the history of connections; and as history based on the concept of integration» [1, p. 6]. Philosophy professor T. L. Shestova defines it as «supra-event history, the history of trans-border processes going beyond the limits of nation-state significance» associating it with global historicism [2, p. 180]. History professor J. Osterhammel offers the broad definition of global history as «an approach to the past that is non-Eurocentric and focused on long-distance connectivity across national and cultural boundaries» [3, p. 31]. He points out that there are six different types of global history: comprehensive histories, universal histories, movement histories, competition histories, network histories and connection histories [3].

In regards to the terminological variety that exists alongside global history, a very broad generalization can be claimed to help establish some level of differentiation. World history is often associated with the name of the American professor W. H. McNeill. His work served as a kind of preamble to the formation of the contemporary understanding of global history. It offered a general framework of world history that attempted to scrap traditional eurocentrism. In one of his main works «The Rise of the West: A History of the Human Community» he stressed the importance of contact and connection, mutual influence and cultural fusion in describing and comprehending the historical processes of societies, viewing these terms as the primary forces of historical change. Shortly after this book came out «Western Civilization» courses were rebranded into «World History» across the US [4; 5]. Critics pointed out that the book was inherently Eurocentric and still served to glorify the Western civilization using the rest of the world as a background decoration. It is considered that the critical remarks aimed at the world history approach helped it to evolve into global history. In regards to universal history it is oftentimes viewed as either synonymic to or a predecessor of world history. Some associate the origins of universal or world history with the first attempts at «history»: «with the coming of a form of knowledge known as “history,” arising in “scientific” form, i.e., as promulgated by Herodotus and Thucydides in fifth-century Greece, universal or world histories arose» [6, p. 11]. Some scholars link universal history to the universalism tradition characteristic of the Enlightenment. We are left with the term big history which is often associated with research that mingles more than others with the natural sciences. If global history is considered to predominantly focus on the history of humankind, big history strives to describe the history of the Universe starting from the Big Bang [2, p. 180].

The methodological features of global history offered by scholars and researchers are also vast and various. But amongst the many variations we can pin point some of the more common and broadly accepted methodological foundations which can be attributed to global history. Among them is the incorporation of extensive spatial and temporal notions: specifically, the global perspective and the *longue durée* concept borrowed from the French Annales School. The former is one of the keys to global history, it «permits the notion of standing outside our planet and seeing “Spaceship Earth”» [7, p. 389]. This does not mean that the macroperspective is all-encompassing. A researcher may study a certain separate historical issue or phenomena but in this case they try to place it within a broader context. «The world and “a very small place in Africa” (or anywhere else) can be accommodated within one and the same analytical framework» [3, p. 26]. The same is true for the *longue durée* concept – this does not mean that global history researchers explore only centuries or millennia, they may focus on smaller time spans limiting themselves to a particular historical situation or society at a certain point in time, but this may be done in the context of the long duration processes [1; 3].

Global history is also generally recognized as a field of study that strives to truly repudiate eurocentrism along with other centrism and national narratives, as well as linear and progressivist interpretations of societal development. Thus global history is at times portrayed either as refusing narratives all together in the postmodernist tradition or as aiming to construct a new cosmopolitan metanarrative that will aid in uniting the world and creating the *homo globus* [1; 3; 6; 8; 9]. These intentions lead to a reconsideration of temporal and spatial concepts. Traditional time frames and

periodization models, such as the classical-medieval-early modern-modern scheme, are viewed as outdated and biased. «Global history challenges the temporal imagination» [3, p. 25]. Similarly, traditional notions of space, such as nation states and civilizations, are also put under question, with new variations being put forward [1; 3]. Instead, for example, global historians may «pose analytical questions and go wherever their questioning leads them—across the Bay of Bengal, to nodal points in a network, to religious and ethnic diasporas, and so forth» [1, p. 65].

Another feature of global history that is oftentimes stressed is its plurality of approaches and perspectives. Global history is marked by its inter- and transdisciplinary character that attempts to unite a multiplicity that was not possible to put together before. While the process may be a bit chaotic, it is marked by a controlled eclecticism that in the long run may be prolific. In some sense global history is a set of methods and approaches, that may at times be in opposition to one another, yet attempting to unite them may help create the methodological and conceptual arsenal necessary to overcome some of the problems and barriers that sociologists, historians and other researchers were not able to overcome within the nonclassical compartmentalistic framework [2; 3; 9].

Lastly, it could be mentioned that the positionality of the researcher is a crucial focus point for global history. The researcher presents their knowledge of society and the past will being deeply entrenched in their current socio-cultural context: «[they] may write about the entire planet, but they do so from a particular place, and their narratives will partly be colored by the dynamics of that location» [1, p. 67].

Despite the high level of ambiguity and variations in the interpretations of global history, it is an opportunity taking place to form a highly prolific interdisciplinary, and perhaps even transdisciplinary, synthesis based on the demands and criteria of postnonclassical science. It can offer conceptual innovations and analytical tools that are hardly possible to acquire within conventional compartmentalist approaches. For example, professor. J. Osterhammel points out the use of global history's spatial categories for purposes of social analysis: «the more macro-sociology retreated from notions of social structure and social order, the more spatial metaphors were employed to describe social relationships—even if their distribution in space was not the prime focus of attention. “Urban space” replaced “urban society” even in those analytical contexts where forms of hierarchical subordination rather than mappable patterns of segregation were at stake» [3, p. 40]. According to J. Osterhammel this could constitute a «wholesale paradigm change», though he points out the importance of realizing both the gains as well as the limits of such change [3]. In any case, if wisely approached, global history can offer the conceptual and methodological tools that are necessary to comprehend society in its historical becoming taking into account its multi-layered and multi-directional nature.

REFERENCES

1. Conrad, S. What is Global History? / S. Conrad. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 299 p.
2. Shestova, T. L. Methodological Foundations of Global History / T. L. Shestova // Globalistics and Globalization Studies, 2013. – P. 179–183.
3. Belich, J. The prospect of global history / J. Belich, J. Darwin, M. Frenz, C. Wickham. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 222 p.
4. Roberts, S. McNeill, Professor and Prolific Author, Dies at 98 [Electronic resource] / S. Roberts, H. William // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/07/13/books/william-h-mcneill-professor-and-prolific-author-dies-at-98.html>. – Date of access: 04.09.2023.
5. McNeill, W. H. The Rise of the West: A History of the Human Community / W. H. McNeill. – Chicago : The University of Chicago Press, 1991. – 828 p.
6. Mazlish, B. The New Global History / B. Mazlish. – New York : Routledge, 2006. – 131 p.
7. Mazlish, B. Comparing Global History to World History / B. Mazlish // The Journal of Interdisciplinary History. – 1998. – Vol. 28 (No. 3). – P. 385–395.
8. O'Brien, P. Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History / P. O'Brien // Journal of Global History. – 2006. – No. 1. – P. 3–39.
9. Ионов, И. Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / И. Н. Ионов. – Москва : Аквилон, 2015. – 464 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 316.7

ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Богданович О. Т.

*аспирант Института социологии НАН Беларуси, заместитель начальника отдела культурно-просветительной работы, искусств и учебных заведений управления культуры Гродненского областного исполнительного комитета
г. Гродно, Беларусь*

Современные культура и искусство, даже не претендующие на полноценное понятие «digital Art» или не существующие в пространстве метавселенных, не могут быть обособлены от нынешних реалий цифрового общества. Блага цифровой цивилизации так или иначе используют в своей работе режиссёрско-постановочная группа или артист, а зритель приобщается к ним, даже не анализируя эти процессы. И если деятельность – это способ существования и развития социальной действительности, проявление социальной активности, целенаправленное отражение и преобразование окружающего мира [1], то, как сильно она поменялась? На первый взгляд кардинально и масштабно: от кисти художника до создания картин с помощью нейросетей, от «живого» исполнения на громоздких органах до электронного создания великолепных произведений музыкального искусства наедине с клавиатурой и специализированной программой – список можно продолжать бесконечно.

Рассмотрим, как «цифра» вошла в сферу культуры на примере создания культурно-зрелищного мероприятия. С технической точки зрения культурно-зрелищное мероприятие – это видео, свет и звук. Но при этом, это еще и мощное выразительное средство для автора, а также довольно насыщенная среда воздействия на зрителя. По сути – это новый язык общения с обществом, новые коды самовыражения, влияния и взаимодействия с окружающей действительностью. Благодаря цифровым технологиям изменился процесс подготовки и создания мероприятия, способ коммуникации и использование средств выразительности. С одной стороны, он стал интереснее и мобильнее, а, с другой, требует от его создателей специальных знаний и навыков.

Сегодня мало придумать и написать сценарий, создать декорации и подобрать свет. Цифровая культура требует от режиссера, в первую очередь, понимания современных информационных технологий, их функционала, а также возможности грамотно использовать их в своем творчестве. Уже впору говорить о трансформации в части обучения и кадрового обеспечения учреждений профессиональными специалистами. Так, почти не осталось зрительных залов (областного и районного уровней), не оснащённых светодиодными экранами. А это целая индустрия: не только их продажи, но и обслуживания – от создания видеоконтента до его трансляции. Стоит сказать, что сегодня такой экран заменяет ресурсопоглощающие (время, материалы, трудозатраты) декорации, которые уже не надо создавать из фанеры, картона или металла. Достаточно вывести «картинку»: вот лес, а вот, через «клик», – улица города или космическое пространство. Такая мобильность помогает разнообразить выразительный ряд мероприятия, более точно и красочно высказать свою мысль и погрузить зрителя в необходимую атмосферу, воздействуя на его сознание. Конечно, в итоге, это экономит материальные ресурсы на зарплатах сотрудников: теперь этим может заниматься один специалист, а не бригада плотников, маляров и столяров. Так же экономия происходит и на расходных материалах и, конечно же, на времени их изготовления. Масштабные декорации создаются месяцами – от эскиза до полноценных «городов» и «квартир» из фанеры. А вот даже самые масштабные видеопроорисовки «задников» сцены, дополнительных экранных секций и т. д. займут у профессионалов в разы меньше.

Звук – этот элемент мероприятия начинается задолго до сценического пространства. Фактически все исполнители сегодня используют фонограммы «-1» – музыкальную подложку,

поверх которой поют вокалисты или играют инструменталисты. Все они сегодня далеки от механических или аналоговых технологий: студии звукозаписи оснащены современным цифровым оборудованием. Даже музыку композиторы пишут при помощи компьютерной «мыши» и специализированных программ. Это очень упрощает работу и способ записи. Да, теряется атмосфера «живого» инструмента, но, к сожалению, сегодня, это не приоритетное направление для массовой культуры.

Далее фонограмма попадает на цифровой пульт к звукорежиссеру, и, в принципе – все. Не нужны оркестры, не нужны тяжеловесные и неудобные в использовании на мероприятиях музыкальные инструменты (пианино, ударные установки и т. д.). Конечно, запись хорошей фонограммы стоит денег, однако это не останавливает путь «digital» в сфере культуры. Принимая во внимание дорогостоящую, особенно для любителей, запись фонограмм, артисты все равно не уходят от цифры. Так, для большей мобильности и «чистоты» построения мизансцен, при отсутствии фонограмм, музыканты играют на электронных цифровых пианино и барабанах (они легкие и малогабаритные), что является более мобильным и удобным средством воспроизведения звука.

Свет – выразительное средство, плотно взаимодействующее со зрительским восприятием. Именно благодаря ему мы можем реально погрузиться «в ночь», или насладиться «рассветными лучами», окунуться в атмосферу радостных танцевальных огоньков или быть ослеплены лучом прожектора. И, если раньше практически все световые приборы настраивались стационарно и вручную, управлялись при помощи тяжелого физического труда и механики, то сегодня на мероприятиях «света» стало больше в прямом и переносном смысле. Увеличилось количество световых приборов, которые могут вращаться в разных плоскостях и осях и быть мобильными и динамичными по одному «клику». Теперь светом на мероприятии, как правило, заведует один человек, сидящий за цифровым пультом и управляющий всей этой армией «пушек и голов» с помощью компьютерных программ.

Современный постановщик с техникой общается, наверное, уже даже больше и чаще, нежели чем с «живым» артистом или коллективом специалистов, ведь наедине с компьютером, при должных навыках и оснащении, можно самостоятельно создать большое полноценное шоу. Поворот в сторону цифрового общества трансформирует искусство и деятельность в сфере культуры, особенно при создании культурно-зрелищных мероприятий, в так называемое медиаискусство, где в качестве художественных средств и материалов выступают видео- и аудиоданные, анимация, средства светового дизайна, цифровых технологий [2] и т. д.

Все это «внутренняя» сторона мероприятия. А как же потребитель?

В целом цифровые технологии деятельности в сфере культуры и искусства довольно парадоксальны. С одной стороны – они мобильны и динамичны, облегчают процессы деятельности, помогают творчески развиваться и получать информацию из любой точки, приобщаясь к мировой культуре, а с другой, скрадывают обаяние «живого» творчества и первоначально требуют вложения средств. Но так ли это, при массовом господстве «цифры»?

Чем более технологично творческое мероприятие, тем быстрее оно окупается (не берем во внимание расходы, связанные с «живыми» артистами). Билет в этом случае возрастает в цене, в т. ч. из-за возможности яркого визуального и светомузыкального шоу. Но само производство творческого продукта, в итоге, происходит только один раз: единожды записав «свет», «видео» и «звук» на электронный носитель можно одно и то же представление, без дополнительных затрат, прокатывать в любом месте в любое время, пока будет спрос. При этом новые расходы будут возникать исключительно при обслуживании техники для воспроизводства представления. А вот цена билета, которая формируется в том числе и от субъективных факторов (яркость, зрелищность, имя артиста и т. д.), снижаться не будет.

Не стоит забывать и о том, что цифровые технологии щедро открывают двери для широкой аудитории. Благодаря Интернет-ресурсам и цифровым платформам количество мест в зрительном зале не имеет никакого значения. Так, единожды проведенное мероприятие в ГУК «Гродненская областная филармония» (зал на 1200 мест) посмотрело более 5000 человек и не только в день его показа. Трансляция и запись концерта увеличило аудиторию почти в 5 раз, и дало возможность насладиться зрелищем в удобное для зрителя время. Это значит, что режиссерско-постановочная группа смогла донести свои созидательные и воспитательные идеи до большего количества людей. И опять парадоксы: цифровые технологии записи, с одной стороны, упрощают

тиражирование (песня, спектакль, концерт и т. д.), удешевляют сам продукт (зачем покупать, если можно бесплатно посмотреть или послушать), но при этом влияют на стоимость оригинальных мероприятий, проходящих «в живую», добавляя продукту уникальность, избранность аудитории, тем самым повышая на него спрос и поднимая цену билета.

НО! Те же уникальные мировые проекты, проходящие на сценах Китайского национального театра в Пекине, Альберт-холле в Лондоне, оперном театре «La Scala», Сиднейском театре и т. д. опять же, благодаря возможностям «digital», доступны любому зрителю, в т. ч. Республики Беларусь. Это можно сделать, купив билет в кинотеатр, что было бы невозможно для массового потребителя, не будь цифровых технологий.

Бесспорно, благодаря трансформации общества в цифровое, происходит неизменное проникновение «digital» во все сферы жизни, в т. ч. и в реальные процессы коммуникации между зрителем и зрелищем. Учитывая субъективность восприятия искусства, эмоциональность самого процесса творчества, слияние его со строгим цифровым алгоритмом, можно только догадываться к каким еще парадоксам и трансформациям оно приведет. Но тем интереснее наблюдать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь-справочник по социологии. Учебное издание: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»; Москва; 2011, стр. 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://klex.ru/j3h>. – Дата доступа: 25.09.2023.
2. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/mediaiskusstvo-e48060>. – Дата доступа: 31.09.2023.

УДК 340.111:004

ПОНЯТИЕ «ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Бровчук Н. М.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Современный период развития общества характеризуется фундаментальными преобразованиями практически во всех сферах и областях жизни, определяющую роль в которых играют информационно-коммуникационные технологии. Итогом (но отнюдь не конечным) данных процессов стало формирование особого типа пространства, в котором информация оказывает наибольшее влияние на жизнь людей, их взаимоотношения, функционирование социальных групп, общностей и институтов. Такой тип пространства получил в социальных науках множество синонимичных названий: «информационное пространство», «социально-информационное пространство», «информационная среда» и т. д. По нашему мнению, данные определения характеризуются двумя общими чертами:

главная роль в них отводится информации как ключевому ресурсу функционирования современного общества;

они предполагают наличие социальных связей и осуществление процессов коммуникации между субъектами данного пространства.

Анализ существующей научной литературы показал, что проблематика социально-информационного пространства не является достаточно проработанной, так как наблюдается явный недостаток теоретического и эмпирического знания. Это можно объяснить тем, что изучение данной проблематики и проведение соответствующих исследований во многом осложняется высокой интенсивностью и динамичностью процессов, происходящих как в самом социально-информационном пространстве, так и в обществе в целом. При этом, на наш взгляд, чрезвычайно актуальной при изучении сущности и особенностей социально-информационного пространства современного общества представляется необходимость уделить внимание правовой области данной проблемы. В качестве примера для подтверждения можно привести слова А. А. Карцхии: «Цифровое пространство становится не только информационным полем обмена и получения информации в сети Интернет, но и превращается в инструмент для регулирования экономики и права, государственного управления. Можно говорить о "цифровизации права", т. е.

использовании новых технологий в целях оптимизации процессов и правоотношений с помощью цифровых технологий, а также создании новой цифровой реальности, которая также требует правового регулирования или присутствия уполномоченного государством регулятора» [1, с. 37].

Также необходимость исследования правовых аспектов социально-информационного пространства подтверждается возникновением совершенно нового типа рисков и угроз, предполагающих активное использование информационно-коммуникационных технологий с целью нарушения законов, причинения вреда как отдельному человеку, так и целым социальным группам, общностям, институтам. Кража персональных данных, денежных средств с банковских счетов, хакерские атаки с использованием программ-вымогателей, распространение вредоносного программного обеспечения с помощью поддельных сайтов и электронной почты и т. д. – таковы риски и угрозы, порожденные современным информационным пространством социума.

В данном контексте целесообразным представляется рассмотрение понятия «цифровые права человека». В научной юридической литературе используются также синонимичные термины, такие как информационные, виртуальные права, Интернет-права и др. Однако само понятие «цифровые права», как отмечают М. С. Абламейко и Н. В. Шакель, к настоящему времени так и не получило четкого оформления: по мнению данных исследователей, оно должно применяться в условиях цифровизации и развития современных информационно-коммуникационных технологий, в сфере информационного права, регулирующей права человека, связанные с применением информационных технологий. В данном случае речь идет о регулировании отношений в области обработки персональных данных, публикации информации в Интернете, обработке больших данных, применении искусственного интеллекта и т. д. [2, с. 21].

В научных работах М. С. Бурьянова используется термин «глобальные цифровые права человека», к которым исследователь относит право на доступ к информации, право на доступ к сети Интернет, информационно-коммуникационным средствам и технологиям, право на защиту частной жизни и личных, имущественные права в цифровом имущественном обороте, приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта и др. [3, с. 61].

Как пишет А. В. Лапутько, цифровое право «охватывает, в частности, проблематику электронных платежей, электронных и мобильных денег, электронного банкинга, защиты прав потребителей на платежных рынках, искусственного интеллекта, аналитики больших данных, конкурентных отношений в эпоху больших данных, блокчейна, криптовалюты, смарт-контрактов, цифровой идентификации и аутентификации, конфиденциальности, пересечения законодательства о конкуренции и интеллектуальной собственности, поисковых систем». При этом он указывает, что данную отрасль права сложно признать самостоятельной, в силу очевидной неоднородности регулируемой сферы и разнообразия используемых методов регулирования [4, с. 221].

Безусловно, это далеко не полный перечень исследовательских подходов к пониманию сущности цифровых прав человека, однако с уверенностью можно заключить, что данное понятие нуждается в основательной теоретической и методологической проработке, в приросте и систематизации новых знаний, которые дадут возможность на научной основе регулировать все многообразие процессов и взаимодействий между субъектами социально-информационного пространства. В свою очередь, это предполагает проведение исследований данной проблематики не только в русле юридических наук, но и в рамках других научных дисциплин социогуманитарного знания, с целью формирования более глубокого понимания сущности и специфики данного феномена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карцхия, А. А. Цифровизация в праве и правоприменении / А. А. Карцхия // Мониторинг правоприменения. – 2018. – №1 (26). – С. 36–40.
2. Абламейко, М. С. Цифровые права человека и перспективы введения их в законодательство / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – №2. – С. 19–26.
3. Бурьянов, М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации / М. С. Бурьянов // Век глобализации. – 2020. – №3. – С. 54–70.
4. Лапутько, А. В. Цифровое право / А. В. Лапутько // Новые горизонты – 2020 : сборник материалов VII Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума, 17 ноября 2020 года / Белорусский национальный технический университет. – Минск : БНТУ, 2020. – Т. 2. – С. 220–221.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМЫ ИННОВАЦИЙ

Вашко И. М.

*доцент кафедры экономического развития и менеджмента Института управленческих кадров
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Вашко О. А.

*доцент кафедры философии
Белорусского государственного экономического университета
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Одной из ключевых задач развития экономики Беларуси является повышение ее эффективности на основе цифровизации. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. отмечается, что в современных условиях значительно ускорятся процессы цифровизации, качественное развитие будет обеспечено путем повышения производительности труда и оптимизации других факторов, определяющих экономическую эффективность деятельности субъектов хозяйствования [1]. Цифровизация создает принципиально новые возможности в разработке и внедрении инновационных бизнес-моделей в организациях и трансформации видов экономической деятельности на базисе развития экосистемы инноваций.

Концепция экосистемы инноваций исходит из концепции бизнес-экосистем, предложенной Дж. Ф. Муром (1993 г.), согласно которому в бизнес-экосистеме субъекты совместно развивают возможности новой инновации: они взаимодействуют на конкурентной основе для поддержки новых продуктов, удовлетворения новых потребностей клиентов и, в конечном итоге, внедрения следующего круга инноваций [2]. Экосистема инноваций включает совокупность ключевых компонентов: субъекты, институты, их функционирование и взаимодействие, коэволюцию, инновационные продукты и технологии [3]. В концепции экосистемы инноваций выделяют ценность создаваемых инновационных продуктов и продуктивное сотрудничество участников экосистемы [4]. При этом социальное поведение взаимодействующих субъектов должно быть направлено на обеспечение сбалансированности, общности, ясности понимания и конкретизации во внедрении инноваций, а также взаимодополняемости и конкуренции при разработке и использовании инновационных продуктов и инновационных технологий. При этом важным является формирование общественных институтов поддержки инновационной деятельности.

Эволюционирующий характер экосистемы инноваций приводит к тому, что экосистемы формируются и развиваются на наднациональном, национальном, региональном и корпоративном уровнях. Развитие концепции экосистемы инноваций является важным для точного определения новых системных аспектов инноваций, таких как стратегии активизации разработки и реализации инновационных проектов, дружественные интерфейсы, обеспечивающие достижение дополнительных преимуществ при взаимодействии участников, что достигается в условиях цифровизации. Открытые инновационные процессы, развивающиеся на основе цифровизации, позволяют избежать замкнутости и придают гибкость динамической экосистеме инноваций.

Таким образом, можно отметить, что формирование и развитие экосистемы инноваций в Беларуси неразрывно связано с развитием цифровизации, использованием ее возможностей. Разработка и внедрение прогрессивного опыта в развитии экосистем инноваций приобретает все большую значимость. Это позволяет более эффективно использовать элементы инновационной инфраструктуры страны, развивать сотрудничество и поддерживать взаимодействие ее субъектов, более широко внедрять современные бизнес-модели.

Новые цифровые бизнес-модели используются в ряде организаций. Применение цифровизации в организации меняет ее внешнюю среду, ее взаимодействие с другими субъектами, а также внутренние процессы, в частности, в области менеджмента, передачи информации, применяемые бизнес-модели, процедуры, требования к квалификации и

компетенциям работников. На основе совершенствования бизнес-моделей и в ряде случаев их радикального изменения, оптимизации бизнес-процессов организации могут увеличить доход и прибыль, сократить затраты, привлечь новых потребителей, расширить рынки сбыта инновационных продуктов.

В современных условиях цифровизация организаций обеспечивается на основе применения компьютеров, ИТ-систем, элементов сетей, в том числе точек доступа к глобальной сети Интернет, инновационных сетей. Вопросы цифровизации деятельности и оптимизации на этой основе бизнес-процессов являются все более важными для организаций. В коммерческих организациях значительная доля продаж происходит онлайн. Активно используются облачные системы хранения информации, развиваются прогрессивные технологии на основе использования возможностей искусственного интеллекта. Это связано с рисками информационной безопасности, в обеспечении кибербезопасности, уязвимостью программного обеспечения, кибератаками. Проблемным аспектом является возможность атаки на цифровые активы отечественных организаций, что необходимо учитывать при разработке и применении бизнес-процессов и их оптимизации.

В условиях цифровизации можно выделить такие ключевые задачи менеджмента организации как: оптимизация бизнес-процессов на основе прогрессивных информационно-коммуникационных технологий; поддержание высокого уровня квалификации менеджеров и специалистов; обеспечение высокой степени готовности к изменениям и вызовам внешней информационной среды. Инструменты цифровизации позволяют обеспечивать анализ больших массивов данных, применять машинное обучение, развивать интернет вещей, использовать виртуальную и дополненную реальность, трехмерное моделирование и печать и др. Их применение может оказать эффект на производительность и рынок труда, систему образования и подготовки кадров.

Цифровая трансформация экономики должна включать следующие ключевые компоненты:

1. Разработка планов бизнес-трансформации организаций, основанных на четкой стратегии формирования современной цифровой организации.
2. Создание необходимых условий для стимулирования применения цифровых технологий в организациях.
3. Выработка структурированного подхода к выявлению рисков.
4. Создание системы непрерывной интеграции инноваций в корпоративную культуру организаций.
5. Формирование гибких операционных моделей для эффективного планирования, регулирования и контроля цифровых процессов.

Направления формирования цифровой инфраструктуры бизнеса в Беларуси включают: развитие национальной системы электронной торговли; оказание содействия малому и среднему бизнесу по использованию информационно-коммуникационных технологий и интернета для производственно-хозяйственной деятельности и сбыта продукции; обеспечение безопасности цифровой инфраструктуры бизнеса; развитие интернета вещей; внедрение электронных технологий.

Значительным является потенциал инновационных кластеров в формировании экосистемы. Программой социально-экономического развития Беларуси до 2025 г. предусматривается дальнейшее развитие инновационно-промышленных кластеров (ИПК) [1]. ИПК способствуют активизации инновационной деятельности за счет совместного использования ресурсов, сотрудничества, трансфера передовых технологий. Важным является взаимодействие в рамках кластеров с университетами, обеспечивающими необходимую подготовку специалистов области инновационной деятельности, в развитии инновационных кластеров и реализации предпринимательских инициатив.

В формировании экосистемы инноваций важным является дальнейшее развитие инновационной инфраструктуры, активизация деятельности технопарков, создание их филиалов, поддержка инновационной деятельности резидентов технопарков. Для разработки и реализации инновационных проектов важным является оказание консалтинговых услуг, в том числе и в сфере информационных технологий, возможность трансфера технологий, формирование и развитие инновационных сетей. Перспективным для развития цифровизации является использование инновационных экосистем кластеров, развивающихся в Беларуси, таких как: ИПК биотехнологий

и зеленой экономики «Полесье»; ИПК «Союз медицинских, фармацевтических и научно-образовательных организаций «Медицина и фармацевтика – инновационные проекты»; ИПК в области аграрных биотехнологий и «зеленой» экономики Горецкого района на базе УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» и ООО «Технопарк Горки»; Инновационно-промышленный нефтехимический кластер в г. Новополоцк; Инновационно-промышленный композитный кластер в г. Полоцк; Ассоциация «Инновационное приборостроение»; «Инновационно-промышленный кластер «Микро-, опто- и СВЧ-электроника».

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы: во-первых, формирование экосистемы инноваций является неотъемлемым условием инновационного развития экономики; во-вторых, экосистема инноваций оказывает положительное воздействие на обеспечение эффективности процесса цифровизации экономики Беларуси; в-третьих, государственная экономическая политика, направленная стимулирование и поддержку развития экосистемы инноваций, также будет стимулировать и развитие инновационной деятельности в стране на основе цифровизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля. 2021 г., №292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Moore, J. F. Predators and prey: a new ecology of competition / J. F. Moore // Harvard Business Review [Electronic resource]. – 1993. – Vol. 71 (3). – Mode of access: <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>. – Date of access: 02.10.2023.
3. Granstranda, O. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition / O. Granstranda, M. Holgerssonb // Technovation [Electronic resource]. – 2020. – vol. 90-91. – Mode of access: – <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0166497218303870>. – Date of access: 02.10.2023.
4. Vasconcelos, G. Unpacking the innovation ecosystem construct: evolution, gaps and trends / G. Vasconcelos [et al.] // Technological Forecasting and Social Change [Electronic resource]. – 2018. – vol. 136. – Mode of access: https://econpapers.repec.org/article/eetefoso/v_3a136_3ay_3a2018_3ai_3ac_3ap_3a30-48.htm. – Date of access: 07.08.2023.

УДК 304.3

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ¹

Гордеева С. С.

*доцент кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
кандидат социологических наук, доцент
г. Пермь, Россия*

Шарынова С. Ю.

*старший преподаватель кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия*

Питание традиционно играет важную роль в поддержании здоровья и регуляции всех функциональных систем в организме человека. Нерациональные практики питания обуславливают развитие целого ряда заболеваний, снижение умственной и физической работоспособности, а также сокращение продолжительности жизни населения. Органы государственной власти в целях сохранения здоровья населения призваны осуществлять регулирование пищевой промышленности, а также обеспечивать контроль в доступности основного набора продуктов питания для жителей страны. Так, согласно Доктрине Продовольственной безопасности РФ, состояние экономики страны определяет ее возможности в

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00480, <https://rscf.ru/project/23-18-00480/>.

обеспечении физической и экономической доступности для каждого гражданина пищевых продуктов в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни [1].

В условиях пандемии–постпандемии COVID-19 и западных санкций, наблюдается нестабильная социально-экономическая ситуация (см. таблицу 1). В Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ) в 2020 г. резко возрастает количество безработных, вместе с этим в Беларуси происходит стабильное снижение доходов, а в России «не растет» заработная плата.

Таблица 1. Социально-экономические показатели РФ и РБ (в % к предыдущему году)

Социально-экономические показатели		2019	2020	2021
Реальные располагаемые денежные доходы	РФ	101,2	98,0	103,0
	РБ	106,1	104,7	102,1
Реальная начисленная заработная плата	РФ	104,8	103,8	104,5
	РБ	106,5	108,8	105,1
Численность безработных	РФ	94,7	124,7	84,0
	РБ	87,1	96,7	95,5

Представлено на основании данных: Беларусь и Россия. 2022 : Стат.сб. / Росстат, Белстат, – М. : Росстат, 2022. – 206 с.

Описанная выше ситуация влечет за собой сокращение экономической доступности населения в потреблении продуктов питания, например, создается дефицит некоторых категорий продуктов или происходит их удорожание [2]. Это обуславливает высокие расходы семей на обеспечение их жизнедеятельности. По данным исследования «Ромир», в 2021 г. в бюджете среднего российского домохозяйства расходы на еду и товары повседневного спроса составили 44,3 % [3].

Официальный новостной ресурс РИА Новости (2022 г.) сообщает, что, Россия занимает 31 место среди стран по доли расходов на продукты питания (32,2 %). В сравнении, жители Люксембурга тратят на продукты 8,4 %, Великобритании – 10,5 % Беларуси – 37,6 %. Исследователи отмечают, что низкий уровень доходов населения лишает возможности выбора и приобретения продуктов питания в соответствии со своими пищевыми предпочтениями и ведет к неполноценному питанию [4].

Для анализа влияния социально-экономических факторов на питание населения России и Беларуси были проанализированы доступные статистические данные по расходам домашних хозяйств на продукты питания с 2019 по 2022 гг [5].

За исследуемый период жителям РБ всех типов домашних хозяйств была свойственна более высокая доля затрат на продукты питания по сравнению с жителями РФ. Так, например, в 2021 году эти затраты представителей трех групп домашних хозяйств РФ составляли в пределах 30,5–36,6 %, а РБ – 34,1–40,1 %. Это может быть связано как с заработной платой (в РБ в 2022 г. среднемесячная зарплата была на 12 % выше, чем в РФ), так и с доступностью продуктов питания в этих странах. При этом в обеих странах увеличивались затраты на продукты питания в общем объеме потребительских расходов. Возможно, эта динамика затрат объясняется введенным в 2020 году режимом самоизоляции, который стимулировал людей закупаться продуктами питания «впрок». В результате в семьях стали больше готовить дома вследствие закрытия многих ресторанов и кафе. Кроме того, из-за увеличения спроса на определенные продукты (сахар, хлеб, подсолнечное масло, яйца и др.) шел процесс роста цен, что также привело к росту расходов на питание.

Особый исследовательский интерес представляет анализ динамики доли расходов на продукты питания в домашних хозяйствах с детьми. Как в РФ, так и в РБ доля расходов в домохозяйствах с детьми составляет в пределах трети в общем объеме потребительских расходов. Данные расходы снижаются за счет предоставления полноценного школьного питания в течение учебного года. При этом домашнее питание в домохозяйствах имеет тенденцию к ухудшению в условиях неблагоприятного влияния социально-экономических факторов, что может привести к увеличению заболеваемости детей по классам нервной и эндокринной систем, желудочно-кишечного тракта и органов пищеварения в случае ухудшения социально-экономического благополучия семей [2].

Территориальная дифференциация населения РФ и РБ по уровню доходов обуславливает различные доли расходов на продукты питания. Больше всех расходы на продукты у жителей сельской местности из-за низкого уровня их социально-экономического положения по сравнению с горожанами. Кроме того, одной из причин может выступать отдаленность сельских территорий от крупных продуктовых магазинов, в связи с чем сельчане стабильно ежемесячно выделяют средства для большой закупки в магазинах близлежащих городов. У городских жителей покупки продуктов в течение года происходят более равномерно, по мере ежедневной необходимости. Исследователи указывают следующие различия в предпочтениях в рационах питания у представителей городского и сельского населения: более рациональный и полноценный набор продуктов в городской среде (более высокое потребление красного мяса, молочных продуктов, сырых фруктов, овощей), менее рациональный характер питания в сельской среде (более высокое потребление сливочного масла, сахара в сыром виде, солений) [6].

В целом картина по структуре расходов домашних хозяйств на покупку отдельных групп продуктов питания выглядит стабильно (см. таблицу 2.). Это позволяет сделать вывод о том, что рацион питания у населения двух государств на фоне социально-экономических проблем существенно не изменился. Произошло лишь незначительное замещение: на 1–2 % снизилась доля расходов на дорогие продукты питания (мясо и мясные продукты, рыба и морепродукты, молоко и молочные продукты), при этом увеличилась на дешевые (масла и жиры). Имеются различия в расходах жителей двух стран на отдельные продукты питания двух. В РБ больше затраты на молоко, молочные продукты и яйца, тогда как в РФ – на овощи, рыбу и морепродукты.

Таблица 2. Доля расходов домашних хозяйств на покупку отдельных групп продуктов питания в общем объеме расходов на продукты питания, %

№	Группы продуктов питания	2019		2020		2021		2022	
		РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ	РФ	РБ
1.	Хлебобулочные изделия и крупы	15,5	15,3	15,9	15,1	12,7	14,5	13,4	14,8
2.	Картофель	1,3	0,9	1,3	1,0	1,2	1,2	1,2	1,2
3.	Овощи и бахчевые	7,2	5,5	7,2	5,4	7,5	5,5	7,3	5,5
4.	Фрукты, орехи, ягоды	7,3	6,9	7,6	7,6	7,5	7,5	7,3	7,2
5.	Мясо и мясные продукты	27,9	28,1	26,9	27,2	26,1	26,7	25,5	27,6
6.	Рыба и морепродукты	6,9	5,0	6,8	5,0	6,8	5,1	6,7	4,7
7.	Молоко и молочные продукты	16,3	20,5	16,9	20,8	14,3	20,9	14,0	19,7
8.	Сахар, джем, мёд и кондитерские изделия	6,8	5,3	6,6	5,2	6,5	5,2	7,0	5,4
9.	Яйца	1,5	1,7	1,5	1,7	1,6	1,9	1,5	1,9
10.	Масла и жиры	1,5	1,6	1,4	1,7	3,7	2,1	4,0	2
11.	Другие виды продуктов питания	8,0	9,2	8,0	9,3	12,1	9,4	12,5	10

Подводя итог нашему анализу, имеются основания для следующих выводов. Во-первых, доля затрат на продукты питания в общем объеме потребительских расходов в РФ и РБ значительна (выше 30 %). В период 2019–2022 гг. рассматриваемый показатель имел тенденцию к увеличению на фоне социально-экономической нестабильности и действия западных санкций в этих странах. Во-вторых, жителям сельской местности этих государств свойственны более высокая доля расходов на продукты питания по сравнению с горожанами и менее рациональный (полноценный) характер их потребления. В-третьих, к 2022 году отмечается смещение рациона питания, как в РБ, так и в РФ, в сторону увеличения потребления сахара, кондитерских и хлебобулочных изделий при достаточно низких показателях покупки овощей и фруктов, что влечет за собой риски потери здоровья и преждевременной смертности населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации, 30 янв. 2010 г., № 120.
2. Ахметов, Т. Р. Влияние социально-экономических факторов и рациона питания в семье на здоровье детей и подростков / Т. Р. Ахметов, Р. М. Садыков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – № 30(6). – С. 1259–1264.
3. Аналитический обзор Ромир: «Доля еды и товаров повседневного спроса в бюджете россиян увеличилась на 4,6% за месяц» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://romir.ru/studies/dolya-edy-i-tovarov-povsednevnogo-sprosa-v-byudjete-rossiyan-uvelichilas-na-46-za-mesyac> – Дата доступа: 03.09.2023.

4. Боткин, О. И. Социально-экономические факторы продовольственной безопасности регионов / О. И. Боткин, А. И. Сутыгина, П. Ф. Сутыгин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 12–20.

5. Федеральная служба государственной статистики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271>. – Дата доступа: 03.09.2023. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066#>. – Дата доступа: 03.09.2023.

6. Карамнова, Н. С. Городская и сельская модели питания: есть ли различия? Результаты эпидемиологического исследования ЭССЕ-РФ / Н. С. Карамнова, С. А. Шальнова, В. И. Тарасов // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2019. – № 4. – С. 77–86.

УДК 331.5

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ НИВЕЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА НА РЫНКЕ ТРУДА

Груздева М. А.

*заместитель заведующего отделом исследований уровня и образа жизни населения,
заведующий центром социокультурных и политических исследований,
ведущий научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки «Вологодский
научный центр Российской академии наук»,
кандидат экономических наук
г. Вологда, Россия*

Глобальные трансформационные процессы приносят качественные изменения во все формы экономической и социальной деятельности. При этом проявление этих тенденций имеет существенное влияние не только на глобальном, но и на национальном, региональном и локальном уровнях, где темпы адаптации экономики и общества к трансформациям существенно различаются. Это приводит к усилению пространственной неравномерности развития. Различия обусловлены в том числе фактором периферийности – удаленности от «точек роста», территориально ассоциированных с городами.

Современные тенденции внедрения технологических новшеств и цифровая трансформация, с одной стороны, рассматриваются как реальная возможность выравнивания информационного пространства, обеспечения коммуникации, доступа к различным услугам, дистанционному образованию и удаленной занятости, и иным возможностям на периферийных территориях, отдалённых от крупных городов и агломераций. С другой – сами являются источником дифференцированности. Значимым остается ряд ограничений, связанных с неразвитостью информационной инфраструктуры, затратностью ее модернизации и расширения, отсутствием или низким качеством услуг связи, недостаточным уровнем мотивации и грамотности населения и так далее. В связи с этим актуальным является наблюдение за динамикой цифрового развития различных территорий страны с целью понимания тенденций, перспектив и ограничений экономического и общественного развития, возможностей повышения качества жизни населения. В докладе рассматривается потенциал цифровизации для нивелирования проблем территориального дисбаланса на рынке труда.

Отличия в цифровом развитии между различными территориями и их жителями подтверждаются многими исследованиями. Общее влияние цифровизации на развитие территорий имеет как позитивную, так и негативную окраску. С одной стороны, к возможным негативным сторонам цифровизации относят рост экономического неравенства между странами, потенциальное увеличение безработицы, а также отдельных криминогенных факторов; в разрезе городов и сельской периферии снижение спроса на прежние квалификации и профессии традиционной занятости [2; 4; 10]. С другой стороны, повышение цифровой доступности способно стать катализатором позитивных изменений, а именно повышения качества жизни населения, доступности социально-значимых услуг [6], роста мобильности труда [9], развития конкурентоспособности на региональном и национальном уровне [7], распространения удаленной занятости и закрепления трудовых ресурсов в малых городах и сельских территориях [5]. Удалённость сельских территорий и муниципальных образований от центра должна компенсироваться интеграцией в цифровую экономику [1].

Несмотря на актуальность проблематики и наличие научного интереса к ней, она все еще является недостаточно изученной. Исследования, посвященные оценке потенциала цифровизации национальных и региональных территориальных образований, остаются лишь единичными, а применительно к сельской местности практически отсутствуют. При проверке исследовательских гипотез влияния фактора места проживания (именно в разрезе «город-село») на различные аспекты цифровизации были сделаны следующие выводы:

Доказано распространение цифровых разрывов среди российских регионов по оси «урбанизированные-аграрные» [8].

Для жителей сельских территорий менее доступны широкополосные проводные подключения и персональные компьютеры, поэтому они несколько чаще пользуются мобильными телефонами и мобильным интернетом, тогда как жители городов совмещают использование высокосортного интернета дома и на работе и мобильной связи высокого качества в других необходимых случаях.

Важным ограничительным фактором использования интернета в периферийных территориях является отсутствие технической возможности подключения (в 2018 году данная причина была актуальна для 14 % сельских жителей и только для 3.5 % горожан, не имеющих доступа к сети интернет; причем доля таких ответов не сокращается, несмотря на постепенное расширение зон покрытия).

Актуальны и проблемы, связанные с финансовой стороной вопроса: в условиях экономии затраты на услуги связи и интернет, являются вторичными для селян.

По уровню цифровой грамотности (наличие повседневных и специальных цифровых навыков) жители сельских территорий в пределах 11–18 % отстают от жителей городов. Это связывается с преимущественно низко цифровизированными сферами приложения труда сельских жителей, а также особенностями образа жизни, где присутствует значительное количество ручного труда по организации быта, сокращающего количество свободного времени.

Принимая за условие, что организации сельского и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства размещаются преимущественно в сельской местности, сделан вывод об отставании и в параметрах цифрового развития организаций в периферии. В отраслях социальной сферы по немногочисленным доступным данным ситуация схожая.

Данные факты сподвигли нас получить более углубленные знания об использовании благ цифровизации в сельских территориях, и принимая в расчет низкое качество и объемы муниципальной статистики, был разработан инструментарий качественного исследования и проведены экспертные интервью с главами сельских поселений и малых городских поселений.

Среди глав поселений окружения райцентров и районной периферии сложилось две точки зрения на возможности развития цифровизации на их территории. Согласно первой, её перспективы оцениваются высоко, поскольку для этого есть все необходимые условия. Однако отмечается важность развития необходимой инфраструктуры. Кроме того, в некоторых случаях отмечается тот факт, что, несмотря на имеющиеся условия и возможности (наличие интернет-соединения), население не готово ими пользоваться, в т. ч. и для поиска вакансий. Другая точка зрения отражает низкий потенциал цифровизации вследствие отсутствия соответствующей инфраструктуры, мелкоселенности территории, а также сложившейся структуры экономики. Активная трудовая миграция, изменение демографической структуры в пользу увеличения доли пожилых людей делает для глав поселений порой невыполнимой задачей поиска сотрудника на должности, не требующие цифровых навыков. В данном случае отлично включается функция ручного управления и за каждого специалиста главы «сражаются». Очаги минимальной цифровизации организаций (в торговле, банковском секторе, оказании социальных услуг, управлении), единичные примеры удаленной работы с использованием цифровых сервисов «теплятся» в относительно крупных и заселенных сельских территориях, которые обладают рядом преимуществ, такие как нахождение вблизи крупных агломераций, близость крупных транспортных узлов, оригинальные объекты (туристская инфраструктура, культурные объекты, промышленные объекты)

Цифровизация обладает существенными перспективами по сближению качества и образа жизни городских и сельских жителей, повышению доступности социально-значимых услуг, качественного образования, интересного досуга, созданию условий для профессиональной реализации в различных сферах, в том числе удаленной работы. Однако анализ ключевых

тенденций цифровизации показал наличие различий между городами и сельской периферией. С учетом существующей динамики потребуется еще минимум 7 лет для достижения сельскими территориями доступности интернета как в городской местности (рассчитано с использованием метода «расстояние во времени»). В данном случае за рамками прогнозирования остаются финансовые возможности сельских жителей по приобретению и обслуживанию постоянно растущей в цене компьютерной техники и услуг связи. Поэтому нельзя однозначно позитивно характеризовать потенциал цифровизации в нивелировании проблем территориального дисбаланса на рынке труда, на данный момент она скорее углубляет неравенства между периферией и крупными городами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александров, И. Н. Влияние цифровой экономики на саморазвитие сельских территорий (на примере регионов Северо-Западного федерального округа России) / И. Н. Александров, М. Ю. Федорова // Проблемы современной экономики. – № 3 (71). – 2019. – С. 246–250.
2. Грачев, С. А. Анализ влияния цифровизации экономики на занятость в региональном научно-исследовательском секторе / С. А. Грачев // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – №3. – С. 675–694. – doi: 10.18334/ce.15.3.111767.
3. Груздева, М. А. Города и сельская периферия: ключевые тенденции цифровизации / М. А. Груздева // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 90–107. – doi: 10.14258/ssi(2022)4-05.
4. Рожкова, А. Ю. Действие национальной системы квалификаций на рынке труда: подходы и перспективы / А. Ю. Рожкова, И. В. Андреевна // Управление устойчивым развитием. – 2020. – №4 (29). – С. 100–110.
5. Соловьева, Т. С. Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий / Т. С. Соловьева // Экономика труда. – 2022. – Том 9. – № 7. – С. 1147–1166. – doi: 10.18334/et.9.7.114801.
6. Троцкий, А. Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор / А. Я. Троцкий // Экономика Профессия Бизнес. – 2021. – № 3. – С. 125–132. – doi: 10.14258/epb202147.
7. Усков, В. С. К вопросу о цифровизации российской экономики / В. С. Усков // Проблемы развития территории. – 2020. – № 6 (110). – С. 157–175. – doi: 10.15838/ptd.2020. 6.110.10.
8. Шабунова, А. А. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России / А. А. Шабунова, М. А. Груздева, О. Н. Калачикова // Проблемы развития территории. – 2020. – № 4 (108). – С. 7–19. – doi: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
9. Christensen, J. The Industrial dynamics of the new digital economy / J. Christensen, P. Maskell. – London: Edward Elgar Publishing Ltd, 2003. – 271 p.
10. Coyle, D. The Weightless World: Strategies for Managing the Digital Economy / D. Coyle. – Cambridge, MA: MIT Press, 1999. – 250 p.

УДК 316.344.34:316.477:004(476)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО РАБОТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Денискина А. И.

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Конкурентоспособность работника как его комплексное персональное качество является производным от закона конкуренции феноменом [1, с. 82]. Значимость персональной конкурентоспособности работника приобрела новое значение в контексте цифровизации. Появление новых технологий и растущий спрос на цифровые навыки привели к изменению типов компетенций, которые востребованы в современной рабочей силе. Цифровизация вызвала необходимость быстрой, даже опережающей адаптации работников к меняющимся технологическим укладам посредством приобретения и внедрения в свою профессиональную деятельность целого ряда цифровых навыков.

Согласно данным республиканского социологического исследования¹, для работников Беларуси в рамках анализа конкурентоспособности прослеживается связь между компетенциями как предпосылками и конкурентоспособностью как следствием актуализации этих предпосылок. Анализ востребованности с точки зрения работающего населения различных навыков и качеств, позволяющих обеспечить себе успешную профессиональную реализацию, показал, что на первом месте по силе воздействия совокупность предпосылок, которые по сути своей являются цифровыми компетенциями. «Цифровая компетентность» объединяет такие компетенции, как: «цифровая грамотность», «умение осваивать и внедрять в свою профессиональную деятельность цифровые технологии и сервисы», «владение профессиональным программным обеспечением, приложениями, техническим оборудованием и устройствами и т. д., использующими цифровые технологии». Совместный частотный выбор, маркирует то, каким образом в массовом сознании одни переменные соединяются с другими, то есть мы можем говорить о фокусе ценностей. Вектор трудовой стратегии работников, направленный на достижение персонального благополучия посредством получения новых профессиональных цифровых компетенций (далее ПЦК) и их последующего внедрения в повседневные трудовые практики, становится конкурентным преимуществом работника.

Изменения в трудовых практиках, вызванные цифровизацией – это в настоящее время устойчивый тренд, который будет только усиливаться. Цифровая трансформация характеризуется внедрением технологических решений в профессиональную деятельность все большего количества работников, и тесное взаимодействие с программами, сервисами, оборудованием, чья работа построена на использовании цифровых технологий становится неизбежной необходимостью. Для минимизации социальных рисков, обусловленных цифровизацией рынка труда, правительствами стран были разработаны программы, направленные на ускорение внедрения цифровых технологий в экономику, что позволит усилить национальную безопасность стран и улучшить качество жизни людей. Одной из целей Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь [2, с. 36] на период до 2035 года явилось повышение конкурентоспособности рабочей силы посредством разработки стимулов для подготовки и переподготовки кадров в течение всей трудовой жизни. На реализацию этой цели направлены Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» [3] на 2021–2025 и Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» [4] на 2021–2025 годы.

Поскольку долговременное планирование навыков, которые будут актуальны в будущем, представляется практически невозможным, приобретение новых и повышение профессиональных и околопрофессиональных цифровых навыков работниками на постоянной основе позволит им находиться в заведомом лучшем конкурентном положении в условиях цифровизации инфраструктуры трудовой сферы.

В Республике Беларусь до настоящего времени не сформирован единый подход в оценке профессиональных цифровых компетенций работающего населения. В силу того, что внедрение цифровых инноваций в профессиональную деятельность в разных странах происходит неравномерно, не синхронно и во многом зависит от поставленных государством задач, с целью преодоления ограничений существующих международных методик была разработана и апробирована авторская методика, позволяющая получить интегральную обобщенную оценку ПЦК работников в Беларуси. В основу моделирования интегральных показателей легли самооценки работниками своих знаний и навыков, связанных с освоением, владением и внедрением в свою профессиональную деятельность цифровых программ, сервисов, оборудования для работы. Самооценки позволили избежать основного ограничения имеющихся методик (их формально-обобщенного подхода) посредством персонализации труднодоступного объекта изучения – ПЦК, востребованных в профессиональной деятельности каждого конкретного работника. Методика также учитывает умение работников адаптироваться к изменениям в профессиональной сфере в условиях внедрения цифровых технологий. Это повышает объективность информации в разрезе актуальных тенденций на рынке труда. В зависимости от степени обладания профессиональными цифровыми компетенциями были

¹ Эмпирической основой исследования явилась база данных, сформированная в результате республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре – октябре 2021 года (объем выборки составил 1507 чел., ошибка выборки не превышает $\pm 2,52\%$).

сформированы 5 групп респондентов. По результатам исследования, распределение работников по группам имеет следующий вид (см. рисунок 1).

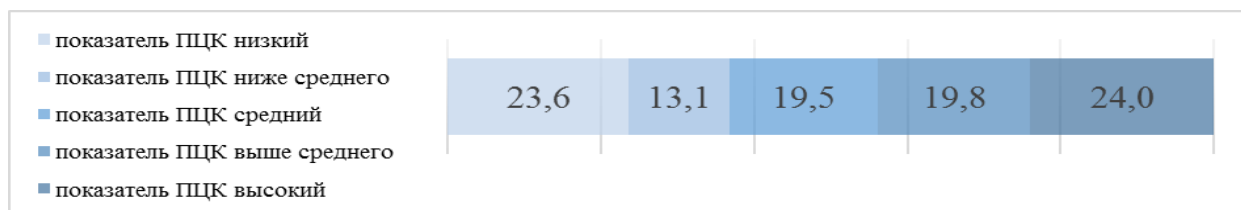

Рисунок 1. Группы работников, выделенные в зависимости от степени обладания профессиональными цифровыми компетенциями, в % от работающего населения РБ

Дальнейший сравнительный анализ карьерных и профессиональных успехов работников в зависимости от наличия у них профессиональных цифровых компетенций показал, насколько ПЦК влияют на построение успешных карьерных и профессиональных треков. Работники в группе с высоким показателем ПЦК обладают не только широкими знаниями и навыками в области цифровых технологий, но и умеют эффективно их применять в своей профессиональной деятельности. Они способны быстро адаптироваться к новым технологиям и требованиям рынка, активно развиваться и достигать высоких результатов. Имеет место тенденция повышения уровня успешности в сфере профессионального развития и адаптации к цифровым технологиям с ростом показателя ПЦК. (см. рисунок 2). Это обусловлено комбинацией факторов, включая обучение, самоорганизацию, статус и активное обновление знаний.

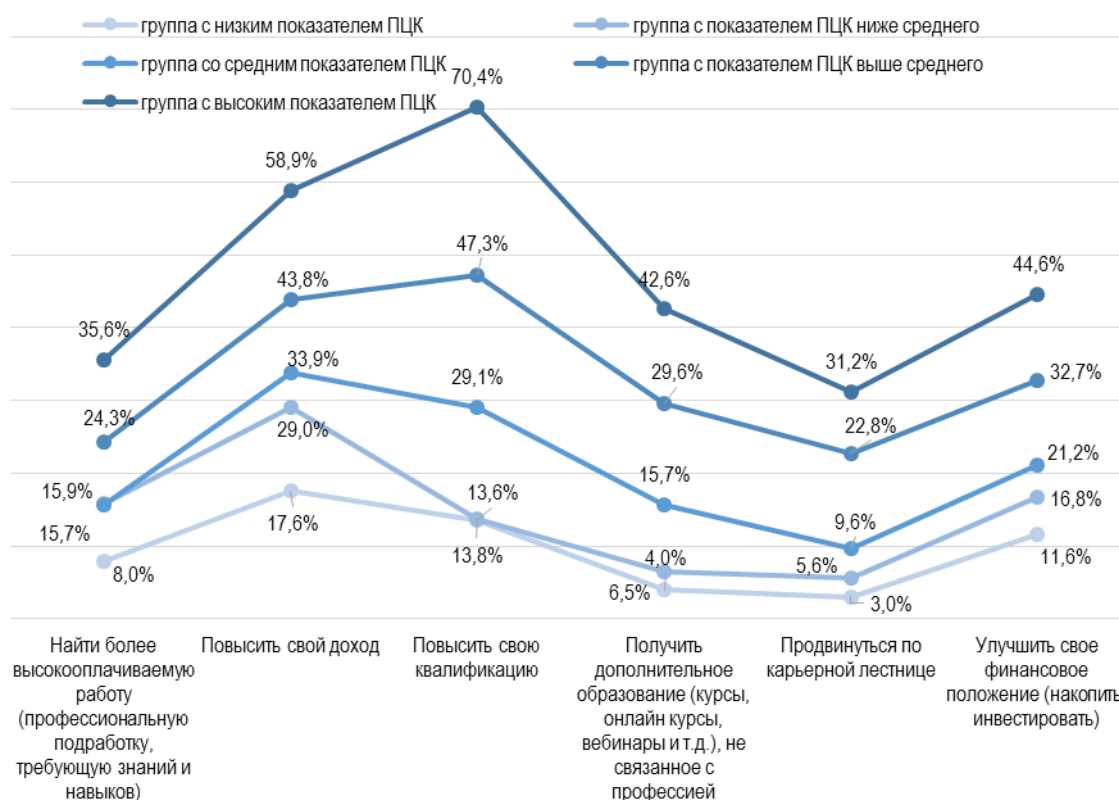

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Удалось ли Вам за последние 2 года?», % по группам

Для развития личной стратегии профессионального развития и конкурентоспособности в условиях возросших рисков для занятого населения имеют значение как субъективные предпосылки, выступающие мотивационными ориентирами, так и объективные предпосылки, в совокупности они обеспечивают те изменения, которые ведут к успеху. Важно видеть социально-экономический ориентир, которым может выступать группа с высоким уровнем профессиональных цифровых компетенций, поскольку занятые, включенные именно в эту группу демонстрируют высокие успехи и достижения во многих сферах жизнедеятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соколова, Г. Н. Экономическая социология / Г. Н. Соколова. – Мн. : Навука і Тэхніка, 1995. – 255 с.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf>. – Дата доступа: 24.06.2023.
3. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа: 24.06.2023.
4. Государственная программа «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/Zanjatost-2021-2025-gosprogramma-1.pdf>. – Дата доступа: 24.06.2023.

УДК 32.01+32:002:004.8

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСТРИБУТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ильина Е. М.

*доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

В политологии методология структурно-функционального подхода к анализу политической системы, наиболее видным представителем которого считается американский ученый Г. Алмонд, исходит из того, что для эффективного функционирования политическая система должна обладать определенными способностями, одной из которых является дистрибутивная функция. Данная функция направлена на авторитарно-властное распределение ресурсов и ценностей, чтобы обеспечить интеграцию, баланс и согласие интересов различных групп внутри социума.

Под воздействием цифровых технологий и трендов из внешней среды на «вход» политической системы неизбежно поступают вызовы с вариативными и неопределенными последствиями, трансформирующие как политическую систему в целом, так и ее отдельные подсистемы и функции. Одним из импульсов, кардинально преобразующим дистрибутивную функцию, может стать такая программа социальной помощи, как базовый безусловный доход (далее – ББД), который выплачивается всем в индивидуальном порядке наличными денежными средствами на условиях периодичности, универсальности и безусловности [1].

Идея ББД, зародившаяся еще в период позднего Средневековья, стала активно обсуждаться и практиковаться в качестве политической альтернативы в США и ряде экономически развитых стран Европы со второй половины XX в., получив сегодня наибольшую популярность. Согласно данным отчета European Social Survey (Европейского социального исследования), полученным по результатам социологического опроса жителей 23 стран мира в 2016–2017 гг., ББД получил широкую общественную поддержку в Европе (в частности более 60 % респондентов в Литве, России, Израиле, Венгрии, Португалии и Словении выступают за введение ББД) [2]. При этом, согласно опросу исследовательского центра интернет-портала SuperJob, в 2023 г. 56 % экономически активных россиян (каждый второй респондент) одобряют введение ББД и за последние два года число сторонников данной концепции выросло на 6 % [3]. Однако, несмотря на общественный интерес и внимание властей к теме ББД, в научном дискурсе пока не сложилось определенного мнения о размерах, целях, источниках, издержках и положительных эффектах ББД, а политическая практика его применения не имеет постоянного и системного характера, ограничиваясь локальными, экспериментальными проектами (например, в Нидерландах, Канаде, Финляндии, Великобритании).

Политика распределения средств через ББД в наибольшей степени коррелируется с изменениями природы труда и характера его рынка в условиях цифровой трансформации, что придает новое актуальное наполнение данной дискуссионной повестке дня. Аналитики международной сети консалтинговых компаний PwC, проанализировав влияние автоматизации на более чем 200 тыс. рабочих мест в 29 странах, пришли к выводу, что с одной стороны искусственный интеллект, робототехника и другие формы интеллектуальной автоматизации могут принести огромную экономическую выгоду, внося до 15 трлн долларов в мировой ВВП к 2030 г., что создаст повышенный спрос на новые рабочие места и виды занятости, а с другой – есть серьезные опасения значительного

роста безработицы по причине постепенного замещения работников со средним или низким уровнями навыков роботизированными технологиями, что приведет к сокращению 300 млн рабочих мест уже к 2035 г. и еще больше усугубит неравенство доходов [4].

Как отмечает в своем блоге генеральный директор компании по разработке технологий на основе машинного обучения OpenAI С. Альтман, «рекурсивный цикл инноваций четвертой революции искусственного интеллекта создаст феноменальное богатство, снизив стоимость рабочей силы, и изменит мир так радикально и быстро, что потребуются столь же радикальные изменения в политике, чтобы распределить это богатство. Правительствам следует сосредоточиться на налогообложении капитала, а не труда, и использовать эти налоги как возможность напрямую дистрибутировать собственность и богатство между гражданами, создавая условия для их самореализации и повышая уровень общественного благосостояния» [5]. По мнению Альтмана, масштабирование искусственного интеллекта позволит через 10 лет всем американским гражданам старше 18 лет ежегодно получать на свои счета выплаты в долларах и акциях компаний и их ББД составит 13,5 тыс. долларов в год.

Перспективной инфраструктурой для эффективной и масштабируемой имплементации ББД является децентрализованная технология распределенного реестра блоков транзакций – блокчейн, в который можно интегрировать программный код – смарт-контракт. Блокчейн-токенизация финансовых, физических и интеллектуальных активов, переводящая права на эти активы в цифровые токены, позволяет изыскать дополнительные источники финансирования ББД и напрямую без финансовых посредников получать выгоду от стоимости, создаваемой в экономике, а также способствует регулярному, автоматическому и подотчетному распределению фонда ББД, решая проблемы безопасности и прозрачности транзакций с ББД, что особенно актуально для жителей стран с нестабильной валютой или высоким уровнем инфляции. Так, группа зарубежных ученых, исследуя потенциал валютной системы местного сообщества, обеспечивающей распределение ББД на основе токенов в децентрализованном приложении Circles UBI в рамках пилотного проекта по внедрению ББД в Берлине, пришла к выводу, что ББД в цифровой валюте местного сообщества, основанной на блокчейне, содействует укреплению локальной экономики и расширению торговой сети [6]. В условиях рецессии, вызванной пандемией COVID-19, город Марика в Бразилии посредством введения местной цифровой валюты смог вдвое увеличить объем локальной экспериментальной программы ББД, избежав экономического кризиса и массовой безработицы.

С учетом рисков и угроз, присущих крипторынку, более безопасной и регулируемой альтернативой публичным блокчейнам в реализации проектов ББД в национальном масштабе, может стать цифровая валюта центрального банка, эмитентом которой выступает государство. К примеру, Китай с 2019 г. успешно тестирует цифровой аналог национальной валюты юань, Россия запустила пилотный проект по использованию цифрового российского рубля.

Также поддержать целостность сетей цифровых транзакций в пределах юрисдикции и усилить меры безопасности криптоэкосистемы может искусственный интеллект. На сегодняшний день уникальным примером цифровой валюты ББД, сочетающей в себе блокчейн-технологии и искусственный интеллект, является Worldcoin. Философия этого проекта проста: каждый человек вправе получать ББД в криптовалюте в обмен на биометрические данные. Стартап использует сферическое устройство биометрической идентификации личности для сканирования радужной оболочки глаз, что, по задумке его разработчиков, позволит «проверить и подтвердить человечность в Интернете, так как достижения в области искусственного интеллекта затрудняют различия между ботами и реальными людьми» [7]. Несмотря на то, что команда Worldcoin уже привлекла 115 млн долларов финансирования, криптопроект подвергся критике по ряду существенных параметров (конфиденциальность, централизация, доступность и безопасность).

Таким образом, в условиях экспоненциального роста цифровых сквозных технологий и платформенных решений вопрос о том, как распределить общественное богатство и переквалифицировать освободившиеся кадры, чтобы обеспечить более справедливую дистрибуцию плодов экономического роста, станет еще более сложной политической задачей. В России в качестве возможной технологической базы для внедрения и управления ББД в режиме реального времени рассматривают единую цифровую платформу социального казначейства, призванную интегрировать информационные системы Фонда социального страхования, Пенсионного фонда и Федерального бюро медико-социальной экспертизы, что позволит аккумулировать все необходимые данные, улучшить администрирование и обеспечить проактивное предоставление российским гражданам социальных услуг.

В нашей стране неравенство доходов, по данным экспертов Национального банка Республики Беларусь, находясь на уровне так называемого «справедливого» неравенства, не достигло фазы, при которой оно может стать отрицательным стимулом для эффективного и рационального перераспределения ценностей и ресурсов [8, с. 7–9]. При этом в Беларуси, позиционируемой как ИТ-страна, где концептуально прорабатывается вопрос введения цифрового белорусского рубля, представляется целесообразным активизировать и стимулировать дискуссии при участии всех заинтересованных сторон об оптимизации и цифровой трансформации сложившейся системы мер социальной поддержки. Всестороннее исследование, пилотное экспериментирование, ответственное администрирование и внедрение цифрового ББД, начиная с местного уровня для отдельных категорий населения, может повысить политическую безопасность и минимизировать возможные последствия автоматизации и сокращения рабочих мест.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. About Basic Income [Electronic resource] // Basic Income Earth Network. – 2023. – Mode of access: <https://basicincome.org/about-basic-income>. – Date of access: 24.09.2023.
2. The Past, Present and Future of European Welfare Attitudes: Topline Results from Round 8 of the European Social Survey [Electronic resource] // European Social Survey. – Sept. 2018. – Mode of access: <https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/TL8-Welfare-English.pdf>. – Date of access: 24.09.2023.
3. Идею базового безусловного дохода поддерживает каждый второй россиянин [Электронный ресурс] // Исследовательский центр портала Superjob.ru. – 2023. – 11 авг. – Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/114196/ideyu-bazovogo-bezuslovnogo-dohoda-podderzhivaet-kazhdyj-vtoroj-rossiyanin/>. – Дата доступа: 24.09.2023.
4. Will Robots Really Steal our Jobs? An International Analysis of the Potential Long Term Impact of Automation [Electronic resource] // PwC. – <https://www.pwc.co.uk/economic-services/assets/international-impact-of-automation-feb-2018.pdf>. – Date of access: 24.09.2023.
5. Altman, S. Moore's Law for Everything [Electronic resource] // Sam Altman. – March 16, 2021. – Mode of access: <https://moores.samaltman.com/>. – Date of access: 24.09.2023.
6. Universal Basic Income in a Blockchain-Based Community Currency / S. Avanzo [et al.] // GoodIT '23: ACM International Conference on Information Technology for Social Good, Lisbon Portugal, 6–8 Sept. 2023 / Association for Computing Machinery. – New York, NY, United States, 2023. – P. 223–232.
7. Humanness in the Age of AI: A Path to an Open and Permissionless Identity Protocol [Electronic resource] // Worldcoin. – 2023. – Mode of access: <https://worldcoin.org/blog/engineering/humanness-in-the-age-of-ai/>. – Date of access: 24.09.2023.
8. Калечиц, Д. Рост для всех: справедливость как неравенство возможностей / Д. Калечиц, Н. Мирончик, М. Демиденко // Банкаўскі веснік. – 2020. – № 3 (680). – С. 6–14.

УДК 316.346.32-053.6:316.625:004(476)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕЛЕДОСТИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Кобяк О. В.

*заведующий отделом экономической социологии
Института социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

По результатам республиканского социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, 9 из 10 молодых людей (в рамках текущего белорусско-монгольского научно-исследовательского проекта¹ мы выделяем группу молодёжи до 35 лет включительно) пользуются Интернетом практически каждый день². Столь основательное погружение молодёжи в процесс цифровизации, с одной стороны, открывает новые возможности, с другой стороны,

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации», реализуемого при поддержке БРФФИ (договор № Г22Мн-009 от 04.05.2022 г.).

² Эмпирической основой настоящего исследования явились базы данных, сформированные в результате двух этапов республиканского мониторингового социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае-июне 2022 г. (n=1819 чел., ошибка выборки 2,3 %) и в августе-сентябре 2022 г. (n=1848 чел., ошибка выборки 2,3 %).

естественно, создаёт и новые риски. С целью более глубокого, «сфокусированного» изучения этих вопросов в достаточно широкой молодёжной возрастной группе мы условно разделили молодёжь на две подгруппы: «младшая молодёжь» (18–25 лет) и «старшая молодёжь» (26–35 лет). Основанием для разделения явились отличия в оценках молодыми людьми актуального проблемного поля, которые являются закономерным следствием естественных перемен в их жизни. После 25 лет у многих уже за плечами годы учёбы в ВУЗе, первый опыт в построении карьеры, а также – опыт выстраивания собственных семейных отношений. В процессе социологического изучения выделенных подгрупп мы использовали принцип квазипанельного моделирования [1, с. 192–193], согласно которому фактически выявленные отличия в оценках представителей возрастных групп трактуются как результат естественной динамики группового сознания по мере взросления. Что характерно, в контексте цифровизации, озабоченность «доступностью и качеством интернет-соединения» у «младшей молодёжи» выражена в два раза больше, чем у «старшей молодёжи» (17,1 % против 8,3 %). Это говорит о большей погруженности младших в цифровую среду.

Эмпирической основой для расчёта показателя Интернет-погруженности служит распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение года?». Значение показателя варьирует в диапазоне от 0 («никто ничего не делает в Интернете») до 1 («все делают всё»). Формула для расчёта показателя: $\Pi = \text{Факт.} / \text{Макс.}$, где Факт. – фактический суммарный % выборов среди всех вариантов ответа; Макс. – максимальный, теоретически возможный % выборов всех вариантов ответа. Расчётные значения *показателя интернет-погруженности*: в подгруппе «младшей молодёжи» – 0,550, в подгруппе старшей молодёжи – 0,493, таким образом, младшие погружены в Интернет-среду на 12 % глубже старших молодых людей. Более 1/3 молодёжи до 35 лет в обеих подгруппах указали, что в их окружении есть люди, которые страдают от компьютерной и/или игровой зависимости. Дальнейшее углубление интернет-погруженности молодёжи (а оно весьма вероятно, если «младшая молодёжь», как минимум, не сократит меру своей погруженности при естественном переходе в возрастную подгруппу «старшей молодёжи») может усилить риски увеличения доли таких зависимых в целом.

Все большее погружение молодёжи в интернет-среду усиливает проблему обеспечения безопасности личных данных. Для социологической оценки текущего уровня безопасности мы используем показатель цифрового самосохранения, эмпирической основой для расчёта которого служит распределение ответов на вопрос «Укажите, что Вы умеете делать для обеспечения безопасности своих личных данных». Диапазон вариации значений данного показателя – также от 0 до 1. Формула для расчёта показателя цифрового самосохранения аналогична формуле для расчёта показателя интернет-погруженности. Расчётные значения *показателя цифрового самосохранения*: в подгруппе «младшей молодёжи» – 0,518, в подгруппе старшей молодёжи – 0,450. Отсюда вытекают риски, связанные с опережением значений показателя интернет-погруженности по сравнению со значениями показателя цифрового самосохранения, т.е. молодёжь погружается в цифровую среду быстрее, чем осваивает в достаточном объёме навыки безопасного погружения, причём разрыв в значениях показателей у старшей молодёжи больше, т.е. рискуют они сильнее.

Важным аспектом в изучении особенностей механизма целедостижения белорусской молодёжи является обзор актуальной «ценностной палитры» молодых людей. Сравнивая распределение ответов представителей двух подгрупп на вопрос «Что для Вас в жизни является наиболее важным?», можно проследить основные тенденции в эволюции ценностей при переходе от «младшей» к «старшей» подгруппе и выявить потенциальные риски в функционировании стимуляционно-мотивационного механизма [2, с. 115–118], обеспечивающего полноценное воспроизводство молодёжью социальных практик. В результате проведенного анализа мы определили следующие тенденции. *Первая тенденция*, это стабильный для всей молодёжи уровень значимости таких ценностей, как «родные и близкие», а также «деньги, материальный достаток» (54–55 %). Также на стабильном уровне значимости располагаются «совесть, честь, достоинство» (около 20 %). *Вторая тенденция*, это снижение значимости (примерно в 1,5–2 раза) «профессионально-достигательных» ценностей в жизни молодёжи: «знание, образование, познание мира» с 27,8 до 16,0 %; «интересная работа, профессия» с 36,4 до 22,8 %; «карьера, профессиональная самореализация» с 29,3 до 20,1 %; «самореализация» в целом с 23,7 до 16,0 %;

«творчество» с 9,6 до 4,9 %. *Третья тенденция*, это существенное усиление значимости семейно-самосохранительных ценностей: «семья» с 64,1 до 72,5 %; «дети» с 27,8 до 59,9 % (более, чем в 2 раза!); «здоровье» с 65,2 до 76,2 %.

Используемые молодежью способы целедостижения раскрываются при рассмотрении ответов на вопрос «Что Вы делаете для воплощения Ваших жизненных планов?». Судя по распределением ответов, три стратегии носят устойчивый характер, и их востребованность (степень популярности) практически не меняется с возрастом. В обеих подгруппах до 40 % молодёжи применяют: 1) *стратегию самоактивизации* («не позволяют себе лениться, стараются рационально использовать своё время») и 2) *стратегию сторонней поддержки* («заручаются одобрением, моральной поддержкой близких людей»), а также около 25 % – 3) *стратегию оптимизации расходов* («отказываются от излишеств, амбиций, сокращают ненужные траты»). Тревожным фактом при сравнении подгрупп является 20 %-ый разрыв в долях тех, кто «повышает уровень своих знаний, профессиональных компетенций (читают специальную литературу, смотрят обучающее видео)». В подгруппе «младшей молодёжи» таких было выявлено 68,8 %, а в подгруппе «старшей молодёжи» – всего 48,9 %. Более того, вариант ответа «расширяю кругозор: читаю литературу из различных сфер жизни, науки и искусства; посещаю выставки, музеи, театры, концерты» в первой подгруппе выбрали 44,7 %, а во второй – лишь 24,5 % (снова «минус двадцать» ...). Эта ситуация усиливает риски «выпадения» части молодых людей, особенно в подгруппе «старшей молодёжи», как минимум, из процессов цифровизации в сферах образования и экономики. *Суммарный показатель катализаторов целедостижения*, который мы определяем как совокупный процент выбора всех вариантов ответа на вопрос «Что Вы делаете для воплощения Ваших жизненных планов?» (ограничений в выборе вариантов ответа на этот вопрос не было) во второй подгруппе по сравнению с первой *меньше на 24,6 %*.

Проведенный анализ позволяет сделать **вывод** об ослаблении функционирования стимуляционно-мотивационного механизма целедостижения в подгруппе «старшей молодёжи» по сравнению с подгруппой «младшей молодёжи», что является существенным социальным риском. Индикатором такого тревожного положения дел является превышение доли выбравших вариант ответа «ничего не делаю» в подгруппе «старшей молодёжи» по сравнению с подгруппой «младшей молодёжи» на 10,1 % (с 3,5 до 13,6 %). Какие же причины (ингибиторы) препятствуют эффективному целедостижению? Сравнивая ответы на вопрос «Какие личностные качества и ресурсы, на Ваш взгляд, мешают в достижении Ваших жизненных планов?», можно отметить следующие особенности. Четверть молодых людей в обеих подгруппах считают, что у них нет никаких препятствий в достижении жизненных планов. Остальные указали те или иные причины. Что характерно, старшие представители молодёжи, по сравнению с младшими, по их самооценкам, менее ленивы и лучше умеют распоряжаться своим временем (разница в долях представителей выделенных подгрупп, указавших на этот ингибитор, 41,2 и 28,8 %, соответственно). Аналогичная разница «в пользу старших» просматривается и по другим ингибиторам, то есть их влияние во второй подгруппе менее весомое, чем в первой. Так, например, «замкнутость, нерешительность, застенчивость, неуверенность в собственных силах» указали 30,7 и 21,0 %, «отсутствие связей, знакомств» – 26,1 и 20,4 %, «неумение откладывать деньги» – 21,1 и 16,3 %, соответственно. *Суммарный показатель ингибиторов целедостижения*, который мы определяем как совокупный процент выбора всех вариантов ответа на вопрос «Какие личностные качества и ресурсы, на Ваш взгляд, мешают в достижении Ваших жизненных планов?» (ограничений в выборе вариантов ответа на этот вопрос не было) *меньше на 26,6 %*. Таким образом, налицо *социальное противоречие*. С одной стороны, в старшей молодёжной подгруппе зафиксирована существенно меньшая роль ингибиторов целедостижения, что должно было бы способствовать сравнительно более активному функционированию стимуляционно-мотивационного механизма у представителей данной подгруппы по сравнению с подгруппой младшей молодёжи. С другой стороны, фактически выявлена заметно меньшая активность катализаторов целедостижения в старшей молодёжной подгруппе, что свидетельствует о более «вялой работе» стимуляционно-мотивационного механизма у её представителей. Руководствуясь принципом квазипанельного моделирования, мы констатируем, что в процессе жизненного становления молодые люди весьма успешно учатся снижать влияние ингибиторов целедостижения за счёт совершенствования личных качеств и навыков и наращивают свой социальный потенциал жизнеспособности, но реализуют его скорее в русле 2-ой и 3-ей

вышсёбозначенных тенденций, связанных со снижением, по мере взросления, значимости «профессионально-достигательных» ценностей и существенным усилением значимости семейно-самосохранительных ценностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кобяк, О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования / О. В. Кобяк. – Минск : РИВШ, 2015. – 240 с.
2. Соколова, Г. Н. Экономическая социология: Практикум / Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, А. Б. Александрова; Под ред. Г. Н. Соколовой. – Минск : Бел. наука, 2000. – 335 с.

УДК 316.77

ЛІЧБАВАЯ ТРАНСФАРМАЦЫЯ ЯК КУЛЬТУРНАЯ ТРАЎМА

Крывалан А. Д.

дацэнт кафедры культуралогіі

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

кандыдат культуралогіі

г. Мінск, Беларусь

Лічбавая трансфармацыя сацыяльна-культурнай сферы традыцыйна звязвацца з ідэяй прагрэсу, набліжэння будучыні і іншых, пераважна станоўчых, аспектаў развіцця грамадства. Пераход ад традыцыйнага грамадства да грамадства індустрыяльнага шчодрэ суправаджаецца цэлым шэрагам разломаў і крызісаў у сацыяльнай і культурнай сферах. Транзіт ад індустрыяльнага да постіндустрыяльнага таксама прадугледжваў непазбежныя выдаткі і крызісныя наступствы для культуры і сацыяльнай сферы. Магчыма, што сённяшні працэс лічбавізацыі з'яўляецца працягам гэтага шэрагу выклікаў для грамадства, што патрабуе ад культуры распрацоўкі адпаведнага адказу.

У дадзеным тэксце прадпрымаецца спроба прааналізаваць лічбавізацыю як патэнцыйна небяспечную культурную траўму. Траўманебяспечным з'яўляецца не толькі вынік (выцісненне чалавека робататэхнікай), але і сам працэс распаўсюджвання і ўкаранення лічбавых тэхналогій. Мэта тэксту – прадставіць эвалюцыю лічбавізацыі, як гісторыю культурных траўм. Спачатку шокавае сутыкненне з праявамі будучыні ў сярэдзіне ХХ ст. сфарміравала культурную траўму, якая ў сваю чаргу прывяла да ўтварэння посттраўматычнага стрэсавага разладу (ПТСР). Магчыма, што рэакцыя на лічбавізацыю можа быць падобнай на ПТСР у грамадстве: калі адна частка адмаўляе яго наяўнасць, а іншая – пакутуе і спрабуе навучыцца з гэтым жыць.

У пачатку другой паловы ХХ ст. Э. Тофлер прапанаваў канцэпцыю «шоку будучыні». Балючае і нечаканае сутыкненне з будучыняй можа быць умовай для культурнай траўмы. Напрыканцы ХХ ст. адбываецца канцэптуалізацыя феномена культурнай траўмы. Дж. Александэр прапануе наступнае азначэнне: «культурная траўма ўзнікае, калі члены супольнасці адчуваюць, што на іх уздзеінічала жудасная падзея, якая пакінула непераададзены след ў іх групавой свядомасці, назаўсёды паўсплываўшая на іх успаміны і фундаментальна і незваротна змяніўшая іх будучую ідэнтычнасць» [1, с. 85]. Сутыкненне з новымі тэхналогіямі, якія разбураюць наяўныя сацыяльныя практыкі і ўплываюць на ўяўленне ўласнай ідэнтычнасці дакладна могуць быць аднесены да культурнай траўмы. Тэхналогіі таксама ўплываюць на хуткасць распаўсюджвання траўмуючай інфармацыі, што можа быць дадатковым аспектам для разумення глыбіні і ступені шоку.

П. Штомпка прапануе разглядаць глыбокія сацыяльныя трансфармацыю як культурную траўму. У гэтым сэнсе лічбавізацыя як праява сучаснасці дастаткова агрэсіўна ўплывае на трансфармацыю сацыяльнага. П. Штомпка вызначае чатыры магчымыя крыніцы для ўтварэння культурнай траўмы:

- кроскультурныя камунікацыі і як вынік канфліктных сітуацый;
- інтэнсіфікацыя і лавінападобныя спанныя праявы мабільнасці прадстаўнікоў розных культур як міграцыя;
- фундаментальная трансфармацыя сацыяльных інстытутаў падчас рэформ;
- парушэнне вераванняў, дактрын, каштоўнасцей асноў культуры.

Для дадзенага тэкста найбольш значным можа быць трэці пункт, звязаны з імклівымі трансфармацыямі (рэформы, мадэрнізацыя) сацыльна-прынятых практык, што можа прывесці да сітуацыі, калі «новыя інстытуты і культурныя імператывы супярэчаць усталяваным культурным звычкам і традыцыям. Падобны эффект могуць выклікаць новыя тэхналагічныя вынаходніцтвы, якія патрабуюць ад карыстальнікаў пэўных навыкаў, уважлівасці і дысцыпліны, тады калі ўсяго гэтага няма» [2, с. 163]. Як прыклад – гэта распаўсюджванне інтэрнэту і мабільнага банкіngu і як вынік – імкненне да пераводу ўсіх пенсій на банкаўскія карткі замест наяўных. Прыклад лічбавізацыі стварае істотныя праблемы для пенсіянераў і не спрыяе іх самаадчуванню як самадастатковых дзеючых асоб, што з'яўляецца ўрадлівай глебай для канструявання культурнай траўмы.

На думку П. Штомпкі сама па сабе «траўма не з'яўляецца ні прычынай, ні вынікам, а працэсам, дынамічнай паслядоўнасцю тыповых этапаў, якія маюць свой пачатак, але таксама – прынамсі патэнцыйна – свой канчатак. Назавем гэта траўматычнай паслядоўнасцю» [2, с. 168]. Яна можа быць апісана як шэсць крокаў, у якія адносна проста ўпісваецца логіка лічбавізацыі:

1. Траўматагеннае змяненне (раптоўнае, комплекснае, глыбокае і нечаканае).
2. Дэарганізацыя культуры і культурная дэарыентацыя дзеючых асоб.
3. Траўмуючыя сітуацыі або падзеі, якія з'яўляюцца ў выніку траўматагенных змяненняў у іншых сферах, акрамя культуры.

4. Траўматычны стан, які выяўляецца комплексам траўмуючых сімптомаў.

5. Посттраўматычныя адаптацыі з выкарыстаннем розных стратэгий барацьбы з траўмай.

6. Пераадоленне траўмы шляхам кансалідацыі новага культурнага комплексу [2, с. 168–169].

У тым выпадку, калі не адбываецца паспяховага пераадолення траўмы, ці калі спроба яе пераадолення з'яўляецца безвыніковай, ёсць верагоднасць для ўтварэння ПТСР асобы з непрадказальнымі для навакольных наступствамі. Лічбавізацыя прапануе шырокі спектр патэнцыйных траўманебяспечных сацыяльных практык. Адзначым тры найбольш істотныя:

1. Алгарытмізацыя. Пагроза прадказальнасці і паднадзорнасці сацыяльна-культурнага жыцця з перспекывай стварэння анлайн паноптыкуму, калі невядомыя ананімныя назіральнікі могуць сачыць за дзейнасцю індывіда.

2. Платформізацыя. З'яўленне абавязковых тэхнагенных платформ для сацыяльна-культурнага ўзаемадзеяння, калі без выкарыстання тэхналогій у сацыяльнай сферы нічога немагчыма зрабіць.

3. Немагчымасць забыцця. Сваеасаблівы аўтсорсінг памяці, калі магчымасць забыць непрыемныя моманты істотна абмежавана. Усё запісана і можа быць выкарыстана без вашай згоды.

Незагоеныя траўмы маюць тэндэнцыю перарастаць у больш складаныя формы разладаў. ПТСР з'яўляецца небяспечным паталагічным сімптомам. На думку К. Карус «траўма – гэта паўтор пакут ад падзей, а таксама пастаянная наяўнасць ўласных траўматычных перажыванняў, незалежна ад месца свайго знаходжання» [3, с. 10], што істотна ўскладняе і робіць фактычна немагчымым разуменне першапрычыны траўмы. У гэтым кантэксце можна разглядаць лічбавізацыю як перманентны стрэс ад сутыкнення з новымі ўзорамі тэхнікі.

Такім чынам варта адзначыць, што пытанне не ў тым, каб спыніць ці адмяніць распачаты працэс лічбавай трансфармацыі, а ў тым, каб зрабіць яго найменш балючым і траўматычным для грамадства. Гэта магчыма праз пераасэнсаванне падыходаў да вывучэння і даследвання лічбавізацыі: ад тэхналагічнага аптымізму, да даследванняў культурнай траўмы. Разважаючы пра пагрозы і фобіі лічбавізацыі, варта нагадаць, што ў свой час культурныя антрапологі адзначалі, што тубыльцы баяліся фатаграфавання, каб не згубіць душу, якая магла быць зафіксавана на фота. Наколькі гэта адрозніваецца ад сучаснай пагрозы страты асабістых дадзеных?

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Alexander, J. The meanings of social life: a cultural sociology / J. Alexander. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 296 p.

2. Sztompka, P. The trauma of social change: a case of postcommunist societies / P. Sztompka // Cultural trauma and collective identity / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka. – Berkeley: University of California Press; 2004. – P. 155–195.

3. Caruth, C. Introduction. Psychoanalysis, culture and trauma / C. Caruth // American Imago. – № 48. – Vol. 1. – 1991. – P. 1–12.

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: ОПЫТ КИТАЯ**Ли Исюань***аспирант кафедры социальной коммуникации
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь*

Социальная реклама – это особый вид рекламы, который не преследует коммерческих целей, а стремится к распространению социально значимой информации и формированию позитивных установок в обществе. Социальная реклама затрагивает такие важные темы как охрана природы, здоровый образ жизни, безопасность на дорогах, культурное наследие и др. Традиционные каналы распространения социальной рекламы имеют свои недостатки, к которым относятся такие как ограниченный охват аудитории, высокая стоимость производства, низкая интерактивность и сложность измерения эффективности. В связи с этим, цифровая социальная реклама становится все более популярной и эффективной формой воздействия на общественное мнение и поведение. Цифровая социальная реклама использует современные технологии для создания и распространения рекламных сообщений в Интернете и мобильных приложениях.

По данным Китайского центра информации об Интернет-сетях (CNNIC), на июнь 2023 года число пользователей интернета в Китае достигло 1,079 миллиарда человек, что свидетельствует о большом потенциале цифровой рекламы на китайском рынке [3]. Цифровая социальная реклама охватывает разнообразные сферы деятельности, такие как: экология, медицина, образование, культура и т. д.; она также демонстрирует различные формы визуального выражения через анимацию, комиксы, короткометражки, мини-игры с целью большего привлечения внимания аудитории. Кроме того, цифровая социальная реклама имеет такие преимущества как: высокая интерактивность, быстрая скорость распространения, широкий охват аудитории, что способствует формированию общественного мнения и более широкого социального эффекта.

Обратимся к конкретному примеру социально-значимого проекта под названием «Лес муравьев». Это благотворительный проект, запущенный Alipay в 2016 году с целью поощрить пользователей к участию в более активных действиях по защите лесов. Пользователям предлагается путем побуждения к активным действиям совершать определенные шаги, чтобы углубиться в проблему и осмыслить свои возможности. «Лес муравьев» использует цифровые технологии для преобразования поведения в действия, активности, а именно, пользователям предлагается «выращивать» деревья в виртуальном лесу. Такой способ активизации аудитории является своеобразным ответом на конкретные вызовы, которые характерны для некоторых пустынных районов Китая, а именно, в них отсутствуют зеленые насаждения, что является угрозой жизни не только животного и растительного мира, но и человека. Разработчики проекта включают в контекст задач проекта и новые понятия, которыми руководствуется пользователь, к таковым относятся «Зеленая экономика», «Зеленое поведение» и др. Под «зеленым поведением» подразумевается использование таких способов воздействия на природные ресурсы, которые бы минимизировали вред, наносимый при их эксплуатации. Поэтому в рамках проекта обращается внимание на возможности использования при перемещениях общественного транспорта, а не личного автомобиля, при покупке товара перерабатываемой упаковки, а не пластиковой и т. д. Тем самым пользователи учатся снижать негативное воздействие на природные ресурсы.

По данным Alipay, на 31 августа 2023 года количество пользователей-участников социального проекта «Лес муравьев» превысило 1 миллиард. Участие в проекте стимулировало посадку и выращивание деревьев в пустынных районах Китая. Всего было выращено 660 миллионов деревьев, покрывающих землю более чем на 300 тысяч гектаров. Эти деревья в основном выращиваются в таких районах Китая как Внутренняя Монголия, Ганьсу, Нинся, Синьцзян и т. д. По мнению экспертов, каждое посаженное дерево может уменьшить площадь опустынивания на 0,3 квадратных метра, каждый год может поглощать 2,4 килограмма углекислого газа и выделять 1,8 килограмма кислорода. Лесная растительность выполняет такие экологические функции, как предотвращение ветровой эрозии и укрепление песка, сохранение водных ресурсов, поддержание биологического разнообразия и т. д. Кроме того, она также предоставляет возможности для занятости и доходов для местного населения.

Таким образом, мы можем видеть, что социальный проект «Лес муравьев» с помощью цифровых средств поощряет пользователей к активному участию в благотворительной деятельности. В то же время эта благотворительная акция становится более интересной и значимой. Например, пользователи могут видеть в режиме реального времени как их лес растет. Они также могут получать поощрения и бонусы за свою активную позицию – значки, медали, сертификаты и др. Участники могут ставить перед собой различные задачи и цели. Они могут конкурировать с другими пользователями за рейтинг и признание, а также взаимодействовать со своими друзьями и другими пользователями. Данные игровые элементы и механизмы стимулируют внутреннюю и внешнюю мотивацию пользователей к участию в проекте и принятию «зеленого поведения» в повседневной жизни [2, с. 201].

Социальный рекламный проект «Лес муравьев» основывается на постулатах, которые характеризуют возможности коммуникации. Участие в проекте является важной частью самообразования молодёжи, потому что вовлеченные в него молодые люди могут одновременно наблюдать и обучаться [1, с. 107]. В рамках проекта пользователи могут видеть «экологичные» действия других участников, такие как: ходьба пешком, катание на велосипеде и использование общественного транспорта. Этот механизм социального обучения стимулирует пользователей к имитации положительных действий других, что приводит к увеличению экологических инициатив.

В рамках проекта пользователи выполняют определенные социальные роли и нормы [1, с. 156]. Они становятся частью сообщества, которое поощряет экологические инициативы. Взаимодействие и конкуренция между пользователями, а также получение наград и признания, усиливают чувство социальной принадлежности и обязательность следования социальным нормам, что способствует увеличению экологических действий. В проекте «Лес муравьев» пользователи могут поддерживать друг друга, отправлять сообщения, делиться достижениями и приглашать друзей присоединиться, создавая сеть социальной поддержки. Эта поддержка укрепляет уверенность и решимость участников, помогая им сохранять экологические нормы в поведении [1, с. 213]. Взаимодействие между участниками проекта является ключевым фактором для стимулирования положительного поведения [1, с. 245]. Участники проекта могут общаться с друзьями и другими пользователями, делиться своими достижениями и успехом, а также конкурировать за место в рейтинге, создавая позитивную атмосферу социального взаимодействия. Это стимулирует желание молодых людей принимать участие в проекте и следовать заданным правилам.

Социальный проект «Лес муравьев» – это пример использования социальной рекламы в цифровом формате, который показывает, как можно использовать новые технологии, игровые имитации в сообществе пользователей. Цифровая социальная реклама обладает большим потенциалом, что впоследствии может стать доминирующим фактором в работе с молодыми пользователями и принести больший эффект по сравнению с использованием традиционных каналов трансляции социальной рекламы. В Китае есть много других успешных примеров цифровой социальной рекламы. Например, проект Tencent Charity, который использует разные платформы качественных цифровых социальных рекламных кампаний и т. д. Однако эта область все еще имеет много вызовов и рисков для развития, касающихся нормативного регулирования цифровой социальной рекламы, повышения достоверности и прозрачности информации о благотворительности, нахождения баланса между коммерческими интересами и социальной ценностью социальной рекламы и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ли, С. Т. Социальные коммуникации [Текст] : учебник / С. Т. Ли, К. Фос ; пер. с англ. Анбин Ши. – Пекин : Изд-во Тинхуа Университета, 2009. – 452 с.
2. Ян, Хуиронг Теория диффузии инноваций и продвижение интернет благотворительности в области охраны окружающей среды: на примере “Муравьиный лес” [Электронный ресурс] / Хуиронг Ян // Исследование коммуникативной силы. – 2019. – № 3(21). – С. 199–203. – Режим доступа: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2020&filename=TXLX201903024&v=MTYyMjZyQ1VSTE9mWm5Gckk5RlpMRzRIOWpNcW85RlJlUjhlWDFMdXhZUzdEaDFUM3FUcldNMUZyQ1VSTDl6Yk0=>. – Дата обращения: 02.10.2023.
3. Китайский центр информации интернета. Статистический отчет о развитии интернета в Китае [Электронный ресурс] / Китайский центр информации интернета. – Режим доступа: <https://www.cnnic.net.cn>. – Дата публикации: 30.09.2023.

**ИНФОРМИРОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ВЛИЯНИЯ НА ЗДОРОВЬЕ
ЧЕЛОВЕКА ИЗЛУЧЕНИЯ ОТ ЭЛЕКТРО-, РАДИО- И МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

Мартищенко Е. В.

научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

г. Минск, Беларусь

Гуцева Г. З.

ведущий научный сотрудник Института радиобиологии НАН Беларуси

г. Гомель, Беларусь

Интенсивное применение новых антропогенных источников электромагнитной и электрической энергии в повседневную жизнь привело к тому, что в последние десятилетия сформировался новый значимый фактор загрязнения среды обитания человека – электромагнитный. Его появлению поспособствовало развитие современных технологий передачи информации и энергии, дистанционного контроля и наблюдения, некоторых видов транспорта, а также развитие ряда технологических процессов. В связи с чем всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) ввела в оборот термин «электромагнитное загрязнение окружающей среды», включив этот факт в число немногих приоритетов долгосрочных международных программ [1].

Современный человек живет в принципиально новой антропогенной среде обитания, где за счет повсеместного массового внедрения технологий, использующих электрический ток, в окружающей среде сформировалась такая электромагнитная обстановка, которой за весь период существования человека еще не было [2, с. 32].

В связи с этим уровни электромагнитного поля искусственного происхождения становятся значимым экологическим фактором с высокой биологической активностью – это промышленные установки, телевизионные и радиовещательные станции, линии электропередач, бытовая техника, мониторы компьютеров, радары, спутникового телевидения, системы мобильной связи и др. С растущим применением этих устройств увеличилась интенсивность воздействия электромагнитного поля, что создало условия для накопления суммарной энергетической нагрузки для всего населения. Основной вклад в увеличение уровней электромагнитного фона вносят источники подвижной радиосвязи, в частности, такие устройства, как мобильные телефоны, беспроводные интернет-модемы (Wi-Fi), которые занимают важное место в общественной жизни, производят электромагнитные поля радиочастот.

Обозначенные аспекты подтверждают необходимость, во-первых, изучения в мониторинговом режиме уровня информированности населения Беларуси по вопросам воздействия на человека и окружающую среду электромагнитного поля, создаваемого различными электро-, радио- и мобильными устройствами, а во-вторых, реализации информационно-просветительской работы с учетом социально-демографических характеристик и территориальной принадлежности целевой аудитории, определенной на основе собранных данных.

В рамках выполнения НИР 11 «Разработка методического обеспечения по социально-психологической реабилитации и адаптации населения к условиям действия ионизирующего и неионизирующего излучения» задания 3.05 «Развитие информационного и методического обеспечения мониторинга, аудита, сертификации и реабилитации природно-территориальных комплексов» ГПНИ 10 «Природные ресурсы и окружающая среда» подпрограммы 10.3 «Радиация и биологические системы» на 2021–2025 гг., Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Институтом радиобиологии НАН Беларуси в феврале–марте 2022 г. проведен социологический опрос взрослого населения, проживающего в пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС районах Беларуси (Гомельской области, N=590) и в «условно чистых» районах (в Витебской области, N=590). Одной из задач исследования было выявление уровня информированности

населения о воздействии электромагнитных излучений в повседневной жизни, а также оценка восприятия рисков для здоровья при использовании технических устройств с электромагнитным излучением.

Исследование показало, что городские жители исследуемых регионов в несколько большей степени, чем сельские подвержены технофобии (см. таблицу). Опрошенные, проживающие в городах, чаще сельских жителей высказывали согласие с мнением о том, что излучения от электро-, радио- и мобильных устройств, а также от электро-, радио- и мобильных сетей оказывают негативное влияние на здоровье человека.

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, оказывают ли негативное влияние на здоровье человека излучения от электро-, радио- и мобильных устройств, а также от электро-, радио- и мобильных сетей?», в %

Позиции респондента	Витебская область:			Гомельская область:		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Поддерживают мнение о негативном влиянии	61,5	62,1	59,7	57,5	58,8	54,3
Не согласны с мнением о негативном влиянии	22,6	23,6	20,1	21,1	19,8	24,4
Затруднились с ответом	15,9	14,3	20,1	21,4	21,3	21,4

Постоянное действие радиочастот, исходящих от бытовых приборов, может повысить возбудимость нервной системы, ухудшить работу мозга, негативно сказаться на сердечно-сосудистой системе и детородной функции. Хотя в состоянии здоровья человека вначале не происходит качественных изменений, однако превышение какого-то уровня и длительное воздействие фактора обуславливают появление предболезненной стадии, а затем развивается клиническое заболевание. Таким образом наступает порог вредного действия [3].

С целью выяснения восприятия населением рисков для здоровья от электромагнитных излучений, в ходе опроса респондентам, которые склонны считать, что излучения от электро-, радио- и мобильных устройств, а также от электро-, радио- и мобильных сетей оказывают негативное влияние на здоровье человека, было предложено высказать свое мнение о том, какие именно проблемы со здоровьем могут возникнуть. При ответе на вопрос респонденты могли выбрать либо один из девяти предложенных вариантов ответа, отражающих конкретный вид возможных негативных последствий для здоровья человека электромагнитных излучений, либо высказать свое особое мнение в свободной форме. Анализ полученных данных позволил выявить различия в восприятии респондентами «условно чистых» и загрязненных радионуклидами территорий возможного негативного влияния на здоровье человека излучения от электро-, радио- и мобильных устройств, а также от электро-, радио- и мобильных сетей. Некоторыми возможными проблемами со здоровьем больше обеспокоены сельские жители, а какими-то, наоборот, городские – и это характерно для обоих исследуемых регионов (см. рисунок).

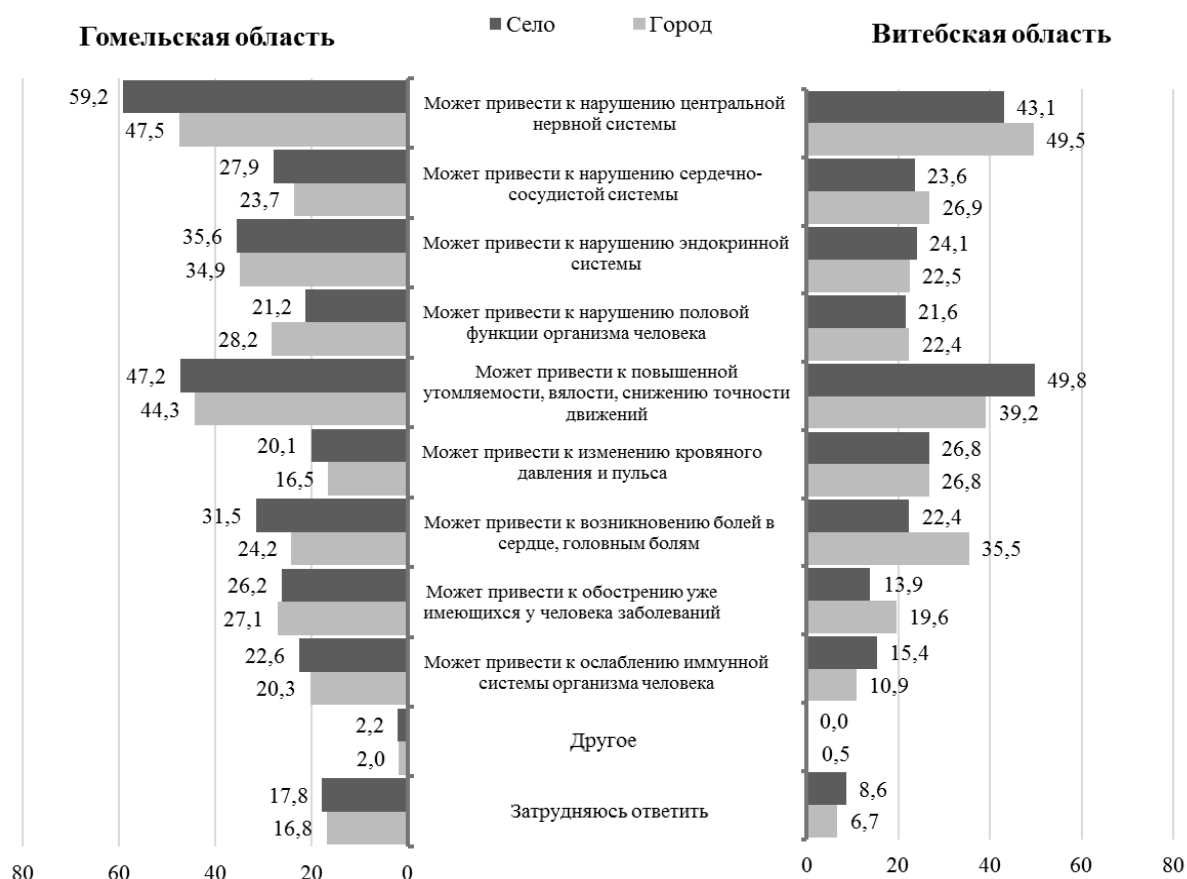

Рисунок. Восприятие целевыми группами исследования возможного негативного влияния на здоровье человека электромагнитного излучения (% от ответивших)

Таким образом, можно констатировать, что потенциальная опасность облучения электромагнитным полем (особенно мобильной связи) всех слоев населения выдвигает необходимость поиска защитных средств, позволяющих предотвратить неблагоприятное влияние этого воздействия. Например, согласно результатам научных исследований, проведенных в мире за последние 30 лет, показано, что воздействие электромагнитного излучения мобильных телефонов способно вызывать нарушения в нервных структурах головного мозга и рецепторах слухового и вестибулярного анализаторов, а также повышать риск развития онкологических заболеваний в мозге [2]. Следовательно, в связи с глобальным распространением мобильных телефонов и других средств беспроводной связи, необходима не только разработка биологических методов эффективной защиты организма от электромагнитного излучения, но и проведение информационной работы с населением по всем аспектам данной тематики. Причем при подготовке материалов для проведения информационных мероприятий стоит учитывать социально-демографические (пол, возраст, образование) и территориальные (регион и тип населенного пункта проживания) характеристики аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьев, О. А. Проблемы электромагнитного загрязнения окружающей среды / О. А. Григорьев, Ю. Б. Зубарев, А. С. Прокофьева // Качество и жизнь. – 2017. – № 2. – С. 17–24.
2. Зубарев, Ю. Б. Мобильный телефон и здоровье: монография / Ю. Б. Зубарев. – Изд. 4-е, перераб. – М. : Библио-Глобус, 2019. – 234 с.
3. Шандала, М. Г. Научные основы гигиенической оценки и регламентации физических факторов окружающей среды / М. Г. Шандала // Гигиена и санитария. – 1989. – № 10. – С. 4–8.

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ:
СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ****Молчанов П. Ю.***старший преподаватель кафедры философии и политологии
Белорусского государственного медицинского университета
г. Минск, Беларусь*

Цифровизация экономических процессов является одним из главных направлений развития современной мировой экономики. Совершенствование компьютерных технологий и их широкое использование в повседневной практике становится неотъемлемой частью хозяйственной деятельности человека. Виртуализация экономических процессов приводит к трансформациям основных видов капитала и переформатированию капиталистической системы. Перспективы данных высокотехнологичных трансформаций неоднозначны и по-разному оцениваются специалистами. В этой связи возникает необходимость осуществления социально-философского анализа сущности формирующегося символического капитализма и характеристики его потенциала в качестве основы экономики будущего. Понятие «символический капитализм» не имеет единого определения в научной литературе. С. Л. Деменок характеризует сущность формирующейся сегодня социально-экономической системы следующим образом: «Эту формацию можно назвать символическим капитализмом на том основании, что наиболее вознагражденными являются сферы производства и воспроизводства функций, операций, программ; далее – знаков, в том числе денежных, и, наконец, фантастических виртуальных образов» [1, с. 13]. А. Б. Долгин по этому поводу отмечает следующее: «И сама новая экономика, и жизненный уклад, который она формирует, неразрывно связаны с текстами в самом широком смысле – с их производством, распространением и потреблением – на этом основании ее определяют как информационную экономику» [2, с. 14].

В приведенных определениях авторы подчеркивают тенденцию к символизации и виртуализации капитала. Э. Тоффлер для обозначения символических видов активов вводит понятие «неосвязаемости» и особо выделяет их атрибутивное свойство – неисчерпаемость [3, с. 366–368]. То есть под символическим капиталом в большинстве случаев подразумевают нематериальные источники прибыли (нематериальные активы) различного характера, которые лежат в основе становления новой, информационной экономики. В рамках данной экономики большая часть стоимостей производится в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сфере услуг и развлечений, индустрии масс-медиа и рекламы, среде стартап проектов. Об этом, в частности, свидетельствует такой показатель, как рыночная капитализация. По данным портала «Internationalwealth» пятерка самых дорогих компаний мира по состоянию на июнь 2023 года выглядела следующим образом (в долларах США): 1. Apple Inc. – 2,292 трлн, 2. Saudi Aramco – 2.180 трлн, 3. Microsoft – 2,002 трлн, 4. Alphabet (Google) – 1,555 трлн, 5. Amazon – 1,184 трлн [4]. Четыре из представленных компаний (Apple Inc., Microsoft, Alphabet (Google), Amazon) – гиганты IT-сферы и электронной коммерции, т. е. ведущих отраслей цифровой экономики.

Развитие символических форм капитала открывает широкие возможности реализации людьми своих интеллектуальных и творческих способностей в экономической сфере. Зарабатывать деньги и приумножать свои доходы, потреблять медиапродукты становится возможным в онлайн режиме посредством использования персональных гаджетов. Разноплановые и независимые источники информации позволяют получать оперативные данные практически по всем актуальным вопросам человеческой жизнедеятельности, что способствует принятию наиболее взвешенных и обоснованных экономических решений. Все это демократизирует и персонализирует капиталистическую экономику, создает взаимовыгодный баланс в отношениях «потребитель – производитель». Потенциальная неисчерпаемость таких источников символического капитала, как знания и продукты культуротворчества, открывает путь для развития неденежных форм расчетов,

постфактумной оплаты на основе интерактивной индивидуализированной оценки товаров в коммуникативных сообществах. Это подрывает основы нетрудового способа получения прибыли и многократно повышает ценность продуктов, созданных при использовании личного творческого труда.

Однако альтернатива развития символических форм капитала имеет и ряд существенных недостатков. Во-первых, существует опасность формирования у человека интернет-аддикции, стремления к достижению ложных ценностей, основанных на навязанных стереотипах, отчуждения его от реальности. Во-вторых, изначально творческие, социально значимые продукты зачастую быстро коммерциализируются. В вопросе о первичности прибыльности или общественной полезности приоритет, как правило, отдается первому. В-третьих, сами гаджеты – это материальные носители, производство которых требует использования определенных материалов и электроэнергии. Все это создается в секторе физического (реального) капитала. Поэтому, лишившись материального субстрата, символическая экономика может превратиться в «колосса на глиняных ногах». В этой связи теоретики концепции неоиндустриализации, такие как Д. Е. Бутенко, П. А. Водопьянов, С. С. Губанов утверждают, что человеческий, природный, символический и какие-либо другие формы капитала вторичны по отношению к производственному, т.к. создание и совершенствование средств производства является необходимым условием их развития. Поэтому первоочередной задачей является радикальное повышение производительности труда и ресурсоэффективности в реальном секторе экономики [5, с. 44]. Следует отметить, что в вышеупомянутом рейтинге самых дорогих компаний второе место занимает нефтяной гигант Saudi Aramco [4]. Это свидетельствует о том, что традиционный физический капитал в виде средств производства (материальных активов) в начале XXI века занимает прочные позиции в структуре капиталистической экономической системы несмотря на динамичное развитие альтернативного символического капитала.

Таким образом, сущность формирующегося символического капитализма заключается в создании новых нематериальных активов в сфере ИКТ, рынка услуг и развлечений, а также увеличения их стоимости по сравнению с продуктами, производимыми в реальном секторе экономики. Цифровизация упрощает, демократизирует, диверсифицирует хозяйственно-экономические процессы и повышает ценность личного творческого труда. В то же время производство и использование символических продуктов зависит от реального сектора (материальных носителей и электроэнергии), без которых цифровая экономика технически не может существовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Деменок, С. Л. Символический капитализм: материализация символа / С. Л. Деменок. – СПб. : Страта, 2015. – 204 с.
2. Долгин, А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка / А. Долгин. – М. : АСТ, 2010. – 255 с.
3. Тоффлер, Э. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ [и др.], 2008. – 569 с.
4. Топ 10 самых дорогих компаний мира. – Режим доступа: <https://internationalwealth.info/offshore-company-formation/top-10-samyh-dorogih-kompanij-mira/>. – Дата доступа: 04.10.2023.
5. Губанов, С. С. Державный прорыв: неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М. : Кн. мир, 2012. – 224 с.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: МЕТОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ**Надточаева Н. В.***младший научный сотрудник Белорусского института стратегических исследований
г. Минск, Беларусь*

На сегодняшний день в связи с распространением информационных технологий все большую актуальность приобретают вопросы изучения их влияния на человека, его поведение, повседневную жизнь. Данные вопросы находятся в проблемном поле множества наук: когнитивной психологии, нейронауки, социологии повседневности, компьютерных и вычислительных наук. Отдельно стоит выделить цифровую социологию, которую можно охарактеризовать как «отрасль социологического знания, изучающую законы и закономерности взаимовлияния социальных процессов, протекающих в виртуальной реальности и физическом мире» [1, с. 135]; «субдисциплину, которая фокусируется на понимании использования цифровых средств массовой информации как части повседневной жизни, и как эти различные технологии способствуют моделям поведения человека, социальным отношениям и концепции самоуправления» [2, с. 21]. Основной предпосылкой возникновения цифровой социологии послужило отсутствие в «классической» социологии теории, которая смогла бы комплексно объяснить процессы цифровой трансформации в обществе [2]. Кроме того, возрастающая скорость социальных процессов, «срачивание» цифровой и повседневной реальности, усложнение организации социума создали необходимость формирования особой методологии изучения происходящих в обществе изменений. В этой связи к основным задачам цифровой социологии можно отнести генерирование теории, описывающей современную динамичную социальную реальность, разработку методологии цифровых исследований и, соответственно, их проведение в рамках изучаемого наукой проблемного поля.

На сегодняшний день методология цифровой социологии проходит процесс своего становления. Вместе с тем, данная отрасль социологии располагает широким набором методов, отличительной чертой которых является их «бесконтактный» характер. В условиях стремительного развития технологий больших данных и алгоритмов переход от контактных методов исследований к бесконтактным становится закономерным [3]. Методы цифровой социологии варьируются от уже устоявшихся в «классической» социальной науке до новых и междисциплинарных. К традиционно социологическим методам, применяемым в рамках цифровой социологии, относят:

- наблюдение – метод целенаправленного, планомерного, определенным образом фиксируемого восприятия исследуемого объекта. Включенность исследователя в изучаемую онлайн-среду представляет своеобразный континуум: с одной стороны, ученый может сам являться пользователем интернет-ресурсов, услуг, социальных сетей, быть активным участником цифрового сообщества либо же, с другой стороны, изучать интересующие его процессы, не включаясь во взаимодействие [4]. Благодаря «анонимности» онлайн-среды люди склонны высказываться более открыто, что позволяет получить уникальные социологические материалы. Слабыми сторонами наблюдения, однако, являются возможность влияния наблюдателя на объект, сложность соотнесения поведения и личности пользователя в виртуальной и реальной жизни и др.;

- опрос, проводимый онлайн [5]. Использование цифровых сервисов позволило не только ускорить сбор социологической информации, но и сократить расходы на проведение исследований. В «разрезе» цифровой социологии онлайн-опрос имеет особую актуальность, поскольку является эффективным инструментом изучения цифровых сообществ, пользователей интернет-платформ как представителей социальной общности. Здесь важной особенностью является возможность получения оперативного прямого доступа ко всей генеральной совокупности, поскольку она сосредоточена в едином онлайн-пространстве (группа в соцсетях, канал в мессенджере и т. д.). Отдельно стоит выделить возможность таргетинга респондентов, которые объединены каким-либо признаком, но не обязательно состоят в едином сообществе (любители компьютерных игр, клиенты онлайн-гипермаркетов и др.). Специфическими рисками выступают ошибки при таргетинге, прохождение опроса «случайными» респондентами и т. д.

Важными «составляющим» комплекса методов цифровой социологии также являются социальный эксперимент, биографический метод, метод идеальных типов, моделирование социальных процессов и др. [1].

Можно выделить группы применяемых в цифровой социологии методов, свидетельствующих о ее междисциплинарном характере:

1. картирование проблем, обсуждаемых в социальных сетях и на интернет-площадках, рассмотрение и анализ этих проблем в динамике. Социальное картирование представляет собой группу методов графического характера, которая позволяет преобразовывать социальные данные в наглядную картографическую форму, то есть создавать карты явлений и процессов, протекающих в любой социальной или территориальной общности [5];

2. методы прикладной лингвистики и социальной психологии, которые применяются для «профайлинга» аккаунтов и определения психоэмоционального состояния различных социальных групп [1];

3. статистические методы: методы работы с «большими данными», метод изучения графов связи, статистический анализ и т. д. [1];

4. методы распознавания изображений и видео, размещенных на страницах пользователей. «Появление и быстрое развитие технологии анализа изображений с использованием глубоких нейронных сетей позволяет на фотографиях и видео в социальных сетях распознать практически все объекты, которые присутствуют на снимке, включая количество и возраст людей, домашних животных, любые виды холодного и огнестрельного оружия, марки автомобилей и часов, бренды одежды, любые надписи, отели или рестораны, элементы ландшафта, достопримечательности и т. д.» [1, с. 139].

Говоря о теоретико-прикладном аспекте цифровой социологии, важно подчеркнуть, что на сегодняшний день в социологическом дискурсе все большее внимание приобретают «цифровые социальные объекты, явления и процессы, которые составляют относительно самостоятельную, особую сферу жизни общества» [2, с. 21]. Появляются теории, стремящиеся описать цифровое общество: концепции медиатизированной реальности, метрического общества и метрической власти, теории общества платформ, капитализма данных, капитализма надзора и др. В каждой из данных концепций присутствует комплексная схема, содержащая набор базовых понятий, способных описать качественные характеристики цифрового общества [6].

В фокусе внимания цифровой социологии находится четыре аспекта:

1. профессиональная цифровая практика: использование цифровых технологий и медиа для профессиональных целей (нетворкинг, публикация и распространение исследований и т. д.) [5];

2. социологический анализ: изучение того, как цифровые медиа влияют на людей и общество [5]. Особую актуальность приобретают вопросы влияния цифровых технологий на конструирование идентичности индивидов, институционализации обозначенных технологий, цифровое общество, его институты, протекающие в нем процессы, конструирования социального знания, особенности интеракций и коммуникаций в цифровой среде и т. д.;

3. анализ цифровых данных и Big Data, их использование как в качественных, так и количественных исследованиях [5]. В данном аспекте цифровая социология во многом взаимосвязана с вычислительной социологией, которая применяет компьютерное моделирование, искусственный интеллект, статистические методы и аналитические подходы для разработки и проверки теорий сложных социальных процессов;

4. критическая цифровая социология [5]. В центре внимания критических исследований находится изучение негативных последствий цифровизации (например, защита персональных данных, этические проблемы, связанные с их использованием, и т. п.), в том числе «в разрезе» проблем, традиционно изучаемых социологией (изменения в трудовой сфере, социальное неравенство и др.). Важным аспектом критических исследований является процесс датафикации – «преобразования повседневных практик и взаимодействий в цифровую форму, доступную для последующего автоматизированного анализа» [6, с. 254]. Датафикация изучается, в основном, в рамках трех направлений: политической экономии, правовых исследований и деколониальной теории. Еще одной значимой темой в контексте критической цифровой социологии являются социальные последствия распространения алгоритмов. Так, согласно Р. Китчину, алгоритмы способны «выходить из-под контроля», поскольку результаты их работы довольно сложно прогнозировать в связи с их нелинейностью, изменчивостью и подвижностью [6].

Таким образом, предпосылкой возникновения цифровой социологии послужила институционализация информационных технологий, в результате которой в науке обозначилась потребность в теории, способной описать произошедшую в результате данного феномена социальную трансформацию, и соответствующей методологии. Цифровая социология охватывает

значительный диапазон тем и направлений, что во многом определяет ее междисциплинарный характер. Это обуславливает значительную вариацию методов, которыми она располагает, несмотря на то, что на сегодняшний день ее методология находится на стадии формирования. Прогнозируется дальнейший рост популярности изучения различных аспектов цифровой социологии в научном сообществе, где наиболее перспективными направлениями видятся развитие цифрового общества, влияние виртуальной реальности на социальные процессы, конструирование смыслового поля посредством информационных технологий и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шульц, В. Л. Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии / В. Л. Шульц, А. А. Гребенюк, И. С. Ашманов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 126–144.
2. Ницевич, В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания / В. Ф. Ницевич // Цифровая социология. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 18–28.
3. Мещерякова, Н. Н. Методология познания цифрового общества / Н. Н. Мещерякова // Цифровая социология. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 17–26.
4. Шураева, Л. Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке / Л. Ю. Шураева // Вестник университета. – 2020. – № 3. – С. 174–177.
5. Пустарнакова, А. А. Цифровая социология как новое пространство социальной науки / А. А. Пустарнакова // Человек в информационном обществе : сб. материалов науч.-практ. междунар. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина, Самара, 28–30 апр. 2021 г. / Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева ; редкол.: А. Ю. Нестеров, Н. В. Авдошина, А. Ю. Агафонов. – Самара, 2021. – С. 127–130.
6. Добринская, Д. Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества / Д. Е. Добринская // Вестн. Пермского ун-та. – 2021. – Вып. 2. – С. 250–259.

УДК 314.06+316.4+004

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ И НАВЫКИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.¹

Новицкий Е. Н.

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Материал работы подготовлен по результатам социологического исследования, проведенного Институт социологии НАН Беларуси в августе-сентябре 2022 г. с использованием метода анкетного опроса. Опрашивалось население Республики Беларусь от 18 лет и старше, с репрезентацией по региону проживания, типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Для анализа была отобрана группа молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет включительно (далее – молодежь). Всего 363 респондента, что составило 19,6 % от общего количества опрошенных. Доверительный интервал по выбранной группе – $\pm 5,14\%$.

По результатам социологического исследования в повседневной жизни сеть Интернет с разной частотой использует 97,8 % опрошенной белорусской молодежи. При этом практически каждый день сеть Интернет используют 93,1 % опрошенных респондентов.

Большинство белорусской молодежи в своей повседневной практике использует сеть Интернет для чтения новостных материалов и поиска информации. Больше половины респондентов указали практику использования сети для скачивания и прослушивания аудио или видео контента, заказа товаров и услуг через Интернет-магазины, использования сервисов электронной почты, размещения визуального контента, осуществления финансовых операций по средствам Интернет-банкинга, скачивания и обновления программного обеспечения. Менее распространены такие цифровые практики как участие в сетевых играх, использование электронных денег, поиск работы в сети, использование облачных сервисов, создание собственных Интернет-страниц и написание электронных обращений в государственные органы и службы. (см. таблицу 1)

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках гранта № Г22Мн-009 «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации»

Таблица 1. Цифровые практики белорусской молодежи (в %)

Цифровые практики	Всего
Читать новости	85,1
Пользоваться поисковыми сервисами (Yandex, Google и т.п.)	79,6
Скачивать, прослушивать аудио или видео	65,6
Покупать, заказывать товары / услуги в Интернет-магазинах	65,3
Пользоваться электронной почтой	61,2
Размещать свои фотографии, видео в Интернете	59,8
Управлять банковским счетом через Интернет (Интернет-банкинг)	58,1
Скачивать, обновлять программное обеспечение	53,2
Играть в сетевые игры	44,6
Оплачивать товары / услуги электронными деньгами	44,1
Искать работу через Интернет	37,5
Пользоваться облачными сервисами (хранилищами данных)	32,5
Создавать собственные Интернет-страницы (сайты, блоги, дневники)	19,8
Писать электронное обращение в государственные органы/службы	11,0
Другое	0,6
Не пользуюсь Интернетом	0,6
Затрудняюсь ответить	3,6

Основными средствами коммуникации в сети Интернет среди молодежи выступают социальные сети и мессенджеры. Менее распространенными являются: электронная почта, форумы и чаты, интернет-телефония и блоги. В среднем молодые белорусы используют 2,4 (из шести предложенных) способа коммуникации доступных с использованием современных цифровых технологий. (см. таблицу 2)

Таблица 2. Средства коммуникации, используемые молодежью для общения в Интернете (в %)

Средства коммуникации	Всего
Социальные сети	84,0
Мессенджеры (WhatsApp и др.)	81,3
Электронная почта	32,5
Форумы, в чатах	20,1
Интернет-телефония (Skype)	16,3
Блоги, дневники	8,0
Не использую	1,9
Затрудняюсь ответить	3,6
Среднее количество используемых средств коммуникации (ед.)	2,4

Среди белорусской молодежи наиболее популярны такие социальные сети/мессенджеры как Viber, ВКонтакте, Instagram, YouTube, Telegram и TikTok – более половины опрошенных указали что используют их. Менее популярные – WhatsApp, Одноклассники, Facebook, Twitter и LinkedIn. В среднем молодыми людьми для коммуникации используется 5,5 (из 11 предложенных) различных социальных сетей/мессенджеров. (см. таблицу 3)

Таблица 3. Использование социальных сетей/мессенджеров (в %)

Социальная сеть/мессенджер	Всего
Viber	82,4
ВКонтакте	76,0
Instagram	76,0
YouTube	73,3
Telegram	68,6
TikTok	60,1
WhatsApp	38,3
Одноклассники	31,1
Facebook	27,0
Twitter	13,8
LinkedIn	6,1
Не пользуюсь социальными сетями и мессенджерами	0,6
Затрудняюсь ответить	0,6
Среднее количество используемых социальных сетей/мессенджеров (ед.)	5,5

Большая часть белорусской молодежи среди своих навыков применяемых при использовании современных цифровых технологий, указывают навыки связанные с поиском информации. Так более 70 % опрошенных указали, что умеют формулировать поисковые запросы, для поиска нужной информации, а также собирать информацию из различных источников для формирования целостной картины по интересующей тематике. Владение навыками по анализу информации отмечают чуть меньше половины опрошенных респондентов. В частности, молодежью были отмечены умения находить различия между информацией и мнениями, суждениями, критикой; умение определять достоверность найденной в Интернете информации; умение распознавать возрастные ограничения контента; практический навык по выявлению скрытой информации о дополнительных платежах за пользование услугой. Десятая часть молодежи указала что не владеет ни одним из предложенных навыков. (см. таблицу 4)

Таблица 4. Цифровые навыки белорусской молодежи (в %)

Цифровые навыки	Всего
Формулировать поисковые запросы, чтобы найти в Интернете нужную информацию	73,0
Собирать информацию из разных источников, чтобы получить полное представление об интересующей теме	70,5
Замечать различия между информацией и другими сообщениями, в том числе мнениями, суждениями, критикой	46,3
Определять, является ли найденная в Интернете информация достоверной и заслуживающей доверия	42,1
Распознавать указания на то, что определенная телепрограмма подходит для детей и подростков	34,7
Выявлять скрытую информацию о дополнительных платежах за пользование услугой	28,1
Ничего из перечисленного	10,7
Затрудняюсь ответить	0,8

Наиболее распространенными цифровыми навыками по обеспечиванию безопасности личных данных, практикуемыми среди белорусской молодежи, являются навыки по изменению личных паролей, проверка компьютеров на наличие вирусных программ, удалению «истории» своих действий в веб-браузере, изменение настроек доступа к персональной информации в социальных сетях. Менее распространенные такие навыки как определение степени конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при использовании Интернет-услуг, распознавание ситуаций вымогательства информации. Так же стоит отметить, что десятая часть опрошенных не использует никаких навыков для обеспечения безопасности личных данных в сети Интернет. (см. таблицу 5)

Таблица 5. Цифровые навыки по обеспечиванию безопасности личных данных (в %)

Цифровые навыки	Всего
Изменять личные пароли на компьютере и в онлайн-сервисах	71,9
Проверять компьютер на вирусы	58,7
Удалять «историю» своих действий в Интернете/чистить историю браузера	55,9
Изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей	51,8
Определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при пользовании услугами через Интернет	31,7
Распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете	30,6
Другое	0,6
Ничего из вышеперечисленного	10,2
Затрудняюсь ответить	0,6
Среднее количество используемых навыков (ед.)	3,4

Современные коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни белорусской молодежи. Молодыми людьми освоен широкий спектр цифровых практик, связанных с использованием сети Интернет в качестве источника контента и инструмента социального взаимодействия. Также молодежью освоен широкий спектр навыков применяемых при использовании современных цифровых технологий, связанных с поиском информации, ее анализом и обеспечиванием безопасности личных данных.

ОТНОШЕНИЕ К ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ КАК ФАКТОР ПОЛЯРИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**Образцовой О. Н.***научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Беларусь, как и большинство стран мира, наращивает использование цифровых технологий во всех сферах общественной жизни. Современные процессы цифровой трансформации затрагивают не только экономику, производство, рынок труда, но и повседневные практики. Скорость, с которой появляются и внедряются новые технологии, приводит к тому, что люди не могут быстро к ним адаптироваться. В связи с этим могут возникать социальная напряженность и нежелание использовать цифровые технологии. Усиливаются процессы поляризации населения по отношению к цифровым технологиям. В связи с этим актуализируется проблема цифрового неравенства, суть которой состоит в следующем: «возможности, предоставляемые современными цифровыми технологиями огромны, но пользоваться ими для достижения своих социальных и экономических целей может лишь небольшой процент населения» [1].

Первоначально цифровое неравенство рассматривалось как ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям. Со временем концепция цифрового неравенства перестала фокусироваться исключительно на проблеме доступа к устройствам и инфраструктуре и стала предметом междисциплинарного изучения. Расширение междисциплинарного интереса и подхода к проблеме цифрового неравенства способствовало тому, что «цифровое неравенство» понимается как многомерное явление, охватывающее различные аспекты социальных расколов и «исключений» людей из цифровой среды [2].

На основе результатов эмпирического исследования¹ выделены две группы жителей Беларуси по отношению к цифровым технологиям и степени их включенности в цифровые практики. Дифференцирующим вопросом для выделения групп являлся следующий: «В связи с распространением цифровых технологий изменилось ли что-либо в Вашей жизни?». В первую группу, численность которой составила 23,7 %, были включены те респонденты, которые при ответе на вопрос выбрали вариант ответа «повысилось качество повседневной жизни благодаря использованию умных приложений и техники». Данную группу назвали «Адаптабельные», поскольку они смогли адаптироваться к новым технологиям и при помощи этих технологий повысить качество своей жизни. Все остальные респонденты были включены во вторую группу, численность которой составила 76,3 %, с условным названием «Неадаптабельные». Данная группа является наиболее уязвимой с точки зрения ее вовлеченности в цифровую среду. Представители группы «Неадаптабельные» испытывают трудности с адаптацией к новой цифровой реальности и не используют по тем или иным причинам возможности и преимущества цифровых технологий для улучшения качества жизни.

Социально-демографический портрет «Адаптабельных» выглядит следующим образом. Чаще всего представителями данной группы являются женщины (60,4 %). Около половины (46,3 %) участников группы – респонденты в возрасте 16–29 лет, другая половина (42,4 %) в возрасте 30–49 лет. Доля лиц в возрасте 50 лет и старше незначительна и составляет 11,3 %. Треть респондентов группы имеют высшее образование (32,8 %), чуть менее трети среднее специальное (27,6 %), 20,6 % – среднее общее, около 10 % с базовым и профессионально-техническим образованием. 70 % представителей данной группы в той или иной мере сталкиваются с цифровыми технологиями в своей профессиональной деятельности.

Портрет «Неадаптабельных» имеет свои отличия. Доля женщин в данной группе составляет 53,1 %, доля мужчин – 46,9 %. Равномерно представлены респонденты младшей, средней и старшей возрастных групп (31,0 %, 38,2 % и 30,8 % соответственно). Данная группа характеризуется меньшим количеством респондентов, имеющих высшее образование (15,5 %). В большей степени преобладают представители со средним общим и средним профессиональным образованием (26 % и 31,9 % соответственно). Профессионально-техническое образование имеют

¹ Результаты республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в рамках НИР «Социальные условия, факторы и последствия цифровой трансформации экономики Беларуси» в октябре 2021 года (объем выборки – 1507 респондентов).

15,1 %, базовое – 1,5 %. Приходится взаимодействовать с цифровыми технологиями в процессе своей профессиональной деятельности 47,4 %.

Одним из условий, определяющих вовлечение населения в цифровую среду, степень распространения практик использования цифровых технологий/сервисов, является позитивное к ним отношение. Анализ эмпирических данных показал, что большинство представителей каждой из группы в целом придерживаются позитивной точки зрения относительно роли цифровых технологий в современном обществе. Существенных различий в оценке возможностей и рисков цифровой трансформации сфер жизни общества не отмечается (см. таблицу).

Таблица. «Оценка плюсов и минусов цифровизации общества» (% согласных с утверждениями)

	Адаптабельные	Неадаптабельные
Благодаря новым технологиям появится больше возможностей для будущих поколений	96,2	80,6
Новые технологии делают нашу жизнь более здоровой, легкой и комфортной	78,2	62,5
Информационные технологии помогают сделать работу более эффективной	94,6	75,2
Новые технологии делают нашу жизнь беспокойной и опасной	39,1	38,3
Научные и технологические разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, вредные для здоровья человека и окружающей среды	52,5	51,5
Новые технологии слишком быстро внедряются в жизнь, люди не успевают к ним приспособиться	51,6	57,0

Согласны с мнением о том, что новые технологии дают больше возможностей для будущих поколений 96,2 % в группе «Адаптабельных» и 80,6 % в группе «Неадаптабельных». Считают, что цифровые технологии способствуют более здоровой, лёгкой и комфортной жизни 78,2 % «Адаптивных» и 62,5 % «Неадаптивных». Признают важность цифровых технологий в повышении эффективности рабочего процесса 94,6 % «Адаптивных» и 75,2 % «Неадаптивных». Примерно в равной степени представители данных групп (39,1 % и 38,3 % соответственно) согласны с тем, что цифровые технологии приносят в современную жизнь беспокойство и опасность. В большей степени респондентов волнуют вопросы влияния цифровых технологий на здоровье человека и окружающую среду, вопросы адаптации людей к новой реальности. Именно на данные страхи и опасения следует обратить особое внимание.

Как видим, существенных различий в отношении цифровых технологий не выявлено, однако, если анализировать степень внедрения цифровых практик в повседневную жизнь респондентов, здесь обнаружена существенная разница. Согласно данным 58,2 % «Адаптабельных» с удовольствием разбираются со всеми доступными цифровыми новинками и используют в своей жизни по возможности их. Недовольны распространением цифровых технологий только 3,4 % представителей данной группы. В группе «Неадаптабельных» число тех, кто с удовольствием разбирается с цифровыми технологиями и внедряет их свою жизнь, в 2,4 раза меньше и составляет 24,4 %. Доля тех, кто негативно относится к столь широкому распространению цифровых технологий, в три раза больше и составляет 11,4 %.

Причины сложившейся ситуации требуют пристального внимания исследователей. Можно говорить о том, что фактор отношения к цифровым технологиям не является ведущим и определяющим. Существуют другие более значимые факторы (например, отсутствие доверия к цифровым технологиям, низкая цифровая грамотность), которые влияют на поведенческую активность и требуют научного обоснования.

В рамках исследования мы попытались оценить уровень комфортности представителей обеих групп в ситуациях взаимодействия «человек» – «искусственный интеллект». Для проведения оценки восприятия роботов было предложено 5 проективных ситуаций. Респондентам предлагалось оценить, насколько комфортно они бы чувствовали себя в каждой из них. Следует отметить, что, *во-первых*, в группе «Адаптабельных» выше доля тех, кто чувствовал бы себя комфортно при взаимодействии с искусственным интеллектом во всех предложенных ситуациях. *Во-вторых*, наиболее комфортно как те, так и другие чувствовали бы себя в ситуациях, когда действия робота подчинены воле пользователя, и все решения в конечном счете принимает человек. Ситуации, когда робот выступает субъектом действия, где человек должен делегировать ответственность за свою жизнь и жизнь близких, большинство опрошенных групп

«Адаптабельных» и «Неадаптабельных» оценивают, как неприемлемые. Даже продвинутые в технологическом плане пользователи («Адаптабельные») пока не готовы к внедрению роботов, действующих независимо от человека.

Наиболее комфортно представители обеих групп чувствовали бы себя при доставке товара беспилотным летательным аппаратом (67,9 % и 40,4 % соответственно) и осуществлении всех финансовых операций в безналичном формате (66,9 % и 34,9 % соответственно). В ситуации, где водителем транспорта является искусственный интеллект, чувствовали бы себя нормально 35,3 % «Адаптабельных» и 15,7 % «Неадаптабельных». Доверили бы свое здоровье роботу врачу 21,5 % «Адаптабельных» и 9,8 % «Неадаптабельных». Доверили бы своего ребенка в детском саду либо школе воспитателю/учителю-роботу еще меньше представителей обеих групп: 14,5 % «Адаптабельных» и 7,3 % «Неадаптабельных». Как видим, кто чаще использует цифровые технологии в своей повседневной жизни, тот в большей степени доверяет искусственному интеллекту и более лоялен к внедрению цифровых технологий в различные сферы общества.

Полученные данные позволяют говорить о том, что 1) в белорусском обществе еще не оформилось единого мнения относительно цифровых технологий; 2) значительная часть представителей нашей страны относится к группе «Неадаптабельных», т.е. процесс адаптации только на начальном пути; 3) требуется принятие эффективных мер по совершенствованию сложившейся ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко, С. Цифровое неравенство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/>. – Дата доступа: 01.10.2023.
2. Вартанова, Е. Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-tsifrovogo-neravenstva-osnovnyye-etapy>. – Дата доступа: 22.08.2023.

УДК 331.5

ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАПРЯЖЕННОСТИ В ВОПРОСАХ КОМПЕТЕНТНОСТИ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)¹

Орлова Н. С.

*аспирант кафедры прикладной и отраслевой социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
г. Санкт-Петербург, Россия*

Развитие цифровой экономики влияет на все сферы жизни современного человека, изменениям в том числе подвергается рынок труда и занятость. В данных условиях повышается значимость развития человеческого капитала путем вложений со стороны государства и работодателей, а также самих работников, которые должны иметь и поддерживать соответствующий уровень квалификации для выполнения новых трудовых задач. Цифровизация затрагивает и гендерные аспекты. С одной стороны, исследователи говорят о появившемся «цифровом гендерном разрыве», который выражается в доступе к цифровым технологиям, развитии компетенций, необходимых для использования цифровых технологий и участия в их разработке, а также в возможности продвижения женщин к заметным руководящим ролям и принятию решений в цифровом секторе [1, с. 2]. Важным вопросом остается и то, какое влияние цифровизация оказывает на заработные платы мужчин и женщин [2, с. 89]. С другой стороны, отмечается и потенциал цифровизации в сокращении гендерного неравенства на рынке труда и занятости. Распространение интернета и цифровых технологий привело к появлению и распространению новых форм занятости и новых рынков труда для женщин [3, с. 81–82]. Интернет и социальные сети становятся неотъемлемыми ресурсами, которые позволяют работать удаленно, развивать собственный бизнес [4, с. 154–156].

В настоящее время в России уделяется пристальное внимание решению проблем гендерного неравенства. Так правительством была утверждена Национальная стратегия действий в интересах

¹Подготовлено при поддержке РНФ, проект № 23-28-00011 «Дефицит компетенций работников на открытых дистанционных рынках труда в условиях социально-экономической неопределенности».

женщин на 2023–2030 гг. [5]. Среди направлений данной стратегии, в том числе: привлечение женщин к приобретению навыков, необходимых в цифровой экономике [5, с. 12], создание условий для повышения и подтверждения квалификации в областях экономики, представляющих широкие возможности для трудоустройства, в том числе на высокооплачиваемые рабочие места [5, с. 10].

Для рассмотрения противоречий и напряженностей в вопросах квалификации работников использованы результаты интернет-опроса, проведенного летом 2023 года. Всего опрошено 436 человек, выборка строилась стихийным образом, в нее вошли представители разных сфер экономики из различных городов России (в возрасте от 18 лет). Высокая скорость изменений и цифровизация ставят на передний план необходимость постоянного совершенствования навыков путем непрерывного образования. Исходя из полученных данных женщины более ответственно относятся к вопросам дополнительного обучения: среди опрошенных женщин 59,26 % имеют опыт повышения квалификации, в то время как среди опрошенных мужчин повышали свою квалификацию в течение трудовой деятельности 39,34 %. Это связано как с особенностями тех сфер, в которых широко представлены женщины, а постоянное повышение квалификации является обязательным (образование, медицина и др.), так и с особенностями мотивации к повышению квалификации и положения женщин на рынке труда. Женщины более активны в вопросах дополнительного обучения. Повышение профессионального уровня помогает им изучить инновационные технологии и, во многих случаях, повысить уровень заработной платы [6, с. 61]. Сам уровень заработной платы является более важным для мужчин – 65,18 % среди опрошенных лиц мужского пола, среди женщин – 54,4 %. При этом, гендерный разрыв все еще наблюдается в уровне заработных плат: по итогам опроса наибольшие различия в структуре заработных плат наблюдается в категориях 16-30 тысяч рублей, 31-50 тысяч рублей (превалирование числа женщин в данных категориях) и свыше 300 тысяч рублей (превалирование числа мужчин в данной категории).

Важность профессионального развития для себя отмечают 51,18 % среди опрошенных женщин и 34,43 % мужчин. Карьерные перспективы имеют примерно одинаковую значимость как для мужчин, так и для женщин (около 56-57 % опрошенных). При этом женщины все еще сталкиваются с трудностями в профессиональном развитии, обусловленными психологическими особенностями и наличием гендерных стереотипов в обществе [7, с. 171]. В современных условиях неопределенности свой трудовой путь планируют 77,1 % женщин и 65,67 % мужчин. В российском обществе базовым типом гендерного поведения является «работающая мать» [8, с. 218–237]. Большинство женщин вынуждены совмещать работу и уход за детьми и родственниками, что вынуждает женщину выстраивать баланс между работой и домом. Таким образом, на женщине находится «двойная нагрузка» [9, с. 85], вынуждающая женщин выстраивать определенные трудовые стратегии. Важным фактором в вопросах трудовых стратегий является наличие возрастного барьера на рынке труда: уже с 45 лет люди в независимости от пола подвергаются дискриминации на рынке труда [10, с. 109–111]. В этих условиях в наиболее тяжелом положении оказываются женщины старших возрастов.

Вопросы гендерного неравенства остаются крайне актуальными в условиях развития цифровой экономики. Информационные технологии приводят к появлению новых форм занятости, однако женщины все еще недостаточно представлены в цифровых профессиях, являющихся стереотипно «не женскими». Цифровизация делает необходимым наличие цифровых навыков для всех категорий населения. Большинство женщин стремятся к освоению новых навыков. Противоречия связаны, в первую очередь, с сомнениями в вопросах оценки трудового потенциала женщин в условиях тенденций современного рынка труда. Напряженности в основном провоцируются тем, что в российском обществе все еще доминируют стереотипы, влияющие на все блоки трудовой жизни женщин, в том числе на возможности развития их компетентности. Для сглаживания остатков гендерного неравенства необходим комплексный подход, включающий в себя устранение стереотипов, привлечение женщин в IT-профессии, работа с мотивацией женщин к получению цифровых навыков, а также использованию новых форм занятости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The digital gender gap / R. Kuroda et al. – W20 Japan, EY-GSMA, 2019. – 4 p.
2. Лукьянова, А. Л. Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда / А. Л. Лукьянова // Экономическая политика, 2021. – Т. 16. – №. 2. – С. 88–117.

3. Дудин, М. Н. Сокращение гендерного неравенства в процессе трудовых взаимоотношений в эпоху глобальной цифровизации / М. Н. Дудин, Е. В. Левина, А. Н. Анищенко // Социально-трудовые исследования, 2020. – №. 1 (38). – С. 73–84.
4. Камарова, Т. А. Условия дистанционной занятости как фактор демографического развития: типично «женские» профессии / Т. А. Камарова // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. – Екатеринбург, 2019. – Том I. – С. 154–160.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/145532/>. – Дата доступа: 06.10.2023.
6. Лебедева, Н. В. Гендерные особенности учебной мотивации слушателей курсов повышения квалификации / Н. В. Лебедева // Человек и образование. – 2013. – №. 4 (37). – С. 59–62.
7. Могилевская, Г. И. Факторы, затрудняющие профессиональное развитие женщин / Г. И. Могилевская, К. В. Ревякина // Концепция «Общества знаний» в современной науке. – 2023. – С. 170–173.
8. Crompton, R. Restructuring Gender Relations and Employment / R. Crompton. – Oxford: University Press, 1999. – 256 p.
9. Тартаковская, И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа / И. Н. Тартаковская // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 84–93.
10. Сизова, И. Л. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России / И. Л. Сизова, Н. С. Орлова // Journal of the Belarusian State University. Sociology. – 2021. – №. 1. – С. 107–119.

УДК 316.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАМЕРЕНИЙ И ПРАКТИК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЯН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Пасовец Ю. М.

*доцент кафедры социологии Курского государственного университета
кандидат социологических наук
г. Курск, Россия*

Актуальность исследования проблематики адаптации россиян к социально-экономическим изменениям, вызванным постсоветскими трансформациями, обусловлена потребностью в выявлении и анализе возможных изменений в ожиданиях и практиках адаптивного поведения населения в экономической сфере современного российского общества. Как и события начала постсоветского периода (начало 1990-х гг.), так и современные события 2022 г. выступили катализатором перемен в различных сферах российского социума, побуждая население также изменять свои намерения и способы адаптации к этим переменам. Вместе с тем активизация усилий населения по поддержанию и улучшению материального положения ограничена как объективными (недостаток высокооплачиваемых рабочих мест, организационные трудности в совмещении нескольких работ и др.), так и субъективными (нежелание прилагать дополнительные усилия на имеющейся работе или искать новую и др.) факторами, что ограничивает масштабы активных практик социально-экономической адаптации среди россиян.

Охарактеризовать изменения в планах и распространенности адаптивных практик россиян в экономической сфере общества за постсоветское время позволяют результаты всероссийских опросов населения, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1992 г. и 2022 г. (N=1600 человек) [1].

Несмотря на усилившуюся неопределенность экономической ситуации в российском обществе в 2022 г., вызванную изменением геополитической обстановки в мире, в настоящее время подавляющее большинство россиян (84 %) считают, что могут каким-либо образом поддержать или улучшить свое материальное положение в ближайшем году. При этом среди россиян 10 % затруднившихся с ответом и 6 % тех, кто убежден, что не сможет решить эту жизненную задачу. В то же время в начале постсоветского периода только 75 % населения заявляли о своих намерениях адаптироваться к изменениям и использовать в этих целях тот или иной способ поддержания или улучшения материального положения, однако четвертая часть россиян затруднялась с определенным ответом на тот вопрос (в 1992 г. вариант ответа о невозможности поддержать или улучшить свое материальное положение не задавался) [1]. Тем самым можно сказать, что за постсоветский период увеличилось число россиян, которые рассчитывают реализовать определенные практики социально-экономической адаптации в

ближайшей временной перспективе, и сократилась доля тех, кто не имеет четких намерений и уверенности в своих возможностях использовать такие практики (о чем свидетельствует ответ «затрудняюсь ответить»).

Рассматривая намерения россиян по использованию конкретных практик социально-экономической адаптации, представляется значимым основываться на достаточно распространенном в отечественных исследованиях по этой тематике подходе разделения данных практик на активные и пассивные [2; 3; 4; 5; 6]. Основным критерием такого разделения выступает наличие трудовой активности населения, связанной с активизацией трудовых усилий в рамках основной и дополнительной занятости. Как в 1992 г., так и в 2022 г. большинство россиян выбирают активные практики социально-экономической адаптации к происходящим изменениям. На протяжении постсоветского периода среди активных способов социально-экономической адаптации сохраняется преобладание стремления получить более высокую оплату или прибавку к ней по основному месту работы (24 % и 20 % соответственно годам), найти дополнительную работу на постоянной или временной основе (16 % и 19 %). Внутри группы активных адаптивных практик россияне значительно реже выбирают смену места работы и переход на более высокооплачиваемую работу (11 % и 12 %), организацию собственного бизнеса (8 % и 6 %) и ведение или расширение личного подсобного хозяйства (18 % и 12 %). Наименее распространенным среди населения оказывается выбор трудовой эмиграции, связанной с переездом на работу за границу (3 % и 2 %) [1].

Если фокусировать внимание на изменениях в планах россиян использовать конкретные активные практики социально-экономической адаптации, произошедшие за рассматриваемый период, и учитывать ошибку выборки в данных опросах населения (2,5 %), то можно констатировать незначительное снижение доли тех, кто ориентирован на повышение оплаты труда на основной работе, и сокращение доли тех россиян, которые готовы завести личное подсобное хозяйство или его расширить. Вместе с тем следует принять во внимание результаты региональных опросов, показывающих существенную распространенность среди населения ряда регионов, отличающихся благоприятными условиями для сельского хозяйства, практики ведения личного подсобного хозяйства как одного из основных способов социально-экономической адаптации [5, с. 130–131]. За постсоветское время не изменилась доля россиян, занимающих пассивную позицию в вопросе своей адаптации к социально-экономическим изменениям, и рассчитывающих на увеличение материальной помощи со стороны государства и повышение размера социальных выплат (пенсий, пособий, стипендий и др.): и в 1992 г., и в 2022 г. она составила пятую часть опрошенных (21 %) [1].

Таким образом, в постсоветский период трансформация намерений и практик социально-экономической адаптации россиян была связана, во-первых, с увеличением доли тех, кто ориентирован на использование тех или иных способов социально-экономической адаптации в ближайшей временной перспективе, и снижением доли не имеющих определенных планов по поддержанию или улучшению своего материального положения; во-вторых, некоторым снижением доли россиян, рассчитывающих на рост оплаты труда по основному месту работы и на ведение личного подсобного хозяйства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Материальное положение – и как его улучшить? / Аналитический обзор ВЦИОМ от 07 февр. 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-i-kak-ego-uluchshit>. – Дата доступа: 21.05.2023.
2. Корель, Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
3. Козырева, П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков / П. М. Козырева. – Москва : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. – 320 с.
4. Мозговая, А. В. Стратегии адаптации к различным типам рисков / А. В. Мозговая // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 3(31). – С. 32–46. – DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485.
5. Пасовец, Ю. М. Активные практики социально-экономической адаптации россиян / Ю. М. Пасовец // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 1(62). – С. 130–133.
6. Пасовец, Ю. М. Адаптивные практики населения в условиях риска / Ю. М. Пасовец // Экономика. Общество. Человек : материалы национальной научно-практической конференции с международным участием, Белгород, 26–27 июня 2020 года. Том 2. Выпуск XXXIX. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2020. – С. 74–80.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Подгайская Л. И.

*доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности
Белорусского государственного экономического университета
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Процесс развития электронной торговли во всём мире идёт огромными темпами. Она всё больше внедряется в нашу повседневную жизнь. Объёмы продаж через Интернет из года в год увеличиваются, а использование интернет-услуг становится более комфортным и доступным. И главными преимуществами покупок в Интернете белорусы называют более низкие цены и удобство, так как нет необходимости куда-то ходить. Поэтому сегодня в Республике Беларусь электронная торговля выступает одним из приоритетных направлений стратегии развития информатизации [1]. В первую очередь, в стратегии идет речь о развитии электронного документооборота и маркетинга электронных закупок, а также об обеспечивающих их логистических системах, о расширении использования системы электронного декларирования, формировании условий для создания интернет-магазинов и расширения мобильных платежей. Можно констатировать, что в настоящее время в Беларуси для развития электронной торговли уже существуют все необходимые составляющие: постоянно совершенствуемая правовая база; наличие государственных программ, нацеленных на формирование цифровой экономики; высокоскоростной мобильный Интернет со сравнительно низкими ценами на трафик; растущая интернет-грамотность населения, компактность Республики, что облегчает логистику и позволяет быстро доставлять товар покупателям; достаточно надежные платежные системы. Тем не менее, для обеспечения эффективной динамики в секторе электронной торговли следует учитывать тенденции, которые отражают развитие этого направления в лидирующих экономиках и позволят формировать конкурентный национальный электронный рынок, адаптированный к международному.

В 2023 г. на кафедре экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности был проведен анализ состояния электронной торговли, а также присущих ей проблем и особенностей в Республике Беларусь, в результате которого был составлен SWOT-анализ интернет-магазинов в Республике Беларусь (см. таблицу).

Таблица. SWOT-анализ интернет-магазинов в Республике Беларусь

Сильные стороны	Слабые стороны
Увеличение числа пользователей	Новые игроки на рынке
Новые технологии	Активность конкурентов: программы продвижения дополнительные услуги
Новые потребности, мода	
Определение целевой аудитории	
Дополнительные услуги	Смена тенденций спроса, моды
Различные формы оплаты	
Легкость навигации	Законодательное регулирование: новые таможенные барьеры новые законодательные акты
Тенденции спроса	
Хорошие связи с общественностью	
Государственная поддержка	Неуникальный и блеклый дизайн
Невысокая стоимость товаров	Медленно работающие сайты
Возможности	Угрозы
Инновационные технологии, патенты	Слабая дистрибуция, продвижение
Удовлетворенность клиентов	Слабый маркетинг
Широкий товарный ассортимент	Нет корпоративной культуры
Обученный персонал	Низкая квалификация сотрудников
Потенциал маркетинга	Нет послепродажного обслуживания
Быстрая обработка заказов	Мало дополнительных услуг
Программа лояльности для постоянных клиентов	Проблемы с качеством товаров

Таким образом, достоинством, существующих в Республике Беларусь магазинов, является то, что практически 95 % всех сделок (заказ, звонок, доставка, гарантия, товар) происходят в установленные сроки. Существенными же недостатками белорусских магазинов стали их плохая навигация, отсутствие качественной графики и фотографий. Помимо этого, наличие товара на сайте не соответствует наличию его на складе, товарный ассортимент весьма узкий и количества их явно недостаточно. Также существует масса проблем со внутренней оптимизацией практически всех сайтов на торговых площадках, что создает определенные неудобства для пользователей.

При этом следует иметь в виду то, что, поскольку рынок электронной коммерции является чувствительной позицией любого национального рынка и связан с интересами его граждан и местных производителей, государство должно активно участвовать в разработке и реализации концепции развития рынка электронной коммерции в условиях глобализации, учитывая интересы всех субъектов экономических отношений. Наличие определенной законодательной базы для регулирования Интернет-торговли не исключает присутствия некоторых сдерживающих факторов ее развития. К ним относятся: отсутствие надежных гарантий правового признания электронных сделок, а также четких механизмов защиты прав и законных интересов потребителей, совершающих сделки посредством телекоммуникационных сетей. В настоящее время Интернет-бизнес в Республике Беларусь не имеет единого источника правового регулирования. Отдельные правовые блоки содержатся в многочисленных нормативных правовых актах.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд предложений по дальнейшему совершенствованию Интернет-торговли в Республике Беларусь:

- продолжение работы по созданию единой унифицированной базы данных об отечественных товарах и услугах;
- компьютеризация учета движения товарных запасов во всех звеньях сферы обращения;
- развитие системы электронных платежей;
- внедрение с учетом зарубежного опыта системы управления запасами быстрого реагирования;
- проведение социологических и маркетинговых исследований, определение стратегии освоения международных рынков;
- внедрение электронного делового документооборота в соответствии с международными стандартами и рекомендациями, в том числе процедуры электронной регистрации субъектов хозяйствования;
- формирование доверия к интернет-магазинам у покупателей;
- постоянное расширение ассортимента.

Кроме этого, необходимо 1) продолжить формирование инфраструктуры связи и телекоммуникаций, обеспечивающей информационную безопасность электронных форм взаимодействия субъектов хозяйствования между собой; 2) способствовать развитию конкурентной среды на рынках телекоммуникаций и расширению доступа к телекоммуникационной инфраструктуре действующих операторов, тем самым создавать условия для снижения тарифов на подключение и использование информационно-коммуникационных технологий; 3) стимулировать разработки онлайн-приложений для бизнеса, а также разработки поисковых систем, ориентированных на пользователей мобильных устройств; 4) организовать мероприятия по обучению использования Интернета и информационных технологий в предпринимательской деятельности, в том числе мероприятия по использованию информационных технологий для участия организаций в электронных аукционах; 5) проводить кампании по повышению уровня осведомленности в области информационно-коммуникационных технологий среди граждан; 6) содействовать развитию рынка электронных денег и популяризации электронных кошельков через информирование пользователей.

Развитию Интернет-торговли также будут способствовать такие современные технологии, как 3D-принтеры и виртуальные примерочные для совершения онлайн-покупок. Перспективы развития Интернет-торговли определяются правовыми возможностями доставки товаров сторонними курьерскими службами, возвратом товаров, приобретенных в интернет-магазине посредством функции «корзина для покупателя», дистанционными расчетами за товары [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016 – 2022 годы. Утверждена на заседании Президиума Совета Министров от 03.11.2015 № 26 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Интернет-магазины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gigatrade.by. – Дата доступа: 18.09.2023.

УДК 316.422.42

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Рымашевский А. Д.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларусь
г. Минск, Беларусь*

В эпоху цифровой экономики и повсеместной роботизации ряд экономистов из политэкономической школы (О. Комолов, Р. Абдулов и др.) уверены, что современная частная собственность, родившаяся в условиях промышленного капитализма, все больше становится препятствием для решения нынешних социально-экономических проблем (бедность, голод, отсутствие доступа к здравоохранению, образованию и т. д.). Амартия Сен, индийский экономист и лауреат Нобелевской премии по экономике (1998 г.), изучавший проблемы голода и бедности в неразвитых странах, в результате своего исследования пришел к выводу, что ресурсов для решения данных проблем в странах всегда хватает, но из-за несправедливых методов распределения результатов труда и неравенства в доходах, голодающее население просто не может позволить себе приобрести необходимые товары [1]. Согласно докладу Организации объединенных наций (ООН) 2019 г., ежегодно в мире уничтожается 1,3 млрд. тонн пригодной к употреблению пищи, а четверть этого объема способна решить проблему голода на Земле. Вдобавок, экспертами из ООН отмечается, что даже самые развитые страны ещё не создали систему рационального использования и распределения ненужных продовольственных товаров [2].

По мнению российского экономиста Олега Комолова, современный капитализм имеет ряд неразрешимых противоречий, связанных с созданием товаров с нулевой стоимостью из-за постоянной роботизации и уменьшения количества вложенного человеком труда, а также монополизации экономики, как объективного процесса вытеснения более слабых игроков на рынке и реализации крупным бизнесом «эффекта масштаба», возможностей дорогостоящих инвестиций, привлечения более качественных специалистов и слияния с более мелкими формами собственности [3, с. 12]. В итоге О. Комолов приходит к выводу, что сама капиталистическая система, укрупняясь и всё больше затормаживая из-за этого прогресс, создает предпосылки для перехода к совершенно новой форме хозяйствования, основанной на общественном владении субъектами экономики и повсеместном использовании научного планирования, внедряемого уже в рамках капиталистической экономики крупнейшими ТНК (Samsung, Google, Walmart и др.).

В работе немецкого экономиста и президента Всемирного экономического форума Клауса Шваба «Четвёртая промышленная революция» (2016 г.) отмечается, что общество будущего уже наступило и технологии создают новую реальность чрезвычайно быстрыми темпами [4, с. 13]. Однако К. Шваб акцентирует свое внимание не только на преимуществах происходящих процессов, но и выделяет ряд проблемных моментов, связанных с переходом к обществу будущего. Среди них концентрация производства в руках мощных платформ [4, с. 14], системный характер неравенства [4, с. 14], цифровые войны [4, с. 67], неоднозначный характер автоматизации труда, способный лишить большое количество людей рабочих мест [4, с. 35], вопросы международной безопасности [4, с. 70] и т. д.

Пандемия Covid-19 в начале 2020 г. обострила ряд противоречий в социальной политике многих стран, старающихся развивать бизнес и частные инициативы вместо общественных инициатив. В совместном произведении «Covid-19: Великая перезагрузка» (2020 г.)

вышеназванного автора К. Шваба и публициста Т. Маллере рассматриваются происходящие сегодня процессы в области экономики и социальной защиты. Авторы детально описывают негативные последствия пандемии, включающие замедление экономического роста, ускорение противоречивых последствий автоматизации производства, социальные волнения, рост уровня неравенства в доходах, падение доходов и т. д. [5, с. 12].

В конечном итоге, К. Шваб и Т. Маллере приходят к мысли о необходимости формирования новой социальной политики в постпандемическую эпоху. Под «великой перезагрузкой» понимается благополучие всех членов общества, решение проблемы неравенства, инвестиции в социальный капитал, переход к социальной и «зеленой» экономике, необходимость в сочетании стимулов государственного сектора и коммерческого инновационного потенциала, и фискальная политика, направленная на общественную поддержку [5].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что в современных социумах (обществах нового типа) происходят различные технологические, социальные и экономические трансформации, специфику которых целесообразно учитывать в процессе разработки и реализации на практике как экономической, так и социальной политики для повышения эффективности последних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Решение проблемы бедности в трудах нобелевских лауреатов по экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/316475408_RESENI_PROBLEMY_BEDNOSTI_V_TRUDAH_NOBELEVSKIH_LAUREATOV_PO_EKONOMIKE. – Дата доступа: 21.09.2023.
2. Употребить нельзя уничтожить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3997301>. – Дата доступа: 24.09.2023.
3. Тенденции монополизации современной рыночной экономики (политико-экономический аспект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/Komolov_abstract.pdf. – Дата доступа: 16.05.2021.
4. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : «Эксмо», 2016. – 138 с.
5. Шваб, К. Covid-19: Великая перезагрузка / К. Шваб, Т. Маллере. – Москва : «Форум», 2020. – 68 с.

УДК 316.422+316.334.2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рязанцева Т. В.

*Старший преподаватель кафедры экономической теории и права
Белорусского государственного аграрного технического университета
г. Минск, Беларусь*

В условиях цифровизации современного общества и в складывающихся исторических, геополитических условиях возрастает актуальность осмысления основных аспектов трансформации социально-экономических отношений. В настоящее время нарастающая цифровизация общества становится привычной формой жизни людей, социальных институтов, систем и организаций, которая изменяет их качественные характеристики. Возникает задача государственного управления по совершенствованию этих процессов и проблема сохранения целостности социально-экономических систем. Реализующие в Беларуси проекты строительства цифровой экономики направлены на цифровизацию производства, сельского хозяйства, регионов, транспорта, государственного управления, медицины, образования и формирования цифрового доверия [1].

Цифровизация – неотъемлемая часть инновационного развития Республики Беларусь, основная задача которого заключается в развитии «инструментов цифровой экономики в различных отраслях национальной экономики, предусматривающих применение передовых технологий в производстве и процессах ведения внешнеэкономической деятельности, формирование необходимых условий для сохранения и повышения конкурентоспособности белорусских предприятий на мировом рынке» [1]. Главными особенностями социально-экономических отношений в условиях цифровой трансформации являются их глобальный характер, дистанционное управление и использование идей, реализация сетевых принципов в

координации экономических систем, рынков и общества. Преимущества и цифровые продукты, создаваемые цифровыми технологиями, обуславливают необходимость воплощения национальной политики для осуществления трансформации социально-экономических отношений во всех сферах жизнедеятельности с учетом возникающих рисков, вызовов и угроз.

Цифровизация современного общества предполагает внедрение Индустрии 4.0 в виде взаимосвязи технических, технологических и программных решений, где участие индивида будет минимальным в управлении производственными, банковскими, экономическими, сервисными и иными процессами. Значительная часть процессов будет стремиться к тому, чтобы стать полностью автоматизированной и независимой, многие из них перейдут в состояние постоянной самооптимизации, самонастройки в зависимости от изменений среды. Эти тренды можно представить в виде сочетания передовых технологий: нейростети, интернет вещей, облачные технологии (cloud computing), автономные роботы, цифровые двойники, виртуальная (дополненная) реальность, 3D-принтеры, телекоммуникационные сети 5G, системы управления дорожным движением и автономные транспортные средства, финансовые рынки и умные города, а также системы Индустрии 4.0, перенесенные в облако.

Важным становится понимание цифровизации общества как необратимое и направленное культурное, социальное, организационное и экономическое изменение путем интеграции цифровых технологий, процессов и взаимодействий. Новые цифровые технологии приводят к изменению основ жизни общества, культуры, экономики, так как начинается формирование и трансформация многоуровневых разнообразных связей между всеми участниками социо-экономической деятельности. Цифровизация общества предполагает определенный инструментарий «цифрового» менеджмента. «В условиях цифровой экономики изначально социотехническая система становится технико-социальной с преобладанием командно-управленческих функций, сгенерированных в ней социальные ценности и потребности представлены в цифровой среде и так же виртуально удовлетворяются как, например, в компьютерной игре, и сводится к физиологическим потребностям первичного, базового уровня» [2, с. 479].

Последствия цифровизации общества возможно представить в виде системы, где каждый элемент взаимодействует и влияет на жизнь индивидов и общества в целом: активное использование социальных сетей, становление эффективной личности; формирование сплоченного коллектива; интегрированной организации; межсетевой среды. Каждый элемент развивается, совершенствуется и определяет смысл и наполненность социально-экономических трансформаций, появляется возможность экономить время и финансовые ресурсы, формируется спрос на новые рабочие места, происходит устаревание ряда профессий, но при этом появляются новые, инновационные сферы деятельности, профессии и компетенции, существенно изменяются квалификационные требования к работникам, возникает необходимость в организации системы непрерывного обучения и совершенствованию профессиональных навыков.

Заметны изменения и в развитии рынка образовательных услуг. Сфера образования становится динамичной и актуальной, возрастает потребность в новых программах обучения и подготовки профессионалов, информационно-коммуникационных технологиях. Трансформация социально-экономических отношений в условиях цифровизации общества предполагает также внедрение новых принципов работы, применение технологии искусственного интеллекта, дополненной реальности, блокчейн и др., которые повышают эффективность работы.

Анализ цифровизации общества расставляет будущие акценты трансформации социально-экономических отношений:

- предполагается глобализация социальных и экономических взаимодействий в результате ускорения процессов обмена информацией;
- появление новых потребностей (потребностей постинформационного и метайнформационного общества, общества потребления) ускоряет процессы развития сферы услуг (интернет-услуг, интернет-образования, интернет-оплата и др.);
- продолжится развитие новых форм самозанятости: фриланс, удаленная работа, совмещение или ведение нескольких профессиональных сфер, неполная занятость;
- качественно улучшается анализ результативности каналов продвижения товаров (рекламы) до потребителя и возможности сбора информации для принятия управленческих решений через цифровые системы;

- происходит ускоренный обмен большими объемами информации между субъектами, организациями, корпорациями и т. Д.;
- ускорение товарооборачиваемости через информационное и цифровое обеспечение;
- изменяется роль, положение и компетенции лидера/руководителя;
- самой проблематичной становится именно сфера социальных отношений и взаимодействий между личностями, группами;
- прогнозируется внедрение робототехники, сенсорных технологий управления, искусственного интеллекта в новые сферы социально-экономических отношений (медицина, обучение, управление, работа социальных служб и институтов).

Таким образом, цифровизация современного общества ведет к трансформации не только экономического базиса, но и всей сферы социальных отношений, сопряженных с народным хозяйством и управлением им, а овладение новыми компетенциями становится ведущим трендом на рынке образовательных услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Mpt.gov.by. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/bannerpage-gosprogramma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na2021-2025>. – Дата доступа: 27.08.2023.
2. Левчаев, П. А. Менеджмент эпохи цифровизации: цифровые технологии и алгоритмы искусственного интеллекта как управляющая система современного человека / П. А. Левчаев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2020. – № 1. – С. 476–479.

УДК 004:328.1(476)

НОВЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сидорчук И. П.

*заместитель директора по научно-методической работе
обособленного подразделения Института информационных технологий БГУИР
кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Тулейко Е. В.

*заведующий сектором глобальной экономики центра мировой экономики
Института экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Крысь Е. Г.

*заведующий сектором научно-методической работы обособленного подразделения Института
информационных технологий БГУИР
г. Минск, Беларусь*

Развитие цифрового пространства, ключевыми элементами которого являются электронное правительство, использование информационных ресурсов и систем, новых технологий (искусственный интеллект, сети нового поколения 5G, умные города, «интернет вещей» и др.) приводит к автоматизации управленческих процессов и требует от работников государственных органов и организаций наличия новых знаний и формирования новых компетенций.

Цифровое развитие оказывает влияние на деятельность работников государственных органов и организаций по следующим направлениям:

- изменение процессов деятельности, обмена информацией, предполагающее расширение использования больших данных, искусственного интеллекта для целей реализации государственной политики, формирования официальной статистики, автоматизация рутинных процедур, электронного взаимодействия со всеми субъектами и др.;
- преобразование управленческого и профессионального циклов, основанное на предоставлении государственных услуг в режиме on-line, внедрение новых технологий для организации планирования, реализации полномочий, выполнения контрольных функций, обеспечения непрерывной обратной связи при реализации государственных услуг и др.;

- нестандартное решение проблем, критическое мышление, выработка новых оптимальных алгоритмов, генерация новых идей для реализации задач цифровой экономики;
- изменение организационной культуры взаимодействия, предполагающее реализацию проектов и программ в области цифрового развития;
- совершенствование информационной инфраструктуры и технологий системы государственного управления, предполагающее необходимость постоянного обновления знаний и навыков в области использования информационных систем и технологий на рабочем месте и содействия их развитию и др.

Указанные факторы приводят к изменению функций руководителей и работников, появлению организационно-функциональных структур, подразделений в системе государственного управления, ответственных за цифровую трансформацию. В связи с этим многие страны пересматривают свои организационные структуры в сфере государственного управления, определяют ответственных за цифровое развитие, формируют команды, обладающие цифровыми компетенциями.

Такие структуры созданы в ряде зарубежных стран [1]. В Дании есть Агентство по цифровизации (Agency for Digitisation), Совет по ИТ-проектам при правительстве (Danish Council for ICT), Проектный офис цифровизации муниципальных образований Дании (KOMBIT), Совет по этике данных при Правительстве Дании (Denmark's Data Ethics Council). В Австралии – Государственная цифровая служба (Government Digital Service), Центр правительственной связи (Government Communications Headquarters), Национальный независимый центр кибербезопасности (The National CyberSecurity Centre), Центр защиты национальной инфраструктуры (Centre for Protection of National Infrastructure). В Российской Федерации, в частности, функционируют ИТ-направления Казначейства, ИТ-направления Счетной палаты, ИТ-направления Минтруда России и др.

В Беларуси, как и в других странах, также создаются новые структуры для продвижения вопросов цифровизации, а на государственные органы и организации возлагаются новые функции, тем самым меняется содержание политических, социально-экономических отношений.

Ключевые функции в сфере цифрового развития страны возложены на Министерство связи и информатизации. Этот орган, в частности, выполняет следующие функции:

- реализация государственной политики и государственное регулирование в сфере цифрового развития;
- организация и осуществление международного сотрудничества в сфере цифрового развития;
- участие в разработке содержания образовательных программ высшего, среднего специального образования и дополнительного образования взрослых для подготовки, переподготовки, стажировки и повышения квалификации кадров в сфере цифрового развития;
- разработка и согласование проектов, стратегий, государственных программ, НПА в сфере цифрового развития;
- координация внедрения информационных технологий в сфере государственного управления;
- определение единой технической и технологической политики в сфере цифрового развития для создания экосистемы цифровой экономики, в том числе единой архитектуры государственных цифровых платформ и требований к присоединяемым к ним информационным системам;
- внесение предложений о совершенствовании правовых и организационно-экономических механизмов стимулирования деятельности в сфере цифрового развития;
- определение перечня мероприятий в сфере цифрового развития;
- осуществление в порядке, установленном законодательством о контрольной (надзорной) деятельности, за соблюдением НПА, единой технической и технологической политики в сфере цифрового развития, выполнением требований к созданию, развитию, взаимодействию государственных цифровых платформ, государственных информационных систем;
- разработка показателей уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц и реализация пилотных проектов в сфере цифрового развития.

При Министерстве связи и информатизации создан Совет по проектам в сфере цифрового развития (далее – Совет) – постоянно действующий межведомственный координационный орган,

осуществляющий в пределах компетенции на коллегиальной основе рассмотрение вопросов цифрового развития. В состав Совета входят руководители Министерства связи и информатизации, Министерства экономики, Министерства финансов, Министерства юстиции, Министерства антимонопольного регулирования и торговли, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь или их заместители, на которых возложены функции в сфере цифрового развития. К функциям Совета, в частности, относятся: рассмотрение и согласование разработанных показателей уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц; рассмотрение проектов по внедрению информационных систем, цифровых платформ, реализуемые в рамках государственно-частного партнерства, и принятие решения о целесообразности и условиях их реализации; принятие решения о целесообразности реализации мероприятий и пилотных проектов в сфере цифрового развития с учетом результатов прохождения их экспертизы; осуществление иных функций в соответствии с Положением о Совете по проектам в сфере цифрового развития при Министерстве связи и информатизации, утверждаемым Министерством связи и информатизации.

Кроме того, в республике созданы Центр цифрового развития и Центр перспективных исследований в сфере цифрового развития. Следует особо отметить, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» установлена необходимость определения лиц, ответственных за вопросы цифрового развития, занимающих должности не ниже заместителя руководителя и определение «офисов цифровизации» из числа юридических лиц, подчиненных (входящих в систему) государственных органов и иных государственных организаций. «Офисы цифровизации» выполняют на договорной основе работы, оказывают государственным органам и организациям услуги по организационно-техническому обеспечению реализации мероприятий в сфере цифрового развития, включенных (планируемых к включению) в государственные и иные программы, в том числе отраслевые и (или) межотраслевые программы, программы социально-экономического развития административно-территориальных единиц, региональные комплексы мероприятий. Эти структуры оказывают также услуги по: разработке технических паспортов мероприятий в сфере цифрового развития; разработке технических заданий на создание государственных цифровых платформ и государственных информационных систем. Кроме того, они помогают подготовить конкурсные, аукционные документы, включая приглашение к участию в процедуре государственной закупки; разработке (доработке) программного обеспечения; а также помощь в сопровождении государственных цифровых платформ и информационных систем.

Можно резюмировать, что процессы цифровой трансформации в государственном секторе приводят к переосмыслению подходов к организационно-функциональным структурам органов государственного управления, отвечающим за цифровую трансформацию, появляются новые задачи и функции, формируются новые общественные отношения, новая цифровая реальность. Все это требует постоянного профессионального развития руководителей и работников государственных органов и иных организаций, в том числе формирования цифровых (digital skills) и личностных (soft skills).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зарубежный опыт формирования организационных структур цифровой трансформации на государственном уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hr.cdto.ranepa.ru/os-1-zarubezhnyj-opyt-formirovaniya-organizacionnyh-struktur>. – Дата доступа: 27.09.2023.

ЧТО ТАКОЕ VUCA-МИР И МОЖНО ЛИ ИМ УПРАВЛЯТЬ?**Симхович В. А.**

*профессор кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской
деятельности Белорусского государственного экономического университета
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

Современный мир стремительно меняется. Он характеризуется крайней степенью напряженности во взаимоотношениях ключевых стран и альянсов, нестабильностью и непредсказуемостью во всех сферах жизнедеятельности людей. Сегодня человечество живет в условиях переменчивой реальности, в которой трудно принимать решения, делать точные прогнозы и рассчитывать на исполнение планов. И эта реальность – VUCA-мир, который пришел на смену SPOD-миру – миру, который был достаточно стабильным (steady), предсказуемым (predictable), простым (ordinary) и определенным (definite).

VUCA – это акроним английских слов volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность, двусмысленность). Аббревиатура VUCA была придумана американскими военными на основе теорий лидерства, представленных в книге У. Бенниса и Б. Нануса «Лидеры: стратегии взятия ответственности» [1]. В 1987 году Военный колледж армии США представил концепцию VUCA, в которой содержались способы действия в условиях постоянно меняющейся, непредсказуемой военной обстановки. Впоследствии она стала использоваться для описания сложного и неоднозначного многостороннего мира, возникшего в результате окончания холодной войны. Начиная с 2002 года, термин VUCA активно используется в сфере военного образования, а затем укореняется в новых идеях стратегического лидерства, которые применяются в самых разных организациях – от коммерческих до образовательных. После мирового финансового кризиса 2008–2009 годов VUCA-мир как концепция и метод проник в сферу бизнеса и сегодня используется для описания условий, в которых работает компания. Особую актуальность данный термин приобрел в связи с коронавирусом, который стал впечатляющим примером потрясений в реалиях VUCA-мира.

Аббревиатура VUCA-мир содержит четыре элемента, которые означают четыре угрозы для бизнеса:

1. *Волатильность*, или *неустойчивость* как свойство подверженности частым, быстрым и значимым изменениям, проявляется в динамическом контексте. Курсы валют, потребности покупателей, обстановка на рынке и др. постоянно меняются. Так, внезапно может измениться направление тренда, за короткий промежуток времени на рынке могут резко вырасти или упасть цены на товар. Чтобы выжить, бизнесу нужно не просто адаптироваться к новым условиям, а делать это быстро.

2. *Неопределенность* нередко возникает в нестабильной среде, состоящей из непредвиденных и сложных взаимодействий. Так, информация о событиях может быть недоступна или непредсказуема, причины и следствия не понятны, а прошлый опыт нельзя применить к возникшей ситуации. Неизвестно, как будут развиваться события, например, вырастет или упадет цена на рынке и насколько. Компаниям сложно планировать работу, потому что в любой момент все может измениться. В ситуациях, когда информация отсутствует, или же она доступна, но отсутствует причинно-следственная связь, неопределенность оказывается весьма существенной.

3. *Сложность* предполагает множественное сложное переплетение проблем, факторов и отношений, скрытую значимость некоторых факторов, необходимых для принятия решения, отсутствие причинно-следственной цепочки и т. п. Изменение цены на нефть, например, влияет на цены многих других товаров, которые напрямую с нефтью не связаны.

4. *Неоднозначность*, или *двусмысленность* формируется из-за отсутствия ясности и трудностей с пониманием сложившейся ситуации, противоречивости информации, неоднозначной или размытой трактовки фактов, отсутствия очевидной цели или результатов и т. п. Так, не вся информация является общедоступной и актуальной, на цены могут влиять невыраженные факторы, изменение потребностей покупателей и т. п. Фейковые новости и неосторожные заявления публичных лиц могут привести к масштабным последствиям. Следует

различать неопределенность и неоднозначность, так как у них разные основания. Неопределенность имеет место, когда релевантная информация недоступна и неизвестна, а неоднозначность – когда релевантная информация доступна, но ее общий смысл остается неясным.

Перечисленные характеристики социальной реальности стали актуальными по ряду причин: расширения информационного пространства, что требует переработки огромных объемов данных, быстро развивающихся технологий и также быстро устаревающих профессий, невозможности прогнозировать отдаленное будущее и т. д.

VUCA-мир оказывает огромное давление на современный менеджмент. Управление всегда было непростым, а сегодня – в условиях меняющейся природы рабочей силы и проблем ее мотивирования – оно еще больше усложнилось. Эксперты отмечают, что ключ к организационному успеху заключается в том, что менеджмент должен ориентироваться на поддержание высочайшего уровня и динамики изменений. Ожидание перемен и является одним из результатов VUCA [2]. Элементы VUCA показывают, как организации видят свое текущее и будущее состояние. Они обозначают границы планирования и управления. Их констелляция такова, что они или мешают принимать решение, или усиливают способность к прогнозированию, планированию и продвижению. Иными словами, VUCA создает основу для организационного управления и лидерства.

В определенной степени способность организации управлять VUCA зависят от ее способности планировать и управлять знаниями, процессами и ресурсами, реагировать на внешнее воздействие, а также от целей и ценностей организации и развитого мышления ее менеджеров, позволяющего оценивать экономические, технические, политические, социальные и иные реалии среды, в которой работает организация.

По мнению Г. Райта и И. Уигмора, анализ сложившейся ситуации требует применения метода VUCA, который позволяет выявить потенциальные неожиданности и риски. Результаты анализа служат основанием для разработки стратегии смягчения последствий, чтобы подготовить организацию к возможным изменениям в ситуациях VUCA. У менеджеров появляется возможность перейти от «неизвестных неизвестных» к «известным неизвестным» и подготовиться к вызовам [3]. С этой целью данные эксперты рекомендуют применять алгоритм OODA или НОРД в русском варианте: **Наблюдать, Ориентироваться, принимать Решения и Действовать** (см. рисунок).

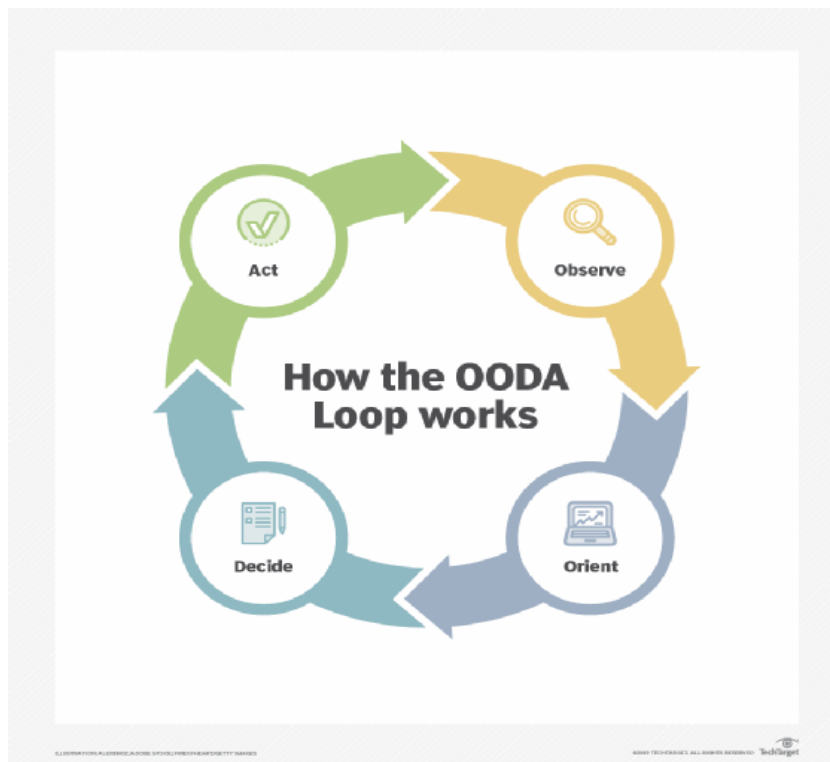

Рисунок. Алгоритм НОРД [3]

Чтобы помочь бизнесу выживать и успешно развиваться в VUCA-мире, рядом экспертов разработаны и другие правила и рекомендации [см. например, 4; 5]. Они многочисленны, но их можно сгруппировать по соответствию элементам VUCA.

Волатильность. Прежде всего, непредсказуемость и неизбежность изменений следует принять как данность и не сопротивляться им, а искать новые возможности: диверсифицировать риски, вкладывая средства в разные проекты, расширять территорию бизнеса, создавать гибкое производство и т. п. Важно создать резерв и пространство для маневра, необходимого для решения возникающих проблем.

Неопределенность. Для снижения неопределенности следует изучать свою рыночную нишу для того, чтобы оценить на нее влияние разнообразных факторов: изменение потребностей целевой аудитории, действий конкурентов, а также происходящих событий и решений, принимаемых в отрасли, заявлений властей и других компетентных лиц. Необходимо искать новые точки зрения, находить закономерности и связи на основе регулярного анализа прошлого опыта – своего и конкурентов, и, по возможности, предусмотреть риски. Важно четко формулировать основные задачи организации в новых условиях и уметь донести их до персонала.

Сложность. Организации следует реструктурировать внутренние операции в соответствии со сложностями внешней среды. Это предполагает частые и четкие коммуникации со всеми стейкхолдерами, сотрудничество между командами и группами, создание отказоустойчивых и резервных систем. Очень важно перенимать прогрессивный опыт, а также повышать компетенции и квалификацию персонала.

Двусмысленность. Чтобы обеспечить понимание неоднозначной информации, лидерам организации следует тщательно изучать вопросы и быть готовыми к изменениям по мере получения дополнительной информации, а также сохранять хладнокровие при принятии решения. Важно провести оценку рисков и возможных путей развития ситуации, провести эксперимент, чтобы выявить стратегии, которые являются эффективными в ситуациях, когда прежние правила больше не работают.

Умение лидеров организации принимать решения в стиле VUCA позволяет им лучше оценивать быстро меняющуюся ситуацию, оперативно приспосабливаться к постоянным изменениям и находить нестандартные решения. Постулаты VUCA формируют способность организации предвидеть будущие проблемы, понимать последствия этих проблем и последствия предпринимаемых действий, оценивать взаимозависимость переменных, учитывать имеющиеся возможности, т. е. быть готовой к альтернативным реалиям и вызовам. Более глубокое понимание элементов VUCA может стать движущей силой выживания и устойчивости в сложном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bennis, W. G. Leaders: The Strategies for Taking Charge / W. G. Bennis, B. Nanus. – New York : Harper & Row, 1985. – 244 p.
2. Suhayl, A. The VUCA COMPANY / A. Suhayl, J. Manoj. – Mumbai: Jaico Publishing House, 2015. – 283 p.
3. Wright, G. VUCA (volatility, uncertainty, complexity and ambiguity) [Electronic resource] / G. Wright, I. Wigmore // TechTarget, February 2023. – Режим доступа: <https://www.techtarget.com/whatis/definition/VUCA-volatility-uncertainty-complexity-and-ambiguity>. – Дата доступа: 15.09.2023.
4. Коломак, Т. VUCA-мир [Электронный ресурс] / Т. Коломак // Unisender, 27.12.2022. – Режим доступа: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-vuca-mir/#anchor-1>. – Дата доступа: 10.09.2023.
5. Шакирова, Д. М. Методы управления рисками в современных условиях VUCA-мира / Д. М. Шакирова, Э. Ю. Репина, А. А. Хазишин, А. Т. Срурова, Н. А. Акбатырова // Московский экономический журнал. – 2022. – № 6. – С. 394–406.

**МОТИВЫ МОЛОДЕЖИ К ОВЛАДЕНИЮ ЦИФРОВЫМИ НАВЫКАМИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹****Сосновская Н.А.***ученый секретарь, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси
кандидат социологических наук,
Минск, Беларусь*

Возросшая динамика социальных, экономических и цифровых изменений в обществе оказывает серьезное влияние на положение и социальное развитие молодого поколения. Традиционно в начале трудовой деятельности молодые люди сталкиваются с такими объективными препятствиями как отсутствие опыта работы, недостаточность полученных знаний для искомой специальности, что снижает их конкурентоспособность по сравнению с более опытными соискателями. Кроме того, появление новых профессий, сокращение рабочих мест и исчезновение ряда профессий требует не только понимания происходящих процессов и выбор востребованной в будущем специальности, но и постоянного развития профессиональных навыков и готовности к освоению новых. Существует значительное число работ, посвященных проблемам профессиональной занятости молодежи. В обзорной статье российские исследователи Г. В. Леонидова и К. О. Димони выделяют такие проблемы молодежи на рынке труда как низкий спрос на только что отучившегося молодого специалиста, несоответствие трудоустройства полученной специальности, качественные изменения рынка труда, что приводит к росту молодежной безработицы и уходу молодежи в неформальную занятость [1, с. 9-10].

Молодежные риски в профессионально-экономической сфере конструируются не только объективными социальными факторами, но и особенностями отношения к профессиональной деятельности самих молодых людей. Исследователи констатируют такие особенности молодежи как «завышенные ожидания к уровню заработной платы, условиям труда и возможностям карьерного роста» [1, с. 9], «недостаточное развитие личной ответственности, при низком уровне собственных усилий», «рыночный» тип мотивации, недостаточная приверженность организации [2, с. 40]. По мнению В. Радаева, необходимость профессионального выбора в условиях неопределенности порождает такие характеристики, приписываемые современной молодежи, как инфантилизм и легкомыслие, отсутствие стремления ставить долгосрочные цели и достигать их [3, с. 160-166].

Данные исследования, проведенного в 2021 году Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта показали, что среди работающей молодежи до 30 лет только 45,7 % работают по основной специальности и еще 18,0 % работают по смежной специальности. То есть, каждый третий молодой человек (36,3 %) занимается трудовой деятельностью, не связанной с полученным образованием. Кроме того, среди работающих по основной специальности 35,0 % опрошенным потребовалось приобретать новые знания и умения. В случае потери работы только 22,0 % считают, что смогут легко найти равноценную работу. Хотя в целом молодежь достаточно оптимистично относится к возможности трудоустройства и только 3,3 % респондентов полагают, что это невозможно.

В исследовании, проведенном в 2023 году, работающих респондентов просили оценить их профессиональные перспективы. Несмотря на то, что более половины опрошенных молодых людей считают, что их профессия будет востребована в будущем (69 % в целом обозначили высокие и скорее высокие перспективы востребованности профессии), многие затрудняются с ответом или прямо говорят, что их профессиональная деятельность будет мало востребованной, что не исключает возможной необходимости ее изменения (см. рисунок). Еще большая доля молодежи сомневается в вероятности достойной оплаты труда и карьерного роста. Только половина молодых людей (суммарно 48,5 %) считают, что они смогут самореализоваться в профессии. Сравнивая ответы молодежи с ответами старших возрастных групп, следует отметить, что они наиболее оптимистичны в оценках своих профессиональных перспектив.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации», реализуемого при поддержке БРФФИ (договор № Г22Мн-009 от 04.05.2022 г.)

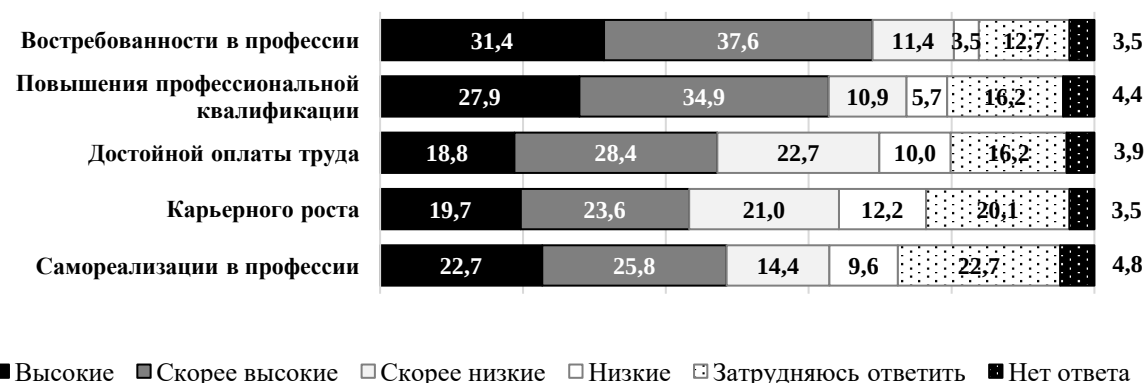

Рисунок. Оценка молодежью до 30 лет своих профессиональных перспектив, %

Значительно число работающих молодых людей полагает, что они могут быстро адаптироваться к изменениям в профессиональной сфере, связанным с развитием цифровых технологий. Однозначно позитивный ответ дают 38,2 % опрошенных и еще 40,1 % отвечают «скорее да». Только 0,6 % опрошенных молодых людей негативно оценивают свои способности к адаптации к информационным технологиям. Подобная установка молодежи значительно отличается от ответов представителей более старших возрастных групп, которые склонны оценивать свои способности к технологической адаптации негативно. При этом, отвечая на вопрос о том, требует ли профессиональная сфера развития цифровых навыков, молодые люди чаще опрошенных 30-60 лет осознают эту потребность. Именно необходимость успешно справляться со своими профессиональными задачами служит важной мотивацией развития цифровых навыков. Тогда как респонденты среднего возраста считают, что существующих у них знаний достаточно для применения в их профессиональной деятельности и сама деятельность не стимулирует их обновление. Распределение представителей возрастных групп по сферам деятельности существенных отличий не имеет. Молодежь, работающая в сферах информационных технологий, медицины и здравоохранения, культуры и досуга чаще указывают на потребность в развитии цифровых навыков. Наименее востребованы подобные навыки в промышленности и сельском хозяйстве.

Примечательно, что доля тех молодых людей, которые испытывали потребность в развитии цифровых навыков (50,7 %) практически совпадает с числом освоивших технологические новации (48,5 %). Каждый третий (32,9 %) однозначно планирует осваивать новые технологии в ближайшем будущем, каждый второй (50,8 %) предполагает действовать по ситуации и только 14,0 % вообще не считают это для себя необходимым.

Основным мотивом получения новых цифровых навыков для работающей молодежи является желание попробовать себя в чем-то новом. Но среди тех, кому удалось приобрести какие-либо цифровые навыки и тех, кто этого не сделал структура мотивов различается. Первая группа руководствуется более широким перечнем аргументов, призванных увеличить свободу профессионального выбора и возможности карьерного роста в настоящем времени: «Это делает меня мобильным» (28,2 %), «Стремление быть конкурентоспособным в своей профессии и на рынке труда в целом» (27,8 %), «Это позволит (позволило) повысить мой доход» (22,8 %), «Намерение сменить основное место работы в будущем» (22,1 %). Для второй группы, которая не осваивала цифровых навыков мотивация определяется будущими, возможными планами: «Намерение сменить основное место работы в будущем» (29,8 %), «Стремление быть конкурентоспособным в своей профессии и на рынке труда в целом» (22,6 %), «Это позволит (позволило) повысить мой доход» (21,5 %).

Таким образом, развитие цифровых навыков молодых людей определяется не только непосредственными требованиями их профессиональной деятельности, но и мотивами, существующими относительно профессионального развития. Представление о необходимости быть конкурентоспособным в своей профессиональной сфере в актуальном времени чаще

способствует обновлению и расширению имеющихся знаний и навыков. Ориентация на возможные будущие изменения ограничивает их развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонидова, Г. В. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда / Г. В. Леонидова, К. О. Димони / Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 6. – С. 7–31.
2. Эффендиев, А. Г. Трудовое поведение современной работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики / А. Г. Эффендиев, Е. С. Чермошнцева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 40–73.
3. Радаев, В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

УДК 316.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПОВ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ МЕТАМОРФОЗЫ: 7 ТЕЗИСОВ

Феценко А. В.

*Студентка 4 курса МГИМО МИД России
г. Москва, Россия*

Как считает У. Бек, ныне усложнение социокультурной динамики проявляется в процессе перехода от «цифровой революции» к «цифровой метаморфозе мира» [1, с. 63]. Для процесса метаморфизации современного мира характерно нелинейное ускоряющееся развитие социума, охватывающее все более широкий круг социальных институтов и процессов. Особое влияние оказывают цифровые метаморфозы, связанные с повсеместным внедрением в общественную жизнь цифровых технологий и коммуникативных средств, провоцирующие непреднамеренные, часто невидимые побочные эффекты, как негативного, так и, подчеркнем, позитивного толка [2, с. 34].

Цифровая метаморфоза радикально изменила суть медиапотребления: появление цифровых средств коммуникации сделало возможным, как считает Э. Кастельс, становление «массовой самокоммуникации», основанной на самостоятельной генерации, распространении и получении информации [3, с. 90]. При этом цифровые метаморфозы ведут к усложнению структуры медиапотребления, что проявляется на макроуровне в появлении практически у каждого молодого человека «цифрового тела», которое существенно изменило и формирование человеческого капитала, и характер коммуникаций между индивидами как акторами [4, с. 15].

Особенно интересной представляется трансформация типов медиапотребления при переходе от индустриального модерна к модерну рефлексивному. Ряд зарубежных и отечественных социологов (Г. Лассуэл, П. Лазарсфельд, К. Райд, Ф. И. Шарков и др.), выделяя функции средств массовой коммуникации, связывали их с удовлетворением определенных потребностей социума или человека и отмечали их независимость друг от друга. Так, М. М. Назаров, обобщая накопленное социологическое знание, перечисляет следующие функции медиа на индивидуальном уровне:

- информационная функция;
- функция личностной идентификации;
- функция социальной интеграции и общения;
- функция развлечения [5, с. 29–30].

Однако в условиях усложняющейся и ускоряющейся социокультурной динамики, развития цифровых технологий и увеличения информационных потоков, можно наблюдать смешение функций и соответствующих им типов медиапотребления на индивидуальном уровне. В результате цифровой метаморфозы появились новые дискурс-технологии и сложные коммуникативные средства, выполняющие сразу несколько функций по отношению к индивиду.

Для подтверждения этого тезиса нами было проведено разведывательное социологическое исследование функционального в удовлетворении потребностей посредством цифровых коммуникаций. Эмпирической базой являются данные первичного исследования с применением количественного метода анкетирования на целевой выборочной совокупности 100 студентов ВУЗов Москвы как наиболее активных участников цифровой коммуникации.

Исходя из того, что тип потребления зависит от преобладающей функции цифровых медиа, ради которой индивид к ним обращается, нами был проведен факторный анализ данных по вопросам о затратах времени на различные типы контента. Было отобрано 2 компонента, объясняющих 57 % дисперсии переменных (см. таблицу). При чем наибольший вклад вносит первая компонента.

Таблица. Факторы функционального в медиапотреблении

Выявленные факторы	Суммарная дисперсия (в %)
Информационно-развлекательная функция	32
Функция интеграции и идентификации	25

Были проанализированы переменные, наполнившие каждый из факторов. В результате были выявлены две типологические группы студентов:

1. студенты, которые в ходе медиапотребления нацелены на информационную и развлекательную функцию, т. е. они тратят время на развлекательный контент, новости и учебные материалы в Интернете;

2. студенты, которые в ходе медиапотребления нацелены на функцию социальной интеграции и самоидентификации, т. е. они тратят время на контент кумиров, ведение блога и общение в чатах.

Таким образом, можно констатировать усложнение структуры медиапотребления студентов в условиях цифровизации общества. Наблюдается попарное смещение 4 основных функций медиа на индивидуальном уровне, что может свидетельствовать о трансформации типов медиапотребления. Выявленные тренды требуют дальнейшего исследования в контексте потенциала использования новых типов в работе с цифровыми медиа и их изучения. Также необходимо помнить, что метаморфозное развитие амбивалентно по своим последствиям (они могут быть как негативными, так и позитивными) [6, с. 9]. Поэтому представляется важным в будущих исследованиях определить как возможные риски и уязвимости трансформации функционального в медиапотреблении, так и позитивное влияние, которое она может оказывать на другие сферы жизни молодых людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Beck, U. The Metamorphosis of the World / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 223 с.
2. Кравченко, С. А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы: монография / С. А. Кравченко. – М. : АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2019. – 236 с.
3. Кастельс, М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. Н. М. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
4. Кравченко, С. А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций / С. А. Кравченко // Коммуникология. – 2020. – Vol. 8, N 3. – С. 15–28.
5. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования / М. М. Назаров. – М. : «Аванти плюс», 2003. – 428 с.
6. Кравченко, С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 3–14.

УДК 327

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ

Черняк А. Д.

*преподаватель Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь*

Посредничество в настоящее время довольно распространённое явление во всех сферах человеческой деятельности. В зависимости от специфики сферы взаимодействия концептуальное понимание посредничества трансформируется, неизменным остаётся одно – посредником является субъект, через или с помощью которого выполняется необходимое действие или достигается нужный результат. Посредничество эффективно реализуется в различных сферах общественной жизни и охватывает межличностный, межгрупповой, государственный и

межгосударственный уровни. На международном уровне посредничество в первую очередь воспринимается как инструмент урегулирования и разрешения конфликта. Глобальное распространение высокотехнологичного оружия превращает военные действия ещё в более затратное для любого государства мероприятие, чем это когда-либо было, особенно в условиях отсутствия общепринятого свода правил и центральной власти, фактической анархии международных отношений, в чьих силах было бы осуществить регулирование поведения международных акторов. Кроме очевидного финансового мотива, применения государствами участниками конфликта инструмента посредничества, реализация данного способа так же не затрагивает вопрос суверенитета противостоящих государств [1, с. 3].

На фоне повсеместного распространения Интернета и информационных технологий с каждым годом возрастает количество людей, имеющих к ним доступ. По состоянию на 2022 год 62,5 % населения имели доступ к Интернету, в то время как в 2011 г. эта цифра составляла порядка 30 % населения планеты [2]. Вместе с тем стремительно стала расти и скорость подключения к Интернету – ещё в 2017 г. она составляла 7,41 Мбит/с, то по состоянию на октябрь 2023 г. – 46,79 Мбит/с, что в 6,3 раза больше в соотношении с 2017 г. Ежегодные данные статистики показателей скорости с 2017 г. по 2023 г. демонстрировали рост в среднем на 30 % ежегодно, исключением стал 2020 г. – в соотношении с 2019 г. рост составил 125,11 %, показав увеличение с 11,03 до 24,83 Мбит/с [3]. Подобный скачок является результатом повсеместного введения ограничительных мер в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, вызванной распространением COVID-19. На фоне отсутствия возможности работы в привычной обстановке в условиях офиса или учебного заведения с физическим присутствием большого количества других людей, активный толчок к развитию получили всевозможные сервисы видеосвязи, особенно Zoom за его доступность и простоту использования. Внедрение в обыденную жизнь людей современных коммуникативных средств и расширение доступа к Интернету способствуют радикальным изменениям в обществе на глобальном уровне – сфера посредничества не стала исключением.

Про возможность реализации посредничества через онлайн-инструменты было известно задолго до возникновения проблемы COVID-19. В целом, цифровые инструменты в посредничестве чаще всего реализуются именно в контексте понимания посредничества как механизма разрешения споров с участием третьей стороны (посредника), в данном случае уместно говорить о взаимозаменяемости терминов «посредничество» и «медиация». Медиация с использованием Интернета, нередко в режиме онлайн, часто определяется такими терминами, как электронное разрешение споров, электронно-альтернативное регулирование споров и онлайн-альтернативное регулирование споров. Наиболее распространённым в английском языке является понятие ««онлайн урегулирование (разрешение) споров» (ОРС) – применение интернет-технологий при урегулировании споров с соблюдением основных принципов надлежащей процедуры. Платформы ОРС предоставляют возможность представления информации в удобной форме, автоматического отправления ответов, перефразирования претензионных писем (с блокировкой конфликтных слов), контроля загруженности медиаторов и определения приоритетов в конфликте. ОРС впервые были использованы в США в 1996 году для урегулирования споров, связанных с распределением доменных имен. С течением времени онлайн-медиация вышла за пределы разрешения проблем исключительно в сфере IT коммерческих споров, связанных с ним, в настоящее время активно используется как инструмент урегулирования конфликта в семейной, образовательной, трудовой и коммерческих сферах [4, с. 289].

Не обошло данное новшество и сферу международного посредничества. Однако, в отличие от частного опыта реализации посредничества, на международном уровне цифровые технологии способны оказать как негативное, так и позитивное влияние. Как правило, в международном конфликте в разной степени погружения участвует значительное количество людей, каждый из которых заинтересован в урегулировании/усложнении международного конфликта. Объем и скорость информационных потоков позволяют многочисленным субъектам участвовать в военных действиях вместе со сторонами конфликта, что еще больше усугубляет сложность и фрагментацию конфликта. В то же время цифровые технологии могут использоваться и для нарушения конфиденциальности стороны конфликта (утечки данных), дезинформации, влекущих за собой эскалацию конфликта.

Цифровые технологии в международном посредничестве способны оказать существенную поддержку в организации деятельности посредника, позволяя в оперативном порядке наблюдать за происходящими событиями и вовремя реагировать на инциденты через использование социальных сетей (Facebook, Instagram, Twitter, Telegram, TikTok) и их инструментов для создания источниковой базы, укрепления каналов взаимодействия со сторонами конфликта, содействия большей инклюзивности и укрепления стратегий общественных коммуникаций, географических информационных систем и анализа Big Data.

В докладе ООН «Цифровые технологии и посредничество в вооруженном конфликте» от 2018 г. указывается на значимость личного обмена представителями сторон конфликта и посредника как наиболее эффективного способа продвижения конструктивных отношений и укрепления доверия между конфликтующими и другими заинтересованными сторонами. Тем не менее, по многочисленным причинам, включая расстояние, время, безопасность и финансовые затраты, посредники часто рассматривают цифровые технологии как важное дополнение к традиционным формам личного взаимодействия из-за значительной эффективности и возможностей, которые они могут привнести в процесс [5, с. 17].

В результате введения ограничительных мер в 2020–2022 гг. на фоне распространения COVID-19 и объявления глобальной пандемии, даже дипломатические встречи всех уровней и международные саммиты стали массово переходить в онлайн, очные встречи в привычном формате стали фактически недоступны. Призыв генерального секретаря ООН к глобальному перемирию на период пандемии не получил всеобщего отклика. И хотя краткосрочного прогресса удалось достичь относительно разрешения конфликтов в Колумбии и на Филиппинах, ситуация с проявлением насилия в Демократической Республике Конго, Кении, Ливии, Южном Судане и Йемене только усугубилась. В процессе урегулирования некоторых конфликтов, в том числе конфликта в Судане, были организованы и проведены переговоры в онлайн режиме. В Судане так называемая «Zoom дипломатия» имела некоторый успех, в основном благодаря поддержке Европейского Союза. Однако отсутствие неформального общения между участниками переговоров серьезно затруднило достижение эффективных результатов и сделало переговоры более формальными [6, с. 15].

Уже в первые месяцы использования видеосвязи вместо реальных встреч в дипломатической практике возникли определенные проблемы. Одной из них было отсутствие возможности неформального общения между участниками вне заседаний и сложности в расшифровке языка тела. Возможно, рабочие контакты для подготовки решений могут быть эффективными в онлайн-режиме, однако достижение важных договоренностей на саммитах часто возможно только благодаря неформальным контактам лидеров на полях встреч. Время пандемии ограничивало личную коммуникацию, которая, по факту, является ключевым фактором доверия при переговорах. Особую роль также играют различия в политических культурах: в некоторых странах и национальных культурах только личное неформальное общение позволяет создать доверительную обстановку и достичь согласия.

В течении последнего десятилетия более чем вдвое увеличилось число пользователей Интернета, а скорость его подключения растёт примерно на 30 % ежегодно. В современном мире цифровые технологии в целом, и Интернет как их часть, глубоко проникли в сферы человеческой жизни, от процесса человеческой коммуникации до создания материальных благ. Цифровые технологии стали частью реализации посредничества не только в отношении частных случаев, но и в отношении международного посредничества как способа урегулирования международного конфликта с участием третьей стороны. Цифровые технологии успешно используются для подготовки посредника к переговорному процессу и его стратегии поведения через использования социальных сетей, географических информационных систем и анализа Big Data. Как показала практика дистанционной работы в эпоху COVID-19, в настоящее время полноценное международное посредничество в онлайн пространстве с проведением переговорного процесса в видео-формате не способно заменить традиционные виды формального и неформального общения. Однако, с развитием VR-технологий, в потенциале способных обеспечить эффект присутствия, ситуация может измениться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bercovitch, J. International Mediation / J. Bercovitch // Journal of Peace Research. Special Issue on International Mediation. – 1991. – №1 (Vol. 28). – P. 3–6.
2. Global Digital Reports [Electronic resource] // DataReportal. – Mode of access: <https://datareportal.com/reports/a-decade-in-digital>. – Date of access: 05.10.2023.
3. Worldwide Broadband Speed League 2023 [Electronic resource] // Cable.co.uk. – Mode of access: <https://www.cable.co.uk/broadband/speed/worldwide-speed-league/>. – Date of access: 05.10.2023.
4. Груздева, Е. А. Модели онлайн-медиации в условиях образовательной системы / Е. А. Груздева // Молодой ученый. – 2020. – № 4 (294). – С. 288–290.
5. Digital technologies and mediation in armed conflict [Electronic resource] // United Nation Peacemaker. – Mode of access: <https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/DigitalToolkitReport.pdf>. – Date of access: 05.10.2023.
6. Никитина, Ю. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху / Ю. Никитина, К. Таран // Путь к миру и безопасности. – 2021. – №1 (60). – С. 11–28.

УДК 316.42

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПОДБОРУ КАДРОВ ИЗ ЧИСЛА МОЛОДЕЖИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Шупенько Т. И.

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета
БГПУ имени Максима Танка
кандидат политических наук
г. Минск, Беларусь*

Проблемы подбора кадров на государственную службу нельзя анализировать вне общей экономической и социальной ситуации в стране. Важность кадровой политики в этом направлении заключается в том, что молодежь – это стратегический ресурс, степень значения которого можно будет оценить не только сегодня, но и в будущем. Если рассматривать этот вопрос системно, можно утверждать, что одним из ключевых факторов низкой привлекательности государственной службы для молодежи является в целом рынок труда, который характеризуется сокращением человеческого капитала, усугубляемый продолжающимися процессами эмиграции белорусов за рубеж. Учитывая этот фактор и текущую экономическую ситуацию, следует отметить определенные сложности по привлечению квалифицированных кандидатов на государственную службу. По этой причине для того, чтобы повысить привлекательность государственной службы Республики Беларусь, необходимо разработать долгосрочные стратегии найма, в том числе общественные кампании по привлечению молодого населения на государственную службу.

Данные исследования «Молодежь на госслужбе», проведенного сотрудниками НИИ ТПГУ в 2022 г., подтверждают, что одним из факторов, оказывающих существенное влияние на выбор государственной службы в качестве карьеры, является заработная плата [1]. В целях достижения существенных улучшений в области подбора кадров в этих условиях приоритетным было бы решение вопросов повышения заработной платы и только затем улучшения качества отбора кандидатов. Поэтому на республиканском уровне логично было бы провести сравнительное исследование заработной платы в государственном и частном секторах, чтобы в дальнейшем выровнять (насколько это возможно) уровень заработной платы государственных служащих с работниками в частном секторе путем внесения поправок в трудовое законодательство.

Современные исследования показывают, что положительная мотивация для работы на государственной службе связана с производительностью труда сотрудников, а также с ростом корпоративной культуры организации и возможностью карьерного роста.

К общим рекомендациям о том, как государственные кадровые службы могут привлекать лучшие таланты и мотивировать работать в этой сфере можно отнести: концентрация кадровых структур на учет инноваций, деловой хватки, стратегической ориентации, равенства и инклюзивности; создание конкурентной системы при наборе новых сотрудников; внедрение гибких практик, обеспечивающих расширенные возможности удаленной работы, при этом гарантируя, что сотрудники обладают навыками, необходимыми для управления удаленными работниками; сосредоточение внимания на благополучии сотрудников (физическом, умственном и финансовом)

через расширенные программы помощи сотрудникам; принятие инновационных стратегий найма, использующих социальные сети, онлайн приложения, видео сотрудников, стажировки и программы наставничества; развитие корпоративной культуры и повышение вовлеченности сотрудников посредством анкетирования, для разработки дальнейшей стратегии с учетом проанализированных результатов.

Одним из перспективных направлений совершенствования кадровых технологий является создание школ молодых государственных служащих. Цель таких школ – вовлечение молодежи в систему государственного управления и государственной службы путем создания условий для личностно-профессионального становления и развития молодых государственных служащих, в том числе включенных в кадровый резерв. В Гомельской области с 2022 года реализуется проект «Школа молодого руководителя». В нем принимают участие: лица, состоящие в резерве кадров на данные должности с переводом в базовую сельскохозяйственную организацию; лица, состоящие в резерве кадров на данные должности без перевода в базовую сельскохозяйственную организацию; руководители сельскохозяйственных организаций Гомельской области, назначенные на должности без опыта управленческой работы. Стратегия развития до 2025 года, целью которой является совершенствование кадровой политики и внедрение новых форм работы с кадровым резервом, предусматривает реализацию проекта «Школа молодого лидера» [2].

Основные мотивации для молодежи при устройстве на работу – это финансовая составляющая и интерес к избранной сфере деятельности. Для молодых людей также важно принадлежность к какой-либо общности, что может быть выражено в одежде (дресс-код) или в обладании специфическим атрибутом (клубная карта и т.п.). Сплочению коллектива и усилению корпоративного духа способствует проведение массовых корпоративных мероприятий: спортивные или деловые игры, выезд на природу, поход в боулинг, театр или ресторан.

Кроме финансовой мотивации, которая безусловно является приоритетной, существуют методы нематериальной мотивации, которые возможно применить в процессе работы с молодежью. Например, предоставление лучшим сотрудникам приоритета в построении графика отпусков; предоставление сотрудникам возможности расширенных полномочий на собственном рабочем месте; создание «минуты славы» на рабочем месте, объявление лучшего сотрудника месяца; предоставление возможности уйти с работы пораньше или взять дополнительный выходной за хорошо выполненный проект; непосредственные встречи с высшим руководством для обсуждения актуальных вопросов и предложений по их решению; поиск новых способов нематериального поощрения сотрудников.

Существенное значение в структуре мотивации молодежи имеет перспектива профессионального развития и карьерного роста. В современных условиях быстро развивающегося мира программы повышения квалификации способствуют непрерывности профессионального образования государственных служащих и сохранению интереса к избранной сфере деятельности. Внедрение новых информационных технологий в систему обучения открывает различные возможности для совершенствования длительного повышения квалификации, используя дистанционные формы.

Карьерный рост является одним из важных мотивов, побуждающих молодых людей поступать на госслужбу. Политика в области управления карьерой предусматривает методы планирования карьеры, планирования преемственности руководства (формирование кадрового резерва) и др. Шире рекомендуется распространить метод разработки индивидуальных планов, который уже используется некоторыми местными органами власти в разных областях. Индивидуальные планы профессионального развития государственных служащих могут быть рассчитаны на определенный срок (от года). Они включают мероприятия по получению дополнительного профессионального образования, самостоятельной и практической подготовке. На основе анализа индивидуальных планов органы власти формируют заявки на организацию дополнительного профессионального образования, в соответствии с которыми составляется перечень программ повышения квалификации. Иными словами, необходимость в обучении по конкретным программам определяется не правительством области, а самими гражданскими служащими.

В Могилевской области ежегодно в августе проводится анонимное анкетирование всех молодых специалистов, прибывших на первое рабочее место годом ранее. Анкета включает в себя более тридцати вопросов, касающихся адаптации на рабочем месте, взаимодействия с наставником, начальством, коллегами, условий и организации труда, уровня заработной платы, профессии, предоставления жилья и помощи со стороны местных властей и организаций, планов по

дальнейшему трудоустройству и причинам ухода с первого рабочего места и др. Результаты анкетирования обобщаются на местах (в числовом и процентном выражении) и вместе с анкетами направляются в главное управление организационно-кадровой работы облисполкома, где отражаются в сводной информации. Результаты такого мониторинга обсуждаются в т. ч. на заседаниях облисполкома с принятием решений по проблемным вопросам и регионам [3].

В эпоху цифровых технологий такие инструменты как социальные сети, цифровые платформы и онлайн-доски вакансий позволят местным органам государственной власти охватить большее количество кандидатов на госслужбу. Для привлечения внимания можно использовать мотивирующие видео-ролики опытных госслужащих, в которых они делятся тем, почему им нравится работать на госслужбе. Это также может быть хорошим способом привлечь внимание к различным карьерным возможностям, которые доступны. Такие мероприятия как ярмарки вакансий позволяют представителям госорганов лично или в Zoom встретиться с потенциальными кандидатами.

Успешная карьера и в целом профессиональная деятельность в современной организации во многом зависят от совокупности качеств, которые определяются как «эмоциональный интеллект» (soft skills). Он предполагает развитие и успешное использование таких качеств, как умение общаться, говорить с людьми, понимать настроение и интересы присутствующих, мотивировать и др. В последние годы проводились исследования, посвященные сравнению работы успешных и неуспешных руководителей организаций. По данным исследований, проведенных компанией «Хагберг консалтинг Групп», успешные руководители по сравнению с неуспешными тратят меньше времени на контроль исполнения (25 против 53 %), больше занимаются развитием команды и согласованностью работы (34 против 18 %) и максимум усилий сосредотачивают на формировании стратегии (41 против 29 %) [4].

Для развития «эмоционального интеллекта» успешно применяется такая форма как тренинг. Тренинг – самый распространенный тип обучения, при котором сотрудники овладевают важными знаниями и навыками для выполнения своих функциональных обязанностей. Такая форма достаточно распространена в различных сферах при работе с персоналом в крупных компаниях, они бывают корпоративные, бизнес-тренинги, внутрифирменное обучение и др. Если для бизнеса конечная задача корпоративного тренинга – это вклад в рост прибыли компании, то для государственной организации – повышение эффективности ее работы. Мировой опыт показывает тенденцию устойчивого роста числа сотрудников, прошедших тренинги в организациях всех типов. Для государственных служащих можно разработать тренинги с учетом специфики сферы государственной службы. Например, в Российской Федерации есть успешно работающие проекты, которые можно использовать как пример для разработки в нашей стране. Например, программа тренинга «Молодежная политика на предприятии в эпоху цифровизации» [5].

Таким образом, для совершенствования кадровых технологий по подбору кадров из числа молодежи для государственной службы в условиях цифровизации общества можно использовать следующие рекомендации: создавать школы молодых государственных служащих; шире применять привлечение молодых специалистов с помощью соцсетей (TikTok, Instagram, Вконтакте, Telegram); активнее использовать мотивационные технологии: развивать корпоративную культуру, разрабатывать программы повышения квалификации, использовать разработку «Индивидуальные планы» для повышения мотивации в плане карьерного роста; разработать эффективные подходы к развитию soft skills, необходимых современным управленцам: разработка тренингов специально для госслужащих, проведение семинаров, круглых столов и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Семерикова, М. Г. Молодежь на государственной службе в Республике Беларусь: социологический анализ / М. Г. Семерикова, О. В. Ефремов // Проблемы управления. – 2023. – № 1 (87). – С. 90–97.
2. Школа молодого руководителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gomel-region.by/ru/smr-ru/>. – Дата доступа: 06.06.2023.
3. Могилевский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mogilev-region.gov.by/>. – Дата доступа: 06.05.2023.
4. Школа государственного администрирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gossluzhba.75.ru/gosudarstvennaya-grajdanskaya-služba/149680-shkola-gosudarstvennogo-administrirovaniya>. – Дата доступа: 06.06.2023.
5. Тренинг «Молодежная политика на предприятии в эпоху цифровизации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profitcon.ru/>. – Дата доступа: 06.06.2023.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

УДК 001.32:005(09)(470+571)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И АКАДЕМИИ НАУК: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аллахвердян А. Г.

ведущий научный сотрудник

Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

кандидат психологических наук

г. Москва, Россия

Взаимодействие советской и российской власти и науки – многогранная и сложная междисциплинарная проблема, охватывающая широкий круг социально-гуманитарных аспектов: исторических, социологических, политологических, экономических. Недостаточное взаимопонимание между советской властью и руководством академической наукой, нередко переходившее в кризисное состояние, сопровождалось попытками реформирования Академии наук как независимой и самодостаточной научной организации. После революции 1917 года и вплоть до наших дней таких попыток было пять.

Первая попытка реформирования Академии наук (1918-1919 гг.) имела место уже на начальном этапе взаимоотношений советской власти и Академии наук. Предполагалось создание исчерпывающего ряда ассоциаций по отдельным отраслям наук (естественных и гуманитарных). Объединенный руководящий орган этих ассоциаций должен был стать «всеобъемлющим представительным и организационным центром», взявшим на себя все функции Академии наук. Глава Наркомпроса А. В. Луначарский в своем письме от 27 января 1919 года отмечал, что глава правительства В. И. Ленин в вопросе реорганизации Академии наук «буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал” вокруг Академии» [1, с. 61]. В. И. Ленин писал, что состоянии Академии наук это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна как осторожность, такт и большие знания. Вопрос о реформировании Академии наук во время гражданской войны оказался «исчерпан». Таким образом, первая попытка реформирования властью Академии наук не привела к каким-либо существенным изменениям.

Вторая попытка реформирования Академии наук (1928-1931) характеризовалась стремлением советского государства к административному контролю Академии наук через механизм вмешательства в процедуру академических выборов. 31 марта 1928 г. управляющий делами Совнаркома Н. П. Горбунов на встрече с секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом, сказал, что Москва желает «видеть избранными в Академию коммунистов: Н. И. Бухарина, М. Н. Покровского, Д. Б. Рязанова, Г. М. Кржижановского, А. Б. Деборина». После состоявшихся 17 января 1929 г. академических выборов, три кандидата коммунистов (Деборин В. М., Фриче К. Л., Лукин Н. М.) не получили необходимого числа голосов для избрания в Академию. Это вызвало сильное недовольство властных структур, включая Политбюро. Руководство Академии наук добилось повторного голосования по забаллотированным кандидатам, в результате перевыборов все трое кандидатов-коммунистов были избраны академиками. Таким образом и на этот раз Академии наук удалось устоять, оказавшись на грани роспуска под сильным давлением власти.

Третья попытка реформирования Академии наук (1955-1964 гг.) состоялась на июньской сессии АН СССР в 1964 г., где «лысенковцам», которых активно поддерживало руководство ЦК КПСС и ее Первый секретарь Н. С. Хрущев, противостояли борцы за развитие генетики – авангардная часть советского научного сообщества (А. Д. Сахаров, И. Е. Тамм, В. А. Энгельгардт). Академик Лысенко, в целях усиления своей позиции в биологическом сообществе страны, настоял на том, чтобы на предстоящем пленуме ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) состоялось слушание дела о реорганизации Академии наук, а по существу, о ее ликвидации. Предварительно это решение было уже согласовано с Н. С. Хрущевым. Таким образом, «идея отлучить академиков от руководства исследовательскими институтами, которую властям наконец удалось осуществить в 2013 г., бродила в умах политиков и раньше» [3, с. 5]. Тогда же этого удалось избежать только

потому, что в октябре 1964 года Пленум ЦК КПСС принял Постановление о снятии Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Это, по сути, и спасло Академию от тотальной реорганизации.

Четвертая попытка реформирования Академии наук была связана с «перестройкой» социально-экономической модели общества и трансформацией советской науки на территории РСФСР в российскую. После развала СССР рухнул «железный занавес», стали доступнее секретные материалы в архивах, шел пересмотр всей истории России последних десятилетий. В эти годы назрели существенные изменения в социальном переустройстве общества, включая научное сообщество. Академия наук подверглась жесткой критике со стороны общественности как оплот тоталитаризма советской системы. К тому времени РСФСР, в отличие от других республик СССР, не имела своей Академии наук. Верховный Совет РСФСР поручил Комитету по науке и образованию при Верховном Совете РСФСР разработать концепцию новой академии [4, с. 66]. Науке предстояло встроиться в рыночные отношения, научное знание превращалось в товар. Власть резко сократила финансовое обеспечение науки, что стало началом реформирования Академии наук.

Пятая попытка реформирования Российской академии наук (РАН) прошла в 2013-2018 гг. В июне 2013 г. в Государственную думу был внесен правительственный законопроект о реорганизации РАН и других государственных академий наук. Согласно первоначальному варианту этого законопроекта, РАН подлежала фактической ликвидации (упразднению). Инициатива правительства оказалась неожиданной не только для руководства РАН и широкой научной общественности, но даже для депутатов Госдумы. В процессе трех чтений проекта закона о Российской академии наук руководству РАН удалось отстоять Академию, однако она была лишена главного – сети подведомственных научных институтов.

Ограничение деятельности РАН лишь экспертно-консультативными функциями – это существенное принижение значимости интеллектуального потенциала академического сообщества. «Было бы оптимально, чтобы РАН взяла на себя руководство стратегией научно-технологического развития нашей страны. Ведь Министерство науки и высшего образования, как административно-бюрократическая структура, с этой функцией справиться не сможет» – отмечал академик М. А. Пальцев [5]. Идея правительства освободить ученых Академии наук от бухгалтерии и хозяйственной работы выглядела, в целом здраво, однако при этом Академию отделили не только от ее участия в распределении средств на РАН из государственного бюджета, но и собственно от самой академической науки. Политика, проводившаяся Федеральным агентством научных организаций (ФАНО) в отношении Академии наук, была направлена на то, чтобы максимально лишить ее сложившегося в советский период комплекса функций управления академическими институтами. Таким образом, эволюция отношений советской и российской власти и Академии наук, пройдя череду попыток реформирования, привела к радикальному изменению положения Академии наук в российском обществе и сведению ее к статусу общественной организации, клубу ученых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин и Академия наук. Сборник документов / Под ред. акад. П. Н. Поспелова. – М.: Наука, 1969. – 341 с.
2. Россиянов, К. О. Корпорация академиков или наркомат науки? Проблема планирования и государственной организации исследований (конец 1920-х – начало 1930-х) / К. О. Россиянов // Реформы отечественной академии наук в XX-XXI веках. Историко-научоведческие очерки. Монографическое исследование / редакторы составители: А.Г. Аллахвердян, К.О. Россиянов, И.Е. Сироткина. – Саратов: Амирит, 2019. – С. 15–49.
3. Сироткина, И. Е. «Чтобы часы ходили, их нужно чаще встряхивать»: Н. С. Хрущев и академики (1954–1964) / И.Е. Сироткина // Реформы отечественной академии наук в XX-XXI веках. Историко-научоведческие очерки. Монографическое исследование / редакторы составители: А. Г. Аллахвердян, К. О. Россиянов, И. Е. Сироткина. – Саратов: Амирит, 2019. – С. 50–61
4. Гиндилис, Н. Л. Академическое научное сообщество в период перестройки (вторая половина 1990-х – 1990-е годы) / Н. Л. Гиндилис // Реформы отечественной академии наук в XX-XXI веках. Историко-научоведческие очерки. Монографическое исследование / редакторы составители: А. Г. Аллахвердян, К. О. Россиянов, И. Е. Сироткина. – Саратов: Амирит, 2019. – С. 62–89.
5. Пальцев М. А. Академия наук как голова профессора Доуэля // Независимая газета. – 2018. – 15 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/kartblansh/2018-06-15/3_7245_kartblansh.html – Дата доступа: 02.10.2023.

**ДИНАМИКА ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В БЕЛОРУССКОЙ НАУКЕ ЗА ПЕРИОД 2015-2021 ГГ.****Артюхин М. И.***заведующий Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров
Института социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

В последние годы в стране предприняты меры по стабилизации кадровой ситуации в научной сфере. Стратегической целью предпринимаемых мер является обеспечение кадровых потребностей фундаментальной и прикладной науки и научных комплексов высокотехнологичных отраслей промышленности, усиление мотивации труда в науке, выработка эффективного социально-экономического механизма привлечения и закрепления молодых талантливых ученых и специалистов в науке. В частности, было обеспечено повышение уровня оплаты труда научных работников, усилена роль стимулирующих выплат работникам, выполняющим научные исследования и разработки. В результате за период 2015-2020 гг. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, уменьшилась всего на 2,0 % (531 человек). Среди исследователей процент сокращения составил 1,5 % (256 человек). Тогда как за период 2010-2015 гг. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, сократилась на 17,5 %, а численность исследователей – на 14,3 %.

На фоне этих положительных моментов стабилизации кадровой ситуации в белорусской науке нежелательным диссонансом выступает процесс перманентного сокращения численности исследователей высшей квалификации – докторов и кандидатов наук. Так, за период 2015–2021 гг. численность докторов наук, выполняющих научные исследования и разработки, уменьшилась на 100 человек, или на 15,4 %. Это же можно сказать и о кандидатах наук, численность которых за этот же период уменьшилась на 198 человек, или на 7,0 %.

В этой связи особое значение приобретает всесторонний анализ тенденций, складывающихся при распределении ученых различной квалификации по областям науки. Отраслевая структура исследователей в белорусской науке на конец 2021 г. представлена следующим образом: в области естественных наук было занято 20,6 % от общей численности исследователей (3370 человек), технических – 59,1 % (9 643 человек), медицинских – 5,0 % (809 человек), сельскохозяйственных – 5,3, % (863 человек), общественных – 6,5 % (1069 человек), и гуманитарных – 3,5 % (567 человек). Следует отметить, что в разрезе областей науки естественные и технические науки имеют наибольший удельный вес в общей численности исследователей: в 2021 г. на эти области наук приходилось 79,7 % от общей численности исследователей (в 2015 г. – 79,1 %).

Анализ показывает, что за период 2015-2021 гг. отраслевая структура исследователей претерпела некоторые положительные изменения. Прежде всего надо отметить рост доли исследователей технических наук в общей численности исследователей с 58,8 % в 2015 г. до 59,1 % в 2021 г. Рост удельного веса в общей численности исследователей наблюдался также в области сельскохозяйственных наук – с 4,9 % в 2015 г. до 5,3 % в 2021 г. и гуманитарных наук – с 2,9 % в 2015 г. до 3,5 % в 2021 г. Доля исследователей в области естественных наук осталась на уровне 2015 г. Вместе с тем за период 2015-2020 гг. достаточно неожиданно произошло уменьшение доли исследователей в области медицинских наук. Так, если в 2015 г. доля исследователей в области медицинских наук в общей численности исследователей составляла 6,1 %, то в 2021 г. – 5,0 %.

Эти изменения отраслевой структуры исследователей за период 2015-2021 гг. были вызваны существенным ростом численности исследователей в области гуманитарных наук – с 493 человек в 2015 г. до 567 в 2021 г., или на 15,0 %. Рост численности исследователей отмечен также в области сельскохозяйственных наук – с 823 чел. в 2015 г. до 863 чел. в 2021 г., или на 4,9 %. Одновременно значимое сокращение численности исследователей отмечено в области медицинских наук – с 1031 чел. в 2015 г. до 809 чел. в 2021 г., или на 21,5%. В области социально-экономических и общественных наук численность исследователей уменьшилась с 1198 чел. в 2015 г. до 1069 чел. в 2021 г., или на 10,8 %. Таблица 1.

Таблица 1. Динамика численности исследователей по областям науки за период 2015-2021 гг., чел.
[сост. по 1-6]

Области науки	2015 г.	2021 г.	Изменения численности за 2015-2021 гг.	
			чел.	%
Всего исследователей	16953	16321	-632	-3,7
<i>в том числе по областям науки</i>				
Естественные науки	3444	3370	-74	-2,1
Технические науки	9964	9 643	-321	-3,2
Медицинские науки	1031	809	-222	-21,5
Сельскохозяйственные науки	823	863	+40	+4,9
Социально-экономические и общественные науки	1198	1 069	-129	-10,8
Гуманитарные науки	493	567	+74	+15,0

Если отраслевая структура исследователей в целом сохранила свои показатели за исключением заметного сокращения численности исследователей в области медицинских и общественных наук, то в отраслевой структуре научных кадров высшей квалификации ситуация проблемная. Она определена существенным сокращением численности докторов наук, занятых в области социально-экономических и общественных наук, а также естественных, технических и медицинских наук. Так, за период 2015-2021 гг. в области социально-экономических и общественных наук численность докторов сократилась с 49 человек в 2015 г. до 37 человек в 2021 г., или на 24,5 %; в области естественных наук – с 274 человек в 2015 г. до 213 в 2021 г., на 22,3%; в области технических наук – с 136 человек в 2015 г. до 123 в 2021 г., или на 9,6 %; в области медицинских наук – с 88 человек в 2015 г. до 73 в 2021 г., или на 17,0 %. И только в области сельскохозяйственных наук за этот период отмечен незначительный рост численности докторов наук с 42 человек в 2015 г. до 45 в 2021 г., или на 7,1 %. Таблица 2.

Таблица 2. Динамика численности исследователей высшей квалификации по областям науки за период 2015-2021 гг. [сост. по 1-6]

Области науки	2015 г.			2021 г.			Изменения численности за 2015-2021 гг.			
							доктора наук		кандидаты наук	
	чел.	д.н.	к.н.	чел.	д.н.	к.н.	чел.	%	чел.	%
Естественные науки	3444	274	1052	3370	213	923	-61	-22,3	-129	-12,3
Технические науки	9964	136	673	9 643	123	665	-13	-9,6	-8	-1,2
Медицинские науки	1031	88	364	809	73	226	-15	-17,0	-138	-37,9
Сельскохозяйственные науки	823	42	292	863	45	297	+3	+7,1	+5	+1,7
Социально-экономические и общественные науки	1198	49	249	1 069	37	291	-12	-24,5	+42	+16,9
Гуманитарные науки	493	59	192	567	57	222	-2	-3,4	+30	+15,6

Анализ данных таблицы 2 показывает, что динамика численности кандидатов наук по областям науки за период 2015-2021 гг. имеет в отличие от докторского корпуса некоторые особенности. Так, за период 2015-2021 гг. на 15,6 % выросла численность кандидатов наук в области гуманитарных наук – с 192 человек в 2015 г. до 222 в 2021 г.; в области социально-экономических и общественных наук – на 16,9 % с 249 человек в 2015 г. до 291 в 2021 г.; в области сельскохозяйственных наук – на 1,7 % с 292 человек в 2015 г. до 297 в 2021 г. Однако в ряде ключевых областей наук наблюдалось существенное сокращение численности кандидатов наук. Так, численность кандидатов наук в области медицинских наук сократилась с 364 человек в 2015 г. до 226 в 2021 г., или на 37,9 %; в области естественных наук – с 1052 человек в 2015 г. до 923 в 2021 г., или на 12,3 %; в области технических наук – с 673 человек в 2015 г. до 665 в 2021 г., или на 1,7 % [2, 3].

Таким образом, можно констатировать, что отраслевая структура исследователей за период 2015-2021 гг. в целом сохранила свои показатели за исключением заметного сокращения

численности исследователей в области медицинских и общественных наук. Вместе с тем в отраслевой структуре научных кадров высшей квалификации прослеживаются отрицательные тренды. Особенно это относится к докторскому корпусу белорусской науки. Так, за период 2015-2021 гг. численность докторов наук в области естественных наук сократилась на 22,3 %; в области технических наук – на 9,6 %; в области медицинских наук – на 17,0 %. Негативные тенденции наблюдаются и по кандидатам наук. Численность кандидатов наук в области медицинских наук за этот период сократилась на 37,9 %; в области естественных наук – на 12,3 %; в области технических наук – на 1,7 %. Это в значительной мере ограничивает возможности инновационного развития национальной экономики, поскольку формирование и реализация инновационного потенциала происходят именно в этих областях научных исследований. Для преодоления этих негативных тенденций необходимо обеспечить развитие новых организационных форм взаимодействия науки и высшей школы, интегрированных научно-образовательных структур (комплексов), обеспечивающих опережающую подготовку высококвалифицированных научных кадров, определяющих динамичное развитие наукоемких производств.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в рамках научного проекта № Г23-135 «Сравнительный анализ эволюции институциональной основы функционирования систем подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации Беларуси и России и динамики их развития в рамках Союзного государства».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 145 с.
2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2017 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 121 с.
3. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 116 с.
4. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2019 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. – 115 с.
5. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2020 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 115 с.
6. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2021 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 115 с.

УДК [02+02:001.893]:316.74

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Борисова А. А.

*старший преподаватель Республиканского института профессионального образования
г. Минск, Беларусь*

Информационно-коммуникационные технологии стремительно заняли свою нишу в современном мире. XXI век – век высоких технологий, особенно информационных. Информатизация современного общества в значительной степени изменила жизнь человека. Во все профессии пришли новшества, начиная от направления и особенностей труда, заканчивая качественными характеристиками работников. Отличительными навыками человека 21 века являются критическое мышление, социальный интеллект, информационная грамотность, креативность, гибкость, продуктивность и медиаграмотность.

Персональные мобильные устройства, системы, искусственный интеллект являются неотъемлемой частью личной цифровой экосистемы человека. Данное направление становится все более передовым благодаря разработки новых инновационных интерактивных продуктов.

История искусственного интеллекта как нового научного направления начинается в середине XX века. К этому времени уже было сформировано множество предпосылок его зарождения: среди философов давно шли споры о природе человека и процессе познания мира. [1]

Искусственный интеллект активно внедряется в наше социальное пространство. Искусственный интеллект (ИИ; англ. artificial intelligence, AI) – научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными [2, с.105].

Искусственный интеллект играет значительную роль в системе современного социального знания. Его развитие и применение привели к существенным изменениям в различных сферах жизни общества, включая экономику, образование, здравоохранение и др. Технология искусственного интеллекта способна выполнять сложные задачи, такие как анализ данных, распознавание образов и принятие решений, с беспрецедентной скоростью и точностью, что делает его бесценным инструментом в создании и обработке огромных объемов информации, тем самым способствуя расширению и совершенствованию социальных знаний.

Одна из областей, где искусственный интеллект имеет особенное влияние, – это поиск и анализ информации. Поисковые системы и системы рекомендаций на его базе помогают пользователям эффективно получать доступ к актуальной и надежной информации. Эти системы используют алгоритмы и методы машинного обучения, чтобы понимать предпочтения пользователей, прогнозировать их интересы и персонализировать получаемый ими контент. Разумно фильтруя и организуя информацию, искусственный интеллект повышает эффективность поиска информации и облегчает обмен знаниями в современном обществе. Более того, способствует развитию социальных знаний благодаря своей способности анализировать и интерпретировать сложные структуры данных. Алгоритмы искусственного интеллекта могут обрабатывать большие наборы данных и выявлять скрытые корреляции, которые люди могут не заметить. Эта возможность позволяет поддерживать исследования в различных областях, включая социальные науки, раскрывая идеи и закономерности социальных явлений. Интеграция искусственного интеллекта в методологии социальных исследований может ускорить открытие знаний, открыть новые перспективы, и решать сложные социальные проблемы. Более того, он трансформирует социальные знания, влияя на процессы принятия решений. Алгоритмы искусственного интеллекта могут анализировать и оценивать данные, чтобы давать рекомендации и прогнозы, помогая лицам, принимающим решения в различных областях. Например, в здравоохранении системы искусственного интеллекта могут помочь в диагностике заболеваний и предложении вариантов лечения на основе данных пациентов. Таким образом, повышается точность и эффективность принятия решений, что приводит к более осознанному выбору и лучшим результатам в различных социальных контекстах. Следовательно, способствуя поиску, анализу и принятию информации, повышая эффективность и качество получения и применения знаний роль искусственного интеллекта в системе современного социального знания значительна.

Платформы искусственного интеллекта работают с распознаванием речи, обработкой естественного языка, анализом картинок, прогнозированием событий и действий, экспертными системами, которые предназначены для решения сложных задач. Они позволяют решать творческие задачи и генерировать новую информацию на основе уже имеющейся.

Среди множества приложений искусственного интеллекта можно выделить наиболее интересные: (см. таблицу).

Таблица. Приложения искусственного интеллекта

№ п/п	Наименование приложения / электронная ссылка	Примечание
1.	Midjourney/ https://www.midjourney.com/home/	Программа искусственного интеллекта, которая создает изображения на основе текстовых описаний.
2.	GFP-GAN/ https://github.com/	Инструмент искусственного интеллекта, который восстанавливает старые фотографии.
3.	Инлексис / https://inleksys.ru/voice-bot/	Интеллектуальный сервис для совершения эффективных звонков клиентам
4.	Copy.ai – Копирайтер/ https://www.copy.ai/	Инструмент для копирайтинга на основе искусственного интеллекта
5.	JADBio/ https://jadbio.com/	Платформа, оснащенная инструментами извлечения знаний, которая позволяет загружать данные и анализировать их.
6.	Notion.ai/ https://www.notion.so/product/ai	Сервис для создания уникального контента
7.	ContentBot/ https://contentbot.ai/	Платформа для автоматизации контента

Подробнее остановимся на возможностях приложения искусственного интеллекта «Midjourney».

Midjourney – приложение искусственного интеллекта, которое генерирует изображения по текстовому описанию. Сервис умеет идентифицировать печатный текст и перевоплощать его в картинки.

Для начала работы необходимо перейти на сайт Midjourney – midjourney.com. На главной странице расположены кнопки «Войти», «Присоединиться к бета-тестированию», «Начать» и «Витрина» (см. рисунок). При переходе по кнопке «Войти» сайт перенаправит вас в Discord, в котором нужно создать аккаунт, так как данный онлайн-сервис работает в формате Discord-бота. Далее откроется ваш личный кабинет. Интерфейс Midjourney состоит рабочего пространства, множества инструментов и настроек, а также галереи уже существующих изображений. Для создания нового изображения необходимо на английском языке описать сюжет, выбрать стиль, цветовую схему, задать размеры, разрешение, формат файла, отправить на обработку искусственному интеллекту и дождаться результата. Вы в режиме реального времени увидите, как линии превращаются в четыре картинки. Сгенерированную картинку можно усовершенствовать, отредактировав и доработав его с помощью доступных инструментов. Есть возможность настроить цвета, добавить или удалить элементы, повысить качество и скачать изображение в нужном формате. Midjourney поддерживает совместную работу, можно редактировать изображение нескольким пользователям одновременно.

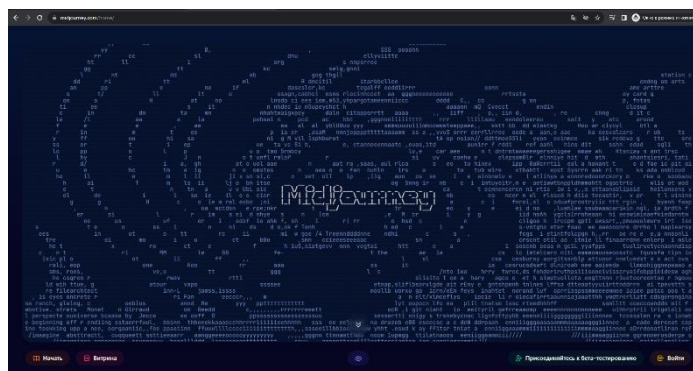

Рисунок. Главная страница сервиса Midjourney

Преимущества использования сервиса искусственного интеллекта Midjourney:

1. Отсутствие затрат на дизайн.
2. Экономия времени на создание картинки.
3. Новые возможности для расширения границ.
4. Автоматизация процесса создания картинки.
5. Создание индивидуальных, уникальных дизайнов.

Таким образом, с развитием информационно-коммуникационных технологий и повседневным использованием инновационных технологий в жизни современного общества социология встречается с новыми вызовами. Искусственный интеллект, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, существенно влияет на общество и человека. Используя технологии искусственного интеллекта, мир может распоряжаться возможностями данных, улучшать понимание и продвигать социальные знания во всех сферах. Понимание роли искусственного интеллекта как социального феномена является значительным и требует более полного исследования в современной социологической науке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект. – Дата доступа: 08.09.2023
2. Аверкин, А. Н. Толковый словарь по искусственному интеллекту / А. Н. Аверкин, М. Г. Гаазе-Рапопорт, Д. А. Поспелов. – М. : Радио и связь, 1992. – 256 с.

ДИНАМИКА ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ ПСИХОЛОГИИ НАУКИ С ПОЗИЦИИ НАУКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Володарская Е. А.

*главный научный сотрудник отдела науковедения
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
доктор психологических наук, доцент
г. Москва, Россия*

Выделение динамики функционирования научного направления базируется на обосновании критериев, содержательное воплощение которых меняет своеобразие конкретной стадии, позволяя констатировать переход на новый этап. Нам кажется обоснованным описание изменения в содержании рассматриваемых исследовательских тем в разные периоды в рамках единого категориального поля психологии науки. В качестве критериев обоснования развития психологии науки как качественных изменений и исторического перехода от одного этапа на другой возможно говорить об изменении характера взаимодействия науки и общества, с необходимостью предполагающих изучение разных психологических проблем исходя из отдельных уровней социального контекста рассмотрения. Подобные основания будут способствовать пониманию основных тенденций и закономерностей становления, динамики психологии науки как самостоятельного научного направления, следствием чего станет выделение хронологических рамок каждого периода данной области знания.

Социально-психологический подход к структуре феномена социального контекста, в котором проявляет себя субъект, учитывает всю совокупность факторов окружающей среды и условий жизни [1]. Выделяют четыре уровня социального окружения, важные для социализации личности [2]. Во-первых, это микросистема, описывающая всех участников непосредственного круга межличностного общения личности. Во-вторых, мезосистема включает элементы разных микросистем окружения, описывающих включенность субъекта в отдельные социальные группы. В-третьих, экосистема социального контекста, согласно данному подходу, учитывает влияние социальных институтов. И, в-четвертых, макросистема описывает преобладающие социальные нормы, установки, правила, социальные ценности, регулирующее социальное поведение личности.

Возможность описывать психологию науки как сложившееся на стыке философии, истории, психологии, науковедения направление с позиции системы координат приоритета более широкого или более узкого уровней социального контекста, акцента на внутреннюю или внешнюю по отношению к субъекту науки социальность, подтверждается и тем, что с позиции разрабатываемого М. Г. Ярошевским категориального строя психологической науки, категория «контекст» относится к метапсихологической категории, наряду с категориями «сознание» и такими базисными категориями, как «образ», «мотив», «действие», «переживание», «субъект» [3;4].

Первый период научного направления психологии науки можно обозначить рамками конца 1960-х гг. до середины 1990-х гг., а точнее 1968-1998 гг., что связано с периодом работы М. Г. Ярошевского в Институте истории естествознания и техники, где он создал и в течение многих лет возглавлял сектор, занимающийся психологическими проблемами научного творчества. Основной принцип рассмотрения методологических основ психологии науки как части науковедения заключался в историко-научном подходе к творческому мышлению, выделении историзма при обосновании содержания и логики создания нового научного знания.

Этот этап связан с активным становлением теоретической модели обоснования психологии научного творчества с позиции анализа ученого и научных коллективов как сферы профессиональной самореализации в рамках междисциплинарного анализа науки как системы знаний и системы деятельности по производству нового знания фокусирует свой интерес на внутренних, по отношению к широкой социальной системе общества в целом, закономерностях понимания психологии личности ученого и психологии малой группы первичного научного коллектива и научной организации исследовательского учреждения. В рамках первого периода развития психологии науки как самостоятельного научного направления происходит

формирование методологических основ объяснения этих закономерностей, а также наблюдается обогащение конкретной фактологией осуществленных эмпирических работ.

Второй этап функционирования психологии науки рубежа 20 и 21 вв. характеризуется переносом акцента изучения, в типологии социального контекста У. Бронфенбреннера, с мезосистемы на макросистему выделяемых уровней анализируемых категорий. Данный период обоснован приоритетом внешней социальности над внутренней социальностью рассматриваемого предметного поля поднимаемых психологических сторон научной деятельности.

Подобный поворот способствовал выходу ученых из «башни из слоновой кости» замкнутого пространства собственных теоретических построений и объяснительных парадигм, что привело к выделению нового вектора движения навстречу обществу и выстраивания системы взаимодействия с ним не только для психологии науки, но и для науковедения в целом [5]. Данный период развития психологии науки посвящён анализу традиционных проблем, обозначенных ранее, и новых подходов, ставящих вопрос соотношения устоявшихся принципов и дополняющих накопленные эмпирические факты актуальными тенденциями выявленных закономерностей. Происходят изменения в трактовке традиционных областей психологической науки в условиях социальных флуктуаций, а также формирование новой содержательной базы для становления теоретической канвы методологии психологии науки. Данный период отражает поиск новых стратегий в практическом приложении результатов фундаментальных находок исследователей для решения запросов общества.

Третий период психологии науки, начавшийся с середины 2010-х гг. с осуществления государственной реформы Академии наук 2013 г., демонстрирует наибольшее сближение науки и общества, значительную прозрачность границ между профессиональным и непрофессиональным научным сообществом. Акцент на макросистеме социального контекста позволяет метафорически описать современный период с позиции «наука вместе с обществом», чему значительно способствует движение «открытой» науки, необходимость активной внешней представленности научного знания и процесса его порождения через продвижение в социальных сетях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белинская, Е. П., Дубовская, Е. М. Константа личности в эпоху перемен / Е. П. Белинская, Е. М. Дубовская. – Константа в неопределенном и меняющемся мире / под ред. Ю. П. Зинченко, Т. Д. Марцинковской. – М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 2009. – 399 с. – С. 88–95.
2. Bronfenbrenner, U. The ecology of cognitive development: Research models and fugitive findings / U. Bronfenbrenner. – // Development in context: Acting and thinking in specific environments / R. H. Wozniak, K. W. Fischer (Ed.). – Hillsdale, 1993. – P. 3–44.
3. Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. Теоретическая психология: учебное пособие / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 496 с.
4. Ярошевский, М. Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки / М. Г. Ярошевский. – 2-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 447 с.
4. Юревич, А. В. Науковедческая «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения / А. В. Юревич. – // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. – М. : Логос, 2005. – С. 26–42.

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСПИРАНТУРЫ В ВУЗАХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРИОД 2000-2021 гг.¹

Ворошень О. Г.

научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

г. Минск, Беларусь

Характерной особенностью развития аспирантуры в Российской Федерации в 2000-2021 гг. является разная динамика показателей деятельности аспирантуры в научно-исследовательских и образовательных организациях.

Численность организаций, в которых ведется подготовка аспирантов, в системе высшего образования к 2021 г. осталась на уровне 2000 г. и составила 565 учебных заведений, в то время как число научных организаций сократилось более чем на четверть: с 797 в 2000 г. по 572 в 2021 г. (на 28,2 %) (см. рисунок).

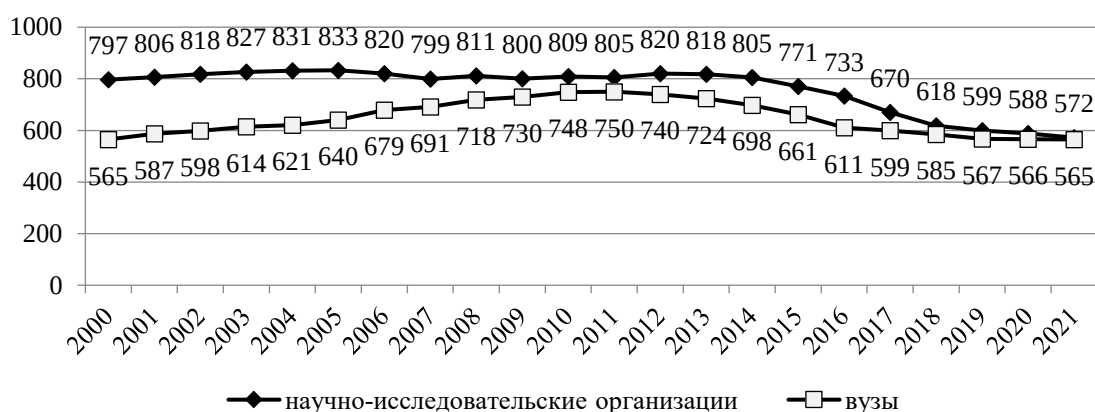

Рисунок. Динамика численности организаций, ведущих подготовку аспирантов в вузах и научно-исследовательских организациях в РФ за период 2000-2021 гг. [1]

Существенное сокращение численности научно-исследовательских организаций началось с 2014 г. До этого наблюдался период незначительного колебания их численности, а за период 2014-2021 гг. число организаций сократилось на 30,1 %.

В российской системе высшего образования вплоть до 2011 г. наблюдался устойчивый рост числа вузов, ведущих подготовку аспирантов: с 565 в 2000 г. по 750 в 2011 г. или на 32,7 %. После 2011 г. началось сокращение их численности, которое к 2021 г. составило 24,7 %. Таким образом, в 2021 г. их численность вернулась к состоянию на 2000 г.

Динамика численности аспирантов в научно-исследовательских организациях за период 2000-2021 гг. имеет свои особенности. В 2000-2005 гг. отмечается устойчивый рост численности аспирантов с 17502 чел. по 19986 чел. или на 14,2 %. С 2006 г. начинается период спада, который прерывался только в 2010 г., когда численность аспирантов повысилась с 16549 чел. в 2009 г. по 16936 чел. в 2010 г. В последующие годы падение продолжилось вплоть до 2017 г., когда было достигнуто минимальное значение показателя численности аспирантов за период 2000-2021 гг., а именно 10231 чел.

В целом за период 2000-2021 гг. численность аспирантов в научно-исследовательских организациях сократилась на 36,5 % (6393 чел.), прием в аспирантуру сократился на 47,8 % (2905 чел.), выпуск из аспирантуры – на 44 % (1678 чел.). Сократился также и выпуск с защитой диссертации: если в 2000 г. каждый четвертый оканчивал аспирантуру с защитой диссертации, то в 2021 г. только каждый тринадцатый.

Динамика численности аспирантов в вузах имела разнонаправленный характер. Так, с 2000 г. по 2010 г. наблюдался рост численности аспирантов в вузах с 100212 чел. по 139908 чел. или на

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г22-070 от 04.05.2022 г.)

39,6 %. В последующие годы их численность сократилась практически вдвое: с 139908 чел. в 2010 г. по 72476 чел. в 2019 г. или на 48,2 %. И только в 2020 г. и 2021 г. вновь наметился рост численности аспирантов: с 72476 чел. в 2019 г. по 78133 чел. в 2021 г. или на 7,8 %.

Аналогичный тренд фиксируется и в отношении выпуска аспирантов: в период между 2012 и 2020 гг. численность выпускников аспирантских программ снизилась более чем в два раза – на 62 %: с 30885 до 11763 чел. Отмечается также снижение доли выпуска с защитой диссертации: если в 2000 г. почти треть выпускников аспирантуры защитили диссертацию, то в 2021-м – только один из девяти.

Таким образом, за период 2000-2021 гг. динамика основных показателей деятельности аспирантуры в научно-исследовательских организациях имела более выраженный характер. Так численность аспирантов сократилась в научной сфере на 36,5 % (6393 чел.), в то время как в вузах – на 22 % (22079 чел.). Число организаций, в которых ведется подготовка аспирантов в системе высшего образования, осталось на уровне 2000 г. (565), в то время как число научных организаций сократилось более чем на четверть (28,2 % или 225 организаций). Практически вдвое сократился прием в аспирантуру научных организаций: на 47,8 % (2905 чел.), в вузах – на 33,8 % (12498 чел.). Динамика показателей выпуска из аспирантуры, в том числе с защитой диссертации имеет сходный характер, как в научных организациях, так и в вузах. Так, выпуск сократился в научных организациях на 44 % (1678 чел.), в вузах – на 42,7 % (8968 чел.), из него с защитой диссертации – на 81,9 % (715 чел.) и 80 % (5301 чел.) соответственно.

За рассматриваемый период динамика таких показателей деятельности аспирантуры в научно-исследовательских организациях как численность организаций, ведущих подготовку аспирантов, численность аспирантов, прием в аспирантуру, имела более выраженный негативный характер по сравнению с вузами. В то же время при сходных темпах снижения эффективности деятельности аспирантуры по таким показателям как выпуск из аспирантуры и выпуск с защитой диссертации можно констатировать, за период 2000-2021 гг. аспирантура научно-исследовательских организаций демонстрирует более устойчивую динамику показателей эффективности по сравнению с вузами [2].

Еще одной особенностью вузовской аспирантуры, проявившейся в 2015-2020 гг., является перераспределение аспирантского контингента в сторону ведущих вузов. В результате ряда реформ в системе высшего образования в РФ вузовская система иерархизировалась, появились ведущие вузы – участники программы повышения конкурентоспособности «5-100», национальные исследовательские и федеральные университеты [3].

Хотя общая численность аспирантов в стране на протяжении рассматриваемого периода снижалась, при рассмотрении отдельно ведущих вузов и вузов без статусов этот тренд наблюдается только для последних. Так, если в вузах без статусов с 2015 г. по 2020 г. численность аспирантов сократилась на 27%, то в ведущих вузах, напротив, за тот же период численность аспирантов увеличилась на 14% [4].

Если в 2015 г. в ведущих вузах обучались 34% всех аспирантов, то к 2020 г. этот показатель вырос до 44%. Таким образом, по состоянию на 2020 г. 42 ведущих вуза осуществляли подготовку практически половины всех аспирантов страны [4].

Такое перераспределение аспирантов, как и в целом разделение вузов на группы ведущих университетов, отвечающих за развитие науки и исследований, и вузов, решающих другие задачи (например, подготовка кадров для конкретных регионов, отраслей), является характерной особенностью российской системы высшего образования.

Следует отметить, что, несмотря на снижение эффективности российской аспирантуры по показателю выпуска с защитой диссертации, в ведущих университетах применяются успешные практики подготовки кадров высшей квалификации, результатом реализации которых стали более высокие значения данного показателя. Так, в Санкт-Петербургском государственном горном университете, в котором реализуется университетская Стратегия в области подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре, выпуск из аспирантуры с защитой диссертации в 2020 г. составил 40 %. В Томском государственном университете, в котором сформированы 16 Аспирантских школ, выпуск из аспирантуры с защитой диссертации в 2020 г. составил 20,2% [5].

Успешный опыт эффективной подготовки аспирантов в отдельных российских научных организациях и вузах может быть учтен и использован в решении проблем повышения эффективности деятельности института аспирантуры в нашей стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Индикаторы науки: 2023: статистический сборник / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 416 с.
2. Терентьев, Е. А. Наука без молодёжи? Кризис аспирантуры и возможности его преодоления / Е. А. Терентьев, Я. И. Кузьминов, И. Д. Фруммин // Современная аналитика образования [Электронный ресурс]. – 2021. – Вып. 6 (55). – Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/469469351.pdf> – Дата доступа: 16.09.2023.
3. Ключарев, Г. А., Неверов А. В. Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги / Г.А. Ключарев, А. В. Неверов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 1. – с. 100–116.
4. Жучкова, С. Аспирантура не для всех? Как за время вузовских реформ аспирантура сконцентрировалась в ведущих вузах / С. Жучкова, С. Бекова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vo.hse.ru/article/view/17077/15724> – Дата доступа: 16.09.2023.
5. Сероштан, М. В. Российская аспирантура: проблемы и ключевые факторы развития в контексте глобальных трендов / М. В. Сероштан, К. А. Артамонова, Г. З. Акимова, Е. В. Бережная, Е. В. Сероштан // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 5. – С. 46–66.

УДК 316 (075.8)

ВИРТУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данилов А. Н.

заведующий кафедрой социологии БГУ

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси

г. Минск, Беларусь

Под влиянием глобальных цифровых технологий и коммуникационных систем в повседневной образовательной практике происходит трансформация фактически всех сегментов человеческой жизни, форм и методов его сосуществования, происходит изменение потенциала человека. Не в малой степени этот процесс задевает и серьезно реконструирует всю систему образования. Становится все более очевидным, что происходящий виртуальный поворот должен быть сопряжен с духовным обновлением, изменением ценностных оснований цивилизационного развития, культурных оснований. Виртуальная сфера общества, рожденная новым уровнем коммуникации, меняет социально-экономический порядок, революционизирует принципы социального управления, образования, кардинальным образом меняется рынок труда, уходят в прошлое национальные перегородки и коммуникационные ограничения. Под влиянием информативно-коммуникационных технологий существенно изменилась структура занятости населения. «Произошло сокращение производственной сферы с одновременным ростом численности занятых в сфере услуг. Существенно изменились квалификационные требования к большинству «традиционных» профессий, и одновременно произошло их численное сокращение. Появились новые профессии, распространились практики удаленной работы» [1, с. 234]. Все это актуализирует необходимость изучения виртуального поворота в современном образовании, трансформации социокультурной стратегии развития современного общества в целом.

Сегодня мы видим, как в процессе внедрения результатов научно-технического прогресса наблюдается становление новой компоненты в системе образования – виртуальной. Ранее социальное пространство рассматривалось, прежде всего, как социально-статусная стратификационная модель, которая базировалась, прежде всего, на культуре дифференцированных в социальном пространстве групп. При описании виртуального пространства, следует иметь в виду, что в нем образуются социальные сети и поля, которые могут не иметь четко выраженной связи с социально-стратификационным и культурным пространством. В основе таких сетевых связей, образующих виртуальное пространство лежат межличностные отношения и сопряженные с ними обязательства.

Белорусский философ П. А. Водопьянов отмечает: «Использование такого рода технологий способствует повышению активности и успеваемости обучающихся, получению информации о новейших научных открытиях в области современных технологий и социальных процессов. Вместе с тем использование таких технологий не должно быть самоцелью в сфере образования,

поскольку чрезмерный упор на данную сферу образования неизбежно приводит к деформации личности. Как отмечает немецкий психолог К. Лоренц, человек, воспитанный с помощью машинных технологий, утрачивает чувство сопричастности к природе и рассматривает ее как нечто косное, созданное исключительно для удовольствия потребления. Масштабное распространение электронных средств получения информации хотя и способствует получению широкого круга знаний, однако во многих случаях приводит к утрате реального пребывания в мире и погружает многих людей в мир виртуальной реальности» [2, с. 435].

В настоящее время актуализируются исследования механизмов структурирования виртуальной среды, создания управленческих цифровых платформ, преодоление пространственного неравенства, трансформации стратегий самопрезентации и идентификации личности. Возникновение виртуального сегмента современного общества во многом освобождает человека от физических ограничений, и в то же время выступает для него не самостоятельно, а сосуществует рядом с естественным материальным пространством, позволяет по-иному структурировать коммуникативные связи. В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей иной реальности. Именно от образования напрямую зависят вопросы устойчивости и развития цивилизации, образование становится фундаментом для нового общества.

Цифровые технологии значительно умножают возможности обучения, меняют весь процесс, восприятия собственных достижений, понимание своего развития, меняет всю систему управления учебного процесса. В этом секторе современного общества происходит активная модернизация управления, форм и методов работы учебного заведения. В системе образования возникает новый глобальный образовательный рынок, который может достаточно быстро заместить собой традиционные образовательные системы и внести новые стандарты. Не случайно больше других высказывает неудовлетворенность государственным образованием бизнес в сфере высоких технологий. Продвинутые компании ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. И наконец, главный вызов для образовательной системы, являющейся пространством воспроизводства смыслов деятельности общества и создания новых – мотивировать молодых людей учиться. Виртуализация прежде всего коснулась образования, полностью захватила молодежный сегмент, студенчество.

Образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, развитие экономики и общества. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути. Потребность в глобальной «дорожной карте» будущего образования чрезвычайно велика и он видится с большей включенностью его в виртуальную культуру. Без сильных мотивационных основ и принятие новой образовательной стратегии развития общество обречено на постоянное отставание. Так как именно образование – ключ к построению другой ценностной реальности, от него зависит содержание новой цивилизации, оно образует фундамент устойчивого развития.

Осваивая новые технологии, создавая новые человеческие практики на их основе, а также меняя собственные представления и приоритеты в связи с этими практиками, заметно сдвигаются формы и содержание образовательных процессов. Построение новой модели образования – не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, но в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь – в том числе, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие образовательные подходы.

Сегодня все больше происходит битв человека-разумного со своим порождением – искусственным интеллектом. Искусственный интеллект, воплощенный в человеке-роботе через современные коммуникативные технологии, формирует новое проблемное поле и образ нашего будущего. Вопрос стоит не только, каким образом заменить рутинную работу человека роботом, но и наделить робота интеллектом. Возникло целое междисциплинарное направление в науке и технологии по созданию интеллектуальных машин и систем, которые могут выполнять творческие функции, близкие к мыслительным психологическим способностям человека. До сих пор применение искусственного интеллекта в целом положительно сказывается на многих сферах деятельности человека, поскольку было призвано упростить и оптимизировать производственные процессы, исключить необходимость присутствия человека на вредных производствах, сократить уровень травматизма. Однако роботизация и расширение использования систем искусственного

интеллекта в промышленности порождает и новые проблемы, создавая угрозы системных сбоев, несанкционированного доступа к программному обеспечению и действиям, которые могут вызвать катастрофические последствия.

В последние годы ученые активно работают над созданием более сильного искусственного интеллекта. Такой человек-робот сможет выполнять абсолютно разные задачи: переносить свои знания из одной сферы в другую, мыслить критически, осуществлять коммуникацию с людьми или другими искусственными интеллектами в достижении поставленной цели. Тогда облик цивилизации будет совершенно иным и место человека в новой реальности уже цифрового общества, будет определяться с учетом потенциала искусственного интеллекта.

Человечество стоит перед лицом новых вызовов, но главный вопрос состоит в том, что происходит с самим человеком. Основным препятствием на пути создания искусственного интеллекта столь высокого уровня стало недостаточное понимание природы человеческого разума, «неразгаданность» функционирования человеческого мозга. Сфера когнитивных исследований, с которой связывают в настоящее время достижения научно-технического прогресса, не сопровождается должным нравственным прогрессом. К тому же только цифровая революция не решит глобальных проблем, порожденных современной цивилизацией. Прорыв к новому должен быть сопряжен с духовной революцией, с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

К сожалению «сложившаяся образовательная система базируется на устаревших представлениях, транслирует прошлый опыт человечества и не способна удовлетворять растущие социальные потребности, не в состоянии решать глобальные проблемы современности» [2, с. 438]. Виртуальный поворот как новый вызов времени, опыт его адаптации в контексте социокультурной традиции общественного развития, безусловно, будет учтен. Предстоит большая работа по изменению миссии образования как части культуры, центра формирования ценностной матрицы образа будущего. Виртуальный мир современного общества – это в совершенно новый социальный уклад постиндустриального цивилизационного развития, имеющий все необходимые информационные потоки, ресурсы, методы, технологии, средства, то есть соответствующую самоорганизующуюся инфраструктуру для удовлетворения как индивидуальных, так и общественных потребностей в информации, для совершенствования интеллектуального, социально-экономического, гуманитарного, психофизиологического и духовного состояния человека.

Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных – экологического и антропологического. В XXI веке происходит нагромождение нерешенных проблем, новых вызовов и конфликтов. Все это можно обозначить как состояние цивилизационного перехода. «В конце XX в., когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов» [3, с. 484].

Для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо, в первую очередь, направить усилия на разрешение духовного кризиса. За последние десятилетие и белорусское общество прошло значительную эволюцию от ценностей выживания и стабильности к ценностям самовыражения и развития. Меняется миссия образования, которая предстает не просто в качестве некоторой второстепенной отрасли, а системообразующей частью национальной культуры. «Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла» [4, с. 414].

В настоящее время человечество подошло к опасной черте своего развития – к точке бифуркации, когда его деятельность на основе научно-технических достижений в состоянии привести к собственной гибели. Выход неизбежно будет найден, на смену техногенной цивилизации придет новая парадигма развития, которая обернется кардинальной перезагрузкой базовых ценностей. Использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление негативных последствий человеческой деятельности служат основанием новой цивилизации. Предстоит утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения, необходимого условия достижения безопасного будущего, нового

мировоззрения, связанного с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия, как новой целостности, способной к жизни в едином комплексе мироздания. Такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

В ситуации перемен, которая значительно активизирует процесс отбора нового контекста, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ перспективы. В зависимости от того, сможет ли человечество справиться с существующими опасностями, зависит его будущее. В настоящее время в центр гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой системы образования, ее виртуализации. Есть опасение, что цифровое ускоренное обновление базовых ценностей, без должного историко-социального отбора, может создать иллюзию прогресса, направить его по ложному пути, сформировать искаженную реальность. Вот почему, такое внимание уделяется последствиям виртуального поворота в системе образования, где наряду с возникновением ее виртуального сегмента должна получить должное развитие виртуальная культура, которая, собственно, и формирует новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться и ориентироваться в современных жизненных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социальные изменения в условиях цифровой среды / под ред. В. П. Васильева. – Москва: МАКС Пресс, 2020. – 240 с.
2. Водопьянов П. А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего / П. А. Водопьянов. – Минск: Беларуская навука, 2023. – 469 с.
3. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, история эволюции / В. С. Степин. – Минск: Беларуская навука, 2021.
4. Миронов В. В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью / В. В. Миронов. – Москва: РГ-Пресс. 2020.

УДК 316:37

МЕСТО АКАДЕМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ЭКОСИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Ефимова Г. З.

*профессор Тюменского государственного университета
кандидат социологических наук
г. Тюмень, Россия*

Экосистема образования взрослых – комплексная система, обеспечивающая не только полноценное и качественное образование для взрослых людей, но и точечное обновление их компетенций. Она объединяет различные образовательные учреждения, организации и специалистов вокруг единой цели, ориентированной на обеспечение полноценного и качественного образования. Основная идея экосистемы образования взрослых заключается в предоставлении взрослым возможности получить доступное и качественное образование, соответствующее их актуальным потребностям. Для достижения обозначенной цели используются современные формы обучения (онлайн-курсы, вебинары, мастер-классы и др.), которые позволяют получать знания и навыки без ограничения по месту и времени. Экосистема образования взрослых должна находиться в партнерстве с работодателями и другими государственными и общественными организациями для оптимизации личностного и профессионального развития, а также быть направлена на расширение перспектив карьерного роста.

Научно-педагогические работники включены в экосистему образования взрослых как *субъекты* (активно участвуя в подготовке конкурентоспособных и высококвалифицированных кадров для региональной и отечественной экономики), а также как *объекты* (вовлекаясь в образовательный процесс в рамках формального, неформального и информального образования) [1, 2]. Академическое развитие научно-педагогического работника частично реализуется в рамках

экосистемы образования взрослых, становясь одним из ключевых элементов его успешной карьеры, профессионального и личностного роста.

Научно-педагогический работник с ориентацией на приоритетное академическое развитие может делиться опытом и знаниями, содействовать студентам и коллегам в профессиональной деятельности, обозначая точки роста для профессионального, карьерного и личностного роста. Комплекс практик способствует наращиванию человеческого капитала работника и развитию университетского сообщества. Такой преподаватель находится в курсе актуальных тенденций и ориентируется в современных требованиях рынка труда, что позволяет подготовить студентов к реальным вызовам и задачам, с которыми они столкнутся в предстоящей профессиональной деятельности. Поэтому выстроенная стратегия академического развития научно-педагогических работников становится приоритетной задачей для всех университетов, которые стремятся к развитию человеческого капитала сотрудников и успеху в профессиональной деятельности.

Академическое развитие научно-педагогических работников предполагает ряд целенаправленных и взаимосогласованных действий, укрепляющих компетенции сотрудников. Участие научно-педагогических работников в научных мероприятиях (конференциях, конгрессах, форумах и пр.), подготовка и опубликование научных работ (монографий, статей в периодических научных изданиях, сборниках материалов конференций и пр.), работа в составе научно-исследовательского коллектива или руководство научными проектами (грантами научных фондов, хоздоговорными темами, государственными заданиями и пр.), а также развитие профессиональных навыков посредством программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки позволяют научно-педагогическим работникам получать новые знания и опыт, расширять педагогические и научно-исследовательские компетенции, повышая свой статус в научном сообществе и оказывая позитивное влияние на социальный престиж вузовского работника в целом.

Академическое развитие научно-педагогических работников может происходить посредством: работы в научных лабораториях и центрах; международных обменов и стажировок; участия в организации и проведении научных мероприятий; работы с научными издательствами и популяризации результатов научных исследований; взаимодействия с органами власти, бизнесом и общественностью в рамках выполнения профессиональных задач.

В последние десятилетия в мировой научной литературе, посвящённой изучению академической профессии, практик академического развития научно-педагогических работников, определения карьерных стратегий и траекторий профессионального развития преподавателей и исследователей, сформировались несколько значимых трендов [3].

Теоретическая рамка изучения академического развития научно-педагогических работников основана на следующих социологических теориях и концепциях: теория трансформации университетских процессов (Р. Барнетт, Б. Ридингс, Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Ю. Р. Вишневецкий); теория университетского управления (Г. Розовски, Ф. Альтбах, Л. Райсберг, Д. Салми, И. Д. Фрумин, Я. И. Кузьминов, М. М. Юдкевич); концепция академической профессии (Ф. Альбах, Г. Беккер, Р. Н. Абрамов, М. М. Юдкевич, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев); концепция академического (стратегического) развития персонала в высшем образовании (К. Fraser, R. Blackwell, P. Blackmore, A. Brew, R. Di Napoli, H. Fry, B. Grant, A. Lee, S. Clegg, G. Handal); теория образовательных общностей (Ф. Тённис, В. А. Ядов, Г. Е. Зборовский) и др.

При формировании человеческого капитала научно-педагогических работников университету необходимо сосредоточиться на отражении потребностей научно-педагогических работников. Для этого требуется гармоничная и целостно выстроенная стратегия академического развития научно-педагогических работников, основанная на многовекторном анализе их потребностей с последующей адаптацией программ академического развития к спектру выявленных потребностей; определении эффективности и (при необходимости) модернизации системы корпоративного академического развития.

Человеческий капитал научно-педагогических работников становится определяющим элементом для эффективного функционирования учреждений высшего профессионального образования, а также наращивания конкурентоспособности университета. Наибольшее внимание уделяется формированию и развитию человеческого капитала научно-педагогических работников, что обусловлено синтезом выполняемых ими профессиональных задач, ключевых

для работы вуза: обязательное сочетание образовательной и научно-исследовательской деятельности и административно-управленческого и предпринимательского функционала.

Человеческий капитал научно-педагогических работников становится условием не только их индивидуальной профессиональной успешности, но и коллектива структурного подразделения (кафедры, факультета, института) и университета в целом. Обозначенная необходимость развития и поддержания на высоком конкурентоспособном уровне человеческого капитала научно-педагогических работников актуализирует поиск и применение конкретных стратегий развития персонала. Высокий профессионализм научно-педагогических работников учреждений высшего образования позитивно влияет на эффективность образовательного процесса и подготовку конкурентоспособных кадров для всех сфер экономики.

Результатом планомерного и эффективного академического развития научно-педагогических работников являются: расширение их профессиональных возможностей и перспектив карьерного роста, улучшение материального благосостояния научно-педагогического работника (не только посредством роста заработной платы, но и получения грантового финансирования, отчислений от использования интеллектуальной собственности и пр.) и получение иных профессиональных преимуществ.

На разных этапах карьерного продвижения научно-педагогическому работнику требуется специфический комплекс программ и форм академического развития. В ходе освоения научно-педагогическими работниками спектра компетенций в рамках гармонично сформированного и структурированного цикла корпоративного академического развития повышается возможность их профессионального и карьерного роста, происходит его закрепление в академической сфере и повышается конкурентоспособность.

Академическое развитие научно-педагогических работников – одно из направлений повышения конкурентоспособности отечественных вузов. Академическое развитие научно-педагогических работников университета – одно из приоритетных направлений повышения конкурентоспособности отечественной системы образования и поддержания ее на высоком уровне.

Благодарность: статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Институциональный дизайн экосистемы образования взрослых: концептуальная архитектура и вариативные модели для цифрового общества» (соглашение №23-78-10085).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кичерова, М. Н. Неформальное образование как ресурсный потенциал развития человеческого капитала (на примере Тюменской области) / М. Н. Кичерова, Г. З. Ефимова, М. Ю. Семёнов // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 98–109.
2. Кичерова, М. Н., Влияние неформального образования на человеческий капитал: поколенческий подход / М. Н. Кичерова, Г. З. Ефимова // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24. – № 2 (99). – С. 316–338.
3. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе / Г. Е. Зборовский [и др.] – Екатеринбург. – Гуманитарный университет. – 2017. – 400 с.

УДК 355.233.231.1

СИСТЕМА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Литвинский М. В.

*сотрудник аппарата Государственного пограничного комитета Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь*

Военно-патриотическое воспитание является важнейшим компонентом образовательного процесса в военных вузах нашей страны. Основной задачей военно-патриотического воспитания курсантов является развитие у них духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование военно-профессионально значимых качеств, моральной и психологической готовности к защите Отечества, верности конституционному долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности.

Задача формирования патриотического сознания и патриотизма курсантов военных вузов как их внутреннего мобилизующего ресурса становится в настоящее время в высшей степени актуальной. Это обусловлено тем фактом, что эффективность решения возложенных на воинские подразделения задач в современных условиях военной угрозы со стороны недружественных стран во многом зависит не только от профессиональной подготовленности их личного состава, но и высокого уровня патриотического сознания военнослужащих. Актуальность этой задачи отражена в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, где определено, что внутренним источником военных угроз в военной сфере является «ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан к вооруженной защите независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь» [1].

Военно-патриотическое воспитание курсантов является важнейшим звеном целостного воспитательного процесса в военном вузе, непрерывного педагогического воздействия, осуществляемого как в процессе подготовки к будущей профессиональной деятельности: на занятиях по тактике, при изучении уставов, оружия и боевой техники, в ходе специальных тренировок и учений, так и в процессе реализации всей комплексной системы воспитания курсантов. Этот основополагающий принцип органично вытекает из единства целей, задач, содержания, методов военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания курсантов военных вузов, так как патриотический потенциал личности курсанта военного вуза представляет интегративное качество, в котором синтезированы мировоззренческая зрелость, нравственная убежденность, ценностная ориентация, социально-активная жизненная позиция и ответственное социальное поведение.

В настоящее время разработаны различные подходы к совершенствованию системы военно-патриотического воспитания курсантов в военном вузе [2,3,4]. Как считают специалисты, военно-патриотическое воспитание курсантов в процессе воспитательной работы в военном вузе будет успешным при следующих педагогических условиях:

- планирование и организация воспитательной работы военного вуза на основе разработанной модели процесса военно-патриотического воспитания курсантов, включающей цель, задачи, принципы, содержание, формы и методы, средства запланированного результата;
- осуществление воспитательной работы на военных традициях и воинских ритуалах, которые призваны сформировать у будущих офицеров глубокие патриотические чувства, гордость за избранную профессию. Воинские традиции и ритуалы, обладая преемственностью, устойчивостью, исторической обусловленностью, ценностным характером, образуют специфический механизм воспитательного влияния и являются неотъемлемым условием патриотического воспитания курсантов;
- гуманитаризация содержания и обеспечение органического единства учебно-воспитательной работы и военно-патриотического воспитания курсантов;
- активизация участия профессорско-преподавательского состава в воспитательном процессе и осуществление индивидуального подхода в военно-патриотическом воспитании курсантов.

Таким образом, военно-патриотическое воспитание курсантов является ключевой частью целостного воспитательного процесса в военном вузе, перманентного педагогического воздействия, направленного на формирование у курсантов высоких военно-профессиональных, морально-боевых и патриотических качеств, возвышенного чувства верности своему Отечеству, безусловной готовности к выполнению гражданского долга.

В современной Беларуси модернизация республиканской системы военно-патриотического воспитания становится приоритетной задачей государства и общества. В этой связи теоретическое обоснование совершенствования методов и технологий военно-патриотического воспитания курсантов военных вузов является важным ресурсом для повышения качества этой работы. При этом дальнейшее развитие системы патриотического воспитания курсантов белорусских военных вузов и ее совершенствование на новой методологической и технологической основе должно осуществляться в контексте обеспечения военной безопасности Республики Беларусь, а также необходимости формирования у военнослужащих чувства единения и солидарности с братским народом России – нашим стратегическим партнером и гарантом нашей независимости и территориальной целостности в рамках Союзного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 09.11.2010 г., № 575 : в ред. Указа от 24.01.2014 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276, 1/12080.
2. Моисеенко, В. Г. Формирование патриотических качеств военнослужащих органов пограничной службы в современных условиях / В. Г. Моисеенко // Патриотизм как важнейший фактор цивилизационного кода белорусского общества. Формирование патриотизма у сотрудников органов пограничной службы в современных условиях : материалы Респ. круглого стола, Минск, 12 апр. 2017 г. – Минск : ГУО «ИПС РБ», 2017. – С. 5–14.
3. Волченкова, Л. К. Формирование патриотизма будущих офицеров-пограничников на основе компетентностного подхода / Л. К. Волченкова // Вестник Института пограничной службы Республики Беларусь. – 2018. – №2. – С. 22–29.
4. Дорофеев, А. М. Военно-патриотическое воспитание курсантов морского вуза: сущность и определение / А. М. Дорофеев // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 6. – С. 15–21.

УДК 316.422.44

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Мартыненко Т. С.

*доцент кафедры современной социологии МГУ имени М. В. Ломоносова
кандидат социологических наук
г. Москва, Россия*

Современная социология уделяет значительное внимание социальным последствиям внедрения технологий искусственного интеллекта. При этом изучение этого феномена в рамках социальных наук обладает своей спецификой, поскольку в сравнении с техническими науками, гуманитарно-социальное знание представляет собой трудно формализуемую область человеческого знания. Социология также не может обойти стороной возможности, которые дают эти технологии для развития социологических методов исследования общества. Как отмечают исследователи, социологи стремятся найти дополнительные возможности для анализа текстов, сбора данных, включающих в том числе теоретическое тестирование, сетевой анализ и социальное развитие [1]. По мнению российского ученого А. А. Гребенюка, внедрение новейших технологий должно способствовать формированию нового направления – цифровой социологии, которая будет способна, помимо прочего, формировать цифровой профиль человека и особенности его поведения в сети; формулировать цифровые методы получения первичных социальных данных; интегрировать «большие данные» в анализ социальных процессов [2].

Наряду со сбором данных при помощи различных языков программирования, сегодня социологи широко обсуждают вопрос о том, чтобы вместо традиционных подходов к сбору эмпирической информации обращаться к таким сервисам, как, например, Механический турок от компании Амазон. Сервис «Механический турок» позиционируется как краудсорсинговая платформа, позволяющая использовать человеческие ресурсы для обработки задач, которые не в состоянии выполнить современные технологии (или задач, которые пока выполняются менее эффективно).

Несмотря на то, что мы регулярно видим новую информацию о достижениях технологий искусственного интеллекта, ограничений у этих систем довольно много. Так, как известно, функционирование современных компьютерных систем связано с распространением Больших данных – массивного объема информации в цифровой форме. Особенностью Больших данных является не только объем, но и неструктурированность, что затрудняет возможности их обработки и анализа. Соответственно деятельность людей в системах искусственного интеллекта, вроде «Механического турка», связана с обработкой информации и предоставлением её в более удобной форме. Это необходимо, поскольку низкое качество изначальных данных приводит к снижению конечных результатов и является преградой на пути машинного обучения. Таким образом, работа предполагает анализ многочисленных визуальных и аудиальных данных, приведение их к более читаемой и однородной форме (например, перевод аудиозаписи в текст, указание на конкретные объекты на фотографиях или выбор фотографии лучшего качества). Этот вид деятельности

получил название «задача человеческого интеллекта» (Human Intelligence Task – HIT). Сегодня подобные виды деятельности, которые можно характеризовать как микрозанятость включает не только обработку людьми задач компьютерных систем, но и трудовую деятельность курьеров и водителей такси на таких платформах, как Uber, Amazon и др. Российским аналогом сервиса Механический турок, но уступающего ему по масштабу и уровню задач, является приложение Толока от компании Яндекс.

В социальных науках сегодня широко обсуждается вопрос не только анализа сервиса «Механический турок» в качестве новой формы занятости, но и его возможностей и ограничений для сбора первичной социальной информации. Подобные попытки связаны с особенностями, а точнее ограничениями, традиционных социологических методов. Так, например, опрос (даже в формате онлайн) представляет собой чрезвычайно дорогостоящее мероприятие, требующее привлечения значительного числа ресурсов, как трудовых, так и временных. В то же время сбор данных при помощи языков программирования может быть затруднен для социологов по ряду причин. Во-первых, необходимость серьезного повышения квалификации социологов может быть сопряжена с трудностями. Во-вторых, доступ к данным может быть доступен лишь в ряде систем. Таким образом, сервисы, подобные Механическому турку, могут быть полезны для социологических исследований.

Тем не менее, несмотря на относительно низкую стоимость и масштабность подобных способов сбора информации, выводы, к которым приходят исследователи, нельзя назвать оптимистичными. Результаты ряда исследований демонстрируют существенные различия, во-первых, социально-демографических характеристик пользователей этого сервиса в сравнении с выборками, формируемыми классическими способами, во-вторых, особенностей поведения в сети и установок сотрудников этих сервисов и тех, кто с ним не связан [3].

Аналогичным образом серьезно меняется образование в области социальных и гуманитарных наук. Уже сегодня эти технологии принимают участие в контроле над образовательным процессом, построении индивидуальной образовательной траектории, оценке результатов обучения и др. Этот процесс является весьма противоречивым и несет с собой не только положительные эффекты, но и негативные социальные последствия, многие из которых становятся вызовом современному образованию, особенно гуманитарному. Одной из таких технологий являются нейросети для написания текстов.

В 2020 году компания OpenAI разработала новый алгоритм обработки естественного языка GPT-3, ставший наиболее серьезным достижением в этой области за последние годы. За прошедшие два года доступ к подобным технологиям генерации текстов стал доступным не только на английском, но и на русском языке, кроме того, аналогичные модели представили другие компании, например отечественный Яндекс. Особенностью создаваемых текстов является не только возможность создавать контент для конкретных целей (например, реклама, отзыв и др.), но и их оригинальность, то есть генерируемые тексты легко проходят проверку на плагиат, поскольку нейросети «учатся» на значительных массивах информации и могут избегать повторений.

Широкое распространение генераторов текста не обошло стороной и сферу гуманитарного образования. Все чаще стали поступать новости о том, что нейросеть GPT-3 и подобные стала использоваться учащимися для выполнения домашних работ, связанных с написанием текстов [4; 5]. Несмотря на то, что тексты, созданные подобным образом, далеко не всегда получали высокую оценку, в научной и образовательной среде стали все чаще возникать вопросы относительно того, как избежать подобной подмены и выявить работу, написанную самостоятельно.

Нейросети становятся вызовом прежде всего для гуманитарных направлений, поскольку они преимущественно связаны с работой с текстами: с их написанием, редактированием, изучением. И совершенно очевидно, что отрицать новейшие технологии уже не получится – слишком быстро они проникают в нашу жизнь. Согласно результатам исследования Д. Ву и его коллег, в образовании необходимо использование этих технологий, но с учетом их особенностей. В частности, они выявили, что технологии искусственного интеллекта весьма полезны для тех, кто только учится писать тексты, поскольку выступает некой опорой. Кроме того, нейросеть требует четкой формулировки запроса, что тоже помогает учиться работать над текстами [6].

Таким образом, встает вопрос об адаптации социальных наук к технологиям искусственного интеллекта. Следующим шагом должна стать выработка соответствующих правил и процедур,

которые помогут эффективно использовать эти инструменты в образовательном процессе и научной деятельности. Важно помнить, что преградами на пути их внедрения могут стать консерватизм, низкий уровень цифровой грамотности и доступа к технологиям. Решением этих вопросов или, как минимум, снижением их влияния, и предстоит заняться в ближайшее время специалистам в области социальных наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Некоммерческого Фонда развития науки и образования «Интеллект».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Zhang, Z. Artificial Intelligence Within Sociology at the Taft School // Proceedings of the 2018 International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2018). – Atlantis Press, 2019. – P. 154–157. – <https://doi.org/10.2991/erss-18.2019.30>.
2. Цифровая социология против экстремизма: экспертное мнение [Электронный ресурс] // Центр профилактики.рф. – Режим доступа: <https://центрпрофилактики.рф/page17977262.html>. – Дата доступа: 20.09.2023.
3. Hargittai, E., Shaw, A. Comparing Internet Experiences and Prosociality in Amazon Mechanical Turk and Population-Based Survey Samples // Socius, 2020. – Vol. 6. – P. 1–11. –doi:10.1177/2378023119889834.
4. Савкин, И. Студенты начали использовать ИИ для написания рефератов [Электронный ресурс] // Код Дурова. – 17.10.2022. – Режим доступа: <https://kod.ru/studenti-ispolzuut-ai-dlya-echebi>. – Дата доступа: 28.01.2023.
5. Ялалов, Д. Использование ИИ в написании эссе: новый тренд среди студентов [Электронный ресурс] // Metaverse Post. 29.12.2022. – Режим доступа: <https://mpost.io/ru/the-use-of-ai-in-writing-essays-a-new-trend-among-students/> – Дата доступа: 28.09.2023.
6. Woo, D., Wang, Ya., Susanto, H. Student-AI Creative Writing: Pedagogical Strategies for Applying Natural Language Generation in Schools / Arxiv. 2022. – Mode of access: <https://arxiv.org/pdf/2207.01484.pdf>. – Date of access: 28.09.2023.

УДК 378.147

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Мороз О. В.

*старший преподаватель ГрГУ имени Янки Купалы
магистр управления
г. Гродно, Беларусь*

Современный мир стал настолько динамичен, что термин мобильность, возможно, скоро будет трансформирован, однако в системе образования требования современности уже реализуются и все чаще можно услышать слово «цифровизация». Что же такое цифровизация и насколько информационно-коммуникационные технологии позволяют оптимизировать учебный процесс миру показала ситуация с COVID-19. Тогда многие учреждения образования вынужденно и достаточно оперативно изменили процесс обучения, причем для некоторых стран эти изменения были достаточно колоссальными.

В нашей республике из-за пандемии ряд учреждений образования, в том числе и высшего, вынужденно перешли на формат дистанционного обучения.

Черняева Э. П. говорит, что «...Информатизация общества представляет собой процесс прогрессивно нарастающего использования информационной техники для производства, переработки, хранения и распространения информации и особенно знаний. Результатом этого является возникновение информационного общества, знаменующего радикальные преобразования не только в сфере производственных структур и технологий, но главным образом в сфере социальных и экономических отношений...» [1].

Для образовательной среды сегодня это стало актуальным. В настоящее время сложно представить процесс обучения без использования каких-либо платформ цифровизации. Однако возникает вопрос о преимуществах и недостатках такого образовательного пространства.

К преимуществам дистанционного обучения стоит отнести: получение знаний в любое время в любом месте – здесь каждый подстраивает обучение под свой личный график – после работы

(если речь идет про работающих студентов), в дороге, или в спокойной обстановке дома. Вместе с тем дистанционное обучение кроме указанного требует самодисциплины и самосовершенствования – студент самостоятельно определяет, какое время какому предмету будет отведено. Не стоит забывать, что эти преимущества актуальны в случае заинтересованности студента в саморазвитии.

В Гродненском государственном университете имени Янки Купалы началась разработка цифровых учебно-методических комплексов еще в 2021 году и успешно реализуется и до настоящего времени [3]. Студенты положительно отзываются и используют возможности данной платформы для получения образования, повторения и закрепления тем и разделов, ну и, конечно, контроль знаний. В чем преимущества для преподавателя использования данной цифровой платформы? В первую очередь, конечно, функционал – возможность размещения сторонних ресурсов и собственных видео и аудио файлов. Фактически единожды разработав банк вопросов можно предложить ранжированные настройки и дополнения потребуются только в плане актуализации информации.

И следом за этим еще одно преимущество – доступность учебных материалов. Поскольку у некоторых студентов возникает проблема доступа к учебникам, методичкам и практикумам, такой формат образования предполагает возможность доступа к необходимым материалам в цифровом варианте здесь и сейчас.

Но цифровизация образования не лишена и отрицательной стороны. Одним из самых важных минусов выступает сама цифровизация, а значит взаимодействия преподаватель – студент сводятся к минимуму, это приемлемо для дистанционного, заочного обучения, однако для традиционной, дневной формы обучения этот минимальный контакт приведет к снижению коммуникационных навыков и навыков командной работы.

Не менее важной отрицательной стороной становится осуществление контроля. В случае с проверкой знаний, изучением или итоговой формой контроля – варианты будут отличны. Бесспорно, первое, что приходит на ум – использование видео, которое облегчает контроль, но не исключает недобросовестности студента и возможной помощи со стороны. Еще одним вариантом является разработка творческих заданий, на которые невозможно найти прямого ответа. Современные студенты очень креативны, динамичны и преподавателю необходимо совершенствоваться не для того, чтобы быть «на одной волне», а скорее, чтобы быть на «шаг впереди».

И в завершении рассмотрения всех преимуществ цифровизации обучения, нужно помнить, что не для всех специальностей и профессий можно использовать данные возможности. На сегодняшний день, цифровой формат учебного процесса оптимален, когда требуется изучить теоретический материал, а вот практическая составляющая остается за человеком – педагогом, практиком, профессионалом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Черняева, Э. П. Информационные технологии в образовательном процессе современного вуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2016/56945.htm>. – Дата доступа: 01.10.2023.
2. Поляков, М. И. Цифровизация образовательного процесса: взгляд студента / М. И. Поляков, А. З. Григорян // Актуальные исследования, 2021. – №23 (50). – С. 43–47. – Режим доступа : <https://apni.ru/article/2548-tsifrovizatsiya-obrazovatel'nogo-protsessa>. – Дата доступа : 02.10.2023.
3. В ГрГУ имени Янки Купалы началась разработка цифровых учебно-методических комплексов (ЦУМК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.grsu.by/component/k2/item/39879-v-grgu-imeni-yanki-kupaly-nachalas-razrabotka-tsifrovyykh-uchebno-metodicheskikh-kompleksov-tsumk.html>. – Дата доступа: 01.10.2023.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Морозов А. В.

*профессор Института государственной службы Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
доктор филологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

В современных условиях функционирования общества важная роль принадлежит коммуникационному менеджменту – самостоятельному виду управления, профессиональной деятельности, направленной на достижение эффективной коммуникации как внутри организации, так и между организацией и ее внешней средой путем осуществления вырабатываемой коммуникационной политики. Как нами было показано ранее [1, с. 158-159], первостепенное значение в рамках рассматриваемой проблематики имеет проблема коммуникативной эффективности делового общения и связанная с ней задача повышения уровня соответствующей компетентности сотрудников организаций. Коммуникативная компетентность современных специалистов самого разного профиля заключается в мастерстве установления, поддержания и совершенствования эффективных социальных отношений, хорошей осведомлённости в области коммуникационного менеджмента и способности результативно воплощать накопленные знания, навыки и умения в процессе трудовой деятельности.

В настоящее время в системе социального знания следует выделить следующие основные направления коммуникационного менеджмента.

1. *Брендинг* (Branding), главная задача которого состоит в разработке оптимального образа бренда, соответствующего интересам и ценностям целевой аудитории, для которой бренд – целостный образ, возникающий при упоминании организации (учреждения, предприятия, компании, фирмы), её услуг или продукции.

2. *Связи с общественностью* (Public Relations, PR) определяют как комплекс взаимоотношений между субъектом (организацией) и ее объектом (общественностью). В частности, С. Катлип, А. Сентер и Г. Брум в многократно переизданной книге «Паблик рилейнз. Теория и практика» формулируют дефиницию данного феномена применительно к менеджменту организации и социальным отношениям: согласно мнению американских ученых, связи с общественностью представляют собой такую разновидность управленческой деятельности, которая отвечает за определение, установление и поддержание взаимовыгодных взаимоотношений между определенной организацией и теми многочисленными группами общества, от которых зависит успех или неудача деятельности данной организации [2, с. 20-51]. В более широком понимании связи с общественностью представляет собой влияние, направленное на позитивизацию общественного мнения и, в перспективе, отношения общественности к конкретному инициатору PR-процесса.

3. *Взаимодействие с деловыми партнерами и связи с инвесторами* (Investor Relations, IR) – по сути, являет собой важнейшую часть стратегии динамично развивающейся организации, выражающейся в разработке соответствующей программы и осуществлении на ее основе комплекса взаимосвязанных аналитических, информационных и ивент-мероприятий.

4. *Связи со средствами массовой информации и коммуникации* (Media Relations) – осуществляются как в режиме прямого выхода на общественность, так и через информирование работников СМИ. Как справедливо подчеркивает Н. И. Газалиева, «установление плодотворных деловых отношений с печатными и электронными средствами информации жизненно необходимо для любой государственной или коммерческой структуры» [3, с. 3]. Данные отношения, как правило, носят двусторонний, взаимовыгодный характер.

5. *Имиджмейкерство* (Image Making) – широко применяется для создания управляемого имиджа, сформированного образа, в котором выделяются ценностные характеристики и черты, оказывающие определенное воздействие на окружающих. Четырехэтапная модель (алгоритм) формирования имиджа подразумевает следующую последовательность действий: определение

требований и интересов аудитории, выявление сильных и слабых сторон объекта, конструирование образа, перевод желаемой модели в реальность.

6. *Репутационный менеджмент* (Reputation Management) – представляет собой комплекс мер по формированию, поддержанию и защите репутации личности или организации, базирующейся на их объективных характеристиках, параметрах (факторах) и показателях. Репутация помогает индивиду существенно экономить в социальном взаимодействии, так как в качестве общественного явления данный феномен функционально связан с таким понятием, как доверие, что позволяет значительно сокращать во времени сам процесс формирования этого доверия.

7. *Спонсорство и благотворительность* (Sponsorship and Charity) – своеобразные индикаторы социальной ответственности конкретной организации или личности. Можно утверждать, что в контексте спонсорства и благотворительности имиджмейкерство и репутационный менеджмент, по существу, представляют собой управление двумя взаимодополняющими процессами – организацией спонсорского акта (события) и распространением информации о нем. Осуществляемые в рамках спонсорства и благотворительности социокультурные проекты способны улучшить позитивное мнение об организации и её руководстве намного эффективней прямой рекламы, так как реализация данных проектов зачастую направлена на решение острых социальных проблем, в том числе уязвимых групп населения.

8. *Продвижение территорий, организаций, товаров и услуг* (Promotion of territories, organizations, goods and services) охватывает технологии стратегического планирования и реализации маркетинговой деятельности. Так, программа продвижения территории (Place Promotion Plan) как инструмент коммуникационного менеджмента представляет собой систему маркетинговых действий, которые выявляют и эффективно поддерживают конкурентные преимущества определенной территории. Под продвижением организации понимается любой вид информирования целевой аудитории о ее деятельности, производимой продукции и (или) предоставляемых услугах. Для этого руководитель организации в своей управленческой деятельности должен уметь использовать различные инструменты коммуникационного менеджмента, выбирая их по критериям доступности и эффективности: в частности, в качестве средств продвижения организации может выступать транслирование информации с помощью СМИ, почтовой рассылки, отраслевых выставок, презентаций и других социально ориентированных мероприятий.

Особенностью коммуникационного менеджмента является то, что он не рассматривает систему управления информационными процессами с точки зрения технических средств осуществления (источник, сообщение, передатчик, каналы, помехи, приемник, обратная связь), а акцентирует внимание на социальном аспекте технологии управления, где определяющим компонентом является человеческий фактор, прежде всего, личность специалиста, обладающего необходимыми навыками инновационной деятельности. Поэтому ключевое значение для развития организаций и предприятий, совершенствования белорусского общества в целом, имеет присущий коммуникационному менеджменту высокий уровень инновационной составляющей.

Обучение по всем направлениям коммуникационного менеджмента должно стать одной из приоритетных задач в процессе подготовки специалистов нового поколения в высших учебных заведениях Республики Беларусь, так как совершенствование коммуникативной компетентности в структуре личностных детерминант специалиста играет определяющую роль не только в разнообразных актах коммуникации, но и при осуществлении двух других сторон социальных отношений – перцепции (оценка партнера по общению) и интеракции (совершение совместных действий). Передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием учебных программ по всем направлениям коммуникационного менеджмента, должно осуществляться с использованием следующих форм и методов проведения занятий: технологий проблемного изложения учебного материала на лекционных занятиях; анализа конкретных ситуаций и видео-кейсов; ситуационного моделирования; осуществляемого в ходе деловых игр и тренингов интерактивного взаимодействия при выполнении практических заданий; разработки творческих проектов по актуальным вопросам управления и развития социальных отношений.

Таким образом, проведенный анализ роли коммуникационного менеджмента в системе современного социального знания позволил сделать следующие выводы.

1. Содержательное наполнение коммуникационного менеджмента определяется его основными направлениями: брендинг; связи с общественностью; взаимодействие с деловыми партнерами и инвесторами; связи со средствами массовой информации и коммуникации; имиджмейкерство; репутационный менеджмент; спонсорство и благотворительность; продвижение территорий, организаций, товаров и услуг.

2. В современных социально-экономических условиях коммуникационный менеджмент должен стать составной частью подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в высших учебных заведениях Республики Беларусь.

3. Формирование и развитие коммуникативной компетентности специалистов принципиально важно осуществлять на основе инновационной составляющей коммуникационного менеджмента и его основных направлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морозов, А. В. Коммуникационная проблематика социологии организаций / А. В. Морозов // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3-4 ноября 2022 г. / ред.кол. : Мысливец Н. Л. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – С. 157–160.

2. Катлип, С. Паблик рилейшнз. Теория и практика / Скотт Катлип, Аллен Сентер, Глен Брум. – М. : Вильямс, 2008. – 624 с.

3. Газалиева, Н. И. Паблик рилейшнз: Учебное пособие [Электронный ресурс]. / Н. И. Газалиева. – Ч. 2. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2018. – Режим доступа: https://eor.dgu.ru/lectures_f/ЭЛЕКТРОННЫЙ_УЧЕБНИК_Газалиева/project/pl.html. – Дата доступа: 05.10.2023.

УДК 371.3+316.344

ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Островский С. Н.

*доцент кафедры экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности БГЭУ
кандидат психологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на систему образования практически всех стран мира. Так, в 2020-м году в 192 странах были санкционированы общенациональные локдауны, что привело к прерыванию обучения почти для 1,58 миллиарда учащихся (91,4% от общего числа учащихся). Это побудило в странах, охваченных пандемией COVID-19, внедрить дистанционную форму обучения [1]. Некоторые IT-компании и фонды выпустили ряд инструментов, направленных на продвижение систем управления дистанционным обучением, систем обучения мобильным технологиям, массовых открытых онлайн-курсов, контента для самостоятельного обучения, платформ совместной работы, поддерживающих видеосвязь в реальном времени, инструментов, которые можно загрузить для автономного обучения, и инструментов для учителей для создания цифрового учебного контента.

Надо отдать должное, что учителя и преподаватели проявили творческий подход, приняв различные стратегии, основанные на информационных технологиях, проводя уроки с помощью видеоконференций и платформ онлайн-обучения, а также обмениваясь учебными материалами и рабочими листами с учащимися через школьные интранеты и платформы обмена сообщениями.

В целом учителя и учебные организации быстро адаптировались к мерам по борьбе с пандемией и поддержали усилия правительства своих стран по внедрению дистанционного обучения. Так, например, по данным Международного валютного фонда, почти все правительства увеличили расходы на образование. Значительная часть этих средств была использована для внедрения онлайн-технологий и технологий дистанционного обучения, и существует мало свидетельств того, что финансирование было направлено на заработную плату учителей или обучение использованию онлайн-технологий. Перевод учебных материалов в цифровой формат в короткие сроки был непростой задачей, поскольку немногие учителя обладали достаточными навыками в области цифровых технологий. Во многих странах Юго-Западной Азии и Африки к

югу от Сахары только около 20 % домашних хозяйств имеют доступ в Интернет, и лишь немногие имеют персональные компьютеры и доступ в Интернет. Так, в Перу только 35 % учителей имеют доступ к компьютеру и Интернету. Поэтому правительство Перу использовало телевизионные и радиоканалы для предоставления студентам занятий и контента, а также онлайн-платформы. В Камеруне, по некоторым оценкам, всего 20-25 % учителей имеют доступ в Интернет и что большинству учителей не хватает навыков в области ИКТ [1].

Внедренное в условиях пандемии дистанционное обучение выявило ряд недостатков: это падение ценности непосредственного межличностного общения, изменение устоявшихся социальных стереотипов и норм, ухудшение психосоциального и психоэмоционального развития всех участников учебно-образовательного процесса. Это связано с тем, что постоянное использование различных электронных устройств оказывает комплексное воздействие на человека, увеличивает зрительную и нервно-психическую нагрузку, может негативно воздействовать на память, физическую и социальную активность участников образовательного процесса [3]. В результате в период пандемии в сообщениях студентов и школьников отмечалась преимущественно негативная тональность (74 %), что отражало их психоэмоциональное состояние. Пик негативных сообщений, связанных со стрессом и психологическим благополучием студентов, наблюдался в сентябре–октябре 2020 г., в связи с переходом на дистанционные формы обучения [2].

В целях минимизации негативного влияния дистанционного обучения на учебный процесс и учащихся необходимо внедрить следующие меры:

- использовать альтернативные методы обучения во всех учебных учреждениях;
- применять разноуровневые проблемные задания, которые будут призваны использовать практическое мышление;
- улучшить качество информирования студентов по всем вопросам организации образовательного процесса в вузе;
- развивать систему внутривузовских сервисов по повышению уровня психологической культуры и стрессоустойчивости студентов;
- создать доступные службы психологической помощи студентам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. COVID-19 Educational Disruption and Response. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unesco.org/en/articles/covid-19-educational-disruption-and-response>. – Дата доступа: 18.07.2023.
2. Александрова, Ю. К. Ситуация с качеством образования в период пандемии: что показывает анализ больших данных / Ю. К. Александрова [и др.]. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – 39 с.
3. Phoenix, M. Children with Disabilities Face Health Risks, Disruption and Marginalization under Coronavirus. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/children-with-disabilities-face-health-risks-disruption-and-marginalization-under-coronavirus-137115>. – Дата доступа: 18.07.2023.

УДК 316.77

УСЛОВИЯ И БАРЬЕРЫ ИННОВАЦИОННОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Павлова Е. Г.

*доцент кафедры социологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Инновационное творчество предполагает выход за пределы норм, предусмотренных в социуме. Когда инноватор создаёт новый продукт он выходит за рамки, предписанные в социальной системе, поэтому мы можем рассматривать инновационное творчество как форму конструктивной девиации. А поскольку нарушается норма общества, то в силу вступают определённые санкции, т. е. барьеры на пути инновационного творчества предстают как элементы системы социального контроля.

Термин «социальный контроль» введён в научный обиход французским социологом и социальным психологом Гербертом Тардом и первоначально понимался как средство возвращения преступника к нормальному, т. е. соответствующему нормам общества поведению. В дальнейшем этот термин приобрёл более широкое содержание, был тесно увязан с процессами

социализации личности. Американские социологи Э. Росс и Р. Парк интерпретировали социальный контроль как целенаправленное влияние общества на поведение индивида, обеспечивающее нормальное соотношение между социальными силами, ожиданиями, требованиями и человеческой природой и, вследствие этого, «здоровый социальный порядок». Р. Парк выделял три формы социального контроля: 1) элементарные санкции (в основном принудительные); 2) общественное мнение; 3) социальные институты. Французский социолог Р. Лапьер рассматривал социальный контроль в качестве средства, обеспечивающего процесс усвоения индивидом ценностей и норм культуры, и механизма передачи этих ценностей и норм от поколения к поколению. В современном понимании социальный контроль представляет собой способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих её элементов посредством нормативно-правового регулирования.

Сегодня эвристика – наука о методах и правилах анализа проблемных ситуаций и поиска новых решений. Она базируется на следующих эвристических принципах новаторского творчества:

1. Каждую задачу, как правило, можно решить несколькими методами.
2. Для каждого класса задач известно определённое число стандартных методов, но достигнутые с их помощью решения, к сожалению, часто тривиальны.
3. Нестандартные для данного класса задач новые методы, не имеющие близкого аналога в прошлом, редко приводят к решению, но найденные решения в большинстве случаев ярки и оригинальны.
4. Любую изобретательскую задачу, не противоречащую законам бытия, которую человек на данном этапе своего развития может поставить, он в принципе может решить.
5. Оригинальность решения прямо пропорциональна расстоянию между областями, откуда взяты аналогии.
6. Творческий потенциал присущ каждому человеку. Творческие способности развиваются, их можно культивировать.
7. В оптимальном случае изобретатель должен иметь в равной степени развитые противоположные способности: с одной стороны – интеллектуальную мобильность и гибкость мышления, а с другой – критичность оценки, в том числе и собственных шагов и действий [1].

Механизм функционирования системы социального контроля включает четыре звена. Первое, «индивидуальное действие» – новатор совершает открытие и направляет свои знания на общественное обсуждение. Второе, «социальная шкала оценок» – общество оценивает индивидуальное действие, изобретение, как соответствующее либо не соответствующее нормам и применяет санкции. Третье, «санкции» – позитивные, негативные, формальные, неформальные. Четвёртое, «индивидуальная шкала оценок» – новатор саморефлексирует относительно реакции общества на своё изобретение. Если он согласен и принимает оценку, то система социального контроля сработала. Если изобретатель отвергает санкционную реакцию общества на своё индивидуальное действие, то социальный контроль оказался не эффективен.

Санкции – система вознаграждений и наказаний за выполнение (конформизм) либо отклонения (девиация) от норм. Выделяют четыре типа санкций: позитивные и негативные, формальные и неформальные. Они дают четыре типа сочетаний:

- формальные позитивные санкции – публичное одобрение со стороны официальных организаций: правительственные награды, государственные премии, стипендии, учёные степени и звания;
- неформальные позитивные санкции – публичное одобрение, не исходящее от официальных организаций: дружеская похвала, комплименты, аплодисменты, лестные отзывы, улыбка;
- формальные негативные санкции – наказания, предусмотренные юридическими законами, правительственными указами, административными инструкциями: тюремное заключение, штраф, конфискация имущества, разжалование, смертная казнь, отлучение от церкви;
- неформальные негативные санкции – наказания, не предусмотренные официальными инструкциями: порицание, замечание, насмешка, злая шутка, пренебрежение, отказ подать руку, жалоба, разоблачительная статья.

Таким образом, индивидуальное самосознание, оценка ситуации индивидом – критический пункт воздействия социального контроля. Любое воздействие со стороны социального целого в случае, если оно полностью нейтрализовано шкалой индивидуальных оценок, теряет свой

контролирующий эффект. Социальный контроль перестаёт существовать, если он не влияет на самосознание индивида.

Реализация изобретательского решения представляет собой следующую последовательность приёмов:

1. Точно сформулировать вопрос, ответ на который мы ищем. Необходимо строго ограничивать область исследования.
2. Оценить, является ли истинный ответ на поставленный вопрос возможным с точки зрения имеющихся знаний.
3. Разбить задачу на подзадачи и подвопросы и искать ответы на них сначала выведением решения из известных истин или сведением к решению подобных задач.
4. Прямо вывести решение из уже имеющихся знаний, если это возможно.
5. Выдвинуть гипотезы методом полной или неполной индукции или аналогии.
6. Сопоставить полученный результат с известными знаниями.
7. Проверить точность использования логических приёмов.
8. Проверить правильность всех определений и суждений, используемых в решении.
9. Стремиться к выработке наглядных образов объектов задачи.
10. Результат решения формулировать логически строго.
11. Оценить все «за» и «против» полученного результата.

На пути поиска решений творческих задач возникают определённые барьеры, ограничивающие изобретательское творчество. Эти барьеры должен знать каждый творческий человек и стремиться их успешно преодолеть. Пархоменко В. П. в монографии «Основы технического творчества» приводит четыре типа таких барьеров:

1. Исторически обусловленные барьеры, связанные с принципом исторической последовательности и преемственности научных и практических знаний. Нередко изобретения, опережающие сложившиеся стереотипы в общественном сознании из-за низкой образованности населения, приводили к тому, что авторы подвергались преследованиям.

2. Гносеологические барьеры, связанные с тем, что в обществе в разные периоды его развития господствуют определённые теории, взгляды, методы познания, которые тормозят изобретательскую деятельность.

3. Психологические барьеры, связанные с психологическими особенностями восприятия нового, обусловленные тем, что не всегда можно оценить соответствие изобретения общественным потребностям. Отсутствие такой уверенности порождает вопрос: «А может быть, это изобретение вообще никому не нужно?». Если изобретатель знает, что до него за решение этой задачи брались «авторитеты» и задача не была решена, то такое неверие усиливается.

4. Социальные барьеры, которые рассматриваются обычно в двух аспектах – генетическом и поведенческом. Генетический аспект можно охарактеризовать как некоторую обусловленность творческого потенциала личности наследственностью. Известно немало примеров поразительного сходства не только внешности, но и характера родителей и детей, в связи с чем можно допустить наследование человеком и склонности к творческой деятельности. Поведенческий аспект проявляется избирательно. Есть люди, которые в силу своих особенностей не могут плодотворно работать над решением творческой задачи в составе группы. Они предпочитают трудиться без свидетелей, советов и критических замечаний, используя индивидуальные методы. Когда же решение найдено, они охотно показывают его окружающим и выслушивают критику. Такой человек, включённый в творческую группу, не только не сможет сам эффективно работать, но будет отрицательно действовать на других и мешать им.

Феномен неприятия инноваций, возникновение барьеров на пути инновационного творчества кроется в сознании индивидов. Традиционно, искомого социального одобрения со стороны социальной системы легче достичь, следуя сложившимся стереотипам и традиционному действию. Поэтому каждому творческому специалисту, занимающемуся инновационной деятельностью, следует учитывать вышеописанные условия и барьеры на пути инновационного творчества для продуктивного прохождения системы социального контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шаршунов, В. А. Как найти и защитить своё изобретение: справочное пособие / В. А. Шаршунов. – Минск : Мисанта, 2009. – 335 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ УЧЕНОГО БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Пацеева А. Г.

*доцент кафедры экономической социологии и
психологии предпринимательской деятельности БГЭУ
кандидат социологических наук, доцент
Минск, Беларусь*

Научно-исследовательская деятельность является одним из видов деятельности студентов. Участие в научной деятельности, самостоятельное осуществление отдельных исследований оказывает влияние на идентификацию студентов и их формирование, предоставляя им возможность осуществить осознанный профессиональный выбор. Привлекательность образа учёного обуславливает возможности выбора студентами научной деятельности в качестве будущей профессии. Студенты находятся на том этапе профессиональной социализации, который отличается широкой вариативностью усвоения норм и представлений. «В широком социальном контексте профессиональная социализация включает, с одной стороны, профессиональное становление и развитие личности, с другой стороны, представляет процесс социального становления индивида, усвоение им социального опыта, ценностей, норм, образцов поведения с последующим воспроизводством их в ходе своей трудовой деятельности» [1, с. 92]. Рассмотрение социализации как процесса интернализации социального опыта и представлений, позволяет связать особенности образа учёного студентов, с особенностями профессиональной культуры будущих учёных.

В работах исследователей прослеживаются несколько подходов к исследованию образа учёного. Во-первых, ставший классическим этический подход, направленный на изучение должных качеств учёных, морально-нравственных качеств, которые определяют этос учёного. Результатом этих исследований стало становление этики науки [2]. Во-вторых, образ учёного выступает в качестве методологической проблемы, которая исследуется как социологами, так и психологами, педагогами [3, 4]. Социологический анализ образа учёного позволяет отразить реальные, соответствующие текущей ситуации представления и имеет прикладной характер.

В данной статье предлагается анализ представлений студентов об образе учёного, осуществленный по результатам исследования «Престиж науки в массовом сознании студентов белорусских вузов», проведенного во второй половине 2022 года. Выборочная совокупность сформирована по принципу непропорциональной стратифицированной выборки и составила 800 человек.

Исследование образа учёного в предлагаемой работе основано на изучении набора качеств, которые по представлениям студентов необходимы представителям профессии. На вопрос о качествах, которыми, должны обладать ученые у респондентов была возможность дать несколько вариантов ответов. И самым часто упоминаемым качеством стал «интеллект» 87,1% участников исследования указали этот вариант. Наименее востребованным качеством стала черта «скромность» – 14,4% респондентов отметили эту черту. В ходе анализа, качества были дифференцированы на три основные группы: качества, связанные с исследовательской деятельностью, качества, связанные с общественной полезностью науки, личностные качества учёного. В таблице 1 приведено распределение ответов на данный вопрос, варианты ответа ранжированы.

Таблица 1. Распределение ответов о качествах, которыми, по мнению респондентов, должны обладать ученые, в % от общего количества респондентов

Качества		Доля ответов (в%)
1. Интеллект	Акцент на качества, связанные с исследовательской деятельностью	87,1
2. Навыки коммуникации		58,4
3. Возможность работать вместе		56,5
4. Честность		54,8
5. Надежность		50,5
7. Непредубежденность		38,3
6. Знание того, что хорошо для людей	Акцент на качества, связанные с общественной полезностью науки	45,8
7. Мораль		38,4
8. Альтруизм	Акцент на личностные качества учёного	26,4
9. Скромность		14,4

Фактически, в совокупности качеств ученого, сформированной участниками исследования, акцентируются способности учёного к познавательной, исследовательской деятельности, к взаимодействию в команде, научном коллективе, несколько реже подчёркиваются качества, связанные с общественной полезностью научной деятельности, и менее всего студенты заостряют внимание на личностных качествах учёного. Учёный в представлениях студентов, несомненно, умный, обладающий социальными компетенциями человек, деятельность которого приносит пользу обществу, но не анахорет, руководствующийся альтруистическими мотивами.

Выделение черт, отражающих образ учёного, несколько связано с тем, к какой группе студентов принадлежит респондент. Так, для студентов, проживавших до поступления в сельской местности, значение качества «интеллект» имеет меньшее значение (72,2 % студентов этой группы указало данное качество), чем для студентов, проживавших в городской местности (соответственно 88,2 % студентов). Девушки чаще указывали качество «честность», по сравнению с юношами (57,5 % девушек указало это качество и 49,0 % юношей), и демонстрировали уверенность в том, что учёный должен «знать то, что хорошо для людей» (49,5 % vs 37,9 %).

С тем, как студент формирует образа учёного отчасти связано то, принимал ли студент участие в текущем или прошедшем учебном году в научной работе. Так, среди тех, кто такого участия не принимал, доля уверенных в том, что учёный должен «знать то, что хорошо для людей» выше (49,2 %), по сравнению с теми, кто такое участие реализовал (40,9 %).

Анализ данных показывает, что сам факт того, связывает ли студент своё будущее с наукой во многом определяет, какими представлениями об образе ученого он обладает. Так, те респонденты, которые планируют научную карьеру, чаще подчёркивают качества, связанные с исследовательской деятельностью, а также личные качества ученого: скромность, альтруизм (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение ответов о качествах, которыми, по мнению респондентов, должны обладать ученые, в зависимости от того, планирует ли респондент научную карьеру, в % от общего количества респондентов групп.

Качества	Доля ответов «Да, планирую научную карьеру»	Доля ответов «Нет не планирую научную карьеру»
2. Навыки коммуникации	64,6	53,4
5. Надежность	56,7	46,6
6. Знание того, что хорошо для людей	41,7	46,6
8. Альтруизм	32,3	25,1
9. Скромность	25,2	12,4

Проведенное исследование показало, что учёный в представлениях студентов в первую очередь должен быть высокоинтеллектуальным человеком; во-вторых, – учёный должен обладать социальными компетенциями, обеспечивающими его деятельность как внутри научного сообщества, так и вне его. Третьим по значению необходимое качество ученого заключается в том, что это человек, деятельность которого приносит пользу обществу. При этом следует отметить, что сравнительно малая доля студентов считает, что учёный – это человек, который руководствуется исключительно альтруистическими мотивами. Такие представления студентов могут быть проинтерпретированы как отражение укрепления в студенческой среде прагматичного понимания науки и целей научной деятельности.

Необходимо отметить, что один из фундаментальных принципов функционирования науки «знание ради знания» транслируется внутри профессиональной культуры ученых. Те студенты, которые намерены реализовать научную карьеру, чаще подчёркивают качества, связанные с исследовательской деятельностью, а также личные качества: скромность, альтруизм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель. / В. А. Клименко // Социологический альманах, 2012 – Вып.3 – С. 92–102
2. Лазар М. Г. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. Монография. – СПб.: РГТМУ, 2012. – 262 с.
3. Шухно Е. В. Образ ученого: реконструкция исследований и концептуализация понятия. / Е. В. Шухно, А. П. Соловей // Социологический альманах, 2020 – Вып.11 – С. 105–118

4. Кондрашихина О. А. Образ учёного в представлениях студентов-психологов [Электронный ресурс] / О. А. Кондрашихина, С. А. Медведева, О. Н. Кажарская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – №2 (104). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/2-104-2021-february/obraz-uchyonogo-v-predstavleniyax-studentov-psixologov>. – Дата доступа: 01.10.2023. – doi: 10.23670/IRJ.2021.103.2.075.

УДК 327 + 502.1

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Посталовская О. А.

*доцент кафедры политологии БГЭУ
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Вопрос о том, как трансформируется научное знание в процессе своего развития является важным и актуальным не только в контексте эпистемологии. Ответ на него важен для выбора рациональной стратегии социального развития, так как роль научных технологий в современном обществе постоянно растет, а изменения в структуре науки характеризуются увеличением концепта междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований – магистрального направления в развитии современного науковедения.

Трансдисциплинарность предполагает, что в рамках исследования стираются границы научных дисциплин, создается перенос когнитивных систем из одной научной отрасли в другую, осуществляется разработка и реализация совместных проектов исследования. Это способ организации научного познания сложных проблем, комплексных проектов, когда для достижения результата необходимо использование интеграции фундаментальных наук и потенциала прикладного знания.

В этом контексте, экологическую сферу можно отнести к одной из трансдисциплинарных сфер познания в силу того, что:

- экология, рассматриваемая как механизм гармонизации отношений человека с окружающим миром, обладает высокой степенью сложности;
- требует применения в своих исследованиях моделей и методов самых разнообразных наук.

Современное научное знание представляет собой сложный комплекс различных характеристик и выступает не только как социально-структурированный и социально-регулируемый вид познания, но и экологически управляемая область инновационной деятельности. Анализ экологических проблем выступает одной из самых важных задач современного общества. Экологические ценности, экологическая культура и экологический стиль мышления вышли за пределы экологии как науки и стали частью социальной жизни. Экологическая проблематика приобрела междисциплинарный характер и отражена в различных научных концепциях и теориях.

Одним из перспективных направлений современной науки является ее экологизация – проникновение экологических идей в научное знание. Экологические знания стали источником для появления новых научных направлений, закрепив рассмотрение экологических проблем на основе междисциплинарного подхода.

В современной науке представлены различные модели формирования процессов экологизации отдельных форм и видов научной деятельности. Анализ научной литературы позволяет выявить определенные тенденции и закономерности в развитии научных исследований экологического знания, а также выделить наиболее часто встречающиеся в научной литературе концептуальные подходы к его определению: через соотношение его с политологией, социологией, экономикой, правом, отдельными разделами естественных и технических дисциплин [1, с. 18–19].

Одним из первых проблемы экологизации начал исследовать Н. Ф. Реймерс.

Согласно точке зрения Н. Ф. Реймерса, понятие «экологизация» имеет несколько значений:

- во-первых, как проникновение экологических идей во все стороны общественной жизни;

- во-вторых, как путь общественного развития, определяемый глобальными экологическими ограничениями с учётом воздействия технологий и техники на окружающую природную и социально-культурную среду;

- в-третьих, как процесс последовательного внедрения технологических, управленческих, социально-культурных, воспитательных, образовательных систем, позволяющих повышать эффективность использования природных и человеческих ресурсов, сохранение качества жизненной среды на локальном, региональном и глобальном уровнях [2].

Экологизация научного знания – это процесс развития экологической функции науки, вызванный необходимостью рационально-обоснованного разрешения современных социально-экологических проблем и противоречий. Среди основных проблемно-тематических направлений современного научного знания важное место занимают политико-экологические исследования. В настоящее время от эффективности механизмов реализации политики в сфере экологии зависит будущее не только конкретного государства, но и всего мира в целом, поэтому изучение научной теории рационализации природопользования, содержания и направленности экологической политики, механизмов ее формирования и реализации в современном политическом процессе выступает актуальным вопросом научного дискурса.

Экологические идеи стали одним из главных трендов современной политической науки. При этом появление политической экологии способствует дальнейшим исследованиям в области развития отношений между политическими, экономическими и социальными факторами, связанными с проблемами охраны окружающей среды [3, с. 199].

Выработка системы ценностей в пространстве политической экологии приводит к институционализации таких понятий как экополитический процесс, экополитический конфликт, экополитический суверенитет, экополитическая ответственность, которые требуют дальнейшего научного осмысления и концептуализации.

Тенденции теоретико-методологического оформления экополитологии как специализированной отрасли в политической науке актуализировали внимание к экополитическим процессам в целом. Экополитический процесс начинает рассматриваться как принципиально новый вид социальной динамики, включающий в себя все элементы взаимодействия экологических структур.

Особенностью современной государственной политики является необходимость повышения ее научной обоснованности во всех сферах, в том числе и в сфере экологии. В основу процесса формирования и обоснования эффективной и действенной экологической политики должно быть положено научное знание. Только научное знание может стать основой эффективной экологической политики, позволит найти наиболее адекватные способы разрешения имеющихся проблем, предсказать появление новых проблем и предложить варианты их предотвращения. Очень точно подчеркнул данную особенность нашего времени французский философ Б. Латур: «Отношение природы и политики не может быть непосредственным и единственным, кто может успешно претендовать на роль посредника, является наука» [4, с. 12]. По мнению белорусского ученого, профессора В. В. Бушника, «экологические приоритеты социальной динамики становятся неременным компонентом любой национальной стратегии развития, основанием для определения целей и направлений как внутренней, так и внешней политики государства» [5, с. 171].

Экологическое знание – это особый блок современного научного знания. Одной из важнейших и сложных проблем современной науки является проблема разработки системно-методологических оснований экологического знания. Возникает острая необходимость объединения усилий естественных, технических, социальных наук для изучения закономерностей взаимодействия человека, групп населения и общества с окружающей средой. В целях дальнейшего совершенствования и развития экологических моделей и на этой основе рационального управления и регулирования взаимоотношений в системе «человек-общество-природа» в современной науке формируются новые подходы. Среди них важное место занимает методология построения системы научного знания, в том числе знания экологического. Тенденция экологизации – выражение горизонтального рассмотрения процессов взаимоотношений человека и биосферы в системе конкретных наук. Вертикальной формой этого рассмотрения является формирование экологии человека и глобальной экологии [6].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно определить, что экологизация – необходимая и актуальная тенденция, характерная для современного научного знания. Несмотря на то, что различные направления научного знания имеют не одинаковую степень развития и фундаментальности, тем не менее, каждое из них разрабатывает свой экологический императив. А их последующая междисциплинарная интеграция способствует глубокому осмыслению глобальной социоэкосистемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика: монография / О. А. Посталовская. – Минск: РИВШ, 2020. – 144 с.
2. Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=6246276>. – Дата доступа: 01.10.2023.
3. Мармазова, Т. И. Политическая экология: теория и прикладное значение // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 198–204.
4. Латур, Б. Политика природы / Б. Латур // Неприкоснов. запас. – 2006. – № 2. – С. 11–29.
5. Социокультурное развитие белорусского общества в условиях кризиса техногенной цивилизации / В. В. Бущик [и др.] ; под ред. В. В. Бущика. – Минск : Белорус. гос. пед. ун-т, 2011. – 174 с. – (Сер. «Философия: актуальные проблемы»; вып. 7).
6. Лось, В. А. Динамика современной системы экологического знания между «биологизмом», «социологизмом» и «глобализмом» [Электронный ресурс] // Философская мысль. – Режим доступа: https://www.e-notabene.ru/fr/article_9663.html. – Дата доступа: 01.10.2023.

УДК 001.007:331.108.23 (476)

ДИНАМИКА ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССКОЙ НАУКЕ ЗА ПЕРИОД 2015-2021 ГОДЫ¹

Пушкевич С. А.

*научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных
и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Важным индикатором состояния и развития кадрового потенциала белорусской науки является возрастная структура исследователей. В связи с этим оптимизация возрастной структуры научных кадров входит в число приоритетных задач стратегии развития национальной науки. Внимание к данному вопросу не случайно, так как перманентное старение научных кадров не только негативно влияет на состояние демографического потенциала кадрового состава науки (оптимальное распределение молодого, среднего и старших возрастов исследователей), но и лишает науку перспективы ее динамичного развития.

Возрастная структура исследователей на конец 2021 г. была следующей: численность исследователей в возрасте до 29 лет составила 3,4 тыс. человек, или 20,7 % от общей численности исследователей (23,6 % в 2015 г.), в возрасте 30-39 лет – 4,0 тыс. человек, или 24,6 % (22,9 % в 2015 г.), 40-49 лет – 3,2 тыс. человек, или 19,7 % (13,8 % в 2015 г.), 50-59 лет – 2,4 тыс. человек, или 14,9 % (20,9 % в 2015 г.), 60-69 лет – 2,3 тыс. человек, или 14,1 % (14,8 % в 2015 г.), 70 лет и старше – 1,0 тыс. человек, или 6,0 % (4,0 % в 2015 г.).

Анализ показывает, что в возрастной структуре исследователей за период 2015–2021 гг. наблюдались положительные тренды. Так, если в 2015 г. численность исследователей возрастной группы 30-39 лет составляла 3877 человек, то на конец 2021 г. – 4020 человек (рост на 3,7 %). Также значительно выросла численность исследователей возрастной группы 40-49 лет с 2335 человек в 2015 г. до 3211 человек на конец 2021 г. (рост на 37,5 %). Последнее свидетельствует о том, что за рассматриваемый наблюдается значительный рост численности тех возрастных групп исследователей, которые являются наиболее продуктивными для научной деятельности (см. рисунок).

¹ Материалы подготовлены при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23-135 от 02.05.2023 г. «Сравнительный анализ эволюции институциональной основы функционирования систем подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации Беларуси и России и динамики их развития в рамках Союзного государства».

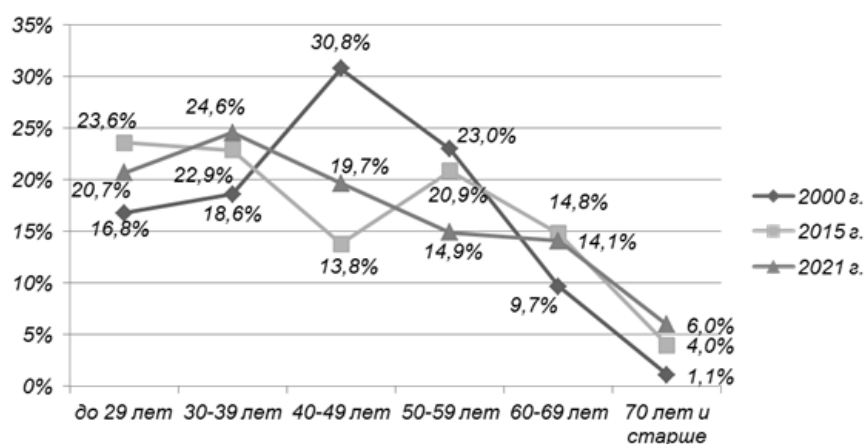

Рисунок. Динамика возрастной структуры исследователей в Республике Беларусь в 2000, 2015 и 2021 гг. [сост. по 1, 2, 3]

Динамика возрастной структуры исследователей высшей квалификации за период 2015–2021 гг. представлена в таблице.

Таблица. Динамика возрастной структуры исследователей высшей квалификации за период 2015–2021 гг. [сост. по 1, 2, 4]

Возраст	Доктора наук				Кандидаты наук			
	2015 год		2021 год		2015 год		2021 год	
	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %
Всего	648	100	548	100	2822	100	2624	100
до 29 лет	-	-	-	-	66	2,3	23	0,9
30 – 39 лет	2	0,3	2	0,4	603	21,4	467	17,8
40 – 49 лет	18	2,8	34	6,2	553	19,6	714	27,2
50 – 59 лет	112	17,3	60	10,9	583	20,7	468	17,8
60 – 69 лет	274	42,3	175	31,9	753	26,7	585	22,3
70 лет и старше	242	37,3	277	50,5	264	9,4	367	14,0

Как видим из данных таблицы, в возрастной структуре докторов наук, занятых в научной сфере, в последнее время стали наблюдаться положительные сдвиги. Так, за период 2015–2021 гг. доля докторов наук до 39 лет в общей численности исследователей выросла с 0,3 % в 2015 г. до 0,4 % на конец 2021 г., а доля возрастной группы 40–49 лет с 2,8 % до 6,3 % (почти в два раза – с 18 человек в 2015 г. до 34 на конец 2021 г.). Это стало следствием устойчивого роста численности молодых кандидатов наук в 2010–2015 гг. Последнее позволило сформировать весомую социальную базу роста численности докторов наук возрастной группы 40–49 лет в последующее пятилетие. Однако следует отметить, что продолжается рост доли докторов наук старше 70 лет (с 37,3 % в 2015 г. до 50,5 % в 2022 г.). В целом к концу 2021 г. доктора наук старше 60 лет составляли 82,4 % от общей численности докторов наук, занятых в научной сфере (в 2015 г. – 79,6 %).

Следует также отметить, как положительный тренд, значительный рост численности кандидатов наук возрастной группы 40–49 лет. Так, если на конец 2015 г. она составила 553 чел., то на конец 2021 г. – 714 чел. Рост на 7,5 п.п. В результате именно эта возрастная группа кандидатов наук на конец 2021 г. стала самой многочисленной среди других возрастных групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Наука Республики Беларусь, 2000: Крат. стат. сб. / Сост. В. Н. Фрольцов и др. – Минск: ГУ «БелИСА», 2001. – 69 с.
2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2015 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. – 145 с.
3. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2021 году : стат. бюл. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 115 с.
4. Списочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки на конец года / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=148631>. – Дата доступа: 15.09.2023.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Шарый И. Н.

заведующий сектором Института социологии НАН Беларуси

кандидат социологических наук

г. Минск, Беларусь

Изучение региональных особенностей динамики исследователей Республики Беларусь имеет существенное значение в двух основных аспектах: как важнейшая составляющая кадрового потенциала науки республики и как научно-технологическая составляющая региональной экономики. В то же время региональные особенности развития кадрового потенциала науки остаются недостаточно изученными.

В таблице 1 представлены данные, характеризующие особенности динамики численности исследователей в регионах Республики Беларусь за период с 2010 по 2021 гг. Как следует из представленных в таблице данных, численность исследователей в Республике Беларусь за рассматриваемый период сократилась на 3558 человек. Динамика численности исследователей в г. Минске, где сосредоточен основной контингент исследователей страны, и в регионах, существенно различалась. С 2010 по 2021 гг. сокращение численности исследователей было в основном обусловлено сокращением их численности в г. Минске на 3935 человек. За этот же период времени в областях Республики Беларусь в целом численность исследователей выросла на 377 человек. Из представленных в табл. 1 данных следует, что изменение численности исследователей в разных областях республики существенно различалось. В Могилевской, Минской и Брестской областях численность исследователей на рассматриваемом временном этапе увеличилась, в Витебской, Гродненской и Гомельской областях – сократилась.

Таблица 1. Динамика численности исследователей в регионах Республики Беларусь с 2010 по 2021 гг. [сост. по 1–9]

Область, г. Минск	Численность исследователей по годам			Темпы прироста (сокращения) численности, %		
	2010г.	2015 г.	2021г.	2010-2015 гг.	2015-2021 гг.	2010-2021 гг.
Республика Беларусь, в том числе	19879	16953	16321	-14,7	-3,7	-17,9
г. Минск	15182	12443	11247	-18,0	-9,6	-25,9
Итого по областям, из них	4697	4510	5074	-4,0	12,5	8,0
Брестская	405	451	421	11,4	-6,7	4,0
Витебская	688	436	506	-36,6	16,1	-26,5
Гомельская	1480	1088	1188	-26,5	9,2	-19,7
Гродненская	319	213	258	-33,2	21,1	-19,1
Минская	1490	1892	2210	27,0	16,8	48,3
Могилевская	315	430	491	36,5	14,2	55,9

Как следует из представленных в табл. 1 данных, в регионах республики с 2010 по 2015 гг. численность исследователей сократилась, а с 2015 по 2021 гг. – выросла. Это объясняется качественным изменением ситуации в регионах республики, прежде всего тем, что была преодолена негативная тенденция сокращения численности исследователей в Витебской, Гродненской и Гомельской областях. Как следует из данных, представленных в таблице, за исключением Брестской области, в последние годы отмечается положительная динамика численности исследователей в регионах.

За рассматриваемый временной период доля исследователей, работающих в г. Минске, в общей численности исследователей в республике, существенно сократилась – с 76,4 % до 68,9 % (сокращение на 7,5 п.п.). В то же время доля исследователей, работающих в организациях Минской области, в общей численности исследователей, выросла с 7,5 % до 13,5 % (рост на 6,4 п.п.). Таким образом, суммарная доля исследователей, работающих в г. Минске и Минской области (83,9 % в 2010 г.), почти не изменилась (82,4 % в 2021 г.). В то же время рост численности

исследователей в Минской области является свидетельством качественных изменений в территориальном распределении кадрового потенциала науки.

Для анализа качественных изменений кадрового потенциала в регионах республики необходимо учитывать динамику научных работников высшей квалификации – докторов и кандидатов наук. В таблице 2 представлены сравнительные данные о динамике численности исследователей в целом, исследователей с ученой степенью и исследователей без ученой степени за период с 2016 по 2021 гг.

Таблица 2. Динамика численности исследователей в регионах Республики Беларусь с учетом уровня их квалификации с 2016 по 2021 гг. [сост. 1-9]

Регион	Темпы прироста (сокращения) численности исследователей %	Темпы прироста (сокращения) численности исследователей с ученой степенью %	Темпы прироста (сокращения) численности исследователей без ученой степени %
	2016-2021гг.	2016-2021 гг.	2016-2021 гг.
Республика Беларусь, в том числе	-3,3	-7,9	-2,1
г. Минск	-8,6	-6,9	-9,0
Всего по областям, из них	10,8	-12,2	17,9
Брестская	-16,0	45,6	-19,1
Витебская	12,4	-45,5	24,4
Гомельская	7,0	-11,6	9,7
Гродненская	14,7	-27,1	26,0
Минская	21,9	-5,3	28,7
Могилевская	2,1	-31,4	4,7

Как следует из представленных в табл. 2 данных, за рассматриваемый временной период темпы сокращения численности исследователей с ученой степенью были выше, чем темпы сокращения численности исследователей без ученой степени (7,9 % и 2,1 % соответственно). Из представленных в табл. 2 данных также следует, что динамика численности исследователей с ученой степенью и без ученой степени в г. Минске и регионах республики качественно различается. В г. Минске темпы сокращения численности исследователей с ученой степенью были существенно ниже, чем темпы сокращения исследователей без ученой степени (6,9 % и 9,0 % соответственно). В областях республики с 2016 по 2021 гг. сложилась качественно иная ситуация – численность исследователей с ученой степенью сократилась на 12,2 %, а численность исследователей без ученой степени выросла на 17,9 %.

На основе проведенного исследования сделан вывод о значительном изменении пространственного распределения кадрового потенциала в стране за период с 2010 по 2021 гг. За этот период наиболее существенно сократилась доля исследователей, работающих в столице (на 7,5 п.п.) и, соответственно, выросла доля исследователей, работающих в регионах. Аналогичных изменений в прошлом не было. Выявлен характер произошедших изменений в региональном распределении исследователей, который состоит в том, что рост численности исследователей в регионах в основном пришелся на Минскую область. Существенный прирост исследователей был также в Могилевской области. В результате сравнительного анализа динамики численности исследователей в регионах Республики Беларусь за 2016-2021 гг. показано, что тенденции изменения численности исследователей в г. Минске и регионах качественно различались. В г. Минске сохранялась модель изменений кадрового потенциала, в рамках которой темпы сокращения научных работников высшей научной квалификации были ниже, чем темпы сокращения численности исследователей без ученой степени. В период с 2016 по 2021 гг. в регионах численность исследователей без ученой степени росла (за исключением Брестской области), а численность исследователей с ученой степенью сокращалась (за исключением Брестской области).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Регионы Республики Беларусь, 2012 : статистический сборник / Социально-экономические показатели. – Т.1. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 702 с.
2. Регионы Республики Беларусь, 2021 : [статистические данные о социально-экономическом положении регионов за 2013–2020 гг.] : статистический сборник : [в 2 т.] / Т. 1: Социально-экономические показатели. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – 776 с.
3. Статистический ежегодник г. Минска. Статистический сборник, 2022. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Главное статистическое управление г. Минска. – Мн., 2022. – 260 с.
4. Брестская область : статистический ежегодник / Брестское областное управление статистики / редкол.: О. Н. Вилавская [и др.]. – Брест, 2022. – 371 с.
5. Статистический ежегодник Витебской области / Витебское областное управление статистики / редкол.: Ю. И. Москалев [и др.]. – Витебск, 2022. – 384 с.
6. Статистический ежегодник Гомельской области / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Главное статистическое управление Гомельской области / редкол.: В. В. Перников [и др.]. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. – 372 с.
7. Статистический ежегодник Гродненской области / Гродненское областное управление статистики. 2022 / редкол.: С. Л. Щирая [и др.]. – Гродно, 2022. – 375 с.
8. Статистический ежегодник Минской области / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Главное статистическое управление Минской области/ редкол.: С. Е. Ивашко [и др.]. – Минск, 2022. – 366 с.
9. Статистический ежегодник Могилевской области / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Главное статистическое управление Могилевской области / редкол.: Е. А. Морозова [и др.]. – Могилев, 2022. – 376 с.

УДК 001-051:378

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АСПИРАНТУРЕ ЗА ПЕРИОД 2015–2021 гг.¹

Щурук Э. М.

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Кадровый потенциал белорусской науки является одним из основных ресурсов развития не только научной сферы, но и национальной инновационной системы. Соответственно воспроизводство отраслевой структуры научных кадров следует осуществлять в тесной связи с реальной потребностью национальной инновационной системы в научных кадрах высшей квалификации, обеспечивающих прежде всего развитие наукоемких отраслей национальной экономики. Вместе с тем, анализ развития отраслевой структуры республиканской аспирантуры за период 2015–2021 гг. свидетельствует о существующих здесь проблемных моментах.

Анализ отраслевой структуры подготовки научных кадров высшей квалификации показывает, что наибольшую долю в общей численности аспирантов имеют обучающиеся в области общественных и гуманитарных наук. В 2021 г. она составила 50,2 % (в 2015 г. – 48,7 %, в 2020 г. – 48,9 %) (см. рисунок). Причем численность аспирантов в области общественных и гуманитарных наук за рассматриваемый период заметно увеличивалась, но к 2021 г. снова вернулась к показателям 2015 г. (с 2015 по 2021 гг. уменьшилась на 1,4 % (на 34 чел.) [1, с. 100].

¹ Материалы подготовлены при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23-135 от 02.05.2023 г. «Сравнительный анализ эволюции институциональной основы функционирования систем подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации Беларуси и России и динамики их развития в рамках Союзного государства».

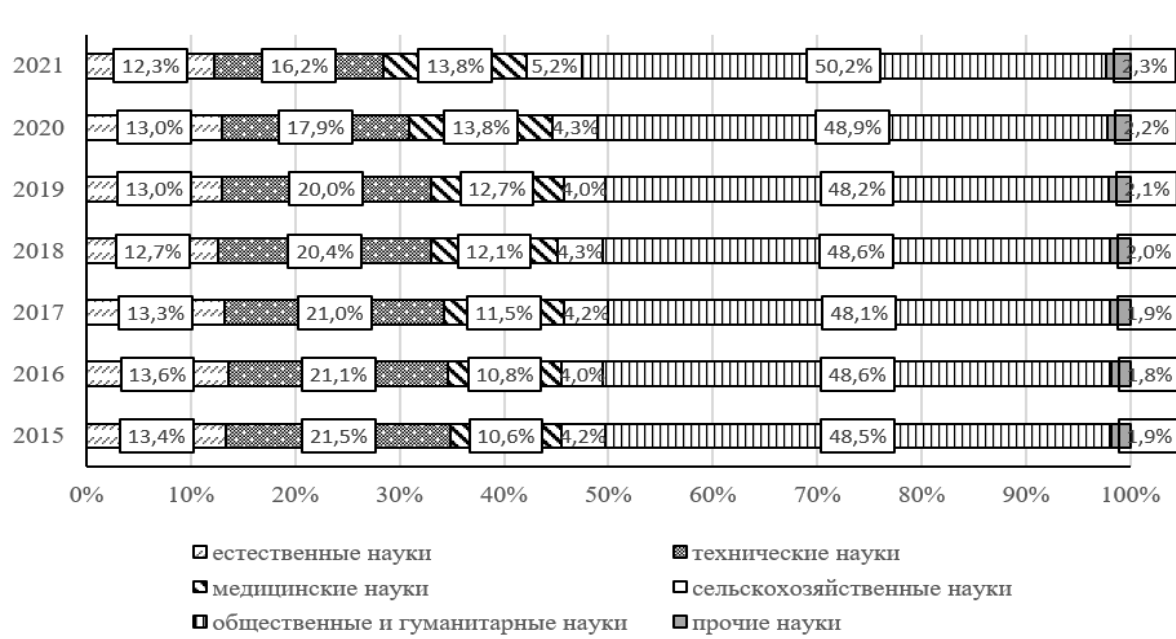

Рисунок. Отраслевая структура обучающихся в республиканской аспирантуре (адъюнктуре) за период 2015–2021 гг.

Также следует сказать, что негативный тренд наблюдается в подготовке аспирантов по техническим наукам. За рассматриваемый период их численность сократилась на 28,5 % (303 чел.). Причем резкое падение численности произошло за два последних года, тогда как за период 2015–2019 гг. наблюдался стабильный рост показателей (см. таблицу). Доля аспирантов, проходящих подготовку в области технических наук, в общей численности аспирантов по республике в 2021 г. составляет только 16,2 % (в 2015 г. – 21,5 %). За этот период произошло сокращение численности аспирантов и в области естественных наук – на 10,1 %. Соответственно доля аспирантов в области естественных наук сократилась с 13,4 % в 2015 г. до 12,3 % в 2021 г. (см. рисунок).

Таблица. Динамика численности обучающихся в республиканской аспирантуре (адъюнктуре) по отраслям науки за период 2015–2021 гг. [сост. по 1, с. 100; 2; 3]

Отрасли науки	Численность обучающихся на конец года, чел.							Изменение численности аспирантов с 2015 по 2021 гг.	
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	чел.	%
Естественные	644	691	683	678	692	662	579	–65	–10,1
Технические	1064	1074	1081	1092	1065	912	761	–303	–28,5
Медицинские	523	549	591	647	679	702	648	+125	+23,9
Сельскохозяйственные	208	206	217	229	213	217	245	+37	+17,8
Общественные и гуманитарные	2400	2476	2479	2606	2571	2489	2366	–34	–1,4
Прочие	93	94	98	105	112	111	110	+17	+18,3
Итого по республике	4932	5090	5149	5357	5332	5093	4709	–223	–4,5

При этом важно отметить, что с 2015 г. по 2021 г. наблюдалась положительная динамика численности аспирантов по некоторым важнейшим для обеспечения инновационного развития экономики страны отраслям науки. Так, за период с 2015 по 2021 гг. наблюдался постоянный рост численности обучающихся в аспирантуре по медицинскому профилю: численность аспирантов увеличилась в области медицинских наук на 23,9 % (на 125 чел.), что привело к значимому увеличению их доли в общереспубликанской отраслевой структуре подготовки с 10,6 % в 2015 г. до 13,8 % в 2021 г.

Положительные тенденции за данный период наблюдаются и в подготовке аспирантов в области сельскохозяйственных наук: рост с 2015 г. на 17,8 % (или на 37 чел.) привел и к

увеличению их доли в общей численности обучающихся в аспирантуре с 4,2 % до 5,2 %. Следует отметить также положительный тренд в подготовке аспирантов химического профиля, доля которых в общей численности аспирантов выросла за рассматриваемый период на 15,5 % (или на 11 чел.) [1, с. 100].

Таким образом, можно констатировать, что за период 2015–2021 гг. наряду с положительными тенденциями в развитии отраслевой структуры подготовки научных кадров высшей квалификации в республиканской аспирантуре наблюдался очевидный отраслевой дисбаланс. Во многом его определяет непомерно высокая доля в общей численности аспирантов в области общественных и гуманитарных наук в ущерб подготовки по специальностям, обеспечивающих развитие высокотехнологичных и инновационных производств. В связи с этим при выработке новой стратегии развития научно-ориентированного образования особое внимание должно быть уделено подготовке специалистов, определяющих динамичное развитие наукоемких отраслей экономики. В решающей мере этому могло бы способствовать внедрение новых принципов системы государственного заказа на подготовку научных кадров высшей квалификации по специальностям, соответствующим стратегическим приоритетным научным направлениям развития науки, технологий и техники. Переход на новые принципы государственного заказа на подготовку научных кадров высшей квалификации требует и пересмотра системы кратко- и долгосрочного планирования подготовки научных кадров, осуществляемого в соответствии с реальной потребностью науки и национальной экономики в научных кадрах высшей квалификации. Необходимо также разработать и внедрить в практику деятельности системы научно-ориентированного образования кластерной модели института подготовки научных работников высшей квалификации, предусматривающей подготовку высококвалифицированных научных кадров для высокотехнологичных производств на базе научно-образовательных центров нового типа, в составе которых объединены ведущие университеты, научные организации НАН Беларуси и инновационно-активные предприятия (холдинги) по тематикам, актуальным для обеспечения инновационного развития экономики страны.

Кроме того, с целью осуществления систематического контроля и анализа деятельности системы научно-ориентированного образования необходимо значительно повысить роль действующей под эгидой ГКНТ республиканской автоматизированной системы мониторинга подготовки научных работников высшей квалификации в информационном обеспечении органов государственного управления, включая НАН Беларуси, ответственных за развитие института аспирантуры в нашей стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41019/?sphrase_id=1608024. – Дата доступа: 01.09.2023.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2022 [Электронный ресурс]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2022. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_56718/. – Дата доступа: 30.09.2022.
3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2020 [Электронный ресурс]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_17894/. – Дата доступа: 28.08.2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.74:82(075)

ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Бельский А. М.

*заведующий Центром оперативных исследований Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Неуклонно ускоряющийся темп социальных преобразований трансформирует пространство и реализуемые в нем траектории жизненной активности социальных субъектов. Повседневность социальных акторов виртуализируется, ее информационная насыщенность неуклонно возрастает, ощутимо снижая такие ее свойства как размеренность и рефлексивность. Перенасыщенная событийностью сужает протяженность и глубину значимости отдельных переживаемых моментов, происходит смена досуговых практик в пользу тех, которые несут в себе острый эмоциональный отклик, сопряженный с его легким и быстрым декодированием социальными рецепторами индивида. В таких условиях привычное книгочтение, как достаточно продолжительный процесс погружения в атмосферу многогранных художественных образов, начинает утрачивать своих приверженцев, переходящих к легкоусвояемым продуктам интернет-пространства типа роликов в TikTok, мемов в Instagram, влогов в YouTube или хлестких комментариев в Twitter (X).

Сохранит ли чтение свое место в числе досуговых практик населения страны [1–4]? Претерпят ли изменения привычные способы приобретения книг [5–6]? Есть ли будущее у привычных бумажных фолиантов в условиях обилия электронных носителей [7–8]? Как изменятся сами литературные вкусы современных читателей [9–10]? Все это вызывает обоснованный исследовательский интерес и каждый вопрос может найти свой ответ в рамках социологического анализа читательских предпочтений.

Обратимся к результатам телефонного опроса населения Республики Беларусь, читающего книги. В качестве респондентов выступили граждане в возрасте 18 лет и старше. Опрос проводился в январе–феврале 2023 г. во всех областных городах и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Объем выборочной совокупности составил 900 респондентов. Ошибка выборки $\pm 3\%$.

Как свидетельствуют результаты исследования, к категории читателей относит себя примерно каждый третий житель нашей страны: 30,5 % всего массива опрошенных (принимаются во внимание все осуществленные операторами звонки). При этом, для 38,2 % читающих белорусов чтение книг является ежедневной практикой, тогда как 33,0 % респондентов читают книги несколько раз в неделю. Примерно каждый пятый опрошенный (18,1 %) проводит время за книгой несколько раз в месяц. И только 5,1 % респондентов обращаются к чтению лишь несколько раз в год. Исходя из данных, характеризующих интенсивность чтения, можно сделать вывод о том, что в целом чтение занимает значительную часть повседневного досуга респондентов.

В ходе опроса его участникам предлагалось назвать число книг, которое они прочитывают в среднем за один календарный год. Ответы были сгруппированы в интервалы. Результаты исследования отражают существенную разницу в количестве книг, которое прочитывают респонденты в течение года: 14,0 % опрошенных читают от 4 до 7 в год; 12,9 % – от 11 до 20; 10,0 % – от 8 до 10 книг. Примерно столько же читающих белорусов (9,2 %) за год прочитывает всего 1–3 книги.

Сравнив количество книг, которые респонденты обычно прочитывают в настоящее время, с тем числом книг, которое они читали ранее (5–10 лет назад, в так называемый «допандемийный» период), можно сделать следующие выводы. Почти половина опрошенных (47,0 %) стала читать меньше. В то же время 33,1 % респондентов отметили, что стали читать больше, чем раньше. Каждый пятый участник опроса (19,0 %) уверен, что интенсивность чтения не изменилась.

Пандемия COVID-19 не отразилась на читательских предпочтениях: оценивая интенсивность своего чтения в период пандемии 67,4 % участников опроса указали на то, что количество прочитанных книг осталось прежним. Справедливым будет отметить, что в Республике Беларусь не было реализовано программ реальной изоляции населения в квартирах во время пандемии, т.е. в условиях Covid-19 резко радикальных трансформаций повседневности не произошло, что подтверждают результаты исследования в разрезе книгочтения.

На вопрос, читают ли респонденты книги на белорусском языке, ответы распределились практически поровну (49,1 % «да» и 50,1 % «нет», соответственно), то есть сделать однозначных выводов о литературных языковых предпочтениях не представляется возможным. Это свидетельствует о разноплановости вкусов белорусов в отношении литературы на двух языках. При этом данное направление требует дополнительного изучения в плане оценки книжного рынка на присутствие книжной продукции как на белорусском, так и на русском языках, их соотношения в целом, по отдельным жанрам и годам издания, в частности.

Примерно две трети опрошенных (62,8 %) отметили, что они читают произведения отечественных авторов. Не читают – 37,2 % респондентов. Такое распределение свидетельствует о достаточно высоком уровне востребованности произведений белорусских авторов, что является важным аспектом формирования национального самосознания сквозь призму интереса к белорусской литературе. При этом белорусы в основном читают художественную (81,1 %) и историческую (40,2 %) литературу.

Абсолютное большинство читающих белорусов предпочитают книги в печатном формате: об этом заявили 87,0 % опрошенных. Такие актуальные способы цифрового чтения как электронные и аудиокниги используют всего лишь 8,4 % и 2,4 % респондентов соответственно. Это свидетельствует о превалировании традиционных установок относительно читательских практик.

Подтверждением тезиса об установке на традиционные читательские практики служит распределение ответов на вопрос о возможности замены печатных книг электронными. Отрицательно об этой тенденции высказываются 59,9 % опрошенных белорусов; 27,9 % считают это возможным; 12,2 % участников опроса затруднились с ответом.

Распределение ответов на вопрос о том, где белорусы чаще всего приобретают книги, показывает следующее. Основным таким местом остаются традиционные книжные магазины, которые не теряют актуальности почти для половины читательской аудитории (45,7 %). В интернет-магазины обращается каждый пятый покупатель книг (20,1 %). Различные сервисы типа досок объявлений и сайтов интернет-продаж с рук используют лишь 6,1 % респондентов. Аукционы и торговые площадки посещают 3,6 % ответивших. Выбрали вариант, предполагающий иные способы приобретения книг, 7,7 % опрошенных. При этом 38,8 % белорусов заявляют, что книги не приобретают.

Результаты исследования свидетельствуют о востребованности у читающего населения страны фондов широкой сети библиотек. Каждый второй участник опроса (51,3 %) обозначил, что в течении последнего года посещал библиотеки. При этом, информацию о книжных новинках опрошенные получают преимущественно из Интернета (38,7 %), ориентируются на вкусы знакомых и друзей 21,9 %, а стенды библиотек привлекают 17,0 % опрошенных.

Наиболее интересными для себя авторами респонденты считают А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, назвав такие их произведения, как «Война и мир», «Идиот», «Анна Каренина», «Преступление и наказание». При этом произведений А. С. Пушкина читающие белорусы сходу вспомнить не смогли. Тройку наиболее популярных белорусских авторов возглавил И. Шамякин. Далее расположились В. Быков и Я. Колас. Среди наиболее интересных произведений указанных авторов читающие белорусы назвали «Сердце на ладони», «Дикая охота короля Стаха», «Колосья под серпом твоим». При этом традиционно слились в своем единстве две такие знаковые фигуры белорусской литературы как Я. Купала и Я. Колас, т.е. разграничить произведения этих авторов для респондентов оказалось затруднительно.

Таким образом, результаты исследования отражают то, что чтение продолжает удерживать значимое место среди вариаций досуга современных белорусов. Широкое внедрение информационно-коммуникативных технологий не смогло в ощутимой мере трансформировать устоявшиеся читательские практики, что ярко иллюстрируется предпочтением привычного бумажного издания в противовес цифровому аналогу, даже не смотря на доступность последнего в «условно свободном» доступе в сети Интернет. Спросом у читающих книги белорусов

пользуются как профильные магазины, так и библиотеки страны, что отражает традиционность практик данной категории населения, стремление повторить устоявшийся ритуал посещения магазина или библиотеки, выбора книги с консультацией специалиста в личной публичной коммуникации с ним. Консервативность подчеркнута и в читательских предпочтениях. Среди любимых авторов называются преимущественно классики как мировой, так и отечественной литературы. Данное обстоятельство, к слову, может говорить как об устоявшемся вкусовом литературном каноне, так и об определенных проблемах, ставших следствием этого. Упор на классику задает определенную планку молодым авторам, которая, с одной стороны, заставляет требовательно относиться к своему литературному труду, а с другой, выступает своеобразным преположением к развитию современного литературного пространства. На современном этапе развития литературного поля видится верным уделить внимание трансляции идеи о том, что «золотой век» белорусской литературы должен быть не в прошлом, а все же в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Самохина, М. М. Кто и что сегодня читает и зачем им это нужно / М. М. Самохина // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 51. – С. 327–340.
2. Мелентьева, Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения / Ю. П. Мелентьева // Библиотечное дело. – 2006. – № 10. – С. 2–6.
3. Гусева, Л. Н. Читатель и пользователь: метаморфоза чтения в электронном мире / Л. Н. Гусева // Библиотечное дело. – 2004. – № 2. – С. 2–5.
4. Чудинова, В. П. Подросток в новой медиасреде: между книгой и экраном / В. П. Чудинова // Национальная библиотека в современном социокультурном пространстве: Румянцевские чтения – 2002. Вып. 2. – М. : Пашков дом, 2002. – С. 199–206.
5. Стефановская, Н. А. Портрет современного читателя. Чтение как духовная ценность / Н. А. Стефановская // Библиотечное дело. – 2004. – № 11. – С. 5–8.
6. Стельмах, В. Д. Читатель и современное литературное сообщество: возможности диалога / В. Д. Стельмах // Читающий мир и мир чтения. – М. : Рудомино, 2003. – С. 145–156.
7. Стельмах, В. Д. Современная библиотека и ее пользователи / В. Д. Стельмах // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 1(69). – С. 56–63.
8. Самохина, М. М. Социолог в библиотеке, или Библиотекарь как социолог: Практическое пособие для тех, кто хочет и любит исследовать / М. М. Самохина. – М., Рос. гос. юнош. б-ка. – 2008. – 194 с.
9. Бутенко, И. А. Читатели и чтение на исходе XX века: социологические аспекты / И. А. Бутенко. – М. : Наука, 1997. – 140 с.
10. Книга и чтение в зеркале социологии / сост. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачев. – М. : Книжная палата, 1990. – 207 с.

УДК 304.4

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

Блохин В. Н.

*доцент Белорусской государственной сельскохозяйственной академии
кандидат социологических наук, доцент,
г. Горки, Беларусь*

Культуру каждого социума необходимо рассматривать не изолированно, а с учетом множества изменений, что составляет социокультурную динамику общественной системы. Особой частью этих изменений являются социокультурные трансформации, которые влияют на все общество и каждую его сферу жизни. Трансформация в сфере общественных практик заключается в изменении внутренней природы и характера социума, модификации его компонентов, что может приобрести как прогрессивную, так и регрессивную направленность.

В случае, когда изменениям подвергаются все стороны жизни общества, можно констатировать явление «системной трансформации» – это динамически развивающиеся преобразования общественных структур при одновременном функционировании как старых, так и новых форм. В то же время происходит постепенная трансформация устоявшихся структур, возникают их новые формы.

Следует заметить, что само понятие социокультурной трансформации многогранно и полифункционально. Социальная трансформация – это процесс качественного изменения социума в целом или отдельных его социально значимых сегментов. Цели и результаты данного процесса могут приобретать двунаправленный характер, проявляющийся или в качественно более выразительной структурной организации трансформируемого объекта, или же в организации более низкой по сравнению с исходной.

Социокультурные трансформации представляют собой масштабные интерактивные социокультурные преобразования системного типа, имеющие тотальный характер. Преимущественно они зависят от глобализационных процессов, напрямую влияющих на продвижение общества к новой стадии социокультурного развития. В этом процессе возникают принципиально иные условия, в которых складываются и развиваются социальные отношения, формируются новые принципы взаимодействия, жизненные цели и ценностные ориентации, мотивы деятельности, эстетические вкусы и предпочтения. В сфере культуры находит отражение процесс становления меняющегося сознания, происходит сдвиг мировоззренческих установок, норм и принципов жизнедеятельности.

Социокультурная динамика любого общества проявляет себя, в том числе посредством межкультурной коммуникации, что приводит к изменению культурного пространства и напрямую влияет на ценностное ядро конкретной культуры, ее основания, что может, при определенных условиях, привести к нежелательным последствиям, в том числе к деформации социоккода общества [1].

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к трансформации социальной реальности всего мира. Не стало исключением и белорусское общество. Информатизация сегодня выступает фактором качественной модификации социума. Следствием цифровизации политического, экономического и социокультурного пространства является изменение системы норм и правил, ценностный релятивизм, непостоянность духовных идеалов. На базе принципов информационного общества выстраивается современная глобальная культура, чье функционирование характеризуется такими отличительными признаками как нелинейность, плюрализм ценностей, комбинация и артикуляция смыслов. Современный период мирового социокультурного развития сопровождается постоянным самообновлением традиционных форм культуры вследствие процессов глобализации и сетивизации, приводящих к синтезу ценностных систем в единое культурное пространство, интенсификации межцивилизационных контактов.

Аспекты модификации ценностно-нормативных стандартов были исследованы Мануэлем Кастельсом, который разработал одну из наиболее известных теорий сетевого общества. Данное явление он рассматривает в качестве глобального образования, затрагивающего жизнедеятельность каждого человека и ориентированного на формирование новых ценностей и культурных кодов [1].

Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур. Культура, ее ценности и нормы предопределяют качественную специфику общества, воздействуют на все сферы его жизнедеятельности [4].

Поликультурность и глобальность социальной реальности, направленность на унификацию социальных ценностей и норм приводит к тому, что локальным культурам становится трудно сохранить свою уникальность. В условиях глобализации постепенно ослабляется суверенитет ряда стран, что приводит к размыванию национальной идентичности. Результатом трансформации социокультурной реальности становится попытка симбиоза этнических культур и субкультур, их унификация. Как отмечал Самюэль Хантингтон, в новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации [2].

Процессы информатизации современного общества, приведшие к изменению социальных представлений, моделей межличностного взаимодействия, приводят к релятивности существующих ценностно-нормативных стандартов. Приспособление к новым условиям жизнедеятельности, их принятие и разделение социальными общностями особенно актуально в ситуации возможной быстрой эскалации противоречий, нестабильности и неустойчивости общественного развития. Результатом относительности принятия социальных ценностей и норм

является появление ценностных конфликтов, приводящих к трансформации культуры и созданию новых ценностно-нормативных стандартов, не предусмотренных предшествующими законами общественного функционирования. В то же время информационное взаимодействие создает новые возможности для решения общих задач. Быстрая доступность различной информации и постоянная обновляемость результатов совместной деятельности, их междисциплинарный характер стимулирует активность субъектов на творческий поиск, расширяется область кросскультурной коммуникации, что способствует лучшему пониманию и осознанию межкультурных ценностей. Современные способы коммуникации способствуют формированию таких качеств личности, как медиаграмотность и гибкость мышления [1].

Таким образом, следствием трансформации социокультурных оснований общества в результате информатизации и цифровизации социальной реальности становятся потеря идентичности и культурной автономии, нестабильность и постоянная изменчивость норм, приоритетов и ценностей людей. Модификация культуры приводит к снижению уровня устойчивости развития социальной системы, к ослаблению и утрате традиционных ценностей, исчезновению национального колорита. Следовательно, возрастает опасность кризиса культуры, ее регрессивного развития. Формирование новой системы ценностно-нормативных стандартов, отвечающей потребностям современного общества, прояснение их сущности и специфики, становится одной из приоритетных задач социального развития. Решению этой задачи может способствовать активное использование современных компьютерно-коммуникационных средств и возможностей искусственного интеллекта, посредством которых можно предложить пользователям различных возрастных групп проанализировать информацию и мнения ведущих экспертов по тем или иным актуальным вопросам жизни современного социума. Пожалуй, важнейшей задачей является защита так называемых вечных ценностей, которые могут быть универсальными для всех людей, независимо от национальности, расы, политических и иных взглядов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баньковская, Ю. Л. Трансформация социокультурных оснований сетевого общества / Ю. Л. Баньковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/35652/1/5-7.pdf>. – Дата доступа: 03.10.2023.
2. Бережкова, Е. С. Концепция С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» в условиях глобализирующегося мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/156716/1/29-32.pdf>. – Дата доступа: 02.10.2023.
3. Максимов, В. А. Социокультурные трансформации в условиях информационного общества / В. А. Максимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fikio.ru/?p=4778>. – Дата доступа: 04.10.2023.
4. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1492.html. – Дата доступа: 03.10.2023.

УДК 37.017.4

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Воронюк Д. С.

*аспирант кафедры психологии, содержания и методов воспитания
ГУО «Академия последипломного образования»
г. Минск, Беларусь*

Соколова С. Н.

*профессор кафедры психологии, содержания и методов воспитания
ГУО «Академия последипломного образования»,
доктор философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Цифровая трансформация социума, глобальные информационно-технологические изменения порождают социокультурную диффузию, которая на фоне кризисов и международных конфликтов форматирует культурные универсалии, приобретающие в условиях современных вызовов приоритетное значение [1, с. 103]. Духовно-нравственный потенциал личности в

условиях современных вызовов, несомненно, трансформируется, что детерминирует социокультурное пространство, так как духовная экзистенция личности, как культурно-нравственное ядро социума, формируется и развивается в системе исторически сложившихся надбиологических концептов эволюции человечества. И сегодня, как никогда ранее, преобладающая во всем мире аксиологическая эклектика, является тем триггером, который воздействуя на общественное сознание, деформирует нравственность личности, определяя деструктивную направленность трансформаций социокультурного пространства в условиях вызовов современного общества. И в условиях современных вызовов, особое значение приобретает информационное противоборство и открытое противостояние между политическими объединениями по поводу символов и смыслов (языка, традиций, идентичности, национальных интересов, духовной безопасности). Следовательно, сейчас особый акцент делается на соперничестве за долгосрочные тактические и стратегические преимущества в борьбе за ресурсы нашей планеты, активно конструируются дискурсы с акцентом на эффективность материальной силы в политических отношениях между современными государствами. Именно в условиях современных вызовов приоритетное значение имеют не только экономика, наноиндустрия, робототехника, а также военно-промышленный комплекс, но и духовно-нравственный потенциал личности рассматривается, как стратегическое преимущество, которое в условиях современных вызовов кажется единственно эффективным.

Поясню, что речь идет о гибридных войнах, которые являются сегодня особым типом вооруженного конфликта, соединяющего в себе признаки «ассиметричных» и «нерегулярных» военных столкновений, и вместе с тем, отличаются от них, так как в гибридной войне невозможно зафиксировать дату начала и окончания, различить фронт и тыл, выявить статус бойца. И в этой войне стратегическая победа над противником не складывается из побед в отдельных сражениях или в решающих битвах. Аксиологический аспект общественной безопасности в эпоху гибридных войн, которые отличаются от других вооруженных конфликтов тем, что основаны не столько на применении силы, сколько на использовании различной, как по форме, так и по содержанию информации, что во многом детерминирует духовно-нравственный потенциал личности. Большинство происходящих сегодня международных конфликтов, не что иное, как активная фаза гибридных войн, которая, как никогда ранее, актуализирует духовно-нравственный потенциал личности в условиях современных вызовов. И важно отметить, что современная война – психологическая война по форме, цивилизационная по содержанию, информационная по средствам, которая влияет на духовно-нравственный потенциал личности и детерминирует общественную безопасность [2, с. 325].

Современные гибридные войны, трансформирующие социокультурное пространство – это вид современной войны, в результате которой агрессия осуществляется не только с помощью бронетехники, наземных сил боевого развертывания, но и реализуется силами политической пропаганды, духовного террора или нео-терроризма, регулярной дезинформации, экономического давления (санкции). Именно такая война используется сегодня евроатлантическим альянсом для реализации активных действий человека, группы, военизированного объединения, корпорации с применением самодельных взрывных устройств, ядерного, биологического, химического оружия, кибероружия, бронетехники, средств ПВО, современных дронов, многочисленных и разноректорных средств информационной войны.

Трансформации социокультурного пространства происходят в процессе перехода от разноректорных войн с истреблением живой силы противника, уничтожением материальных объектов с захватом вражеской территории – к другим воздействиям, нацеленным на самодезорганизацию и самодезориентацию противника, что ориентировано на изменение духовно-нравственного потенциала личности, потому что гибридные войны, в основном, опираются на информационную войну, а точнее, войну информационно-психологическую и духовный террор.

Духовный террор и мощное информационное сопровождение гибридных войн, в результате, трансформирует социокультурное пространство, вследствие чего, наблюдается девальвация нравственных потребностей личности, что в процессе противоборства основных мировоззренческих и идеологических установок влияет на жизнь человека, общества и государства.

Духовно-нравственный потенциал личности в процессе современных вызовов постепенно деформируется, так как мишенью может стать любой человек (мировоззрение противника). Сегодня содержание информационного противоборства раскрывается в отрицании всех норм морали, в использовании «грязных» технологий, включающих распространение клеветы, слухов, фальсификация истории независимого государства: формирование образа врага, манипулирование историческим прошлым, уничтожение системы традиционных ценностей белорусского народа. И сегодня, ни для кого не секрет, что гибридные войны – обновленная форма современной войны в сфере смыслов, предназначена для осуществления «духовного Чернобыля» в славянских государствах с последующим «духовным вымиранием» славян, что имеет отношение к новейшим формам войны (кибервойна, информационно-психологическая, сетевая война). Именно в гибридных войнах деформированная идентичность отдельных групп является самоцелью, особым политическим ресурсом, позволяющим создавать деструктивную социально-информационную среду всегда управляемых экстремистских и террористических объединений.

Акцентуация на духовно-нравственном потенциале личности в условиях современных вызовов сегодня совершенно не случайна, так как это связано с воспитанием нравственных потребностей, что необходимо для того, чтобы нацеленность на общее благо и коллективную безопасность приобрели личностный смысл, социальную направленность, актуализируя систему традиционных ценностей. Современный человек в процессе нравственного воспитания должен быть ориентирован не только на материальные, но и на духовные потребности и общественные интересы, что напрямую связано с трансформациями социокультурного пространства. И в такой неоднозначной ситуации противостояния добра и зла, особое значение приобретают аксиологические акценты, способствующие развитию более позитивных социальных связей, детерминирующих смысловые стратегии современной личности, характеризующих высокий уровень осознанного отношения современного человека ко всему, что его окружает. Так, опираясь на нравственные потребности и систему традиционных ценностей, которые отражаются в нравственно-содержательном аспекте деятельности современного человека, более успешно актуализируется мораль, как понятие-индикатор, регистрируемые основополагающие признаки, влияющие на социализацию личности. Дело в том, что гибридные войны начинаются с массированных информационных «вбросов» в социальные сети, в которых дискредитируются органы власти той страны, против которой ведется гибридная война. И в этой ситуации, особенно критикуется внешнеполитический и экономический курс государства (нескольких государств), социальная политика, а затем целенаправленно раскачивается социально-политическая ситуация и разрушается духовно-нравственный потенциал личности.

Уточню, что современная война, как комбинация открытых и тайных военных действий и провокаций, планомерных диверсий, особенно в информационном пространстве, в сочетании с отрицанием латентными силами собственной причастности к многомерному конфликту, значительно затрудняет ответную реакцию на агрессию. Именно в активной фазе гибридных войн происходит «вторжение» евроатлантического альянса и целенаправленное аннулирование экономических институтов конкретного государства, которые подвергаются разнонаправленному системному давлению (вводятся экономические санкции) и закрываются возможности для внешнеэкономической деятельности, разрушая региональную логику. Последствия экономической катастрофы, как правило, являются глобальными для независимой страны, подвергшейся нападению, поскольку этот токсичный вариант ускоряет процесс девальвации духовно-нравственного потенциала личности [3, с. 73–80]. И как следствие, средства массовой информации, содержащиеся на иностранные гранты, оппозиционные силы и организации внутри страны, выступающие в роли «пятой колонны», пытаются реализовать идеи агрессора. При этом террористическим структурам отводится роль фактора внешней и внутренней жизни государства-противника, который системными точечными ударами добивается радикализации тех или иных групп, дискредитирует политику государства, оттягивает на себя ресурсы, и в наиболее уязвимые для общества периоды, выступает силой, которая окончательно должна подтолкнуть социальную систему к нестабильности, возникновению ситуации экономического коллапса. И не только экономика, политика, социальная сфера общества, но и духовная сфера под прицелом в гибридной войне, так как духовно-нравственный потенциал личности в условиях современных вызовов является объектом агрессии. Именно духовно-нравственный потенциал личности-противника находится под ударом государства-агрессора (или нескольких государств-

агрессоров), поэтому в настоящий момент особенно важно понимать, что надо сохранить духовность человека и традиционную семью в современной Республике Беларусь. И сегодня, когда геополитическая активность противоборствующих сторон возрастает, белорусскому обществу необходимо объединиться, обращая внимание на сохранение и пропаганду традиционных ценностей: традиционная семья и система образования как проводники государственной идеологии и фундамент для реализации духовно-нравственного потенциала личности в условиях современных вызовов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Литвиненко, О. В. Влияние цифровизации на педагогическое общение / О. В. Литвиненко / Педагогика. – 2023. – №8. – С. 103–110.
2. Соколова, А. А. Аксиологический аспект общественной безопасности в эпоху гибридных войн / А. А. Соколова, С. Н. Соколова // Известия военного образования Донецкой Народной Республики: материалы VI Респ. науч.-практ. конф. «От патриотического воспитания к гражданскому согласию и общественной безопасности» / под ред. Тихонова М.Г. – Донецк: «ГБОУВОКУ», 2022. – С. 325–329.
3. Соколова, С. Н. Фундаментальные аспекты духовности человека в информационном обществе / Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference London. Great Britain. – 2023. – P. 73–80.

УДК 316.485

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Галанзовский А. С.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Для современного этапа развития общества характерно наличие различных форматов социального напряжения, которые могут протекать как в латентной форме, так и принимать визуальные очертания социального конфликта. Социальные противоречия и их последующее разрешение выступают неотъемлемым атрибутом современных обществ, способствуя в немалой степени социальным трансформациям и общественному прогрессу. В современной социологической теории проблема научного осмысления социальной напряженности также нашла свое отражение. Феномен социальной напряженности, всегда был онтологическим вопросом дискурса классической социологии, в том смысле, что он, по мнению Дж. Александера, обнаруживается в самой музыкальности социального, отмечая единство трактовок в концептуализации тех или иных феноменов [1, с. 5]. в рамках социологического воображения ученого.

Социальная напряженность представляет собой существование сообщества в условиях столкновения интересов, создающих противоречия потенциального социального конфликта. Напряженность представляется естественной и неизбежной из-за социального действия, которое непременно совершается участниками сообществ. Само же действие рассматривается в качестве столкновения интересов, оно направленно и ориентированно на другого, а именно в действии возможно найти основные мотивы противоречий.

Теоретики классической программы конфликтологии, направляют нас на ту или иную часть символа напряженности (фрагмента самой напряженности, которая еще не имеет в себе конфликтологических исходов разрешения), суггестивно сводя его к самостоятельности по отношению к общности феномена.

Теоретическая рамка структурализма подходит к проблеме напряженности со стороны групп факторов, ее детерминирующих и концентрирует внимание на функции, которые она выполняет. Интеракционизм ориентируется на самостоятельность факта социального напряжения, вне взгляда толкования его в качестве системы обыденных и внеобыденных социальных интеракций (взаимодействий).

Теперь представляется необходимым рассмотреть эволюцию взглядов и научно-теоретических воззрений представителей классической конфликтологии, структурализма и интеракционизма более подробно. На наш взгляд, это позволит рассмотреть феномен социальной напряженности с различных сторон: во-первых, как присущий всему социальному действию; во-

вторых, как указывающий и упреждающий конфликт; в-третьих, как сообщения передаваемого от личностного к социальному.

Р. Дарендорф и Л. Козер определяли конфликтность в группе через смысловое противоречие социальной структуры, находя в них не только лишь самоочевидные противоречия и негативные последствия, но и положительные факты воспроизводства социальности. Подобный подход можно назвать социологическим номинализмом, из-за сводимости к имманентности конфликта, как обыденной практике воспроизводства социального противоречия [3, с. 104]. Этот подход определил избирательность в рассмотрении фактора напряженности, ориентируясь лишь на один из возможных факторов, игнорируется общность. Социальная напряженность в данной трактовке – это необходимо возникающий в сообществе феномен обновления социальности (как в рамках группы, так и в масштабах общества), что с одной стороны преобразует социальное поле, а с другой стороны, позволяет через разрешение противоречия сформировать новые сюжеты взаимодействий акторов, что и определяет новые статусы потенциальной напряженности, (а следовательно и обновляет конфликтность), которые еще не установились в рамках того или иного времени существования социального [4, с. 72].

Структуралисты французской школы социальной мысли, напротив указывали на фосфоресцирующий след, который оставляет социальная напряженность, в том смысле, что он, в первую очередь, означает противоборство и необходимость переосмысления в той или иной социальной структуры. М. Фуко говорил о властной особенности институтов, которые переменяют смыслы необходимости, присущие каждому индивидууму, на общественные и лишенные лица образы, что определяют отношение к ним как к конструированной власти сообщества. Выходит, социальная напряженность в трактовке структурализма – это изменение статусов групп, их действия направленные друг на друга. (которые, в трактовке Фуко, вызваны отношением группы и социального института, в том смысле, что язык символической коммуникации создан лишенной персонификации властной силой; отсюда и известная бинарная оппозиция между конфликтностью и напряженностью, два момента, что для Фуко не переходят друг в друга, а постоянно сосуществуют, даже в рамках одной проблематики в сообществе) функциональны лишь в рамках воспроизводства некой усредненной напряженности статуса (поэтому когда Фуко описывал психиатрические больницы, он рассматривал больных, как тех, кто не различает изменение статуса напряженности в рамках ситуации, поэтому они и отделяются от сообщества) [5, с. 174].

Интеракционизм Дж. Мида находится в той же парадигме взаимодействия конфликта и напряженности. хоть и теории двух направлений разрабатывались в разное время и не могли определять исходы теоретических рамок друг друга. Ключевым для Дж. Мида, было понятие самости. Чтобы обладать самостью, т. е. понять происхождение «Я», которое целиком социально, она должна пройти две стадии. На первой стадии самость «Я» индивида формируется под действием установок других индивидов, направленных на него в рамках социального взаимодействия. На второй же стадии развития самости она контролируется еще и организацией социальными установками обобщенного другого или социальной группы, к которой он принадлежит. Социальное напряжение вызывается противоречием между социальным взаимодействием (как символами того языка описания, который был усвоен индивидом) и установками социальной группы (что обновляет или создает новый язык интерпретации), то есть, конфликт – это противоречие в описании действительности, в рамках групп или сообществ, социальная напряженность же носит в себе основы будущих противоречий.

Объединив в научно-теоретических и смысловых контекстах все три трактовки, мы предлагаем следующее определение социальной напряженности, которое представляет собой присущее всякому социальному полю противоречие, возобновляемое в рамках определенного статуса действия и взаимодействия, а также описания действительности со стороны сообщества. Все три концепции социальной напряженности и конфликтности вместе образуют уже новый взгляд, который идейно близок к концепции культурсоциологии. Авторский подход можно определить в рамках теории ассамбляжей – метатеории, которая непротиворечиво связывает различные концептуальные рамки из-за отсутствия единого теоретического ядра, и разработанная нами трактовка социальной напряженности может быть соединена с другими концептами данной теоретической концептуализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Alexander, J. «Contradictions: The Uncivilizing Pressures of Space, Time, and Function» / J. Alexander // Soundings. 2000. Vol. 16. P. 96 – 12.
2. Durand, G. The anthropological structures of the imaginary / G. Durand. – Australia: Boombana Publications, 1999. – 448 p.
3. Дарендорф, Р. Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний / Р. Дарендорф. – Москва : НЛЮ, 2021. – 360 с.
4. Козлер Л, Функции социального конфликта / Л. Козлер. – Москва : Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
5. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург: А-сэд, 1999. – 270 с.

УДК 316.7:316.47:327

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Домасевич И. В.

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь*

В современных условиях культурная безопасность становится одним из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности, поскольку проблемы сохранения и трансляции национальных культурных ценностей приобретают все большую остроту и значимость в условиях глобализации и турбулентности, а вопросы государственного управления в сфере культуры представляются весьма актуальными и жизненно важными.

Методологические обоснования понятия «культурная безопасность» рассматриваются в трудах П. Бурдьё, Х. Ортега-и-Гассета, Ю Хабермаса, Н. Лумана, Э. Гидденса, которые значительное внимание уделяли проблеме рисков в духовной сфере. В отечественной научной практике вопросам культурной безопасности посвятили свои исследования В. В. Сергеев, А. Л. Маршак, А. С. Колто, Е. М. Бабосов, С. В. Лапина, М. А. Можейко и др.

Большой вклад в разработку этой проблемы на уровне безопасности культурного пространства внес П. Бурдьё. Безопасность культурного пространства, по мнению П. Бурдьё, состоит в заботе государства о культуре своей страны. П. Бурдьё использует термин культурный капитал, придавая ему новое значение. Под культурным капиталом понимается накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене [1].

Формулирование концепции культурной безопасности явилось следствием осмысления проблемы социальной безопасности. На основе концепции социальной безопасности О. Вивера, С. Форрест предложил трактовку понятия культурной безопасности (cultural security). Культурная безопасность, по С. Форресту, может быть понята как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [3].

Являясь составной частью национальной безопасности, культурная безопасность имеет свою специфику, свои индикаторы и границы. В качестве основных индикаторов чаще всего выделяют уровень политической и правовой культуры, гражданского и национального самосознания, историческую память народа, аксиологические основания его образа жизни, религиозность населения.

Национальная культура Беларуси во всех ее проявлениях выступает в качестве «визитной карточки» Беларуси, одним из главных механизмов формирования и поддержания имиджа страны. Поэтому представляется важным и необходимым создавать условия для ее сохранения, приумножения в интересах сохранения нашей национальной идентичности и самосознания.

В настоящее время в нашей стране разрабатывается *Концепция культурного импортозамещения во всех сферах жизни общества на 2024–2026 годы* (далее – Концепция) с

целью обеспечения культурной безопасности Республики Беларусь, создания национального культурного пространства, способного удовлетворить духовные потребности граждан, воспитать патриота Республики Беларусь.

Как отметил в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Безусловно, вопросы защиты своего национального наследия – это задачи, на решение которых должна быть нацелена вся сфера культуры. Мы всегда достаточно бережно относились к своей культуре, к народному творчеству. Но время ставит новые задачи. Мало беречь и возрождать. Актуальным стал вопрос о поэтапном **культурном импортозамещении**».

Скажу прямо и, кстати, тоже опираясь на мнение неравнодушных людей: действительно, пора уходить от культурных веяний и празднований, которые противоречат нашим христианским традициям и морали. Надо активней продвигать свои традиции, свои символы, своих артистов, художников и так далее. Тем более что спрос на отечественное, на родное растет. Причем касается это не только мероприятий [2].

Необходимость разработки данной Концепции обусловлена определенным негативным влиянием политических, моральных, эстетических взглядов и ценностей иностранного происхождения и созданных на их основе культурных продуктов, результатов интеллектуальной и творческой деятельности на мировоззрение и социальное поведение граждан, что представляет потенциальную угрозу национальной безопасности Республики Беларусь.

В данном программном документе культурное импортозамещение понимается как «стратегия государства, направленная на приоритетное использование результатов творческой и интеллектуальной деятельности, созданных в Республике Беларусь, во всех сферах жизни белорусского общества, при сохранении культурного многообразия и открытости к результатам творческой деятельности иных народов» [2].

В ходе реализации Концепции планируется осуществить анализ итогов выполнения плана мероприятий по реализации концепции (ежегодно) и результатов республиканского опроса об уровне удовлетворенности различных социально-демографических групп населения состоянием и динамикой процессов развития национального культурного пространства во всех сферах жизни общества (2026 г.).

Концепция структурирована и имеет 7 разделов: современные угрозы и вызовы в сфере культуры и общественных отношений (1); сохранение историко-культурного наследия. Национальные традиции, обычаи и этнокультурная идентичность (2); механизмы и принципы продвижения и развития национальной художественной культуры (3); информационная среда и виртуальная реальность (4); воспитание ребенка как патриота Беларуси и приверженца традиционных нравственных ценностей (5); культура быта, общественных отношений и производства (6); культурное развитие регионов (7). Каждый раздел содержит основные направления реализации, которые конкретизируют определенную предметную область.

Таким образом, культурная безопасность – это, прежде всего, культурное строительство и продуманная государственная политика по развитию культуры, которая не может быть реализована без развития системы здравоохранения, образования, социальной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белозор, А. Ф. Культурная безопасность как основа культурной идентичности // А. Ф. Белозор. – Человек и культура. – 2019. – № 1. – С. 80–86.
2. Лукашенко, А. Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию, 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Президент Республики Беларусь: офиц. Интернет – портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. – Дата доступа: 05.10.2023.
3. Рудковский, Э. И. Культурная безопасность как императив национальной безопасности / Э. И. Рудковский. – Искусство и культура. – 2020. – № 2 (38). – С. 72–76.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Зенова Т. В.

*учитель истории ГУО «Гимназия №15 г. Минска»
г. Минск, Беларусь*

Каждая новая историческая эпоха требует привлечения обновленных подходов к организации образовательного и воспитательного процесса. Чрезмерное информационное воздействие, часто оказывающее негативное влияние на формирование личности молодых людей требует реорганизации воспитательной работы в учреждениях образования. В связи с этим целесообразно при создании воспитывающей среды учреждения образования учитывать духовно-нравственный аспект формирования личности учащихся, опираться на историческое прошлое нашего народа, изучение истории нашей страны, создание музейных экспозиций, музеев, направленных на формирование подрастающего поколения достойными гражданами нашей страны.

Современные образовательные стандарты выдвигают ряд новых требований к метапредметным результатам освоения основной образовательной программы, в том числе реализации воспитательного потенциала. Современному молодому человеку необходимо самостоятельно осуществлять поиск информации различных типов, критически оценивать и интерпретировать ее. Поэтому сегодня назрела необходимость пересмотра методических подходов к работе. Важно не освоение нового пространства, а совершенствование и применение уже созданных и отлаженных способов работы к новым условиям: повсеместному внедрению компьютеров, работе с электронными ресурсами сети интернет, освоению социальных масс-медиа. Сегодня в образовательном процессе недостаточно ораторского искусства педагога, недостаточно хороших, содержательных учебных пособий. Современный образовательный и воспитательный процесс сегодня – это не просто информативная единица, а комплексный, личностнообразующий и социализирующий элемент.

Наиболее эффективным инструментом является модель, основанная на гуманистической парадигме образования, которая включает в себя следующие компоненты:

- содержательно-организационный компонент модели включает в себя направления деятельности педагогического коллектива в отношении учащихся и их законных представителей, взаимодействие участников с другими социальными партнерами и заинтересованными, способствует повышению компетенций педагогов, повышению уровня заинтересованности учащихся и их законных представителей;

- духовно-нравственный компонент – определяется в соответствии с системой традиционных ценностей белорусского общества, предполагает принятие их учащимися и следование им в личной и общественной жизнедеятельности с учётом эмоционально-чувственной и морально-волевой сфер развития личности;

- национально-гражданский компонент, связанный с формированием правовой культуры и законопослушного поведения, навыков анализа (оценки) общественно-политических событий, со становлением позиции гражданина Республики Беларусь, готовности к служению своему народу и выполнению конституционного долга, в том числе по защите Отечества, с формированием уважительного отношения к защитнику Отечества;

- образовательно-профессиональный компонент, направленный на сохранение и приумножение потенциала духовной культуры Беларуси через развитие компетенций, инициативы, стремления к достижению более высоких результатов;

- результативно-коррекционный компонент направлен на определение её эффективности и выражается в качественных изменениях ценностной сферы учащихся, уровня воспитанности, личностного развития (углубление знаний истории белорусского народа, его традиций и ценностей, личностное принятие) [1, с. 16–17].

Изменение нравственной воспитанности учащихся проявляется в овладении знаниями об историческом прошлом белорусского народа, нравственных и гуманистических ценностях; в развитии интереса к национальным традициям и ценностям, личностное принятие (эмоционально-

ценностный компонент); активности включения субъектов образовательных отношений в ценностно-ориентированную, информационную, исследовательскую деятельности.

В белорусских школах защита и сохранение исторической памяти красной нитью проходит через содержание учебного процесса. История Беларуси от первых поселений и Полоцкого княжества до наших дней призвана выработать у учащейся молодежи «иммунитет» против чуждых идеалов и ценностей. Белорусские просветители Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Франциск Скорина, Симон Будный – лишь часть известных имен, которые прославили землю белорусскую и заложили фундамент национальной исторической памяти [2].

Духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание учащихся эффективно реализуется через проект «Гордость за Беларусь». Педагоги и учащиеся на протяжении года собирают материалы о просветителях Беларуси (Евфросиния Полоцкая, Франциск Скорина, Кирилл Туровский, Митрополит Филарет, Валентина Минская), о знаменитых людях, таких как Михаил Савицкий, Марк Шагал, о значимых исторических объектах (Мирский замок, Несвижский замок, Брестская крепость), материалы о достопримечательностях, материалы о храмах Республики Беларусь. Исследуя один регион, учащиеся изучают разные отрасли: здравоохранение, промышленность, культуру, образование, достопримечательности – всё то, чем может гордиться каждый белорус. Каждой работе присваивается QR-код, который затем наносится на интерактивную карту под названием #ГОРДОСТЬЗАБЕЛАРУСЬ.

Создание интерактивной карты «Свято-Николаевские храмы Беларуси» – еще один путь воспитания гражданина-патриота совместно с семьями учащихся. Сегодня на этой карте нанесено 48 Свято-Николаевских храма.

В настоящее время во многих учреждениях образования функционируют музейные экспозиции, которые позволяют осуществлять воспитание интерактивными методами. Так, репродукции картин советских художников о Великой Отечественной войне целесообразно представлять, используя технологию «Мультисенсорный анализ». При этом мы имеем возможность воздействовать на чувственное восприятие учащихся, прожить, прочувствовать историю сюжета картины, историю создания полотна.

Здесь же располагаются панели с изображениями мемориальных комплексов с QR-кодами: используя QR-коды, все посетители экспозиции имеют возможность узнать подробную информацию о представленных на панелях мемориалах, истории их создания. При этом целесообразно использовать технологию «Духовный эпицентр». Так, например, объектом данной технологии выбираем мемориал Курган Славы. Большинство людей знает, где он находится, как выглядит. Но не многие знают, что через этот объект истории проходила жизнь миллионов людей, которые привозили к сооружаемому мемориалу «свою» горсть земли, что в основании кургана замурован текст наказа грядущим поколениям. Учащиеся осознают, что в одной точке сосредоточена история целой страны, и даже часть мировой истории. И эта точка является пересечением великих событий.

Очень познавательна виртуальная книга памяти с QR-кодом. В этой книге размещены материалы проекта «#КАРАНШПЕРАМОГА», где собраны уникальные сведения об участниках Великой Отечественной войны-родственников учащихся и педагогов. Знакомство с этими материалами мотивирует учащихся к самостоятельному изучению исторического наследия.

Не теряют своей актуальности и экскурсии. Создавая собственные экскурсии, учащиеся изучают историю нашей страны, посещают музеи не только в родном городе, но далеко за его пределами. Это не просто экскурсии, это глубокий анализ событий, которые произошли на территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

Особое место в формировании гражданина-патриота уделяется взаимодействию семьи и учреждения образования, которое представляет собой процесс совместной деятельности по согласованию целей, форм и методов семейного и школьного воспитания. Основой взаимодействия является создание таких условий, которые способствуют успешной самореализации ребенка, его личностному росту, формированию мотивации учению, формированию гармоничной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Панов, С. В. Патриотическое воспитание белорусской учащейся и студенческой молодежи: социально-педагогическое моделирование / С. В. Панов, В. Н. Пунчик // Республиканский институт высшей школы, 2021. – С. 14–18.
2. Роль историко-культурного наследия Беларуси в формировании гражданственности и патриотизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecoinfo.by>. – Дата доступа: 12.09.2023.

УДК 316.422

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Косенков А. Ю.

*младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В отечественной философии и науке большое внимание уделяется проблемам социализации молодежи. При этом в большинстве исследований новое поколение обычно рассматривается как категория индивидов, которая вынуждена адаптироваться к формируемой среде. Гораздо реже авторы обращают внимание на то обстоятельство, что новое поколение, включаясь в социальные процессы, также преобразует окружающий мир. Наиболее ярко конструктивную сторону бытия молодежи отражает разработка и практики использования ими цифровых технологий. При этом молодые люди являются не только их активными «юзерами», но и силой, способной задать новый вектор процессам цифровизации, что произошло на одном из этапов развертывания компьютерной революции. Рассмотрим этот поворотный момент в истории технологии подробнее.

Компьютерная революция 1940-х гг. была обусловлена Второй мировой войной и началом геополитического противостояния СССР и США. В условиях всеобщей милитаризации появилась необходимость в создании устройств, способных производить быстрые и точные математические расчеты, шифровать и дешифровать данные, передавать их на большие расстояния. Именно это обусловило разработку и интенсивное внедрение компьютеров и сетей – двух знаковых новаций компьютерной революции. При этом первые устройства были массивными и требовали специализированного обслуживания, а сети – недостаточно развитыми, чтобы стать доминирующей технологией информационного обмена.

Поворотным моментом в истории компьютеров и сетей можно по праву считать 1970-ые гг. – рубеж в развитии технологий, справедливо названный М. Кастельсом «технологическим водоразделом» [1, с. 64]. Именно в это время были разработаны микропроцессоры и большие интегральные схемы, которые поспособствовали миниатюризации, повышению производительности и удешевлению устройств. Компьютер и сети в итоге стали доступны не только для крупных учреждений, но и для рядовых индивидов, что привело к двум важным следствиям. Во-первых, производители технологий начали ориентироваться уже не только на потребности военных, научных и промышленных институтов, но и на интересы потребителей (прежде всего, молодежи как наиболее активной ее части), создавая аппаратные и программные продукты для межличностной коммуникации, развлечения и других целей. Во-вторых, молодые люди, в руках которых оказались новые технологии, стали их использовать в соответствии со сложившимися у них представлениями и ценностями. Последние же в немалой степени определялись социально-культурным контекстом: 1970–1980-ые гг. ознаменованы появлением ряда субкультур (с присущим для некоторых из них пацифизмом и отрицанием норм старшего поколения), укоренением неоллиберализма (с культом индивидуализма и критикой государственного регулирования) и так называемой «разрядкой» (временным улучшением отношений двух сверхдержав).

Все вышеперечисленное способствовало тому, что компьютеры и сети перестали восприниматься как инструменты, доступные исключительно политическим и военным элитам. Более того, о технологиях заговорили как об инструментах преобразования общества или даже создания его виртуальной альтернативы. Об этом писал, к примеру, Д. П. Барлоу в Декларации независимости киберпространства (1996 г.): «Мы должны провозгласить свободу наших виртуальных "я" от вашего владычества, даже если мы и согласны с тем, что вы продолжаете

властвовать над нашими телами. <...> Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания. Пусть она будет более человеческой и честной, чем мир, который создали до того ваши правительства» [2].

Неудивительно в таком случае, что многие новации после «технологического водораздела» не несли на себе «отпечаток милитаризма» и соответствовали чаяниям нового поколения. Разработка социальных сетей, например, вселяла веру в возможность безграничной коммуникации, электронных библиотек вроде Википедии – в беспрепятственный доступ к информации, проектов электронного правительства – в повышение прозрачности политических систем и даже появление альтернативных институтов. И показательно, что именно молодыми людьми разрабатывались наиболее знаковые новации современности: операционная система Linux была создана Л. Торвальдсом в 19 лет, Facebook – М. Цукербергом в 20 лет, Вконтакте – П. Дуровым в 22 года, система Windows – Б. Гейтсом в 30 лет.

Обращение к истории технологий подтверждает немалую роль подрастающего поколения в разработке ряда новаций, изменивших ход цифровизации и облик современного общества. Из этого можно сделать следующие выводы, весьма примечательные с теоретической и практической точки зрения.

Во-первых, следует признать, что у молодежи сегодня гораздо больше созидательных возможностей, нежели на предыдущих стадиях развития общества (достаточно сравнить возможности программиста и советского инженера). Современный индивид практически не зависит ни от ресурсов, ни от средств производства, ни от институциональных ограничений в деятельности по созданию программных продуктов, в том числе, способных революционно изменить окружающий мир. По сути, необходимый минимум для их разработки включает три элемента: компьютер, навыки программирования (нередко формируемые в ходе самообучения) и доступ к сети, который позволит сделать программный продукт достоянием общественности. При этом, по мнению некоторых авторов, потенциал цифровых технологий полностью не исчерпан и не осознан современниками. Медиатеоретик Д. Рашкофф в работе с красноречивым названием «Программируй или будешь запрограммирован» замечает: «Нас пугает само понятие программирования, поскольку мы рассматриваем его как рутинную работу для склонных к математике лакеев, а не как язык, с помощью которого мы можем воссоздать мир на наших собственных условиях» [3, р. 142].

Во-вторых, подрастающее поколение способно и сегодня использовать цифровые технологии для переформатирования общества, что подтверждают теоретические и практические поиски в них «преобразовательного начала». Так, разочарование в последствиях распространения интернета (обусловленных в первую очередь повышением степени контроля глобальной сети, сбором персональных данных, распространением фейковой информации) повышает интерес к блокчейну как сетевой технологии будущего. По мнению авторов, в перспективе она может стать новацией, способной даже заменить правительства и корпорации [4, р. 517].

Другой пример попыток преобразования окружающего мира – приложение BeReal (с англ. «будь настоящим»), рассматриваемое как альтернатива социальной сети Instagram. Несмотря на популярность последней, многие специалисты отмечают характерную для ее пользователей проблему социального сравнения: у индивидов нередко снижается самооценка после знакомства с профилями подписчиков, которые кажутся им более успешными [5]. Правда, обусловлено это не столько яркой и насыщенной жизнью, сколько умелым конструированием аккаунтов: пользователи обрабатывают фотографии, избирательно повествуют о своих буднях, искусственно увеличивают аудиторию. Разработчики BeReal (один из них – А. Баррейя, 27 лет) предложили социальную сеть, в которой взаимодействие между индивидами осуществляется по иным правилам. Например, они должны публиковать фото в определенное время и без опции их обработки, демонстрируя аудитории свою настоящую, лишенную лоска, жизнь.

Наконец, в-третьих, вышесказанное позволяет заключить, что сегодняшним теоретикам и практикам важно обращать внимание не только на адаптивную, но и созидательную сторону социального бытия молодежи. Конечно, перед институтами стоит задача формирования информационной культуры и повышения цифровой грамотности как важнейших мер, позволяющих новому поколению успешно включиться в социальные процессы современного общества. Однако признание и основательное исследование конструктивного начала молодежи

повысит эвристический и практический потенциал как разрабатываемых в социально-гуманитарном дискурсе теорий, так и реализуемых программ в рамках молодежной политики.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г22 УЗБ-047 «Социокультурные и аксиологические основания формирования сознания молодежи Узбекистана и Беларуси в условиях современных вызовов и угроз».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Barlow, J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Electronic resource] / J. P. Barlow. – URL: <https://www.eff.org/ru/cyberspace-independence>. – Accessed: 28.09.2023.
3. Rushkoff, D. Program or be Programmed. Ten Commands for a Digital Age / D. Rushkoff. – New York: OR Books, 2010. – 149 p.
4. Swan, M. Transhuman Crypto Cloudminds / M. Swan // The Transhumanism Handbook; ed. by N. Lee. – Los Angeles: Springer, 2019 – P. 513–527.
5. Haferkamp, N. Social Comparison 2.0: Examining the Effects of Online Profiles on Social-Networking Sites / N. Haferkamp, N. Kramer // Cyberpsychology, Behavior and Social Network. – 2011. – № 14 (5). – P. 309–314.

УДК 101.8

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ О ЦЕННОСТЯХ ТРАДИЦИОННЫХ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лагуновская Е. А.

доцент кафедры истории Беларуси и политологии БГУ имени А.С. Пушкина

кандидат философских наук, доцент

г. Брест, Беларусь

В период системной трансформации появились новые проблемы, охватившие все основные сферы жизнедеятельности общества: политическую, экономическую, социальную, духовно-нравственную, требующие дополнительных исследований. В современном социокультурном пространстве представлены негативные явления, проявляющиеся в потере моральных ориентиров, в резком снижении уровня нравственной культуры, в проникновении в сознание людей сомнительных ценностей, в росте правонарушений, в социальном противостоянии. Все более настойчиво заявляет о себе проблема нравственной деградации личности. Подобная ситуация создает угрозу социальной и духовной безопасности общества, порождает опасность антропологического и демографического кризиса. Имеет место проблема духовной и нравственной адаптации человека к новым реалиям жизни, утраты им ценностных ориентиров и понимания смысла своего существования. Становится все более очевидным, что современный человек должен обладать не только высоким уровнем профессиональных знаний, но и нравственной культуры, знанием законов общества и принципов его организации, умением жить в нем на основе общепринятых норм культуры, в том числе и национальной культуры, частью которой являются ценности традиционных христианских конфессий.

Актуальность исследуемой проблемы связана с усилением внимания к теме сохранения традиционных конфессиональных ценностей, необходимостью расширения границ их эмпирического и теоретического осмысления, исследования особенностей их трансляции в духовно-нравственной сфере. Современный взгляд на исследование влияния семьи в формировании у молодежи представлений о ценностях традиционных конфессий предполагает акцентирование внимания на том факте, что семья является основным социальным институтом в истории и современности, фактором трансляции не только социальных норм, но и первичного мироощущения человека. Находясь в рамках семейных установок, большей частью неосознанно, человек как социальный субъект производит действия, которые при интеракции с традициями иной культуры или социальной группы могут привести к неожиданным результатам, в том числе и к конфликтам. Совместимость ценностей, в том числе и религиозных, – одна из социальных проблем, возникающих не только при взаимодействии разнообразных субъектов из различных социальных групп, принадлежащих к разным культурам, но и внутри социального пространства.

Человеческий фактор, как источник возможных социальных рисков, в том числе и в сфере религиозных отношений, все более подвержен воздействию глобализации в связи с развитием техники и новейших информационных технологий. Сохранение традиционных ценностей, их трансляция и анализ степени актуальности и проявленности в индивидуальной и социальной практике становится одной из главных научных проблем, с которыми сталкивается не только социальная философия на теоретическом уровне, но и социальные институты на практическом.

Кафедрой политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина в октябре 2022 г. было проведено социологическое исследование «Конфессиональные ценности в сознании современной белорусской молодежи» (на примере Брестского региона), нацеленное на выявление репрезентации ценностей традиционных конфессий и ориентаций на нетрадиционную религиозность в сознании современной белорусской молодежи. Эмпирическим объектом социологического исследования являлась молодежь в возрасте от 16 до 31 года, проживающая в Брестской области. Социологический опрос проводился в г. Бресте и городах Брестской области, а также в сельской местности.

Большинство принимавших участие в социологическом опросе молодых людей отнесли себя к представителям традиционных христианских конфессий: православие – 64,2 % респондентов, католицизм – 8,6 %, протестантизм – 15,7 %. Ни к какой религиозной конфессии себя не отнесли 10,4 % ответивших. Как показали результаты опроса, современная семья оказывает значительное влияние на формирование религиозности подрастающего поколения, его представлений о ценностях традиционных конфессий. Среди группы православных с этим согласны 80,2 % ответивших. Основам религии они обучались в семье. Тем более в православных семьях – 88,4 % респондентов указали, что верующими являются их родители. Респонденты, отнесшие себя к католицизму, основам религии обучались в семье (73,9 %) и указали, что 91,3 % из них имеют верующих родителей, 95,2 % отнесших себя к протестантам получали знания о своей конфессии в семье. Приверженцы протестантизма указали, что верующими у них были родители (97,6 %).

Таким образом, к верующим себя относит почти 90 % интервьюируемых, при чем большинство из них (78,4 %) указали, что основам религии они обучались в семье. Этот показатель намного превышает другие позиции, из которых можно было выбирать. Следующую группу представляют респонденты, которых никто специально с основами знаний о каком-либо религиозном вероучении и его ценностях не знакомил (17,2 %). 13,1 % от общего количества респондентов основы вероучения интересующей их конфессии стремились постичь самостоятельно, обращаясь к изучению специальной религиозной литературы. Только 10,1 % опрошенных молодых людей Брестского региона основы вероучения изучали в религиозной организации. В рассматриваемом вопросе: «Основам религии Вас учили: ...» были также предложены ответы «крестные» и «друзья», составившие соответственно только 4,9 % и 5,6 %. Поэтому можно утверждать, что институт семьи играет наиболее важную роль в трансляции конфессиональных ценностей и приобщении к основам религиозного вероучения и практики для молодых людей, по сравнению с остальными исследованными социокультурными условиями и факторами влияния. Можно сделать вывод о том, что для большинства белорусской молодежи конфессиональная принадлежность семьи является определяющим фактором собственной религиозной идентичности.

В качестве основных факторов, под влиянием которых происходит выбор религиозной принадлежности, 75,6 % респондентов, относящих себя к православию, выбрали семью и каждый четвертый (25,6 %) – личный опыт. Литература оказывает воздействие на 8,1 % опрошенных.

Респонденты, относящие себя к конфессии католицизма, отметили семью (52,2 %) и личный опыт (26,1 %). Большинство опрошенных протестантов указали семью (85,7 %), личный опыт (69,0 %) и деятельность служителей религиозных организаций (31,0 %).

Результаты социологического исследования свидетельствуют о репрезентации в сознании белорусской молодежи – социально активной части общества – духовных потребностей, соответствующих ценностным ориентациям и установкам традиционных конфессий. Из предложенных возможных ценностей на первое место по значимости в своей жизни опрошиваемые поставили семью (78,7 %), далее идут здоровье (59,3 %), жизнь (53,0 %), любовь (48,1 %) и счастье (47,0 %). Это говорит о том, что в период социальных трансформаций, приводящих к переоценке устоявшихся в социуме ценностей, для 78,7 % всех опрошенных молодых людей важны хорошие отношения с родными и близкими. При этом процент значимости

семьи как ценности в жизни молодого человека увеличивается в возрастной категории от 26 и более лет. Из этого можно сделать вывод: ценность семьи увеличивается, когда у молодого человека расширяются возможности для создания своей собственной семьи. Ценностный статус семьи в сознании современной белорусской молодежи раскрывает ее значимость для передачи накапливаемого опыта, сохранения и воспроизводства основополагающих для национальной культуры ценностных ориентаций из поколения в поколение. Однако, обладая огромными внутренними ресурсами для самосознания, в реальных процессах жизнедеятельности значительная часть молодежи руководствуется широким спектром ценностных ориентаций и установок. Основой исследования имеющихся тенденций влияния семьи на становление личности молодого человека, на формирование у молодежи традиционных конфессиональных ценностей выступает диалектика возможности и действительности.

Ценность семьи как духовная установка оказывает влияние на формирование нравственного сознания молодых людей и детерминацию их поведения в социокультурном пространстве и поэтому применима в качестве ориентира и оценочного основания ко всем сферам жизнедеятельности белорусского общества в дальнейшей перспективе продолжения исследований. Нравственный потенциал современной белорусской молодежи может развиваться как с опорой на созидательные, конструктивные национальные ценности, так и на антисоциальные, деструктивные, если своевременно не направить его в нравственное русло созидания. При этом ценности традиционных конфессий, воплощенные в достижениях духовной культуры и практики белорусского народа, нельзя отрывать от реальных условий нашей действительности, потому что они, как и социальные процессы, подвержены определенной трансформации. Результаты исследования показали, что по вопросам информирования об основах религии, 78,4 % от общего количества интервьюируемых получили данные знания в семье, что показывает тенденцию ее значительного влияния на формирование у молодежи ценностей традиционных для национальной белорусской культуры христианских конфессий и такую тенденцию важно сохранить и усилить.

Таким образом, институт семьи способен оказать действенное влияние на развитие духовного мира индивида на основе духовно-нравственных ценностей традиционных христианских конфессий. В настоящее время подавляющее большинство опрошенных молодых людей относят себя к определенной конфессии по причине своей принадлежности к ней в связи с факторами рождения или воспитания, т.е. принимая выбор родителей или лиц, их замещающих. Семья выступает доминирующим социально-культурным фактором, определяющим религиозный выбор человека и его конфессиональную принадлежность, и по силе своего влияния преобладает над всеми остальными условиями воздействия на его внутренний мир. Через институт семьи транслируются духовно-нравственные ценности, вырабатываемые многими поколениями белорусского народа. Если вовремя не направить моральный потенциал современной белорусской семьи на закрепление нравственных форм сознания, отношений и поведения, выражающих национальные ценности, то ее жизнедеятельность может развиваться в антисоциальном и деструктивном направлении. В целях повышения эффективности формирования нравственной культуры необходимо продолжение последовательно ведущейся в нашем государстве организации системы семейной и молодежной идейно-воспитательной работы на основе ценностей традиционных христианских конфессий через проведение лекций и семинаров, работу в группах и встречи со священнослужителями, как по месту жительства, так и в рабочих коллективах, учебных заведениях. СМИ заранее должны предоставлять информацию о данных мероприятиях. Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о наличии потенциального духовно-нравственного резерва у современной молодежи, актуализация которого должна стать результатом совместных усилий в деятельности семьи, церкви, СМИ, государственных органов и всего общества в целом.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи», № госрегистрации 20211331.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ**Масленченко С. В.**

*заместитель директора по учебной работе Института повышения квалификации
и переподготовки кадров БГУКИ
кандидат культурологии, доцент
г. Минск, Беларусь*

Цифровизация общества – лишь наиболее видимая часть трансформаций, происходящих под влиянием цифровизации культуры. И если на начальной стадии изменения затрагивали в первую очередь материальную сферу жизнедеятельности, то их возникновение все же происходило в нематериальной среде. На последующих этапах осознание трансформаций только ускоряло процесс инноваций и внедрения новых идей в физические процессы. К 2020-м гг. произошедшие изменения стали настолько очевидны, что произошло массовое осознание начала новой цифровой эпохи.

Используя подход В. Виндельбанда и Г. Риккерта к осмыслению действительности, можно сказать, что социум – один, но не единственный фрагмент искусственной среды. Культура как понятие, явление и процесс отражает в себе всю суть неприродной сферы и полноту ее трансформаций, обеспечивает сосуществование материального и духовного, естественного и искусственного, природного, индивидуального и коллективного.

Цифровизация как процесс, порождающий фундаментальные изменения в бытии, стала областью исследований еще с 1970-х гг. Работы М. Бетанкура [1], Ч. Гира [2], Д. В. Галкина [3], К. Клонингера [4], Е. И. Кузнецовой [5], Н. Ю. Квашенко [6], Н. Л. Соколовой [7] и других авторов фрагментарно и несистемно раскрывают причины, сущность и последствия тех трансформаций, что были вызваны изобретением и внедрением цифровых технологий.

Определенную роль в формировании методологии исследования и будущей теории цифровизации культуры и общества сыграли посвященные проблеме виртуализации исследования Д. В. Иванова [8], С. В. Масленченко [9, 10], В. В. Чижикова [11] и других, благодаря которым появившиеся ранее в научном и бытовом обороте термины виртуализация и виртуальная реальность, дополненная реальность могут быть рассмотрены как видовые понятия к термину цифровая реальность. Денотативные и коннотативные возможности многих языков позволяют не только находить между этими дефинициями области взаимного пересечения, но и включать их в понятие цифровое бытие.

Использование диалектического, системного и структурно-функционального подходов в исследовании цифровизации культуры позволяет установить причинно-следственные связи трансформаций, выявить полную картину изменений структуры и функционала всех субъектов и сфер искусственной среды.

Современная нам культура существует как в цифровом, так и аналоговом формате объективации бытия. Границы аналоговой и цифровой культуры определяются лишь человеческим сознанием. При этом сегодня доминирующую роль в признании действующей реальности в качестве той или иной играет массовое сознание, что обусловлено рядом причин и трендов, возникших и действующих в западной цивилизации на протяжении последних двух столетий. Опуская многочисленные особенности конструирования бытия и знания в эпоху господства масс-медиа (интенсивность и широта участия в управлении и системе принятия решений, многообразие форм и средств коммуникации и взаимодействий, т.п.), следует отметить, что именно обыватель определяет степень цифровизации пространства, в котором он живет, уже только потому, что является крупнейшим потребителем (с конца 1980 – 1990 -х гг.) и производителем (в коллаборации с электронными сетевыми медиа, с 2000 – х гг.) цифрового продукта. Повсеместно внедряя уникальные идеи, овладевая новыми знаниями, профессиями, технологиями и практиками, человечество ускоряет процесс трансформации искусственной среды.

Для массового сознания, воспитанного в духе общества потребления, движущим фактором цифровизации материальной сферы становится изобретение и внедрение технологий, позволяющих перевести реальность из аналогового в цифровой формат. И по мере роста технологичности общества, все очевиднее становится доминирующая роль осуществимых идей в изменении искусственной среды человеческого бытия.

Идеалисты предыдущих поколений с энтузиазмом встретили бы текущую эпоху с ее возросшими возможностями по реализации ранее казавшихся фантастическими мыслей об изобретении новых устройств и технологий, совершенствовании техники, да и всей обыденности. С возникновением общества потребления вопрос об абстрактном смысле жизни замещается вопросом о полноте ее насыщения предметами и явлениями, предоставляемыми отраслями производства и услуг. Проживание жизни в комфорте, достатке и мобильности становится атрибутом современности. А попытки вовлечь обывателя в «творение вечного», создание арт-объектов, совершенствование своей духовности, посвящение себя вере и/или другим становятся атрибутами прошлого и все менее популярных социокультурных практик.

Идеи о новом в сфере технологий определяют сознание изобретателя и изменяют сознание масс. Разрыв между временем появления идеи об изобретении и ее физическим воплощением в цифровой культуре стремительно уменьшается по ряду причин: во-первых, само технико-технологическое развитие человечества уменьшает этот интервал, во-вторых, большинство новаций происходит в информационно-коммуникативной сфере, которая первой перешла в цифровой формат и выступает двигателем трансформаций, в-третьих, значительная доля этих изобретений реализуется в цифровой форме, что в разы уменьшает время и объем затрат на объективацию нововведений по сравнению с культурой аналогового формата.

Цифровые продукты (техника, технологии, услуги) не только изменяют повседневность, но и массовое сознание, которое в каких-то моментах целенаправленно, а в некоторых латентно отражает в себе накапливающиеся трансформации. В определенное время число и масштабы трансформаций становятся настолько очевидными, что вслед за индивидуальным, массовое сознание явно «замечает» изменившуюся реальность.

Цифровизация культуры трансформирует структурные элементы общества и отношения между ними. Изменения в части структуры ведут к цифровизации индивида, социальных групп и социальных институтов. Эти элементы общества приобретают цифровую форму (феномен виртуализации и цифровых двойников), которая обеспечивает их интеграцию в единое пространство, построенное и функционирующее на одном типе техники и технологий («цифре»).

Появляются новые социальные роли, обусловленные переходом к эпохе цифровой культуры: хакер, кракер, блогер, контент-креатор, геймер, фрилансер, тиктокер и иные. Некоторые из них становятся инфлюенсерами, лидерами мнений, репрезентативными для текущей эпохи ролями, находя воплощение в системе образования (новые специальности и профили обучения), искусства (цифровое искусство во всех его видах (цифровые арт-объекты и иное) и образах (новые образы героев в кино и рекламе и иное) и экономики (новые профессии и индустрии). Как закономерность формируются и социально одобряемые ожидания по конструктивному влиянию данных ролей на развитие социума и культуры.

Возникают новые сферы бытия, не имеющие прототипов в аналоговой реальности: виртуальная реальность, рынок электронных токенов, арт-индустрия объектов в формате NFT, иное. Цифровая подпись, биометрические документы, единый кабинет цифровых услуг, цифровые деньги и иные цифровые продукты выступают средствами вовлечения структурных элементов общества в новые социокультурные процессы и примерами объективации цифровой культуры в социальной динамике. Появляясь в искусственной среде, они до определенной поры остаются неисследованными объектами точно так же, как порождаемые ими новые социальные отношения и процессы. По мере становления цифровой культуры и цифрового общества будет нарастать дисбаланс между детальным и массовым исследованием цифрового продукта и поверхностным и фрагментарным исследованием последствий их действия и распространения.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

во-первых, цифровизация искусственной среды ведет к переходу от аналоговой к цифровой культуре;

во-вторых, новации, порожденные индивидуальным сознанием, выступают минимальными средствами изменений социокультурной реальности и массового сознания, которое отражает трансформацию бытия с темпоральным опозданием;

в-третьих, новации в цифровом формате, объективируясь в новом типе продукта (цифровые товары и услуги), ведут к цифровизации социальной структуры общества и социальных процессов в нем, порождая многообразие цифровых форм и их содержания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Betancourt, M. The Invention of Glitch Video: Digital TV Dinner (1978) [Electronic resource] / M. Betancourt // MichaelBetancourt.com. – Mode of access: http://www.michaelbetancourt.com/pdf/Betancourt_TheInventionofGlitchVideo.pdf. – Date of access: 12.09.2023.
2. Gere, C. Digital Culture / C. Gere. – London : Reaction Books, 2008. – 240 p.
3. Галкин, Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей / Д. В. Галкин // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3(8). – С. 11–16.
4. Cloninger, C. GlitchLinguistx: The Machine in the Ghosts [Electronic resource] / C. Cloninger // Espaciobyte.org. – Mode of access: <https://www.espaciobyte.org/docs/glitch.pdf>. – Date of access: 12.09.2023.
5. Кузнецова, Е. И. Цифровая эпоха: грани нового социокультурного опыта / Е. И. Кузнецова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4. – С. 36–40.
6. Квашенко, Н. Ю. Влияние инфосферы на ценностные установки личности в цифровой культуре / Н. Ю. Квашенко // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 1. – № 1. – С. 19–29.
7. Соколова, Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? / Н. Л. Соколова // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3(8). – С. 6–10.
8. Иванов, Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.
9. Масленченко, С. В. Виртуализация реальности: электронные социальные сети / С. В. Масленченко // Управление защитой информации. – 2010. – Т. 14. – № 2. – С. 172–185.
10. Масленченко, С. В. Институционализация милиции (полиции) в киберпространстве / С. В. Масленченко // Психология, педагогика и социология в правоохранительной деятельности : сб. науч. тр. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2019. – Вып. 1. – С. 171–181.
11. Чижиков, В. В. Информационные технологии как трансляторы культуры и искусства в виртуальной реальности / В. В. Чижиков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 1(111). – С. 89–97.

УДК 316.346+316.64

СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Новицкая Т.В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Материал работы подготовлен по результатам социологического исследования, проведенного государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (далее – Институт социологии НАН Беларуси) в мае-июне 2022 г. методом анкетного опроса. В соответствии с целью исследования опрашивалось население Республики Беларусь от 18 лет и старше, с репрезентацией по региону проживания, типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Объем выборочной совокупности составил 1819 респондентов. При подготовке материала для анализа была отобрана группа респондентов в возрасте от 18 до 30 лет включительно, которая составила 349 человек или 19,2 % от общего количества опрошенных. Доверительный интервал по выбранной группе $\pm 5,3\%$.

Социальный остракизм как феномен является значимым явлением, он несет как деструктивную, так и адаптивную функции. Объекты и субъекты социального остракизма являются частью рискованного пространства. Риски и их последствия особенно ощутимы в молодежной среде. Высокая скорость социальных, экономических, цифровых изменений оказывает влияние на положение и социальное развитие молодого поколения. Молодежи свойственна эмоциональная окраска и категоричность суждений о любых проявлениях девиантного поведения в сравнении с представителями других возрастных категорий, в связи с чем снижается социальная значимость индивида, размываются привычные и устоявшиеся в обществе нормы, и ценности, а субъекты девиантного поведения подвергаются социальному остракизму. Немаловажную роль в восприятии девиантного поведения играет социальное

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках гранта № Г22Мн-009 «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации»

окружение индивида. По результатам проведенного Институтом социологии НАН Беларуси социологического исследования 93,4% молодежи отметили, что в их окружении есть курящие люди. Следом в окружении молодежи преобладают люди, систематически употребляющие алкоголь – 67,0 % и безработные – 46,1 %. В меньшей степени среди молодежного окружения респондентами названы люди, освобожденные из мест лишения свободы – 26,9 %; люди, страдающие компьютерной зависимостью – 24,6 %; люди, страдающие игровой зависимостью – 21,5 %; люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией – 17,5 %; люди, страдающие психическими расстройствами – 14,3 %; люди, совершившие попытку самоубийства / самоубийство – 13,8 %; наркопотребители – 8,0 %; люди, оказывающие сексуальные услуги за вознаграждение – 7,7 %; люди, живущие с ВИЧ / СПИД – 6,6 %. (см. таблицу 1)

Таблица 1. Есть ли в Вашем окружении представители следующих социальных групп? (в %)

	Всего	Мужской	Женский	Город	Село
Курящие люди	93,4	92,1	94,6	94,3	89,9
Люди, систематически употребляющие алкоголь	67,0	70,3	64,1	68,9	59,4
Безработные	46,1	44,2	47,8	47,5	40,6
Люди, освобожденные из мест лишения свободы	26,9	27,9	26,1	27,5	24,6
Люди, страдающие компьютерной зависимостью	24,6	27,9	21,7	25,7	20,3
Люди, страдающие игровой зависимостью	21,5	25,5	17,9	23,2	14,5
Люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией	17,5	12,7	21,7	19,6	8,7
Люди, страдающие психическими расстройствами	14,3	13,3	15,2	15,7	8,7
Наркопотребители	8,0	9,7	6,5	8,6	5,8
Люди, оказывающие сексуальные услуги за вознаграждение	7,7	7,9	7,6	8,2	5,8
Люди, живущие с ВИЧ / СПИД	6,6	4,8	8,2	7,5	2,9

По мнению молодежи наибольшему негативному или предвзятому отношению со стороны общества подвергаются представители следующих социальных групп: наркопотребители (0,387), люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией (0,335), те кто оказывает сексуальные услуги за вознаграждение (0,255), а также освобожденные из мест лишения свободы (0,105). Нейтрально относятся к людям, живущим с ВИЧ/СПИД (0,042), страдающие психическими расстройствами (-0,003) и тем, кто систематически употребляет алкоголь (-0,013). Наибольшую терпимость белорусская молодежь проявляет к страдающим игровой зависимостью (-0,213) и компьютерной зависимостью (-0,248), безработным (-0,285) и курящие люди (-0,477). Нейтральная оценка и терпимость к тем или иным группам с девиантным поведением может быть связана с тем, что в окружении молодежи таких людей достаточно много среди знакомых, родных и близких.

В целом девушки больше чем юноши склонны считать, что дискриминация в нашем обществе преобладает: значения индексов дискриминации у девушек практически по всем группам выше, чем у юношей, за исключением людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией и страдающих игровой зависимостью (значения практически равны). Так же по мнению девушек живущие с ВИЧ/СПИД и те, кто страдает психическими расстройствами в большей степени подвержены дискриминации и социальному ostracismu соответственно.

Разницы между оценками дискриминации практически не наблюдается между молодежью, проживающей в городской и сельской местности, за исключением оценок следующих групп: тех, кто оказывает сексуальные услуги за вознаграждение, страдающих игровой зависимостью и безработных. Проживающие в городе считают, что эти группы больше подвержены негативному и предвзятому отношению в сравнении с мнением сельской молодежи. (см. таблицу 2)

Таблица 2. Оценочные индексы дискриминации социальных групп со стороны других членов общества (Значения индекса*)

Социальные группы	Всего	Мужской	Женский	Город	Село
Наркопотребители	0,387	0,355	0,416	0,404	0,319
Люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией	0,335	0,336	0,334	0,343	0,304
Люди, оказывающие сексуальные услуги за вознаграждение	0,255	0,224	0,283	0,288	0,123
Люди, освобожденные из мест лишения свободы	0,105	0,061	0,144	0,125	0,022
Люди, живущие с ВИЧ / СПИД	0,042	-0,073	0,144	0,036	0,065
Люди, страдающие психическими расстройствами	-0,003	-0,109	0,092	-0,011	0,029
Люди, систематически употребляющие алкоголь	-0,013	-0,055	0,024	-0,023	0,029
Люди, страдающие игровой зависимостью	-0,213	-0,218	-0,209	-0,180	-0,348
Люди, страдающие компьютерной зависимостью	-0,248	-0,279	-0,220	-0,234	-0,304
Безработные	-0,285	-0,309	-0,264	-0,261	-0,384
Курящие люди	-0,477	-0,545	-0,416	-0,477	-0,478

* Индекс рассчитывается как показатель, который отражает разницу сумм по выборам положительных («да» с коэффициентом +1 и «скорее да» с коэффициентом +0,5) и отрицательных («скорее нет» с коэффициентом -0,5 и «нет» с коэффициентом -1) ответов на вопрос. Положительные значения коэффициента указывают высокий уровень, отрицательные – на низкий уровень дискриминации с точки зрения респондентов.

В качестве тех, кого молодежь не хотела бы видеть среди своих друзей и знакомых чаще всего были указаны наркопотребители (74,2 %), чуть меньше половины респондентов отметили страдающих психическими заболеваниями (46,7 %), систематически употребляющих алкоголь (44,1 %) и оказывающих сексуальные услуги за вознаграждение (43,3 %). Треть опрошенных не желает видеть в своем окружении людей, освобожденных из мест лишения свободы (37,2 %), людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (35,5 %), живущих с ВИЧ/СПИД (29,5 %). Меньше всего нежелания видеть в качестве друзей или знакомых среди молодежи вызывают страдающие игровой зависимостью (26,4 %) и компьютерной зависимостью (18,3 %), курящие люди (7,7 %) и безработные (6,3 %).

Наибольший негатив среди юношей по сравнению с девушками вызывают люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, практически в два раза больше респондентов отметивших данный вариант ответа – 46,1 % и 26,1 % соответственно. Девушки в свою очередь негативнее относятся к освобожденным из мест лишения свободы (на 15,5 %), систематически употребляющим алкоголь (на 12,4 %) и страдающим игровой зависимостью (на 12,1 %).

В свою очередь сельская молодежь негативнее относится к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией (на 9,9 %) и более толерантны к наркопотребителям (на 11,2 %), а также к страдающим психическими заболеваниями (на 9,4 %). (см. таблицу 2)

Таблица 3. Представителей каких социальных групп Вы НЕ хотели бы видеть в качестве друзей, знакомых? (в %)

	Всего	Мужской	Женский	Город	Село
Наркопотребителей	74,2	72,1	76,1	76,4	65,2
Людей, страдающих психическими заболеваниями	46,7	47,9	45,7	48,6	39,1
Людей, систематически употребляющих алкоголь	44,1	37,6	50,0	45,4	39,1
Людей, оказывающих сексуальные услуги за вознаграждение	43,3	42,4	44,0	43,9	40,6
Людей, освобожденных из мест лишения свободы	37,2	29,1	44,6	36,8	39,1
Людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией	35,5	46,1	26,1	33,6	43,5
Людей, живущих с ВИЧ / СПИД	29,5	30,3	28,8	28,6	33,3
Людей, страдающих игровой зависимостью	26,4	20,0	32,1	27,9	20,3
Людей, страдающих компьютерной зависимостью	18,3	13,3	22,8	19,6	13,0
Курящих людей	7,7	4,8	10,3	7,9	7,2
Безработных	6,3	6,1	6,5	6,4	5,8
Никого из перечисленных	7,2	7,3	7,1	6,1	11,6
Затрудняюсь ответить	10,9	10,3	11,4	10,0	14,5

В качестве соседей или коллег по работе белорусская молодежь в первую очередь не хотела бы видеть наркопотребителей (67,3 %), во вторую тех, кто систематически употребляет алкоголь (45,8 %), в третью – страдающих психическими заболеваниями (44,5 %). Треть опрошенных негативно относятся к людям, оказывающим сексуальные услуги за вознаграждение (37,2 %), освобожденным из мест лишения свободы (35,2 %), людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией (30,4 %) и живущим с ВИЧ / СПИД (27,2 %). Наиболее толерантна, в качестве соседей или коллег по работе, белорусская молодежь к страдающим игровой зависимостью (18,1 %) компьютерной зависимостью (12,3 %), курящим (8,6 %) и безработным (7,2 %). Девушки более толерантны по отношению к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией (на 14,8 %) и менее по отношению к страдающим игровой зависимостью (8,9 %). Сельская молодежь более спокойно относится к наркопотребителям (на 11,7 %) и к страдающим психическими заболеваниями (на 10,6 %).

Таблица 4. Представителей каких социальных групп Вы НЕ хотели бы видеть в качестве соседей, коллег по работе? (в %)

	Всего	Мужской	Женский	Город	Село
Наркопотребителей	67,3	66,1	68,5	69,6	58,0
Людей, систематически употребляющих алкоголь	45,8	44,8	46,7	45,7	46,4
Людей, страдающих психическими заболеваниями	44,7	44,8	44,6	46,8	36,2
Людей, оказывающих сексуальные услуги за вознаграждение	37,2	37,0	37,5	36,8	39,1
Людей, освобожденных из мест лишения свободы	35,2	32,1	38,0	35,4	34,8
Людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией	30,4	38,2	23,4	29,3	34,8
Людей, живущих с ВИЧ / СПИД	27,2	27,9	26,6	27,1	27,5
Людей, страдающих игровой зависимостью	18,1	13,3	22,3	18,9	14,5
Людей, страдающих компьютерной зависимостью	12,3	8,5	15,8	12,9	10,1
Курящих людей	8,6	7,3	9,8	8,9	7,2
Безработных	7,2	5,5	8,7	7,9	4,3
Никого из перечисленных	10,3	11,5	9,2	8,6	17,4
Затрудняюсь ответить	14,0	12,7	15,2	13,6	15,9

В целом белорусская молодежь чуть более толерантна по отношению к представителям выше указанных групп в качестве соседей или коллег по работе в сравнении с друзьями или знакомыми. Это говорит о том, что проявления девиантного поведения в ближнем круге общения со стороны молодежи может подвергаться большему осуждению.

С точки зрения опрошенной молодежи в современном белорусском обществе социальному ostrакизму наиболее подвержены наркопотребители, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, те, кто оказывает сексуальные услуги за вознаграждение, а также освобожденные из мест лишения свободы. В то же самое время большинство молодежи однозначно негативно относится к наркопотребителям (что совпадает с их оценкой ostrакизма в обществе), людей, систематически употребляющих алкоголь, страдающих психическими заболеваниями и тех, кто оказывает сексуальные услуги за вознаграждение.

Девиантное поведение представляет собой совокупность клиничко-психологических и социально-психологических диагностических признаков, дифференцирующих различные категории отклоняющегося поведения. Результаты социологического исследования показывают, что проявление социального ostrакизма среди молодежи связано с девиантным поведением различных социальных групп населения в их окружении.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ МОЛОДЕЖЬЮ МОНГОЛИИ¹

Норовжамц Монхбат

*преподаватель Улан-баторского парка науки и технологии МонГУ,
докторант, МА,
г. Улан-батор, Монголия*

В эпоху Интернета и цифровых технологий кардинально изменились способы обучения, развития, игры и общения детей и молодежи друг с другом, открыв перед ними широкий спектр возможностей для самовыражения, получения знаний и развития своих талантов. Но, с другой стороны, учитывая рост числа детей в Интернете и электронных СМИ, которые находят неподобающий контент, такой как информация, изображения, видео, не соответствующий их возрасту, а также получают от других непристойный и насильственный контент, вследствие чего становятся подвержены риску интернет-насилия и других преступлений. В рекомендациях 5-го доклада о выполнении Конвенции о детских правах Комитетом по детским правам было специально отмечена необходимость принять все меры, направленные на защиту детей от информации, причиняющей вред их благополучию, размещенной в сети Интернет и социальных сетях [1]. Согласно отчету, количество пользователей Интернета в Монголии возрастной группы 20-24 года за последние 10 лет выросло в 69 раз из-за использования мобильных телефонов, и составляет 91,3%, что показывает актуальность изучения проблем в контексте цифровизации [2].

В докладе приводятся данные исследования, проведенного группой ученых Улан-баторского парка науки и технологии МонГУ в рамках проекта «Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в условиях дигитализации» при поддержке совместного гранта БФФИ и Монгольского Фонда науки и технологии в 2022-2023 гг.

В исследовании приняли участие 800 молодых людей в возрасте 18-34 лет из городов Дархан-Уул и столицы Улан-Батор и 4 провинций, отобранных методом многоступенчатой стратифицированной выборки.

Социально-демографические характеристики опрошенных

Возрастная структура была поделена на группы на 18-24 и 25-34 года. В опросе приняли участие 38,1 % или 305 человек в возрасте 18-24 лет и 6,9 % или 495 человек в возрасте 25-34 лет. Гендерное соотношение составило 49,1 % мужчин или 394 человека и 50,7 % женщин или 406 человек. По уровню образования молодежи небольшой процент занимают люди с полным средним (26,8 %), степенями бакалавра и магистра (61,1 %), а также люди с начальным и неполным средним образованием. В сельской местности наблюдается достаточно большое число молодежи без образования, с начальным или неполным средним образованием, тогда как в городской местности увеличивается доля бакалавров и магистров.

Молодёжная группа является очень разнородной, состоящей как из представителей кочевников, живущих в сельской местности, так и большой группы, которая учится и развивается, преодолевая все социальные и экономические проблемы, возникающие в новую эпоху. Ее можно рассматривать как мобильную группу, активно вовлеченную в перемещение молодых людей с точки зрения условий их жизни, переезда из одного места в другое, обучения и развития, профессиональной деятельности и средств к существованию, семейного статуса и работы. В ходе опроса респонденты ответили, что они родились и выросли в районе проведения опроса (52,5 %), что они не родились, но выросли и проживают в локации опроса (24,8 %), переехали (22,8 %). Большинство мигрировавших людей участвовали в миграции в период с 2016 по 2021 год, при этом уровень сельской миграции в столицу Улан-Батор выше, а уровень миграции в сельскую местность низкий. Проблема миграции молодежи из сельской местности в город является важной так как затрагивает вопросы трудовой занятости и качества жизни молодых людей.

Полученные данные относительно брачного статуса молодых людей на момент проведения опроса свидетельствуют, что 48,8 % были женаты, 44,6 % одиноки, 4 % разведены, 1,8 % овдовели и 1,3 % жили с партнером. Число молодых людей, имеющих 3-4 члена семьи, составляет 24,3-

¹ Доклад подготовлен при поддержке совместного гранта Фонда науки и технологии Монголии и Белорусского РФФИ, ШУТ ХТБ-2022/01-«Социальные риски молодежи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации».

30,9 %, при этом прирост числа семей снизился на схожее значение в городской и сельской местности. Живут дома с мужьями/женами и детьми 36,6 %, а 33,3 % ответили, что проживают с родителями, братьями и сестрами, что свидетельствует о расширенных связях монгольской семьи.

Важным социально-экономическим показателем является то, что 60,2 % респондентов имеют среднемесячный доход от 500 тысяч (около 150 долларов) до 2 миллионов тугриков, при этом доходы городских жителей выше доходов сельских жителей. Количество квалифицированных граждан выше в городах (77,8 %), чем в сельской местности (22,2 %), а это указывает, на недостаточность профессионального образования для сельской молодежи. Высок процент ответивших в сельской местности, что они работают, даже если не имеют определенной профессии, в то время как в городах высока доля молодых людей, осуществляющих трудовую деятельность в рамках полученной профессии.

Интернет использование

Отвечая на вопрос относительно предпочитаемых источников информации ответы участников опроса распределились следующим образом: 22,4 % ответили, что смотрят телевизор (61,1% в городах и 38,9% в сельской местности), 51,3 % получают информацию с мобильных телефонов и планшетов, причем это выражено у городской молодежи на 26,3 % больше, чем сельской молодежи из-за оседлой культуры и распространенности социальных сетей.

В основном молодежь использует Интернет для общения с друзьями (46,3 %), оперативного получения информации (20,4 %) и в образовательных целях (13,9 %). Молодые люди обычно используют устройства Wi-Fi дома (45,0 %) или подключаются к Интернету со своих мобильных телефонов (49,6 %), при этом доля молодежи имеющей возможность подключения к Интернету в городах выше, чем в сельской местности. Также большинство (94,6 %) пользуются Интернетом со смартфонов и устройств Wi-Fi. Facebook (100 %), Instagram (77,0 %), youtube (65,4 %), Twitter (17,3 %), Snapchat (15,8 %), wechat, viber (22,5 %) наиболее часто используемые социальные сети среди опрошенных молодых людей. Один аккаунт использует 62,7 % молодых людей, остальные имеют более двух аккаунтов.

Социальные риски

Следует отметить существование риска раскрытия личной информации другим людям и риска стать жертвой насилия и буллинга. Следует отметить, что в цифровом пространстве мужчины более беспечны, чем женщины. Особенно это касается сельских мужчин, которые чаще при создании паролей в Интернете для облегчения запоминания используют только цифры или символы. Например, существует риск раскрытия такой информации, как дата рождения, регистрация и т.д., с другой стороны, также существует риск подвергнуться травле со стороны других, например, не заблокировать свой адрес адрес, выходя в Интернет в каких-либо общественных местах, например Интернет-кафе.

Местожительство также влияет на доступ к Интернету. Если в городах треть респондентов (27,3 %) отметили затрудненность доступа к Интернету, то в сельской местности уже две трети испытывают данные проблемы (72,7 %).

Каждый шестой молодой человек, принявший участие в опросе, ответил, что пользуется Интернетом до одного часа в день, что можно считать адекватным потреблением. По данным международных исследований взрослому рекомендуется использовать 3 часа в день, а при необходимости работать более указанного времени, рекомендуется отдыхать каждый час. Кроме того, каждый второй опрошенный пользуется Интернетом 2 и более часа. Причина этого в том, что они тратят большую часть своего времени на общение с друзьями, прослушивание музыки, просмотр фильмов и чтение национальных новостей и развивающей информации, в то время как остальные тратят большую часть своего времени на игры. Молодежная группа является лидером развития инновационного общества. Об этом свидетельствует тот факт, что более 80% активно пользуются Интернетом и уделяют внимание размещению фотографий, видео и постов на своих сайтах и в влогах. Только 20 % присутствуют в on-line среде лишь с позиции читателя.

В 2018 году при опросе онлайн-использования подростков каждый третий ребенок ответил, что не имеет знаний о настройках защиты своих персональных данных [1]. Результаты настоящего исследования показали, что большая часть молодых людей имеет хорошие (69,4 %) или умеренные знания (21,6 %) о настройках защиты своих персональных данных. Ответили «не знаю» только (9,1 %). Для защиты себя от киберрисков, которые могут возникнуть в онлайн-среде,

они чаще меняют пароли на компьютерах и сайтах сервисов (27,8 %), удаляют историю посещений Интернета (19,4 %) и меняют настройки доступа (10,6 %).

Молодые люди ответили, что имеют достаточные знания о компьютерных вирусах (65,3 %), фейковой информации (61,0 %), электронных кражах и мошенничестве (61,5 %), защите личной и чужой репутации (46,2 %). Они отметили, что слышали о таких понятиях, как информационная война и секретные свидетельские материалы, но не вполне понимают, что это такое.

В эпоху цифровых технологий мы должны более реалистично относиться к социальным последствиям и рискам использования технологий. Необходимо воспринимать риски не как надуманную концепцию и осуществляемое СМИ и иными медиа запугивание мнимыми страхами, а как реальную опасность в целях предотвращения негативных действий: онлайн-мошенничества, посягательства на человеческое достоинство, буллинга или остракизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о современном состоянии о цифровом потреблении подростками / Департамент развития семьи. – 2018 – Улаанбаатар.
2. Госкомстат. Потребление Интернета и мобильных устройств [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: Retrieved from <http://www.1212.mn>. – Дата доступа: 25.09.2023

УДК 316.624.2

ФЕНОМЕН КИБЕРБУЛЛИНГА И СПОСОБЫ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ

Орлович А. А.

*студентка кафедры социологии БГУ
г. Минск, Беларусь*

Интернет-коммуникации в 21 веке являются одним из ведущих участников процесса адаптации и социализации, вытесняя традиционные институты. И, если традиционные институты направлены на формирование единой культуры в обществе, то виртуальный мир таких целей не имеет, а также может разрушить уже существующее представление индивида о нормах и ценностях общества.

Одна из основных причин популярности общения в социальных интернет-сетях – анонимность и создание идеального образа своей жизни. В интернете каждый может быть тем, кем он хочет, конструируя ту модель поведения, которая соответствует его образу, а также, создавая имидж, например, успешного или модного субъекта, но при этом эта картинка будет в корне не соответствовать действительности. Другие пользователи могут чувствовать дискомфорт и психологическое давление из-за идеальных жизней окружающих, когда их мир не так хорош.

Анонимность играет немаловажную роль в процессе общения в интернете, так как человек чувствует себя более защищенным и уверенным при общении с другими, при написании постов/комментариев, но, с другой стороны, это приводит к развитию чувства безнаказанности и вседозволенности.

Кибербуллинг – это психологическое насилие в цифровом пространстве [1]. Он может происходить в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах и в приложениях в мобильных телефонах. Целью насилия в интернете является желание разозлить, обидеть или опозорить, а иногда и довести до самоубийства объект травли. Это может происходить посредством размещения неправдивой информации о пользователе или через написание негативных комментариев под публикациями.

Психологи определяют насилие как реальное или выраженное в форме угрозы преднамеренное применение физической силы или власти против личности, социальной группы или общества, приводящее к негативным последствиям, наносящим вред человеку (боли, увечью, смерти, психологической травме, нарушению развития или депривации). Ключевым словосочетанием является «преднамеренное (неслучайное) нанесение вреда». Если кто-то случайно или по неосторожности ударил локтем стоящего рядом человека, это нельзя расценивать как акт насилия, так как никакой преднамеренности совершить это действие и тем более умысла причинить этому человеку вред у него не было [2].

Психологическое насилие трудно распознать, так как внешние признаки практически не заметны. Однако с последствиями психологического насилия трудно справиться, они характеризуются серьезным влиянием на психику [3, с. 106].

Стоит упомянуть, что нет общепринятых понятий в научном сообществе феномена психологического насилия и далее вытекающих из этой темы понятий, что также усложняет проведение исследований по актуальной в наши дни теме.

По мнению А. Б. Орлова, спектр психологического насилия включает:

а) психологические воздействия (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, чрезмерная критика, ложь, изоляция, запреты на поведение и переживание, негативное оценивание, фрустрация основных нужд и потребностей и т. п.);

б) психологические эффекты (утрата доверия к себе и миру, диффузная самоидентичность, полезависимый когнитивный стиль, внешний локус контроля, беспокойство, тревожность, нарушения сна и аппетита, депрессия, агрессивность, уступчивость, угодливость, плохая успеваемость, коммуникативная некомпетентность, низкая самооценка, склонность к уединению, суицидальные наклонности, задержки физического и психического развития и т. д.);

в) психологические взаимодействия (доминантность, эффективность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность, бесчувственность, ригидность, безответственность, неуверенность, беспомощность, самоуничтожение со стороны жертвы психологического насилия) [2, с. 86].

Причина такого поведения буллера кроется в ощущении безнаказанности, из-за которой у него появляется возможность выместить свою агрессию на кого-то. Еще одной причиной может выступать зависть по той или иной причине к объекту, который становится жертвой, критерии, становящиеся факторами такого поведения, могут быть совершенно разные. Стоит отметить, что от травли в сети никто не защищен: ни знаменитость с миллионом подписчиков, ни обычный подросток, живущий своей жизнью.

Токсичность в интернет-пространстве – это один из способов избегания своих личных проблем в реальной жизни, а также возможное наличие у кибербуллера психологических травм и комплексов, которые ведут за собой агрессивное поведение и перенос своих негативных эмоций на других [1].

Существует несколько способов борьбы с агрессивным и токсичным поведением в интернете:

- Игнорировать нападки, то есть сдерживать эмоции и не вступать в конфликт с человеком, который пытается вывести на негативные эмоции;

- Не винить себя, так как в том, что пользователь стал жертвой кибербуллинга никто не виноват, а зачастую жертва начинает искать причины такого агрессивного поведения со стороны других в себе, даже если объективно она не виновата;

- Исключить вероятность общения: если даже пользователи попали под прицел кибербуллера, им стоит заблокировать его, чтобы в дальнейшем он не мог им написать;

- Поделиться проблемой, так как рассказав о том, что пользователь подвергся агрессии со стороны другого пользователя – это хороший вариант обезопасить других от похожих ситуаций;

- Пожаловаться на этого пользователя – самый простой и быстрый способ избавиться от кибербуллера, так как в данной ситуации администрация удалит его страницу;

- Соблюдать цифровую диету – это ещё один простой способ избежать встречи с кибербуллером, так как, чем меньше времени пользователь проводит в интернете, тем с меньшей вероятностью он столкнется с негативом.

Кибербуллинг является не только актуальной темой для социологического изучения, но также достаточно сложной. Отсутствуют отработанные методики, что не позволяет проводить сравнительный анализ полученных результатов. Пути преодоления данной проблемы заключаются в объединении усилий социологов и психологов.

При изучении феномена кибербуллинга трудности возникают уже на этапе отбора респондентов, если речь идет о жертвах, которые относятся к труднодоступным группам. Особенности данных групп делают неэффективными или, в некоторых случаях, невозможными применение «классических» подходов к планированию и проведению социологического исследования. Работа с труднодоступными группами требует от социологов не только нестандартного творческого подхода, но и специфической методологической подготовки [4].

Одним из эффективных направлений сбора информации по данной тематике является метод виньеток. Виньетки – это краткие рассказы или сценарии, которые описывают гипотетические характеристики и ситуации, на которые респондент должен выразить свою реакцию. Поскольку ситуации являются гипотетическими, то с большей вероятностью возможно обойти «острые углы» и изучать сенситивные темы, а также получить достоверные данные о реальных чувствах и мотивах респондентов, что наиболее ценно при изучении кибербуллинга [4].

Социальные интернет-сети полезны для поиска новой информации, обогащения знаний, раскрытия творческого потенциала, хорошего времяпрепровождения и формирования социального капитала. Вместе с тем они опасны как для физического, так и для эмоционального здоровья человека. Распространение мошенничества, подражание «ненастоящей» жизни своих кумиров, появление комплексов из-за плохих комментариев и возникновение зависимости у человека от социальных интернет-сетей – вот лишь малая часть негативных последствий влияния интернета на социализацию молодежи. Поэтому стоит всегда помнить о том, как правильно себя обезопасить в интернете и избежать негативного воздействия кибербуллеров. Отсутствие единой методики исследования кибербуллинга значительно усложняет работу социологов и других специалистов, что приводит к снижению уровня, проводимых исследований, и изучения данной темы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Волкова, Е. Н. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, А. С. Голубовская // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2019. – № 2. – С. 71–81.
2. Насилие как психологически феномен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Downloads/nasilie-kak-psihologicheskii-fenomen.pdf. – Дата доступа: 27.04.2023.
3. Ствольгин, К. В. Психология агрессии и насилия [Электронный ресурс]: учебно-методический курс / К. В. Ствольгин. – ГИУСТ БГУ, Каф. социальной работы и реабилитологии. – Минск, 2017. – 146 с.
4. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования: пособие / И. Ф. Девятко. – Екатеринбург: ИГП, 1998. – 296 с.

УДК [02+02:001.893]:316.334.3

БИБЛИОТЕЧНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ОБЩЕСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Переверзева Ю. А.

*доцент кафедры технологий профессионального образования РИПО
кандидат педагогических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Парадигма, представляющая библиотеку в качестве социального института, получила развитие в начале XX века. В этот период складывается библиотечный социальный институт в своих компонентах (практика, наука, образование, коммуникация, управление): именно тогда формировалось профессиональное библиотечное сознание; библиотечная деятельность выделилась в самостоятельную профессию; образовалось общество людей, профессионально связанных с ним [1, с. 7]. Существует позиция, что отнесение библиотеки к социальному институту продиктовано тем, что она – относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая стабильность связей и отношений в рамках общества [2].

В современном социуме имеется видовое многообразие библиотек – универсальные научные, специальные, публичные, детские, школьные, учреждений среднего профессионально-технического и высшего образования и др. Каждая по отдельности и все вместе они играют ключевую роль в развитии общества, реализуя образовательную, воспитательную, информационную, просветительскую, кумулятивную, гедонистическую, производственную и прочие функции, и позволяют сохранить и передать знания будущим поколениям путём формирования массивов традиционных и электронных информационных ресурсов, использования новейших социально-культурных практик организации библиотечной среды и преимущественной бесплатности библиотечно-информационного обслуживания всех категорий населения.

Библиотечный персонал – ключевой компонент в системе общественного взаимодействия библиотеки. Его роли и функции детерминируются структурой и содержанием профессиональной деятельности, когда «организация процессов межличностного общения в условиях библиотеки приобретает всё большее значение, ибо общение объективно способствует интеграции социума, формированию “горизонтальных” связей между людьми, необходимых для становления свободного и ответственного гражданина» [3, с. 9]. Общественная направленность библиотечного труда неразрывно связана с профессиональным самоопределением, профессиональной коммуникацией, интегрированием результатов личностного развития в деятельность с целью формирования культурной реальности, отвечающей и вызовам, и достижениям действительности.

В библиотековедении институционализация библиотеки обосновывается использованием документно-коммуникационного, акмеологического, средового, ресурсного, системно-деятельностного и иных подходов, при этом её общественное значение проявляется через взаимодействие читателя с информационными и документными потоками, отдельными документами, документированной информацией; потребление пользователями библиотечно-информационных продуктов и услуг, связанных с работой, учёбой, досугом. Общественно-ориентированная направленность функционирования библиотеки получила выражение в научных исследованиях, посвящённых:

- формулировке миссии и концепций её деятельности в зависимости от исторического периода общественного развития с учётом важности информации и знаний как каталогизаторов развития социума [4; 5; 6];

- выработке классификаций, содержания и взаимосвязи социальных (внешних) и внутренних её функций, приводящих к воспроизведению системы в качестве целого и её постоянному развитию [7];

- преломлению социальных функций на её обязанности перед обществом по обеспечению свободного доступа к знанию, сохранению документированного знания как общественного достояния [8];

- определению её роли – центра общественной жизни, содержательного элемента социально-культурной инфраструктуры [9];

трактовке её институциональных характеристик в контексте коммуникационной системы «продуцирующей смыслы в виде библиотечных продуктов и услуг, выражая и проявляя себя в социальном пространстве» [10];

- описанию коммуникационной специфики её деятельности, которая сегодня видится в решении вопросов отражения в документальной памяти человечества, накопленных цивилизационной информации и знаний, синтезе нового знания, медиатизации ресурсов и форм их представления и потребления [11].

Говоря об общественном значении библиотечной деятельности, следует отметить важность вопроса критериальной оценки общественной полезности библиотек. На данном этапе функционирования библиотечной отрасли не теряет смысла понимание сути критерия эффективности выполнения библиотекой своей коммуникационной функции (предложен в 2002 г.), что выражается, в организации «наиболее полного и оперативного доступа пользователей к необходимым им документам» [12, с. 22]. Объективная общественная потребность беспрепятственного доступа к информации была актуальна всегда. Сейчас она получила интерпретацию, обусловленную глобальной цифровой составляющей, когда получение информации и документа на любом носителе в формате 24/7 считается вполне обычным повседневным библиотечным функционалом. Создание, хранение, обработка, представление информации в цифровом виде, её функционирование в информационном пространстве на основе гиперссылок, визуализация данных, интерактивность процессов библиотечно-информационного обслуживания также способствуют реализации базовых принципов библиотечной деятельности (гуманизма, демократизма, приоритета общечеловеческих ценностей, содействия развитию национальной культуры и сохранению историко-культурного наследия и др.), расширяя её социальные границы.

Присутствуя в интернете большинство библиотек, обеспечивает передачу социальной информации, интенсивное научное и культурное общение между библиотечным персоналом и пользователями, между различными стратификационными группами абонентов, между документами и их читателями, между поисковыми системами и сервисами, агрегирующими

огромные информационные потоки и приближающими информацию к её потребителям. Важна и реализация коммуникативной связи между индивидуальными и общественными информационными потребностями и документированной информацией, накопленной библиотечными социальными институтами на протяжении многих десятилетий.

Независимо от превалирования в деятельности библиотеки офлайн и онлайн форматов, сохраняется реализация классической схемы библиотечной коммуникации «автор-книга-читатель». Она осуществляется посредством включения в работу с читателями массовых, групповых, индивидуальных форм библиотечно-информационного обслуживания в стенах библиотеки (тематические мероприятия, выставки, обзоры, диалоги о прочитанном, рекламные акции авторов и произведений и иное), а также активного использования страниц библиотек в социальных сетях, чатов, блогов для виртуальной коммуникации. В данном контексте нужно обратить внимание на взаимодействие субъектов коммуникации в рамках институционального содержания деятельности библиотечного социального института с учётом глобальной цифровизации. Предположительно это взаимодействие может осуществляться на информационном, интерпретационном, ценностном, целевом, креативном, рефлексивном уровнях. Это позволит и библиотекарю, и читателю постоянно актуализировать компетенции, связанные с качеством информационной продукции, возможностями конструирования процессов поиска и генерирования информации, способностью проецировать содержание текстов и медиа на профессиональные, досуговые и прочие информационные потребности, приспосабливать физическую форму фиксации информации под традиционную или сетевую коммуникацию.

Современный этап общественного развития, отличающийся динамизмом отношений, деловой активностью, инновационностью, непрерывным движением информации, требует от библиотек быстрого реагирования на социальный заказ общества. Опережающий и предупреждающий характер основной деятельности позволит им оперативно встраиваться в трансформационные общественные процессы. В этом плане актуализируется научная проблематика, связанная с диагностикой готовности внедрения дистанционных технологий и цифровых инструментов в работу библиотек, определением индикаторов, которые позволят выявить разрывы и дефициты между сущностными библиотечными функциями и социальным заказом, выработать новые методики их вклада в формирование и развитие социального знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Басов, С. А. Библиотека в демографическом контексте (Статья 1) / С. А. Басов // Научные и технические библиотеки. – 2006. – № 6. – С. 5–18.
2. Концепции библиотеки как социального института [Электронный ресурс] // Лекция. – Режим доступа: <https://lektsia.com/11xa7dd.html>. – Дата доступа: 06.09.2023.
3. Басов, С. А. Библиотека и кризис: разговор по существу / С. А. Басов // Библиотечное дело. – 2009. – № 21. – С. 4–9.
4. Кряжева, М. Ф. Библиотека как «третье место»: реализация концепции [Электронный ресурс] / М. Ф. Кряжева, Э. С. Шакирова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteka-kak-tretie-mesto-realizatsiya-kontseptsii/viewer>. – Дата доступа: 04.09.2023.
5. Кудрина, Е. Л. Роль библиотеки как социального института в условиях трансформации российского общества / Е. Л. Кудрина, Л. Д. Бычков, Н. А. Заруба // Научные и технические библиотеки. – 2022. – № 7. – С. 52–68.
6. Федореева, Л. В. Библиотека как социальный институт в период социальной трансформации: На примере формирования регионального информационно-библиотечного центра в Хабаровском крае : автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / Л. В. Федореева // Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск, 2005. – 22 с.
7. Фирсов, Н. С. Сущностные функции библиотечной деятельности: культуроведческий подход / Н. С. Фирсов // Научные и технические библиотеки. – 1985. – № 5. – С. 15–20.
8. Общее библиотековедение: В 2 ч. / Н. С. Карташов, В. В. Скворцов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1996. – Ч. 2 : Общая теория библиотечного дела / Н. С. Карташов. – Москва : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1997. – 255 с.
9. Акилина, М. И. Публичные библиотеки: тенденции обновления / М. И. Акилина, С. Г. Матлина // Библиотековедение. – 2001. – № 2. – С. 13–18.
10. Туева, М. Л. Библиотека в контексте социальных коммуникаций [Электронный ресурс] / М. Л. Туева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteka-v-kontekste-sotsialnyh-kommunikatsiy/viewer>. – Дата доступа: 06.09.2023.

11. Сабадаш, Ю. С. Бібліотеки у комунікаційному просторі сучасного українського суспільства / Ю. С. Сабадаш // Феномен бібліотек у сучасному світі : зб. матеріалів Всеукр. наук.- практ. конф., м. Маріуполь, 30 верес. 2020 р. : у 3 ч. / Маріуп. держ. ун-т ; гол. ред. Ю. С. Сабадаш; упоряд. С. Янковський. – Маріуполь, 2020. – Ч. I. – С. 54–58.

12. Мотульский, Р. С. Библиотека в социуме: предназначение и функции / Р. С. Мотульский // Библиотековедение. – 2002. – № 5. – С. 19–24.

УДК 316.7

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЦ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Похомова А. А.

*доцент кафедры социологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Доля пожилых людей растет во всем мире, в том числе и в Республике Беларусь. Согласно прогнозам экспертов ВОЗ, к 2050 г. число людей старше 60 лет возрастет в два раза и, соответственно, каждый пятый человек будет находиться в возрасте 60+ [1].

Старение населения в Республике Беларусь наблюдается уже не одно десятилетие. Согласно статистическим данным, по состоянию на 2023 год каждый шестой гражданин Беларуси находится в возрасте 65 лет и старше, из них более 85 % вдовы или разошедшиеся с партнером. Большинство пожилых людей проживает в городах (72,4 %). По прогнозам белорусских экспертов уже к 2030 году в возрасте 65 лет и старше будет находиться каждый пятый гражданин страны [2]. Демографические процессы неизменно ведут к социальным преобразованиям. Роль пожилых людей и их место в социальной иерархии меняется, из объектов социальной помощи данная возрастная группа трансформируется в субъектов активной социальной деятельности, в том числе и в форме волонтерства.

После наступления пенсионного возраста и прекращения трудовой деятельности актуальным становится вопрос о качестве жизни, проведении досуга и организации повседневности. Согласно результатам исследования Института социологии НАН Беларуси (2022 год), свободное время белорусские пенсионеры чаще всего проводят за просмотром телевизора и прослушиванием радио (56,2 %), а также сезонно занимаются садом, огородом и ведением подсобного хозяйства (54,3 %) [3], что актуализирует необходимость трансформации представлений о старении и формировании позитивного образа пожилого человека, внедрение идей об активном долголетии в массовое сознание.

Беспокойство и забота о старшем поколении на государственном уровне отразились в утверждении в 2020 году Национальной стратегии «Активное долголетие-2030», которой предусмотрен ряд мероприятий, ориентированных, в том числе, на повышение качества жизни пожилых людей, реализацию их потенциала и преодоление межпоколенного разрыва. Концепция активного долголетия предполагает формирование у старшего поколения активной жизненной позиции, образовательной установки на продолжение обучения и получение новых знаний и навыков и др. Вместе с тем для решения задачи, связанной с обеспечением защиты прав и достоинства пожилых граждан, созданием условий для их социальной включенности и всестороннего участия в жизни общества, предполагается создать необходимые условия для вовлечения пожилых граждан в деятельность общественных объединений, привлечения их к волонтерской деятельности.

В Республике Беларусь волонтерство во многом обусловлено деятельностью общественных объединений. Среди крупнейших общественных объединений, развивающих в том числе и серебряное волонтерство (эвфемизм, рассматривается как синоним понятиям «волонтерство лиц третьего возраста», «геронтоволонтерство»), стоит отметить такие как Белорусский Красный Крест, Белорусская ассоциация социальных работников. Данные общественные объединения связаны с развитием, прежде всего такого направления как социальное волонтерство. По инициативе Белорусской ассоциации социальных работников функционирует Минский университет третьего возраста, ориентированный и на развитие волонтерского движения среди

пожилых граждан. Серебряное волонтерство, так же, как и детское волонтерство имеет свои особенности, обусловленные возрастными ограничениями. При этом социальную значимость данного вида активности пожилых граждан на микро- и мезо- уровнях трудно переоценить. Участие людей старшего возраста в волонтерской деятельности способствует решению ряда вопросов, связанных с общением, оказанием самопомощи и помощи нуждающимся, организацией досуга и др. Также волонтерская деятельность лиц старшего возраста, согласно имеющимся результатам исследований [4; 5; 6], способствует интенсификации общественной жизни пожилых граждан, увеличению их социального капитала, повышению уровня удовлетворенности качеством жизни и инклюзии, в целом. Опыт работы «университетов третьего возраста», привлекающих в качестве волонтеров-преподавателей преимущественно молодых людей, демонстрирует, с одной стороны, возможность преодоления межпоколенческого барьера, социальных стереотипов и установления гармоничных отношений между представителями разных поколений, а с другой стороны, открывает пожилым людям современность с точки зрения новых возможностей для их самореализации, формирования социального капитала, дальнейшего образования и др.

Серебряное волонтерство не является широко распространенной и массовой практикой ни в Республике Беларусь, ни в других странах. Доля волонтеров среди лиц третьего возраста в европейских странах составляет, как правило, от 2 % до 10 %. Популярность феномена волонтерства зависит от многих факторов: уровень доверия в обществе, информированность населения о волонтерстве, государственная поддержка данного вида социальной активности, состояние гражданского общества и др. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2022 год, среди белорусских волонтеров пенсионеры составляют почти 15 %. Наиболее востребованными направлениями волонтерской деятельности выступают неформальное зооволонтерство, а также формальное религиозное и социальное добровольчество [2].

Таким образом, серебряное волонтерство на микроуровне реализует мировоззренческую, информационную, коммуникативную, образовательную функции, функции формирования социального капитала, поддержания высокого социального статуса. Волонтерская деятельность лиц третьего возраста может выступить инструментом реализации мер социальной политики, ориентированной на внедрение концепта активного долголетия в повседневность белорусов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Number of people over 60 years set to double by 2050; major societal changes required [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: <https://www.who.int/ru/news/item/30-09-2015-who-number-of-people-over-60-years-set-to-double-by-2050-major-societal-changes-required> – Date of access: 28.09.2023.
2. Статистический обзор ко Дню пожилых людей [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2023.pdf. – Дата доступа: 04.10.2023.
3. Социальное самочувствие населения пенсионного возраста [Электронный ресурс] // Институт социологии НАН Беларуси. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-pensionnogo-vozrasta/> – Дата доступа: 30.09.2023.
4. Парфенова, О. А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения / О. А. Парфенова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 119–135.
5. Researching Voluntary Action: Innovations and Challenges / ed. : J. Dean, E. Hogg. – Bristol : Bristol University Press, Policy Press, 2022. – 224 p.
6. Ehlers, A. Volunteering by older people in the EU / A. Ehlers, G. Naegele, M. Reichert. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. – 68 p.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Радевич Е. В.

*доцент кафедры философии и методологии науки БГУ
кандидат философских наук
г. Минск, Беларусь*

Современный мир сегодня стоит на пороге глобальных трансформаций, последствия которых достаточно сложно прогнозировать с учетом ускоряющихся социальных и культурных процессов современного общества. Особую роль в данных изменениях играют высокие компьютерные технологии, которые не только ускоряют динамику социальных процессов, но также ставят современную цивилизацию перед серьезными вызовами и рисками, которые распространяются на все сферы жизни общества.

«Многочисленные исследования показывают, что информационная технология, соединенная с аудиовизуальными средствами, телевизором, дисплеем, телевидением и т. д., создает целый мир поведенческих моделей, которые постоянно, ежедневно в быту и на работе окружают человека и программируют его деятельность во все возрастающем масштабе» [1, с. 239]. Это дает возможность оказывать влияние на человека, манипулировать его сознанием, задавать нужные модели поведения управлять его жизнью. Анализируя данную ситуацию, российский профессор В. В. Миронов сравнил современную ситуацию в информационном обществе с платоновской пещерой, где узники были прикованы цепями таким образом, что могли видеть исключительно тени, которые отбрасывали реальные предметы: «Люди, погруженные в мир теней, причем прикованные к нему даже не кем-то сознательно, а только собственной привязанностью к виртуальному миру в смартфоне» [2, с. 13]. В этой связи можно утверждать, что современный мир превращается в «мир теней» благодаря современным ИКТ, становится своеобразной «цифровой пещерой», в которой виртуальный мир может сильно отличаться от реального, будучи своего рода иллюзией, медийной конструкцией, куда помещен человек. Но главная проблема этой виртуальной «цифровой пещеры» состоит в том, что в ней часто искажены реальные факты и события, что, в свою очередь, затрудняет определение, что является истинным, а что нет. Данная особенность новой цифровой реальности и создает возможность для влияния на сознание людей, а значит манипулирования им. Создаваемые конструкции оказываются весьма правдоподобными, что не позволяет отличать их от реальных. Кроме того, если реальные события не имеют соответствующего отражения в виртуальных медиа, то возникает вопрос о том, были ли они на самом деле. Таким образом, складывается новая онтология – онтология реальной виртуальности и виртуальной реальности, которые тесно переплетены друг с другом, порой даже трудно различимы.

Анализируя основные характеристики и общие признаки нового типа социума, А. А. Чернов определяет его следующим образом: «Под глобальным информационным обществом понимается общество нового типа, формирующееся в результате глобальной социальной революции, основой которой является взрывное развитие и конвергенция информационных и коммуникационных технологий» [3, с. 50].

Важным последствием распространения ИКТ во все сферы социокультурного пространства становится возможность использовать телевидение и интернет как средства информационного противостояния и даже информационной войны. Это усиливает дивергенцию мирового сообщества.

Неотъемлемым составляющим информационной войны, как и любой другой, является оружие, в данном случае информационное. Само понятие «информационное оружие» постоянно расширяется в своем определении и включает в себя как особую деятельность, так и техническую составляющую. В связи с этим на данный момент понятие «информационное оружие» имеет несколько трактовок. «В широком смысле под информационным оружием понимаются способы целенаправленного информационного воздействия на противника, рефлексивного управления им с целью изменения его замысла на проведение стратегических или тактических действий в нужном направлении. В более узком смысле под информационным оружием понимается

комплекс технических средств и технологий, предназначенных для получения контроля над информационными ресурсами потенциального противника и вмешательства в работу его телекоммуникационных систем, систем управления и разведки, аппаратного и программного обеспечения в целях выведения их из строя, нарушения процесса нормального функционирования, получения или модификации содержащихся в них данных, а также целенаправленного продвижения выгодной информации (или дезинформации)» [4, с. 208]. К такого рода информационному оружию можно отнести и различного рода фальсифицированную информацию, напечатанную в прессе, и так называемый «черный PR», и активную пропаганду и агитацию против конкурентов. Все это снижает социальную защищенность в современных условиях, увеличивает возможность манипулирования информацией в собственных интересах различного рода маргинальными группами, появляется угроза несанкционированного доступа к информации личного характера или значимой корпоративной и государственной информации. Обнаруживает себя проблема необходимости перманентного обучения из-за риска потери квалификации, постоянные психоэмоциональные перегрузки, а также такие парадоксальные риски постсовременного общества, как переинформированность и недоинформированность. Из-за постоянного и часто неконтролируемого потока информации человек оказывается в ситуации «информационного шума», на фоне которого подчас оказывается сложно, а иногда и невозможно, получить ценную, объективную, достоверную информацию. Это порождает другой парадокс, который имплицитно присутствует в современной культуре, – недоинформированность, вызывающую новую форму социального неравенства – «информационную бедность», что, в свою очередь, способствует «цифровому расколу» общества.

Таким образом, появление и развитие современных информационных технологий стало существенным фактором в развитии общества, обусловило бурный прогресс всех его сфер, но в то же время обнажила ряд существенных проблем, которые человечеству еще только предстоит решить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ракитов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.
2. Миронов, В. В. Платон и современная пещера big-data [Электронный ресурс] / В. В. Миронов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 1. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>. – Дата доступа: 25.02.2021.
3. Чернов, А. А. Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества / А. А. Чернов // Информатика. Дипломатия. Психология : сб. / Дипломат. акад. России ; отв. ред. и сост. Ю. Б. Кашлев. – М., 2002. – С. 31–50.
4. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2003. – 541 с.

УДК 316.73

ІНАВАЦЫЙНАСЦЬ ВІДЭАГУЛЬНЯЎ ЯК ЛІЧБАВАЙ ФОРМЫ БАЎЛЕННЯ

Ражкоў А. А.

*аспірант Інстытута сацыялогіі НАНБеларусі
г. Мінск, Беларусь*

Перш чым пачаць апісваць відэагульня як інавацыйную практыку баўлення вольнага часу, неабходна падкрэсліць, што іх вывучэнне як формы баўлення з'яўляецца адносна маладым напрамкам навуковых вышукаў і з'яўляецца адгаліўкам адгаліўкам даследаванняў у сферы «лічбавых форм баўлення» (ЛФБ) [1]. Пад апошнім разумеюць баўленне вольнага часу праз ажыццяўленне шэрага практыкаў, не звязаных з працоўнай дзейнасцю непасрэдна ў межах кібернетычнай прасторы. Яны супрацьпастаўляюцца «аналагавым формам баўлення» (АФБ), але адзначаецца, што гэтае супрацьпастаўленне паступова губляе сваю актуальнасць, т. я. асобныя аспекты АФБ паступова «алічбоўваюцца», ці ў асобныя віды АФБ актыўна інтэгруюцца сучасныя тэхналогіі, тым самым спрыяючы перасячэнню кібер-нетычнай-лічбавай і фізічнай прастор [1].

У ЛФБ могуць уваходзіць як яго афлайн праявы, так і анлайн (з'явіліся ў 1980-я гады, стаўшы лічбавымі пляцоўкамі для «сур'ёзнага камунікатыўнага баўлення» [2]). Апошнія разглядаюцца ў

навуковай літаратуры нашмат часцей, што звязваецца не толькі з тым, што анлайн сфера кібернетычнай прасторы досыць юная, высокатэхналагічная, але таксама і па той прычыне, што менавіта тут адкрываюцца магчымасці для масавых (сеткавых) формаў лічбавага баўлення.

Для відэагульніў як формы ЛФБ уласцівы наступны шэраг характарыстык [3]:

1) Дэтэрытарызаванасць – адсутнасць залучанасці формы баўлення з фізічнай прасторай, за выключэннем сувязі з прыладай уводу-вываду інфармацыі, з дапамогай якой ажыццяўляецца ўзаемадзеянне з лічбавай кіберпрасторай. Пры гэтым казаць аб адсутнасці «ідэйнай прыхільнасці» карыстальнікаў і ЛФБ як прасторах культывацыі «камапалітычнай ідэнтычнасці» нельга, бо мы можам назіраць «нацыянальную спецыфіку» асобных відэагульніў;

2) Дэзынтэрытарызаванасць – адсутнасць залучанасці формы баўлення з «ланцужкамі вытворчасці і спажывання», але наяўнасць залучанасці з «празумпцыяй» (т. б. гаворка ідзе аб тым, што ў відэагульных чалавек утварае некаторы «кантэнт» падчас яго спажывання, а значыць гуляе ролю і вытворцы, і спажываўца). Пры гэтым патэнцыйныя «празумптары» генеруюць «пабочныя сацыяльныя дадзеныя», такім чынам, яны з'яўляюцца хутчэй «генератарамі магчымых формаў кантэнту», чым паўнаўладнымі аўтарамі, да якіх можна прылічыць распрацоўнікаў;

3) Нестабільнасць/ліквіднасць – адносна хуткае састарванне і сыход на перыферыю, які суправаджаецца хуткім узыходжаннем новых або зноў актуалізаваных гульніў;

4) Апасродкаванасць – узаемадзеянне з лічбавай кіберпрасторай ажыццяўляецца з дапамогай прылад уводу-вываду;

5) Высокатэхналагічнасць – выкарыстанне для паспяховага баўлення часу ў лічбавай кіберпрасторы навукаёмістых тэхналогій (уплываюць на «ідэнтычнасць гульніў» па М. Верынгі [1; 3]), здольных да апрацоўкі вялікіх масіваў інфармацыі;

6) Медыяльнасць – успрыманне ЛФД характарызуецца як успрыманне медыя, г. зн. як сродкаў захоўвання і перадачы інфармацыі. Пры гэтым відэагульні з'яўляюцца медыя, якія характарызуюцца эргадычнасцю і «сімвалічнай» сімуляцыйнасцю, што робіць іх найбольш прасунутай формай ЛФД, «татальна-сацыяльна рэальнымі як тэксты», што ператварае іх у форму «публічнага сур'ёзнага баўлення» ў рамках інтэрактыўнага алгарытмізаванага асяроддзя.

Варта таксама адзначыць, што ў класіфікацыі К. Спарклена відэагульні, быўшы заснаванымі на «гульнівай прыродзе камунікатыўных прастор адпачынку», з'яўляюцца «найменш схільнымі да інструменталізацыі» (але не неўразлівымі для «інструментальных структур») і «найбольш камунікатыўнай» формай ЛФБ, т. б. як сродак дасягнення справядлівага грамадства шляхам стварэння «незалежнай прасторы для адпачынку» шляхам рэалізацыі патрэбнасці чалавека ў «камунікатыўным адпачынку» [4].

Аднак, Орган-Джонсан, успамінаючы азначэнне медыя М. Маклюэна як «пашырэнне чалавечага цела», падкрэслівае, што відэагульні як «пашырэнне» знішчаюць мяжу паміж «дасугам» і «тэхналогіяй», што вядзе да якасных пераўтварэнняў у сферы спажывання [5]. Відэагульні становяцца «камадыфікацыяй паўсядзённага свету», якая фармуе «цела адпачывальнікаў у сучаснасці». Г. Мердак згадваў, што ЛФБ будуць спрыяць размыванню межаў паміж працоўнай дзейнасцю і непасрэдна забаўляльнай дзейнасцю. Сацыёлагам відэагульніў – Г. Кроўфардам – гэты працэс быў названы «людалагізацыяй культуры» [6].

У святле наяўнасці двух палярных пазіцый адносна відэагульніў як формы ЛФБ, бачацца актуальнымі гледжанні С. Карнічэлі, які настойваў на неабходнасці больш сістэмнага падыходу да вывучэння і фарміравання «дасугавай культуры», у межах якой стане магчымым рэалізаваць патэнцыял відэагульніў як «інструмента вызвалення чалавека і творчага самараскрыцця індывіда» [7]. Рэфлексіўная прырода ЛФБ, і відэагульніў у прыватнасці, падкрэслівалася Спаркленам, які казаў пра тое, што ЛФБ заклікаюць чалавека да пазнавальнага пераасэнсавання сваёй ідэнтычнасці і навакольнай культуры, што звязваецца ім з фактам таго, што лічбавізацыя памяннае значна «парог уваходу» для розных формаў баўленчай дзейнасці. К. Рок таксама ўспрымаў відэагульні як «прасторы фарміравання ідэнтычнасці» і «утапічную прастору для гульні ў постмадэрнісцкіх гульні» [3].

Грунтуючыся на тэзах С. Рэдхэда, можна выказаць здагадку, што відэагульні з'яўляюцца найбольш паспяховай спробай «алічбоўкі» шэрагу АФБ. «Алічбоўка» АФБ па Рытцэру вядзе да таго, што формы баўлення «інфарматызуюцца», г. зн. адбываецца працэс «датавізацыі сацыяльнага», следствам якога з'яўляецца «самаархівацыя» і «самасправаздачнасць» сацыяльнага, якое набывае значнасць як тавар, што накладвае на людзей адказнасць за сваё «віртуальнае

часабаўленне», т. я. «баўленне як інфармацыя» заўсёды прысутнічае ў публічным полі, што прыводзіць да таго, што відэагульні апынаюцца формай масавай культуры [8].

Унікальнасць відэагульняў як ЛФБ складаецца і ў тым, што яны актыўна імкнуча выкарыстаць тэхналогіі ІІІ, якія «аўтаматызуюць сацыяльныя паводзіны». З аднаго боку працэс «аўтаматызацыі» ўплывае на тое, што людзі больш актыўна ўступаюць у сацыяльнае ўзаемадзеянне. З іншага ж боку, бязмежная аўтаматызацыя лічбавай кіберпрасторы, можа пагражаць чалавечай суб'ектнасці, прывесці да татальнай «інструменталізацыі» [4; 8].

Неабходна адзначыць таксама некалькі слоў аб тым, чаму відэагульні як форма гульняў напрамую звязаны з феноменам інавацыі. Справа ў тым, што гульнявая дыялектыка, пра якую пісаў Д. Майерс [6], а таксама «пазнавальны заклік» гульні як асяроддзя, стымулююць чалавека да рэфлексійнай дзейнасці, становяцца падставай для новых ідэй, якія ў далейшым знаходзяць сваё практычнае ўвасабленне ў дзеях і маюць пэўную каштоўнасць для гульнявога асяроддзя. Гэта абумоўлівае і тое, што відэагульні апынаюцца пляцоўкай выпрабавання інавацыйных тэхналогій у галіне лічбавай графікі і г.д.

Структурна працэс інавацыйнай дзейнасці падобны з працэсам рашэння гульнявых задач: існуе праблема/гульнявая сітуацыя, для рашэння якой генеруецца ў рамках творчага і вольнага працэсу ідэя, якая эксперыментальна рэалізоўваецца. Розніца заключаецца толькі ў тым, што інавацыйная дзейнасць, у адрозненне ад вырашэння гульнявой сітуацыі, мае ў якасці сваёй фінальнай кропкі не проста вырашэнне праблемы, якое суправаджаецца маральным задавальненнем, але таксама і наступную актуалізацыю і каммадыфікацыю інавацыі.

Паралельна з гэтым, І. А. Вятрэнка сцвярджае, што гульні валодаюць «інавацыйнай здольнасцю» [9]. З ёй салідарная Т. С. Худзякова, якая назвала «дзелавыя гульні» адной з формаў «укаранення інавацый» [10].

Такім чынам, можна казаць аб тым, што відэагульні з'яўляюцца інавацыйнай формай лічбавага часабаўлення, якая ў межах правільна сфарміраванай баўленчай культуры можа стаць сродкам раскрыцця творчага патэнцыялу асобы чалавека, становячыся пляцоўкай для рэалізацыі інавацыйных ідэй. Інавацыйнасць жа відэагульняў як формы ЛФБ, якая заключаецца ў асаблівасці іх медыяльных характарыстык (эргадычнасць і «сімвалічная сімуляцыйнасць»), на падставе якіх відэагульні і становяцца не толькі найболей прасунутай формай баўлення, але і найболей перспектыўнай з пункта гледжання разгляду іх у якасці інфармацыйна-развіваючай сферады.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Silk, M. Re-thinking digital leisure / M. Silk (and another) // Leisure Studies. – 2016. – № 6. – P. 712–723.
2. Lupton, D. Digital Sociology / D. Lupton – London: Routledge, 2015. – 237 p.
3. Digital Media sociology / D. A. Rohlinger, S. Sobieraj – NY.: Oxford University press, 2022. – 873 p.
4. Sparklen, K. Digital leisure, the Internet and popular culture / K. Sparklen – NY.: Palgrave Macmillan, 2015. – 236 p.
5. Marres, N. Digital sociology / N. Marres – Malden: Polity press, 2017. – 307 p.
6. Crawford, G. Video Gamers / G. Crawford – London: Routledge, 2012 – 201 p.
7. Digital Leisure Culture / S. Camicelli, D. McGillivray, G. McPherson – London: Routledge, 2017. – 239 p.
8. Digital Sociologies / J. Daniels, K. Gregory, T. M. Cottom – Bristol: Policy press, 2017. – 529 p.
9. Ветренко, И. А. Инновационная составляющая игровых технологий / И. А. Ветренко // Сибирский Торгово-экономический журнал. – 2008. – № 5. – С. 50–53.
10. Худякова, Т. С. Деловая игра как форма внедрения инноваций в образовательный процесс / Т. С. Худякова // УрФУ [Электронный ресурс]. – Рэжым доступу: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45130/1/Education_issues_1_2016_28.pdf. – Дата доступу: 02.10.2023.

ПРОЕКТИВНАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**Салтанович И. П.***доцент кафедры философии и логики МГЛУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Социальные и культурные аспекты общества формируют саму его природу. Из всех так называемых «неконтролируемых» факторов окружающей среды культура или, по крайней мере, ее изучение является одним из самых трудных. Наше отношение к культуре зависит от множества факторов. Мы можем считать культуру нашим прошлым, корнями, древними артефактами или современным внегенетическим механизмом сохранения собственной целостности. Культура – это все то, что мы не обязаны делать, но именно она определяет, кто мы есть, как взаимодействуем в повседневной жизни, в личных и общественных отношениях. Сегодня мы живем в смешанной среде, представляющей собой сочетание офлайн и онлайн миров, где технологии играют решающую роль в определении нашего поведения.

Технологии и культура – не новое сочетание. По мере их развития культурные пространства инновационно меняются. Вне всякого сомнения, можно утверждать, что Интернет породил новый тип культуры и отношений в социуме. Виртуальная, дополненная реальность, социальные сети, персонализация, ИИ, Интернет вещей и другие технологические достижения будут определять будущее. Люди более чем когда-либо «технологически ближе» к новым культурам, моделям поведения, социально-экономическим подходам, музыке, искусству, кино и многому другому в формируемой технологиями универсальной среде, в которой мы в конечном итоге вынуждены жить. Порой культура цифрового мира кажется «тоннельно» плоской. В ней люди используют цифру, решая проблемы, быстрее выполняя свою работу, но, в итоге, остаются «вне времени». Объем генерируемых данных и оцифровка настолько велики, что человечество не в состоянии обработать и уделить им достаточно времени.

За последнее десятилетие мы стали свидетелями смены парадигмы, которая напрямую связана с генерированием данных в распространении культуры. Культура в современном мире прошла множество этапов, начиная с объектно-ориентированного подхода до проблемно-ориентированного на людей, имеющих весь мир в своих гаджетах, а точнее в своих руках. Кастомизация, персонализация, дигитализация личности – это лишь некоторые из «ключевых слов», которые определяют изменения в отношениях [1].

Персонализация стала проблемой с развитием Интернета в начале 2000-х годов, где пользовательский контент становится достаточно большим, где потребители становятся также и производителями информации. Совершенно новое поколение приложений, связанных с культурой, рождает пространства, включающие персонификацию пользователей, адаптивный контент, индивидуальное рассказывание историй, позволяющие объединить физические и цифровые миры.

Машинное обучение, особенно с помощью искусственного интеллекта, сыграло важную роль в рамках добавления алгоритмических подходов к процессу взаимодействия людей с культурой. Проведенное обширное исследование по машинному обучению (ML) для культурного наследия, представленное М. Фиоруччи и др. [2], привело ученых к выводу, что «в большинстве случаев ML, применяемое для культуры, это «черный ящик» для исследовательского сообщества» и что оно обычно фокусируется только на «визуальных или текстовых особенностях».

Технологии сегодня объединяют мир, позволяя нам «путешествовать» в места, которые мы не могли бы посетить в реальной жизни, общаться и обмениваться культурными продуктами с людьми из других частей мира. Однако доступность информации создает проблему огромного объема данных, которые невозможно обработать в реальном времени. Следовательно, технология – средство, как общения, так и распространения культуры, с которым должны работать культурные институты, организации, чтобы сохранить свое присутствие и помочь людям встраиваться в цифровой мир, не потеряв своих корней. Следовательно, мы должны пересмотреть роль технологий в алгоритмах обновления современной культурной политики в ее адаптации к цифровому будущему.

Достижения технологий огромны. Многие из них прямо или косвенно связаны с культурой в той или иной ее форме. Проводится большое количество исследований, раскрывающих двустороннюю связь между технологией и культурой [3, 4], имеющих в своей основе множество различных точек зрения. Большой интерес представляют работы, посвященные изучению связи и взаимовлиянию культуры и техники [5].

Будущее культуры в онлайн-мире – это вопрос, который беспокоит исследовательское сообщество на протяжении десятилетий. Управление культурой и культурным наследием остается центром обсуждения того, как нам следует приспосабливать цифровой мир сегодня и каковы перспективы этих решений для последующих поколений. Неизбежен серьезный поворот к модели, которая ставит человека в центр всех технологических трансформаций. Мультикультура Интернета, возможность находиться в любой точке мира в любое время, делясь и получая информацию, устранило любые барьеры, которые могли бы ограничить культурный обмен, что порой может привести к разрушительным результатам. Завтрашний день культуры, на наш взгляд, зависит от трех факторов: признание всех типов культуры цифровой эпохи; взаимосвязь различных культурных категорий; активное вмешательство культурной политики в культурные процессы. Идет ли речь о «высокой культуре», о субкультуре или «трэше», существует необходимость идентифицировать культуру и связать ее с социально-экономическими условиями и цифровой формой ее существования.

Новая виртуальная среда изменила способ производства культуры с такой скоростью, что за ней невозможно уследить. Цифровые аборигены [6] живут и творят в иной культурной среде, в то время как цифровые иммигранты отрицают эти изменения, что ведет к увеличению разрыва между поколениями. Культура синтезирует нашу жизнь онлайн или офлайн, и чем раньше мы это поймем, тем скорее мы расшифруем способ их взаимодействия. В проективно-программирующей программе важную роль могут сыграть технологии, поскольку большинство типов новой культуры создается в цифровом виде или, по крайней мере, цифровая среда используется для их переноса и распространения.

Но главное стоит помнить, что связь социальной и культурной подсистем осуществляется благодаря людям, выступающим одновременно и участниками социальных отношений, и носителями культурных норм или кодов. «Культурный код» – это нормативный паттерн социальных отношений определенного рода, который исторически длительное время передается («транслируется») из поколения в поколение. Благодаря процессу трансляции культурные нормы как «долгоживущие» образцы-эталоны реализуются и проектируются в постоянно возникающих новых социальных ситуациях.

Следовательно, культурной политике нужны технологии, чтобы выстраивать социокод (культурный код), создавая взаимосвязи с прошлым. То, чем мы являемся, – это наши корни, а то, как мы ведем себя, – это наша культура. Безразличная культура Интернет-мира создаст равнодушные поколения. Все виды новых технологий, особенно с высоким уровнем погружения, являются прекрасным примером соединения передовых технологических особенностей (которые производят более высокую стимуляцию для новых поколений) с культурой прошлого. Это означает, что создаваемые культурные пространства и организации должны войти в технологическую эпоху с перспективными проектами, учитывая оцифрованные объекты и тонны метаданных, чтобы технологии могли сыграть свою роль.

Решением исследовательской проблемы может быть горизонтальный анализ процесса распространения культуры в цифровом пространстве из страны в страну, ее трансформация и идентификация, как культуры онлайн-мира. А также вертикальный анализ, известный как анализ аборигенов, имеющий своей целью признание связей быстро меняющейся сетевой культуры с культурой каждого региона, то есть локальный, имеющий отношение к своей стране. Исходя из этого, существует необходимость расширить возможности культурной политики в исследовании и раскрытии связей того, что считается современной культурой с внутренней культурой каждого человека. Такой анализ поможет людям понять их корни, их собственное определение и роль в глобализованном мире.

Появление гиперсвязанного мира, приведшее к распространению цифровой культуры, за короткое время изменило наше представление о мультикультурной вселенной. Фактически мы вступаем в мир смешанных культур, в котором люди очень быстро меняют свои культурные установки и подходы. Чтобы полностью понять влияние Интернета на общество, мы должны

помнить, что технология – это материальная культура. Она производится в социальном процессе в своей институциональной среде на основе идей, ценностей, интересов и знаний их производителей, как ранних, так и их последователей.

Другим словами, программирующая функция культуры состоит не только в передаче и закреплении/хранении определенных информационных программ, но и в генерировании новых, нацеленных на функционирование человека и его культуры в будущем [6]. Следовательно, говоря о будущем культуры в «подключенном мире», имеет смысл еще раз проговорить о выстраивании стратегического плана культурной политики, опирающейся на социальную память, содержащую опыт, накопленный многими поколениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kosmopoulos, D. A survey on developing personalized content services in museums / D. Kosmopoulos, G. Styliaras // *Pervasive Mob. Comput.* – 2018. – Vol. 47(1). – p. 54–77.
2. Fiorucci, M. Machine learning for cultural heritage: A survey / M. Fiorucci, M. Khoroshiltseva, M. Pontil, A. Travaglia, A. Del Bue, S. James // *Pattern Recognit. Lett.* – 2020. – Vol. 133. pp. 102–108. doi.org/10.1016/j.patrec.2020.02.017.
3. Misa, T. J. Leonardo to the Internet: Technology and Culture from the Renaissance to the Present / T. J. Misa. – JHU Press: Baltimore, MD. – 2022. – 423 p.
4. Jones, P. M. Industrial Enlightenment: Science, Technology and Culture in Birmingham and the West Midlands, 1760–1820 / P. M. Jones. – Manchester University Press: Manchester, UK. – 2017. – 260 p.
5. Murphie, A. Culture and Technology; Macmillan International / A. Murphie, J. Potts. – Higher Education: London, UK. – 2017. – 229 p.
6. Prensky, M. Digital natives, digital immigrants part 2: Do they really think differently? / M. Prensky // *On Horizon.* – 2001. – Vol. 9(6). pp. 1–6.
7. Викторова, Е. Программирующая функция культуры в цифровом обществе: отдельные инструменты / Е. Викторова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atlantispress.com/proceedings/detp-20>. – Дата доступа: 15.08.2023.

УДК 316.7:316.42(476)

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ПОНИМАНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Смыкова Е. Ю.

*заведующий сектором социологии культуры Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Современное общество в условиях социальной турбулентности сопровождается рядом ситуаций разнопорядковой направленности, что приводит к формированию нового социального порядка, именуемого цифровым обществом. Подобного рода обстоятельства накладывают определенные рамки интерпретации иных феноменов, к которым применяется сегодня по умолчанию метафора «цифровой» – экономика, образование, культура и т.д.

В данном случае научный интерес сосредоточен на категории цифровая культура. В подобного рода условиях актуализируется необходимость в рефлексии формируемого состояния культуры в контексте активного распространения цифровизационных тенденций, именуемой цифровой культурой. По сути, определитель «цифровой» выступает сегодня маркером современной культуры, который позволяет обозначить конкретные черты современного общества отличного от общества доцифрового периода. Сложность анализа категории «цифровая культура» состоит в том, что на практике достаточно проблематично провести четкую границу между культурой, представленной в «цифре», и культурой, интерпретируемой в традиционном ключе. Обусловлено это тем фактом, что цифровая культура тесно взаимосвязана с достижениями культуры доцифровых времен. Более того, активная цифровизация, интернетизация сферы культуры способствует постепенному переходу достижений «доцифровой» культуры в интернет-пространство, что по итогу приводит к появлению таких качественно новых феноменов как виртуальный музей, цифровой архив, виртуальный концертный зал, электронная библиотека и т.д.

Изучение феномена цифровая культура не сводится исключительно к исследованию содержания цифровых технологий, а предполагается анализ результатов их влияния как на современное общество, так и на повседневные, в том числе и культурные практики, субъектов.

Рамки понимания категории цифровая культура достаточно широки. В большинстве случаев цифровая культура ассоциируется с традиционными феноменами культуры, воспроизводимыми посредством современных цифровых технологий. Другие исследователи рассматривают цифровую культуру в качестве пространства, в рамках которого реализуются принципиально новые практики взаимодействия и коммуникации между субъектами. Обозначенные выше интерпретационные рамки понимания цифровой культуры, если их применить к культурной институции, представленной в цифровой форме, предполагают скорее рассмотрение последних как пространства, в которое инкорпорируется субъект, нежели сумма цифровых объектов, воспроизводимых посредством соответствующих электронных устройств (смартфон, компьютер, планшет и т.д.).

Под влиянием процессов цифровизации культура, в традиционном ее понимании, может принимать следующие формы: копия существующих феноменов культуры (цифровой архив, виртуальный музей, электронная библиотека и др.), и вторичное восприятие их цифровой копии (отзыв на книгу; тематический блог). Аналогичная, по сути, классификация произведений культуры была предложена американским исследователем Дж. Ланиром: произведения первого порядка (оригинальные произведения) и произведения второго порядка как фрагментарные реакции на оригинальное произведение [1, с. 215]. По мнению автора, существование избыточного количества произведений второго порядка обусловлено широким распространением технологии Web 2.0, которая пришла на смену Web 1.0, и позволила расширить возможности потребителей путем комментирования контента.

В современном социогуманитарном дискурсе интерпретация цифровой культуры все чаще осуществляется в плоскости Интернет-пространства. Основываясь на ключевых функциях Интернета, в частности на информационной и коммуникационной, условно можно выделить два модуса его объективации – информационное пространство и пространство коммуникации [2, с. 75]. Адаптируя данную схему применительно к культурным институциям, например, к цифровому музею, который наряду с функциями – образования, воспитания и т.д., преследует, в том числе и информационные цели, тем самым осуществляя собственную реализацию в плоскости информационного пространства. В тоже время представленность цифрового музея в пространстве коммуникации, в частности посредством репрезентации в блоге, на форуме и др., накладывает определенные рамки, предусматривающие функционирование его в контексте алгоритмов «цифры».

К примеру, российский исследователь Д. В. Галкин предлагает исследовательскую программу понимания цифровой культуры, базирующуюся не только на принципах технологического детерминизма, но и культурного. Определяет Д. В. Галкин цифровую культуру как сумму «артефактов и символических структур, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закреплённых ментально и создающих формы автодетерминации» [3, с. 16]. Цифровая культура в интерпретации, предложенной Д. В. Галкиным, рассматривается на нескольких уровнях и соответственно предполагает определенную содержательную наполненность – материальный (цифровые устройства), функциональный (социальные институты), символический (языки, формы выражения), ментальный (менталитет, стереотипы) и духовный (ценности) [3, с. 15]. Центральным же звеном цифровой культуры по-прежнему остается «универсальный вычислительный автомат», который в зависимости от уровня культуры имеет конкретную форму выражения.

Таким образом, цифровизация, характеризующаяся динамичным распространением, является одним из числа глобальных трендов, доминирующих в обществах современного типа. На фоне других социальных феноменов, именно культура выступает маркером трансформаций, происходящих на уровне социума. В связи с чем меняются рамки интерпретации культуры, основанием для понимания которой выступает определитель «цифровизация». В подобном контексте культура вынуждена адаптироваться к сложившимся обстоятельствам, путем внедрения технологических новинок, новых направлений работы и форм коммуникации с посетителями. Динамизм и изменчивость как ключевые определители современной эпохи также трансформируют способы и алгоритмы формирования культурного опыта. В настоящее время содержание практик получения культурного опыта приобретает качественно иное наполнение, становясь основанием для реализации принципиально новых их форм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ланир, Д. Вы не гаджет. Манифест / Д. Ланир. – М. : Corpus, 2011. – 320 с.
2. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.
3. Галкин, Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики / Д. В. Галкин // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № (8). – С. 11–16.

УДК 32.019.51

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Старичёнок В. В.

начальник отдела экономического анализа БИСИ

кандидат исторических наук, доцент

г. Минск, Беларусь

Последнее десятилетие характеризуется нарастанием интенсивности «войн памяти», которые фактически вышли на уровень цивилизационного противостояния, стали неотъемлемым атрибутом государственной политики. Особую роль занимает оценка советского наследия и отношение к СССР, которыми зачастую и определяется идеологический и геополитический выбор человека. В связи с этим крайне важным представляется выявление особенностей восприятия Великой Отечественной войны белорусской молодежью.

Белорусскую историческую политику отличают уважительное отношение к советской эпохе, сохранение памяти о Великой Отечественной войне и роли СССР в победе над нацизмом, неприятие радикального национализма. В отношении причин, предпосылок и результатов Второй мировой войны Беларусь последовательно придерживается следующих взглядов, которые наиболее близки к российским концептам исторической памяти [1, с. 94]:

Мюнхенское соглашение 1938 г. и политика умиротворения Германии – ключевые факторы, позволившие Гитлеру развязать Вторую мировую войну;

пакт Молотова – Риббентропа – вынужденная мера, направленная на предотвращение нападения Германии на СССР;

17 сентября 1939 г. и последующее воссоединение БССР с Западной Беларусью – акт восстановления исторической справедливости;

истребительная политика Третьего рейха в отношении жителей БССР – геноцид белорусского народа;

коллорабационисты и коллорабационистские организации – пособники гитлеровских захватчиков, которые несут ответственность за преступления нацистов на территории СССР;

9 мая – День Победы, а не День памяти и примирения;

вклад Советского Союза в победу над нацизмом решающий, хотя победа и была одержана совместными усилиями государств антигитлеровской коалиции.

В рамках прозападного нарратива происходят попытки деконструировать мощный интегрирующий потенциал памяти о Великой Отечественной войне. Делается это посредством ряда манипуляций: вынесения за скобки вины Запада за развязывание Второй мировой войны, умаления вклада Советского Союза в разгром фашизма, позиционирования Великой Отечественной войны как гражданской, обесценивания значения белорусского Сопротивления, героизации национал-коллорабационистов и релятивизации их преступлений [2].

Вместе с тем массовое сознание в Беларуси отражает доминирующие в официальной исторической науке оценки Великой Отечественной войны, что подтверждается данными опросов. В тройку достижений страны, за которые жители Беларуси испытывают гордость, входят вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией, партизанское и подпольное движение (см. таблицу 1).

Таблица 1. ТОП-3 предмета национальной гордости белорусов, в % (опросы Института социологии НАН Беларуси)

Вопрос: «Что из нижеперечисленного можно, с Вашей точки зрения, назвать предметом национальной гордости?»	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией	51	46	48
Культурное наследие второй половины XIX–начала XX века (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович)	48	42	40
Партизанское и подпольное движение в годы Великой Отечественной войны	33	35	32

Как показали опросы Института социологии НАН Беларуси 2020–2023 гг., в ТОП – 3 деятелей, внесших наибольший вклад в становление белорусской государственности, входит подпольщик и партизан П. Машеров. Так, согласно замеру августа–сентября 2023 г., он занял вторую позицию (34 %) после Ф. Скорины (36 %).

Сегодня на место современников советской эпохи приходит поколение, выросшее в независимой Беларуси и в меньшей степени связанное с советским опытом. Лишенные «живых» источников информации о Великой Отечественной войне, молодые люди все больше ориентируются на медиа, кино, литературу, находятся под воздействием взаимоисключающих и противоречивых взглядов, активно тиражируемых в сети Интернет.

В связи с этим актуализируется важность учета типов памяти о прошлом. Исследователи выделяют коммуникативную, культурную и поколенческую память. Первая обусловлена воспоминанием, «пережитым и воплощённым в очевидцах», и охватывает временной горизонт в три–четыре поколения (80–100 лет), вторая – воспоминаниями, оформленными и поддержанными институционально. В случае советского периода долгое время оба типа памяти были тесно соединены, и она транслировалась как очевидцами, так и институционально.

Поколенческая память ограничена одним поколением. «Каждое поколение – пишет немецкая исследовательница А. Ассман – вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать иную точку зрения» [3, с. 24]; «Социальное забвение, ... совершается в виде регулярного обесценивания опыта старших поколений и замены его новым опытом. Каждое следующее поколение противопоставляет себя предшествующему, стремясь на основе собственного опыта определить свои приоритеты и проекты» [4, с. 29–30]. Итак, смена поколений сдвигает на периферию вопросы, бывшие ранее центральными, выдвигает на первый план иные ценности и ориентиры.

Существуют и другие факторы, «удлиняющие» дистанцию между людьми разных возрастов. Например, появление новых технологий потребления информации, скорость и динамичность происходящих изменений. Как отмечает российский историк Л. Репина, «чем быстрее перемены, тем короче поколения, тем явственнее выступают и осознаются поколенные различия»; «при резких качественных скачках межпоколенные различия становятся более явственными и субъективно ощущаются гораздо болезненнее» [5, с. 141].

В результате «возраст» современных поколений сжимается: хронологические рамки их жизни варьируются незначительно и составляют теперь 10–15 лет. Так, в период с середины 1980-х гг. до начала 2000-х родились миллениалы (Y), в начале 2000 – х – центениалы (Z), после 2010 г. – альфа (Alpha) [6, с. 44]. Одновременно ученые отмечают снижение исторических компетенций молодежи, обусловленное в том числе «примитивизацией языка и упрощением сознания, которое становится невосприимчивым к более-менее сложным концептуальным построениям» [7, с. 9, 21].

Данные факторы объективно влияют на снижение значимости Великой Отечественной войны для молодых людей. Существенный разрыв во мнении между самой старшей и самой младшей возрастными группами зафиксирован при ответе на вопрос «Какие события Вы считаете главными в истории Беларуси?». Доля респондентов до 25 лет, выбравших ответ «Великая Отечественная война», – 35 %, старше 65 лет – 58 %. Разница составила 23 %, отклонение от общереспубликанского показателя – 14 %. Гораздо более сбалансировано общественное мнение в отношении обретения независимости в 1991 г. Показательно, что для самого молодого поколения оба события равноценны, в то время как для граждан старше 25 лет Великая Отечественная война важнее обретения независимости (см. таблицу 2).

Таблица 2. «Какие события Вы считаете главными в истории Беларуси?», в % (опрос Института социологии, проведенный в августе–сентябре 2023 г.)

Варианты ответов	В целом	18–24 года	25–44 года	45–64 года	65 лет и старше
Великая Отечественная война (1941–1945 гг.)	49	35	45	51	58
Обретение Беларусью государственной независимости (1991 г.)	35	35	35	37	30

Также молодежь реже выражает гордость за события, связанные с Победой над нацизмом (разница с общереспубликанским показателем – 5 %). При этом белорусы в возрасте до 25 лет больше всего гордятся культурным наследием страны, отраженным в творчестве таких выдающихся деятелей как Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович (см. таблицу 3).

Таблица 3. «Что из нижеперечисленного можно, с Вашей точки зрения, назвать предметом национальной гордости?», в % (опрос Института социологии НАН Беларуси, проведенный в августе 2022 г.)

Варианты ответов	В целом по стране	18–24 года	Разница
Вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией	48,0	43,0	- 5
Культурное наследие второй половины XIX – начала XX века (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович)	40,0	51,0	+ 11
Партизанское и подпольное движение в годы Великой Отечественной войны	32,0	31,0	- 1

Еще один важный аспект – устойчивость взглядов на историю страны. Показательны в связи с этим результаты опроса учащихся и студентов Беларуси в возрасте от 14 до 31 года, проведенного в 2019 г. РИВШ с Центром социологических и политических исследований БГУ [8, с. 76–77, 98–99]. Молодых людей попросили назвать не более трех важнейших, по их мнению, событий (открытый вопрос). Почти половина затруднилась ответить; Вторая мировая и Великая Отечественная война заняли второе место (см. таблицу 4).

Таблица 4. «В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня создания БССР. Назовите, пожалуйста, важнейшие события в жизни республики, которые произошли в этот период времени?», в %

Ответы респондентов	Учащиеся	Студенты
Распад СССР, независимость РБ, создание суверенной Беларуси, суверенитет РБ, День Независимости	23,0	22,5
Вторая мировая война, Победа в Великой Отечественной войне, День Победы, освобождение Минска	22,5	15,9
Принятие Конституции 1994 г.	14,0	11,2
Нет ответа	53,5	49,1

Таким образом, существующая в исторической памяти межпоколенческая разница вполне объяснима, если принять во внимание то, что молодое поколение выросло в условиях становления Беларуси как независимого государства. При этом зачастую молодые люди вспоминают ключевые для страны события только тогда, когда предлагаются конкретные варианты ответа. Поэтому принципиально важно, чтобы забывчивость не превратилась в забвение, а память о прошлом сохранялась и воспроизводилась в общественном сознании. Для этого целесообразно продолжать реализацию исторической политики в отношении Великой Отечественной войны, объединять усилия с другими странами (прежде всего, Россией), которые имеют сходные взгляды на историю того времени, закреплять память о прошлом через современные форматы и средства коммуникации, популярные проекты и инициативы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валаханович, И. А. О некоторых вопросах исторической политики Беларуси / И. А. Валаханович // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 дек. 2019 г.: в 5 т. / Институт национальной безопасности; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 93–97.

2. Старичёнок, В. В. Постсоветский национализм: мифологемы исторического нарратива в контексте современных вызовов и угроз / В. В. Старичёнок // Белорусский исторический обзор. – 2021. – № 2. – С. 137–150.

3. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

4. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

5. Репина, Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии / Л. П. Репина // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 122–169.

6. Радаев, В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

7. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М. К. Горшкова; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. – М. : Издательство «Весь мир», 2022. – 248 с.

8. Стратегические приоритеты развития государственной молодежной политики в Республике Беларусь до 2030 г. / под общ. ред. Л. С. Кожуховской. – Минск: РИВШ, 2020. – 248 с.

УДК 101.1:316

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА

Сташис В. О.

*преподаватель кафедры философии и методологии науки БГУ
г. Минск, Беларусь*

Нельзя отрицать, что широкий доступ к интернет-ресурсам на сегодняшний день стал существенным фактором общественного развития. Это обусловлено тем, что пространство Глобальной сети аккумулировало не только информацию, но и само сообщество пользователей, которые приобретали новые неформальные пути коммуникации. Освоение принципов работы с новой техникой становилось важным не только для повышения качества профессиональной деятельности, но и для расширения возможностей в пространстве повседневной жизни. Сеть Интернет позволила увеличить скорость связи между отправителем и адресантом, что значительно трансформировало бизнес, сферу услуг, образовательный процесс и даже механизм романтических знакомств.

Как указал В. С. Степин: «Не существует односторонней детерминации характера культуры способом производства, но имеются сложные корреляции и состыковки этих двух сфер человеческой жизнедеятельности» [1, с. 77]. Массовое распространение цифровых технологий содержит в себе революционный компонент не потому, что является маркером технико-технологического прогресса, а вследствие тех социально-экономических трансформаций, причиной которых оно (распространение) выступает. Увеличение роли техники в общественной жизни приводит к повышению личностных требований для успешной социализации. Индивид, адаптирующийся к фрагментированному и перманентно меняющемуся информационному полю новой технико-технологической реальности, вынужден приобрести ряд компетенций: техническую грамотность, мультизадачность, обучаемость, – без которых указанный процесс будет сильно затруднен. В свою очередь, невозможность адаптироваться к работе с ускорившимися потоками информации может отрезать индивида от интеграции в социальную общность, ведь это значительно ограничит способы его (индивида) субъект-субъектных взаимодействий.

Тем, что способствует адаптации субъекта и его включению в глобальную коммуникацию, является цифровая культура. Она может быть охарактеризована как институционализированный дискурс, с помощью которого осмысляется реальность в условиях цифровизации. Помимо разработки тех идей и практик, которые позволят субъекту адаптироваться в новой природно-технологической повседневности, цифровая культура также служит цели сохранения и ретрансляции смыслов общества, находящегося в перманентном диалоге благодаря средствам информационно-коммуникационных технологий. На этом этапе проявляют себя социальные, экономические и политические аспекты цифровой культуры. Сама конфигурация отношений

внутри социетальной общности должна выстраиваться с оглядкой на те принципы взаимодействия, которые выступают и воспринимаются обществом в роли доминирующих. Но в условиях, когда коммуникация: (1) перманентно опосредуется цифровыми технологиями; (2) не имеет единого центра; (3) воспринимается в качестве полифонии (вплоть до неразличения голосов) – происходит сбой матрицы привычных социальных отношений, а также масштабная путаница в области политических координат, что провоцирует дивергентные тенденции в общественной динамике.

Таким образом, цифровая культура не должна восприниматься как явление исключительно положительное или отрицательное. Она представляет собой комплексный феномен, последствия формирования которого только начинают проявлять себя в актуальной социальной реальности. Особого внимания заслуживает анализ влияния цифровой культуры на политическую сферу общественной жизни по причине того, что оно не сводится к прямой пропаганде определенных нарративов. Так, в качестве указанного влияния стоит рассматривать латентную смену потребительских привычек, причина которых лежит в адаптации к взаимодействию с информационно-коммуникационными технологиями. Именно изменения в восприятии повседневной реальности и являются тем ключевым фактором, который находит выражение в трансформации превалирующих внутри общества политических мотивов и идеалов, что должно стать предметом внимательного трансдисциплинарного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Степин, В. С. Цивилизация и культура. / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.

УДК 316.42

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сыкало А. И.

*доцент кафедры общей и клинической психологии БГУ
кандидат медицинских наук, доцент,
г. Минск, Беларусь*

Мацевич М. Я.

*доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в
промышленности Белорусского национального технического университета
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Социология, история, политика, экономика – науки эмпирические, детерминированные прошлым и интерпретирующие, а не выводящие из научной теории картину прошлого и нынешнего мира. На ошибках прошлого (особенно чужих) можно и должно учиться (при ламинарном течении процессов эволюции материи и сознания), чтобы не делать ошибок прошлого, но ошибки неизвестного, но, безусловно, турбулентного будущего, эмпирическому знанию не подвластны. Опыт самоорганизации естественнонаучного знания свидетельствует о неизбежности применения к столь угодно сложным объектам знания теоретического. Сегодня наука подошла к необходимости и возможности теоретического осмысления глобальных угроз и рисков и обозначения мер и приоритетов их устранения.

Такая попытка была предпринята одним из авторов [1; 2] путем разработки Атрибутивной теории циклической самоорганизации (АТС), модели цикла самоорганизации открытых и закрытых систем – «Нооскопа», Императивной этики устойчивого развития (ИЭУР) и декларации миссии «Homo Futurus» во Вселенной.

Мир охвачен пандемией социокультурной неопределенности, и она создается не только системной глобальностью угроз и рисков, но и попытками сохранить прежний однополярный социум, распространить его на все человечество методами цветных неоколониальных революций и переворотов, односторонними санкциями и двойными стандартами, государственным терроризмом и неписаными «правилами», разрушающими хрупкий мир международных соглашений и договоров. Однополярный мир все быстрее и масштабнее дрейфует к идеологии и

практике фашизма, где обнуляются все общественные науки, и возникает диктатура стремительно меняющихся «правил» мирового капитала.

Многополярный мир существует исторически не одну тысячу лет, но его усложняющиеся иерархии создаются не декларациями, не политическими решениями и договоренностями и даже не войнами. Трансформация социокультурных пространств происходит в процессе и результате самоорганизации личностного и общественного сознания там и тогда, где и когда создаются социальные, культурные, политические и идеологические предпосылки, условия эффективной работы атрибутивных социальных гомеостатов, минимизирующих энергию взаимодействия пространственно-временного и энергоинформационного континуумов в системе Человек (личность) – Общество (социум) – Природа – (земная и внеземная); развития не ангажированных капиталом общественных и гуманитарных наук, образования, мобилизуемой в интересах общества идеологии, сохранение баланса техносферы, социосферы, экосферы в рамках устойчивого развития.

Когда мы ищем информацию или управляем ею, мы склонны использовать стратегии, требующие меньших усилий: это не вопрос лени, а следствие фундаментального принципа работы нашего мозга, принципа минимальных усилий. Принцип наименьшего усилия гласит, что для достижения цели мы естественным образом выбираем путь, предполагающий наименьшее сопротивление. Этот принцип находит применение во многих областях: от биологии до взаимодействия человека, компьютера и информации. Природа сама по себе не может использовать ненужные средства для достижения своих целей и, следовательно, экономна. Принцип наименьшего действия (ПНД) можно интерпретировать как попытку интегрировать метафизическую идею «экономии природы» в сферу науки.

Во всех причинно-следственных связях интенцию или основу можно понимать как «экономически оптимизированную» по отношению к своему следствию или цели. Говоря, что природа берегает свои силы или свои затраты, мы, таким образом, приписываем ей определенную экономию и понимаем ее телеологическим образом, в том смысле, что акт сбережения ориентирован на конкретную выгоду. Мы понимаем, что было потрачено, сэкономлено и заработано в свете этой выгоды, и, следовательно, только апостериорно. Принцип экономии (ПЭ) – это принцип эпистемологии, онтологии и натуральной философии, но он также определяет виды вопросов, задаваемых философами, социологами, как структурированы вопросы и ответы и чего они требуют, чтобы быть действительными. Таким образом, описанное экономическое понимание природы имеет двойной аспект: либо мы рассматриваем цель, либо пользу события, чтобы увидеть, что оно было вызвано минимумом сил или усилий; или мы рассматриваем силы и средства, задействованные в происходящем, чтобы увидеть, что эти силы вызывают как можно больше изменений [2; 3].

В этих тезисах показывается, как ПЭ философски был трансформирован и формализован принципом наименьшего действия (ПНД). ПЭ является здесь основой для вывода ПНД, без которого он оставался бы простым оптическим принципом (П. Мопертюи) или математическим свойством идеализированных кривых (Л. Эйлер). Для обоих ученых ПНД являлся фундаментальным принципом, из которого должны быть подтверждены другие законы и теоремы [3]. Это стало глобальным принципом, независимым от какого-либо конкретного понимания сил. Сила больше не определяет, что физически возможно, а что нет, теперь эту роль должен играть ПНД в более широком смысле. В этом аспекте ПНД не заменяет ПЭ, а дает ему точную и применимую физическую интерпретацию. Таким образом, ПЭ из метафизической концепции силы превратился в способ понимания силы через ее измеримые эффекты. Идея о том, что сила должна быть основана на материальной субстанции, трансформировалась в проект, в котором сила основана на структуре материала. Геометрическая дедукция пришла на смену более ранним попыткам дать силе метафизическое основание.

В аксиоматику АТС (атрибутивной теории циклической самоорганизации) положены следующие постулаты: самоорганизация – единая и единственная форма и способ существования Универсума – материи и сознания; законы фрактальной симметрии требуют наряду с понятием пространственно-временного континуума ввести понятие энергоинформационного континуума и атрибутивных гомеостатов как условия эффективности взаимодействия этих континуумов; необходимо принятие единого принципа наименьшего действия (ПНД) для самоорганизации материи и сознания и признание невозможности реализации модели устойчивого развития человека и общества на экономическом принципе максимизации прибыли – (ПМП).

Вербальная и графическая модель «Нооскопа» [2] демонстрирует и иллюстрирует цикличность, ускорение и телеологичность самоорганизации от хаоса к порядку по стреле системного времени открытых систем, и цикличную деградацию закрытых систем по модели бумеранга Таймерного времени.

Аксиоматика и аксиология ИЭУР (императивной этики устойчивого развития) включает тезис о необходимости объективизации понятий блага и зла, целей, принципов, ценностей, приоритетов и мотиваций. Все то, что совпадает с объективными законами самоорганизации и способствует УР – благо. Все то, что нарушает их и разрушает УР материи и сознания – зло. ИЭУР глобально и единообразно определяет баланс аксиологической толерантности к системному благу и аксиологический иммунитет к системному злу. От адаптации методом проб и ошибок к стремительно меняющемуся социуму человек и общество вынуждены переходить к управлению коэволюцией материи и сознания на основе ценностей ИЭУР – «истины и равенства» – в идеологии Ноосферы. И, соответственно, от всеобщей затратной конкуренции к рациональному и рачительному глобальному партнерству.

Новое ноосферное миропонимание не ограничено временем и пространством, пределами сложности и энергии взаимодействия, но оно конкретизируется по мере смены приоритетов, постановки задач и формирования дорожных карт проектов и этапов перехода к ноосферному формату личностного и общественного развития. Ноосферное сознание становится первичным по отношению к материи и это означает новый уровень ответственности за последствия ошибок в продвижении к истине: наступает эпоха реконструктивной социологии.

Наконец возникает возможность и зреет необходимость ставить вопрос о новой миссии Разума во Вселенной – не только познавать Универсум, но и управлять им, осуществляя управление коэволюцией материи и сознания в новой системной реальности путем информационной и физической экспансии разума за онтологический горизонт текущих событий и явлений.

Подводя итог, можно утверждать, что сегодня созданы системные основания и осознана глобальная политическая, экономическая необходимость не просто косметической трансформации социокультурного пространства нынешнего цивилизационного формата, а его полной замены в новой системной реальности. Принципы, ценности, цели, задачи, механизмы мотивации и потребностные ресурсы которой должны быть осознаны и понятны. Идущая ликвидация капитализма однополярного и многополярного мира низложит рыночную экономику, возведет в лидеры ноосферогенеза объединенную единой теорией самоорганизации реконструктивную мега социологию. Она детерминируется будущим, объединяющую макро и микросоциологию с историей будущего, цифровой экономикой и психологией в единую теоретическую и прикладную науку о Человеке, как считал Карл Маркс и в «Путь Разума» как считал наш соотечественник Никита Моисеев и его последователи в непрерывно расширяющемся Союзном государстве и за его пределами.

Отдавая дань мыслителям прошлых эпох письменной предыстории человечества, особенно XVI–XX вв. нашей эры, мы должны понимать, что приведение к единому системному, парадигмальному, методологическому и идеологическому консенсусу и реализация перехода человечества в Ноосферу – задача поистине космического масштаба. И цена ошибки в выборе стратегии управления человеческим разумом дальнейшей самоорганизацией материи и сознания одна – обнуление 14 млрд. лет самоорганизации материи и сознания в нашей Вселенной в результате антропогенной (Ядерный Армагеддон или экологический Апокалипсис) гибели единственной известной локализации Жизни и Разума в ней (планеты Земля).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сыкало, А. И. Атрибутивная теория и императивная этика социальной самоорганизации / А. С. Сыкало [Электронный ресурс] // «Глобалистика». Тезисы докладов V Международного научного конгресса Глобалистика-2017. МГУ, Россия, 25-30 сентября 2017. – Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Globalistics_2017/data/10141/uid161545_report.pdf. – Дата доступа: 23.08.2023.
2. Сыкало, А. И. Универсальная цель и смысл существования человека и общества / А. С. Сыкало // «Технологии устойчивого развития». «Техношанс». – 2010. – № 4. – С. 36–40.
3. Мацевич, М. Я. Онтологический поворот в эпоху эпидемий / М. Я. Мацевич // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2023. – № 1. – С. 76–88.

ПРОДВИЖЕНИЕ МОЛОДЁЖНОГО ТУРИЗМА В НОВЫХ МЕДИА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фёдорова Д. А.

*магистрант ГрГУ им. Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь*

Современное общество претерпевает изменения, которые призваны улучшить его функционирование: сделать более комфортным для жизни людей, предоставить новые возможности для реализации потенциала индивидов, за счёт чего происходит формирование «золотого резерва» страны – интеллектуальной опоры государства, продвигающей и модернизирующей общество и все процессы, происходящие в нём. Цитируя президента Республики Беларусь Лукашенко А. Г., «Здоровье нации – это забота не только медиков, но и каждого из нас» [2], что означает, что современное общество требует поддержки во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, духовной и социальной через законодательные акты, положительные санкции и модернизацию.

Одним из условий модернизации на современном этапе развития общества является его информатизация – процесс внедрения информационных технологий во все сферы жизни человека. В Республике Беларусь существует указ № 136 (от 7 апреля 2022 г.) «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» [4, с. 1]. По данному указу Министерство связи и информатизации наделяется новыми полномочиями в части управления процессами цифрового развития в государстве и цифровой трансформации системы государственного управления и отраслей экономики. Данный процесс расширяет механизмы финансовой поддержки цифрового развития и предусматривает возможность внедрения уже разработанных программных продуктов, а также упрощаются процессы заключения и реализации договоров в сфере цифрового развития. Как утверждает Президент Республики Беларусь Лукашенко А. Г.: «Беларусь – государство для народа. Всё, что мы создали, создаём и будем воплощать в жизнь, служит исключительно этой цели» [2], что свидетельствует о том, что белорусское государство стремится создать максимально оптимальные условия для дальнейшего развития белорусского общества.

Благодаря процессу информатизации информация применяется более эффективно и способствует развитию отдельных отраслей и общества в целом. Одной из таких отраслей выступает молодёжный туризм, который является разновидностью туризма и ориентирован на молодёжь – представителей, чьи возрастные границы находятся от 14 до 31 года. Данный вид туризма делится на соответствующие подвиды – всё это расширяет возможности туризма привлечь как можно большее количество потенциальных туристов как резидентов, так и нерезидентов страны. Молодёжный туризм имеет свои особенности: возрастное и экономическое ограничение, кратковременность туров, стремление к образованию и самообразованию, поиск направления для дальнейшего его превращения в профессиональную деятельность индивида и другое.

Молодёжный туризм требует изучения для эффективной работы по его развитию и продвижению на внутреннем и внешнем рынке. Президент Республики Беларусь Лукашенко А. Г. считает, что «В последнее время мы здесь частенько говорим о том, что надо по-новому открывать Беларусь. Не в том смысле, что мы некая закрытая территория – нет. Мы открыты всему миру, почти 70 % того, что производим, идёт на экспорт. В силу этих причин мы не можем быть закрытой страной. Что такое Беларусь для тех, кто здесь не бывал, какие вызывает ассоциации? Драники, Беловежская пуца, хорошие дороги, зубры, гигантские самосвалы, многофункциональные тракторы, качественные продукты... Но на самом деле Беларусь гораздо интереснее и богаче» [2], что подтверждает заинтересованность и необходимость распространения информации о белорусском молодёжном туризме, чтобы формировать позитивный имидж страны и повышать качество молодёжного туризма и количество туристов как резидентов, так и нерезидентов Республики Беларусь.

Связь процесса информатизации и молодёжного туризма реализуется при помощи новых медиа, целью которых выступает информирование и распространение актуальной

информации о молодёжном туризме, используя современные средства коммуникации через сайты, мессенджеры, аккаунты в социальных сетях, телеграм и ютуб каналы. Данные виды новых медиа позволяют в кратчайшие сроки предоставлять информацию индивидам, не привязываясь ко времени и обстоятельствам.

Для плодотворного развития молодёжного туризма в процессе информатизации необходимо исследовать эффективность функционирования, развития и трансформации молодёжного туризма, для этого существуют специальные методы сбора и обработки информации: контент-анализ, фокус-группа и анкетирование являются основными [5, с. 19].

Рассмотрим технологию работы каждого из выделенных методов сбора и обработки данных при изучении молодёжного туризма через представления о нём в новых медиа. Контент-анализ представляет собой анализ формы и содержания текстов и информационных источников, предполагающий их обработку, оценку, интерпретацию и отслеживание динамики развития изучаемой темы. Контент-анализ имеет две разновидности: качественный и количественный, где первый изучает смысловую нагрузку материала, а второй – его число повторений определённых слов и словосочетаний, которые акцентируются в материале. Для начала нужно выстроить план действий и ограничить выборку изучаемого материала: предмет изучения, количество материала и так далее. Для того, чтобы провести качественный контент-анализ необходимо выделить смысловые элементы изучаемого материала, объединить их в группы для анализа их взаимосвязи между собой, закодировать данные для удобства восприятия при помощи словосочетаний или предложений, которые будут отражать суть изучаемого материала [3, с. 154]. Например, изучить сайт или аккаунт в инстаграме, выделить ключевые моменты материала, на основании которого будет строиться анализ и дальнейшее прогнозирование. Нужно отметить, что при проведении контент-анализа учитывается не только текстовая информация, но и аудиовизуальная, а при количественном анализе ещё и обратная связь в виде количества лайков, комментариев, постов, а в качественном контент-анализе могут изучаться комментарии и отзывы в виде обратной связи, но с позиции содержательного аспекта.

Количественный анализ построен на выделении часто повторяющихся слов, словосочетаний или предложений, которые отражают основную суть изучаемого материала. Выделяют категории анализа, являющиеся исследовательскими проблемами, идеями или темами. Например, упоминание в тексте, объём, эмоциональная окраска, то есть крупные блоки информации, которые будут объединять в себе различные единицы анализа [3, с. 155]. К примеру, положительная, негативная или нейтральная окраска информации о молодёжном туризме. Далее выделяются единицы счёта, через которые транслируется проявление свойств единицы анализа. Например, единица анализа «положительная оценка молодёжного туризма» может отражаться через такие единицы счёта, как «благодарность за хорошо проведённый тур», «лайки», «репосты в истории с положительными комментариями». Далее происходит кодировка – перевод материала в числовой формат, то есть присваивание определённого числового значения для подсчёта, анализа и прогнозирования. После проводится пилотажное исследование – пробное для проверки на «адекватность» полученных результатов и устранения неучтённых факторов, которые могут исказить данные. Завершается всё анализом данных вручную или при помощи использования специальных программ: Excel, SPSS Statistics и др., а также предоставлением отчёта о проделанной работе с графиками, таблицами и их интерпретацией, выводами и рекомендациями по улучшению деятельности молодёжного туризма.

Фокус-группа – метод качественного сбора информации, который предполагает форму интервьюирования от 5 до 12 респондентов. Данный метод является хорошим дополнением к контент-анализу, что позволит более комплексно и системно изучить молодёжный туризм через его трансляцию в новых медиа. Существует определённый набор характеристик фокус-группы: теоретическая насыщенность (достаточность и исчерпаемость изучения информации среди группы респондентов), гомогенность группы (должны быть схожие характеристики, на основе которых они будут включаться в определённую группу: по полу, возрасту, образованию, профессии и так далее), отсутствие тесного контакта между респондентами или интервьюером и респондентами для получения наиболее объективной и достоверной информации. Далее полученная информация транскрибируется (записываются ответы респондентов по каждому из вопросов) и анализируется с предоставлением отчёта с выводами, прогнозами и рекомендациями [1].

Анкетирование – количественный метод анализа информации, который предполагает составление анкеты, где вопросы будут разделены на смысловые блоки, а также выборочную совокупность, определяющуюся через социально-демографический блок вопросов и вопросы-фильтры, которые отбирают необходимых для участия в исследовании респондентов. Далее информация кодируется в числовой формат, данные переносятся в программы: Excel или SPSS Statistics для анализа. В завершении предоставляется отчёт с таблицами, графиками, диаграммами, интерпретацией выводов и рекомендациями [5, с. 17] по улучшению транслирования молодёжного туризма в новых медиа.

Таким образом, продвижение молодёжного туризма в новых медиа является актуальной темой изучения в социологических исследованиях, так как они позволяют собрать и проанализировать информацию, наглядно представить данные в виде графиков и диаграмм, получить «скрытую информацию» через анализ имеющегося материала, а также сделать выводы и дать рекомендации по улучшению распространения молодёжного туризма в новых медиа. Данная информация позволит выйти молодёжному туризму на новый качественный и количественный уровень на внутреннем и внешнем рынке услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Метод фокус-групп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://school.hse.ru/nis/focusgroup>. – Дата доступа: 01.10.2023.
2. Пресс-служба Президента Республики Беларусь. О стране и народе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-strane-i-narode>. – Дата доступа: 30.09.2023.
3. Приборович, А. А. Контент-анализ – форма исторического исследования [Текст] / А. А. Приборович // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2011. – С. 153–159.
4. Указ Президента Республики Беларусь об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации, 7 апр. 2022 г., № 136 // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – г. Минск, 2022. – 14 с.
5. Ядов, В. А. Социологическое исследование – методология, программа, методы [Текст] / В. А. Ядов. – М. : Издательство «Самарский университет», 1995. – 242 с.

УДК 316.346.32-053.8/.9316.628.23:004(476)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Цыбульская Н. В.

*ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Стремительно развивающийся процесс цифровизации социально-информационного пространства белорусского общества в той или иной степени охватывает все социально-демографические группы нашей страны. Однако в своей жизнедеятельности представители старших поколений сталкиваются с определенными барьерами, обусловленными ускорением и всё большим распространением процесса цифровизации общества в целом. Значительная часть пожилых людей в белорусском обществе сталкивается с проблемами «цифрового исключения», следствием которого становятся ограничения в удовлетворении базовых социокультурных потребностей (в социальной коммуникации, в получении образования, в духовно-личностном развитии, свободной творческой реализации жизненного потенциала). Удовлетворение этих потребностей является важным способом адаптации пожилых людей к быстро меняющимся реалиям современной жизни, положительно влияет на их социально-психологическое состояние, обеспечивает необходимые условия достойной жизни. Однако реализации социокультурных потребностей зачастую препятствует «цифровой разрыв» между возможностями пожилых людей и «цифровизованным» социокультурным пространством. Это, например, затруднённый доступ к разного рода информации, которая распространяется преимущественно в цифровом виде (интернет-сайты, социальные сети, мессенджеры). В качестве основных причин появления у

пожилых людей «цифровых барьеров» можно указать следующие: отсутствие инфраструктуры доступа к интернету, психологические и финансовые сложности в приобретении собственных цифровых устройств (смартфон, планшет, ноутбук и проч.), трудности с их самостоятельным освоением, возрастные особенности, также некоторые другие характеристики (уровень образования, место проживания, трудовая деятельность). Опираясь на результаты социологических исследований, можно утверждать, что пожилые люди – одна из наиболее социально уязвимых групп в плане их возможности и опыта взаимодействия с цифровыми способами реализации важных социокультурных практик [1, с. 98].

Реализация пожилыми людьми одной из базовых человеческой потребностей – в социальной коммуникации – тоже претерпевает изменения, и не только в связи с возрастом. Если посмотреть на эти изменения через призму влияния процесса цифровизации на социокультурное пространство, мы можем отметить, что именно коммуникационные практики в течение уже не одного десятилетия значительно меняют картину привычных (традиционных) социокультурных практик общения. Традиционные коммуникативные практики (привычные, сопровождающие жизнь более чем одного поколения) – такие, как непосредственное личное общение, обмен письмами и / или телеграммами, разговоры по телефону, – никуда не исчезают, однако с постоянным развитием информационно-коммуникационных технологий появляются новые (инновационные), практики общения, такие, как видеозвонки, обмен сообщениями в интернете (электронные письма, переписка в социальных сетях и мессенджерах).

Рассмотрим уровень включенности пожилых людей в коммуникативные практики в интернете, в частности, использование социальных медиа (социальных сетей и мессенджеров). В основу предлагаемой информации положены результаты эмпирического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. методом анкетного опроса по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта проживания (N = 1848 чел., N пожилых = 421 чел.). Автор следует рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по определению нижней границы пожилого возраста как 60 лет, а верхней – как 74 года.

Важным фактором социальной активности пожилых людей в цифровом пространстве является их включенность в трудовую деятельность. В результате анализа полученных эмпирических данных была обнаружена статистическая связь между осуществлением пожилыми людьми профессиональной трудовой деятельности и практиками использования Интернета. Среди работающих пожилых людей доля пользователей Интернета составляет 59,1 %, тогда как значительно меньшая доля неработающих пожилых людей (31,9 %) использует Интернет.

Уровень активности пенсионеров в социальных медиа (социальных сетях и мессенджерах) тоже связан с включенностью респондента в профессиональную трудовую деятельность: среди работающих пенсионеров не пользуются социальными медиа только 16 %, а среди неработающих – более половины (55,6 %). Среди тех пенсионеров, кто пользуется социальными медиа, также наблюдается явное различие между работающими и неработающими пенсионерами: у включенных в трудовую деятельность пенсионеров процент пользователей почти по всем позициям (исключая Twitter и LinkedIn, которыми пенсионеры не пользуются) значительно выше, чем у работающих пенсионеров (см. таблицу).

Таблица. Использование социальных медиа работающими и неработающими пенсионерами, в %

Социальные медиа	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры
Viber	69,7	36,7
Одноклассники	35,3	22,2
YouTube	33,6	18,9
Instagram	26,9	5,6
Telegram	21,0	6,4
ВКонтакте	21,0	9,4
WhatsApp	20,2	10,8
TikTok	16,0	8,9
Facebook	10,9	3,9
Twitter	0,0	0,0
LinkedIn	0,0	0,0
Не пользуюсь	16,0	55,6

Перечни популярных социальных медиа (Топ-5) у работающих и неработающих пенсионеров во многом совпадают. Наиболее популярными социальными медиа являются *Viber*, *Одноклассники* и *YouTube*. Мессенджер *ВКонтакте* тоже вошел в Топ-5 социальных медиа в обеих рассматриваемых группах (у работающих пенсионеров он разделит пятую позицию с социальной сетью *ВКонтакте*). Что касается различий, то *Instagram* и *Telegram* не вошли в Топ-5 неработающих пенсионеров, а *WhatsApp* не вошел в Топ-5 работающих пенсионеров. Можем предположить, что это связано с большим разнообразием (в том числе и возрастным) коммуникативной среды работающих пенсионеров, а также с большей необходимостью освоения социальных сетей и мессенджеров, если они используются в корпоративных целях.

Оценивая важность активной трудовой деятельности пожилых людей в условиях старения населения, можем сделать вывод о том, что она весьма полезна для повышения уровня их цифровой грамотности и социально-культурной активности, а также для обеспечения устойчивого поступательного развития белорусской экономики.

Обеспечение помощи пожилым людям в преодолении «цифрового разрыва», которую могут оказать другие люди (близкие, родственники, волонтеры, представители государственных организаций соответствующей направленности) и государственная система в целом, является необходимым условием «цифрового включения» пожилых людей в активную социокультурную деятельность не только для удовлетворения их базовых социально-культурных потребностей, но и во благо белорусского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воронина, С. Н. Проблема цифрового неравенства пожилых людей в Беларуси: методологический и эмпирический анализ / С. Н. Воронина, Д. Д. Кармызова // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2023. – № 8(2). – С. 93–110.

УДК 304.44

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРОДВИЖЕНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ: ОПЫТ ТИКТОК

Чжан Синь

*аспирант кафедры социальной коммуникации БГУ
г. Минск, Беларусь*

TikTok, как платформа для обмена короткими видео, быстро завоевала внимание большого количества людей по всему миру. По состоянию на 2022 года у TikTok более 1 миллиарда активных подписчиков [1]. Эта огромная база пользователей является социально-признанным ресурсом для распространения информации об историко-культурных достопримечательностях Китая.

По состоянию на апрель 2019 года 1214 из 1372 репрезентативных проектов, продвигающих объекты нематериального наследия на платформе, стали важнейшим событием в цифровом мире, показывающим огромный интерес к разнообразным видам и формам национальной культуры Китая. Было создано в общей сложности более 24 миллионов видеороликов, что составило 106,5 миллиардов просмотров [2].

По официальным данным TikTok, количество просмотров и лайков видеороликов, связанных с историческим и культурным наследием Китая, имеет устойчивую тенденцию роста. По состоянию на 2022 год среднее количество просмотров видеороликов об историческом и культурном наследии на TikTok выросло на 30 %, а среднее количество лайков увеличилось на 20 % по сравнению с предыдущим годом [2].

Отметим роль сети в содействии распространению и развитию нематериального культурного наследия для потребителей и пользователей информации.

Обращение к теме позволяет людям, представляющим разные социальные группы, расширить свои представления о видах и формах национальных памятников, узнать новые факты об их состоянии, и понять, каким образом объекты наследия охраняются государством, кто заботится об их сохранности.

В течение долгого времени распространение нематериального и материального культурного наследия, в основном, опиралось на местные выставки, симпозиумы и средства массовой информации, снимались документальные фильмы, распространение получила реклама.

Появление приложения TikTok позволяет каждому пользователю стать наследником культурного наследия: для этого необходим выход в Интернет и личный мобильный телефон. Персональный канал связи позволяет мгновенно собирать и загружать информацию, а также делиться и публиковать ее в любое время и в любом месте, что значительно расширяет доступность пользователям, и в тоже время снижает стоимость продвижения нематериального культурного наследия.

Новые медиа, представленные приложением TikTok, соответствуют потребностям современного человека: мгновенно получать визуальную информацию, приобщаясь к музыке, песням, танцам китайского народа. Своими глазами увидеть сложный процесс производства изысканных бумажных зонтов или услышать изящную и мелодичную игру китайского гуцяня, – все это становится доступным и близким многим людям.

Контент, сопровождающий видеоролики, способен оказать мгновенный коммуникативный эффект на пользователя, в свою очередь коммуникатор, впечатленный увиденным и услышанным, может передавать свои впечатления другим пользователям, делиться полученными сведениями. Программа платформы TikTok использует современные технологические методы для анализа групп пользователей, которых объединяют общие интересы, выявлять предпочтения, установки, мотивы и пр. Все это способствует расширению аудитории потребителей и формирует поле для более разнообразных тематик, важных для продвижения и популяризации лучших образцов культурного наследия.

Однако, остро стоит вопрос о том, как сделать коммуникацию полезной и выгодной потребителю, как привлечь финансовые средства, которые необходимы для развития платформы. Разработчики платформы используют современные технологические подходы и осуществляют их на практике. Функционируют «Бизнес» приложения TikTok, проект продаж «Витрина продукта» и др. С их помощью потребитель может осуществить свои намерения и приобрести те продукты, которые сложно найти на других ресурсах. Конечно, в данном случае, нужно отметить, что имеются нерешенные проблемы, которые постепенно преодолеваются. К примеру, многие пользователи, благодаря платформе TikTok, ее открытости, демократизму, прозрачности, открыли магазины для реализации онлайн-продаж.

Платформа TikTok как социальная сеть позволяет расширить аудиторию потребителей и соответственно усилить интерес национальному наследию китайского народа. Благодаря новым технологическим и техническим возможностям, многие пользователи используют возможность контакта с другими пользователями и тем самым продвигают ценности национальной традиции и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доклад о данных TikTok за 2022 год // NetEase. – Режим доступа: <https://m.163.com/dy/article/HS9GETGV051795KB.html>. – Дата доступа: 03.10.2023.
2. Отчет о нематериальном культурном наследии TikTok // Центральное радио и телевидение Китая (CNR). – Режим доступа: http://news.cnr.cn/local/dfid/jj/20220612/t20220612_525861440.shtml. – Дата доступа: 03.10.2023.

УДК 304.3, 316.422

ИЗМЕНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЙСКИХ СЕМЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Чэнь Сяоцзяо

*аспирант кафедры социальной коммуникации ФФСН БГУ
г. Минск, Беларусь*

Цифровая эпоха оказала глубокое влияние на китайское общество. С популяризацией Интернета и цифровых технологий китайское общество претерпело огромные изменения. Эта волна цифровизации изменила образ жизни людей, социальные структуры и культурные

ландшафты. На этом фоне взаимодействие в китайской семье также претерпело значительные изменения и проблемы. В этой публикации будет исследовано влияние цифровой эпохи на семейное взаимодействие в Китае и проанализированы его положительные и отрицательные стороны. Мы рассмотрим, как цифровые инструменты укрепляют семейные связи и предоставляют разнообразные способы для взаимодействия, но они также могут привести к отвлечению внимания и проблемам с конфиденциальностью.

Благодаря стремительному развитию Интернета Китай стал одним из крупнейших интернет-рынков в мире. По данным Китайского информационного центра сети Интернет (CNNIC), к концу 2021 года число пользователей Интернета в Китае достигнет 918 млн. человек, что составит 65,6 % от общей численности населения [1]. Эта цифра свидетельствует о том, что подавляющее большинство китайцев интегрировалось в цифровой мир. В то же время стремительно растет проникновение мобильных телефонов: к концу 2021 г. число пользователей мобильных телефонов в Китае достигнет 1,04 млрд. человек, что составляет 74,3 % от общей численности населения [1]. Это означает, что практически каждый член семьи владеет мобильным телефоном и может в любой момент подключиться к Интернету.

Влияние цифровых инструментов на китайские семьи очевидно, при этом Интернет и мобильные телефоны играют ключевую роль. Во-первых, Интернет и мобильные телефоны изменили способы общения в семьях. Рост популярности семейных групповых чатов и видеозвонков позволяет членам семьи всегда оставаться на связи, где бы они ни находились. Платформы социальных сетей, такие как WeChat и Weibo, также стали частью семейного взаимодействия, позволяя членам семьи оставаться на связи, обмениваясь фотографиями, обновлениями статуса и комментариями.

Кроме того, технологии «умного дома» оказали значительное влияние на жизнь семьи. Популярность таких устройств, как «умное» аудио, «умное» освещение и «умная» бытовая техника, позволила членам семьи управлять домашними устройствами с помощью голосовых команд, создавая более удобную среду обитания и улучшая взаимодействие и сотрудничество между членами семьи.

Семейное взаимодействие в Китае в эпоху цифровых технологий принесло много положительных моментов: эти изменения обогатили семейную жизнь, укрепили связи между членами семьи и предоставили больше возможностей для взаимодействия.

Перечислим некоторые аспекты семейного взаимодействия в Китае в эпоху цифровых технологий: 1. Укрепление семейных связей: Интернет и мобильные телефоны позволяют членам семьи легко оставаться на связи, где бы они ни находились. Такие инструменты как видеозвонки, текстовые сообщения и социальные сети устраняют чувство разлуки, вызванное географической удаленностью и сближают близких. 2. Удобство удаленного взаимодействия: цифровые инструменты обеспечивают комфортный способ удаленного взаимодействия. Члены семьи могут делиться своей жизнью, посещать фестивали и важные семейные мероприятия такие как дни рождения, дарить подарки, общаться с родственниками и друзьями находясь далеко, без необходимости физического присутствия. 3. Разнообразие методов общения. Интернет и мобильные телефоны предоставляют разнообразные возможности для общения, включая текст, изображения, видео, голос и т. д. Члены семьи могут выбирать способ взаимодействия, который наилучшим образом соответствует их потребностям, что повышает гибкость общения. 4. Улучшение цифрового образования и развлечений. Члены семьи могут использовать инструменты цифровой эпохи для онлайн-обучения и домашнего обучения. Студенты могут получать знания посредством онлайн-курсов, а члены семьи могут делиться образовательными ресурсами для повышения эффективности обучения. Кроме того, возможности цифровых развлечений, такие как потоковое видео, музыка, игры и т. д., предоставляют семьям больше возможностей для развлечений. 5. Расширение взаимодействия между членами семьи. Платформы социальных сетей, такие как WeChat и Weibo, предоставляют членам семьи платформу для обмена информацией и взаимодействия. Члены семьи могут оставаться на связи, делясь фотографиями, обновлениями статуса и комментариями в социальных сетях, что добавляет новое измерение семейному взаимодействию. 6. Использование технологий «умного дома» для совместных дел и развлечений. Технологии «умного дома» такие как «умные» колонки, «умная» бытовая техника и другие устройства, обеспечивают больше функций для совместной работы и развлечений. Члены семьи могут работать вместе, развлекаться и создавать более удобную среду

обитания с помощью интеллектуальных устройств, что повышает удовольствие от семейного общения.

Хотя взаимодействие китайской семьи в цифровую эпоху привело ко многим положительным изменениям, оно также сталкивается с некоторыми очевидными негативными аспектами. Эти проблемы требуют от нас серьезного размышления и решения. К таковым могут быть отнесены следующие: 1. Формирование отчужденности между членами семьи. Члены семьи могут чрезмерно полагаться на мобильные телефоны, социальные сети и онлайн-игры, пренебрегая общением в реальной жизни. Дети и их родители, находящиеся в одной комнате, но «запертые» в мире своих телефонов, могут не общаться в реальной жизни. 2. Влияние интернет-игр и семейного взаимодействия. Популярность интернет-игр оказала глубокое негативное влияние на семейное взаимодействие. Некоторые подростки могут стать чрезмерно зависимыми от онлайн-игр и терять время на общение со своей семьей. Игровая зависимость может привести к ухудшению успеваемости, социальной изоляции и напряженным семейным отношениям. 3. Социальные сети и проблемы конфиденциальности. Члены семьи делятся большим количеством личной информации и фотографий в социальных сетях, что может повлечь за собой проблемы конфиденциальности. Утечка информации и вторжение в частную жизнь стали одним из рисков семейного взаимодействия в эпоху цифровых технологий. Членам семьи необходимо быть более осторожными в управлении своим цифровым следом в Интернете. 4. Риски кибербезопасности и проблемы безопасности детей. Дети и подростки в семьях являются легкой мишенью для угроз кибербезопасности. Хотя цифровые инструменты предоставляют им возможность учиться и развлекаться, они также уязвимы для нежелательного контента и онлайн-ловушек. Родителям необходимо уделять больше внимания и контролировать использование Интернета детьми, чтобы обеспечить их безопасность.

В целом, цифровая эра глубоко изменила способы взаимодействия китайских семей. Интернет, мобильные телефоны, социальные сети и технологии «умного дома» предоставляют семьям больше способов взаимодействия, укрепляя связи и обогащая опыт общения. Однако семьям также следует опасаться возможных негативных последствий цифровых инструментов, таких как отвлечение внимания и проблемы конфиденциальности. Поэтому поддержание баланса, содействие здоровому использованию цифровых технологий и улучшение личного взаимодействия между членами семьи, по-прежнему, имеют решающее значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 47-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае. Китайский сетевой информационный центр Интернета (CNNIC). – 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cac.gov.cn/gzzt/ztzl/zt/cnic/A0920010802index_1.htm . – Дата доступа : 04.10.2023.

УДК 379.82

МУЗЕЙНАЯ АНИМАЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ

Шеметова А. А.

*соискатель кафедры культурологии БГУКИ
г. Минск. Беларусь*

В современном мире сложилась устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции в рамках системы образования. Данная тенденция обуславливает создание определенных условий в вузах для обеспечения успешно адаптации иностранных студентов к новой социокультурной среде. Организация образовательной деятельности с иностранными студентами предполагает для вуза создание толерантного образовательного пространства, с помощью которого будет возможна аккультурация иностранных студентов [3, с. 45].

Преподаватель, работающий с иностранными студентами, является одновременно организатором, воспитателем и помощником студентов, в задачи которого входит наиболее комфортно, оперативно и полно включить студента в социально-культурный континуум учреждения высшего образования, помочь ему преодолеть внутренние барьеры, вовлечь его в учебную и общественную жизнь вуза [8, с. 60].

Качественное образование, подразумевающее формирование гармонично развитой в интеллектуальной и духовно-нравственной сфере личности, невозможно представить как ограниченный рамками университета процесс. Учреждение образования является элементом кластерной модели, подразумевающей ее тесное взаимодействие с учреждениями культуры, спорта, туризма, объектами культурно-исторического наследия. Одним из значимых институтов в названном образовательно- развивающем кластере можно считать музей.

Социально-культурная анимация является одной из относительно молодых отраслей прикладной социальной психологии и педагогики, которую многие исследователи по-другому называют педагогикой социально-культурной деятельности. Потенциал социально-культурной анимации можно использовать при организации арт-проектов в организациях культуры и образования (в частности, в музеях и университетах). Музей и университет – учреждения культуры и образования. Эти два социально-культурных института специфическими методами и приемами выполняют общие задачи – воспитательные и образовательные и способствуют формированию гармонично развитой, творчески активной личности. Поэтому совершенно естественно их стремление к сотрудничеству и взаимодействию [1, с. 90].

Современный музей – не только научно-просветительное учреждение, но и культурно-досуговый, а также развлекательный центр, который с целью привлечения внимания посетителей различных возрастов, разрабатывает инновационные рекреационные программы и мероприятия для массовой аудитории, стараясь сохранить баланс между научностью и просвещением, с одной стороны, и развлекательностью, с другой стороны.

Нам известно, что при обучении по лингвистическим специальностям в вузах нашей страны в целях межкультурного взаимодействия с иностранными студентами в рамках изучения дисциплины «Лингвострановедение» активно используются возможности музейной педагогики и потенциал анимационных программ (на базе различных музеев г. Минска и Республики Беларусь).

Анимация в музее для иностранных студентов является одной из возможностей испытать эмоциональное и поведенческое сходство с членами местной культуры и увидеть отличие от представителей других культур [12, с. 60]. Анимация в музее, как правило, предполагает демонстрацию самобытности белорусского народа, его истории и культуры, знакомство с традициями и культурными ценностями белорусского народа, погружение в белорусскую культуру. При этом многие музеи совместно с учреждениями образования ставят перед собой задачу привлечения иностранных студентов посредством театрализации, превращая пребывание в музее в театрализованное представление, шоу, интерактив. За счет необычной подачи информации и активного вовлечения аудитории в ход экскурсии, музейная анимация обеспечивает более глубокое освоение материала и усиление образных впечатлений на иностранных студентов.

По мнению отечественного музееведа Е.Л. Красновой, «разнообразные спектакли, представления, исторические реконструкции углубляют и разворачивают представленную в музее тематику под «живым» и более демонстративным углом, тем самым превращая музей в центр межкультурной коммуникации» между сотрудниками музея и иностранными студентами. В связи с популярностью анимации в музее, каждый год появляются новинки, которые могут быть рассчитаны как на белорусских, так и на иностранных студентов. В музеях Республики Беларусь музейная анимация с каждым годом приобретает все большую популярность.

Республика Беларусь на сегодняшний день имеет большое количество государственных, ведомственных и частных музеев, которые способны привлечь как отечественных, так и иностранных студентов. Наиболее популярными белорусскими достопримечательностями, которые пользуются постоянным спросом среди иностранных студентов, являются Мирский и Несвижский замки. Эти учреждения культуры предлагают различный перечень анимационных программ с личным участием посетителя.

Замковый комплекс «Мир» предлагает театрализованную экскурсию «Мирский замок и его владельцы: шагая через столетия», в ходе которой иностранные студенты смогут познакомиться с владельцами замка, театрализованную экскурсию «Волшебная история в Мирском замке», где гостей встречает княгиня Франтишка Урсула Радзивилл и её дочь. В ходе программы иностранных студенток можно обучить языку веера, а студентов посвятить в рыцари сам князь Радзивилл «Сиротка» [6]. Сотрудники музея создали насыщенные комплексные анимационные программы и интерактивную экспозицию «Во время рождественских каникул». В замке проходят

балы для взрослых посетителей, на которые можно пригласить иностранных студентов. Во время бала, «князь» и «княжна» могут научить иностранных студентов бальным танцам XVII–XIX веков.

Национальный историко-культурный музей-заповедник Несвиж в своей работе с иностранными студентами активно использует экскурсии с элементами театрализации и квест-игры. На наш взгляд, наиболее интересными для иностранных студентов являются анимационное представление «Приветствие в Несвижской Ратуше» и театрализованный исторический квест «Тайны и загадки Дворца Радзивиллов». Масштаб квеста в замке уникален: в отличие от других квест-игр, как правило, проводимых в одной-двух комнатах, эта игра проводится на территории всего дворца. Квест «Тайны и загадки Дворца Радзивиллов» – это уникальная возможность побывать в закрытых для обычных посетителей частях комплекса. Также все желающие могут поучаствовать в квесте «Тайны двух сундуков». По индивидуальным заявкам проводятся музейные занятия с элементами театрализации. Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж», кроме экскурсионного обслуживания с элементами театрализации, дополнительно предлагает три театрализованные исторические квест-игры [5].

Лидский замок для иностранных студентов предлагает следующие анимационные программы:

- Театрализованная экскурсия «Вандроўка ў мінулае» превращает иностранных студентов не только в зрителей, но и непосредственных участников описываемых событий в представляемой программе экскурсии. Театрализованная экскурсия – это уникальное сочетание интерактивной формы с динамичной и эмоционально выраженной подачей самых интересных фактов и историй Лидского замка. Программа включает игры в стиле средневековья, мастер-класс по разучиванию средневековых танцев, сладкое угощение, которые будут интересны для иностранных студентов из разных стран мира.

- Тематическая экскурсия «Что могут короли, если речь идёт о любви?» в ходе которой иностранные студенты могут узнать интересные факты из жизни таких выдающихся правителей как Гедымин, Кейстут, Витовт, Ягайло, чьи имена так или иначе связаны с историей Лидского замка. А сюжетно-ролевые игры позволят окунуться в мир свадебных обрядов Средневековья.

- Квест «21 тайна Лидского замка» проходит под девизом «Легенды порождают тайны, а тайны порождают легенды...», который даёт возможность посетителям собрать волю в кулак и дойти до конца, разобраться во всех загадках и тайнах, о которых молчат древние стены Лидского замка [4].

Парк-музей интерактивной истории «Сула» предлагает для иностранных студентов анимационную экскурсию «10 000 лет истории Беларуси», которая включает в себя торжественную встречу гостей у ворот, сопровождение группы до центральной площади, откуда и начинается экскурсия [7].

Таким образом, мы видим, что межкультурное образовательное пространство возросло в конце XX в. Это связано с миграционным бумом, который переживает человечество и который проявляется во все возрастающем обмене студентами и специалистами.

Сегодня целью межкультурного взаимодействия с иностранными студентами считается достижение интеграции культур, результатом которой является бикультурная или мультикультурная личность [9].

Анализ анимационных программ показал, что наиболее частыми темами, используемыми музеями для аккультурации иностранных студентов, становятся исторические факты, биографии отдельных представителей княжеских родов, местные легенды. Анимация в музеях Беларуси – перспективное направление для работы с иностранными студентами, которое помогает сделать их обучение и отдых более разнообразными, наполнить туристические поездки и экскурсии новыми эмоциями. Для музеев анимация представляет дополнительную возможность привлечь в залы постоянных и новых посетителей. Театрализованные программы анимационного характера позволяют продемонстрировать самобытность белорусского народа, его историю и культуру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Асанова, И. М. Организация культурно-досуговой деятельности: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / И. М. Асанова, С. О. Дерябина, В. В. Игнатьева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 192 с.

2. Калачева, И. И. Поликультурное образование в системе межкультурных коммуникаций молодежи: учеб.-метод. пособие / И. И. Калачёва. – Минск : РИВШ, 2016. – 134 с.
3. Лидский замок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/travel/belarus-life/lida-castle>. – Дата доступа: 11.09.2023.
4. Несвиж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://niasvizh.by/> – Дата доступа: 11.09.2023.
5. Мирский замок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mirzamak.by>. – Дата доступа: 11.09.2023.
6. Парк истории «Сула» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://parksula.by>. – Дата доступа: 11.09.2023.
7. Мариненко, О. П. Педагогическая поддержка иностранных студентов на этапе предвузовской подготовки: монография / О. П. Мариненко. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2016. – 172 с.
8. Маркова, Н. Г. Теория и практика формирования культуры межнациональных отношений в вузе / Н. Г. Маркова. – Казань : Изд-во МО и НРТ, 2019. – 144 с.
9. Спирина, Е. А. К проблеме типологии мультикультурализма / Е. А. Спирина // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей / Республиканский институт высшей школы. – Минск, 2007. – Вып.3 (8).– С. 56 – 61. – Библиогр.: с. 61
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : ЗАО «Изд-во Аспект-Пресс», 2018. – 550 с.
11. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2018. – 500 с.
12. Шульга, И. И. Педагогическая анимация: Развитие профессионального образования организаторов досуга / И. И. Шульга. – Новосибирск, 2018. – 500 с.

УДК 316.482.3

«ПАМЯТНИКОПАД» КАК РЕЗУЛЬТАТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ

Широкалова Г. С.

*эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики
Московского городского педагогического университета
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия*

Понятие «памятникопад» появилось в СМИ для обозначения сноса памятников политическим и военным деятелям СССР в Европе и странах, входивших в состав СССР. Но памятник это не только монумент. Научная Концепция Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева включает в категорию наследия недвижимые и движимые памятники истории и культуры, памятники природы, объекты живой традиционной культуры, традиционные технологии, исторически сложившиеся формы хозяйства и природопользования, культурного ландшафта в целом, включая носителей живых культурных традиций [12, с. 20]. Такой подход позволяет расширить понятие «памятникопад», включив в него разрушения символов предыдущей эпохи безотносительно того, были они изваяны в бронзе или в идеологемах. Культуронаследническая деятельность – единство двух направлений традиционализма и модернизма, соотношение и значимость которых колеблется под влиянием системы факторов. Ведущее место среди них принадлежит идеологии, формирующейся в соответствии с интересами правящего класса и закрепляемой через институты науки, образования, СМИ, искусство [11, с. 203–210].

Особая роль в памятникопаде принадлежала ученым. Они выстраивали новые системы координат для политиков и общественного мнения, среди которых селекция по социальному происхождению: «Отказ от демократических начал ведёт науку к очередным проявлениям «лысенковщины», а исполнительную власть – к имитационным моделям деятельности и стагнации в развитии страны» [12, с. 37]. Высокомерные оценки обществоведами «малообразованного крестьянина» Т. Д. Лысенко, предложившего ряд агротехнических приемов, позволивших в годы войны увеличить производство продовольствия и сырья для военной промышленности [9], появились в рамках общего тренда с конца 1980-х. «Образованное общество» искало предков-дворян в дореволюционной России или «покупало» их по цене «Волги», обвиняя в разрушении страны «кухарок», пришедших к власти.

Вербальный памятникопад в научной среде распространялся не только на Россию. Формировалось мифологизированное представление о Западе. Сторонники либерализма

идеализировали его исторический опыт как единственно верную историческую перспективу для России. На практике эти процессы выражались в порочащих фейках о СССР и его лидерах, а затем в сносе памятников Ленину, Калинин, Дзержинскому... [6]. Апеллируя к этим фактам, депутат ГосДумы от ЛДПР А. Курдюмов предложил «разослать письма мэрам городов и главам населенных пунктов с рекомендацией рассмотреть на местах вопрос о переносе памятников вождю мировой революции из центра в музеи или специализированные аллеи, где помимо Ленина могут располагаться памятники и другим историческим персоналиям» [8].

Геополитическое положение России и зависимость от интересов зарубежного/отечественного капитала обусловили отношение и к «памятнικοпаду» за рубежом: там искались собственные национально ориентированные смыслы советской эпохи [5].

Вторым этапом памятнικοпада стало уничтожение/переформатирование памяти об участниках Великой Отечественной войны [1] и возведении памятников фашистам [7]. Исходя из плюрализма допустимых позиций и разнообразнейших прецедентов последних тридцати пяти лет, государственная/региональная/местная власть сама решает какой вариант выбрать в каждом конкретном случае. Каскадирование разнообразнейшей информации отражено в учебниках истории и позициях преподавателей, передачах СМИ и в соцсетях. Коррективу вносит отдаленность исторических событий, не вызывающих уже эмоционального отклика даже в семейной памяти. В этих условиях социализировались новые поколения, формируя свое собственное представление о прошлом.

Притягательной для большинства идеологемы прошлого/будущего нет и сейчас, поэтому закономерен вопрос О. В. Колесовой: насколько мы/они «другие по отношению к прошлому, возможно ли это вообще – выйти за его рамки, закрыв за собой дверь, или это кажимость и прошлое удерживает нас сильнее, чем мы отдаем в этом отчет?» [4, с. 9]. Для ответа обратимся к результатам исследования Российского общества социологов весны 2022 г. «Культурное наследие и связь поколений» среди студентов вузов (N=9751 чел.) в 60 регионах России всех Федеральных округов [2; 3]. Многонациональность и многоконфессиональность народов Российской Федерации, особенности их исторической судьбы оказали существенное влияние на отношение к прошлому (см. таблицу).

Таблица 1. Отношение студентов к сносу памятников на постсоветском пространстве, % от Федерального округа

Формулировка вопроса: в настоящее время в странах, входивших в СССР, сносят памятники советского времени. Что вы думаете по этому поводу?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО	Δ большее/ меньшее
Считаю, что из истории нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти	52,7	54,1	54,9	53,3	42,7	51,0	53,4	34,4	20,5
Думаю, что это сознательное разрушение общей для народов СНГ памяти, истории	43,6	51,5	47,1	38,0	40,1	46,2	43,2	36,0	15,5
Страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным	24,5	19,9	29,7	33,3	28,7	24,9	23,9	21,1	12,4
У каждого народа есть свои герои. Не надо пропагандировать чужих	14,1	11,9	15,8	18,8	17,2	13,1	14,0	12,2	6,9
Полагаю, что это «корректировка» истории после открытия архивов	10,2	10,2	12,0	17,6	9,8	11,0	11,5	9,2	8,4
Это расплата за несправедливое отношение к республикам во времена СССР	7,6	7,1	9,7	11,0	9,6	9,0	7,5	6,2	4,8
Мне лично все равно	15,6	11,0	12,3	11,8	17,7	13,8	16,0	24,7	13,7
Другое	1,6	1,9	2,5	4,3	0,9	1,6	2,2	0,5	3,8
ИТОГО:	169,9	167,7	184,0	188,2	166,7	170,8	171,8	145,3	42,9

* Пропуски: 52 из 9751 (0,5 %)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

*** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,043, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Наиболее значительно расходятся оценки в регионах по показателю «Считаю, что нельзя вычеркивать события в угоду каждой новой власти»: более половины опрошенных выбрали такую позицию в ЦФО и треть в СКФО. Студенты СКФО равнодушнее относятся к памятным знакам советской эпохи. Каждый четвертый из них выбрал ответ «Мне все равно», да и общее количество ответов значительно меньше. Вероятная причина – условия проживания, традиционность семейных отношений и ограниченность контактов с другими культурами. Эмоциональнее относятся к памятникам студенты Северо-Западного федерального округа, чаще отвечая с позиций «человека мира». Каждый третий оправдывает снос памятников суверенностью стран, каждый пятый характеризует совместную историю как чуждую региональной, практически столько же ссылается на корректировку взглядов открытием архивов, каждый девятый склоняется к мнению, что Россия была несправедлива к республикам, входившим в нее. Причину такого отклонения можно объяснить приграничной близостью к республикам Прибалтики и ретрансляцией мнений жителей этих стран, с которыми они связаны личными знакомствами, браками, туристическими поездками. Кстати, и на другие вопросы анкеты эти студенты отвечали с более либеральных позиций.

В 2020 г. в исследовании РОС, посвященном исторической памяти студентов о Великой Отечественной войне, был задан вопрос об отношении к сносу памятников в странах Запада. Вариант «Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться» выбрало около 47 %, «Нужно сокращать сотрудничество с этими странами» – каждый четвертый. Распределения свидетельствуют, что события в странах дальнего зарубежья интересуют студентов еще меньше [10, с. 25].

Не будем сбрасывать со счетов, что информация о прошлом не всегда является условием адаптации в дне сегодняшнем, следовательно, нет потребности в ее всестороннем анализе. Согласимся с В. Ю. Яковлевым, что «Обилие неструктурированной информации, многообразие стандартов и фильтров ее отсеивания приводит неподготовленного человека к отказу от критического ее осмысления, руководствуясь в оценке информационных данных конформистскими стереотипами, ориентированными на коллективное социальное верование» [13, с. 112].

Есть ли основания считать, что возможно формирование, если не единой, то хотя бы не противоречивой картины основных событий прошлой и современной российской истории? Скорее нет, чем да. Оппоненты могут сослаться на поправки в Конституцию РФ 2020 года, подписание Президентом указов о приоритете традиционной культуры, наказании за прославление фашизма, выданное историкам задание написать единый учебник и др. Но слишком нерегулируемо информпространство и много акторов по разным причинам заинтересованным в его «разбалансировке».

Разрушение СССР основывалось на тотальном разрушении советской идеологии, но вместо верифицированной теории будущего обществу через государственные и частные СМИ был предложен набор мифов о превосходстве стран Запада по всем возможным параметрам, который был с воодушевлением принят значительной долей населения Советского Союза. Новая идеология неизбежно должна была основываться на принципах неопитизма: каскадирование резкой критики советской эпохи, предложение идеализированной парадигмы, объяснение неудач новой власти наследием прошлого. В своем большинстве население не проверяло научную ценность утверждений о прошлом и не верифицировало представления об обещаемом будущем. Но эти новые ценностные координаты, принятые тогда многими, разделяются новыми поколениями сегодня. Ностальгия по прошлому, фиксируемая некоторыми исследователями, вербальна, но не действенна. Историческая память объективно обречена на эмоциональное выгорание и последующую мифологизацию: памятникипад будет сопровождаться памятникопостроительством. Кому будут созданы эти памятники?

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александров Г. Двойные стандарты. О сносе памятников / Г. Александров // Вестник бури – Журнал тотальной социалистической пропаганды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnikburi.com/dvoynnye-standartyi-o-razrushenii-pamyatnikov/>. – Дата доступа: 23.03.2023.

2. Дулина Н. В., Засыпкин В. П., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин и др. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5 (80).
3. Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи / Н. В. Дулина, В. А. Мансуров и др. // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8. – № 3.
4. Колесова, О. В. Ментальность: закон, подход, метод / О. В. Колесова. – СПб : Владимир Даль, 2022. – 299 с.
5. Непогодин А., Плотников Д. Отречемся от старого мира. Почему в странах бывшего СССР избавляются от памятников Ленину и советского наследия: Прибалтика: Бывший СССР: Lenta.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2021/11/15/dekommunizacyia/> – Дата доступа: 23.03.2023.
6. Сколько всего памятников Ленину? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenin.tilda.ws/skolko>. – Дата доступа: 24.03.2023.
7. Скоморохов, Р. Эта странная Россия... Часть 1. Памятник фашистам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/149643-jeta-strannaja-rossija-chast-1-pamjatnik-fashistam.html>. – Дата доступа: 24.03.2023.
8. Субботина, С. Памятники Ленину могут повсеместно демонтировать | Статьи | Известия. 20.11.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/539904>. – Дата доступа: 25.03.2023.
9. Трофим Денисович Лысенко. Биографическая справка – РИА Новости, 27.12.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20101227/313979203.html>. – Дата доступа: 23.03.2023.
10. Широкалова, Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма / Г. С. Широкалова // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С.19 – 35.
11. Широкалова, Г. С. Ученые как акторы форматирования новейшей истории / Г. С. Широкалова // Родина, которой присягали... : материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования СССР (Нижний Новгород, 14–15 октября 2022 г.) / Под ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. – Нижний Новгород : Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2022. – 224 с.
12. Шульгин, П. М., Штеле, О. Е. Роль Института Наследия в изучении и сохранении национального достояния России / П. М. Шульгин, О. Е. Штеле // В фокусе наследия. Сборник статей, посвященный 80-летию Ю. А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва / сост., отв. ред. М. Е. Кулешова. – М. : Институт географии РАН, 2017. – 688 с.
13. Яковлев, В. Ю. Проблема оснований рациональности в экзистенциально-культурном контексте современной эпохи / В. Ю. Яковлев // Кострома. Genus Loci : альманах / [сост. и отв. ред. А. В. Зайцев]. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Вып. 3. – 171 с.

УДК 316.752

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Шиханцова Д. А.

*аспирант кафедры философии и методологии науки БГУ
г. Минск, Беларусь*

В попытке дать характеристику современному обществу, нельзя не отметить неограниченный рост скорости социальной мобильности, а также интенсивность, с которой общество переживает трансформации на всех уровнях существования. Современная социальная реальность располагает ресурсом для многостороннего развития личности, стремится к разрушению препятствующих этому процессу барьеров. Однако такой способ социального бытия является для человека относительно новым. Прежние устойчивые ориентиры девальвируются во всех сферах духовной жизни. В нынешних реалиях в науке доминирует практикоориентированность и дискуссионность, религия утратила главенствующее значение, а политика приобрела черты диалога. Современный человек вынужден самостоятельно избирать ценностные ориентации для своего существования.

Под социальной трансформацией автор вслед за академиком Е. М. Бабосовым понимает «обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью, постепенное и в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социального бытия людей, социетального типа общества» [1, с. 68]. Наиболее глубокие трансформации общество переживает

в связи с цифровизацией, которая открыла дорогу к глобализации и интенсивному развитию МЕДИА-среды. Разрушение устаревших институтов в условиях трансформирующегося общества опережает конструирование актуальных институтов. Вместе с тем ослабевает активный ценностный аппарат, что вынуждает социальных субъектов к созданию новых ценностей. Неопределенность социальной среды усугубляет конфликт между личностью человека и выбранной им деятельностью, моделью поведения, доминирующей в экзистенции социальной ролью.

Адаптация индивида в обществе осложняется размытыми границами между социальными группами, а также потерявшими четкость ценностными установками каждой группы и общества в целом. Человек имеет достаточный ресурс для совмещения нескольких профессий, семейный статус не формирует базис общественного мнения о субъекте, гендер и гендерные роли оспариваются, а миграция упрощается.

Между тем, ситуация неопределенности генерирует возможность «альтернативного пути» как для индивида, так и для общества в целом. Сама природа неопределенности создаёт основу для творчества в контексте социальных перемен. Отсутствие четкой статусной дифференциации позволяет выявлять «критические места» общественной жизни.

Однако поскольку практически каждый социальный субъект переживает в отчуждении от прочих субъектов чувство неопределенности, высок риск «застаивания» личности в ожидании. Идентичность личности, которую мы можем определить как «устойчивый образ Я и соответствующие способы поведения личности» [2, с. 568], разрушается в упомянутых условиях. Самоидентификация индивида реализуется только в условиях тождественности с социальной группой, обществом в целом. Социальная идентификация является динамическим процессом, не обязательно завершённым успешной адаптацией субъекта. Социальная идентичность индивида является следствием успешной социальной идентификации, в ходе которой субъект усваивает нормы и поведение принимающей его социальной группы.

Согласно теории польского социолога П. Штомпки, процесс социальной трансформации может трактоваться как «травма» для общества и его членов [1, с. 72]. Травма генерирует «патологию» индивида. Само переживание неопределённости не является негативным, тем не менее, оно порождает определённые риски – помимо хронической дезадаптированности индивидов, возможна попытка возвращения к неактуальным ценностным аппаратам, что также нанесёт ущерб жизни общества. Травма воздействует на культурную ткань общества, проявляясь в нивелировании ценностей, обесмысливании социальных норм, утрате идентичности [1, с. 73]. Дезориентированность человека является реальной угрозой для конструирования успешного будущего. Вместе с тем, невозможность полноценно реализовать внутренний потенциал к преобразованию приводит человека к неврозам, тревожности, крайнему конформизму или деструктивному поведению.

Ситуацию неопределённости, присущей трансформирующемуся обществу, можно определить как «лиминальность», то есть некое пограничное состояние между двумя ценностными парадигмами. Исследовательница лиминальности в контексте психоанализа Л. И. Фусу выдвигает следующие пути преодоления лиминальности (травмы по определению П. Штомпки): сохранение самобытных основ национальных культур; приобщение обывателей к элитарной культуре, гарантирующей реализацию творческого потенциала каждого члена [3]. Также предлагается развитие мид-культуры (В. И. Ильин) как нечто балансирующее между сложной элитарной культурой и простой популярной. Условно, мид-культуру можно поделить на мейнстримную и субкультуру. Если мейнстримная культура удобна для потребления широкими массами без привлечения каких-либо конкретных ценностей, то члены субкультур, напротив, создают закрытое пространство смыслов, позволяющее развивать творческий потенциал.

Под молодежной субкультурой А. С. Дорожкин понимает «совокупность эстетических, политических и иных ценностных ориентаций, имеющая свою символику, модели поведения, жизненный стиль и внешнюю атрибутику какой-либо группы молодежи, представляющая собой целостное образование в рамках общей культуры нации» [4, с. 65].

В первую очередь, целью включенного в субкультуру субъекта является попытка самоидентификации. В контексте потери тождественности для социального субъекта привлекательна природа субкультуры, вербализация ценностей которой обладает большей четкостью и продуманностью. Кроме прочего, в малых группах возможна видимость лидерства за

отдельными членами группы, что создаёт дополнительное чувство безопасности для привлеченного субъекта, ясность его статуса.

Субкультура, в отличие от мейнстримной культуры, формирует четкие ожидания для привлеченных акторов социализации. Это следует оценивать двояко. Однозначным преимуществом является то, что индивид понимает, какие черты ему необходимо приобрести для адаптации, что упрощает мимирию и создаёт чувство понимания своей роли и роли каждого члена группы. С другой стороны, несоответствие ожиданиям становится реальной трудностью в процессе адаптации личности.

Подводя итоги, трансформирующееся общество является фреймом неопределенности и альтернативности для социализирующегося субъекта социальных отношений. Быстрые темпы смены ценностных ориентаций разрушают возможность личности к идентификации с другими членами общества, а ролевые отношения акторов не выдерживают актуализации. Трудности в отождествлении себя с существующими социальными группами разрушают самоидентификацию личности, создавая риски развития тревожности, неврозов, деструктивного поведения. Поскольку процесс трансформации общества, основанный на цифровизации и глобализации, необратим, также как и ущерб чувству целостности человеку, необходимо направить усилия на формирование общества, в котором каждый член способен к успешной и безопасной адаптации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов, Е. М. Современный социум: характер и направленность развития / Е. М. Бабосов, Ч. С. Кирвель, О. А. Романова. – Минск : издательство «Четыре четверти», 2013. – 728 с.
2. Мещяриков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещяриков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм Евроник, 2006. – 672 с.
3. Фусу Л. И. Лиминальное состояние общества в период глобализации и пути его преодоления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29808. – Дата доступа: 01.10.2023.
4. Дорожкин, А. С. Специфика возникновения и функционирования молодёжных субкультур в Республике Беларусь / А. С. Дорожкин // Вышэйшая школа : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2017. – № 5. – С. 64–66.

УДК 316.37:303.1

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ТЕЛЕСНОСТИ

Шурко А. В.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Тело и телесность являются неотчуждаемыми элементами живого организма. Взаимодействие тела и социальной реальности может провоцировать конфликты, приводящие к кризису самосознания, деструктивному поведению относительно здоровья и нездоровым конструирующим практикам, поэтому важно изучать тело с точки зрения социальных наук, для диагностики проблем, их анализа и поиска решений.

Разработка методологии и методики исследования телесности имеет ряд сложностей в силу особенностей темы, к основным из которых относятся следующие:

1) Деликатность темы. Телесность затрагивает проблемы, которые связанные как с физическим, так и психическим здоровьем, поэтому при работе с респондентами и информантами, следует учитывать, что они могут испытывать дискомфорт, отвечая на вопросы по этой тематике, следовательно, есть шанс, что результаты будут некачественными из-за неискренности, либо они будут в целом отсутствовать, если опрашиваемые считают неуместным говорить о подобных вещах. При изучении проблемы отношения к телу всего населения или какой-то социально-демографической группы следует помнить, что неправильно сформулированные вопросы, заданные в неудачное время, могут спровоцировать у респондентов болезненные переживания, связанные с восприятием тела. Так как при количественном опросе отбор респондентов часто осуществляется случайно, у исследователя нет возможности предварительно выяснить, была ли у опрашиваемого травма (расстройство пищевого поведения, выкидыш, неприятие тела, комплексы и т.д.), которая может быть затронута в ходе опроса, в то время как в качественном глубинном интервью такая возможность есть. Так как качественные методы редко бывают репрезентативны

и не требуют определённого количества опрошенных для снижения ошибки выборки, исследователь может предусмотреть данную проблему или, если он изучает именно её, договориться с тем человеком, который согласится поучаствовать в опросе в комфортной обстановке один на один. С другой стороны, результаты такого исследования не могут быть экстраполированы на генеральную совокупность, то есть их можно рассматривать только в рамках конкретного случая. В репрезентативном количественном исследовании может возникнуть проблема наполненности. Можно предположить, что есть шанс снизить чувствительность такого исследования с помощью использования косвенных вопросов, позволяющих использовать формулировки с обезличенными формами, от третьего лица и с позиции общественного мнения. Кроме того, обоснованным при изучении рассматриваемой темы является использование заочного опроса (например, интернет-опроса), позволяющего респонденту заполнять анкету в удобное время без посторонних, однако в этом случае вновь возникает вопрос о репрезентативности, так как online-формат не всегда позволяет удостовериться, проходил ли опрос подходящий по квоте человек и сколько раз он этот делал.

2) Тесная связь с другими специальными социологическими теориями и отраслями социологии. Частные аспекты телесности могут рассматривать разные социологические теории среднего уровня, в зависимости от темы исследования. Одной из самых очевидных теорий является социология здоровья, которая, помимо прочих вопросов, изучает социальные аспекты нарушения функционирования тела (болезни), включая влияние хронических заболеваний, инвалидности на виды и способы взаимодействия с другими лицами и группами лиц. Проблему такого проявления телесности как власти над телом описывает М. Фуко в рамках социологии власти. Суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение, оказание сексуальных услуг за вознаграждение способна исследовать экономическая социология. Так как половые признаки в большей степени зависят от тела, проблемы их восприятия как людьми одного гендера, так и разных, могут быть интересны социологии гендера. Имея в виду различного рода отклонения от нормы в отношении к телу (отсутствие самосохранительного поведения, насилие над телом и его формы) и присутствие самой нормы могут быть любопытны исследователям, работающим в рамках социологии девиантного поведения.

Тесно связаны социология тела и социология культуры. Человеческое тело привлекает не только учёных, но и творцов, что отражается в предметах искусства. На пересечении этих теорий находятся такие вещественные источники социологической информации, как картины, книги, музыкальные записи. Анализ визуальных, текстовых и аудиальных документов, смысловым центром которых является телесность, может быть использован исследователями как в области непосредственно социологии тела, так и в социологии культуры.

3) Междисциплинарность. Не считая медицинских, биологических наук, рассматривающих тело в большей степени как объект, социология тела тесно граничит с психологией и антропологией тела, исследующих последнее как субъект. Тело само по себе нельзя однозначно назвать социальным продуктом, чтобы его могла изучать исключительно социология. Социология тела многое позаимствовала из антропологии. На данном этапе социология может перенять некоторые элементы исследования телесности психологией, которая, благодаря своей специфике, имеет больше возможностей в исследовании тела. Укрепляя междисциплинарные связи, социологи могли бы изучать психологические особенности проведения опросов, чтобы, с упором на знания о человеческой психике этой науки, иметь возможность в значительной мере снизить чувствительность вопросов о теле. Кроме того, психология имеет устоявшиеся апробированные шкалы, изучающие телесность, которые социолог мог бы адаптировать для своих целей. Следует отметить, что при взаимодействии социологии с историей, культурологией, филологией, социология получит более обширную теоретическую базу для построения модели изменения телесности и отношения к ней, которые отражены в исторических и культурных документах, а также в различных языках.

4) Полипарадигмальность. Изучение телесности, как и других социальных явлений, ставит перед социологом задачу выбора научной парадигмы, которая будет соответствовать его научным взглядам и позволит достичь поставленных исследовательских целей.

При теоретической разработке данной проблемы необходимо обратить внимание на то, какие именно аспекты телесности интересны исследователю. Вот несколько примеров изучения телесности в зависимости от парадигмы: рассматривая техники тела, «язык жестов», этикет, логично обратиться к символическому интеракционизму. В рамках одной культуры процесс

невербальной интеракции становится возможным благодаря тому, что разные индивиды наделяют одни и те же жесты одинаковым значением. При этом, знание значения такого жеста не возникает при рождении, а формируется в процессе социализации и развития личности, перенимается от других участников интеракции. Однако даже в рамках одной социальной группы жесты с общепринятыми значениями могут приобретать новый смысл под влиянием межличностного взаимодействия с членами группы или теми, кто находится за её пределами, что может быть интересным предметом для исследования.

Если символический интеракционизм направлен на рассмотрение самого процесса взаимодействия, то для феноменологии важны внутренние детерминанты этого процесса, которые формируются в «жизненном мире» человека. С помощью феноменологической парадигмы можно изучать мотивы совершения тех или иных действий в отношении телесности, в частности, конструирования тела (пластические операции, бодибилдинг, татуаж, пирсинг и т.д.).

Сквозь призму исторического материализма можно изучать отражение на теле классового неравенства, как это делал П. Бурдьё. Однако, стоит иметь в виду пространственно-временной контекст исследования, так как в настоящее время в Беларуси методика П. Бурдьё представляется устаревшей. С другой стороны, различие в материальном доходе может быть отражено в возможностях конструирования тела (пластические операции, абонементы в тренажёрные залы, косметология и т.д.), но необходимо иметь в виду, что на конструирование тела влияет не только материальное положение, но и множество других факторов (генетика, психическое здоровье, социальное окружение и т.д.).

В рамках критической теории телесность может рассматриваться как способ, инструмент манипуляции, когда тело является и объектом потребления, и потребителем. С одной стороны, оно может использоваться в рекламе, через свою эстетическую привлекательность, призывая индивидов потреблять рекламируемые товары, на это свойство тела обращал внимание Ж. Бодрийяр в «Обществе потребления». С другой стороны, человеческое тело является целевым объектом других рекламных компаний, задачей которых является продажа одежды, косметики, хирургических услуг и т.д.

В контексте структурного функционализма тело выступает как системный элемент. Его можно рассматривать как часть системы здравоохранения, так как здоровье и тело сильно взаимосвязаны. Недостаток здоровья тела обеспечивает явную функцию медицины – лечение, и неявную – социализацию в очередях, палатах. Кроме того, приобретение дисфункциональности тела может привести к тому, что человек выпадет из привычного социального взаимодействия, перестанет выполнять функцию в системе социальной интеракции, что, при некоторых обстоятельствах, может нарушить целостность системы.

С помощью теории социального обмена можно изучать тело как инструмент, с помощью которого происходит обмен, или как непосредственно предмет обмена. Так как обмен может быть самым разнообразным, телесные проявления также могут требовать ресурсов другого человека. Из таких проявлений можно выделить объятия, которыми обмениваются друзья, рукопожатия, которыми обмениваются знакомые, поцелуи, которыми обмениваются влюблённые. Кроме того, обменять можно удары на боль, физическую силу на покорность и т.д.

Таким образом, подведя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что социологическое изучение телесности имеет свои особенности и ограничения. В первую очередь, при исследовании тела социологическими методами стоит обратить внимание на деликатность темы, а, исходя из этого, выбирать наиболее уместный способ. Стоит иметь в виду, что некоторые аспекты телесности могут рассматриваться различными специальными социологическими теориями с помощью разнообразных парадигм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. – Экономическая социология. – 2005. – № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya>. – Дата доступа: 11.03.2022.
2. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
3. Turner, B. S. Recent developments in the theory of the body / B. S. Turner // The body: social process and cultural theory, 1991. – pp. 1–35.

ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА

УДК 316.43 (476)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ НА СЕЛЕ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Балич Н. Л.

*заведующий отделом региональной социологии Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Социально-культурная среда является важнейшим фактором формирования личности, индивидуальных качеств человека, его способностей. Кроме того, среда формирует социально-культурные потребности, значительная часть которых связана с проведением досуга.

Досуг – это время, не занятое работой, делами, которое человек использует на свое усмотрение. Свободное время подразделяется на следующие виды отдыха: пассивный (сон), спокойный (чтение), активный (культурный досуг). От того, как организовано свободное время, во многом зависит интеллектуальное, физическое, духовное развитие человека. Если свободное время не организовано, а проходит бесцельно, оно безнадежно потеряно для человека, что ведет к духовной деградации личности. Если свободное время используется для чтения литературы, посещения театров, музеев, спортивных секций, туристических поездок, оно духовно, культурно, интеллектуально и физически обогащает человека. Неотъемлемой частью активного культурного досуга являются занятия физической культурой и спортом, как составляющая здорового образа жизни современного человека. Здоровый образ жизни, культурный досуг и соответствующие социально-культурные условия наряду с самоорганизацией личности влияют на формирование социально-культурных потребностей населения.

Социально-культурные потребности – это составная часть потребностей человека, формирование которых зависит от социально-культурной среды, в т. ч. социальной инфраструктуры региона, функционирования объектов культуры и, культурных услуг, предоставляемых населению. На основе потребностей формируются социально-культурные предпочтения.

Наличие необходимых условий для формирования здоровых культурных потребностей личности и их удовлетворения – важный фактор социально-культурного развития современного села. Культурные потребности являются побудителем активности современного молодого человека. Если социально-культурные потребности не находят удовлетворения по месту проживания, это является одной из причин для миграционных намерений человека, чаще у лиц трудоспособного возраста, в т. ч. молодежи. Поэтому удовлетворенность развитием социальной инфраструктуры, качеством социально-культурных услуг по месту жительства являются важными показателями состояния социально-культурной сферы региона.

Результаты опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2019, 2021, 2023 гг. по республиканским выборкам позволили сравнить уровень развития социально-культурной сферы на селе, исходя из оценок местного населения, через равные промежутки времени. Среди изучаемых показателей отношение к населенному пункту проживания, удовлетворенность возможностями отдыха, проведения досуга с учетом развития инфраструктуры, наличия культурных объектов, предпочитаемые виды отдыха и досуга различных социальных групп.

Полученные данные свидетельствуют о позитивных тенденциях восприятия жизни на селе в 2023 г. по сравнению с исследованиями в предыдущие годы: увеличилась доля тех, кто доволен своим местом проживания, а число не довольных жизнью на селе снизилось, как и затруднившихся ответить.

Большинство положительных оценок получено от респондентов всех возрастных групп. Существенно улучшились оценки жизни на селе молодежи до 25 лет. Это коррелирует с более

высокими оценками в отношении организации отдыха и досуга по месту проживания, мнением о работе объектов культуры (библиотек, кинотеатров, музеев, театров) молодежи, большинство из которых – учащиеся и вовлечены в культурно-досуговые практики по месту обучения.

Сохраняется важность активных форм организации отдыха и досуга для работающей молодежи и лиц среднего возраста, менее удовлетворенных отдыхом и досугом по месту проживания, соответственно, деятельностью культурных объектов (театров, кинотеатров, музеев, библиотек).

С возрастом интерес к активным формам организованного досуга снижается, смещаясь в пассивную сферу с более ограниченным кругом потребностей, о чем говорит возрастающее количество затруднившихся ответить с увеличением возраста.

В целом потребности сельского населения в разнообразном досуге по месту проживания удовлетворены не в полной мере: количество тех, кто скорее или полностью удовлетворен возможностями отдыха, проведения досуга (в средних показателях в 2021, 2023 гг.), уступает числу тех, кто досугом по месту жительства не удовлетворен (см. таблицу 1).

Таблица 1. Удовлетворенность возможностями отдыха, проведения досуга в населенном пункте (сельское население), средние значения, 2019, 2021, 2023 гг., %

Оценка удовлетворенности	Годы опроса, %		
	2019	2021	2023
Удовлетворены + скорее удовлетворены	38,7	32,6	37,9
Не удовлетворены + скорее не удовлетворены	38,4	44,0	45,3
Затруднились ответить	22,9	23,4	16,8

Очевидно, что ниже уровень удовлетворенности в общей выборке опрошенных будет среди жителей малых сел, где меньше возможностей иметь клуб, либо где в клубе проводится ограниченный перечень мероприятий. При этом местные жители наряду с посещением дискотек или участием в организованных местных мероприятиях могут иметь желание посещать кружки по интересам, спортивные секции. В рамках деятельности последних не всегда учитывается занятость и возраст всех групп местного населения. Данные обстоятельства могут влиять на количество вовлеченного в организованный культурный досуг населения по месту проживания.

Позитивные тенденции в общих оценках отдыха и досуга по месту жительства характерны для населения Гомельской и Брестской областей. Несколько ухудшились общие оценки досуга в динамике за пять лет среди населения Минской, Витебской, Гродненской областей (в Могилевской области существенных изменений не выявлено). По состоянию на 2023 г. во всех областях республики, кроме Гомельской, количество населения, удовлетворенного досугом по месту жительства, составляет меньше половины от числа опрошенных.

В оценках деятельности конкретных объектов культуры (кинотеатров, библиотек, музеев и т. д.) Минская область имеет наиболее высокие показатели удовлетворенности населения за весь период исследования. Улучшение оценок деятельности объектов культуры характерно для населения Витебской, Могилевской областей.

В условиях распространенности гиподинамии, чтобы вести здоровый образ важно уделять внимание не только пассивному, но и активному отдыху (занятиям физкультурой, активному туризму и т. п.). Это помогает компенсировать нехватку двигательной активности, улучшить состояние здоровья, поднять настроение. Значительную помощь в оздоровлении населения и организации активного отдыха могут оказать спортивные объекты (спорткомплексы, спортзалы, спортивные секции и т. п.), а также спортивные площадки в сельских населенных пунктах.

Исходя из оценок удовлетворенности работой различных объектов, можно констатировать, что более низкие оценки получены в отношении спортивных, чем культурных объектов. Кроме того, число неудовлетворенного работой спортивных залов, площадок, стадионов населения в динамике за 2019–2023 гг. выросло (на 9 %), а число удовлетворенного их работой населения снизилось на 5,5 % (см. таблицу 2).

Таблица 2. Удовлетворенность сельского населения работой спортивных объектов (спортивные залы, площадки, стадионы) по месту жительства (средние значения), 2019–2023 гг., %

Оценка удовлетворенности	Годы опросов, %		
	2019	2021	2023
Удовлетворены + скорее удовлетворены	31,1	29,4	25,6
Не удовлетворены + скорее не удовлетворены	29,7	29,6	39,0
Затруднились ответить	39,2	41,0	35,4

Наиболее удовлетворено деятельностью/функционированием спортивных объектов население до 25 лет, при чем оценки молодежи в динамике за пять лет улучшились. С возрастом количество респондентов, удовлетворенных работой спортивных объектов, снижается, а неудовлетворенных, как и затруднившихся ответить, – увеличивается.

В целом сельчане чаще не удовлетворены, чем удовлетворены работой спортивных объектов по месту проживания. Однозначно положительных тенденций в зависимости от области не выявлено. Наиболее ощутимо снизился уровень удовлетворенности наличием и работой спортивных объектов среди населения Витебской области. Витебская и Гродненская области выделяются большим количеством затруднившихся ответить (45–46 %), а Могилевская – количеством отрицательных ответов (50 %).

В выборе различных форм проведения досуга сельские жители больше ориентированы на удовлетворение рекреационных потребностей, направленных на восстановление физического, психического здоровья за счет финансово незатратных видов отдыха дома, посещения гостей, проведения времени на природе, занятия любимым делом. Несмотря на потребности в разнообразном досуге по месту жительства, сельчане чаще не склонны связывать его с посещением учреждений культуры (музеев, театров, кинотеатров, концертов), занятиями спортом, что особенно заметно с увеличением возраста респондентов. Молодежь в равной степени ориентирована как на хобби, так и на активные формы культурного досуга (посещение торговых, развлекательных объектов, культурных и праздничных площадок), увлечение компьютером, компьютерными играми, интернетом. Занятия спортом для них имеют равную значимость наряду с посещением баров, кафе и ресторанов, но уступают интересам молодежи к получению самообразования, а также интересам и возможностям проведения досуга в стенах культурных учреждений (музеев, театров, кинотеатров, концертов и т. д.).

Таким образом, наряду с наличием позитивных тенденций преимущественно на основе оценок молодежи в возрасте до 25 лет, сохраняется актуальность проблем, связанных с возможностями культурного досуга (посещение культурных объектов) и активного отдыха (занятия физической культурой) сельчан по месту жительства. С учетом сельской инфраструктуры у жителей сельской местности значительно меньше возможностей организовать содержательный досуг, а именно в нем реализуются социокультурные потребности сельского населения разного возраста и интересов. Понимание сельчанами ограниченности своих возможностей в сравнении с городом порождает их неудовлетворенность отдыхом и досугом по месту жительства.

**ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ УЧАСТИЯ
ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ¹****Ворошилов Н. В.***старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного
учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»**кандидат экономических наук**г. Вологда, Россия*

В России 6 октября 2023 г. исполнилось 20 лет с принятия федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и начала новой муниципальной реформы в стране. В соответствии с данным законом местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Местное самоуправление – это прежде всего участие жителей в управлении развитием муниципалитета. Формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: местный референдум; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сходы граждан; правотворческая инициатива граждан; инициативные проекты (инициативное бюджетирование, в том числе, например, проекты «Народного бюджета»); территориальное общественное самоуправление; староста сельского населенного пункта; публичные слушания, общественные обсуждения; собрание граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления и другие формы.

В настоящее время в России на самом высоком уровне ставятся задачи по повышению роли непосредственного населения в управлении на местном уровне. Так, в соответствии Указом Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» одной из целей данной политики является обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также максимального привлечения населения к решению региональных и местных задач. А одним из принципов пространственного развития России, обозначенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р), является учет интересов и мнения населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития территорий.

В связи с этим важной научной и практической задачей является проведение оценки данных самоуправленческих практик населения России, выявление тенденций и масштабы их распространения, а также и определения перспектив их развития, что явилось целью данного доклада. Рассмотрение данных вопросов важно не только с точки зрения управленческих аспектов (как важнейший компонент системы муниципального управления), но и с точки зрения анализа современных особенностей и тенденций гражданской (политической, социальной) активности населения.

Анализ данных, представленных в докладах Министерства юстиции Российской Федерации, позволяет сделать вывод о наличии устойчивой динамики развития и распространения по

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23 28 01615, <https://rscf.ru/project/23-28-01615/>

муниципалитетам субъектов РФ территориального общественного самоуправления (прирост зарегистрированных ТОСов за 2015–2021 гг. составил 42 % (см. таблицу); в то же время заметно сократилось количество проведенных референдумов (данная тенденция обусловлена тем, что с 2019 г. вместо референдумов о самообложении в муниципальных образованиях в основном стали проводиться сходы граждан в конкретных населённых пунктах по вопросу введения самообложения).

Таблица. Динамика распространения отдельных форм участия жителей Российской Федерации в местном самоуправлении за 2015–2021 гг.

Форма участия населения в МСУ	2015 г.	2016 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2015 г., %
Проведенные местные референдумы, ед.	955	1555	114	22	73	7,6
- из них референдумы о самообложении	955	1554	111	21	72	7,5
Зарегистрированные ТОСы, тыс.	24,7	27,6	32,0	35,0	35,0	141,7
Проведенные публичные слушания, тыс.	85,1	95,6	85,0	63,0	67,6	79,4
Сельские населенные пункты со старостами, тыс.	30,0	24,1	27,6	29,0	27,9	93,0
В 2021 году в целом во всех муниципалитетах России было проведено 4,5 тыс. выборных избирательных кампаний в органы местного самоуправления; 20,2 тыс. раз проводились общественные обсуждения, 38 тыс. раз – собрания граждан, 4,3 тыс. раз – конференции (собрания делегатов), 1,3 тыс. раз – опросы граждан. Сходы граждан в 2021 году собирались 1,6 тыс. раз для избрания старост; 2 тыс. раз – для решения вопросов о введении самообложения; 3 тыс. раз – по вопросам выдвижения и отбора инициативных проектов; 2,5 тыс. раз – по вопросам осуществления полномочий представительных органов поселений. Территориальное общественное самоуправление на конец 2022 г. было организовано в границах 6,6 тыс. муниципальных образований (34 % от общего числа муниципалитетов России).						
Составлено по: Доклады Министерства юстиции РФ «О результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации» за 2015–2021 гг.; Информация Министерства юстиции Российской Федерации (извлечение из Доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации в 2021 году) [1].						

Сокращение количества публичных слушаний в 2020–2021 гг. (на 21–26 %) обусловлено введением органами власти России ограничительных мер на проведение публичных и массовых мероприятий в связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции в данные годы. Особо также отметим, что с 2021–2022 гг. Министерством юстиции РФ прекращено размещение в открытом доступе на официальном сайте Министерства в сети Интернет ежегодных докладов о результатах мониторинга местного самоуправления в России.

Автором данного доклада также рассматривались особенности проведения и результаты муниципальных выборов. По материалам анализа избирательных компаний по выбору глав сельских поселений регионов Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ) за 2018–2022 гг. (всего 234 выборных кампании за данный период) сделаны следующие выводы:

1. отмечается достаточно низкая активность населения на данном уровне выборов как с точки зрения явки избирателей (во всех рассматриваемых регионах средняя явка была меньше 50 %, а на отдельных выборах составляла всего лишь 8–13 %), так и участия жителей в качестве кандидатов на местных выборах (в большинстве избирательных компаний как правило принимали участие всего 2 человека – минимальное количество для назначения выборов и признания их результатов состоявшимися);

2. наблюдается также и невысокая (в более чем трети избирательных компаний) реальная поддержка даже победившего кандидата (на отдельных выборах за победившего кандидата проголосовало всего 25–33 % от участников голосования) [2].

По результатам анкетных опросов глав всех муниципальных образований Вологодской области, проводимых Вологодским научным центром Российской академии наук ежегодно, начиная с 2006 г., выявлено сохранение оценок главами муниципалитетов в основном низкой или средней активности населения в местном самоуправлении и в процессах развития территорий.

Наиболее распространёнными формами гражданской активности населения по-прежнему остаются: участие в субботниках, спортивно-массовых и культурных мероприятиях; голосование на выборах разного уровня; обращения граждан в органы местного самоуправления; инициативное бюджетирование; участие в собраниях, общественных слушаниях, посвящённых вопросам осуществления местного самоуправления.

Исходя из полученных результатов, обозначим основные направления дальнейшего развития и совершенствования форм участия населения в осуществлении местного самоуправления и в развитии территорий.

Более детальное урегулирование в федеральном законодательстве нормативно-правовых, организационных, финансовых функционирования территориального общественного самоуправления, различных форм инициативного бюджетирования.

Разработка и принятие в каждом субъекте РФ специальной государственной программы по развитию местного самоуправления, предусматривающей меры поддержки различных форм участия населения региона в местном самоуправлении.

Организация ежегодного мониторинга форм участия населения в развитии территорий и осуществлении местного самоуправления по отдельным муниципалитетам (муниципальным районам/округам, городским округам, внутригородским территориям городов федерального значения), а также обобщённо в целом по каждому субъекту РФ и в целом по стране.

Обобщение и публикация лучших практик регионов и муниципалитетов по организации и поддержке участия населения в осуществлении местного самоуправления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Комитета Государственной Думы Российской Федерации по региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA\(2\).pdf](http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/2._INFO_MINYuSTA(2).pdf). – Дата доступа: 06.10.2023.

2. Ворошилов, Н. В. Особенности, тенденции и факторы развития различных форм осуществления населением местного самоуправления в регионах Европейского Севера России / Н. В. Ворошилов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 3. – С. 165–183.

УДК 39(476.2)

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ГОМЕЛЬЩИНЫ¹

Гавриловец Л. В.

*доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина
кандидат исторических наук, доцент
г. Мозырь, Беларусь*

Полиэтническая структура белорусского общества характеризуется взаимопроникновением и переплетением культурных элементов белорусов и других этнических групп. У этнических групп, проживающих на территории Беларуси свои особенности формирования культуры, особый склад взаимоотношений с другими этническими группами и с белорусским народом. Для понимания современных этнокультурных процессов необходимо изучение истории этнических групп на белорусских землях и их культурных особенностей (в одежде, жилище, традициях питания, предметах быта, верованиях, семейных отношениях, фольклоре и др.), взаимовлияния традиционных элементов культуры белорусов и представителей других этнических групп, современного состояния межэтнических и межконфессиональных отношений, выявление проблем и перспектив в развитии этнокультурной ситуации на территории современной Беларуси.

Среди достижений белорусов на белорусско-польско-украинском пограничье необходимо отметить сохранение и презентацию «стрельной» традиции жителей Ветковщины, носителями которой является коллектив «Стаўбунскія вярчоркі» Столбунского сельского дома культуры (лидер – Светлана Парашенко). Данный коллектив 31 октября 2018 г. принимал участие в презентации монографии «Цень Стралы: культурныя і вербальныя коды традыцыі», которая

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке МО РБ по договору № 1410/2021 от 22.03.2021

состоялась в Национальном историческом музее Республики Беларусь и объединила носителей традиции с аг. Столбуны Ветковского района [1]. Сегодня коллектив из Столбунского сельского дома культуры – это единственные на Ветковщине носители, которые поддерживают традицию «Вожделение и похороны стрелы» в регионе и ежегодно организуют шествие и хороводы во время праздника «Вознесение», сохраняют песенный репертуар и стараются привлечь местную молодежь к участию в обряде. Данный обряд получил статус нематериальной историко-культурной ценности, но в других населенных пунктах Ветковщины, например, д. Казацкие Болсуны сохраняется только в памяти и сознании носителей данной традиции, поэтому требует сохранения и укрепления субкультуры носителей традиции вождения стрелы [2, с. 122–123].

Мониторинг, проведенный в 2020–2022 гг., показал, что зафиксированная традиция «Вожделение и похороны стрелы» в соседнем населенном пункте Яново сохраняется и постоянно увеличивается количество носителей обряда. В тоже время представителями местных органов власти было принято решение, что для последующего сохранения и поддержания традиции необходимо внесение изменений в локализацию обряда. Было организовано интервьюирование представителей сообщества носителей местной национальной культуры, изучены архивные материалы, что позволило определить необходимость в изменении категории элемента. Так, расширение локализации обряда «Стралы» позволит не только привлечь к ее трансляции большее количество представителей подрастающего поколения, но и путем взаимодействия с учреждениями культуры организовать комплекс мероприятий, направленных на ее популяризацию как на территории Беларуси, так и за ее пределами.

Второй элемент нематериального наследия Ветковщины неглюбское ткачество является своеобразным туристическим брендом региона и претендует на включение в Репрезентативный список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2024 г. Субкультура носителей, которые культивируют неглюбскую народную текстильную традицию, представляют все возрастные группы и включают в себя целые семьи, людей разной социальной или профессиональной принадлежности. Ядро группы носителей данной традиции составляют потомственные жители старшего поколения аг. Неглюбка и окрестных деревень, представители молодого поколения мастериц, а также дети и подростки, участники кружков ткачества. Поддержание традиции неглюбского ткачества происходит посредством исследования традиционного ремесла, реконструкций традиционного костюма и произведений ткачества. Большинство изделий неглюбских мастеров имеют геометрический орнамент, космологический характер которого восходит к представлениям о сотворении вселенной, жизненному и сельскохозяйственному циклу. Знаковая система является основой узора неглюбских рушников.

Местными органами исполнительной власти в период с декабря 2021 г. по август 2022 г. было подготовлено досье по элементу «Неглюбская народная текстильная традиция» для включения в Репрезентативный список ЮНЕСКО. Данный вид работы показал, что ввиду ограниченного количества компетентных специалистов в данной области необходимо рассмотреть возможность разработки соответствующего оперативного руководства по подготовке досье для местных исполнительных и распорядительных органов. Было предложено, что документация в такой сфере должна включать следующие разделы: составление сметы расходов на подготовку досье; критерии, предъявляемые к качеству его структурных элементов; контрольные сроки и ожидаемый результат. Разработка соответствующей документации позволит не только повысить активность Республики Беларусь в сфере мировой охраны историко-культурного наследия, но и значительно сократит бюджетные расходы на составление текстовой части досье по элементам материального или нематериального культурного наследия страны [3, с. 127–128]. С целью популяризации данной традиции был проведен однодневный фестиваль неглюбского ткачества в Ветковском районе, позже преобразованный в летник «Кросенцы», где на протяжении недели желающие участники осваивают не только ремесло ткачества, но и традиционную кухню, костюм, музыку, благодаря которым ремесло воспринимается частью целостного живого наследия региона.

В связи с внесением весеннего обряда «Юраўскі карагод» в Список ЮНЕСКО в 2022 г. при непосредственном участии носителей были изготовлены костюмы для участников обряда. В августе 2022 г. в д. Погост был проведен летник традиционной культуры «Карагоднае кола», во время которого можно было познакомиться с певческим стилем Туровского междуречья Припяти

и Ствиги, мастерством соломоплетения и искусством вытинанки, вместе с аутентичными коллективами принять участие в местном фестивале «Тураўскі кірмаш». Ведется также мониторинг территории на предмет социального присутствия «Юраўскага карагода» в коммуникативной памяти региона. Данная практика может быть включена в реестр лучших практик охраны нематериального культурного наследия (ЮНЕСКО).

Летник традиционной культуры как форма передачи культурного наследия является очень актуальной для этнических групп, сохраняющих традиционные обычаи и обряды, не предполагающие массового участия посторонних лиц. Однако, некоторые обряды с приданием им статуса историко-культурной ценности действительно превращаются в яркие местные праздники, на которых рады приветствовать гостей, например, обряд зазывания весны «Чырачка» в Лельчицком районе. Небольшие фестивали с презентацией местной культуры проводят после обряда «Ваджэнне Сулы» в Гомельском районе.

Постановлением Министерства культуры № 15 от 20.02.2020 г. нематериальный элемент «Мастацкія практыкі саломалляцтва Гомельскай вобласці» внесен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, а также постановлением № 25 от 30.04.2021 г. – «Выцінанка – традыцыйнае мастацтва выражання з паперы ў Беларусі» [4, с. 222].

Необходимо отметить, что на территории Гомельщины недостаточно фестивалей, посвященных исключительно традиционным формам фольклорного искусства, которые бы в полной мере раскрывали богатство региональных проявлений культурного наследия Беларуси. Так, Республиканский фестиваль фольклорного искусства «Берагіня» проводится один раз в два года в г. п. Октябрьский Гомельской области, в рамках которого можно познакомиться с местным фольклорным наследием, аутентичными коллективами. К сожалению, в последние годы количество фестивальных дней уменьшилось, если ранее фестиваль длился 3–4 дня, то в последнее время становится короче, в 2021 г. – 1 день, что объясняется недостаточностью развитой инфраструктуры, а также требуется совершенствование презентации исполнительских искусств, устных традиций, элементов обрядов и праздников.

Таким образом, для сохранения и популяризации нематериального культурного наследия всемирного значения необходимо включить вышеуказанные нематериальные элементы в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цень Стралы : культурныя і вербальныя коды традыцыі / пад рэд. Р. Кавалёвай, В. Калацэя. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2018. – 198 с.
2. Калацэй, В. В. Захаванне і папулярызацыя каштоўнасцей і эстэтыкі абраду «Ваджэнне і пахаванне стралы» Веткаўскага раёна: беларускі досвед 2000–2022 гг. / В. В. Калацэй // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов : Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15–17 нояб. 202 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, Межгосудар. фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ ; редкол.: Н. В. Карчевская [и др.]. – Минск : БГУКИ, 2022. – С. 117–124.
3. Кирбай, А. Д. Современное состояние и перспективы охраны нематериального культурного наследия на примере Ветковского района / А. Д. Кирбай // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов : Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15–17 нояб. 2022 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, Межгосудар. фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ ; редкол.: Н. В. Карчевская [и др.]. – Минск : БГУКИ, 2022. – С. 124–129.
4. Глушец, И. В. Сохранение и популяризация нематериального наследия, включенного в охранные списки Юнеско, учреждениями культуры Гомельской области / И. В. Глушец // Сохранение нематериального историко-культурного наследия стран СНГ в контексте глобальных вызовов : Междунар. науч.-практ. семинар, Минск, 15–17 нояб. 2022 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, Межгосудар. фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ ; редкол.: Н. В. Карчевская [и др.]. – Минск : БГУКИ, 2022. – С. 216–224.

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДХОДОВ ПО РАЗВИТИЮ МАССОВОГО СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гантарь В. М.

*заместитель начальника управления образования и социально-культурной сферы
начальник отдела образования и спорта Аппарата Совета Министров Республики Беларусь
кандидат социологических наук, докторант Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь*

Физическая культура и спорт имеют большое социальное значение как для жизни целого общества, так и для отдельной личности. Каждый человек обязан обладать возможностями для того, чтобы участвовать в физическом воспитании для улучшения состояния своего здоровья [1–3]. Вместе с тем общая ситуация с физическим воспитанием детей и молодежи вызывает серьезную тревогу. Отмечено значительное увеличение количества учащихся и студентов, которые отнесены по состоянию своего здоровья к специальной медицинской группе [4–5]. Формирование здорового образа жизни, а также гармоничное развитие подрастающего поколения с помощью стимулирования уровня развития массового спорта необходимо рассматривать в качестве приоритетного направления государственной политики. Необходимость физического развития и совершенствования учащихся и студентов закреплена в нормативных правовых актах и является социальным заказом и одной из основных составляющих воспитания обучающихся в учреждениях образования [6]. Каждый учащийся, студент независимо от уровня своих способностей должен иметь возможность проявить себя в спорте и это во многом может определить его дальнейшую жизненную позицию, в том числе в трудовой деятельности, не связанной со спортом.

Сферой физической культуры и спорта должен быть предоставлен широкий спектр возможностей для учащихся и студентов в сфере реализации физкультурно-спортивных интересов. Вместе с тем в настоящее время данная сфера все в большей мере становится объектом коммерческой деятельности, менее доступной, особенно в крупных городах, для учащейся молодежи из малообеспеченных и среднеобеспеченных семей. В последние годы отмечен рост уровня цен на занятия детей в спортивных секциях по многим видам спорта на платной основе. Это ведет к сокращению возможностей детей и подростков, их семей для избрания видов деятельности во внеурочное время, способствующих творческому и всестороннему развитию личности подрастающего поколения.

Имеются и другие негативные тенденции. В целях оптимизации в ряде регионов нашей страны происходит закрытие спортивных школ. Из-за недостаточного уровня заработной платы и отсутствия социальной защиты продолжает наблюдаться отток квалифицированных специалистов-тренеров из системы спортивных школ. Данный факт подтверждается проведенным в 2013 году Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь исследованием, в ходе которого установлено, что одной из актуальных проблем в сфере физической культуры и спорта является недостаток тренерских кадров (это отметил каждый четвертый участник опроса). Данный показатель в малых (до 20 тыс. человек) и небольших (20–100 тыс. человек) городах был еще выше и составил в среднем по 30,5 % [4, с. 45].

В этой связи ключевыми задачами в сфере развития массового спорта являются:

1. Сохранять и укреплять здоровье детей и студенческой молодежи;
2. Сделать общедоступными занятия физической культурой и спортом;
3. Обеспечить непрерывность физического воспитания.

В настоящее время необходимо в каждом учреждении образования создать условия для совмещения учащимися и студентами-спортсменами образовательного процесса и физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности, развития в каждом из них видов спорта, популярных в молодежной среде. К примеру, такую работу можно проводить с помощью открытия в учреждениях общего среднего образования специализированных по спорту классов. Вместе с тем имеются регионы, в которых созданы специализированные по спорту классы по определенным

видам спорта, а подготовка в спортивных школах в районе по данным видам спорта не ведется. В связи с этим к открытию таких классов необходимо подходить взвешенно, с учетом социальной необходимости, имеющегося эффективного социального взаимодействия различных субъектов системы подготовки спортсменов, спортивной инфраструктуры и возможности ее использования в учебно-тренировочном процессе специализированных по спорту классов [7, с. 71].

Кроме того, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что важная роль принадлежит созданию правовых гарантий для развития массового спорта, регулирования особенностей проведения спортивных мероприятий, поддержки организаций всех форм собственности, которые создают условия для занятий физической культурой и спортом детей и юношей, оказывают помощь детям и подросткам в поиске своей формы физической активности и спорта.

Велика роль в развитии массового спорта принадлежит тренеру. В упомянутом выше исследовании большинство респондентов (91 %) отметили, что при выборе спортивной секции для своего ребенка родители руководствуются преимущественно опытом тренеров и их репутацией [4, с. 45].

Требования, которые в настоящее время должны предъявляться к тренерско-преподавательскому составу, следующие:

1. занятия физической культурой и спортом на всех уровнях должно осуществляться квалифицированными и подготовленными учителями, тренерами независимо от режима рабочего времени;
2. ответственное выполнение своих должностных обязанностей;
3. соблюдение техники безопасности;
4. прохождение ежегодного медицинского осмотра, а также прохождение подготовки, переподготовки, повышении квалификации и аттестации.

Дети и юноши должны допускаться к занятию спортом только после прохождения медицинского освидетельствования в медицинских учреждениях, не реже чем 2 раза в год. Для начинающих спортсменов необходимо заводить «паспорт спортсмена» или «карточку спортсмена».

Также имеется социальная потребность в совершенствовании существующей системы школьных и межвузовских соревнований. Самым масштабным из всех спортивных мероприятий, проводимых с учащимися не только в нашей стране, но и на постсоветском пространстве, является Республиканская спартакиада школьников, в соревновательную программу которой включены 24 вида спорта. Центральное место в системе массового студенческого спорта занимает Республиканская универсиада по 26 видам спорта. Вместе с тем в их программу включены виды спорта, которые являются не массовыми, сложно координационными, финансово затратными для подавляющего большинства учреждений образования и в которых преимущественно выступают учащиеся или студенты, занимающиеся в спортивных школах. В этой связи давно назрела необходимость изменения формата проведения данных спартакиад.

С целью выявления талантливых в спорте учащихся и привлечения их к активным занятиям физической культурой и спортом важным также является реализация различных совместных со спортивными федерациями по виду (видам) спорта социальных и спортивных республиканских проектов, к примеру, таких, как республиканское легкоатлетическое спортивно-массовое мероприятие «300 талантов для Королевы», в котором принимают участие школьники II–IV классов.

Тем не менее, ряд спортивных федераций не проявляет активность в совместной организации и проведении соревнований и, как правило, исполняют статистические и представительские функции, а учреждениями физической культуры и спорта школьные и студенческие мероприятия рассматриваются только исключительно в части предоставления услуг спортивных сооружений на коммерческой основе.

Организация должного взаимодействия всех заинтересованных структур в сфере образования и спорта (как государственных, так и общественных), несомненно, будут способствовать повышению эффективности массового спорта для укрепления здоровья подрастающего поколения, подготовки спортивного резерва.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рожков, П. А. Развитие физической культуры и спорта – приоритетное направление социальной политики государства / П. А. Рожков // Теория и практика физ. культуры. – 2002. – № 1. – С. 2–8.
2. Гаптарь, В. М. Физическая культура и спорт как приоритетное направление социальной политики государства / В. М. Гаптарь // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы XXII Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, Минск, 30 марта 2018 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Д. В. Мазарчука. – Минск, 2018. – С. 75.
3. Гаптарь, В. М. Занятия в туристском клубе как средство оздоровления и социализации подростков с девиантным поведением / В. М. Гаптарь // Современные и традиционные системы оздоровления и единоборства – выбор приоритетов : сб. науч. ст. участников III Междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные процессы в физическом воспитании студентов IFFA-2013», Минск, 21–23 марта 2013 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Коледа (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 9–16.
4. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2013 г. / В. М. Литвинович [и др.] ; под общ. ред. В. О. Дашкевича. – Минск : Белорус. Дом печати, 2014. – 191 с.
5. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; сост.: А. В. Папуша [и др.] ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : [б. и.], 2018. – 180 с.
6. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля. 2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Гаптарь, В. М. Развитие спорта высших достижений: социологический подход / В. М. Гаптарь // Проблемы упр. Сер. А, Экон. науки, соц. науки, психол. науки. – 2020. – № 1. – С. 69–73.

УДК 316.4

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

Гвоздева Г. П.

*старший научный сотрудник Института экономики
и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН
кандидат экономических наук, доцент
г. Новосибирск, Россия*

Боброва В. Ю.

*лаборант Института экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
студентка 4 курса бакалавриата отделения социологии
Новосибирского национального исследовательского государственного университета
г. Новосибирск, Россия*

Объемы миграционных потоков как в мире, так и в России неуклонно растут. Этот процесс может усиливать региональное неравенство внутри страны, в частности приводя к депопуляции на обширных территориях Сибири и Дальнего Востока. Проблема и последствия территориально опосредованной депопуляции обсуждается в работах экономистов, социологов, географов. обстоятельный обзор приведен в статье В. Н. Лексина и делается вывод о том, что хозяйственная жизнь страны зависит от наличия достойно оплачиваемых рабочих мест, это становится стимулом перетока рабочей силы [1, с. 125].

Наряду с уменьшением численности населения во многих регионах России немало территорий быстро развиваются и привлекают россиян и граждан других государств, как для работы, так и в качестве постоянного места жительства. Какие социально-экономические преимущества сформировались у этих субъектов РФ? Какие группы населения оказывают заметное влияние на ускорение развития? Ответы на эти вопросы в практическом плане важны для более тонкой настройки государственных институтов, регулирующих достижение целей народосбережения и повышения его благосостояния.

¹ Работа выполнена в рамках проекта **государственного задания 5.2.1.3. (0260-2021-0001)** «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», регистрационный номер НИОКТР №121040100280-1

Задача – выявить особенные характеристики развития регионов РФ за последнее десятилетие, в которых удастся сохранить население по сравнению с теми, откуда люди уезжают. Также важно понять какова роль молодежи в сохранении потенциала развития восточных регионов страны в условиях усиления экономических связей с соседями на юго-востоке.

Методологический подход. Основные компоненты и базисные принципы развития на современном этапе сформулированы в концепции развития человеческого потенциала [2; 3], предполагается достижение социально-экономических целей, свобода выбора и расширение возможностей для творческой деятельности. Человеческий потенциал рассматривается как фактор жизнеспособности общества, отражающий его внутренние ресурсы как субъекта собственного воспроизводства и развития [4]. Особая роль у молодежи как активного деятеля, преобразователя, влияющего на будущее в самом широком смысле. Она быстро приспосабливается к качественно новым обстоятельствам, осваивает инновационные технологии и делится опытом со старшими поколениями, а также легко принимает решения о миграции.

Было сформулировано два предположения: 1) о том, что для субъектов РФ, в которых численность населения за последнее десятилетие увеличилась или оставалась стабильной, характерны такие преимущества как более высокие реальные доходы на душу населения, выше доля молодежи и уровень экономической активности населения. Также среди них наибольшее число регионов с высоким объемом валового регионального продукта (ВРП) на 1 занятого; 2) ВРП на 1 занятого положительно связан с затратами на инвестиции в основные фонды, с долей городского населения.

Информационную базу составили данные официальной опубликованной статистики Росстата по 82 субъектам РФ на 2020 год и данные всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов. Для решения поставленных задач были использованы методы математической статистики пакета SPSS, а именно множественная линейная регрессия, непараметрические тесты Манна-Уитни для двух независимых выборок, тест Крускала-Уоллиса для сравнения К групп.

Обсуждение результатов. Анализ проводился в двух направлениях: выявление факторов, способствующих росту населения; взаимообусловленность роста ВРП в расчете на 1 занятого и процессов урбанизации, цифровизации и расходов на инвестиции и на научные исследования.

Демографический вектор развития. Разделение 82 субъектов РФ на 3 равно наполненные группы (1 группа – 27 регионов и 17,5 % населения, 2 – 28 регионов и 32 % жителей и 3 – 27 регионов и 50,5 % жителей), различающиеся скоростью и направленностью изменения численности населения между переписями населения 2010 и 2020 гг., позволило выявить различия характеристик регионов (см. таблицу 1). Из сибирских (СФО) и дальневосточных (ДВФО) регионов 9 попали в группу с быстрым сокращением населения, 6 – с умеренным сокращением и в 7 регионах рост или стабильная численность. Причем 7 из 10 регионов с наибольшим оттоком населения по стране именно из ДВФО и СФО. А это противоречит задаче «поворота на восток», создания для этого условий. Явно не учитываются интересы и намерения людей, прежде всего молодежи. Люди стремятся в регионы с высокими доходами. По экспертному мнению руководителей центров по содействию трудоустройству, почти треть выпускников университетов в ДВФО и СФО сразу после их окончания уезжают из этих регионов (соответственно 30,4 и 31,6 %). Причем 10–13 % уезжают за рубеж – это прямые потери человеческого капитала для страны [5, с. 198]. Главные причины: низкие доходы населения, трудно найти хорошо оплачиваемую работу, недостаточно развита социальная инфраструктура.

Была установлена связь между положительным изменением численности и затратами в регионе на научные исследования и разработки. Научно-технический потенциал региона оказывает влияние на его миграционную привлекательность. Кроме того, он напрямую связан с экономическим развитием.

Для сравнения в социально-экономическом измерении 82 исследуемых региона были разделены на 4 группы по величине валового регионального продукта на одного занятого (скорректированного на различие покупательной способности населения в регионах): низкий ВРП – 8 регионов и 6,6 % жителей, средний – 33 региона и 33,9 % жителей, высокий – 25 регионов и 31,6 % жителей, очень высокий – 16 регионов и 28 % жителей). Экономически развитые регионы характеризуются более высокими реальными доходами населения, инвестициями в основные фонды, степенью урбанизации. Сибирские и дальневосточные регионы попали во вторую

(среднюю) группу в количестве 9, в третью и четвертую – 6 и 7 соответственно: есть резерв для повышения ВРП в расчете на работника.

Таблица 1. Средние значения показателей в группах регионов РФ, различающихся скоростью и направленностью изменения численности населения в 2010–2020 гг.

Группы регионов по изменению численности населения (ЧН)*	Реальные доходы на душу населения, тыс. руб. в месяц	Уровень рождаемости на 1 тыс. чел.	Доля (%) молодежи 15–29 лет среди		Доля интернет-пользователей, %	Среднегодовые инвестиции в основной капитал на 1 занятого в 2014–2020 гг., тыс. руб.
			населения	безработных		
1. Быстрое сокращение: на 8 % и более	29,42	8,73	15,6	29,4	83,6	196,4
2. Умеренное сокращение: от 1 до 7,9 %	29,24	9,26	16	32,6	85,4	175,6
3. Рост и стабильная ЧН, сокращение менее 1 %	43,13	10,56	16,2	35,1	89,9	262

* Уровень значимости различий между группами $\leq 0,05$.

Расчет авторов; источник данных Росстат.

Значимые различия обнаружились также в человеческом потенциале. Во-первых, регионы с более высоким ВРП на одного занятого концентрируют в себе работников с высшим и среднеспециальным образованием. Во-вторых, группа регионов с наименьшим ВРП (менее 719 тыс. руб.) характеризуется наименьшими затратами на одного исследователя. А доля молодых учёных в возрасте до 39 лет выше в более экономически развитых регионах. Здесь проявляется связь двух факторов, необходимых для успешного развития региона: роль молодёжи – с одной стороны, научно-технический потенциал – с другой. В целом наши предположения подтвердились. В регионах с ростом численности населения конкуренция между молодёжью за хорошо оплачиваемые рабочие места усиливается. На востоке страны риски снижения человеческого потенциала проявляются особенно ярко, поэтому нужно создавать новые рабочие места.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лексин, В. И. Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции / В. И. Лексин // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2 (110). – С. 101–134. DOI: 10.15372/REG20210205
2. Sen, A. Development as Freedom / A. Sen. – New York: Oxford University Press. – 1999. – 384 p. ISBN 9780198297581.
3. UNDP. Human Development Report 2021/2022. Uncertain times, unsettled lives Shaping our future in a transforming world. New York [Electronic resource]. – Mode of access: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22rupdf.pdf>. – Date of access: 02.10.2023.
4. Заславская, Т. И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований / Т. И. Заславская // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. – Новосибирск : Наука, 2003. – С. 93–109.
5. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда : монография / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, И. О. Тюрина ; ФНИСЦ РАН. – М. : ФНИСЦ РАН, 2023. – 283 с.

**ЗА ПОЛГОДА ДО ЕДИНОГО ДНЯ ГОЛОСОВАНИЯ 2024 ГОДА:
ГОТОВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА
К МОДЕРНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Кириенко В. В.

*профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин
учреждения образования «Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого»
доктор социологических наук, профессор
г. Гомель, Беларусь*

Клейман В. В.

*старший преподаватель кафедры «Экономика»
учреждения образования «Гомельский государственный технический университет
имени П.О. Сухого»
г. Гомель, Беларусь*

Для получения данных об отношении белорусов к процессам трансформации гражданского общества в нашей республике, к своему непосредственному деятельному участию в них, социологической лабораторией ГГТУ им. П. О. Сухого в сентябре 2023 года было проведен анкетный опрос по Гомельской областной репрезентативной выборке.

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, Единый День голосования, это»: показало, что почти две трети респондентов (65 %) ответили, что Единый День голосования для них является важным событием в жизни страны, определяющим дальнейшие направления ее социально-экономического и политического развития. Каждый третий опрошенный респондент (33 %) уверен, что это реальная возможность для них лично повлиять на дальнейшее развитие Беларуси. Предложенный в «меню подсказок» вариант ответа, что это «закрепленная в Конституции форма демократии» выбрали 15 % опрошенных респондентов. Каждый десятый респондент (10 %) полагает, что политическое мероприятие не связано с существенными изменениями в жизни нашей страны и будет представлять формальную процедуру, которая ни на что не влияет. На День единого голосования как на возможность для депутатов получить после выборов различные блага в личное пользование указало 6 %.

Подтверждением позитивного восприятия белорусами возможности быть активными участниками новых для белорусского общества выборов в День единого голосования является распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы, что в 2024 году в Республике Беларусь пройдут выборы?». Приведенные на рисунке 1 данные анкетного опроса свидетельствуют о достаточно активной позиции респондентов. Абсолютное большинство опрошенных (78 %) ответили «да, знаю», 15 % – «что-то слышал об этом», и только 7 % респондентов выбрали ответ «нет, не знаю».

На вопрос о том кого будут выбирать в день единого голосования 25 февраля 2025 года более половины респондентов (53 %) ответили, что в этот день будут проходить выборы депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, 40 % опрошенных считают, что в этот день состоятся выборы депутатов местных Советов и 19 % анкетировемых выбрали вариант ответа «Выборы депутатов сельских (поселковых) Советов» (см. рисунок 1).

Вместе с тем, данные анкетного опроса, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о необходимости усиления информационной работы для населения. Так, почти половина респондентов (43 %) ответили, что на февральских выборах 2024 года будут избираться делегаты Всебелорусского народного собрания, а почти треть гомельских респондентов (30 %) в сентябрьском 2023 года опросе ответили, что в День единого голосования 25 февраля 2024 года будут проходить выборы Президента Республики Беларусь.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что будет происходить в Единый День голосования 25 февраля 2024 года?», в %

Результаты социологических исследований [1; 2; 3; 4] свидетельствуют о том, что в коллективистской, социоцентрической культуре, к которой принадлежат белорусы, более действенным и чаще реализуемым в социальных отношениях является алгоритм взаимной доверительности. Доверие либо недоверие к субъектам электоральной кампании – важный фактор, регулирующий электоральные намерения и поведение белорусов. Жители Республики Беларусь доверяют власти [5] и уже привычно ждут инициативы от органов власти и общественных организаций в объяснении сути происходящей сегодня трансформаций политической системы. Эту гипотезу косвенно подтверждают данные, представленные на рисунке 2.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы хотели узнать о кандидате в депутаты?», в %

Результаты проведенного исследования позволяют определить критерии, по которым граждане будут выбирать того или иного кандидата в день голосования. Так, основными факторами, по определению респондентов, являются деловые качества, а также опыт политической, хозяйственно-распорядительной, юридической деятельности.

Отвечая на вопрос анкеты о желательной профессионально-статусной характеристике кандидата в депутаты, 44 % респондентов выбрали вариант ответа: «мне не важна его профессия, должность, а главное – деловые качества» (см. рисунок 3).

Полученные данные анкетного опроса подтверждают авторскую гипотезу о том, что социальные потрясения последней пятилетки (COVID-19, попытка государственного переворота, санкции, противостояние с «коллективным Западом») предопределили у большей части белорусов большую избирательность при осуществлении своего гражданского и политического выбора. В отличие от 2017 и 2019 годов, в электоральной кампании 2024 года большей популярностью у респондентов будут пользоваться кандидаты, обладающие профессиональными компетенциями в области общественного и государственного строительства – политики (24 %), юристы (21 %) и экономисты (20 %).

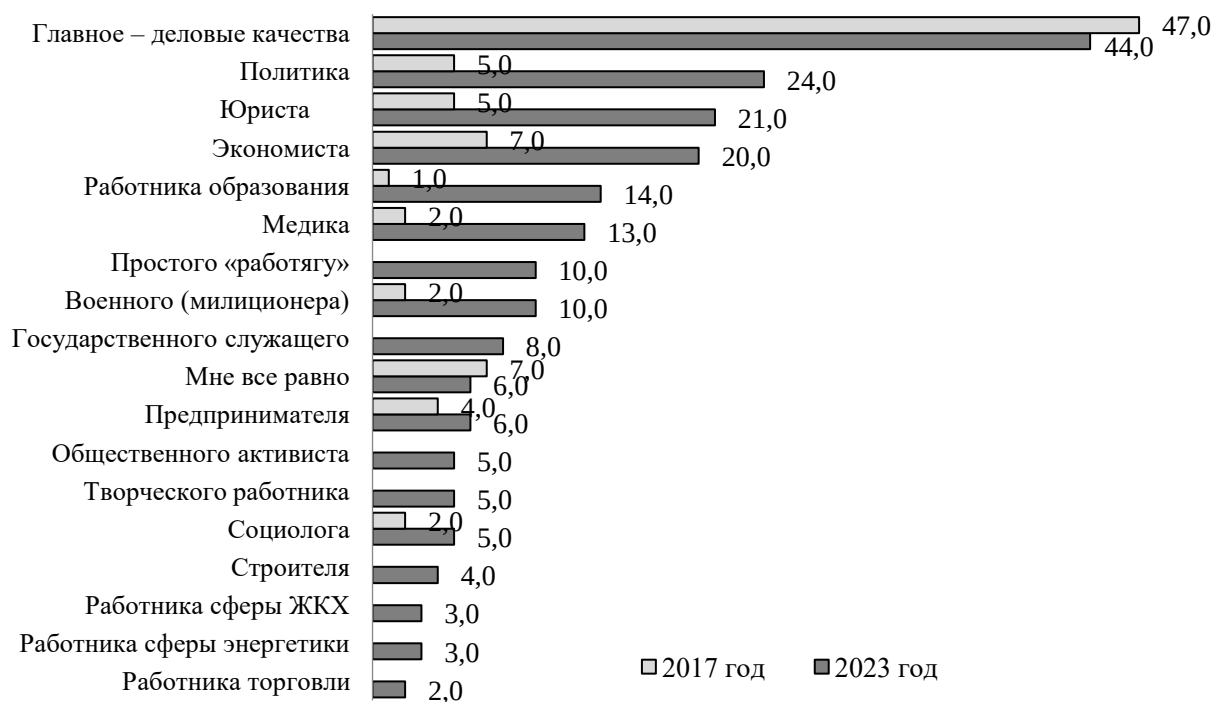

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «За представителя какой профессии Вы бы отдали свой голос в Единый День голосования?»

У части электората повысился уровень доверия и к кандидатам из социально значимых государственных отраслей экономики (учителям, медикам, военным).

«Простого работягу» согласны выбрать всего 10 % анкетированных, что косвенно свидетельствует о значимости для избирателя реального профессионального и социального статуса кандидата. Только 4 % респондентов указали, что им все равно, какой статус или профессия у кандидата.

Показательно, что гендерный фактор в выборах перестал быть одним из определяющих (по сравнению с первым белорусским Парламентом), но все же в определенной степени влияет на принятие решений о выборе кандидата: 30 % потенциальных избирателей – готовы отдать свой голос только за мужчину, 4 % – только за женщину, а 66 % избирателей не рассматривают пол в качестве фактора, определяющего выбор кандидата. Дополнительным фактором успеха является зрелый возраст кандидата.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о высокой значимости для респондентов базового для белорусов алгоритма взаимной доверительности с органами власти в вопросах и деятельности по модернизации гражданского общества. При этом у респондентов наблюдается рост интереса к профессиональным компетенциям избираемых кандидатов. Выявлено наличие запроса со стороны населения на информирование о происходящих социально-политических процессах, посредством организации встреч с коллективами предприятий, диалоговых площадок с присутствием узнаваемых представителей экспертного сообщества, представителей органов власти, в том числе с трансляцией таких встреч в сеть Интернет, местные информационные сети.

Таким образом, полученные в исследовании результаты, подтвердили гипотезу авторов исследования в той части, что население Гомельской области и на нормативном и на деятельном уровне проявляет готовность к конструктивным переменам в общественно-политических архитектуре Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кириенко, В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.
2. Кириенко, В. В. Студенческая молодежь: ментальные особенности, идентичность, образ жизни / В. В. Кириенко, В. В. Клейман, А. А. Злотников – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2015. – 281 с.

3. Котляров, И. В. Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода / И. В. Котляров // Социологический альманах : научное издание / Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. – 2018. – Вып. 9. – С. 15–28.

4. Мысливец, Н. Л. Доверие к институтам государственной власти продолжает укрепляться [Электронный ресурс] // «Беларусь сегодня». – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/nikolay-myslivets-doverie-k-institutam-gosudarstvennoy-vlasti-prodolzhaet-ukreplyatsya-.html>. – Дата доступа: 01.10.2023

5. Кириенко, В. В. Гомельская область на рубеже веков. Ментальные характеристики. Социокультурные процессы. / В. В. Кириенко, В. В. Клейман. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2021. – 204 с.

УДК 314.74

ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Красинец Е. С.

*заведующий лабораторией миграционных исследований
Института социально-экономических проблем народонаселения
Федерального социологического центра РАН
кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация*

В современном мире к важнейшим факторам, оказывающим влияние на общественное развитие, относятся трансграничные перемещения населения. Международная миграция является одним из сильнейших катализаторов трансформации социокультурного пространства [1, с. 124]. Круг проблем в области трансграничных людских передвижений входят в повестку дня актуальных вопросов политики современной России. В связи с этим представляется важным изучение новых реалий и тенденций в международной мобильности населения сквозь призму процессов формирования, развития и реализации человеческого потенциала.

Обсуждение вопросов международной миграции положено в основу данной работы, которая базируется на анализе данных официальной статистики и социологической информации, полученной в ходе эмпирических исследований, проведенных ИСЭПН ФНИСЦ РАН в российских регионах в период 2020–2022 годов в рамках качественного подхода с применением методов глубинного и полуструктурированного интервью.

За последние десятилетия внешняя миграция в целом оказывала позитивное воздействие на формирование человеческого потенциала России. В международной миграции наблюдался устойчиво миграционный прирост населения. Положительный миграционный баланс позволял не только компенсировать естественную убыль населения, но и способствовал росту его численности. В ряде регионов демографический потенциал повышался исключительно за счет миграции населения. Только за последние пять лет (2018–2022) за счет внешней миграции демографический потенциал страны увеличился более чем на 1,0 млн человек.

В настоящее время позитивное воздействие миграции на рост демографического потенциала стало снижаться. Так, в пятилетний период (2018–2022) в сопоставлении с интервалом 2001–2005 гг. среднегодовой миграционный прирост населения России сократился почти в 1,3 раза. В результате уменьшения объемов иммиграции и роста миграционного оттока стала снижаться роль миграции в восполнении естественных потерь демографического потенциала.

В новых реалиях как следствие высокого образовательного и квалификационного состава выезжающих из РФ российских граждан и низкой образовательной структуры трудовых иммигрантов стал сокращаться и вклад внешней миграции в развитие качественных характеристик человеческого потенциала страны. Поток иммигрантов, прибывающих в Россию, в своей основной массе менее образован, чем поток мигрантов, выбывающих из страны. В 2021 году в исходящем миграционном потоке удельный вес мигрантов, имеющих профессиональное образование – высшее профессиональное (высшее), неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее), среднее профессиональное (среднее специальное) и начальное профессиональное был на 3,8 процентных пункта выше доли лиц среди иммигрантов с таким же уровнем образования, а доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди выезжающих в Россию на постоянное место жительства была на 2,6 процентных пункта меньше

значения данного показателя в потоке выезжающих из страны. В настоящее время доля иммигрантов с высшим уровнем образования во входящем в Россию миграционном потоке более чем вдвое ниже, чем в образовательной структуре постоянного населения РФ.

В период перехода российской экономики к устойчивому росту возрастает её потребность в рабочей силе. В настоящее время количество заявляемых вакансий почти втрое превышает численность безработных, зарегистрированных в центрах занятости. Спрос работодателей на трудовые ресурсы заметно растёт во многих секторах экономики, прежде всего в строительстве, промышленности и сельском хозяйстве. В последние два года (2021–2022) только заявленная в службах занятости населения дополнительная потребность в рабочей силе составляла в среднем около 2 млн человек в год, увеличившись в сравнении с допандемийным периодом более чем на 15 %.

Российская Федерация является одним из мировых центров притяжения трудящихся-мигрантов. До начала пандемии COVID-19 в Россию на работу ежегодно въезжало свыше 5 млн. человек, из них более 90 % – из стран СНГ. В период 2017–2019 гг. зарегистрированная численность иностранных трудовых мигрантов увеличилась в стране на 460 тыс. человек, или на 17,7 % [2, с. 72].

С началом пандемии COVID-19 резкому сжатию подверглись почти все людские потоки [3, с. 41]. Последовало значительное сокращение масштабов трудовой иммиграции. Однако уже в период преодоления активной фазы борьбы с коронавирусом динамика использования иностранного труда в секторах экономики стала характеризоваться нарастающим трендом. На выходе из пандемии при выборе между использованием иностранных работников и национальной рабочей силой предприниматели все большее предпочтение стали отдавать мигрантам [4, с. 68]. В 2022 году численность зарегистрированных иностранных трудовых мигрантов оказалась почти на четверть выше чем годом ранее и вдвое больше в сравнении с допандемийным 2019 годом.

В условиях депопуляции, демографического старения населения и масштабного сокращения трудоспособного населения трудовая иммиграция играет существенную роль в восстановлении экономики страны. Миграционные процессы оказываются важным рычагом восполнения потерь трудового потенциала во многих российских регионах. Благодаря трудовым мигрантам улучшается сбалансированность рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы, обеспечивается стабильное функционирование многих секторов отечественной экономики [5, с. 111].

Вместе с тем, следует учитывать, что в целом позитивное влияние трудовой иммиграции на формирование количественных характеристик трудового потенциала сопровождается негативным воздействием данного процесса на улучшение его качественных параметров. По мнению многих экспертов и исследователей, сложившаяся структура занятости малоквалифицированной иностранной рабочей силы «неэффективна и сдерживает внедрение новой техники и передовых технологий» [6, с. 742].

Согласно проведенным нами социологическим исследованиям, качественный состав основной массы прибывающих в страну иностранных работников характеризуется более низким уровнем образования в сравнении с тем, который отличает население России. За последние три года в потоке временной трудовой миграции доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием составляла от 6,0 % до 11,5 %, что явно ниже аналогичных данных в сравнении с уровнем образования населения России по итогам переписи населения 2021 г., среди лиц старше 15 лет доля лиц с высшим и неполным высшим образованием и с учетом кадров высшей квалификации в аспирантуре и ординатуре составила 29,1 %). В 2021 году в структуре занятых в российской экономике доля лиц со средним общим образованием и ниже составляла 20,1 %, среди трудовых мигрантов – значительно выше (61,5 %), соответственно со средним профессиональным образованием – 45,3 % и 32,5 %.

Динамика изменения качественных характеристик человеческого потенциала свидетельствует о том, что профессиональный уровень образования приезжающих в Россию трудовых мигрантов стал снижаться. Так, если среди тех иностранных граждан, кто прибыл в 2020 году на российскую территорию на работу, около 12 % имели высшее или незаконченное высшее образование, то в 2022 году таких было уже вдвое меньше. На 7,8 процентных пункта стала ниже доля лиц со средним специальным (профессиональным) образованием. Одновременно значительно возрос удельный вес трудовых мигрантов со средним и ниже образованием.

Исследование показало, что трудовые мигранты довольно успешно адаптировались к последствиям пандемии коронавируса. Потенциал их настроений на работу в России остается достаточно высоким. Гастарбайтеры все более ориентируются на долгосрочное пребывание в стране. В 2022 году в сравнении с 2020 годом удельный вес тех трудовых иммигрантов, кто намерен остаться в стране навсегда, увеличился с 37 % до 44 %. В 2022 году по сравнению с годом ранее на десять процентных пунктов выросла доля тех, кто планирует ещё раз приехать в Россию работать.

Таким образом, в современных условиях международная миграция остаётся одним из важнейших факторов динамичной трансформации экономики и социокультурного пространства российского общества. Однако в целом позитивные последствия миграции населения сопровождаются негативным воздействием данных процессов на развитие качественных характеристик человеческого потенциала страны.

В значительной мере эта острая проблема может быть решена за счет проведения активной государственной политики, которая должна вытекать из реальных потребностей рынка труда и обеспечивать достижение баланса между пополнением секторов экономики необходимой рабочей силой и сдерживанием излишнего притока неквалифицированных трудовых мигрантов. Должно быть усилено внимание к принятию решений, которые поощряют вступление на рынок труда востребованных трудовых мигрантов и ограничивают доступ тех, в ком нет большой необходимости. При этом важно стимулировать приток тех иммигрантов, для которых профессиональная интеграция и социально-культурная адаптация не представляют больших трудностей. Эти задачи могут и должны решаться в комплексе с работой по созданию эффективных механизмов для снижения в стране интеллектуальной эмиграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Думнова, Э. М. Основные тенденции трансформации социокультурного пространства в условиях международной миграции / Э. М. Думнова // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, No 3, ч. 1. – С. 123–138.
2. Труд и занятость в России. 2021. Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 177 с.
3. Цапенко, И. П. Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока / И. П. Цапенко // Социально-трудовые исследования. – 2020. – No 40 (3). – С. 31–43.
4. Седлов, А. П. Рынок труда иностранной рабочей силы в России: влияние пандемии / А. П. Седлов, Е. С. Кубишин, И. В. Соболева // Россия и мир в XXI веке. – 2021. – No 3 (112). – С. 59–72.
5. Красинец, Е. С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения / Е. С. Красинец // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – No 1. – С. 104–118.
6. Топилин, А. В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования / А. В. Топилин // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Том 89. – No 7. – С. 736–744.

УДК 316.4

ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУСОВ К РОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кулешова Ю. А.

*младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
магистр социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Репродуктивные ориентации населения являются актуальной темой для изучения, поскольку именно сложившаяся система ценностей и установок является индикатором состояния функционирования общества и служит основанием для формирования представлений о дальнейшем развитии социальной системы и возникновении возможных рисков. И, как следствие, изученные тенденции будут способствовать решению актуальных проблем и сохранению целостности социального института семьи.

По данным мониторинговых исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в период с 2018 года по 2023 год, важными составляющими жизни белорусов стабильно являются здоровье, семья, дети.

Материал работы подготовлен по результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2023 г. с использованием метода анкетного опроса. Изучалось мнение населения Республики Беларусь от 18 лет и старше, с репрезентацией по региону проживания, типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Предлагалось ответить на вопрос «Сколько всего детей Вы планируете/планировали иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств (учитывая тех, которые уже есть)?». Хотят/хотели бы одного ребенка почти четверть респондентов (22,4 % от общего числа опрошенных), двух детей – 44,6 %, троих – 10,7 %, четверых – 2,2 % и не хотели бы иметь детей 4 % опрошенного населения (см. таблицу 1).

При ответе на вопрос «Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия?» одного ребенка хотели бы 14,8 % респондентов, двух детей – 45,5 %, три ребенка – 19,9 %, четыре и более – 5,6% и не хотели бы детей 1,5% опрошенных (см. таблицу 1).

Таблица 1. Репродуктивное настроение населения Беларуси (в %)

Количество детей	Сколько всего детей Вы планируете/планировали иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств (учитывая тех, которые уже есть)?	Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия?	Сколько детей было в семье Ваших родителей (включая Вас самих)?
ни одного ребенка (0 детей)	4,0	1,5	-
1 ребенка	22,4	14,8	14,4
2 ребенка	44,6	45,5	43,9
3 ребенка	10,7	19,9	21,8
4 ребенка и более	2,2	5,6	18,3
Затрудняюсь ответить	16,1	12,7	1,6

В вопросе «Сколько детей было в семье Ваших родителей (включая Вас самих)?» 14,4% респондентов отметили, что были единственным ребенком в семье, двое детей в семье у 43,9% опрошенных, трое – у 21,8%, четверо и более – у 18,3% (см. таблицу 1).

Далее автором были построены таблицы сопряженности, которые позволили выявить следующие особенности: респонденты, в чьих семьях один ребенок, в идеале хотели бы иметь одного (29,3%) или двух (33,5%) детей. Белорусы, в семьях которых двое детей, чаще ориентированы на два (52%) или три (18,1%) ребенка. Также можно отметить, что респонденты из многодетных семей чаще ориентированы на рождение трех и более детей, чем те, опрошенные, которые были единственным или вторым ребенком в семье (см. таблицу 2).

Таблица 2. Таблица сопряженности ответов на вопросы «Сколько детей было в семье Ваших родителей?» и «Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия?» (в %).

Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия?	Сколько детей было в семье Ваших родителей (включая Вас самих)?				
	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более	Затрудняюсь ответить
ни одного ребенка (0 детей)	1,9	1,2	2,2	0,8	0,0
1 ребенка	29,3	15,6	12,2	6,2	0,0
2 ребенка	33,5	52	44,9	44,1	3,3
3 ребенка	18,0	18,1	24,1	22,5	0,0
4 ребенка и более	4,5	4,3	4,7	10,7	3,3
Затрудняюсь ответить	12,8	8,8	11,9	15,7	93,4

По мнению респондентов, основные причины, по которым современные пары не могут иметь желаемое количество детей, это боязнь того, что они не смогут обеспечить ребенка всем необходимым (52,4%), отсутствие жилья или возможности его приобретения (46,2%), финансовые трудности (46,1%), желание пожить для себя (37%), отсутствие уверенности в завтрашнем дне (28,3%). Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа (см. таблицу 3).

Таблица 3. Распределите ответов на вопрос «Как Вы считаете, по какой причине современные пары не могут иметь желаемое количество детей?» (в %).

Причины	Всего (в %)
Боязнь того, что не смогут обеспечить ребенка всем необходимым	52,4
Отсутствие жилья или возможности его приобретения	46,2
Финансовые трудности	46,1
Желание пожить для себя	37,0
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	28,3
Состояние здоровья	27,7
Не хотят	22,1
Невозможность воспитывать (растить) ребенка и заниматься профессиональной деятельностью	16,2
Отсутствие подходящего партнера	13,9
Необходимость принятия ответственности за жизнь ребенка	13,4
Сложные отношения с супругом/супругой	9,0
Другое	1,0
Ничего не мешает	4,1
Нет ответа	0,6

Половина респондентов (51,5%) считает, что рождение ребенка укрепляет семью и дети эмоционально обогащают родителей (41,4%). Дети являются надеждой на благополучие в старости для 37,3%, и почти треть опрошенных утверждает, что родительство важно для самореализации женщины и мужчины (33,5%). Респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа (см. таблицу 4).

Таблица 4. Распределите ответов на вопрос «С какими из следующих утверждений Вы согласны в большей мере?» (в %)

Утверждения	Всего (в %)
Рождение ребёнка укрепляет семью	51,5
Дети эмоционально обогащают родителей	41,4
Дети – будущие помощники в делах, надежда на благополучие в старости	37,3
Родительство важно для самореализации женщины и мужчины	33,5
Если в семье несколько детей, их легче правильно воспитать	13,5
Быть родителем – это престижно	11,4
За счёт льгот и помощи государства в случае рождения ребёнка можно как-то улучшить материальное положение семьи	8,7
Нет ответа	2,5

Таким образом, семья и дети занимают лидирующие позиции в ценностных ориентациях белорусского общества. Респонденты из многодетных семей чаще ориентированы на рождение трех и более детей, чем те, кто были единственным или вторым ребенком в семье. Белорусы считают, что рождение ребёнка укрепляет семью и является важной составляющей реализации как мужчин, так и женщин. Они согласны с тем, что дети не только обогащают родителей, но и являются их помощниками в повседневных делах и надеждой на поддержку в старости.

**РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АГРОТУРИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Маркин М. Е.

*старший преподаватель кафедры экономической социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

Краснова К. И.

*стажер-исследователь Центра социологии культуры
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

Толстых Д. С.

*стажер-исследователь Центра социологии культуры
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

С 2020 года на международный туризм накладываются многочисленные ограничения. Сначала свою роль сыграла пандемия коронавируса, вызвавшая практически полное закрытие государственных границ и даже трудности в перемещениях между регионами одной страны. В последние полтора года ограничения на международную мобильность накладываются обострившимися политическими отношениями между Россией, Беларусью и Западом. В то же время новый драйвер развития получает внутренний туризм.

Оказание рекреационных услуг является перспективным направлением для раскрытия социально-экономического потенциала региона. Наряду с традиционными видами досуга, такими как летний пляжный отдых и всесезонное посещение культурных достопримечательностей, в 2020-е годы значимую роль начинает играть агротуризм. Особую актуальность развитие этой сферы приобретает при наличии соответствующего спроса со стороны населения. По данным Института социологии Национальной академии наук Беларуси, в 2022 году почти треть (29 %) белорусов видели агроэкотуризм (посещение сельскохозяйственных усадеб, природных объектов и т. п.), одним из перспективных направлений развития внутреннего туризма [1]. Большой интерес агроэкотуризм вызывает и у россиян. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2023 году более половины (53 %) жителей России собирались для отдыха выехать на природу, покататься и позагорать, а 2 % прямо указали, что планируют съездить на экскурсии на аграрные объекты, то есть фермы, частные хозяйства и т. п. [2, с. 6]. Таким образом, можно говорить о высоком потенциале агротуризма в развитии регионов.

Реализация возможностей зависит не только от спроса на определенные виды услуг, но и от их предложения. На примере Республики Башкортостан, которая является одним из флагманов развития агротуризма в России, рассмотрим социально-экономические аспекты, связанные с желанием и готовностью местного бизнеса вкладывать свои силы в соответствующее направление. Эмпирической базой нашего исследования выступают 10 углубленных слабоструктурированных интервью, проведенных в июле 2023 года с предпринимателями, реализующими агротуристические проекты. Речь идет об организации экскурсий на фермах, конных дворах и пасеках. Исследование осуществлено в рамках программы полевых экспедиций «Открываем Россию заново» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В западных странах агротуризм возникает как попытка сельскохозяйственного бизнеса диверсифицировать свои доходы в условиях стагнации их отрасли [3]. Таким образом, изначально предполагается, что туристическое направление станет дополнительной сферой деятельности для предпринимателей. В Республике Башкортостан развитие агротуризма находится в компетенции Министерства сельского хозяйства, то есть на стратегическом уровне наблюдается аналогичный взгляд на специфику ведения такого бизнеса. Однако проведенные исследовательские интервью показывают, что сами фермеры не рассматривают свою деятельность как особо примечательную

для туристов. Предприниматели, занимающиеся сельским хозяйством, каждый день сталкиваются с деревенской жизнью, для них аграрный труд – это работа, а не вид развлечения. Они сомневаются, что экскурсии на их предприятия будут иметь спрос со стороны туристов.

Еще одной сложностью в развитии агротуристического бизнеса самими фермерами является непонимание ими запросов гостей. Классическое определение туризма отличает его от паломничества не только светской целью для пространственных перемещений, но и обеспечением предсказуемости и безопасности [4]. В современном обществе туристы уже рассматривают это как само собой разумеющееся, а пристальное внимание обращают на комфорт и сервис. Таким образом, фермерам необходимо кардинально сменить фокус своих усилий с производства сельскохозяйственной продукции на оказание туристических услуг, и далеко не все из них на такое готовы. Иными словами, работа в сфере агротуризма требует определенных компетенций, связанных с обеспечением комфорта гостей, а многие деревенские жители не обладают ими в достаточной степени. Свою роль играют и традиции, существующие у народа. Например, башкиры на протяжении многих веков вели кочевой образ жизни, включающий в себя ведение военных действий, и «прислуживание» туристам может рассматриваться как чуждая их культуре социальная практика.

На помощь фермерам приходят профессиональные туристические компании. Для них агротуризм – это одно из направлений деятельности, наряду с другими видами отдыха. Внедрение новых способов организации досуга необходимо для расширения ассортимента продаваемых услуг. Продвижение агротуризма строится вокруг поиска горожанами аутентичности, то есть «настоящей» деревни, «подлинной» фермы и т. п. Такой запрос со стороны туристов наблюдается на Западе со второй половины XX века [5], а в последние десятилетия активно предъявляется и россиянами. Однако на поверку «настоящая» ферма остается лишь рекламным слоганом, так как современному туристу «подлинное» оказывается не нужно. Агробизнес предполагает неприятные запахи, а животные представляют не только интерес, но и опасность. В результате туристы стремятся приобретать хорошо срежиссированные туры, то есть социально сконструированное «настоящее» с высоким уровнем комфорта и сервиса. В частности, нежелающих оставаться на ночь в деревенском доме могут разместить в ближайшей гостинице.

Таким образом, развитие агротуризма видится перспективным в форме коллаборации профессиональных туристических фирм и предпринимателей, занимающихся сельским хозяйством. Уже существующий опыт показывает, что фермеры относятся к такому направлению своего бизнеса сначала с недоверием, но постепенно осознают его достоинства. В результате агротуризм становится для них дополнительным заработком. Баланс находится на пересечении аутентичности сельскохозяйственной деятельности и понимания современных запросов гостей ферм, конных дворов и пасек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кашпар, В. Туристическая сфера в оценках белорусов: социологический анализ / В. Кашпар [Электронный ресурс]. – Минск : Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, 2023. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/turisticheskaya-sfera-v-otsenkah-belorusov-sotsiologicheskij-analiz/>. – Дата доступа: 06.10.2023.
2. Родин, К. Летние планы россиян 2023 / К. Родин [Электронный ресурс]. – М. : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2023/20230530_K_Rodin_Letnie_plany_rossijan_ITOG.pdf. – Дата доступа: 06.10.2023.
3. Barbieri, C. Agritourism Research: A Perspective Article / C. Barbieri // Tourism Review. – 2020. – No. 1. – Pp. 149-152.
4. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133-154.
5. Макканелл, Д. Турист. Новая теория праздного класса / Д. Макканелл. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 279 с.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОЖАН (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КРАСНОДАРА)

Муха В. Н.

*доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом
Кубанского государственного технологического университета
г. Краснодар, Россия*

Муха В. Г.

*магистрант 2 курса Кубанского государственного технологического университета
г. Краснодар, Россия*

Локальную идентичность можно определить часть территориальной идентичности, связанную с чувством принадлежности к определенной местности. Она может включать в себя не только знание истории, местных традиций и обычаев, но и определенные эмоции относительно достижений своего населенного пункта, переживание связи с местностью, ощущение сопричастности с жителями.

По сути, как и любой другой тип социальной идентичности, локальная идентичность обладает четырехкомпонентной структурой, в которой выделяют когнитивный компонент, аффективный (эмоционально-чувственный) компонент, ценностно-смысловой (ценностно-нормативный) компонент, практический (поведенческий, деятельностный, инструментальный) компонент [1, с. 14].

Е. В. Морозова и Е. В. Улько выделяют следующие её измерения: идентификации с малой родиной, с особенностями ландшафта и климата, со значимыми историко-культурными событиями, с выдающимися людьми, с экономической специализацией территорий и уровнем социально-экономического развития, с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения [2].

В последнее время в исследовательском поле наблюдается активизация интереса к городской идентичности как одному из уровней локальной идентичности, что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, это – практическая значимость, так изучение городской идентичности может способствовать улучшению имиджа города, развитию его бренда, популяризации и узнаваемости.

Во-вторых, в ситуации неопределенности городская идентичность закрепляет устойчивые представления человека о жизни в определенных границах города, фиксирует эмоциональные и ценностные аспекты, то есть может выступить ресурсом обретения устойчивости, психологического благополучия.

В-третьих, исследование городской идентичности может помочь понять, какие факторы влияют на этот тип идентичности и как сама городская идентичность влияет на жизнь горожан, что в свою очередь, может лечь в основу стратегии управления городом.

Город Краснодар – административный центр Краснодарского края это крупнейший промышленным, транспортным, торговым, индустриальным и культурным центром, включающий 4 внутригородских округа. Численность населения города составляет по состоянию на 1 октября 2021 года – 1 099 344 жителя, в городском округе (с подчиненными сельскими населёнными пунктами) – 1 204 878 жителей. И как для большинства крупных городов, вопрос исследования городской идентичности горожан является актуальным.

Анализ исследований, посвященных вопросу городской идентичности краснодарцев, позволил выделить несколько основных направлений.

Во-первых, это работы теоретического характера, в которых анализируются в целом концепции и теории идентичности, описываются методологические подходы к анализу локальной и городской идентичности. В частности, в трудах Е. В. Морозовой, Е. В. Улько исследуются формы и типы локальной идентичности отмечается, что локальная идентичность является важным аспектом социальной идентичности и что она может принимать множество различных форм в зависимости от контекста и опыта человека [2].

Далее, это группа работ, посвященных непосредственному исследованию идентичности определенных групп городского социума.

Например, можно выделить несколько значимых исследований, посвященных локальной идентичности городской молодежи. Так исследование И. В. Самаркиной, И. С. Башмакова [3] показало, что локальная идентичность является важной составляющей общей социальной идентичности молодежи, позволило выявить и описать такие компоненты идентичности, как привязанность к городу, чувство гордости за достижения города. В другом исследовании И. В. Самаркиной [4] изучались ресурсы местной идентичности в формировании конструктивных социальных и политических практик городской молодежи, Автором был сделан вывод, что местная идентичность может стать мощным ресурсом для продвижения позитивного социального и политического участия среди молодежи.

В исследовании Д. В. Какадий [5] были проанализированы результаты социологического опроса, проведенного в Краснодаре с целью изучения территориальной идентичности, которое показало, что территориальная идентичность является важным фактором формирования отношения и поведения жителей по отношению к своему региону в регионе в целом, и локальной местности – в частности.

Отдельно следует выделить исследования, в которых представлен анализ самопонимания локальной идентичности как фактора психологической безопасности. Так О. Р. Тучина, Л. А. Посметюха на основе эмпирических данных определяют, что у жителей Краснодара сильно развито чувство локальной идентичности, что способствует их психологическому благополучию и чувству безопасности [6].

В целом результаты анализа работ, посвященных локальной идентичности позволяют предположить, что локальная идентичность является важным аспектом социальной идентичности жителей Краснодара и может играть значительную роль в формировании их взглядов, поведения и чувства благополучия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) / Е. В. Головнева. Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Екатеринбург, 2018. – 38 с.
2. Морозова, Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е. В. Морозова, Е. В. Улько // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4.
3. Самаркина, И. В. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2021. – № 1.
4. Самаркина, И. В. Ресурсы локальной идентичности в формировании конструктивных социально-политических практик городской молодежи / И. В. Самаркина // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сборник материалов Второй международной научно-практической конференции, Ялта, 08–10 октября 2020 года / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Гуманитарно-педагогическая академия. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 135–141.
5. Какадий, Д. В. Территориальная идентичность жителей Краснодарского края / Д. В. Какадий // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2016. – № 11–12 (60).
6. Тучина, О. Р. Самопонимание локальной идентичности как фактор психологической безопасности: межпоколенный анализ / О. В. Тучина, Л. А. Посметюха // Гуманизация образования. – 2022. – № 4.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ УСЛОВИЯМИ ПРОЖИВАНИЯ¹****Назарова Д. В.***научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Социальная политика государства призвана не только регулировать социальное и экономическое неравенство в обществе путем перераспределения благ на тех принципах и условиях, которые приняты большинством и легитимизированы. Поддержание целостности, стабильности и устойчивого развития во многом зависит и от уровня удовлетворенности людей качеством жизни, соответствии ожиданий, предъявляемых к государству, социальным институтам и власти, реальным результатам на местах. Как отмечает доктор социологических наук С. А. Шавель: «Восприятие населением изменений в социальной сфере основывается на корреляции ожиданий людей и возможностей их реализации в конкретных условиях, что имеет динамический характер и подлежит мониторинговому изучению. При нарушении защищенности человека в социальной сфере нарушается социальный порядок, растет социальная напряженность, протестное и девиантное поведение среди граждан» [1, с. 45]. Устойчивое развитие страны требует, чтобы социальная политика, ответственная за непосредственное жизнеобеспечение населения, эффективно использовала предоставленные ресурсы и гибко реагировала на изменения в запросах людей, связанных с удовлетворением потребностей, была направлена на поддержание качества жизни при реализации заявленных социальных стандартов. Проводимые в мониторинговом режиме многолетние социологические исследования показывают, что субъективные показатели: мнения, ожидания, уровень удовлетворенности, оценки эффективности, обеспокоенность проблемами и т. д. – в основе которых лежит механизм сравнения, – весьма чувствительны ко многим факторам. Это и ценности людей, и их социально-экономические интересы и поколенческие привычки; ориентация не только на удовлетворение сиюминутных или каждодневных потребностей, но и оценка параметров своей жизни с учетом планов на будущее; забота не только о себе, но и оценка условий жизни для значимых других. Удовлетворенность условиями своей жизни также зависит от общей социально-политической ситуации и даже международной напряженности, – происходит переосмысление: «хотим ли мы как там, или начинаем ценить то, что имеем».

В феврале 2023 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен опрос по месту жительства респондентов по республиканской, репрезентативной выборке ($N = 1849$ респондентов, доверительный интервал $\pm 2,28\%$). Перечень вопросов, затронутых в ходе исследования, позволил выявить степень удовлетворенности людей условиями проживания, восприятие социальной справедливости в области социальной политики и при реализации ее на практике (см. таблицу 1, таблицу 2).

В ходе опроса респондентам было предложено высказать степень удовлетворенности условиями проживания в своем населенном пункте по 23 различным параметрам. Варианты ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» были объединены. Те, кто по каким-либо причинам не мог высказать свою оценку («нет ответа», «не могу оценить: у меня нет необходимости этим пользоваться» и «не могу оценить: у меня нет возможности этим пользоваться») не учитывались в итоговой матрице. По подавляющему большинству условий проживания было зафиксировано преобладание позитивных оценок (выше 50 %) над негативными. Но есть также существенные диспропорции между ответами от респондентов в зависимости от типа населенного пункта (по количеству жителей, город-село), где они проживают и даже областям (см. таблицу 1).

¹ Работа выполнена в рамках НИР 1 «Социальная политика в Республике Беларусь как фактор обеспечения гуманитарной безопасности в современных условиях» в соответствии с заданием 5.05 «Разработка направлений совершенствования социальной политики Республики Беларусь в аспекте гуманитарной безопасности» подпрограммы 12.5 «Социология» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Таблица 1. Уровень удовлетворенности условиями проживания в населенном пункте (в % от числа респондентов, высказавших оценку)

«Удовлетворены ли Вы условиями проживания в Вашем населенном пункте?»:	Всего	Области						
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	г. Минск
Возможностями трудоустройства	59,4	55,1	31,2	58,7	72,0	55,3	59,6	74,2
Работой участкового врача (врача общей практики)	72,5	75,9	58,3	77,3	85,0	78,6	73,8	63,6
Работой поликлиники (амбулатории)	68,3	73,9	55,7	71,2	80,2	66,6	67,6	65,5
Работой скорой помощи	83,6	82,5	75,7	89,5	90,6	87,3	76,2	82,5
Работой частных медицинских центров (кабинетов)	84,8	87,0	76,9	88,0	81,0	84,8	83,0	87,5
Ассортиментом лекарственных препаратов и сопутствующих товаров в аптеках, аптечных киосках	80,7	72,3	68,5	86,5	88,5	91,1	87,1	75,0
Работой объектов общественного питания (столовых, кафе, ресторанов и пр.)	86,0	82,6	84,0	85,9	80,9	86,3	85,5	91,7
Работой детских садов	84,1	84,6	76,4	84,8	89,5	90,8	84,5	78,7
Работой школ	79,9	80,9	77,0	78,5	92,4	86,3	80,3	69,0
Работой служб ЖКХ	53,3	56,8	40,0	69,5	68,9	54,3	51,1	41,9
Обустройством детских дворовых игровых площадок	50,7	61,0	47,3	44,0	54,8	50,7	56,0	45,7
Возможностями отдыха, проведения досуга	67,9	64,4	72,1	71,6	61,7	58,2	68,9	73,6
Работой учреждений культуры (библиотек, музеев)	84,7	84,4	79,3	87,2	85,2	79,6	85,1	88,9
Работой учреждений социальной защиты нуждающихся категорий граждан	69,0	74,4	49,7	70,4	83,3	77,5	77,7	60,3
Работой спортивно-оздоровительных объектов (спортзалов, бассейнов)	79,4	84,6	77,4	78,7	73,4	68,8	75,3	89,0
Работой общественного транспорта	77,1	67,2	44,9	78,8	90,5	74,5	87,8	88,8
Работой объектов торговли	87,0	79,3	81,5	86,2	89,5	87,9	87,2	92,8
Работой служб быта	80,4	83,0	85,6	81,6	76,3	72,3	78,6	83,7
Работой объектов банковской сферы: отделений, банкоматов, инфокиосков и т. д.	82,5	81,9	66,7	80,3	91,4	84,1	81,2	87,3
Качеством дорог	40,6	44,4	28,2	46,8	49,0	33,3	30,0	47,1
Обустройством дворов и улиц	46,9	50,8	39,4	44,2	50,3	45,8	50,5	47,2
Наличием велосипедных дорожек	54,0	57,9	31,8	48,1	47,6	43,6	60,5	72,4
Охраной общественного порядка	79,8	78,2	63,3	84,1	87,8	87,0	80,2	77,3
Интегральный уровень удовлетворенности условиями проживания в населенном пункте	71,9	72,3	61,3	73,6	76,9	71,5	72,5	73,2

Результаты данного социологического исследования – это возможность увидеть потребности и ожидания людей, обоснованно сформировать направления для первоочередных действий и решений местных органов власти по улучшению качества жизни людей. В целом по республике, количество жителей, удовлетворенных условиями проживания в своем населенном пункте по 23 параметрам составило 71,9 %.

Для большинства опрошенных важна модель социальной политики, при которой государство должно обеспечивать достойный уровень жизни всех граждан, заботиться об их занятости, здоровье, образовании и благополучии и 77,9 % выбрали именно такой вариант. Совершенно не популярны представления, что государство должно заботиться только о нуждающихся, социально-уязвимых (инвалидах, малоимущих, многодетных, детях, молодежи, пожилых и т. д.) – 10,3 %, и что государство должно поддерживать людей только в критических ситуациях, и каждый человек сам должен быть ответственным за здоровье, образование и материальное благополучие – 9,3 % опрошенных по всей Беларуси.

В практике социологических подходов к определению социальной справедливости можно выделить два основных. Для западных стран ключевым является процессуальная справедливость,

юридическая, при которой оценивается лишь соблюдение законодательства в области социальной политики (проблемы, например, «имел право на получение пособия/пенсии и др., но не выдали – это несправедливо» и т. п.). Для подходов, развивающихся в рамках «постсоветского» наследия важны также сами принципы, механизмы по которым распределяются блага и снижается социальное неравенство (вопросы, например, «справедливо ли богатым и бедным платить одинаковый процент налога, или нет?» и т. п.). При проведении опроса мы также разделили и учли эти нюансы, т. к. важно определить проблему и субъекта, который ее должен решать: законодательная власть или исполнительная. Нужно совершенствовать законы или усилить контроль над исполнением уже принятых? Оценки респондентов социальной справедливости в целом по выборке и областям представлены в таблице 2.

Таблица 2. Степень согласия с утверждениями относительно социальной справедливости в социальной политике (в % от числа респондентов, высказавших оценку)

«Отметьте, пожалуйста, насколько Вы согласны со следующими утверждениями»:	Всего	Области						
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	г. Минск
Ценности, принципы и законы по социальной политике и социальной защите населения в Беларуси в полной мере соответствуют моим представлениям и взглядам о социальной справедливости								
Полностью согласен + Скорее согласен	72,2	71,4	70,5	74,4	82,8	80,5	82,5	58,1
Скорее не согласен + Совершенно не согласен	27,8	28,6	29,5	25,6	17,2	19,5	17,5	41,9
При реализации ценностей и принципов по социальной защите и гарантиям граждан Беларуси у нас в полной мере соблюдаются закон и социальная справедливость								
Полностью согласен + Скорее согласен	69,3	67,9	59,0	70,7	86,0	70,6	78,6	61,5
Скорее не согласен + Совершенно не согласен	30,7	32,1	41,0	29,3	14,0	29,4	21,4	38,6

Большинство опрошенных (72,2 %) отметили, что ценности, принципы и законы по социальной политике и социальной защите населения в Беларуси в полной мере соответствуют их представлениям и взглядам о социальной справедливости и 69,3 %, что при реализации ценностей и принципов по социальной защите и гарантиям граждан Беларуси у нас в полной мере соблюдаются закон и социальная справедливость. В жизни всегда возможны различные ситуации и проблемы, выявленные недоработки можно исправить, но такая достаточная высокая, позитивная, доминирующая оценка от населения социальной политики – есть основа и гарантия социальной безопасности и стабильности в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шавель, С. А. Социальная политика в обеспечении национальной безопасности /С. А. Шавель // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3–4 ноября 2022 г. / ред.кол.: Мысливец Н. Л. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – С. 45–47.

УДК 316.728

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОНЕТАРНОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Семёнова А. В.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Под монетарным потребительским поведением мы понимаем целенаправленную активность потребителей в соответствии со значимыми денежными потребностями и интересами, прежде всего связанными с достижением желаемого уровня материального благополучия, а также согласующейся с потребительскими стандартами покупательской способности на рынке товаров и услуг. Потребители в контексте заданной темы исследования – городская и сельская молодежь.

Их потребительская активность проявляется в практиках получения денежных доходов (путем зарабатывания, кредитов и займов), расходования (траты на товары и услуги, инвестирование) и накопления (для отложенного расходования) денежных средств, включая процессы принятия решений, предшествующие и следующие за любой потребительской активностью.

Учитывая специфику развития экономической культуры в современном белорусском обществе, систему рыночных отношений, особенности монетарного потребительского поведения молодых людей в концептуальной модели социологического исследования определяются потребностно-мотивационными (отношением к собственности, денежному вознаграждению, субъективное экономическое благополучие, адаптационные стратегии поведения, обусловленные экономической средой и денежными рыночными отношениями) и ценностно-смысловыми параметрами (интернациональными образцами материального благосостояния общества в развитых рыночных странах, интериоризированными социокультурными образцами индивидуального экономического поведения).

Рассмотрим ценностно-смысловой аспект монетарного потребительского поведения городской и сельской молодежи.

Ценностные ориентации являются духовной основой личности, в значительной мере отражают содержание ее мировоззрения, мотивы поведения, характер восприятия и оценки материальных и духовных явлений в обществе. Так, кроме рационального отношения к деньгам как средству удовлетворения материальных потребностей или достижения духовных и социальных целей, они могут выступать инструментально символическим средством социального взаимодействия, а также терминальной ценностью – конечной целью деятельности, иногда смыслом жизни. В контексте монетарной потребительской ориентации субъективная значимость всего, что связано с материальными благами (деньги, вещи, материальный комфорт и т. д.) в жизни согласуется с характеристикой материалистичности. Данный многомерный конструкт, определяемый как проявление ценности терминальной или инструментальной, базируется на материальной центрированности; поиске счастья через приобретения (а не любыми другими способами, такими как, например, профессиональная самореализация, личные отношения, личностный рост и т. д.); самопрезентации успеха через собственность (символизация статуса, проектирование желаемого имиджа, использование вещей в целях социальной коммуникации) (согласно М. Ричинсу и Р. Доусону [1]). В этом случае обозначена негативная коннотация материалистических ориентаций, которые в потребительских практиках реализуются нерациональным расходованием денежных ресурсов, избыточным потреблением. На наш взгляд, оправдывающая индивидуальный материализм точка зрения возможна в опоре на положение материальной депривированности потребителя, не позволяющего ему осуществить переход на уровень выше удовлетворения базовых потребностей выживания и материальной безопасности (по Р. Инглхарту на основе концепции А. Маслоу [2]). Антагонистом материалистическим выступают постматериалистические ценности – индивидуалистические (саморазвитие), а также надиндивидуальные просоциальные (взаимопомощь), проэкологические (забота об окружающей среде) ценности.

В целом среди молодежи денежный фетишизм не выражен, т. е. материалистичности в контексте терминальной ценности денег.

Исходя из материалистичности как набора ценностей (терминальных), определяющих потребительские выборы и экономически рациональное и нерациональное оперирование финансовыми ресурсами, ее показателем в ценностно-смысловом отношении к деньгам среди молодежи служат ориентации на характеристики товаров и услуг в структуре повседневных и специальных трат, которые изучались в рамках мониторинга, проведенного в апреле 2023 г. (выборочная совокупность молодежи в возрасте от 18 до 34 лет включительно составила 467 человек) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько важными для Вас при приобретении товаров и услуг являются следующие характеристики?» среди городской и сельской молодежи, 2023 г., %

Характеристики товаров, услуг	Городская молодежь, %			Сельская молодежь, %		
	Очень важно + Скорее важно	Скорее не важно» + Совершенно не важно	Затрудняюсь ответить	Очень важно» + Скорее важно	Скорее не важно» + Совершенно не важно	Затрудняюсь ответить»
Качество (независимо от цены)	91,6	3,9	4,5	77,7	9,5	12,9
Цена (пусть даже в ущерб качеству)	64,7	23,0	12,3	54,2	19,9	25,9
Приемлемое соотношение цены–качества	90,3	4,5	5,2	78,8	4,7	16,5
Популярность и известность («раскрученность») торговой марки	28,8	54,1	7,1	37,7	43,5	18,8
Эксклюзивность (редкость, единичность)	33,8	58,1	8,1	35,3	43,6	20,1
Зарубежные производители, известные мировые бренды	41,9	48,7	9,4	34,2	41,1	24,7
Престижность обладания	28,8	62,0	9,2	42,3	38,9	18,8
Эффектность при оценке окружающими, возможность произвести впечатление	30,7	60,2	9,1	43,5	38,8	17,7
Экологичность, безопасность производства и потребления для окружающей среды	50,5	39,0	10,5	47,1	35,3	17,6

Согласно представленным данным, условно принимаемая нами ограниченность в доступе к источникам дохода в связи с социально-экономическими условиями проживания сельской молодежи не отличает ее по способности к максимизации полезности потребляемых благ (проявление рациональных экономических эффектов в потребительском поведении) от городской. Выбор большинства как сельчан, так и горожан определяется качественными преимуществами товаров и услуг (независимо от цены) (91,6 % и 77,7 % соответственно) и приемлемым соотношением цены–качества (90,3 % и 78,8 % соответственно), в значимой степени ценой товара (пусть даже в ущерб качеству) (64,7 % и 54,2 % соответственно).

Экономически нерациональные критерии выбора товаров и услуг можно представить в терминологии социальных эффектов потребления Х. Лейбенштайна: эффект присоединения к большинству (известность торговой марки, мировой бренд, ассоциирующиеся с их высоким качеством и имиджем, фактом наличия товара у представителей референтной группы, ориентациями на востребованность товара другими потребителями), эффект показного потребления (престижность обладания товаром, услугой), эффект сноба (выбор и покупка товара в связи с его эксклюзивностью, редкостью, непопулярностью, для того чтобы подчеркнуть свою индивидуальность) [3]. Данные практики определяются материалистической направленностью потребителей, когда конечной целью потребления для них является достижение социального и финансового успеха через приобретаемую собственность. В этом случае характер значимости вещей относится к внешности и статусу, а не к утилитарной полезности. В целом, материалистические критерии выбора товаров и услуг менее выражены относительно рациональных экономических эффектов расходования денег в обеих группах молодежи. Однако на основании процентного соотношения респондентов, отметивших как важные и как неважные характеристики товаров при приобретении, можно заметить, что горожане в меньшей степени склонны к самопрезентации посредством потребительского поведения и если и склонны, то преимущественно в предпочтениях мировых брендов в рамках эффекта присоединения к большинству (41,9 %), хотя, скорее, они (подобные предпочтения) обусловлены рамками стереотипа о качестве. Сельчане же больше ориентированы как на эффекты присоединения к большинству, так и на эффекты показного потребления и сноба.

Следует обратить внимание на 50,5 % опрошенных молодых горожан и 47,1 % сельчан (что больше, чем подчиняющихся социальным эффектам в процессе экономически нерациональных трат), отметивших в качестве определяющего критерия покупки экологичность, безопасность производства (предоставления) и потребления товара или услуги для окружающей среды. Здесь четко проявляются постматериалистические ценности молодежи Беларуси.

Таким образом, удовлетворение спроса на деньги способствует как получению необходимых материальных благ, так и удовлетворению утилитарных и социальных (самопрезентационных, надындивидуальных) целей, определяющих материалистические и постматериалистические ценностные ориентации молодых людей. На основании данных опроса, отражающих ценностно-смысловое отношение к деньгам в контексте оценки важности характеристик товаров и услуг при приобретении можно констатировать, что белорусская молодежь (независимо от типа населенного пункта) экономически рационально тратит деньги. Важные для менее половины опрошенной молодежи материалистические социальные эффекты потребления уступают постматериалистической ценности заботы об окружающей среде. В связи с этим можно заключить, что в обществе закладываются основы интериоризации условий достатка, когда внимание акторов переключается с сущности обыденных потребностей на воспринимаемые как более значимые надындивидуальные проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Richins, M. L., Dawson, S. A. Consumer Values Orientation for Materialism and Its Measurement : Scale Development and Validation / M. L. Richins, S. A. Dawson // Journal of Consumer Research. 1992. – No. 19 (3). – Pp. 303–316.
2. Inglehart, R. Culture shift in advanced industrial society / R. Inglehart. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 484 p.
3. Leibenstein, H. Beyond economic man. A new foundation for microeconomics / H. Leibenstein. – London : Harvard University Press, 1976. – 225 p.

УДК 325.1+911.3 (476)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛАРУСИ АГРАРНОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ТИПА В 1999–2019 ГГ.

Сидорович А. А.

*декан факультета естествознания, учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина»
кандидат географических наук, доцент
г. Брест, Беларусь*

Сидорович Т. Н.

*учитель географии, государственное учреждение образования
«Средняя школа № 26 г. Бреста»
г. Брест, Беларусь*

В Беларуси более 23 тысяч населенных пунктов, из которых 200 представлены городскими поселениями. Последние характеризуются, как правило, большим демографическим и социально-экономическими потенциалом. Экономическая база поселения формирует основу существования его населения. Все многообразие сочетания видов экономической деятельности, их весовое значение в объемах производства и оказания услуг, в обеспечении занятости может быть сведено к определенным типам. В соответствии с Государственной схемой комплексной территориальной организации Республики Беларусь (ГСКТО) городские поселения делятся на многофункциональные, с ведущей промышленной функцией, научно-образовательные, туристско-рекреационные, промышленные, промышленно-аграрные, агропромышленные и аграрные [1; 2]. Социально-экономическая специфика поселений выступает важнейшим фактором направленности демографических и миграционных процессов. В постиндустриальную эпоху в условиях цифровизации общества стремительно развивается сфера услуг и новейшие отрасли промышленности, которые выступают наиболее привлекательными для инвестиций и

трудоустройства. Как итог, сельская местность и городские поселения, выполняющие аграрные функции, переживают глубочайший демографический и социально-экономический кризис.

К аграрному функциональному типу поселений относится 24 городских поселения Беларуси, из которых 22 поселка городского типа и 2 города. Между переписями 1999 г. и 2019 г. численность населения данных поселений уменьшилась на 26,1 %, или на 14,5 тыс. чел. При этом депопуляция наблюдалась во всех аграрных городских поселениях. Факторная структура убыли населения на 31,1 % определялась механическим движением населения и на 68,9 % – естественным. В целом в поселениях данного типа более остро стоит проблема естественного воспроизводства. Так, общие коэффициенты рождаемости (ОКР) и смертности (ОКС) за весь анализируемый период 1999–2019 гг. составили соответственно 10,5 ‰ и 21,2 ‰ против, например, 12,4 ‰ и 12,7 ‰ в агропромышленных. Следовательно, общий коэффициент естественного прироста в аграрных городских поселениях имел отрицательные значения (–10,7 ‰), а в агропромышленных поселениях он оказался существенно ниже (–0,3 ‰).

Сокращение численности населения варьировало от 0,2 тыс. чел. в Домачево (Брестский район) до 1,2 тыс. в Уречье (Любанский район) и Копаткевичах (Петриковский район). Более 0,9 тыс. человек демографических потерь понесли города Василевичи (Речицкий район) и Дисна (Миорский район). О масштабах сжатия демографического потенциала свидетельствует относительная динамика людности. Так, относительное снижение численности населения в 2019 г. по сравнению с 1999 г. находилось в пределах от 8,7 % в Комарине (Брагинский район) до 43,8 % в Сураже (Витебский район). В 20 аграрных городских поселениях относительная убыль населения превысила 20 % (см. рисунок 1).

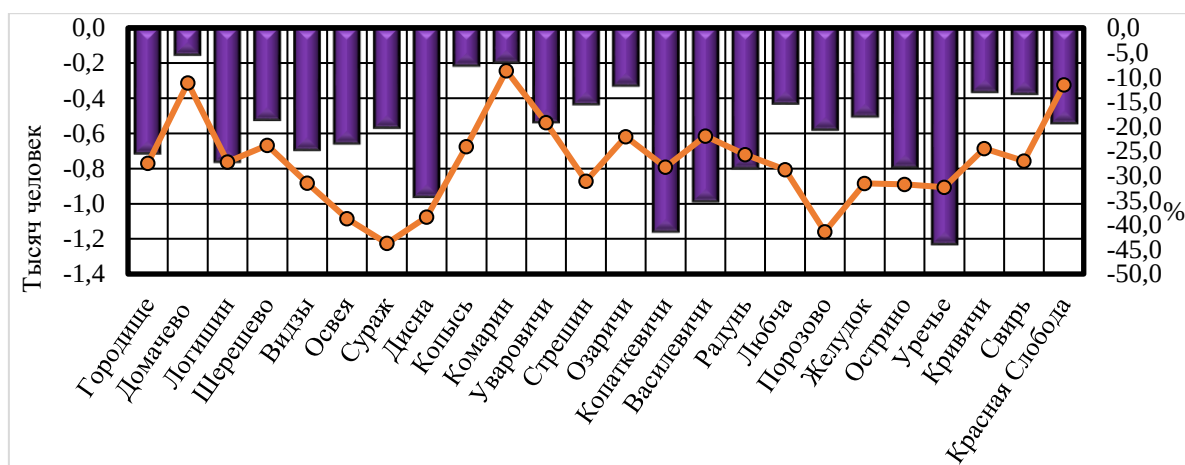

Рисунок 1. Динамика численности населения аграрных городских поселений Беларуси за период 1999–2019 гг.

Ключевым фактором «сжатия» демографического потенциала поселений аграрного типа за период 1999–2019 гг. в отличие от других функциональных типов поселений выступала естественная убыль населения. В семи поселениях на миграцию пришлось более половины общей убыли населения, в пяти городских поселениях имело место положительное миграционное сальдо, уступавшее по масштабам естественной убыли. В остальных поселениях доля миграционной убыли находилась в пределах от 13,6 % в Озаричах (Калинковичский район) до 49,9 % в Дисне (Миорский район) (см. рисунок 2).

Анализ динамики численности населения аграрных городских поселений за межпереписные периоды 1999–2009 гг. и 2009–2019 гг., как и в отношении других функциональных типов поселений, свидетельствуют об улучшении демографической ситуации, однако в менее выраженной степени. Если в 2000-е гг. убыль населения составляла в аграрных поселениях 8,2 тыс. чел., то в 2010-е гг. она снизилась до 6,3 тыс. чел.

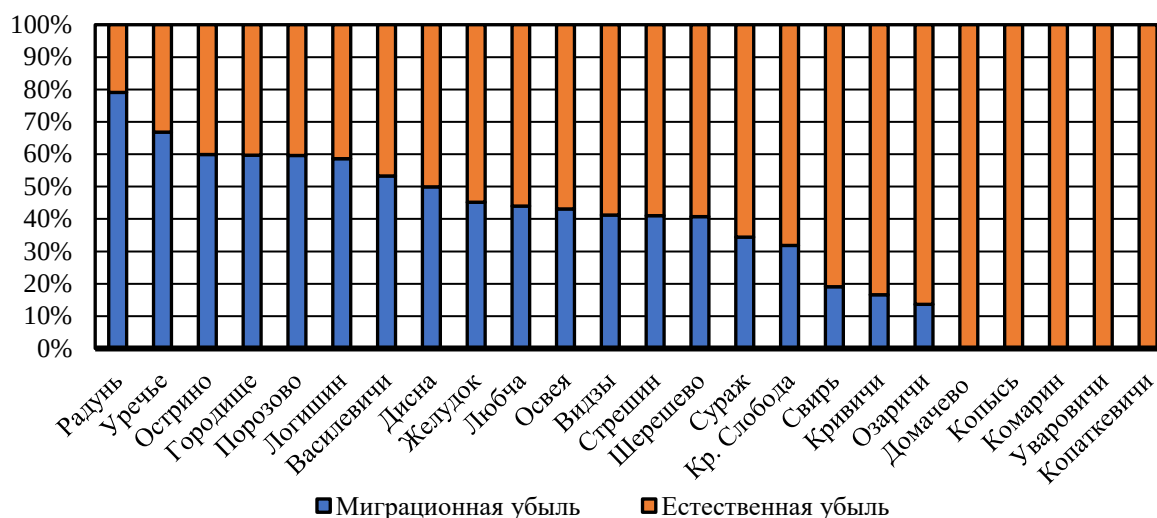

Рисунок 2. Удельный вес миграции в общей убыли населения аграрных городских поселений Беларуси за период 1999–2019 гг.

В г. п. Комарин (Брагинский район) убыль населения в 1999–2009 гг. сменилась общим приростом. В г. п. Копысь (Оршанский район) имела место обратная ситуация – рост населения в 2000-е гг. был замещен убылью в 2010-е гг. В целом в 18 из 24 поселений снизились масштабы абсолютного сокращения людности (см. рисунок 3). Но снижение темпов убыли населения отмечено лишь в 14 поселениях.

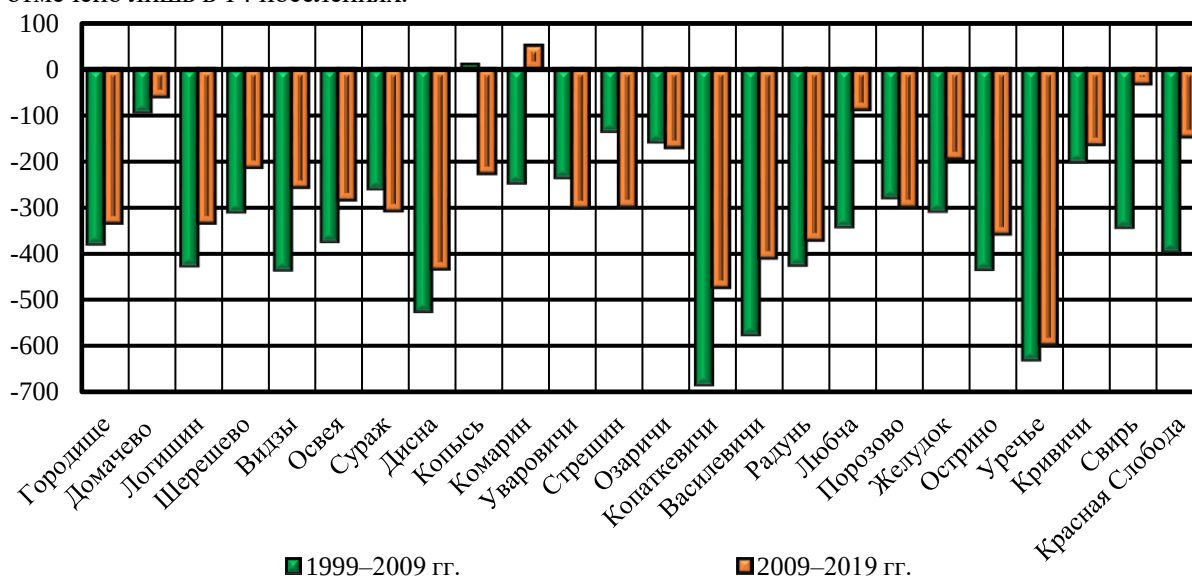

Рисунок 3. Интенсивность миграционного прироста (убыли) аграрных городских поселений Беларуси в расчете на 1000 чел. среднегодовой численности населения за период 1999–2019 гг.

За анализируемые межпереписные периоды 1999–2009 гг. и 2009–2019 гг. структура факторов динамики численности населения не претерпела значительных изменений. В 2000-е гг. в аграрных городских поселениях превышение числа умерших над числом родившихся составило 72 % общей убыли населения. Следовательно, миграционный фактор обусловил 28 % общей убыли людности таких поселений. В последующий межпереписной период 2009–2019 гг. в данной группе поселений характер динамики людности не изменился, имел место лишь незначительный рост удельного веса миграционной убыли в общей динамике численности населения. Вклад естественной и миграционной убыли в сокращении демографического потенциала составил соответственно 65 % и 35 %.

Таким образом, для городских поселений Беларуси, относящихся к аграрному функциональному типу, за период 1999–2019 гг. была характерна исключительно отрицательная динамика численности населения. Однако в отличие от других типов

поселений депопуляционные процессы определялись в первую очередь естественной убылью населения, на которую пришлось более 2/3 общей убыли. Вклад отрицательного миграционного сальдо в сокращение демографического потенциала аграрных городских поселений составил около 1/3.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Власюк, Н. Н. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь. основные направления и приоритеты развития / Н. Н. Власюк // Вест. Брест. гос. техн. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 3–5.

2. Об утверждении схем комплексной территориальной организации областей и генеральных планов городов-спутников [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 18 янв. 2016 г., № 13 // ЭТАЛОН-ONLINE. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Исследование выполнено в рамках задания «Прожективное моделирование социально-экономического развития белорусских регионов и миграционных процессов в условиях цифровой трансформации общества» подпрограммы 12.5. «Социология» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь, № госрегистрации 20211332.

УДК 316.4.06

ОБРАЗ РЕГИОНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШОГО СОЧИ)¹

Чефанова Е. И.

*стажер-исследователь Института статистических исследований и экономики знаний
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

Тюрина Е. Д.

*студентка факультета социальных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

Маркина А. Ю.

*студентка факультета экономических наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия*

В последнее время наблюдается тенденция на внутренний туризм. На это оказывают влияние внешние социально-экономические и политические события. Пандемия Covid-19 в 2020 и 2021 годах, а также международные обстоятельства в 2022 году повлекли за собой резкое сокращение массового туризма по европейским направлениям, снизили доступность зарубежных курортов. Так, 21% россиян отдыхали внутри страны за последний год, в 2022 – 20%, а в 2021 только 14% [1]. Ограниченная международная мобильность влияет не только на внутренний туризм в России. В Республике Беларусь в 2022 г. 1 млн 530 тыс. человек путешествовали по республике, в то время как в 2019 всего 1 млн 107 тыс. человек воспользовались услугами внутреннего туризма [2].

В данных условиях формируются центры притяжения туристов, одним из которых в России стал Сочи. На рост привлекательности города повлияли зимние Олимпийские игры и паралимпийские игры, проходившие в 2014 году. Сочи привлекает туристов различными видами отдыха, которые возможны благодаря теплоте климату, морскому побережью, достопримечательностям и горнолыжным курортам, а также транспортной доступности. Так в 2022 году регион стал одним из основных туристических направлений [3]. При этом туристы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке программы «Фонд образовательных инноваций» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (проект «Открываем Россию заново»)

вынуждены адаптироваться к социально-экономическим и политическим ограничениям, что влияет на планирование отдыха.

В основе исследования лежит теория массового туризма [4], предполагающая частые перемещения. Путешествия, с одной стороны, позволяют вырваться из повседневности, а с другой – сами становятся важной частью жизни человека, в связи с увеличивающейся мобильностью. Люди стремятся получить новые, но предсказуемые впечатления. Другим важным фактором туризма является ощущение безопасности. Туристические поездки также связаны с привлекательностью природы и посещением мест, которые недоступны людям в обыденной жизни [5], что как раз готовы предложить южные курорты России.

В результате предыдущих полевых исследований было выявлено особое восприятие курортного места в период пандемии как «оазис безопасности», где турист мог реконструировать типичный образ жизни, нарушенный в его регионе противоэпидемиологическими мерами [6]. Однако в новой ситуации, усложненной экономическими и политическими обстоятельствами, остается не ясной мотивация туристов, отдающих предпочтение внутреннему туризму – на чем основывается их выбор и какие запросы у них существуют.

Цель исследования – выявить мотивы и практики туристов, выбирающих для отдыха российский курорт (Большой Сочи). Объектом исследования выступают туристы, приехавшие на отдых в г. Сочи, предметом исследования – их мотивы и практики. Эмпирической базой выступают 40 полуструктурированных интервью в формате small-talk с отдыхающими, а также 2 экспертных интервью с предпринимателями, интегрированными в туристический бизнес. В выборку вошли мужчины и женщины средней возрастной группы (25–35 лет) и люди пенсионного возраста. Дополнительными методами сбора данных выступают включенное наблюдение. Сбор данных осуществлялся на территории 3-х пляжей Большого Сочи (Центральный Сочи, Адлер, Сириус), набережных, кафе и парках в период со 2 по 11 сентября 2022 года [7].

Было выявлено, что непосредственной причиной выбора места отдыха для туристов является море. У туристов есть устойчивое представление о чистоте и безопасности моря, в котором они стремятся купаться несмотря на погодные условия, не придавая значения высокой статистике по ротавирусной инфекции и количеству несчастных случаев.

Тем не менее, туристы приезжают в Сочи за комфортным и безопасным отдыхом. Отметим, эти стимулы согласуются с концептуальными основами массового туризма. Крым в 2022 году, в связи с политическими факторами, потерял статус «оазис безопасности». Сочи стал местом туристического притяжения благодаря логистическому преимуществу – наличия единственного действующего аэропорта на Черноморском побережье. Туристы отмечали, что выбирали не только куда поехать и где остановиться, но и руководствовались непосредственной близостью жилья от аэропорта.

Другой фактор привлекательности, отделяющий Большой Сочи от других южных российских курортов – инфраструктура в виде разветвленной сети общепита и досуговых мест. Сочи исторически маркируется как престижное место, готовое расположить в местах расселения олимпийских чемпионов, предлагая рекреационный, спортивный и событийный туризм. Этот образ, сконструированный и культивируемый различными медиа, способствует привлечению на туристов с разным материальным и социальным положением, которые руководствуются либо ритуальной логикой, либо пафосом демонстративного потребления.

Знакомство с культурным и природным наследием местности, посредством самостоятельных туров, так называемого прогулочного дня, и экскурсионных продуктов – неотъемлемая часть туристического отдыха. Дискурс о местном колорите, который продают туристам, предлагая побывать на «настоящем» кавказском застолье, насыщен элементами театрализации и представляет собой одновременно хорошо продаваемый образ «другого» и непробиваемый эшелон защиты, возведенный от tourist gaze. Однако запрос на «взлом передних планов» для отдыхающих не является первостепенным.

Туристов, отдыхающих на территории Большого Сочи, можно дифференцировать на «бздыхов» и оседлых туристов. Первые нацелены на проведение пассивного отдыха от кастрюль в отеле или санатории, ось которого – гедонизм, базирующийся на море и пляже, еде и сне. Оседлые туристы, предпочитают арендовать жилье в частном секторе, стремятся мимикрировать, пользоваться общественным транспортом, инфраструктурой местных, обладают большой

мобильностью, склонностью к активному досугу. Примечательна противоположность взглядов рассматриваемых нами возрастных групп: молодежь стремится к пассивному времяпрепровождению: респонденты 25–35 лет отмечали, что всё время проводят на море, то есть эта возрастная группа приравнивает отдых к лежанию на пляже. Напротив, часть людей пожилого возраста предпочитает активный отдых и приезжают не только из-за субтропического климата и моря, но и за впечатлениями и эмоциями от посещения экскурсий и досуговых мест.

Таким образом, социальное конструирование имиджа города Сочи и его образ как безопасного являются факторами привлечения туристов в регион в условиях социальной и экономической неопределенности на фоне сложившейся международной ситуации. Вместе с тем это способствует росту инвестиционной и предпринимательской активности, усиливает обмен культурными ценностями с гостями, а современная инфраструктура повышает качество жизни горожан и является привлечением туристического потока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ФОМ. Внутренний туризм. 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14908>. – Дата доступа: 15.08.2023).
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_brochures/index_54359/. – Дата доступа: 13.07.2022.
3. ВЦИОМ. Аналитический обзор: «Дача или курорт? Где отдыхали россияне этим летом». 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-ili-kurort-gde-otdykhali-rossijane-ehim-letom>. – Дата доступа: 13.09.2022.
4. Lash, S. Economies of Sign and Space / S. Lash., S. Urry. – London : SAGE Publications Ltd, 1993. – 368 p.
5. Corrigan, P. The Sociology of Consumption / P. Corrigan. – London : SAGE Publications Ltd, 1997. – 208 p.
6. Надеждина, Е. В. Лето 2020 на Черноморском побережье России: социальный портрет отдыхающих на фоне пандемии коронавируса COVID-19 / Е. Ф. Надеждина, Е. И. Чефанова // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / Под ред. Г. В. Косова, Е. Е. Бойцовой, В. В. Хапаева и др. – Севастополь : Севастопольский государственный университет, 2021. – С. 134–135.

УДК 316.334.55(476)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО СЕЛА

Харитонов И. Н.

*научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Беларусь*

При определении показателей социально-экономического развития сельских территорий можно использовать статистический классификатор СК 00.010-2017 «Государственная статистическая деятельность», разработанный Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь и применяемый им в своей работе [1]. Данный классификатор используется при составлении и анализе государственной статистической отчетности органами государственной статистики и государственными организациями, уполномоченными на ведение государственной статистики. В нем выделены показатели, позволяющие оценивать социально-экономическое развитие сельских территорий. Среди них, релевантными являются ряд классификаторов статистики труда, социальной статистики, экономической статистики, региональной статистики и статистики малых территорий.

Однако, имеется проблема: Национальный статистический комитет Республики Беларусь в разрезе городского и сельского населения собирает на основании статистической отчетности только отдельные показатели социально-экономического развития, большая же часть таких данных определяется на основании выборочного обследования домашних хозяйств, то есть, по сути на основании социологических опросов выборок домохозяйств.

Изучение и анализ статистических данных, а также данных выборочного обследования домашних хозяйств составляет первый источник социально-экономических показателей развития сельских населенных пунктов. Данные статистические показатели регулярно публикуются в статистических изданиях, таких как «Социальное положение и уровень жизни населения

Республики Беларусь. Статистический сборник», «Труд и занятость», в результатах переписей населения; в базах данных, таких как Национальная платформа представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития (ЦУР), Информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации.

Вторым источником социально-экономических показателей развития современного белорусского села могут служить опросы общественного мнения сельского населения, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси. В данных опросах раскрываются и другие аспекты социально-экономического развития села, не отражаемые в выборочных исследованиях домашних хозяйств Белстатом.

Из основных показателей актуального социально-экономического развития белорусского села на основе анализа выше приведенных источников можно отметить следующие.

Важнейшим социально-экономическим фактором сельских территорий является постепенное уменьшение населения в сельских населенных пунктах как в абсолютном, так и относительном измерении, а также уменьшение сельского населения в возрастной группе 15-74 года. Так, с 2009 по 2019 годы сельчан стало меньше на 13,4 %, число сельских населенных пунктов уменьшилось с 23 549 до 23 075, то есть, на 2 % [2, с. 26]. В то же время, трудозанятое население в целом не показывает такого сильного снижения. Поддерживать число занятого населения на селе помогает повышение пенсионного возраста, снижение безработицы, привлечение выпускников учебных заведений.

В то же время также растет и производительность труда в реальном секторе экономики сельских территорий: в важнейшей ее отрасли, сельском хозяйстве. За 5 лет, с 2018 по 2022 г., производительность труда на одного работника сельского хозяйства выросла в 2 раза при одновременном уменьшении их списочной численности на 11,7 % с 56 146 рублей до 105 674 рублей [3, с. 7–8]. Также увеличился в долларах США средний доход мелких производителей продовольственной продукции с 733 долларов США в 2018 году до 894 долларов США в 2022 году при одновременном росте их количества [3, с. 9].

Уровень безработицы среди сельского населения, несмотря на существенные флуктуации, за 9 лет, с 2014 по 2022 г., имел тенденцию к уменьшению с 4,4 % до 3,3 %. Имеются существенные региональные отличия: в Брестской, Гродненской и Минской областях он в 2022 году находился в пределах 2,2–2,5 %, в то время как в Витебской, Гомельской и Могилевской областях — в пределах 4,2–5,0 % [4].

Растут и располагаемые доходы и расходы сельчан. С 2017 по 2022 годы объем располагаемых ресурсов домашних хозяйств, проживающих на селе, вырос на 177 %, с 855,1 рублей до 1516,8 рублей, большую часть из которых составляют денежные средства [5, с. 51]. Это превышает уровень инфляции с 2017 по 2022 годы, составляющий приблизительно 50 %.

Также снизился за этот период и уровень малообеспеченности сельского населения (то есть, со среднедушевым уровнем располагаемых доходов в одном домохозяйстве ниже прожиточного минимума), доля малообеспеченных домашних хозяйств уменьшилась с 9,0 % до 6,3 %. Однако, эта доля остается в два раза выше соответствующей доли домашних хозяйств в городе (3,2 %) [6].

Согласно опросу общественного мнения, проведенному Институтом социологии НАН Беларуси весной 2023 года (выборка сельских жителей – 410 человек), по такому интегральному вопросу, как «Как бы Вы оценили уровень социально-экономического развития населенного пункта, в котором Вы проживаете?» большинство опрошенных сельчан как в целом (68,2 %), так и в каждой отдельной области оценило его как средний и выше среднего. Если обращать внимание на различия по областям, можно говорить о неслучайной более высокой доли тех, кто оценивает уровень социально-экономического развития в своем населенном пункте как средний и выше среднего в Гродненской (76,5 %) и Могилевской (78,1 %) областях.

В 2023 году 59,2 % опрошенных сельчан оценивало материальное положение своей семьи как среднее, 20,9 % как хорошее и скорее хорошее, и 16,4 % как плохое. Более ранний опрос Института социологии НАН Беларуси, проведенный в декабре 2021 года (выборка сельских жителей – 394 человека), продемонстрировал, что оценка сельчанами материального положения своих семей была гораздо хуже: тогда 35,4 % респондентов оценивало его как плохое. То есть, можно говорить о некотором улучшении оценки сельчанами материального положения своей семьи за последние годы. Из всех областей как в 2021, так и в 2023 году также хуже всего оценивали свое материальное положение в Витебской области (41,2 % и 56,1 % соответственно).

Несмотря на устоявшиеся представления о том, что сельское население живет хуже городского, в оценках сельчан, по данным выше приведенного опроса 2023 года, доля позитивных оценок своей жизни не уступает аналогичной доле среди городского населения. Материальное положение своей семьи оценивают как хорошее и среднее 79,8 % горожан и 80,1 % сельчан, а как плохое – 16,5 % горожан и 16,4 % сельчан. Социально-экономическое положение в стране в целом как хорошее и среднее оценили 74,8 % опрошенных горожан и 77,1 % сельчан, как плохое – 16,7 % горожан и 13,1 % респондентов-сельчан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический классификатор СК 00.010-2017. Государственная статистическая деятельность [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-word/klassifikator/SK_00.010-2017.docx. – Дата доступа: 26.07.2023.
2. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года (том 2) [Электронный документ] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jpupn3rl7trtmxepj6vmh07qy6u5o09i.pdf>. – Дата доступа: 09.08.2023.
3. Сельское хозяйство Республики Беларусь. Статистический буклет [Электронный документ] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/5d1/nk4xm0usagyze68tt64qowzzxa74znfj.pdf>. – Дата доступа: 09.08.2023.
4. 10102000025 Уровень безработицы (по данным выборочного обследования домашних хозяйств) [Электронный ресурс] / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=204238#>. – Дата доступа: 09.08.2023.
5. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник [Электронный документ] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/21b/w6owcjp3jmfctzj7s5oqyzakaovx17uh.pdf>. – Дата доступа: 26.07.2023.
6. 10303000004 Уровень малообеспеченности населения [Электронный ресурс] / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=128960#>. – Дата доступа: 09.08.2023.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

УДК 323.32+94(477)

УЧАСТИЕ ПРОФЕССОРА В. М. БЕБИКА В ПОПЫТКАХ ФОРМИРОВАНИЯ НА УКРАИНЕ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Гронский А. Д.

*ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН
кандидат исторических наук, доцент
г. Москва, Россия*

В последние годы существования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в союзных республиках начались «парады суверенитетов». Кризис советской версии прошлого побудил не только профессиональных историков, но и обычных политических активистов, не имеющих исторического образования, начать «открытие» нового национального прошлого. Это прошлое репрезентировалось как возвращение к истине, которая была скрыта сначала российской имперской версией истории, а потом и советской. На просторах разрушающегося СССР активно начали формироваться новые исторические идентичности. Историческая идентичность – категория достаточно размытая. Ее можно определить, как наличие представлений о сопричастности с какими-либо человеческими группами, существовавшими в прошлом. Чаще всего эти группы имели этническую или национальную маркировку и представлялись историческими «своими», «нашими», которые в настоящее время продолжают в «нас».

Однако история конкретных этноса или нации чаще всего не теряется в далеких периодах прошлого, а начинается по историческим меркам совсем недавно. В этом случае для формирования нарратива о собственном этнонациональном прошлом не хватает хронологической глубины. На данной территории в прошлом могли проживать люди другой этнической идентификации, или данная территория в прошлом не представлялась цельной, а была распределена между совершенно другими народами, не являющимися этническими предками современных людей, контролирующими данную территорию. Т. е. историческая идентичность упирается в какую-то хронологическую точку, ранее которой «наши» или «свои» не существовали. Или не существовали в принципе, или еще не добрались до конкретной территории из других мест, где они изначально развивались как группа. В случае нахождения такой точки и при наличии желания можно игнорировать объективное прошлое и попытаться переформатировать историю под нужды современности. Например, приписать древней этнической группе или конкретной исторической личности современную этничность или, хотя бы, сделать людей прошлого предками современной этнической или национальной общности.

Принимая подобные высказывания как объективные, современные люди начинают соотносить себя с вдруг недавно появившимися предками, рассматривать заслуги предков через современную этнонациональную парадигму, этнофицируя и национализируя их. Таким образом, в прошлом возникают исторические сюжеты, которые противоречат реальности и объективным выводам исторической науки.

Не стоит недооценивать подобные псевдонаучные утверждения. Во-первых, они могут распространяться среди большого количества людей, из патриотических соображений желающих видеть свою историю как можно более великой и древней. В частности, массовый интерес в России к «Новой хронологии» не в последнюю очередь был вызван желанием россиян в эпоху кризиса увидеть какое-то величие в прошлом. Во-вторых, находятся энтузиасты, которые, искренне уверовав в новую версию национальной истории, начинают обеспечивать ее артефактами. Так, в селе Триполье под Киевом существует частный музей трипольской культуры, который не следует путать с государственным музеем трипольской культуры, расположенным в Переяславле. Частный музей выставляет экспонаты, однако интерпретирует их не как артефакты другой культуры, существовавшей на данной территории, а как предметы древней украинской

или, в лучшем случае, праукраинской культуры. В данном случае стоит вспомнить слова А. Ассман, которая писала, что в памяти остается лишь то, что выставлено в музеях, отражено в монументах и написано в учебниках [1, с. 4]. В ряде случаев наполнение музейных экспозиций определяется не научными методами, а идеологией. Так, в частном музее трипольской культуры есть надпись: «Каждый сотрудник нашего музея – патриот Украины! Нашей честью и добром, нашей патриотической обязанностью нахождения в рядах активных и несломленных борцов за силу, величие и дальнейшее процветание Украины!» [2]. В-третьих, ряд утверждений подобного плана находит свое отражение в учебниках и научной литературе. В частности, один из учебников истории Украины утверждал, что «наидревнейший период в истории украинского народа – древний – длился более 140 тысяч лет» [3, с. 6] Как писал М. Ферро, представление об истории, полученные из школьного учебника, остаются на всю жизнь [4, с. 8].

С помощью вышеперечисленного формируются изменения в исторической памяти, которые закрепляются и становятся нормой. Общество начинает «помнить» прошлое по-другому. Изменения в исторической памяти формируют измененные представления о своей исторической идентичности. Чем более великое прошлое сконструировано для конкретной нации, тем более явно возникает вопрос, кто виноват, что это прошлое было утеряно. Сконструированное великое прошлое порождает миф о врагах, которые смогли уничтожить это величие. А если потомки назначенных врагами людей прошлого существуют сейчас, их легко можно назначить ответственными за своих предков, т. е. сформировать у своей группы комплекс жертвы, которую должны компенсировать потомки врагов.

Историческая идентичность не является фиксированной, она корректируется под воздействием текущих событий, социальных экспериментов, идеологических изменений. Чаще всего историческая идентичность меняется в период «сломов» политической системы, когда к власти приходит новая элита, которая ради собственной устойчивости делает заказ интеллектуалам на создание новой исторической идентичности, формирующей новое представление нации о себе как непрерывной смене поколений и о своем месте в исторических процессах. Интеллектуалы могут заниматься формированием исторической идентичности и без элитарного заказа, если они считают, что это поможет нации стать великой и получить в прошлом опору для современных притязаний.

Иногда новое помещение себя в прошлое сопряжено с утверждениями, полностью пересматривающими текущую историческую идентичность и формирующими ее новую версию, которая серьезно удревняет хронологию существования народа и расширяет его роль в деле формирования цивилизационных достижений. Одним из представителей такой практики создания исторической идентичности выступает доктор политических наук, профессор Валерий Михайлович Бебик. Примерно со второй половины 2000-х г. он активно продвигает свое видение истории Украины, пытаясь сформировать у потребителей информации новое представление о собственной украинской исторической идентичности. Естественно, что в построениях В. М. Бебика украинская общность выступает не только как древняя, но и как культуртрегерская для остальной ойкумены. Главной задачей В. М. Бебика является, по его словам, «не навязать концепцию [...], а побудить людей задуматься о настоящей тысячелетней истории украинской цивилизации, которая в 6-5 тыс. до н.э. сформировала ядро белой расы планеты» [5]. Интересно, что В. М. Бебик видит в глубокой древности не украинский этнос или украинские племена, а украинскую нацию, к которой он себя причисляет: «Я – украинец, представитель одной из древнейших наций на планете, создавшей европейскую цивилизацию. Просто на определенном этапе у нас украли наше историческое первенство и попытались превратить в неполноценное быдло. В чем-то это удалось» [6]. Говоря о том, что он представитель одной из древнейших наций на планете, В. М. Бебик выстраивает свою историческую идентичность и прилагает усилия к тому, чтобы потребители подобного контента поступали также. Стоит обратить внимание, что украинская нация появляется в этих рассуждениях еще до того, как была создана европейская цивилизация.

Однако в других случаях В. М. Бебик говорит не об украинцах, а о праукраинцах, к которым причисляет, например, скифов. В разных выступлениях и публикациях В. М. Бебика встречается упоминание об одних и тех же исторических общностях и как об праукраинских, и как об украинских. Скорее всего, для профессора это одно и то же.

Историческая идентичность, предлагаемая В. М. Бебиком, заставляет потребителей концепции видеть себя наследниками великой нации, давшей миру практически всё. В 2012 г. вышла книга В. М. Бебика «Тисячолітня Україна: доісторичні цивілізації та глобальні релігійно-політичні доктрини» [7]. На нее на сайте Львовского университета появилась рецензия, в которой говорилось: «Итак, в книге Валерия Бебика “Тысячелетняя Украина” подтверждается тезис о том, что все известные классические древние цивилизации имели некую общую предшествующую цивилизацию. Подтверждение этой гипотезе историки нашли среди археологических памятников, найденных в Украине. Эти находки значительно древнее известных классических культур. Это дает основания говорить о глобальной цивилизации с центром в Украине, которая имела влияние на все последующие культуры мира. Также в книге исследовано культурное и религиозное влияние украинских предков на другие культуры мира. Отдельное место в книге отведено и происхождению украинцев как нации, значительно отличающейся от российской идеологической версии» [8]. Примечательно, что рецензия начинается совами «Сосед – один из наизлейших врагов украинца» [8].

Естественно, что исторические конструкции В. М. Бебика подвергаются критике в России. Более того, некоторые украинские журналисты понимают, что подобное представление об исторической идентичности скорее вредит образу Украины [9]. Оригинальные исторические изыскания доктора политологии беспокоят также и украинских историков. В 2012 г. в украинском журнале «Археология» было опубликовано открытое письмо, посвященное псевдоисторическим изысканиям В. М. Бебика [10]. Однако должного эффекта оно не принесло. После очередного выдвижения В. М. Бебика на соискание государственной премии им. Т. Шевченко в 2014 г. украинские археологи опубликовали еще одно открытое письмо, где кратко описали исторические фальсификации, созданные В. М. Бебиком. Ученые сравнили его исследования с заявлениями российского «знатока истории» М. Н. Задорнова, но уточнили, что последний все же юморист, посоветовав В. М. Бебику перейти «на эту ниву» [11]. Своих критиков В. М. Бебик определяет однозначно, утверждая, что собственными исследованиями наживает «врагов среди научного чиновничества и антиукраинских сил, которые продолжают занимать ведущие позиции в Украине» [6]. Открытое письмо В. М. Бебик рассматривал как «донос в сталинском духе», написанный «историками КПСС, которые не могут выйти за границы своей парадигмы» [9].

Однако конструирование исторической идентичности поддерживается рядом лиц, в том числе и учеными. В частности, президент университета «Украина» П. М. Таланчук после открытого письма Союза археологов вступился за своего сотрудника, указав, что В. М. Бебик «настоящий патриот, сознательный украинец, отстаивающий интересы нации», который «снимает пелену с глаз обманутых украинцев» и «пытается восстановить историческую правду, отбросив шовинистическую московскую ложь» [9]. Комментируя открытое письмо археологов, П. М. Таланчук сказал, что, хотя и не понимает сущности спора, но считает, что последнее написано не учеными, а пропагандистами [9].

О том, что концепции древнего украинского величия в украинском обществе не являются уделом информационной периферии говорят как российские наблюдатели [12], так и украинские [9]. Причем украинские критики более категоричны. В частности, доцент Киево-Могилянской академии И. В. Лосев «уверен, что труды одиозного профессора являются отражением сущности многих украинцев»: «Беда Украины в том, что в ней лишь около четверти населения подлинные патриоты, примерно столько же – откровенные враги украинской государственности. А все остальные – условные бебики: самоуверенные, поверхностные, необразованные, но с дипломами о высшем образовании, по-средневековому верящие в чудо и жаждущие его, – убежден И. В. Лосев. – Они испытывают комплекс неполноценности относительно пути украинцев в истории и постоянно пытаются компенсировать его различными фантастическими теориями. В наших условиях появление таких фигур более чем закономерно» [9].

Новую историческую идентичность более эффективно формировать через школьную учебную литературу, т. к. всеобщее среднее образование охватывает практически всех детей. К тому же школьники еще не обладают устоявшимся критическим мышлением, чтобы противостоять фальсификациям. В 2014 г. В. М. Бебик заявил, что в украинских учебниках истории до сих пор «доминирует немецко-российская версия», утверждающая, что древние цивилизации Европы и Азии не имеют отношения к украинцам. Но ситуация, по мнению В. М. Бебика, постепенно меняется [5]. Еще в одном интервью он заявил: «Пройдет совсем

немного времени, и учебники по истории перепишут на основе моих наработок. Конечно, я тоже могу в чем-то (мелком) ошибаться. Но в главном я абсолютно уверен: украинцы – избранная Богом нация и у нас своя историческая миссия во Вселенной» [6].

Создавая новую историческую идентичность, В. М. Бебик хочет, по его же словам, излечить украинцев от комплекса неполноценности [5]. Видимо, он сам искренне верит в собственные концепции. В то время, когда государству требуется ускоренно формировать новую историческую идентичность, восприимчивую к пропаганде в ситуации перманентного кризиса, наработки В. М. Бебика могут быть взяты на идеологическое вооружение. Тем более, что его теории публикуются в научных журналах, государственной периодике, транслируются различными средствами массовой информации, т. е. заметны в украинском информационном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
2. Cities-54: Триполье. Часть 2. Нижний музей «Древняя Аратта – Украина» и набережная // Машина времени следует по расписанию (Блог журналиста Григория Мельничука) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://questum.livejournal.com/193312.html>. – Дата доступа: 01.10.2023.
3. Лях, Р. Д. Історія України: Підруч. для 7-го кл. Вид. 4-те, виправ. / Р. Д. Лях, Н. Р. Темірова. – К. : Генеза, 2005. – 187 с.
4. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. Пер. с фр. – М. : Высшая школа, 1992. – 350 с.
5. Валерій Бебик: «Лікуємо українців від комплексу меншовартості» // Журнал Верховної Ради України «Віче» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://veche.kiev.ua/journal/4424/>. – Дата доступа: 01.10.2023.
6. Валерій Бебик: «Якби я був неправий, мене б давно змішали з лайном!..» [архивная копия от 27.10.2020] // Гармонія-Інфо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20201027063500/http://www.harmony.com.ua/text/3214.html> – Дата доступа: 01.10.2023.
7. Бебик, В. М. Тисячолітня Україна: доісторичні цивілізації та глобальні релігійно-політичні доктрини: [Навчально-методичний посібник] / В. М. Бебик. – Київ-Ужгород. – 2012. – 280 с.
8. Майстренко, Д. Україна – колыска світової цивілізації [архивная копия от 26.10.2013] / Д. Майстренко // Львівський національний університет імені Івана Франка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131026151406/http://www.lnu.edu.ua/lknp/stud/nar-16.php>. – Дата доступа: 01.10.2023.
9. Дмытрив, А. В начале была Украина. Валерий Бебик и его псевдоисторическая теория всего / А. Дмытрив // Bird In Flight [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/portret/vnachale-byla-ukraina-valerij-bebik.html>. – Дата доступа: 01.10.2023.
10. Відкритий лист редколегії журналу «Археологія» до мас-медіа // Археологія. – 2012. – № 3. – С. 142–148.
11. Відкритий лист з приводу чергового висунення професора В. Бебика на здобуття Державної премії ім. Т. Шевченка // Спілка археологів України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vgosau.kiev.ua/novyny/zvernennya/564-lyst-bebyk>. – Дата доступа: 01.10.2023.
12. Манчук, А. Профессор Бебик и украинский Буддо-Христос / А. Манчук // Украина.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/20170419/1018558875.html>. – Дата доступа: 01.10.2023.

УДК 101.1:316 (043.3)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Кравцов О. Ю.

*соискатель Национального института образования
магистр политических наук
г. Минск, Беларусь*

На современном этапе исторического развития, в условиях ускорения времени и перманентного структурного усложнения социальных систем, такая сущностная характеристика как *кризис* становится ключевой при описании мировых экономических и политических отношений. Настоящее в данных обстоятельствах видится как деградация и разрушение

привычного порядка, а в оценках ближнесрочной перспективы многократно возрастает влияние таких факторов, как неопределенность и непредсказуемость. В проекте новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь геополитическая напряженность и поляризация мировых отношений идентифицированы как основные тенденции современного мира [1]. Среди характерных черт современности также следует выделить:

принципиальную недостижимость политической стабильности в ближне- и среднесрочной перспективе;

прогрессирующую напряженность в отношениях между «старыми» и «новыми» центрами силы (финансово-промышленными центрами), а также субъектами, представляющими разные культурно-цивилизационные общности;

высокую вероятность прямого военного столкновения между «Западным» и «Восточным» блоками, включая возможность применения сторонами конфликта ядерного оружия;

временное ослабление глобального исторического тренда на интеграцию и объединение человечества в единую цивилизацию, который в текущих условиях отчасти сменяется трендом на регионализацию и размежевание [2, с. 582; 3, с. 36; 4, с. 900].

Методология социально-философского прогнозирования предполагает не только идентификацию трендов, определяющих социальную динамику, но и осмысление сущностных первопричин, задающих данные тренды. В наиболее общих чертах первопричина поляризации мировых отношений могла бы быть сформулирована, как *накопление фундаментальных противоречий между глобальными социально-политическими субъектами, прежде всего между странами «коллективного» Запада и Востока* (последний, на наш взгляд, уместнее называть «не-Западом» или «анти-Западом»). Однако, столь абстрактное диалектическое обобщение требует конкретизации, которая не может быть произведена вне философско-мировоззренческих и методологических рамок релевантных социально-философские теорий.

Классики мир-системного анализа критически оценивали возможность концептуальной смены мироустройства, при этом допускали перемещение мирового центра капитализма из США в Китай [5; 6, с. 68, 418, 424–426, 444–445]. При этом, полномасштабная война между старым и новым центрами рассматривалась как одна из возможных форм противоборства. В самом процессе быстрого наращивания мощи развивающихся стран Дж. Арриги видел угрозу, заключающуюся в искушении бросить вызов мировой гегемонии. В качестве примера он приводил Германию и Японию, действия которых в XX веке привели эти страны к катастрофе [6, с. 420–421]. Японию прошлого века он сравнивал с мотыльком, полетевшим на огонь. В нашем случае, очередным мотыльком вполне может оказаться переоценивший свои силы Китай. Кроме того, мир-системный подход апеллирует к принципу избыточности, который позволяет исключать из мир-системных отношений отдельные государства и регионы, что несет дополнительные риски для стран не-Запада.

Апологеты локально-цивилизационной теории А. Тойнби и С. Хантингтон считали невозможным единство цивилизаций, которые пребывают в постоянном конкурентном противоборстве. Война между цивилизациями (противостояние между Западом и остальным миром, не желающим перенимать западную систему ценностей и социального устройства) в обозримом будущем представляется естественной формой взаимодействия [7]. При этом, стоит отметить, что теория локальных цивилизаций, потерявшая актуальность в западной науке, активно задействуется незападными сообществами как идейная основа для противостояния капиталистическому миропорядку и глобализации по западному образцу. На наш взгляд, сам факт обращения теми или иными сообществами к данной теории свидетельствует о выборе в пользу конфронтации. (В связи с этим И. Валлерстайн охарактеризовал цивилизационный подход как «идеологию слабых», как форму протеста стран третьего мира против развитых стран «ядра» современной мир-системы [8, с. 70–73]).

Таким образом, положения мир-системного подхода позволяют объяснить глобальную тенденцию к поляризации мировых отношений образованием альтернативного мирового центра капитализации в лице Китая, готового заменить старый в лице Соединенных Штатов Америки (США). Обращение стран не-Запада к дискурсу многополярности (геополитическому проявлению локально-цивилизационной концепции) свидетельствует о выборе в пользу конфронтации со «старым» центром силы и готовности к объединению в антизападный блок для достижения общей цели.

Следует отметить, что данная ситуация, на наш взгляд, таит в себе серьезное противоречие, выраженное в потенциальном конфликте интересов участников антизападного блока. В первую очередь, это касается глобальных интересов Китая, для которого обращение к данному дискурсу может рассматриваться как инструмент для расширения зон влияния и привлечения на свою сторону сторонников в целях свержения старого гегемона. После чего дискурс многополярности, с высокой долей вероятности, исчерпает для Китая свою актуальность. Кроме того, локально-цивилизационная (многополярная) модель мироустройства, наследует (более того – актуализирует) такие форматы взаимоотношений, как конкуренция и конфликт между субъектами, которые необходимо обостряются в ходе низвержения старой системы и ее гегемона (структура антизападного блока представлена потенциально враждебными друг другу субъектами, общие интересы которых ограничены исключительно враждебностью к Западу. В этом смысле диалектически Запад продолжает оставаться главным смысло- и системообразующим элементом для анти-Запада.) По достижению цели существования, сам антизападный блок, к характеристикам которого, кроме конфликтогенности, следует добавить также конъюнктурность и краткосрочность, по-видимому, ожидает самороспуск.

Таким образом, глобальные процессы нестабильности, привычно идентифицируемые, как переход от однополярного мира к многополярности, на наш взгляд, уместнее трактовать, как смещение к биполярности, при которой образуется второй (противоборствующий, антагонистический) полюс под главенством Китая. При этом, следует отметить, что переход к мировой биполярности де-факто уже состоялся. Однако, данная биполярность не является переходной стадией к многополярности, а представляет собой состояние перехода к новой однополярности под гегемонией нового лидера. Усиление антизападного блока и тем более, образование новой однополярности потребует принятия общего языка взаимодействия и единых, разделяемых членами блока норм, правил и принципов взаимодействия. Вполне допустимо, что роль языка антизападной интеграции будет выполнять язык лидера, в нашем случае – китайский (равно как английский выполняет эту функцию в западном мире, а русский выполнял ее в социалистической системе времен Союза Советских Социалистических Республик (СССР)). В основу мировоззренческой модели, очевидно, будут приняты ценности-антиподы западного общества: несменяемость власти, культ личности, снижения статуса свободной личности, коллективизм, приоритет общего над частным и общественного над личным. На наш взгляд, глубинные причины конфронтации и противостояния Западу со стороны стран антизападного блока расположены не в области экономики (как утверждает мир-системная теория) или культуры (как утверждает концепция локальных цивилизаций), а в области психологии и личных внутригрупповых интересов правящих элит. Среди таких причин следует выделить:

- нарастающий ценностный, интеллектуальный и мировоззренческий разрыв на уровне массового и индивидуального сознания в странах западного и антизападного блоков;

- амбиции, имперско-реваншистские групповые и личностные комплексы в правящих элитах и у отдельных политических лидеров, недовольство своим местом и статусом в капиталистической системе мироустройства;

- нежелание правящих элит терять властные позиции, внутренняя неспособность к конструктивным изменениям.

На основе существующих трендов, вариантами снятия накопленных противоречий могут стать:

- Война между западным и антизападным блоками, в том числе с применением ядерного оружия.

- Самоизоляция отдельных стран и групп стран, вплоть до полного разрыва отношений с Западом (вычленение не-Запада из капиталистических мир-системных отношений).

- Подчинение одних другим посредством победы в военном и/или информационно-экономическом противоборстве.

Методологически, в качестве четвертого варианта следовало бы указать приход к консенсусу путем выработки общих ценностей и правил, однако, на наш взгляд, данный вариант располагается за пределами реальных возможностей по причине принципиальной несовместимости ценностных ориентаций и мировоззренческих моделей (если не признать консенсусом размежевание).

Следует отметить, что главной характеристикой будущего является его неопределенность, то есть наличие потенциальных вызовов и угроз. Однако, кроме вызовов и угроз, будущее всегда включает в себе дополнительные возможности. А значит, осознанное управление будущим включает не только идентификацию и противодействие угрозам, но и выявление, и использование открывающихся возможностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 от 6 марта 2023 г. «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 14.09.2023.
2. Кравцов, О. Ю. Социальное прогнозирование в эпоху трансформации миропорядка и гибридных конфликтов / О. Ю. Кравцов // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей (научное электронное сетевое текстовое издание) / Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». – Могилев, 2023. – С. 581–584.
3. Кравцов, О. Ю. Социальное прогнозирование в эпоху военно-политической турбулентности и трансформации миропорядка / О. Ю. Кравцов // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества (Глобальный мир в эпоху политической турбулентности, экономических санкций и информационных войн) : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 дек. 2022 г. / Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2022. – С. 35–39.
4. Кравцов, О. Ю. Социально-политическое прогнозирование: проблемы, тренды, перспективы / О. Ю. Кравцов // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. науч. тр. Междунар. ун-т «МИТСО». – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – 1044 с.
5. Франк, А. Г. Нет никаких цивилизаций: единство и непрерывность в разнообразии, или многосторонняя и энтропийная парадигмы для мира сегодня и завтра / А. Г. Франк // Прогнозис. – 2007. – № 4. – С. 3–23.
6. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Электронный ресурс] / С. Хантингтон. – 2020. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>. – Дата доступа: 26.02.2020.
8. Крадин, Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: Модели и теории / Н. Н. Крадин. – М. : ЛКИ/URSS, 2008. – С. 166–200.

УДК 339.924

ИНТЕГРИРОВАННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Лабоцкая А. А.

*научный сотрудник Центра системного анализа
и стратегических исследований НАН Беларуси
магистр юридических наук
г. Минск, Беларусь*

Интегрированная информационная система Евразийского экономического союза (далее – интегрированная система) представляет собой организационную совокупность территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, информационных ресурсов и информационных систем Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия), объединенных национальными сегментами государств-членов и интеграционным сегментом ЕЭК.

Интегрированная система предназначена для обеспечения межгосударственного обмена данными и электронными документами в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), создания общих для государств-членов информационных ресурсов, реализации общих процессов, а также обеспечения деятельности органов ЕАЭС [1]. В соответствии с Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Союза (приложение 3 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. [2]) на основе расширения функциональных возможностей интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли проводятся работы по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной системы, которые осуществляются на основании планов, разрабатываемых во взаимодействии с уполномоченными органами и утверждаемых Советом

ЕЭК (например, Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии «О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на 2022 год» от 2 декабря 2021 г. № 25 (в ред. Распоряжений Совета ЕЭК от 18.02.2022 № 6, от 17.03.2022 № 13, от 19.08.2022 № 23, от 25.11.2022 № 50)).

Начало проекта по созданию интегрированной системы внешней и взаимной торговли было положено 21 сентября 2010 года с заключения правительствами государств-членов Таможенного союза Соглашения о создании, функционировании и развитии интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза. Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного Союза) на уровне глав правительств от 19 ноября 2010 г. № 60 была утверждена концепция создания интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли, в которой определена архитектура интегрированной системы, а также введено системообразующее понятие «общий процесс Таможенного союза». В развитие положений концепции Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2011 г. № 771 утверждено техническое задание на создание интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли, в котором в том числе зафиксирован состав ключевых функциональных и обеспечивающих подсистем.

Цели создания интегрированной системы направлены на информационную поддержку интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза, и расширение практики использования электронного обмена данными как между органами государственной власти государств-членов Союза, так и государственных органов с гражданами и хозяйствующими субъектами.

Развитие интегрированной системы Евразийского экономического союза изображено на рисунке.

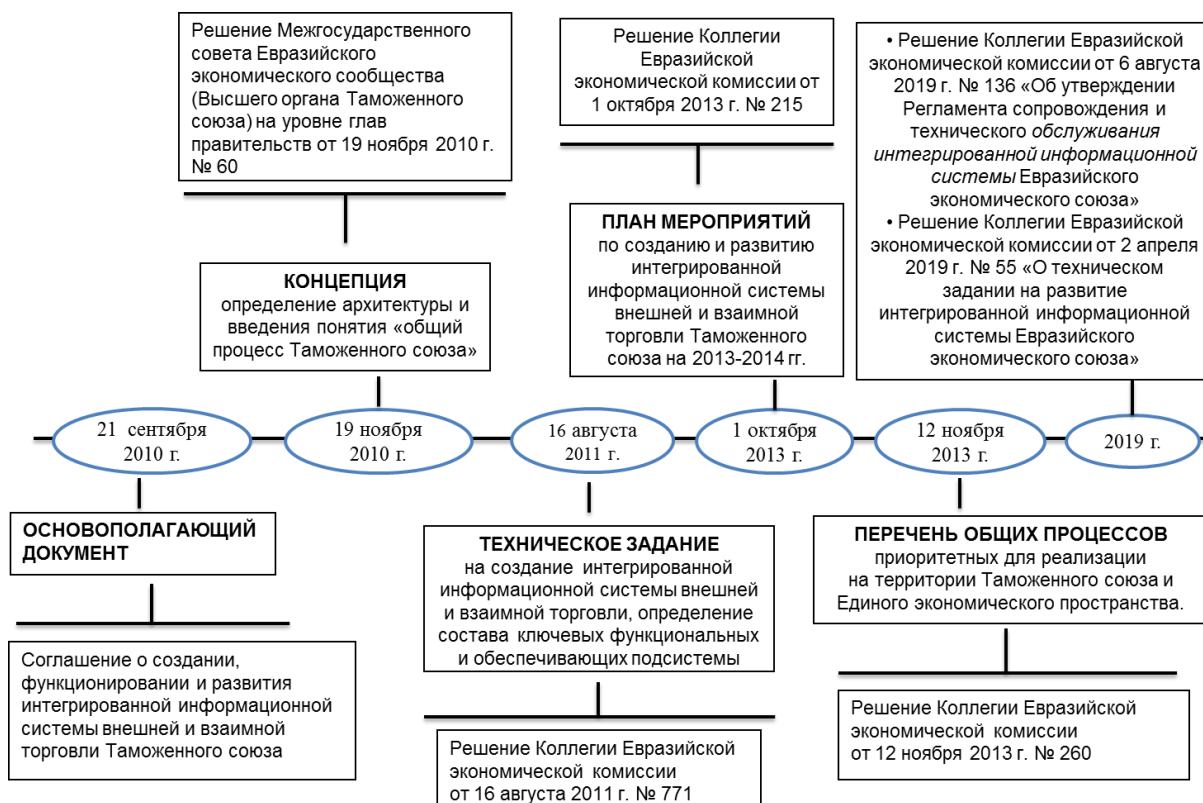

Рисунок. Развитие интегрированной системы Евразийского экономического союза

ЕЭК определяет перечень общих процессов в рамках ЕАЭС, технологию реализации общих процессов в рамках ЕАЭС, порядок и регламент направления и получения сообщений (запросов) в процессе взаимодействия, требования к электронному виду документов (электронным документам). Интегрированная система представляет собой совокупность интеграционного

сегмента ЕЭК и национальных сегментов, объединяемых защищенными каналами передачи данных. Взаимодействие между сегментами интегрированной системы обеспечивается за счет использования единой интеграционной платформы, включающей в себя интеграционные шлюзы, входящие в состав каждого из сегментов интегрированной системы.

В целях гармонизации взаимодействия разработанное Комиссией программное обеспечение интеграционных шлюзов безвозмездно передано государствам-членам и используется в Республике Армения, Республике Беларусь, Кыргызской Республике и Российской Федерации (в Республике Казахстан подобное программное обеспечение разработано самостоятельно). Интегрированная система включает в себя функциональные и обеспечивающие подсистемы, реализуемые в интеграционном сегменте ЕЭК. Национальные сегменты функционально включают в себя систему межведомственного информационного взаимодействия, подсистему доверенной третьей стороны национального сегмента, подсистему мониторинга и управления и подсистему защиты национального сегмента. Реализацию общих процессов на территории государства-члена обеспечивают информационные системы уполномоченных органов, функционально не входящие в состав национального сегмента.

Заказчиком-координатором работ по созданию интегрированной системы, а также заказчиком интеграционного сегмента является ЕЭК.

Заказчиками национальных сегментов государств-членов являются:

- Аппарат Правительства Республики Армения;
- Министерство связи и информатизации Республики Беларусь;
- Министерство цифрового развития, оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан;
- Государственный комитет информационных технологий и связи Кыргызской Республики;
- Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Организация совместной работы информационных систем государств-членов с информационными системами Комиссии обеспечивается за счет:

- создания защищенной инфраструктуры межгосударственного взаимодействия в электронном виде;
- использования централизованных информационных ресурсов;
- унификации и гармонизации форматов электронных документов.

Для целей обеспечения унификации применяемых организационных и технических решений при создании, развитии и функционировании интегрированной системы, поддержания надлежащего уровня защиты информации Комиссия координирует разработку проектов технических, технологических, методических и организационных документов и утверждает их.

На сегодняшний день работы по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной системы выполняются в соответствии с Целевой программой развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза до 2027 года, утвержденной Решением Евразийского межправительственного совета от 21 октября 2022 года № 2, которая определяет направления развития интегрированной системы ЕЭАС до 2027 года, а также содержит среднесрочные планы развития интегрированной системы на 2023–2025 годы и 2026–2027 годы. Также Решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 года № 7, утверждена Концепция трансграничного информационного взаимодействия (далее – Концепция), определяющая общие подходы к организации информационного взаимодействия юридических лиц (хозяйствующих субъектов) государств-членов между собой и с уполномоченными органами государств-членов. Говоря о Концепции, невозможно не упомянуть о Стратегии развития трансграничного пространства доверия (далее – Стратегия) (утверждена Решением Коллегии ЕЭК от 27 сентября 2016 года № 105). Указанная Стратегия направлена исключительно на реализацию условий обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами и не препятствует государствам-членам принимать меры, необходимые для обеспечения своей внешней и внутренней безопасности.

Так, информационный портал ЕЭАС предназначен для обеспечения регламентированного доступа пользователей различных категорий к информации о Союзе, его органах и их деятельности, а также к общим информационным ресурсам Союза, формируемым средствами

интегрированной системы при реализации общих процессов, в том числе к нормативно-справочной, нормативно-правовой, статистической и аналитической информации.

Информационный портал ЕЭАС состоит из следующих вкладок:

- Евразийский экономический союз;
- Евразийская экономическая комиссия;
- суд Евразийского экономического союза;
- правовой портал Евразийского экономического союза;
- портал общих информационных ресурсов и открытых данных.

Информационно-аналитическая подсистема предназначена для сбора данных из различных источников и их аналитической обработки, моделирования, прогнозирования и оценки базовых показателей, характеризующих направления развития Союза и реализации основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов, на основе формирования и анализа консолидированной информации, подготовки аналитических отчетных форм и публикаций.

Информационный портал Союза содержит много подсистем:

- подсистема статистики;
- подсистема управления проектами и программами;
- подсистема анализа областей рисков;
- подсистема специализированного документооборота;
- подсистема таможенно-тарифного и нетарифного регулирования;
- подсистема технического регулирования;
- подсистема управления общими процессами;
- интеграционная платформа интегрированной системы;
- подсистема ведения нормативно-справочной информации, реестров и регистров;
- подсистема информационной безопасности;
- подсистема мониторинга и управления;
- подсистема ДТС в составе службы ДТС интегрированной системы;
- удостоверяющий центр службы ДТС;
- удостоверяющий центр Комиссии.

В Решении Коллегии ЕЭК «О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза» [3] указана информация, для чего предназначены вышеперечисленные подсистемы.

Таким образом, в рамках создания, обеспечения функционирования и развития интегрированной системы:

- разработано 16 подсистем;
- создан интеграционный сегмент Комиссии (платформа для формирования и предоставления доступа к общим информационным ресурсам);
- внедрен информационный портал в сети Интернет (официальный сайт Союза, портал нормативно-правовой информации и проч.);
- обеспечивается формирование и ведение 48 общих информационных ресурсов (цифровых реестров, перечней, справочников, классификаторов) и предоставление к ним доступа для граждан, хозяйствующих субъектов и госорганов сторон;
- создана нормативно-правовая и технологическая основа для функционирования трансграничного пространства доверия в рамках Союза;
- разработаны и приняты основополагающие нормативно-правовые акты, разработан программно-аппаратный комплекс «доверенной третьей стороны»;
- проведена «оцифровка» более 75 общих процессов информационного взаимодействия [4].

Прослеживается расширение государствами-участниками совместного развития и совершенствования интегрированной системы ЕЭАС, путем их участия в отдельных программах, направленных на углубление интеграции, а также активного принятия ЕЭК многочисленных документов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Интегрированная информационная система Евразийского экономического союза (интегрированная система) // Интегрированная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://system.eaeunion.org/#about>. – Дата доступа: 03.10.2023.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (ред. от 24.03.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2023. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 03.10.2023.

3. О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 сентября 2022 г. № 125 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426367/. – Дата доступа: 03.10.2023.

4. Координация работ по созданию ИИС Союза // ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/inftech/iis/#:~:text=Интегрированная с истема представляет собой организационную, сегментами государств-членов и интеграционным.> – Дата доступа: 03.10.2023.

УДК 327.7

СТРАНЫ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ШТОРМА

Мигранян А. А.

ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН

доктор экономических наук, профессор

г. Москва, Россия

Опыт экономического развития в странах постсоветского периода в 2022 г. отличался высокой адаптивностью, новыми форматами экономического сотрудничества, растущими рисками и неопределенностью. Вместе с тем странам евразийского региона удалось не только сохранить темпы экономического роста, но и в большинстве случаев создать новую систему экономических отношений, учитывающих санкционные ограничения беспрецедентного масштаба. За этот период были созданы новые логистические коридоры международной торговли, системы электронной торговли, определились тенденции структурной реорганизации национальных экономических систем. В этих условиях изменения макроэкономических показателей в странах ЕАЭС в полной мере отражали их потенциал, риски и способность интегрирования в новые форматы сотрудничества. Темпы экономического роста стран Союза отличаются в зависимости от их включенности в каналы передачи санкционных эффектов.

Негативные прогнозы развития экономической ситуации в странах ЕАЭС весной 2022 г. после ввода антироссийских санкций были основаны, прежде всего, на пессимистичных предсказаниях кризиса российской экономики (падение ВВП от 6–8 % до 12 %). Предполагалось, что распространение «эффекта заражения» кризисом российской экономики может привести к значительному спаду с учетом степени интегрированности экономик стран Содружества Независимых государств (СНГ) (в меньшей степени) и ЕАЭС (в большей). Фактические итоги 2022 г. демонстрируют иную картину по региону независимо от интенсивности экономического сотрудничества стран региона с Россией.

В начале 2022 г. (I квартал) в ЕАЭС доминировали опасения высоких рисков переноса негативных эффектов санкционного спада российской экономики на страны партнеры и даже возникали призывы о необходимости восстановления торговых и экономических барьеров с Российской Федерацией (РФ). Однако устойчивость российской экономики уже к концу первого полугодия позволила нивелировать негативные эффекты ценовых шоков на мировых рынках, что стало точкой притяжения не только для стран ЕАЭС, но и в целом всех стран зоны свободной торговли в рамках СНГ. Таким образом, уже к концу первого полугодия инфляционное давление, обусловленное ценовыми шоками на рынках минерального сырья, металлов и удобрений, было компенсировано ростом рентабельности торговых сделок для стран-партнеров за счет переноса части доходов по торговым операциям российских компаний контрагентам из стран СНГ/ЕАЭС, ростом спроса на внутренних рынках и ростом объемов производства сервисных и локальных отраслей стран-партнеров.

Страны ЕАЭС можно классифицировать по используемым каналам перераспределения доходов в зависимости от национальных экономических моделей и форм сотрудничества с российской экономикой. Выделяются несколько каналов передачи дополнительной страховой и/или дисконтной маржи от прямого или опосредованного сотрудничества с российскими резидентами.

1. *Первый (традиционный) канал:* дотирование экономик стран ЕАЭС через механизм ценообразования на поставляемые Россией энергоресурсы. Заниженные цены на энергетические ресурсы фактически являются элементом скрытого субсидирования экономик стран Содружества практически все годы их независимости, но особенно явно данный механизм проявился в 2022 г., когда мировые цены на нефть (его производные) и газ выросли в несколько раз. Такой формат сотрудничества также можно рассматривать как устоявшуюся форму перераспределения доходов российского бюджета в пользу экономик стран ЕАЭС, в исследуемом периоде он стал одним из важных механизмов сдерживания инфляции в этих странах.

2. *Второй канал:* в результате санкционных ограничений стало возможным получение повышенного дисконта по экспортным операциям с энергетическими ресурсами из-за повышенных рисков и ценовой волатильности на мировом энергетическом рынке. Применительно лишь к странам экспортёрами минерального топлива (Казахстан).

3. *Третий канал:* участие во внешнеторговых сделках и операциях между российскими агентами и представителями третьих стран. Предполагает наличие транзитной логистической инфраструктуры (Казахстан) и развитой инфраструктуры финансового сектора и торговли товарами и услугами (Армения, Киргизия), использование которых позволяет странам получать дополнительный доход за счет повышенных страховых премий, ценового дисконта, увеличения стоимости транспортных и накладных торговых расходов российских участников.

4. *Четвертый канал:* приток капиталов за счет роста переводов физических лиц (мигрантов и релокантов), смены юрисдикции и перенос части производства предприятий из России (практически все страны ЕАЭС). Это стимулирует рост внутреннего спроса и развитие сектора гостеприимства, а также индустриализацию (в некоторых случаях развитие новых отраслей, например, машиностроение, цифровизации) промышленного сектора и сферы услуг.

Можно выделить следующие основные тренды развития экономической ситуации в странах ЕАЭС в новых условиях радикальной трансформации внеэкономических отношений:

1. Санкции активизировали процессы неформальной интеграции в рамках ЕАЭС. Взаимодействие подсанкционных Беларуси и России после усиления проектных инструментов сотрудничества в рамках Союзного государства стало расширяться. Дезинтеграционное действие санкций на евразийскую интеграцию в 2022 г. не оправдалось. Дальнейшее развитие евразийской интеграции может поддерживаться путем внедрения новых инструментов и проектов, нацеленных на устранение национальных барьеров для взаимной торговли и инвестиций, а также за счет перехода в расчетах на национальные валюты, создания единых отраслевых рынков, широкоймежгосударственной координации развития новых специализаций и производственных компетенций. В целом в 2022 г. значение ЕАЭС и СНГ для устойчивости экономики РФ и ее партнеров существенно возросло.

2. Успех сотрудничества будет зависеть от решения институциональных задач – внедрения альтернативной доллару системы взаимных расчетов, развития логистики и инфраструктуры, становления ориентированного на новые рынки маркетинга, формирования соответствующего кадрового потенциала.

3. В складывающихся условиях необходима координация развития альтернативных международных транспортных коридоров и стимулирование развития международных компаний, активно использующих возможности регионализации в разных форматах.

4. В целом же экономические последствия от гибридного конфликта Запада и России в ближайшие годы выразятся в сокращении доходности внешней торговли России и стран Европы и повышении доходов от посреднической и заместительной торговли для стран нейтрального СНГ. Доля этих стран в мировой экономике будет уверенно увеличиваться, экономики приобретут новые специализации и компетенции.

СВОБОДА ЗНАНИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Осадчая Г. И.

*руководитель отдела Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия*

Юдина Т. Н.

*главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
доктор социологических наук, профессор
г. Москва, Россия*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью использования в условиях усиления мировой нестабильности дополнительных механизмов и инструментов повышения результативности интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе. Страны-члены ЕАЭС ведут поиск оптимальной модели межгосударственных отношений в гуманитарной сфере [1]. С самого начала развития евразийской интеграции принимались меры по созданию единой образовательной среды. В поле зрения оставалась проблема сохранения русскоязычного пространства в Евразии, как основы российского культурного присутствия. Сотрудничество стран ведется также и в сфере науки, медицины, культуры, литературы, искусства, спорта, проводятся совместные мероприятия.

Однако в настоящее время отмечается сужение области применения русского языка. За последние 30 лет в странах СНГ в 2,8 раза сократилось количество русскоязычных школ, а число обучающихся на 40% [2]. Сотрудничество ведется в рамках двусторонних договоров и соглашений между Россией и странами-членами [3–9], отдельных инициатив, мероприятия носят событийный, локальный характер и имеют недостаточный интеграционный эффект. На наднациональном уровне нет правовой и договорной основы для интеграционных инициатив и реализации масштабных проектов. Нет полномочий ведения социально-гуманитарной работы у Евразийского экономического союза. Не в полной мере используется ресурс созданных ассоциаций, центров, различных объединений. В результате переинтерпретации советской истории для обоснования нового политического порядка и права на проведение суверенизации в молодых возрастных группах усиливается отрицание опыта СССР и снижается поддержка интеграции. В представлениях граждан государств-членов нет приемлемого большинства, отмечается раскол в суждениях и позиции в оценке глубины интеграционных процессов [10, с. 223–248].

Долгожданным для начала движения в направлении развития социогуманитарного сотрудничества стало утверждение в декабре 2020 года Высшим Евразийским экономическим советом «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹. В этом документе сформулированы рамки экономического взаимодействия в области образования, здравоохранения, туризма и спорта. Пожалуй, впервые подробно были обсуждены перспективы развития гуманитарного сотрудничества в рамках евразийской интеграции 26 мая 2022 года на Первом Евразийском международном экономическом форуме. В ходе панельной дискуссии были названы механизмы, конкретные инструменты социально-гуманитарного сотрудничества, которые могут способствовать последовательному созиданию евразийской идеи. Предложенные меры представляют собой систематизацию рекомендаций экспертов, сформулированных в последние годы (по разработке продуктивных коммуникативных проектов, носящих массовый характер, нацеленных на большую аудиторию, формирующих потенциал сближения стран и народов, созданию единого образовательного пространства, внедрению в учебный процесс совместных образовательных программ, учебников, в которых бы нашло отражение историческое и культурное единство наших стран) отражают критические точки развития социально-гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС и могут способствовать символическому оформлению интеграционного курса, созданию публичного дискурса в медиа, продвижению интеграционных идей, евразийской проблематики в пространство всех постсоветских государств, формированию

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 г. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_. – Дата доступа: 04.01.2023.

повестки публичных дискуссий, социогуманитарной коммуникации между государствами, обществами². Эти инициативы получили развитие в ходе заседания 25 мая 2023 года в Кремле лидеров стран Союза. Было предложено добавить к известным четырем свободам – передвижения товаров, услуг, финансов и человеческого капитала в рамках ЕАЭС – пятую – свободу знаний³, которая будет реализовываться на основе общих принципов и стандартов образования, здравоохранения и государственного управления.

Конечно, пока это протокол о намерениях, где не обозначены субъекты социогуманитарного сотрудничества, не прослеживается системность мероприятий, не определены финансовые источники. Для успеха интеграции нужно планировать и анализировать в мониторинговом режиме гуманитарную составляющую сотрудничества, формирующиеся евразийские ценности, идеалы и нормы, развитие инфраструктуры и создание рабочих мест. Социально-гуманитарные проекты в рамках евразийской интеграции неизбежно потребуют нового содержания, интересного для молодежи и активных социальных групп. Они будут способствовать формированию общего социально-гуманитарного пространства народов ЕАЭС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Худоренко, Е. А. Интеграционный потенциал ЕАЭС: образование, культура, инновации / Е. А. Худоренко, Е. А. Константинова // Политическая наука. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 261–277.
2. Немчинова, Т. С. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза / Т. С. Немчинова, А. А. Музалев // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 52–57.
3. Григорян, Г. П. Гуманитарное измерение армяно-российских отношений / Г. П. Григорян // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 1. – С. 82–105.
4. Лазоркина, О. И. Гуманитарное измерение союзного государства России и Беларуси / О. И. Лазоркина // Постсоветские исследования. – 2018. – Т. 1. – № 6. – С. 550–555.
5. Муратшина, К. Г. Институты гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан / К. Г. Муратшина // Евразийство и мир. – 2020. – № 1. – С. 46–53.
6. Муратшина, К. Г. Институты гуманитарного сотрудничества России и Киргизии / К. Г. Муратшина, Н. В. Мамин // Вестник Удмуртского университета. – 2022. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 65–80.
7. Смирнова, А. В. Взаимоотношения России и Армении: исторические реалии и перспективы / А. В. Смирнова // Journal «Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research». – 2019. – № 4 (6). – С. 29–34.
8. Ушурелу, О. В. Особенности современных российско-молдавских взаимоотношений в гуманитарной сфере / О. В. Ушурелу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2017. – № 4. – С. 132–142.
9. Шнейдер, В. М. Основные аспекты сотрудничества России и Узбекистана в сфере образования на современном этапе / В. М. Шнейдер // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 7. – С. 1472–1476.
10. Осадчая, Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества / Г. И. Осадчая. – М. : Изд-во «Экон-Информ», 2021. – 346 с.

УДК 327.7

ОДКБ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Соловьев Э. Г.

руководитель Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН

кандидат политических наук

г. Москва, Россия

Глобализация, начатая индустриально развитыми странами Запада в собственных интересах, постепенно создала условия для экономического и технологического прорыва развивающихся стран и особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (Китай, Индия, Россия, Бразилия, ЮАР), а также региональных держав с исторически сложившимися лидерскими амбициями (Иран, Турция, Польша и др.). Уже к 2015 г. стало очевидно, что вопреки

² Основные тезисы Первого Евразийского экономического форума. Тематическая сессия «Евразийство как идея для объединения людей. Взгляд в будущее». – Режим доступа: https://www.alta.ru/images/news/files/2022/91225/itogovaya-rezolyutsiya_EEF. – Дата доступа: 03.02.2023.

³ Заседание Высшего Евразийского экономического совета. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71204/videos>. – Дата доступа: 02.10.2023.

афористичному утверждению Ф. Фукуямы, история «возвращается», происходит постепенная эрозия западного доминирования и униполярного мироустройства, сдвиг «богатства и влияния» на Восток, рост новых центров силы.

Эксперимент в духе концепций глобального управления заканчивается буквально на наших глазах. Возникает новый миропорядок, который на обозримую перспективу можно будет именовать либо «несовершенной биполярностью», либо «асимметричной полицентричностью», имея ввиду особую роль двух наиболее значимых по совокупным параметрам мощи центров силы (США и КНР) и очевидную способность проводить независимую политику и отстаивать внешний и внутренний суверенитет ряда иных мировых (Россия, Индия) и региональных (Бразилия, ЮАР, Турция, Иран и др.) держав. Ряд авторов правда утверждает, что США по-прежнему остаются «в особом классе», и никто не сможет бросить им вызов в обозримом будущем [см., например, 2]. Однако очевидное большинство полагает, что США обречены на противостояние с растущими центрами силы, прежде всего, КНР. И, несмотря на попытки самых маститых американских авторов выстроить некую неконфронтационную модель взаимодействия с Китаем, пока это все остается на уровне *wishful thinking* – крайне желательных, но трудновыполнимых на практике сценариев [см. об этом: 1; 5; 7; 8].

На практике происходит формирование двух длинных конфликтных циклов. Один возник вокруг противоречий по вопросам безопасности между странами Запада и Россией. Второй формируется вокруг борьбы за мировое политическое и экономическое лидерство между США (с примкнувшими странами Запада) и КНР. В зарождающемся новом миропорядке отношения становятся все более конкурентными, что уже накладывает отпечаток на ситуацию в разных регионах мира – в первую очередь, обладающих значительным собственным конфликтным потенциалом. В контексте происходящих изменений в системе международных отношений можно констатировать, что мировая политика вступила в турбулентную пост-однополярную эпоху, одной из основных черт которой станет возвращение к политическому реализму как интеллектуальной доминанте в интерпретации событий и принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, чем в последние десятилетия, международной среде.

Меняющаяся международная среда требует переосмысления подходов к обеспечению безопасности стран постсоветской Евразии. Одним из главных инструментов обеспечения безопасности РФ и союзников на постсоветском пространстве задумывалась созданная в 2002 г. Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В организационном смысле ОДКБ восходит к Ташкентскому договору о коллективной безопасности, заключенному между государствами СНГ в мае 1992 г. Реалии постсоветского мироустройства определили достаточно узкое предметное поле их сотрудничества в рамках Ташкентского договора, которое сводилось преимущественно к урегулированию локальных конфликтов и разделу арсеналов бывшей Советской армии. В результате часть стран СНГ не возобновила участие в Ташкентском договоре к 1999 г. Катализатором образования ОДКБ в его нынешнем виде стали рост напряженности на таджикско-афганской границе после прихода к власти талибов в Афганистане и Баткенские события 1999–2000 гг., связанные с проникновением крупных отрядов боевиков исламского движения Узбекистана на территорию Киргизии. В качестве ситуативного ответа последовало создание коллективных военных сил – ядра будущих КСБР Центрально-Азиатского региона. А в мае 2002 г. Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан объявили о создании ОДКБ, который выступил преемником Ташкентского договора 1992 года. Между 2006 и 2011 годами в состав организации также входил Узбекистан [см. об этом: 4; 13].

Развитие структур ОДКБ прошло несколько этапов. По специфике основных функций и институтов организация фактически заняла промежуточное положение между классическими военными союзами типа НАТО и многофункциональными политическими площадками, подобными ШОС и ОБСЕ. Переходный характер ОДКБ отражался в ее официальной классификации как «многофункциональной организации коллективной безопасности нового типа». Наряду с КСБР по Центральной Азии в 2007 г. были созданы коллективные миротворческие силы ОДКБ, насчитывавшие примерно 3600 военнослужащих, сотрудников правопорядка и гражданского персонала. А в 2009 г. были образованы коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) общей численностью до 20 тыс. чел., предназначенные для быстрого реагирования на угрозы безопасности по всей зоне ответственности ОДКБ.

Оценки тенденций развития и перспектив ОДКБ были неоднозначными на протяжении всего периода существования организации. Наряду с позитивными оценками вклада организации в обеспечение безопасности стран-участников появлялось немало критических отзывов. Как полагали скептики: «страны-участницы ОДКБ, в сущности, не нуждаются в ОДКБ для реализации своих стратегических целей. За ней закреплена некоторая координационная военно-политическая роль в Центральной Азии» [15, с. 335]. При этом даже в ЦА между членами ОДКБ Киргизией и Таджикистаном, а также между Казахстаном и Киргизией сохранялись весьма острые противоречия, – в том числе взаимные территориальные претензии [11, с. 46].

Вместе с тем, невозможно отрицать, что организация выполняла и выполняет ряд важных функций по стабилизации ситуации в регионе постсоветской Евразии, а в январе 2022 г. провела успешную миссию по поддержанию мира и стабильности в Казахстане. За два десятилетия своего существования ОДКБ продемонстрировала способность решать широкий круг задач. Организация создавалась как оборонительный военно-политический альянс, направленный против потенциального внешнего противника. Со временем, однако, образ внешнего противника все более размывался или локализовывался прежде всего на центрально-азиатском направлении. А сама организация превращалась в многофункциональное объединение, исходящее из широкого толкования угроз и вызовов безопасности. В задачи ОДКБ в результате входит купирование и нетрадиционных угроз, среди которых – экстремизм, терроризм, организованная преступность, нелегальная миграция, незаконный оборот оружия и наркотиков, информационная безопасность.

Вместе с тем, внутренний регламент ОДКБ не предполагал оперативной реакции на острые кризисные ситуации. Институциональная архитектура организации оставалась незавершенной, а потому вплоть до января 2022 г. (дестабилизация ситуации в Казахстане с участием внешних сил) в критические моменты организация реагировала на вызовы довольно медленно.

Массив основополагающих документов ОДКБ представляет собой набор из 5 деклараций, 26 официальных заявлений различного характера и 19 прочих нормативных актов [10, с. 44]. С точки зрения оперативности реагирования на вызовы определяющее значение имеют два документа: «Стратегия коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.» [9] и «Положение о порядке реагирования Организации Договора о коллективной безопасности на кризисные ситуации» от 2010 г. [12].

В частности, «Положение о порядке реагирования ОДКБ на кризисные ситуации» предусматривало следующую последовательность действий в ответ на обострение обстановки:

- мониторинг;
- подготовку предложений;
- принятие решений;
- реализацию решений.

На этапе «мониторинга» цепочка вовлеченных в работу инстанций, наделённых исполнительными либо совещательными функциями, включала в себя 5 звеньев. На этапе «подготовки предложений» цепочка удлинялась до 8 звеньев. На этапе «принятия решений» задействовались те же 8 звеньев. Наконец, в «реализации решений» были заняты 3 управленческих звена. Очевидно, что в случае серьезного кризиса столь громоздкий регламент оказывался практически неприменим.

И ситуация с «Положением» – это в общем не частная проблема. ОДКБ неплохо смотрелась в декорациях мирного времени, когда в контексте обеспечения безопасности требовалось поддержание минимальными ресурсами стабильности стран и региона в целом, и когда жизнь не ставила перед странами ОДКБ проблему четкого самоопределения, потому что, несмотря на прогрессирующую деградацию российско-американских отношений, открытый конфликт между ними долгое время отсутствовал. Однако основополагающие документы ОДКБ оказались слабо адаптированы к практическому применению в условиях быстро меняющейся обстановки.

ОДКБ есть куда развиваться. В организации не выстроена общая для союзников иерархия угроз. Недостаточно четко в этой связи обозначены и общие приоритеты стран-членов организации, общие представления о потенциальных противниках. Для Москвы в новых условиях важна однозначная политическая поддержка действий РФ союзниками. Одновременно в контексте нарастающего санкционного давления США и стран Запада существенное значение имеет и практическая помощь союзников в поиске каналов нейтрализации западных санкций.

Нонсенсом выглядят противоречия и даже вооруженные конфликты стран-членов друг с другом (для их предотвращения необходимо активизировать миротворческий потенциал ОДКБ).

В контексте происходящих изменений в системе международных отношений – на фоне периода нестабильности и турбулентности; увеличения числа центров принятия решений; эрозии международного права; трансформации и/или разрушения ряда международных режимов (связанных с ограничением и контролем над вооружениями, но не только); роста конфликтности при попытках определения новых «красных линий», новых правил игры, границ допустимого в отношениях центров силы друг с другом (часто в качестве аналогии приводятся пример «холодной войны», но на последних ее этапах ситуация была существенно более управляемой) – ОДКБ способен выступить стержнем военно-политической организации постсоветской Евразии, аккумулировать потенциал стран-участниц [6; 14], обеспечить их безопасность и повысить их субъектность в региональной и мировой политике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Allison, G. *Destined for War. Can America and China Escape Thucydides's Trap?* / G. Allison. – Melbourne, London: Scribe, 2017. – 384 p.
2. Brooks, S. *The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-First Century. China's Rise and the Fate of America's Global Position* / S. Brooks, W. Wohlforth // *International Security*. – 2015–2016. – Vol.40 (3). – P. 7–53.
3. Kagan, R. *The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World* / R. Kagan. – New York : Alfred A. Knopf, 2018. – 192 p.
4. Башаратьян, М. М. Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении / М. М. Башаратьян // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 12. – С. 15–23.
5. Бжезинский, З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М. : Астрель, 2012. – 255 с.
6. Богданов, К. В. Государственные программы вооружений на период 2011–2020 и 2018–2027 гг. : реализация и перспективы и исполнения / К. В. Богданов // *Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций*. – М. : ИМЭМО РАН, 2019. – С. 77–80.
7. Киссинджер, Г. *Мировой порядок* / Г. Киссинджер. – М. : Издательство АСТ, 2015. – 540 с.
8. Киссинджер, Г. *О Китае* / Г. Киссинджер. – М. : Астрель, 2013. – 640 с.
9. Стратегия коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г. утверждена решением Совета коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/. – Дата обращения: 19.10.2023.
10. Меликян, Г. Г. Сравнительный анализ военно-стратегических концепций НАТО и ОДКБ: общее и особенное / Г. Г. Меликян // *Общество, политика, экономика, право*. – 2021. – №1. – С. 42–46.
11. Никитина, Ю. А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности / Ю. А. Никитина // *Индекс безопасности*. – 2011. – Т. 17. – № 2 (97).
12. Положение о порядке реагирования Организации договора коллективной безопасности на кризисные ситуации. 10 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181118.html. – Дата доступа: 19.07.2023.
13. Семериков, В. А. Организация договора о коллективной безопасности – от Договора к Организации / В. А. Семериков // *Международная жизнь*. – 2017. – № 6. – С. 26–43.
14. *Союзники* / Под ред. К.В.Макиенко. – М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2020. – 176 с.
15. Троицкий, Е. Ф. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза / Е. Ф. Троицкий, В. П. Зиновьев // *Русин*. – 2018. – № 54. – С. 335–351.

**СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ
В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ****Сухотский Н. Н.***заместитель директора по научной и инновационной работе
Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Молодежь – одна из наиболее социально активных групп населения, будущее страны. По данным Национального статистического комитета, на 1 января 2023 г. в Беларуси проживало 1 640 287 человек в возрасте 14–30 лет – почти 18% населения республики [1]. Именно от нынешних юношей и девушек во многом зависит, как будет в дальнейшем развиваться Республика Беларусь. В связи с этим стратегически важно понимать отличительные черты нового поколения, его установки, цели, а также ориентиры в геополитическом пространстве.

Используя наиболее актуальные данные, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (Институтом социологии НАН Беларуси) за последние три года социологических исследований, а также результатов опроса, проведенного по заказу Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) Центром социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) в сентябре 2022 года, рассмотрим, каковы основные внешнеполитические предпочтения белорусской молодежи, в первую очередь по отношению к нашему ближайшему союзнику и партнеру – Российской Федерации, в том числе, Союзному государству Беларуси и России. Кроме того, проанализируем, как по отдельным позициям изменялись геополитические приоритеты молодого поколения нашей страны.

Отношение белорусской молодежи к населению России всегда было выражено позитивным, что подтверждается социологическими данными. На вопрос «Как Вы относитесь к русским?» абсолютное большинство опрошенных юношей и девушек (около 90%) ответили в той или иной степени положительно, отрицательный ответ дали лишь менее 6%. Опросы показывают, что в последнее время для Беларуси безусловным страновым приоритетом является развитие сотрудничества с Россией как братской страной и Китайской Народной Республикой (КНР) как точкой опоры во всем огромном Азиатском регионе. Так, отвечая на вопрос о том, как, по мнению респондентов, изменились отношения Беларуси с указанными государствами за последние три месяца, респонденты отметили улучшение отношений с Россией (43,6%) и Китаем (40,3%). При этом, с точки зрения молодых респондентов, существенное ухудшение отношений произошло с Латвией – 31,2%, Соединенными Штатами Америки (США) – 32,7%, Литвой – 39,0%, Украиной – 46,2% и наиболее выраженное – с Польшей (50,9%).

Республика Беларусь в качестве наиболее перспективных направлений внешней политики рассматривает сотрудничество в рамках региональных объединений – Союзного государства, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Содружества Независимых Государств (СНГ), а сейчас и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В ходе недавнего выступления Президента Беларуси А. Г. Лукашенко на заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества 4 июля 2023 года Глава государства предложил провести Фестиваль культур ШОС и создать в организации платформу для сотрудничества молодежи [2].

На вопрос о том, участие Беларуси в каких международных, региональных организациях и интеграционных процессах в наибольшей степени отвечает интересам государства, опрошенные юноши и девушки выбрали следующие объединения: Союзное государство Беларуси и России – 45,7%. Также отмечается СНГ – 24,5%, ООН – 17,5%, ЕАЭС – 16,3%, Европейский Союз (ЕС) – 15,0%, ШОС – 10,7%. Менее 10% набрали такие структуры, как Всемирная торговая организация (ВТО) – 7,0%, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – 5,8%, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – 4,4%. При этом показатель Организации Североатлантического договора (НАТО) находится в пределах статистической погрешности – 3,3%. В целом белорусская молодежь постепенно уходит от доминирующей когда-то в отечественной внешней политике парадигмы многовекторности. В связи с этим

интеграционные процессы все больше находятся в числе приоритетов молодежи, что формирует позитивное отношение к перспективам сотрудничества с Российской Федерацией.

На сегодняшний день Союзное государство как флагманский интеграционный проект на постсоветском пространстве, является ключевым достижением белорусско-российского сотрудничества. При этом сам опыт интеграции свидетельствует о совместимости таких принципов, как экономическая, культурная, научно-образовательная интеграция и сохранение незыблемости суверенитета и независимости обеих стран, о возможности сопряжения разных моделей хозяйствования и организации общественной жизни.

При ответе на вопрос, какие цели должны лежать в основе интеграционных процессов Беларуси и России, молодые респонденты, в первую очередь, полагают, что это экономика, право, безопасность, экология. В частности, чаще других отмечаются следующие позиции:

- свободное перемещение граждан и общий рынок труда – 32,5%;
- повышение благосостояния населения каждой из стран-членов союзного государства – 29,8%;
- обеспечение прав человека в Союзном государстве – 25,3%;
- обеспечение безопасности Союзного государства – 23,0%;
- защита экологии, развитие «зеленой экономики» – 22,1%.

Кроме того, юношами и девушками также называются такие приоритеты белорусско-российского сотрудничества, как согласованное пенсионное обеспечение граждан Союзного государства (14,0%), формирование общего научно-образовательного пространства (13,8%), развитие туризма в Союзном государстве (11,4%), расширение российско-белорусского сотрудничества в области культуры и искусства (6,9%).

На вопрос о том, чего респонденты ожидают от Союзного государства прежде всего опрошенные ответили следующим образом:

- расширения рынка труда, возможностей для трудоустройства – 29,1%;
- расширения возможностей для получения образования – 27,6%;
- повышения уровня социального обеспечения (пенсии, пособия и т.д.) – 27,3%;
- совместного преодоления экономических сложностей и санкционного давления – 21,9%;
- повышения гарантий безопасности страны от внешнеполитических вызовов и угроз – 21,8%;
- получения дешевых энергоресурсов, снижения стоимости на коммунальные услуги – 21,7%;
- сохранения и защиты исторической памяти о Великой Отечественной войне, недопущения переписывания истории – 20,3%.

Социологами Института социологии НАН Беларуси за три года измерений зафиксирована следующая динамика в общественном мнении белорусской молодежи. Отвечая на вопрос о том, какие направления внешней политики должны быть приоритетными для Беларуси, ответ «развитие отношений с Россией в рамках Союзного государства» с каждым годом становился все популярнее (в 2021 году его выбрали 14,0%, в 2022 г. – 30,9%, в 2023 г. – 36,8%). В меньших объемах, но схожая тенденция наблюдается по позиции «развитие отношений с Китаем» (в 2021 году ее выбрали 13,4%, в 2022 г. – 20,2%, в 2023 г. – 24,5%). При этом ответ «проведение нейтральной политики, не сближаясь сильно с каким-либо зарубежным партнером» стали отмечать значительно реже: от 35,3% в 2021 году до 13,5% в 2023 году. Присутствует также некоторое снижение и по другим позициям. В частности, вступление в Европейский союз в 2021 году выбрали 13,4%, в 2023 г. – 8,3%, углубление интеграции в рамках Евразийского экономического союза – в 2021 году 11,0%, в 2023 г. – 6,7%, развитие интеграции в рамках СНГ – в 2021 году отметили 10,1%, в 2023 г. – 6,0%.

Таким образом, решительным ответом на глобальные вызовы современности, связанные с эскалацией экономического, военно-политического, информационного давления, нарастанием междоцивилизационных конфликтов и противоречий, явилось последовательное строительство Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации как наиболее оптимальной и эффективной модели интеграции государств.

За последние годы проведение российско-белорусских фестивалей и форумов стало неотъемлемой частью молодежной политики Союзного государства. Благодаря таким мероприятиям молодые люди могут обмениваться опытом, создавать совместные проекты и раскрывать свои возможности в различных направлениях. Это также способствует активному вовлечению молодых людей в интеграционное строительство. Подобные площадки становятся популярным местом заключения соглашений, дают возможность для эффективного раскрытия

потенциала молодежи России и Беларуси в различных сферах. При этом важную роль в освещении мероприятий с участием белорусской и российской молодежи играют союзные медиа (телеканал союзного государства «БелРос», газета «Союзное вече», информационно-аналитический портал Союзного государства и др.).

Как показали результаты социологических исследований, позитивно воспринимается развитие тесных межгосударственных отношений с Россией. Белорусская молодежь не видит какой-либо угрозы суверенитету со стороны главного стратегического партнера. В молодежном сегменте Беларуси отмечается устойчивая тенденция повышения привлекательности интеграции с Россией, а также КНР, соответственно, снижения – с Европой.

В этой связи важнейшим направлением интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации становится расширение практики проведения совместных социологических исследований, направленных на изучение общественного мнения молодежи Союзного государства по тематикам сотрудничества, в частности вопросам унификации законодательства в сфере молодежной политики двух стран и другим перспективным аспектам взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Молодежь составляет 17% населения Беларуси [Электронный ресурс] // БелТА. – 2023. – 24 июня. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/molodezh-sostavljaet-17-naselenija-belarusi-573574-2023>. – Дата доступа: 10.09.2023.

2. Лукашенко предложил провести Фестиваль культур ШОС и создать платформу для сотрудничества молодежи [Электронный ресурс] // БелТА. – 2023. – 4 июля. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-predlozhit-provesti-festival-kultur-shos-i-sozdat-platformu-dlja-sotrudnichestva-molodezhi-575210-2023>. – Дата доступа: 03.09.2023.

УДК 316+32.019.52:327.7

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛАРУСИ КАК УЧАСТНИКА МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Хамутовская С. В.

*зав. отделом социологии гос. управления Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

В статье 8 Конституции Республики Беларусь указывается, что наша страна «в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них» [1]. В качестве наиболее значимых векторов интеграционного взаимодействия в течение нескольких последних лет можно выделить участие Беларуси в таких межгосударственных образованиях, как Содружество независимых государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). При этом активно продолжается стратегическое сотрудничество с Российской федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства Беларуси и России, реализуется членство в Организации объединенных наций (ООН) и, в общем, поддерживается стремление к взаимовыгодному и взаимоуважительному диалогу с различными зарубежными партнерами на базе многосторонней дипломатии. Выявление и анализ общественного мнения по вопросам участия Беларуси в межгосударственных образованиях позволяет установить то, насколько выбранные внешнеполитические ориентиры соответствуют интересам, социальным и политическим ожиданиям граждан как единственного источника власти и носителя суверенитета, чьи предпочтения должны быть определяющими при формировании политической воли руководства страны, принятии и реализации конкретных решений на государственном и международном уровнях. Подобного рода исследования имеют особую важность в условиях происходящих в настоящее время существенных геополитических изменений, экономических и социальных трансформаций как в мире в целом, так и на постсоветском пространстве.

По результатам социологического исследования «Беларусь 2030», проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) в июле 2014 года (выборка, необходимая для достижения цели исследования, составила 1495 человек; исследование

осуществлялось во всех областях и городе Минске) подавляющее большинство респондентов – 74,9 % – были уверены в том, что Беларусь состоялась как независимое и самостоятельное государство. Примерно одна третья часть опрошенных (30,5 %) хотели бы через 10–15 лет, то есть в 2024–2029 годах, видеть нашу страну членом ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан и др.).

К реальным выгодам и преимуществам, возникающим в результате вступления Беларуси в ЕАЭС, населением были отнесены:

- расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг, создание для них более благоприятных условий (беспошлинная торговля и т. д.) (49,8 %);
- возможность получения финансовой и иных видов поддержки в период кризиса и мировой финансовой нестабильности (44,6 %);
- получение энергоносителей по более низким ценам (37,4 %);
- возможность обучения белорусских граждан в вузах и ссузах на равных условиях с гражданами стран ЕАЭС (33,8 %);
- расширение доступа к инновационным технологиям и возможностей обмена опытом, специалистами (23,8 %);
- создание унифицированного правового режима для белорусских граждан в части трудоустройства, условий труда в России, Казахстане и др. (15,8 %);
- другое (2,4 %).

В свою очередь, как возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС были названы:

- отток наиболее квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС (41,8 %);
- снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке на фоне товаров и услуг из стран ЕАЭС (31,9 %);
- повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров (31,9 %);
- нарушение стабильности белорусской экономики при вхождении республики в ЕАЭС (21,7 %);
- передача полномочий при решении ключевых вопросов экономического развития на национальный уровень (18,1 %);
- утрата или «размывание» национальной культуры и традиций (18,1 %);
- другое (3,5 %).

Немногим менее одной четвертой части респондентов (22,3 %) в 2014 году считали, что Беларуси следует сохранять нейтралитет и в будущем не входить ни в какие союзы и блоки. Всего 12,2 % населения Беларусь представлялась страной-членом Европейского союза, 10,9 % – республикой, входящей в состав Российской Федерации, 5,7 % – членом Всемирной торговой организации, 0,3 % – членом НАТО.

В ходе исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле-августе 2023 года (выборка, необходимая для достижения цели исследования, составила 1863 человека; исследование осуществлялось во всех областях и городе Минске), при анализе ответов респондентов на вопрос «Какой Вы хотели бы видеть Беларусь на международной арене через 5–10 лет?» была зафиксирована некоторая динамика в оценках респондентов. В частности:

- на 2,5 процентных пунктов увеличилась доля тех, кто был убежден, что Беларусь должна быть государством, сохраняющим нейтралитет и не входящим ни в какие союзы и блоки (с 22,3 % в июле 2014 года до 24,8 % в июле-августе 2023 года);
- на 1,7 процентных пунктов уменьшилась доля тех, кто считал, что стране следует быть членом Европейского союза (с 12,2 % в июле 2014 года до 10,5 % в июле-августе 2023 года);
- на 11,9 процентных пунктов увеличилась доля тех, кто рассматривал Беларусь как члена Всемирной торговой организации (ВТО) (с 5,7 % в июле 2014 года до 17,6 % в июле-августе 2023 года) (в настоящее время Беларусь имеет статус наблюдателя и ведет переговоры об условиях присоединения к ВТО);
- на 1,4 процентных пунктов увеличилась доля тех, кому Беларусь представлялась как член НАТО (с 0,3 % в июле 2014 года до 1,7 % в июле-августе 2023 года).

Доля респондентов, которые считали, что Беларуси через 5–10 лет необходимо войти в состав Российской Федерации существенно не изменилась и равнялась 11,6 %. Незначительно, на 0,6 процентных пунктов, увеличилась доля тех, кто считал, что в будущем нашей стране нужно сохранять членство в ЕАЭС (с 30,5 % в июле 2014 года до 31,1 % в июле-августе 2023 года). Еще 5,9 % опрошенных в июле-августе 2023 года указали на то, что в будущем видят Беларусь

полноценным участником Болонского процесса. Также следует отметить, что в 2023 году на 11 процентных пунктов увеличилась доля респондентов, которые затруднились ответить на вышеупомянутый вопрос (с 21,8 % в июле 2014 года до 32,8 % в июле-августе 2023 года).

Оценка населением членства нашей страны в иных межгосударственных образованиях отражена в таблице:

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете членство Беларуси в международных организациях и объединениях?», июль–август 2023 г.

Как Вы оцениваете членство Беларуси в:	Союзном государстве Беларуси и России (в %)	СНГ (в %)	ЕАЭС (в %)	ОДКБ (в %)	ООН (в %)
Положительно	51,1	47,0	38,0	38,5	30,5
Скорее положительно	19,2	23,2	24,0	21,0	22,4
Скорее отрицательно	2,3	1,8	2,1	2,7	4,2
Отрицательно	1,7	0,9	2,0	2,7	3,8
Затрудняюсь ответить	24,9	26,3	32,8	34,1	38,0

Из таблицы видно, что подавляющее большинство опрошенных в целом положительно оценивали членство нашей страны в Союзном государстве Беларуси и России, а также СНГ (по 70,3 % соответственно); немногим более половины – в ЕАЭС (62 %), ОДКБ (59,5 %) и ООН (52,9 %).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в ближайшем будущем наиболее перспективными интеграционными векторами для Беларуси как участника различных межгосударственных образований населению представляется, прежде всего, сохранение членства в Союзном государстве Беларуси и России, СНГ и ЕАЭС. Наряду с этим, не утратило своей актуальности стремление граждан, с одной стороны, к поддержке тренда многовекторной внешней политики, а с другой – развития нашего государства на базе нейтралитета, без вхождения в какие-либо союзы и блоки. Также следует отметить, что в условиях глобальной турбулентности и происходящих геополитических изменений примерно у трети опрошенного населения возникают затруднения с оценкой перспектив Беларуси как участника межгосударственных образований в течение предстоящих 5–10 лет. В дальнейшем представляется целесообразным продолжать социологические исследования общественного мнения граждан об участии Беларуси в различных межгосударственных структурах в мониторинговом режиме, который позволяет отслеживать оценки в динамике, что, в свою очередь, способствует определению степени востребованности как имеющихся, так и новых, интеграционных форм для населения страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 19.09.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 316.4

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Галич Л. П.

*доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета
БГПУ имени Максима Танка
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Актуализация проблемы информационного сопровождения молодежных программ, в том числе, молодежных инициатив, обусловлена низким качеством информационного освещения, а в некоторых случаях, отсутствием целенаправленной информационно-просветительской работы структур (организаторов и координаторов), ответственных за проведение мероприятий, что приводит также и к отсутствию информированности и осведомленности разных категорий молодежи (молодых граждан Республики Беларусь), которые являются главным субъектом молодежных инициатив, о порядке и проведении конкурсов, мероприятий и иных событий, касающихся их общественной жизнедеятельности. Для обеспечения эффективности и высокого качества реализации государственной политики Республики Беларусь в отношении молодежи в целях ее привлечения к участию в процессах развития белорусского общества и государства, в качестве эффективного его составляющего должно выступать информационное сопровождение молодежных инициатив. Однако в настоящее время одним из ключевых барьеров, препятствующих эффективной реализации молодежных инициатив, является информационный, состоящий в отсутствии действенного механизма информационного обеспечения данного проекта (молодежной инициативы). Учитывая то, что современное общество активно расширяет сферу использования информационных технологий, информационное сопровождение молодежных инициатив должно быть основано на разработке комплексной системы мер, направленных на широкое применение информационных ресурсов и создание единого информационно-просветительского пространства (среды). Такие меры позволят автоматизировать этот процесс, что повысит эффективность обмена информацией всех участников в продвижении молодежных инициатив в коммуникационную среду молодых граждан, а также в ходе подготовки, реализации и обмена опытом молодежных конкурсных проектов.

Для оптимизации информационного сопровождения молодежных инициатив, необходимо принимать во внимание следующие его характеристики:

- 1) как процесса распространения информации о событиях и мероприятиях с использованием различных средств, обращенных к кругу заинтересованных лиц;
- 2) как механизма целенаправленной и систематической работы по созданию и организации информационных ресурсов или информации о событиях в электронной среде и набора электронных сервисов по их доведению и доступу к ним;
- 3) как организованного процесса, включающего работу со средствами массовой информации, формирование информационных поводов, организацию определенных мероприятий с последующим анализом и подведением итогов.

Основываясь на приведенных подходах, структура информационного сопровождения молодежных инициатив должна включать следующие компоненты, на которые необходимо обращать внимание прежде всего:

- определение целей и задач;
- выявление целевой аудитории;
- выбор оптимальных информационных ресурсов;

- подготовка соответствующих информационных сообщений;
- размещение материалов на соответствующих информационных платформах;
- мониторинг качества информационного сопровождения.

Целью информационного сопровождения молодежных инициатив является, прежде всего, предоставление безбарьерного доступа представителей различных групп молодежи (учащейся, студенческой, работающей) к разработанным в рамках молодежной политики Республики Беларусь формам и механизмам участия молодых людей в общественно-полезной деятельности, а также проводимым конкурсам и мероприятиям по их саморазвитию и самореализации в белорусском обществе, посредством демонстрации их возможностей и перспектив в ходе социального развития молодежи. Анализ имеющихся информационных ресурсов показал отсутствие доступного и «прямого» пути ко всей необходимой информации о молодежных инициативах, что делает закрытым этот проект для молодежи.

Целевая аудитория молодежных инициатив – это та часть населения, на которую направлены цель и задачи молодежных инициатив, а именно, представители различных категорий молодежи, заинтересованные в участии в социально-значимых конкурсах и мероприятиях, определенных государственной молодежной политикой. В состав целевой аудитории молодежных инициатив должны входить, собственно представители молодежи в возрасте от 14 до 30 лет включительно, т. е. учащиеся, студенты, работающая молодежь и другие ее группы. В процессе реализации молодежных инициатив отсутствует точное определение, а, следовательно, и понимание того, кто выступает в качестве субъекта молодежных инициатив. Поэтому целесообразно в Положении о молодежных инициативах ввести уточнение по пункту их адресности и направленности, которая затрагивает именно молодежь, выступающую как в качестве инициатора и заявителя, так и в роли реализатора представленной на конкурс идеи и проекта.

Информационные ресурсы – это совокупность наиболее востребованных в молодежной среде информационных источников, позволяющих своевременно получить всю необходимую информацию об участии в конкурсах и мероприятиях (социальные сети, молодежные интернет-порталы, страницы сайтов и электронная почта учреждений образования, молодежных объединений и иных организаций, диалоговые площадки и круглые столы). В ходе информационного обеспечения молодежных инициатив до сих пор используется ограниченный круг информационных источников, реализация молодежных инициатив не получает своей освещенности на платформах мгновенного обмена информацией, имеющих широкую огласку – Telegram, Facebook, VK и др.

Подготовка соответствующих информационных сообщений – это содержательная сторона информационного сопровождения молодежных инициатив, которая включает разработку полной и достоверной информации о проведении конкурсов и мероприятий. Представляется необходимым разнообразить новостную информацию о конкурсах и мероприятиях с привлечением видео- и фото-сопровождения, указывать не только сроки, условия, требования, но и предоставлять ссылки на образцы заявочных материалов, контакты, возможность получить обратную связь, задать организаторам уточняющие вопросы.

Мониторинг качества информационного сопровождения – это комплекс аналитических процедур, направленных на организацию механизма обратной связи с молодежью посредством отслеживания их мнений и ожиданий в отношении молодежных инициатив. Мониторинговый подход за счет своей диагностической функции способен сигнализировать о тех недочетах и проблемах в сфере реализации молодежных инициатив, с которыми столкнулись инициаторы и заявители. На официальных сайтах организатора и координатора молодежных инициатив отсутствуют инструменты, позволяющие реализовать данный пункт информационного сопровождения, что не дает увидеть слабые стороны, нуждающиеся в доработке посредством открытого взаимодействия с молодежью, как субъекта инициатив. Формами реализации мониторинга молодежных инициатив могут быть разделы с опросами, вкладки с вопросами и ответами на них, раздел с наиболее популярными вопросами.

Информационное обеспечение молодежных инициатив необходимо рассматривать как важную составляющую реализации государственной молодежной политики, направленную, в том числе, и на интеллектуализацию белорусской молодежи. Качественное информационное сопровождение влияет на продвижение молодежных инициатив, служит целям наибольшего информирования, задействования и популяризации конкурсных проектов среди молодых граждан

(потенциальных субъектов молодежных инициатив), как способа их привлечения к активному участию в социально-экономических и общественно-политических процессах, а также интеллектуального развития молодых людей. Роль молодежных инициатив в развитии государства, общества и личности определяется двумя значимыми функциями. С одной стороны, молодежные инициативы выступают в качестве эффективного инструмента вовлечения молодежи в жизнь общества и государства, с другой – как средство самореализации и саморазвития разных категорий молодежи. Зачастую молодежные инициативы декларируются исключительно с позиции средства участия в общественной жизни и не учитывают иную, более значимую для молодежи возможность, которую они предоставляют, в частности, как эффективный способ социальной карьеры молодежи, социальный лифт ее общественной мобильности, что будет в большей степени способствовать интересу и привлечению молодежи к подобным инициативам.

УДК 331.546:378.4

ФОРМИРОВАНИЕ У МОЛОДЕЖИ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Головчин М. А.

старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

кандидат экономических наук

г. Вологда, Россия

Одна из важных практических задач образования – это формирование готовности к определенному виду профессиональной деятельности. Заинтересованность в трудоустройстве и эффективной занятости, приносящей доход, обеспечивающий достойные условия жизни, уже давно превратилась в доминирующий фактор социально-экономической адаптации населения [1]. Эти процессы напрямую связаны с уровнем готовности населения к профессиональной деятельности. Эксперты считают, что неготовность к профессии чревата для специалиста эмоциональным истощением, кризисом внутренней мотивации, недостатком поддержки со стороны коллег и администрации, снижением работоспособности, быстрым профессиональным выгоранием, что часто приводит к потере профессиональной стабильности и даже уходу из профессии [2].

Готовность к профессиональной деятельности неодинаково формируется в разных профессиональных группах. Данный вопрос мы рассмотрели на примере конкретной группы – будущих учителей школ, поскольку в сфере образования проблема готовности специалистов к педагогической деятельности имеет особое значение. По данным крупнейшей в стране онлайн-рекрутинг-платформы «Работа в России», количество предложений на рынке труда по профессии «учитель» в 2023 г. достигло примерно 32 тыс. вакансий¹. При этом заинтересованность в работе в школе у молодых людей, только что получивших специальность в колледже или вузе, не так велика. «Каждый десятый соискатель находится в возрастном диапазоне 40-50 лет, а 6 % учителей, заинтересованных в новой работе, – старше 50 лет» [3].

Профессиональная готовность к педагогической деятельности (далее – ПГПД) в науке рассматривается с точки зрения нескольких подходов. Мы опираемся на позицию Н. А. Ляшевской и И. А. Мавриной, которые делают акцент на важности для формирования готовности к профессии педагога умения оценивать свои будущие перспективы (рефлексивно-прогностический компонент) [4]. В нашем исследовании мы также обращаемся к вопросу о готовности молодых специалистов к работе в школе на основе проведения критериально-уровневой оценки. Исходя из представленных обобщений мы конкретизируем понятие профессиональной готовности к педагогической деятельности в рамках интегративного подхода к этой категории – как состояние личности, определяющее способность специалиста работать в педагогической профессии, которое формируется на основе положительной мотивации к трудовой деятельности; осознании работы в образовательной организации как личной ценности; владения важными для профессии компетенциями; возможности объективно оценивать уровень

¹ Работа в России. URL: <https://trudvsem.ru/vacancy> (дата обращения: 23.08.2023).

своей профессиональной подготовки, а также свои перспективы в профессии; информированности об образовательных реалиях, специфике работы в образовании.

В соответствии с этим подходом мы рассматриваем ПППД как сложное явление в структуру которого входят следующие компоненты:

1) Мотивационно-ценностная готовность – мотивы и ценности, которые определяют выбор профессии, ощущение важности профессии в жизни (призвание, самореализация, доход, льготы, использование работы как социального лифта т.д.).

2) Когнитивно-функциональная готовность – самооценка владения профессиональными знаниями и умениями в области теории педагогической деятельности, современных технологий работы с детьми школьного возраста, детско-подростковой психологии, современных подходов к оценке образовательных достижений, методологии педагогического исследования и т. д.

3) Рефлексивно-прогностическая готовность – умение оценивать свой собственный уровень профессиональных знаний и умений, полученных в рамках образовательной подготовки (самооценка своих когнитивных возможностей работать в профессии); ожидания от профессии, желание планировать свою профессиональную жизнь, видеть будущее своих детей в этой профессии.

4) Информационная готовность – оценка уровня осведомленности об объективных сторонах образовательной реальности, таких как оплата труда педагогов, система надбавок, условия выхода на педагогическую пенсию, профессиональные обязанности учителя, нормативные требования к проведению образовательного процесса в школе, возможности участия в программах повышения квалификации, а также профессионального роста и т. д.

В рамках критериально-уровневой оценки мы разработали матрицу, в которой оценочные критерии мотивационно-ценностной, когнитивно-функциональной, рефлексивно-прогностической и информационной готовности распределены по разным уровням сформированности отдельных компонентов ПППД. Вслед за И. Б. Белявской мы выделяем три уровня сформированности готовности выпускников к педагогической деятельности: системно-моделирующий, адаптивный и репродуктивный [5].

В исследовании был предложен алгоритм индексной оценки профессиональной готовности к педагогической деятельности, состоящий из трех шагов.

1) Определение для каждого наблюдения ряда оценочных субиндексов (k_n) Признаки репродуктивного уровня оцениваются субиндексом 1, адаптивного – 2, системно-моделирующего – 3. На основе вычисления среднего значения субиндексов по определенной группе определяются индексы сформированности каждого компонента готовности

2) Агрегирование полученных индексов в итоговый индекс готовности к профессиональной деятельности ($I_{ППД}$) для каждого наблюдения.

3) Интерпретация значений итогового индекса в терминах уровня готовности к педагогической деятельности. Для этого производится классификация полученных значений по трем группам – низкая, средняя и высокая ПППД.

Для апробации исследовательской модели мы воспользовались данными социологических замеров, полученных в мае-июне 2023 года среди студентов выпускных курсов колледжей и вузов Вологодской области, которые обучаются по очной форме обучения на педагогических специальностях. Выборочная совокупность (131 чел.) соответствует генеральной при условии доверительной вероятности в 90 % и доверительного интервала в 6 %.

В ходе эмпирического исследования для каждого наблюдения был определен один итоговый индекс ПППД ($I_{ППД}$). Для интерпретации полученных значений итоговых индексов в программной среде IBM SPSS Statistics была проведена кластеризация индексных значений методом к-средних. В результате кластеризации ряд значений был разделен на три группы:

- высокий уровень готовности ($I_{ППД} > 2,67$) – 24,6 %;
- средний уровень готовности ($I_{ППД} = 2,67-2,27$) – 44,6 %;
- низкий уровень готовности ($I_{ППД} < 2,27$) – 30,8 %.

Высоким уровнем обладает только четверть опрошенных выпускников (25 %). При этом в данном группе намного больше студентов педагогических колледжей, чем вузов. Среди последних особенно слабо развиты такие компоненты, как мотивационно-ценностная готовность ($i = 2,2$). Так, 28 % выпускников вузов сожалеют, что когда-то выбрали педагогическую специальность (в колледжах – 9 %); 20 % вовсе не хотят работать по специальности или планируют

после обучения открыть свое дело (в колледжах – 9 %). В качестве места работы они в том числе рассматривают быти-сферу, IT, психологию, государственную службу, правоохранительные органы, кредитные организации, торговлю, туризм и т.д.

Средний уровень $I_{ПГПД}$ говорит о том, что развитие компонентов готовности у выпускников происходит неравномерно, что в рамках начала профессиональной деятельности приведет к необходимости преодоления периода адаптации к новым условиям. Данный уровень характерен для наиболее заметной части опрошенных (45 %), однако, в большей части он характеризует ПГПД выпускников педагогических колледжей.

Низкий уровень $I_{ПГПД}$ свидетельствует о том, что у выпускника не сформированы компоненты готовности, на том уровне, который позволяют ему без проблем приступить к профессиональной деятельности. Поэтому, в ходе трудовой деятельности ему понадобится не только решение вопросов адаптации, но и формирование мотивации к работе, профессиональных знаний и умений и т.д. К группе с низким уровнем готовности относится треть выпускников. Среди них более половины (54 %) – это специалисты, которые подготовлены вузами региона. При этом низкий уровень ПГПД часто имеют те, кто ранее уже учился по непедagogическим специальностям (100 %), а также не имел опыта работы в системе образования (40 %). Это говорит о том, что предыдущий опыт образования и работы вполне могли бы стать дополнительными критериями при приеме на обучение по педагогическим специальностям.

Проведенные расчеты позволяют сделать вывод о том, что формирование профессиональной готовности к педагогической деятельности как компонент современных образовательных стандартов работает в целом недостаточно эффективно. Эмпирические данные позволяют судить о том, что уровень готовности к профессиональной деятельности в образовании у выпускников вузов по всем позициям уступает тому, что сформирован у студентов, подготовленных в сфере среднего профессионального образования. Причины этого явления, безусловно, требуют дополнительных научных изысканий. Нельзя однозначно оценивать обучение в университетских структурах как менее качественное, а в колледжах – как более качественное. Тем более, что подготовка педагогов на разных уровнях профессионального образования не может не является взаимозаменяемой. Обучение в колледжах – это подготовка учителей начальных классов, коррекционных педагогов и преподавателей дополнительного образования, а обучение в вузах ориентировано сугубо на подготовку предметников. Поэтому, заменить одно другим не получится (даже если одно предположительно лучше другого).

На примере ПГПД будущих учителей, можно предположить, что для ее укрепления у выпускников (и, прежде всего, студентов вузов) нужны выверенные управленческие решения. Однако эти решения должны быть сопряжены не столько с изменениями в подготовке кадров, сколько с преодолением системного эффекта «негативного отбора», благодаря которому в профессию массово идут люди, изначально питающие неприязнь к полученной специальности. Этот эффект больше распространен в высшем образовании. Так, только у половины опрошенных выпускников в процессе обучения представления о профессии изменяются в лучшую сторону. При этом в колледжах подобные улучшения происходят в 64 % случаев, а в вузах – всего в 28 %. В остальных случаях они либо не изменяются (28 %), либо ухудшаются (15 %). Таким образом, любые усилия образовательной организации сформировать у выпускников профессиональное призвание будут разбиваться о «ментальные барьеры».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Козырева, П. М. Образование и трудоустройство: возможности и реальность / П. М. Козырева // Россия реформирующаяся. – 2015. – №13. – С. 304–323.
2. Самодерженков, А. Н. Оценка психологической готовности студентов педагогических вузов к профессиональной деятельности / А. Н. Самодерженков и др. // Вопросы образования. – 2021. – № 3. – С. 114–137. – DOI:10.17323/1814-9545-2021-3-114-137.
3. Кузнецова, М. Бесценные кадры / М. Кузнецова // Коммерсант. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4501815>. – Дата доступа: 23.08.2023.
4. Ляшевская, Н. В. Критериально-уровневое оценивание готовности молодых педагогов к осуществлению профессиональной деятельности / Н. В. Ляшевская, И. А. Маврина // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2020. – №2 (43). – С. 64–71.
5. Белявская, И. Б. Формирование готовности учителя к инновационной деятельности в условиях перехода школы в режим развития / И. Б. Белявская // Образование и саморазвитие. – 2007. – №6. – С. 20–24.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В САМООБРАЗОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Горбач М. И.

*младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Динамизм преобразований, происходящих в социально-экономической, технологической и культурной сферах, внедрение в различные области жизни и деятельности человека новейших технологий, изменение содержания труда различных профессиональных групп ставят перед обществом задачу адаптации к новым реалиям путем непрерывного развития, получения новых навыков и знаний на протяжении всей жизни.

Отмечается, что «в условиях трансформаций современного мирового пространства на фоне стремительного прогресса в научно-технической и информационно-коммуникативной сферах актуальность сохранения интеллектуальных ресурсов и развития интеллектуального потенциала общества растет, важность его интеллектуализации усиливается» [1, с. 93]. В указанных контекстах самообразование выступает не только способом получения знаний, но и видом деятельности, который способствует увеличению адаптационного потенциала социума в условиях глобальных и локальных изменений.

Самообразование представляет собой «вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получение удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей» [2, с. 81]. Важно обозначить, что самообразование в жизни человека может выступать «как цель (самоцель) и как средство для самореализации каких-либо целей (таких, как подготовка к труду, овладение профессией, новым для человека видом деятельности и т. д.)» [2, с. 80]. На наш взгляд самообразование целесообразно изучать не только как отдельный (самостоятельный) способ получения знаний, но и как компонент (дополнение) образовательного процесса на различных уровнях социальной организации общества.

Современный процесс самообразования личности «включен» в использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), предоставляющих широкий выбор источников и способов для самостоятельного образования, саморазвития и самосовершенствования личности. Осуществление самообразовательной активности путем чтения различной литературы, посещения лекций, выставок, библиотек, музеев и т. д. дополняется приобретением знаний с помощью современных гаджетов, основывается на информации, размещаемой в сети Интернет.

Развитие ИКТ привносит изменения и в источники получения новых знаний, способствуя появлению новых медиаформатов. Всё большую популярность приобретают социальные медиа («основанные на интернет-технологиях каналы и площадки для общения и обмена контентом между пользователями, такие как форумы, блоги, социальные сети, фото и видео-хостинги, платформы для совместного творчества» [3 с. 112]), мессенджеры, которые также могут использоваться личностью в качестве источников самообразования. Обратимся к данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2022 года в рамках республиканского мониторинга общественного мнения населения Республики Беларусь и задания 5.04 «Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества», государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N = 1848). В данном опросе было выявлено, что 55,4 % респондентов в возрастной группе от 18 до 30 лет в случае необходимости получения новых знаний прибегают к изучению обучающих видео, прослушиванию лекций, подкастов и др.

Активное использование средств ИКТ, увеличение количества платформ, площадок и других ресурсов, посредством и на материале которых может происходить самообразование различных социально-демографических групп, высокая скорость «потребления» информации,

трансформация коммуникации актуализируют проблему повышения уровня знаний населения в области грамотного поиска и выбора достоверных источников информации, а также формирования навыков эффективной работы с информацией.

Таким образом, самообразование может быть доступным, практичным способом приобретения знаний в условиях необходимости, стремления или желания личности в получении новых компетенций в различных областях жизни и деятельности (решение бытовых вопросов и проблем, нацеленность на изменение личностных качеств, развитие в профессиональной сфере и т. д.). В данном контексте особую значимость приобретает социологическое исследование использования различными социальными группами ИКТ-технологий для самообразовательной активности (мотивов, стимулов, практик и компетенций).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антипина, Н. Л. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы / Н. Л. Антипина, С. М. Моор, Е. В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (61). – С. 91–98.
2. Зборовский, Г. Е., Шуклина, Е. А. Самообразование как социологическая проблема / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Социологические исследования. – 1997. – №10. – С. 78–87.
3. Сулейманова, Ш. С. Перспективы развития социальных медиа / Ш. С. Сулейманова // Коммуникология. – 2015. – Т. 3, № 5. – С. 111–125.

УДК 316.3

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА БЕЗДЕТНОСТИ (ПО ДАННЫМ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Калачикова О. Н.

*заместитель директора, заведующий отделом исследований уровня и образа жизни населения ФГБУН ВолНЦ РАН
кандидат экономических наук
г. Вологда, Россия*

В контексте трансформации института семьи важным исследовательским направлением является изучение мотивации выбора добровольной бездетности. Как отмечает Е. Н. Новоселова, «хотя в России процент добровольно бездетных довольно небольшой и вряд ли оказывает серьезное влияние на демографическую обстановку, число таких людей растет, а тот факт, что они пропагандируют подобный образ жизни, создавая при этом негативный, отрицательный образ родительства, делает добровольную бездетность социальной проблемой. Именно они называют себя «чайлдфри» – «свободные от детей»» [1]. Тенденция распространения выбора добровольной бездетности требует внимания и с точки зрения воспроизводства населения, поскольку расширяет контингент пар без детей. Поэтому феномен добровольной бездетности интересен как в социологическом плане, так и в контексте исследований демографического, в частности, репродуктивного поведения.

В докладе представлены некоторые результаты второго этапа мониторинга «Демографическое самочувствие регионов России», проведенного в десяти субъектах Российской Федерации. В 2022 году одной из задач проекта было исследование механизмов формирования репродуктивного, матримониального, самосохранительного и миграционного поведения. Для проверки и углубления результатов, полученных на первом этапе исследования с помощью массового анкетирования [2, 3], была реализована серия глубинных интервью с применением методики реконструкции жизненного пути, позволяющая систематизировать жизненный опыт информантов и определить влияние различных условий формирования репродуктивного выбора, в частности, для категории добровольно бездетных: благополучие родительской семьи детско-родительские отношения, отношение к браку и представления об идеальной семье, карьероориентированность, баланс профессиональной деятельности и родительства, вектор общественного мнения и лабильность к влиянию со стороны общества и ближайшего окружения, вовлеченность в движение чайлдфри и каналы распространения информации о нем, замещение родительских чувств чувствами к животным.

Отметим, что поддерживаем позицию Ломакина И. В. о необходимости уточнения терминов «бездетность» и «чайлдфри». В категориальных рамках девиантного родительства определяется не только отказ от рождения детей, но и феномен «неохотного» родительства (reluctant parents) [4]. Ориентация на бездетность у женщин «говорит о беспрецедентной трансформации материнства как базовой смыслообразующей ценности. С другой стороны, подобные трансформации являются очень болезненными для восприятия на уровне общественного сознания, так как моральные устои общества зачастую вступают в конфронтацию с принципиальными изменениями в реализации повседневных социокультурных практик. Это приводит к тому, что женщины, выбравшие альтернативные традиционному репродуктивному сценарию – «замужество – материнство» – варианты, и сегодня подвергаются моральной стигматизации за несоответствие общественным представлениям о социокультурной норме. Согласно типологии материнства, предложенной Клименко Н. С., Карелиной С. А., «данный тип материнства является добровольным и напрямую связан с идеей «репродуктивного выбора» как сознательного отказа женщины от воспроизводства в пользу иных вариантов инвестирования собственной энергии на личностном, социальном и культурном уровнях. При этом женщина «чайлдфри» не испытывает отвращения к детям и не склонна к педофобии, в отличие от «чайлдхейт» [5].

В ряде публикаций [6, 1] можно встретить социально-демографические характеристики разделяющих идеи свободы от детей. Среди выбирающих добровольную бездетность преимущественно благополучные в материальном плане люди, как правило, горожане, имеющие стремление сохранить свой образ жизни, который, по их мнению, может быть нарушен появлением детей.

Однако особый интерес представляют условия, в которых была сформирована такая позиция по отношению к детям. В логике исследовательского проекта изучался опыт родительской семьи добровольно бездетных. Информанты, обозначившие свою ориентацию на бездетность, говорят прямо или косвенно о наличии серьезных проблем в родительской семье. Сюжеты можно систематизировать следующим образом. Родители разошлись или не были в браке, неродные родители, сиротство; несчастливый брак родителей. Вторая группа проблем связана с материальным обеспечением, ограничениями и лишениями, которые приходилось терпеть и преодолевать. Ключевой мотив – нежелание повторять судьбу родителей, поскольку именно наличие детей поставило их в такое положение.

Так или иначе вышеобозначенные проблемы в родительских семьях могли повлечь нарушения детско-родительских отношений. Среди них – эмоциональная холодность, отстраненность, когда ребенок не видит в родителях опоры, чувствует себя плохо от такого типа отношений и отказывается от детей для того, чтобы они не испытали тех же чувств, и чтобы не стать таким же плохим родителем. Еще один сюжет – ревность к братьям/сестрам, а также усталость от заботы о младших детях. При наличии материальных проблем в родительской семье у информантов присутствует ощущение того, что они сами, как и другие дети являются обузой, источником трудностей, устранение которых (и отсутствие детей у них) позволит обеспечить благополучие. В том случае, если родительская семья материально благополучна, ориентация на бездетность обусловлена инфантильностью, страхом и непониманием маленьких детей, т.к. чаще всего это единственные дети. Они ориентированы на материальные блага, сохранение покоя и привычного образа жизни.

В большинстве сюжетов отказ от детей связан и с отказом от серьезных отношений, брака. В устойчивых союзах решение не окончательно или отказ от ребенка мотивируется желанием получить от супруга то, чего не доставало в родительской семье: *«...я рассматривал брак, как некую возможность найти человека, который не предаст, который будет рядом и с которым ты сможешь пройти через все трудности вместе. ... плюс девушки после рождения меньше уделяют внимания партнёру, больше концентрируют внимание на детях и зачем тогда было полжизни тратить, чтобы найти идеальную девушку, чтобы потом она тратила время на некоего ребёнка?»* (мужчина, 23 года, г. Москва).

Со стороны женщин отказ от детей мотивируется приоритетом карьеры, личностной инфантильностью: *«Я больше вкладываю в себя. То есть, если рассматривать именно детей, то я, во-первых, не собираюсь ни с кем делить своего любимого человека, я очень такая эгоистичная, наверно. Я прекрасно понимаю, что если у нас будет общий ребенок, то мне придется уделять внимание, какие-то другие ресурсы. Я этого не хочу. Ну, и плюс приоритет у меня больше*

карьера, самообразование, то есть, вкладывание всех ресурсов в себя саму» (женщина, 24 года, Республика Башкирия).

Образ идеальной семьи содержит смыслы доверия, свободы, самовыражения, комфорта. Брак не является обязательным, т.к. всего лишь формальность, от которой не зависят чувства. Партнер должен помогать решать личные проблемы и способствовать саморазвитию, самовыражению, разделять интересы. Дети не являются обязательной частью семьи. *«Для меня это [свадьба, рем. автора] лишь некое закрепление, чтобы девушка была уверена и не сомневалась, что я ее люблю. Для меня девушка – это человек, который близок по духу, который един с тобой по духу и который действует тебе на благо в рамках твоих и её интересов – духовных и физических. Она помогает развиваться тебе, а ты помогаешь развиваться ей, это некий симбиоз. Соответственно, с детства формировалось убеждение, что, найдя девушку, которая будет понимать, я буду чувствовать полноценным, как единым целым, часть понимания и признания будет восполнена. Создание семьи с целью завести детей никогда вообще не рассматривал»* (мужчина, 23 года, г. Москва).

У ориентированных на бездетность прослеживается связь стремления сделать карьеру и отказа от детей. За исключением одного эпизода, все информанты дали четкую увязку категорий в негативном контексте: «дети мешают карьере»: *«Я считаю, что карьера и ребенок абсолютно несовместимые вещи. Либо ты занимаешься карьерой, либо ты занимаешься ребенком. Это разные вещи. Я считаю так».* (Жен, Там); *«Карьера останавливается, она замораживается [при появлении детей, рем. автора]. И потом сложно начать опять работать в таком темпе. Да и многие компании, если посмотреть на женщинах, не берут молодых женщин на работу, потому что им придется оплачивать пока она носит и подрачивает своего ребенка. Мне кажется, это мешает и останавливает прогресс как в карьере, так и в личном саморазвитии»* (мужчина, 19 лет, г. Иваново).

В данном исследовании встретился лишь один информант, идентифицирующий себя как представитель течения «чайлдфри». Для остальных их позиция – это личные убеждения и предпочтения. *«Впервые о чайлдфри я услышала из песен Noize MC. Я не состою в сообществе чайлдфри. Нет такого, что все мои друзья и знакомые – чайлдфри. Это не какое-то движение, которое пропагандируется. Это просто образ мыслей. Мне не импонирует мысль о том, чтобы заводить детей, поэтому я считаю себя сторонником чайлдфри»* (женщина, 20 лет, г. Волгоград).

Сублимация родительского опыта через заботу о домашних животных встречается у информантов из материально благополучных семей, единственных детей. В целом, попытка систематизировать сюжеты жизненных историй выбирающих добровольную бездетность позволяет говорить о том, что такой выбор во многом определяется наличием негативного опыта жизни в родительской семье с различными вариантами нарушений детско-родительских отношений, формирующих комплекс психологических барьеров и установок, обуславливающих отсутствие желания переживать родительство, создавать семью в принципе, либо рассматривать супруга/партнера как источник одобрения, понимания и признания, которых они были лишены в детстве. Ключевой мотив бездетности – восприятие детей как угрозу субъективно воспринимаемому благополучию как материальному, так и психологическому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новоселова, Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России / Е. Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 1. – С. 99–110.
2. Ростовская, Т. К. Концептуальные подходы к проведению всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева // Вестник ЮРГТУ (НПИ) – 2020. – № 3. – С. 89–99.
3. Шабунова, А. А. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок / А. А. Шабунова, Т. К. Ростовская, // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – 2020. – №4. – 38–57.
4. Ломакин, И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России / И. В. Ломакин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – №6. – С. 394–436.

5. Клименко, Н. С. Материнство как социокультурный концепт (типология, трансформация, перспективы) / Н. С. Клименко, Н. А. Карелина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – 46. – С. 126–130.

6. Белинская, Д. В. Социальный портрет чайлдфри / Д. В. Белинская // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки – 2018. – Т. 13. С. 12–19.

УДК 316.422.4

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Леонидова Г. В.

*ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социально-демографических исследований
ФГБУН ВолНЦ РАН*

*кандидат экономических наук, доцент
г. Вологда, Россия*

В условиях санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны западных стран руководством страны принят стратегический курс на достижение технологического суверенитета. Усиление внимания, и одновременно требований, к образовательному уровню, профессиональной подготовке и повышению квалификации людей являются необходимыми условиями его обеспечения. В этой связи значительно возрастает актуальность исследований вопросов, связанных с интеллектуализацией общества, что требует не только повышенного внимания органов власти к этой проблеме, но и идентификации понятия «интеллектуальный потенциал населения» [1, с. 55].

Для понимания сущности интеллектуального потенциала населения наиболее значима теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер). Согласно ей доход человеку приносят знания, умения и навыки – именно то, что непосредственным образом составляет суть интеллектуальных свойств личности. В структуре интеллектуального потенциала личности авторы выделяют, кроме знаний, образовательные и социокультурные ценности (стремление к творчеству, познанию окружающего мира, общий уровень культуры и т. д.), базовый уровень образования, профессионально-квалификационный уровень, степень таланта, способность к восприятию новшеств, которая позволяет быстрее осваивать новые технологии в производстве и управлении.

В работах отечественных ученых существуют разные подходы к оценке интеллектуального потенциала. Их систематизация показывает, что наибольшей эвристической ценностью обладают интерпретативные схемы, в которых выделяется когнитивно-креативная составляющая, ориентирующая человека на практическое применение знаний и умственных способностей. Интеллектуальный потенциал оказывается заложенным в человеке как скрытая возможность, которую необходимо формировать в направлении, необходимом обществу, для дальнейшего его совершенствования. Из вышесказанного следует, что основными составными частями интеллектуального потенциала личности являются когнитивные (знаниевые) и творческие характеристики [2, с. 9; 14, с. 70].

Сложность определения параметров интеллектуального потенциала обусловлена тем, что, с одной стороны, в нем наличествуют выявленные и невыявленные компоненты, с другой стороны, сосредоточен широкий спектр абстрактных понятий: знания (теоретические, прикладные, экспериментальные), способности (умственные, творческие), интуиция. Кроме того, интеллектуальный потенциал населения динамично изменяется во времени под влиянием многих факторов: если он не используется, то быстро угасает, и, напротив, когда практика предъявляет на науку активный спрос, он быстро растет, и еще быстрее растет эффективность его использования [3, с. 93].

В логику данного подхода вписывается концепция качественных характеристик населения (Н. М. Римашевская), на основе которой ФГБУН ВолНЦ РАН проводит многолетнее социологическое исследование качества трудового потенциала населения. В исследовании интеллектуальный потенциал рассматривается, с одной стороны, как компонент трудового потенциала, с другой стороны, как интегральная характеристика когнитивных и креативных способностей людей (см. рисунок). Исходные эмпирические данные содержат информацию о

характере интеллектуального поведения (деятельности) и об отношении населения к ценностям интеллектуальной и творческой сферы [4, с. 30-33].

Рисунок. Компоненты интеллектуального потенциала населения

В соответствии с принятым в исследовании социологическим подходом, измерение интеллектуального компонента трудового потенциала осуществляется посредством оценки когнитивной и творческой составляющих.

Мониторинговое измерение трудового потенциала Вологодской области показывает, что, несмотря на рост уровня образования населения, глубинные процессы, происходящие на микроуровне в показателях знаниевой и творческой составляющих, свидетельствуют о снижении его интеллектуального содержания. Причем оно происходит на фоне общего повышения остальных качественных характеристик трудовых ресурсов. Индексы интеллектуальной составляющей трудового потенциала имеют отрицательную динамику и являются самыми низкими из восьми его базовых характеристик. (см. таблицу).

Таблица. Динамика качественных характеристик трудового потенциала населения Вологодской области (индексы)

Качества	Год									
	2000	2005	2011	2012	2014	2016	2017	2018	2020	2022
Социальная дееспособность	0,654	0,670	0,676	0,680	0,679	0,685	0,677	0,677	0,669	0,673
Физическое здоровье	0,677	0,708	0,728	0,730	0,755	0,733	0,719	0,740	0,714	0,724
Психическое здоровье	0,690	0,712	0,759	0,758	0,772	0,794	0,774	0,789	0,799	0,808
Когнитивный потенциал	0,637	0,630	0,626	0,612	0,624	0,627	0,627	0,605	0,595	0,603
Творческий потенциал	0,584	0,590	0,589	0,559	0,565	0,565	0,559	0,560	0,556	0,562
Коммуникабельность	0,729	0,730	0,743	0,754	0,758	0,755	0,731	0,738	0,733	0,737
Культурный уровень	0,622	0,658	0,651	0,701	0,678	0,687	0,702	0,684	0,672	0,659
Нравственный уровень	0,772	0,761	0,765	0,784	0,781	0,778	0,779	0,768	0,723	0,769
Потребность в достижении	0,621	0,664	0,647	0,654	0,649	0,660	0,661	0,649	0,634	0,646

Источник: данные мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2000-2022 г.

Наиболее негативный тренд с ярко выраженными колебаниями показывает динамика индекса когнитивного потенциала населения Вологодской области. Вместе с тем, в 2022 г. отмечается рост этой составляющей интеллектуального потенциала (с 0,595 до 0,603 ед.). В разрезе половозрастных характеристик населения наиболее высоким уровнем когнитивного потенциала обладают женщины и лица старше 35 лет. Изменение значений показателя среди мужчин характеризуется отрицательной динамикой, среди женского населения – положительной. Это свидетельствует о стремлении последних повысить свою конкурентоспособность на рынке труда,

в т. ч. за счет развития профессиональных навыков. Превалирование более высокого уровня показателя у старшего поколения обусловлено наличием опыта и накопленными знаниями, в то время как молодежь еще находится на этапе овладения знаниями. Среди образовательных групп населения прослеживается закономерность: чем выше уровень образования, тем более высокие значения принимает индекс.

Динамика индекса творческого потенциала населения Вологодской области также отрицательна, что позволяет говорить о застойной тенденции невостребованности творчества в экономике и обществе. Вместе с тем в 2022 году значение индекса также возросло, одновременно вырос и показатель требований к творческому и когнитивному потенциалу. Таким образом, можно констатировать, что мы наблюдаем определенный рост спроса на умных и креативных работников. Вероятнее всего этот спрос обусловлен наметившимся в российском обществе дефицитом кадров, связанного как с демографическими процессами убыли населения, так и отъездом в ряды СВО. Так или иначе, но позитивную тенденцию можно рассматривать как возможный фактор сдвигов в интеллектуальной сфере страны и обеспечения стратегической цели – достижения технологического суверенитета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонидова, Г. В. Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования / Г. В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 52-71.
2. Римашевская, Н. М. О методологии определения качественного состояния населения / Н. М. Римашевская // Демография и социология. – 1993. – Вып. 6.
3. Антипина, Н. Л. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы / Н. Л. Антипина, С. М. Моор, Е. В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4.(61). – С. 91–98.
4. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований / Г. В. Леонидова, Е. А. Россошанская, А. В. Попов; под ред. д.э.н. А. А. Шабуновой. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. – 2018. – 192 с.

УДК 001.89

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА ВОЛНЦ РАН)

Мироненко Е. С.

старший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

кандидат филологических наук, доцент

г. Вологда, Россия

Развитие интеллектуального потенциала является актуальной проблемой для российского общества. В связи с этим вопросы научно-исследовательской деятельности выходят на первый план. В докладе представлен опыт организации данной деятельности школьников в Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН. Проблема популяризации науки и приобщения молодежи к исследовательской деятельности получает все больший резонанс в трудах отечественных и зарубежных исследователей в течение последних десятилетий. В многочисленных публикациях по тематике затрагиваются такие вопросы, как мотивация российской молодежи к научной работе [1], организация проектной деятельности в школах и вузах [2], современные проблемы привлечения молодежи к научно-исследовательской деятельности [3], повышение уровня естественно-научного и гуманитарного образования выпускников школ и вузов, научно-просветительской работы со школьниками и молодёжью [4], влияние популяризации науки на молодежь и роль молодого поколения в научном просвещении [5], интеграция молодежи в исследовательскую деятельность посредством проектного метода [6] и др.

Приобщение к научно-исследовательской деятельности позволяет развивать у обучающихся когнитивные функции, повышает их самостоятельность, культуру процесса обучения. Посредством знакомства с методикой проведения научного исследования школьники учатся систематизировать, обобщать, углублять знания в той или иной области, а также применять их впоследствии на практике.

В настоящее время вопросы повышения научной мотивации у молодежи успешно решаются научно-образовательными центрами в рамках программ предпрофильного обучения и просветительских проектов. На базе Научно-образовательного центра ВолНЦ РАН сформирована коммуникативная площадка для формирования у детей школьного возраста положительной мотивации к научной деятельности, надежных представлений о науке как сфере общественной жизни, а также самореализации в научной сфере, которая способствует передаче опыта и знаний от состоявшихся ученых к молодому поколению.

В рамках деятельности НОЦ ВолНЦ РАН организуются просветительские мероприятия, реализуются проекты, такие как «Я хочу стать ученым!», «Школа зеленой экономики», «Академический класс», «Интернет-школа».

Практика организации научно-исследовательской деятельности школьников в Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН осуществляется по нескольким направлениям:

1. Преподавание в 10-11 классах просветительских курсов «Основы исследовательской и проектной деятельности», «Финансовая и экономическая грамотность», «Социология в современном мире», «Введение в микробиологию и биотехнологию».

2. Преподавание в 8-9 классах курсов «Экспериментальная биология» и «Школа зеленой экономики».

3. Организация участия обучающихся в конкурсах научно-исследовательских работ и эссе НОЦ ВолНЦ РАН.

4. Привлечение обучающихся к участию в региональных и всероссийских конкурсах и конференциях.

5. Привлечение школьников к участию в региональном конкурсе проектов «СМАРТ-Вологда».

В Научно-образовательном центре ВолНЦ РАН за период с 2003 по 2023 год проведены 20 конкурсов научно-исследовательских работ среди обучающихся среднего и старшего звена НОЦ, столько же выпущено сборников, включающих в себя материалы исследований победителей и призеров конференций. Описание методологических основ проведения научно-исследовательских работ в среде Научно-образовательного центра представлено более чем в 30 научных публикациях [7, с. 6].

Магистранты и аспиранты Вологодского научного центра РАН имеют возможность преподавать для обучающихся общеобразовательных учреждений, тем самым приобретая практический педагогический опыт. Школьники реализуют научно-исследовательские проекты под руководством кураторов – аспирантов и молодых ученых Центра.

В рамках деятельности Научно-образовательного центра ВолНЦ РАН разработана методика просветительской работы со школьниками, включающая просветительские мероприятия, направленные на создание коммуникативной площадки для формирования у детей школьного возраста положительной мотивации к научной деятельности. Данный опыт можно рекомендовать для внедрения в российских вузах и научных организациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дежина, И. Г. Молодежь в науке / И. Г. Дежина // Социологический журнал. – 2003. – № 1. – С 71–87.
2. Казун, А. П. «Проектный метод» как механизм профессиональной ориентации детей и молодежи / А. П. Казун, Л. С. Пастухова // Известия МГТУ «МАМИ». – № 4(22). – 2014. – т. 5. – С. 202–209.
3. Лыскова, В. Ю. Современные проблемы привлечения молодежи к научно-исследовательской деятельности / В. Ю. Лыскова // Вестник ТГУ. – выпуск 11 (103). – 2011. – С. 142–148.
4. Заикина, Г. А. Задачи Российской академии наук по популяризации и пропаганде науки / Г. А. Заикина // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 1. – С. 15–23.
5. Горина, Т. С. Популяризация науки в молодежной среде. Управление экономикой, системами, процессами / Т. С. Горина // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. – Издательство: Пензенский государственный аграрный университет (Пенза). – С. 59–63.
6. Бабич, Л. В. Проектный метод интеграции молодежи в исследовательскую активность со школьного возраста / Л. В. Бабич, М. А. Головчин // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2023. – № 1 (85). – С. 56–66.
7. Мироненко, Е. С. Научно-исследовательская деятельность молодежи как компонент интеллектуального потенциала региона / Е. С. Мироненко // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 10(30). – С. 6.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рысюкевич Н. С.

старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

кандидат социологических наук, доцент

г. Минск, Беларусь

В социальном и биологическом развитии человека одним из ведущих факторов является формирование интеллектуальных способностей и качеств. В современном обществе отмечается все более возрастающая тенденция к интеллектуализации практической деятельности в различных сферах. Это относится и к сфере физического воспитания и спорта.

Необходимость физического воспитания молодого поколения не требует доказательств, так как имеется достаточный эмпирический материал, убедительно показывающий роль и значение его факторов, форм и средств в жизни и трудовой деятельности. В то же время фундаментальной проблемой физического воспитания в настоящее время является последовательное изучение основных закономерностей, обусловленных концепцией индивидуальной жизни человека. Изменения, возникающие в двигательной сфере в процессе физического воспитания, не могут не затрагивать или обуславливать изменения в других сферах личности, в том числе умственной.

Сущность физической культуры предполагает интегративность ее влияния на развитие человека (физическое, духовное, интеллектуальное). Не обосновано используемые физические упражнения не могут оказывать положительное влияние на здоровье занимающихся и не будут способствовать всестороннему гармоничному развитию студентов. В структуру физической культуры личности, наряду с показателями развития физических качеств, арсеналом двигательных умений и навыков, состоянием здоровья и т. п. входит и физкультурная образованность, предусматривающая широкий круг специальных знаний [2].

В составе базовых компонентов физической культуры личности интеллектуальный компонент занимает важное место. Однако, отмечается недостаточная разработанность теоретических, методологических и организационных основ формирования интеллектуального компонента физической культуры личности студента. В каждом возрастном периоде совершенно необходимо иметь адекватную двигательную активность. В этой связи студенческая среда выступает своеобразным катализатором. Системное усвоение студентами специальных знаний в данной области позволяет им расширять границы своих возможностей, приобретать необходимые профессионально-прикладные физические качества, сохранять и улучшать свое здоровье, совершенствовать личностные качества.

Место физической культуры в системе социально-гуманитарных знаний определяется предметом ее изучения, который составляют закономерности и особенности формирования физической культуры студентов, совокупность знаний, умений и навыков с целью укрепления физических и духовных сил личности для достижения ею жизненных и профессиональных задач. Однако, физическое воспитание зачастую рассматривают только как средство оптимизации и поддержания физических кондиций человека. Более того, можно услышать мнения, что это реализуется в ущерб интеллектуальному и социально-психологическому развитию. И как следствие, занятия по физической культуре в учреждениях образования воспринимаются как нечто вторичное в подготовке специалиста, что приводит к пренебрежению ими.

В настоящее время стоит признать недостаточную эффективность существующей системы физического воспитания, что выражается в очень низком уровне физической подготовленности и постоянной тенденции ухудшения здоровья студенческой молодежи, отсутствием у них элементарных знаний по анатомии, физиологии, основам физкультурно-оздоровительной деятельности. В том числе, на это влияет и прогрессирующая интеллектуализация и технологизация всех сфер человеческой деятельности. Большую часть времени молодые люди проводят сидя на занятиях и дома перед компьютером, в относительно неподвижном положении, и наряду с проблемой умственной перегрузки возникает не менее серьезная проблема физической «недогрузки». В связи с большой аудиторной загруженностью студентов, в некоторых учреждениях высшего образования не проводятся теоретические (лекционные) занятия,

предусмотренные типовой программой по физической культуре для непрофильных учреждений высшего образования, на которых молодые люди должны получить знания необходимые для всестороннего развития, поддержания и укрепления здоровья.

Практика показывает, что отсутствие у студентов теоретических знаний по физической культуре снижает эффективность обучения и воспитания, уменьшает интерес к занятиям физическими упражнениями, мешает пониманию важности положительного отношения к систематическим самостоятельным занятиям физической культурой. Поэтому преподаватели физической культуры в своей работе сталкиваются с необходимостью обоснования взаимосвязи двигательного и интеллектуального развития и проблемой разумного сочетания физической и умственной деятельности в процессе освоения учебной дисциплины. В условиях непрерывно увеличивающейся интеллектуализации, приоритет умственного развития не должен вытеснить из образовательной среды другие крайне важные для всестороннего и гармонического развития личности сферы – сферы развития двигательного и нравственного потенциалов человека. Но в то же время, увеличение интеллектуальной нагрузки на занятиях физической культурой не должно затмить главную цель – развитие двигательного потенциала и укрепление здоровья будущего специалиста.

Наблюдения и опыт работы подтверждают наличие в настоящее время на занятиях по физической культуре в учреждениях высшего образования односторонней ориентации на двигательное совершенствование с недооценкой интеллектуальной сферы студентов. Проведенный экспертный опрос на кафедрах физического воспитания в 5 учреждениях высшего образования города Минска (экспертами выступили 34 преподавателя физической культуры со стажем работы более 10 лет), выявил ряд проблем, с которыми преподаватели сталкиваются в процессе своей деятельности. Некоторые из выявленных проблем:

- у студентов практически отсутствуют знания по физической культуре в объеме школьной программы;
- у подавляющего большинства студентов отсутствуют знания о возможностях физкультурно-оздоровительной деятельности и нет навыка самостоятельных занятий;
- из-за большой аудиторной нагрузки студентов в учреждениях высшего образования не проводятся теоретические занятия по физической культуре;
- предусмотренный объем лекционных часов по физической культуре не достаточный, а содержание не всегда соответствует поставленным задачам.

Следует отметить, что была названа и проблема квалификации самих преподавателей, не всегда на кафедрах есть специалисты способные на высоком уровне читать лекции по физической культуре.

Больше половины опрошенных экспертов (55,8 %) высказали мнение, что теоретические занятия по их предмету необходимы в большем объеме, чем предусмотрено программой, и их содержание должно быть пересмотрено; 29,4 % опрошенных преподавателей считают предусмотренный объем часов вполне достаточным; 14,7 % экспертов считают преподавание теории на занятиях физической культуры бесперспективной тратой времени, и учитывая без того огромную аудиторную нагрузку студентов, совсем лишним.

Решая задачи физического воспитания в реальных условиях образовательного процесса, следует акцентировать внимание на роли и месте физической культуры в подготовке специалиста. Только те компоненты физического воспитания, которые образуют порядок внутренних и внешних связей между элементами системы, определяют степень взаимодействия физической культуры с окружающей средой и способствуют формированию социальных компетенций личности. Таким образом, многолетний практический опыт работы кафедр физического воспитания и спорта, научные исследования в данной области убедительно доказывают значимость и целесообразность владения студентами теоретико-методическими основами физической культуры, что включает в себя системное усвоение специальных знаний, формирование умений и навыков [1].

К сожалению, сегодня мы вынуждены говорить о физкультурной неграмотности, населения в целом и студенчества в частности. Решать эту проблему необходимо формируя у студентов необходимый арсенал физкультурно-спортивных знаний в том числе на теоретических занятиях. Основной вектор совершенствования физического воспитания должен быть направлен на формирование потребности и способности к самообразованию, самосовершенствованию, что

невозможно без интеллектуализации процесса обучения. Проблемой интеллектуализации физического воспитания студентов, как уже было отмечено, видится недостаточная теоретическая подготовка и изолированное рассмотрение теоретического и практического разделов физического воспитания, не совмещение механизмов интеллектуальной и двигательной деятельности. Чем больше знаний по физической культуре и спорту будет у молодежи, тем больше у них будет включен мыслительный компонент двигательной деятельности, и тем лучше будут результаты в освоении умений и навыков, развитии двигательных способностей, интереса к занятиям физической культурой и спортом на протяжении не только студенческого периода, но и всей жизни. Недостаточные знания по предмету «физическая культура» не обеспечивают должным образом главную цель образования – всестороннее и гармоничное развитие личности. Основным результатом интеллектуализации процесса физического воспитания в учреждении высшего образования является будущий специалист с развитым физическим, интеллектуальным и творческим потенциалом, отвечающий современным требованиям профессии, общества, государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основы физической культуры : учеб. пособие / В. А. Коледа, В. Н. Дворак. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.
2. Новиков, Б. И. Физическая культура личности: сущность, структура, пути формирования / Б. И. Новиков // Физ. культура личности студента. – М., 1991. – С. 7–14.

УДК 316.44+371

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ УЧИТЕЛЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФИГУРЫ ПРОЦЕССА ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА¹

Толстяк Т. А.

*младший научный сотрудник, аспирант Института социологии НАН Беларуси
магистр социологических наук
г. Минск, Беларусь*

Современное белорусское общество испытывает влияние глобальных процессов, которые преобразуют социальную структуру общества и его социальные отношения. В этих условиях первостепенной задачей для сохранения и развития социума является обеспечение национальной безопасности государства. Среди основных компонентов в структуре национальной безопасности выделяют безопасность социальную. Данный аспект безопасности имеет фундаментальное значение для сохранения целостности общества как страны-государства, обеспечения перспектив его развития и условий самореализации всех членов общества [1, с. 45].

Под социальной безопасностью как компонентом системы обеспечения национальной безопасности понимается «защищенность человека от несправедливого неравенства в общественном положении, возможных ограничений, доступа к социальным благам – образованию, здравоохранению, передвижению, выбору места работы и проживания, от любых форм дискриминации и сегрегации, а также защита семьи, трудового коллектива и всего социума от негативных социальных явлений и процессов» [1, с. 45]. В области обеспечения социальной безопасности усиливается актуальность исследования образования как социального института. Это объясняется следующими обстоятельствами.

В настоящее время наблюдается интеллектуализация сфер социальной жизни. С. А. Шавель характеризует интеллектуализацию как «усиление во всех сферах и социальных институтах общества всех составляющих интеллекта ..., рационализацию индивидуальных действий и всей социальной практики, оптимизацию тех факторов, которые так или иначе связаны с интеллектом и влияют на него, усовершенствование и развитие функций интеллекта» [2, с. 17].

Интеллект человека и его интеллектуальная культура развиваются в процессе социализации личности, прежде всего, в процессе образования, в котором педагог является одной из системообразующих фигур. Учителю отводится одна из главных ролей в воспитании детей и молодежи, развитии ее интеллектуального и нравственного потенциала. Педагог выполняет

¹ Работа подготовлена в рамках договора №2023-30-035 от 03.04.2023 г. на выполнение научно-исследовательской работы по гранту НАН Беларуси.

наряду с семьей функцию передачи знаний, опыта, способствует развитию личности, ее интеграции в общество. Роль учителя в процессе интеллектуализации прежде всего определяется теми задачами, которых достигает педагог в своей деятельности: помимо передачи знаний, он формирует способности обучающегося, формирует качества личности, обучает дисциплине, прививает уважение к окружающим, к процессу обучения и к труду. Зачастую многое из этого достигается и личным примером педагога. Поэтому в условиях кардинальных изменений социальной реальности перед педагогами предстают новые задачи, которые характеризуются большей сложностью и стратегичностью, чем предыдущие.

В то же время новая социально-экономическая организация общества, включающая и трансформацию роли интеллекта в обществе, принципиально меняет профессиональную структуру. Снижается потребность или, напротив, повышается запрос общества и рынка труда на специалистов с конкретной квалификацией, что ведет к появлению новых профессий либо невостребованности ранее существовавших. В научном сообществе ведется дискуссия о тех трансформациях в профессиональной структуре, к которым может привести развитие искусственного интеллекта: специалистов каких профессий он сможет заменить в будущем. Все это актуализирует исследование профессиональной стратификации общества.

Престиж профессии выступает одной из социологических характеристик профессиональной структуры и отражает значимость конкретных профессий в общественном сознании. Актуальность исследования престижа профессии определена, прежде всего, тем, что измеренный на уровне общества и отдельных социальных групп престиж может выступать как фактором, объясняющим и предсказывающим поведение людей в ситуации профессионального и образовательного выбора, так и инструментом, позволяющим выявить изменения в профессиональной структуре общества. Учитывая вышеизложенное, в данной работе мы проанализируем престиж профессии учителя в оценках населения Республики Беларусь².

Для определения значимости профессии респондентам предлагалось оценить ее престиж по шкале от 1 до 10, где 1 – минимальная оценка, а 10 – максимальная. Затем рассчитывалась средняя оценка по всей выборочной совокупности и по различным социально-демографическим группам. Некоторые результаты анализа престижа профессии учителя средней школы нами были опубликованы ранее³.

Так, было выявлено: 1) в целом по республике престиж профессии учителя получил оценку 6,5 баллов; 2) выявлена дифференциация в оценках престижа профессии учителя в разрезе возраста, уровня образования, места проживания респондента (город / село); 3) не обнаружено значимых различий в оценках мужчин и женщин.

В рамках исследования престижа профессии учителя была сформулирована гипотеза о дифференциации его оценок у респондентов, проживающих в различных территориальных зонах нашей страны. Поэтому далее мы сравним средние оценки престижа профессии учителя респондентов Минска и областных центров, респондентов из населенных пунктов размером 100-250 тысяч людей, 50-100 тысяч людей, 10-50 тысяч людей, респондентов из малых городов и поселков городского типа (менее 10 тысяч населения) и сельских населенных пунктов.

В результате анализа комбинационной таблицы была выявлена значимая связь между оценками престижа профессии учителя средней школы и местом проживания респондента (значение Хи-квадрат Пирсона = 156,576, при числе степеней свободы $ss = 55$ и уровне значимости $p = 0,000$). В таблице представлены средние оценки престижа педагогической профессии респондентов, проживающих в различных территориальных зонах.

² Данные республиканского опроса населения Республики Беларусь, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в рамках задания 5.04 «Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества», государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» при участии автора в ноябре 2022 года по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта ($N = 1848$).

³ Толстяк, Т. А. Престиж профессии учителя в оценках населения Республики Беларусь / Т. А. Толстяк // Молодежь в науке – 2023 : тезисы докладов XX Международной научной конференции молодых ученых (Минск, 20–22 сентября 2023 г.) : аграрные, биологические, гуманитарные науки и искусства, медицинские физико-математические, физико-технические, химия и науки о Земле / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых : редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2023. – 837 с. – С. 364–367.

Так, можно отметить, что население Минска и областных центров оценило престиж профессии учителя ниже, чем население других территориальных зон – 6,0 баллов. В свою очередь наибольшие оценки – 7,1 и 7,0 баллов соответственно – престиж профессии учителя получил от жителей малых городов, поселков городского типа (менее 10 тыс. населения) и сельских населенных пунктов.

Таблица. Средние оценки престижа профессии учителя средней школы, в баллах

Как бы вы оценили престиж профессии учителя средней школы?	Всего	в том числе по территориальной зональности					
		Минск и областные центры	100-250 тыс. населения	50-100 тыс. населения	10-50 тыс. населения	Малые города и пгт (менее 10 тыс. населения)	Сельский населенный пункт
Средняя оценка	6,5	6,0	6,7	6,1	6,8	7,1	7,0

Примечательно, что респонденты, проживающие в населенных пунктах с населением в 50-100 тысяч человек, также оценили престиж профессии учителя в 6,1 балл, что достаточно низко по сравнению с респондентами, проживающими в остальных территориальных зонах. Полученные оценки могут быть взаимосвязаны с образом жизни людей, проживающих в малых городах. Можно предположить, что учителя в малых городах имеют более тесные социальные связи со своими учениками и их родителями, чем в больших городах.

Резюмируя, можно сказать, что оценки престижа профессии учителя населением различных территориальных зон Республики Беларусь характеризуются неоднородностью, что необходимо принимать во внимание при проведении аналитических процедур и подготовке рекомендаций по мерам повышения престижа профессии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шавель, С. А. Социальная политика в обеспечении национальной безопасности / С. А. Шавель // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы III Междунар. науч.-практической конф., г. Минск, 3–4 ноября 2022 г. / ред. Кол. : Мысливец Н. Л. (гл.ред.) [и др.]; Институт социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – 398 с. – С.45 – 47.
2. Шавель, С. А. Кибернетическая версия взаимодействия сфер общества / С. А. Шавель // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – №3. – С. 4–19.
3. Красношлыкова, О. Г. Престиж профессии педагога как ресурс повышения удовлетворенности профессиональной деятельностью / О. Г. Красношлыкова, И. В. Шефер, М. В. Садретдинова, Е. В. Бородкина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2018. – №4. – С. 98–107.

УДК 316.4.051

СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Шухатович В. Р.

*заведующий отделом социологии социальной сферы,
Институт социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Стремительное развитие информационных технологий и цифровизация всех сфер общества предоставляет шанс странам с ограниченными природными ресурсами и высоким уровнем развития человеческого потенциала, в числе которых Республика Беларусь, ускорить процессы модернизации и повысить технологическую, экономическую и социальную конкурентоспособность. Современные вызовы, риски и угрозы (геополитические, информационные, экологические, био-медицинские, социальные, духовные), влекут за собой необходимость укрепления безопасности и суверенитета страны, что требует интеллектуализации всех сфер общественной жизни. Интеллектуализация может быть рассмотрена как процесс усиления способности общества к генерации идей и их практическому воплощению в реальные

технологии для решения актуальных проблем и стратегических задач за счет эффективного использования информации, научного знания, опыта, способностей и компетенций людей.

Суверенное развитие Беларуси формировалось в условиях вызовов и угроз, которые ставили под вопрос само существование страны и ее народа. Прежде всего имеются в виду катастрофические последствия распада СССР и аварии на Чернобыльской АЭС. За более чем тридцать лет страна смогла достичь значительных успехов в модернизации промышленности, социальной сферы, аграрного сектора, повысить свой международный авторитет и конкурентоспособность. Для осуществления рывка в своем технологическом и социальном развитии на современном этапе с учетом возможностей союзнических отношений Беларуси и России необходим детальный комплексный анализ социальных процессов и явлений, в том числе тех, которые протекают латентно и не в полной мере могут быть описаны и раскрыты только методами официальной статистики.

Высокая скорость и неотвратимость современных изменений заставляет государство, включая управленческие кадры и профессионалов, прилагать серьезные усилия для адаптации экономики и общества к происходящим событиям, преодолению инерции, прежде всего, в мышлении людей. Происходят революционные сдвиги не только в технологическом укладе, но и в социальной организации, образе жизни и повседневной деятельности людей, их психике и социальном самочувствии.

Возрастает потребность в осмыслении и адекватном аналитическом сопровождении этих процессов. В этом контексте трудно переоценить возможности социологии.

Социологический подход позволяет дополнить технологизаторское видение гуманистической перспективой, обратной связью с социальными субъектами, пониманием их роли, социальных ожиданий и проблем.

На методологическом уровне актуальность социологического изучения процесса интеллектуализации общества диктуется необходимостью создания описательных, объяснительных и прогнозных моделей новой социальной реальности, возникающей под влиянием современных информационно-коммуникационных технологий и роботизации. Укореняясь в повседневность, эти инновации изменяют социальную организацию общества, социальную структуру, социальные отношения, образ жизни людей, саму личность во всем многообразии ее социальных связей. Возникает потребность в разработке релевантной системы понятий, методов сбора и анализа социологической информации, её интеграции в массивы «больших данных» (big data) с целью более эффективного использования в процессах управления обществом и обеспечения гуманитарной безопасности. Социологические исследования, выступая средством обратной связи способствуют согласованию технико-технологических и социальных процессов, выявлению латентных и проблемных аспектов, разного рода социальных дисфункций, непредвиденных эффектов внедрения новых технологий.

Практика показала, что при переходе к информационному обществу и цифровой экономике только цифровой (технологической) грамотности и компетентности недостаточно для устойчивого и гармоничного развития экономики и общества. Происходят изменения в сознании и мышлении людей. Стремительное распространение интернет-технологий, искусственного интеллекта во многом опережает развитие систем обеспечения безопасности и продуцирует возникновение новых масштабных вызовов и угроз, в том числе, рисков деинтеллектуализации.

В социологической теории накоплен серьезный опыт, который может быть использован при исследовании процессов интеллектуализации. С точки зрения вклада в методологию социологического исследования известный белорусский социолог Г. Н. Соколова выделяла вклад немецкого мыслителя М. Вебера, который, характеризуя переход к капитализму, обратил внимание на процесс проникновения рационального начала во все сферы материальной и духовной культуры, включая образ жизни и образ мыслей, хозяйственную этику, производство, бухгалтерию, технику, право. Рационализация с точки зрения структуры общества означает, что рационализируется способ ведения хозяйства, управление во всех областях социальной жизни, мышление людей и образ жизни в целом. Наука, как наиболее чистое воплощение принципа рациональности, проникает во все сферы жизни, прежде всего, в производство, управление и быт. М. Вебер полагал, что рационализация является универсальной характеристикой современного общества [1].

Весьма продуктивным в контексте исследования социальной проблематики процессов интеллектуализации представляется использование методологического потенциала теорий среднего радиуса действия, роль которых раскрыта американским социологом Р. Мертоном. К числу наиболее значимых могут быть отнесены: социология науки, социология образования, социология управления, экономическая социология, социология труда, социология творчества, социология знания, социология социальных изменений, социология инноваций и другие.

Социологическая наука дает возможность на основе использования теоретического знания и методов эмпирического исследования разработать методики, реализовать принцип обратной связи с экспертным сообществом, различными социальными группами, изучить социальные ожидания людей, ценностные ориентации, личностные качества, мотивы, установки, жизненные стратегии и повседневные практики, исследовать вовлеченность в творческую деятельность и инновационные процессы, выявить наиболее значимые проблемы и социальные факторы интеллектуализации, разработать и внедрить практические рекомендации, направленные на повышение конкурентоспособности и безопасности общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соколова, Г. Н. Рационализация // Социология : Энциклопедия. // сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1312 с.

УДК 316.334.4:316.354.2

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ

Яковлева Н. И.

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В условиях усиления процессов глобализации и связанных с ними рисков, успех социально-экономического развития страны, уровень и качество системы национальной безопасности в целом зависят от состояния и развития общества. В этой связи интеллектуализация общества становится актуальной задачей государства, поскольку именно качество интеллекта и процессы интеллектуализации, реализуемые во всех сферах жизнедеятельности, являются основным фактором достижения конкурентного преимущества страны на мировой арене в XXI веке.

Само понятие «интеллектуализация» в научной среде интерпретируется неоднозначно, так, его часто связывают с такими личностными качествами как креативность или способностью общества в целом применять интеллектуальные умения людей. На более высоком уровне интеллектуализация рассматривается как способность системы (государство, институт, организация) к нахождению креативных и эффективных решений для достижения значимых результатов в науке, технологии, в сфере экономики, занятости, безопасности и т. д. Большинство исследователей всё же сходятся в том, что главной характеристикой интеллектуализации является возможность генерации инноваций, созданию предпосылок и условий прогресса в развитии страны, общества. Возрастание роли знания, науки и новых технологий в современном мире привели к тому, что интеллектуализация, как своего рода интегративная составляющая, становится крайне востребованной, нет той сферы общественной жизни которую бы не связывали с ней, так повсеместно можно слышать о всеобщей интеллектуализации, о достижениях в области интеллектуальных технологий, об «интеллектуальной» экономике, о «креативном» обществе, «умном» городе [1, с. 92–93]. Однако, достижение высокого уровня интеллектуализации общества напрямую обусловлено уровнем ценностного, культурного, социального развития самого современного человека и общества в целом.

Стремительное развитие инновационных технологий, применяемых в сфере безопасности, медицине, образовании, создании искусственного интеллекта и информационных сетей являются, по мнению многих исследователей, характерными признаками шестого технологического уклада, который может стать основой для перехода на качественно новый уровень регулирования экономики, общества, государства. Однако, происходящие изменения, с одной стороны, ставят задачу по сохранению и развитию интеллектуальных ресурсов, с другой, значительно усложняют

саму структуру общественного устройства, что проявляется в появлении и нарастании неоднозначных тенденций во многих сферах общества.

Неоднозначность трансформационных процессов современного общества во многом связана со сменой ценностей, которые длительный период определяли развитие общества и культуры. Так, деформируются свойственные индустриальному обществу социальные формы, изменяются традиционные гендерные и семейные отношения [2], происходит распространение и умножение риска во всех сферах жизни человека [3, с. 75].

Еще одной важнейшей характеристикой развития общества в настоящее время являются информатизация социальных институтов и общественных отношений. Позитивными моментами внедрения современных информационных технологий в повседневную жизнь стали всеобщая доступность информационно-коммуникативного пространства, возможность объединения разных социальных групп. В то же время негативные феномены общественной жизни, такие как «социальное напряжение, конфликты переходят в информационную сферу, часто становятся элементом виртуально-компьютерной сферы, отнюдь не утрачивая свою актуальность и значимость в социальной системе» [3, с. 76]. Напротив, технологии виртуализации по мере своего совершенствования приобретают свойства самостоятельной отдельной среды, в которой реальный социальный конфликт может не только обсуждаться как таковой, но и нарастать, трансформироваться в виртуальный, независимый от культурно-исторического контекста элемент, который уже не отражает действительность, а только симулирует её [4, с. 94]. Под влиянием технологий виртуализации происходит своего рода «вытеснение отражения действительности ее симуляцией и, как результат, формируются виртуальные формы идентичности», симулякры приобретают устойчивость, при которой уже не требуется связь с реальностью [4, с. 92]. Таким образом, в настоящее время в условиях информатизации, технологизации и виртуализации общественной жизни, перехода к высокотехнологичной реальности проблематика, связанная с гуманитарными аспектами человеческого существования, становится все более актуальной. Тем не менее информационные технологии, технологии виртуальной реальности стали неотъемлемой частью нашего современного общества, поэтому их следует не просто рассматривать в качестве характеристики общества постмодерна, а непосредственно изучать как отдельную сферу общественной жизни в её когерентности со всеми отраслями социальной, экономической, политической жизни.

В рамках реализуемой социальной политики необходимость формирования нравственной, ценностно ориентированной, креативной и культурной личности становится первостепенной задачей, поскольку непосредственно личность с присущими ей качественными характеристиками выступает основой наращивания интеллектуальных ресурсов страны. В настоящее время отмечается тенденция переориентации мирового общества с производства материальных благ на создание морально-ценностных ориентиров, носителем которых является креативная индивидуальность с высоким интеллектом, развитие цивилизации направлено на достижение стабильности в социальной, политической, экономической и культурной сферах общества. В тоже время новый, более того постоянно динамически изменяющийся, социотехнологизированный уклад жизни общества опосредует необходимость эффективного использования интеллектуальных ресурсов, качество которых становится значимым условием успешного развития государства. Сфера социальной защиты и страхования одна из сфер жизни общества, которая непосредственно выступает носителем и исполнителем таких функций как защита населения от разного рода рисков, предупреждение и профилактика наступления неблагоприятных ситуаций, сбережение и развитие уже существующего социального капитала страны.

Интеллектуализация общества в сфере страховой защиты заключается в повышении всеобщего уровня безопасности, готовности людей к преодолению рискованных ситуаций на основе применения эффективных стратегий страхового поведения, в условиях цифровизации также важно овладение навыком онлайн – страхования. Уровень страховой активности и соответственно уровень всеобщей безопасности следует оценивать не только по количеству заключенных договоров страхования, но и по тому какие стратегии и действия применяют люди с целью сделать свою личную жизнь безопасной, насколько ответственное и самоответственное поведение, принятие превентивных мер по минимизации рисков превратились в важную и неотъемлемую часть жизнедеятельности каждого отдельного индивида.

В качестве признаков интеллектуализации сферы страхования можно рассматривать такие показатели как:

- уровень ответственности граждан, проявляющийся в критической оценке жизненной ситуации и сознательном выборе на её основе соответствующей стратегии поведения – застраховать жизнь, здоровье, сделать накопления, повысить уровень квалификации и т.д.;
- уровень доверия страховым институтам, повышение которого говорит о эффективном позитивном опыте страховых отношений у населения;
- степень потребности в страховой защите, интерес к системе страхования, основанный на желании обезопасить, сберечь значимые ценности как материальные (жилье, автомобиль и т.д.) так и нематериальные (здоровье, жизнь).

Выявление социальных характеристик, факторов и условий интеллектуализации современного общества и личности может служить основанием для разработки социально-политических, экономических, культурных программ различного уровня, направленных на развитие интеллектуального потенциала страны, интеллектуальной культуры, что является необходимым условием национальной безопасности и государственной независимости в современном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антипина, Н. Л. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы / Н. Л. Антипина, С. М. Моор, Е. В. Мурзина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (61). – С. 91–98.
2. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек // – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Зенин, К. А. Инновационные формы социального неравенства в России начала XXI в. / К. А. Зенин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. – С. 75–77.
4. Емелин, В. А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3 (23). – С. 86–97.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕРЕНИЯ АУДИТОРИИ МЕДИА И СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 340.114.5

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Вершок И. Л.

*доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

В условиях стремительной цифровизации коммуникационных процессов современного общества процессы трансляции информации приобретают наибольшую интенсивность, скорость и широту. В указанном контексте проблемы защиты информации, относящейся к персональным данным, характеризуются высокой актуальностью, индивидуальной и социальной значимостью.

Личная информационная безопасность во многом зависит от качества правового сознания субъектов, которое в настоящее время подвергается существенной трансформации. Динамика современного правового сознания обусловлена увеличением массива и скорости трансляции в сети Интернет информации социально-правового и юридического содержания, усложнением структуры и границ цифровой реальности по сравнению с границами физического мира.

Правовое сознание, представляющее собой сложный многоуровневый процесс, направленный на восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию информации юридического или социально-правового характера, способствует адаптации субъектов права к изменениям окружающей среды, в том числе и цифровой реальности. В некоторых случаях правовое сознание обеспечивает трансформацию данной реальности, конструируя новые ее элементы или компоненты.

При этом большое количество информации, поступающей из внешней среды, воспринятой и отраженной, не подвергается глубокому осмыслению, а лишь поверхностно воспринимается субъектом-носителем правового сознания, получая простую репрезентацию в нейронных сетях головного мозга [1, с. 268–269]. В контексте поведенческой экономики соответствующий мыслительный процесс называется работой Системы 1, функционирующей «в комфортном режиме минимальных усилий» и генерирующей впечатления, предчувствия, намерения и чувства [2, с. 36].

Однако далее мозг может «отсекать» лишнюю информацию и допускать для осмысления и интерпретации тот объект, который выделяется на фоне остальных или связан с текущими целями субъекта. Этот стимул усиливается и начинает направлять поведение субъекта, характеризующееся дальнейшим контролем со стороны его сознания (рефлексией), именуемым в терминологии сторонников поведенческой экономики мыслительной Системой 2 [2, с. 37]. Отобранная информация подвергается последующей переработке – осмыслению и интерпретации, затрагивая личностные качества человека, который осваивает ее не репрезентативно, а глубоко, осмысленно и интерпретативно. Такая когнитивная деятельность представляет собой нечто среднее между раскрытием смысла и конструированием реальности. Она дает возможность субъекту выполнять более активную и решающую роль, состоящую не только в декодировании информации, но и в придании ей нового смысла и значения. Интерпретация – это активный процесс, итог целого ряда когнитивных и мотивационных влияний [3, с. 46], который происходит в правовом сознании и выражается в правовом поведении. Чем больший объем информации получает субъект, тем больше его потребность в такой особой интерпретационной работе [4, с. 55].

В сфере защиты персональных данных в настоящее время наблюдается преимущественно первый тип поверхностного, быстрого и автоматического (рефлекторного) восприятия и отражения сведений об организационно-правовых аспектах предоставления, обработки и защиты личной информации. В частности, при проведении опроса Институтом социологии

НАН Беларуси по инициативе Национального центра защиты персональных данных, большинство респондентов (75,8 %) высоко оценили значимость личной информации [5]. Так, они воспринимают свои личные данные как важный ресурс и соответствующим образом косвенно признают высокую социальную и индивидуальную значимость охраны сведений личного характера.

В правовом сознании большинства респондентов уже сгенерировано первое поверхностное впечатление о персональных данных как о важном объекте, требующем соответствующей организационно-правовой защиты. Обывательское, общее и часто эмоциональное отношение к ценности персональных данных в настоящее время демонстрирует высокие показатели.

Однако лишь около половины опрошенных (56,5 %) с той или иной периодичностью при использовании Интернет-сервисов, требующих предоставления персональных данных, знакомятся с Политикой обработки персональных данных. Вообще не знакомится с текстом Политики 26,6 % опрошенных [5], то есть их правовое сознание интенционально не направлено на осмысление и интерпретацию информации, связанной с конкретными условиями распространения и защитой их собственной, личной информации на определенном Интернет-сайте или Интернет-платформе.

Получается, что важность персональных данных в целом автоматически признает большинство опрошенных, но в дальнейшем осмысливать и интерпретировать информацию по поводу обеспечения собственной информационной безопасности в цифровой среде, а также реализовывать ее в правовом поведении готовы далеко не все. Для большинства респондентов собственное поведение по обеспечению безопасности персональных данных в настоящее время не находится в фокусе внимания их правового сознания, и механизмы самозащиты личной информации не подвергаются глубокому осмыслению и интерпретации.

В результате проведенного соцопроса в качестве одного из важных направлений дальнейшего развития сферы персональных данных предлагается повышать осведомленность населения в области законодательства о персональных данных. Прежде всего, речь идет о правах, предоставленных Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных», что, по мнению специалистов, будет способствовать привлечению внимания к вопросам защиты «личного пространства» каждого человека и формированию в обществе социальной ценности персональных данных [5].

Однако отметим, что наличие такой осведомленности или привлеченного внимания означает восприятие и отражение информации о защите персональных данных, но еще не обязательно предполагает ее дальнейшее осмысление и интерпретацию, а тем более – высокую активность индивидов по обеспечению собственной информационной безопасности. Сама по себе информация (пусть даже в высшей степени актуальная и внешне убедительная) зачастую оказывается обескураживающе малоэффективным двигателем для того, чтобы повлечь за собой изменения в чувствах и поведении людей [3, с. 352].

Представляется необходимым на фоне официальных мероприятий по правовому регулированию защиты персональных данных и повышению осведомленности граждан о его содержании осуществлять и иные способы воздействия на правовое сознание субъектов цифровой реальности, обеспечивающие осмысление и интерпретацию сведений о мерах безопасности личных данных и активное правовое поведение по самозащите в цифровой сфере.

Учитывая то, что при изменении привычных для людей способов поведения может быть эффективным «социальное давление со стороны неформальной референтной группы» [3, с. 44], считаем целесообразным обеспечивать мероприятия по защите персональных данных также и на уровне горизонтальных социальных связей, неофициального социального взаимодействия. Многие социально-психологические, технические и организационно-правовые вопросы по их осуществлению требуют дополнительного осмысления, в том числе на уровне междисциплинарных разработок с привлечением специалистов в сфере теории коммуникации, а также представителей социологической, психологической и иных отраслей научного знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бескова, И. А., Герасимова, И. А., Меркулов, И. П. Феномен сознания / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.

2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман ; пер. с англ. А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. – М. : АСТ, 2019. – 653 с.
3. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт; пер. с англ. В. В. Румынского под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
4. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации / А. Н. Славская. – Дубна : Феникс+, 2009. – 240 с.
5. Защита персональных данных глазами граждан. Результаты опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси // Институт социологии НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/zashhita-personalnyh-dannyh-glazami-grazhdan-rezultaty-oprosa-provedennogo-institutom-sotsiologii-nan-belarusi/>. – Дата доступа: 03.07.2023.

УДК 316.772.5: 316.346.32–053.9

ОЦЕНКА АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ БЕЛАРУСИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ¹

Воронина С. Н.

*младший научный сотрудник, Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В технологически развитом мире использование современных технологий стало важнейшим аспектом повседневной жизни людей всех возрастных групп. Процесс развития технологий является стремительным и непрекращающимся, что требует от пользователей постоянного включения и адаптации к меняющимся условиям. Адаптивный потенциал относится к способности приспосабливаться к новым условиям и осваивать навыки, включая использование цифровых устройств и программ, несмотря на потенциальные ограничения (физические или когнитивные). Один из факторов, определяющих адаптивный потенциал использования технологий, связан с общим уровнем доверия к технологиям. В связи с этим было изучено, насколько пожилые люди считают безопасным использование Интернета.

Сравнение² групп респондентов в возрасте «60–74 года» и «старше 75 лет» позволяет сделать вывод, что каждый пятый пожилой респондент считает использование Интернета безопасным. Доли «сомневающихся» составляют 27,8 % (для 60–74-летних) и 25,8 % (для людей в возрасте 75 лет и старше) (см. рисунок).

Вместе с тем в группе «60–74-летних» наибольшее число респондентов, которые считают Интернет «абсолютно небезопасным», их доля – 12,9 %.

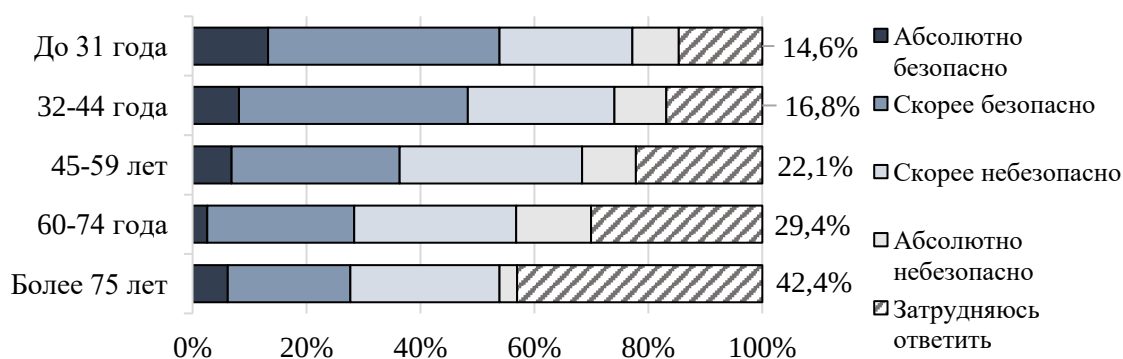

Рисунок. Оценка пользователями степени безопасности использования Интернета, в %

Однако показательно число респондентов среди пожилых людей, которые в целом затруднились оценить безопасность использования Интернета. В группе «60–74-летних» доля тех, кто затруднился ответить, составила 29,4 %, а в группе «75+ лет» – 42,4 %.

¹ Данный материал подготовлен в рамках гранта на проведение исследования «Цифровое неравенство как фактор социального исключения пожилых людей в Республике Беларусь», финансируемого БРФФИ, № Г22М-007 от 4 мая 2022 г.

² По результатам мониторингового исследования, проведенного в 2023 г. (N=1848) Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

Результаты исследования³ показывают, что пользователи старшего возраста менее склонны доверять Интернету и технологиям в целом, чем более молодые пользователи (коэф. сопряженности = 0,3; $p = 0,00$; $p < 0,01$). Отметим, что такие социально-демографические характеристики как пол, уровень образования и тип населенного пункта, в котором проживают пожилые люди, не оказывают существенного влияния на оценку безопасности использования Интернета. В ходе исследования были обнаружены различия в оценках безопасности использования Интернета пожилыми людьми в зависимости от их социального статуса. Пожилые люди, осуществляющие трудовую деятельность, более склонны считать использование Интернета безопасным, чем неработающие.

Для тех, кто не привык регулярно пользоваться цифровыми технологиями, Интернет может показаться подавляющим и трудным для понимания. Такого рода непонимание может быть ошибочно истолковано пожилыми людьми как опасность или риск. Кроме того, среди тех, кому больше 75 лет, заметна положительная динамика осведомленности об опасностях в Интернете (например, мошенничестве). Так, среди пожилых людей в возрасте 60–74 лет увеличилась доля респондентов, которые беспокоятся о потенциальных «опасностях Интернета» с 6,7 % в 2020 г. до 16,8 % в 2023 г. Среди тех кому больше 75 лет – 5,0 % в 2020 г. и 12,1 % в 2023 г. С одной стороны, осведомленность повышает шанс распознать ложные или мошеннические действия. С другой стороны, это фактор, способствующий отказу пожилых пользователей от попыток освоения цифровой среды и ее устройств.

Среди актуальных проблем, связанных с внедрением и использованием ИКТ, можно выделить следующие группы проблем. Во-первых, пожилые люди отмечают, что наиболее актуальная проблема, связанная с использованием технологий, – это нехватка знаний и навыков использования цифровых технологий наряду с недостаточным количеством адаптированной для пожилых людей информации об ИКТ. Во-вторых, люди старшего возраста сообщают о материальных затруднениях и невозможности приобретения ими технических устройств. В-третьих, пожилые люди ощущают изменения в трудовой сфере и выражают беспокойство, которое актуально не только для них. Цифровая трансформация усиливает необходимость работников в постоянном обучении, переквалификации и повышении своих трудовых компетенций. Четвертая группа проблем связана с «технологической тревожностью» или тревогой, вызванной технологиями. С одной стороны, с развитием цифрового пространства пользователи столкнулись с принципиально новой проблемой – обеспечением сохранности личных данных в Интернете. С другой стороны, характер изменения медиа, социальных медиа, а также СМИ, развитие развлекательного сектора, связанного с Интернетом, привели к появлению нового класса проблем – формированию «экранной» зависимости (см. таблицу 1).

Таблица 1. Актуальные проблемы, возникающие у пожилых людей при использовании ИКТ, в % (в 2020 и 2023 гг.)

Актуальные проблемы	60–74 года		75+ лет	
	2020	2023	2020	2023
Нехватка знаний и навыков	30,8	43,7	25,2	42,4
Недостаток информации	10,8	16,1	21,3	10,6
Отсутствие возможности приобретения технических средств	16,2	21,1	33,9	31,8
Недостаточный уровень развития цифровой инфраструктуры в моем населенном пункте	-	5,7	-	4,5
Необходимость постоянно обучаться, чтобы оставаться конкурентоспособным работником	9,8	12,9	3,5	16,7
Отсутствие возможности обучения новым технологиям, востребованным в работе	6,3	8,0	7,5	13,6
Угроза потери работы в связи с внедрением робототехники	4,6	2,8	0,6	4,5
Формирование «экранной» зависимости	13,9	10,6	10,7	4,5
Проблемы с обеспечением сохранности личных данных	5,7	9,4	3,5	7,6
У меня/в моей семье проблем с внедрением технологических новинок не возникает	30,1	21,6	23,5	18,2

³ Там же.

В ходе исследования было проведено сравнение ответов респондентов в 2019 и 2023 гг.⁴ на вопрос «К кому Вы обращаетесь в случае возникновения трудностей с цифровыми устройствами, программами или сервисами». Чаще всего пожилые люди обращаются за помощью к своим детям или внукам, что характерно как для группы «60–74 лет», так и для группы «75 + лет». Реже пожилые люди обращаются за помощью к знакомым, друзьям или пытаются справиться с затруднением самостоятельно (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «К кому Вы обращаетесь в случае возникновения трудностей с цифровыми устройствами, программами или сервисами», в % (2019, 2023 гг.)

Варианты ответа	60–74 года		75+ лет	
	2019 г.	2023 г.	2019 г.	2023 г.
К своим детям	53,9	63,4	48,4	50,0
К внукам	26,1	29,9	40,4	43,9
К друзьям-сверстникам, знакомым или коллегам	12,1	14,7	11,2	21,2
Сам(а) ищу информацию в интернете, на форумах	14,6	11,7	13,0	4,5
В специализированные сервисы	10,4	9,4	5,5	9,1
К супругу / супруге	5,5	4,8	-	3,0
К родителям	2,5	0,2	-	1,5
Не возникает трудностей	-	7,6	-	6,1
Другое	3,0	3,9	6,1	12,1
Затрудняюсь ответить	15,4	1,4	32,5	-

Таким образом, одним из основных путей освоения технологий пожилыми людьми является коммуникация с младшими поколениями, которые дарят, настраивают и помогают осваивать цифровые устройства своим старшим членам семьи.

При этом пожилые люди в Беларуси обладают достаточным адаптивным и пользовательским потенциалом. Так, по результатам исследования⁵ большинство (63,9 %) респондентов в возрасте 60–74 года и 48,5 % старше 75 лет отметили, что современные технологии оказывают положительное влияние на качество их жизни. При этом, чем выше уровень образования пожилых людей, тем более положительно они оценивают влияние технологий на качество их жизни.

Наличие благоприятных обстоятельств, а именно – создание особых условий для пожилых людей для повышения ими уровня знаний и навыков работы в технологической среде, повысит уровень доверия технологиям. Создание доступной для пожилых людей инфраструктуры позволит им беспрепятственно приобретать и осваивать различные устройства и программы, также повысит качество их жизни и частоту использования пожилыми людьми ИКТ в целом.

УДК 316.774 (6)

СМИ И МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Грицкевич В. А.

*студентка кафедры политологии и социологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь*

С развитием средств массовой информации (далее – СМИ) происходит трансформация современного общества, что нельзя оставить без внимания. Сегодня СМИ – это не только инструмент трансляции информации, а также средство, которым можно воздействовать на аудиторию. Самой подверженной данному влиянию аудиторией является молодежь. Именно молодежь воспринимает информацию в том виде, в котором она представлена в СМИ. В связи с этим в обществе формируется запрос на медиакомпетентную личность, способную получать,

⁴ Данные представлены по результатам мониторинговых исследований, проведенных в 2019 г. (N=2118) и 2023 г. (N=1848) Институтом социологии НАН Беларуси, осуществленных по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

⁵ По результатам мониторингового исследования, проведенного в 2023 г. (N=1848) Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

отбирать, критически оценивать и адекватно интерпретировать информацию, а также самому генерировать контент и встраивать его в необходимую систему. Медиаресурсы играют важную роль, прежде всего, в социализации молодежи, поэтому важным является вопрос о медиапредпочтениях современной молодежи.

Медиапредпочтения молодежи, пишет И. Ю. Рассохина, меняются в зависимости от развития средств коммуникации, современных трендов диджитализации и прочих коммуникативных инноваций. Для реализации молодежной политики на местах и осуществления практической работы с молодежью всем заинтересованным субъектам необходимо хорошо ориентироваться в медиапредпочтениях той молодежи, с которой осуществляется взаимодействие. Зачастую трудно определить, какой выбрать канал коммуникации и форму контента, как сочетать старые и новые медиа, чтобы эффективно донести актуальную информацию до молодежи разных возрастных групп [4, с. 153].

Система медиапредпочтений связана с такими системами: медиапотребление, медиакомпетентность, медиapoвeдeниe, мотивация и др. Важным компонентом медиапредпочтений является медиапотребление. По Е. Ю. Колобовой, медиапотребление – это «структура и объем использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения определенного символического содержания» [1, с. 26]. Медиапотребление в цифровой среде требует определенных навыков работы с текстами в интернете, что актуализирует вопрос медиакомпетентности и говорит о положительном влиянии потоков информации на современного молодого человека.

Медиакомпетентность указывает на использование знаний и навыков отбора и интерпретации информации, ее критического анализа и сопоставления, умения отличать достоверную информацию от фейковой, защищать сознание от манипулятивного влияния. По результатам исследования ВЦИОМ (апрель 2021 г.), половина россиян не может отличить достоверную информацию в СМИ от ложной [3]. В связи с этим формируется социальный запрос на образовательные проекты по работе с информацией, отработке навыков критического анализа медиаматериалов. Если раньше не требовалось подобных компетенций, то сегодня работа с информацией является важной составляющей любой профессиональной деятельности.

Поскольку сегодня молодежь обращается к интернету не только для получения и передачи информации, а в целях реализации самых разных действий общения, обучения, развлечения, игры, творчества и прочее, то необходимо оценивать выбор медиа с точки зрения всей совокупности деятельности, формирования определенных ролей и стилей медиapoвeдeниe [4, с. 154]. Чаще всего молодежь формирует свои медиапредпочтения исходя из интересов, но это может быть вызвано влиянием массы на отдельного индивида.

О. Н. Толякова отмечает, что одним из определяющих факторов современного информационного общества является массовость. С появлением газет, журналов, телевидения молодые люди отдают предпочтение медиаобщению. Теперь собеседника ему заменяет свежая новость в Интернете или телепередача, в готовом виде преподнося ему то, в чем он нуждается [5, с. 162]. А. Нестеренок в ответ на это предлагает, на мой взгляд, мудрое решение: «Несколько лет назад «Комсомольская правда» изрекла: «У нас половина молодежи хорошая, половина плохая». О плохой половине центральные и местные каналы вещают каждый день в сводках происшествий. А о хорошей мы много говорим? КВНы, часто с сусальными шуточками, положение не спасают, так же, как и музыкальные выпуски. По-моему, на одном из центральных каналов нужно открыть передачу о студентах, которые не только живут от сессии до сессии весело, но и серьезно занимаются наукой, ездят в стройотряды, поют, танцуют, наконец, воспитывают детей. Пока же об успехах и проблемах молодых можно узнать только из новостей, да и то изредка» [2]. Как правило, студенты подражают тем, кто оказывает на них наиболее сильное воздействие. Сегодня неизменную симпатию молодежной аудитории вызывают смелые, волевые, находчивые люди. Это можно связать с набирающими популярность тенденциями у молодых людей в «поиске себя», развитии своих личностных качеств, отказ от прислушивания к чужому мнению, более либеральные взгляды, чем у прошлых поколений.

В настоящее время не следует искать новости в непосредственном общении, достаточно просто нажать на кнопку компьютера. Молодого человека избавят не только от необходимости искать информацию, но и давать свою оценку тому или иному событию. Таким образом, понижается интеллектуальный уровень отдельно взятой личности, и студенческая аудитория

становится частью толпы. Обратной стороной этого процесса является тот факт, что в таких условиях молодые люди подвергаются манипулированию. Телевидение, газеты, все СМИ в целом не ориентируются на конкретного человека. Они нацелены на массу [5, с. 164].

Сегодня также отмечается тенденция перехода молодежи в цифровую среду, что порождает интерес к исследованию именно современных СМИ и их влияния, поэтому важно уделить внимание медиапредпочтениям молодых людей. От этого зависит не только будущее современной молодежи, но и трансформация ценностей, традиций, институтов всего общества. В связи с этим у современных социологов стоит задача изучить все эти вопросы и найти решение, которое привело бы к самым благоприятным результатам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Колобова, Е. Ю. Трансформация медиапотребления в условиях цифровой реальности / Е. Ю. Колобова. – СПб. : Петербургский экономический журнал, 2020. – № 4. – С. 25–39.
2. Нестеренок, А. Чаша для «Поля чудес» / А. Нестеренок. – М.: Журналист, 2009. – № 11. – С. 50–51.
3. Люди в цифре: эпоха «постправды» [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reportsconferences/2019/2019-12-13_mediaforum. – Дата доступа: 05.10.2023.
4. Рассохина, И. Ю. Медиапредпочтения учащейся и работающей молодежи Кузбасса / И. Ю. Рассохина. – СПб. : Профессиональное образование в России и за рубежом, 2022. – С. 152–161.
5. Толякова, О. Н. Медиапредпочтения студенческой молодежи региона / О. Н. Толякова. – М. : Регионология, 2011. – С. 157–163.

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИАИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Жэнь И

*аспирант кафедры медиалогии факультета журналистики
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь*

Концепция «метавселенной» была впервые представлена в 1992 году в научно-фантастическом романе Н. Стивенсона «Лавина», где детально описана виртуальная реальность, а весь мир объединяет трёхмерная виртуальная реальность, Метавселенная [1]. По мнению китайского ученого Чжана Сиюэ, «метавселенная – это новая концепция, разработанная на основе Интернета, суть которой заключается в виртуальности и реальности слияние, с помощью компьютерных технологий создание виртуального пространства, которое может быть отображено и контролироваться реальным миром» [2, с. 39]. Поэтому некоторые ученые думают, что «метавселенную» как один из этапов развития сетевого общества, который «является новым типом революции в сетевом обществе и новым развитием сетевого общества» [3, с. 55].

По мнению российского ученого Е. В. Шкарупета, развитие метавселенной прошло через три волны. Первой волной стало появление концепции метавселенной с публикацией романа «Лавина». «Вторая волна интереса к метавселенным датируется 2003–2013 гг. и связана с технологиями дополненной реальности в игровой индустрии» [4, с. 98]. И сейчас мы находимся в середине третьей волны, благодаря стремительному техническому прогрессу и высоким технологиям, дающим нам новые представления о метавселенной [4, с. 98].

Согласно исследованию развития метавселенной на 2020–2021 годы, опубликованному Университетом Цинхуа [5], этапы развития метавселенной предложено обозначать с учетом технологических изменений в мировой игровой индустрии и глобальных событий, определивших развитие цифровых платформ.

1 этап начинается в 1979 году, когда были созданы первые многопользовательские компьютерные игры Mud и Mushes, которые предполагали подключение множества участников к открытой социальной платформе.

2 этап – 1989 год – появление массовой многопользовательской ролевой онлайн-игры Habitat в формате 2D, разработанной компанией Lucas Arts.

3 этап – 1994 год – создание многопользовательской социальной игры Web World с возможностью общаться и создавать игровые миры вместе.

4 этап – 2003 год – появление игры «Second life», которую называют уникальным виртуальным онлайн-миром, пользователи которого могут общаться, делать покупки и заниматься бизнесом. Примечательно, что до появления Twitter, BBC и CNN на этой платформе публиковали свои материалы.

5 этап – 2020 год – пандемия коронавируса и локдаун существенно повысили спрос на онлайн-развлечения и игры, что стало стимулом для стремительного распространения идей метавселенной.

6 этап – 2021 год – Марк Цукерберг объявляет о преобразовании компании Facebook в компанию Meta, в результате чего концепция метавселенной становится глобальным мировым трендом развития цифровой среды.

«Метавселенная рассматривается как будущее направление развития Интернета, а созданная на базе Интернета отраслевая цепочка будет претерпевать подрывные изменения в связи с развитием метавселенной» [6, с. 176]. Поэтому медиаиндустрия, созданная на базе Интернета, неизбежно будет претерпевать различные изменения в условиях непрерывного развития технологии метавселенной.

Одной из трансформационных тенденций журналистики в метавселенной является использование виртуальных цифровых людей.

Китайский ученый Ли Ин утверждает, что «современные виртуальные ведущие в основном делятся на две категории по визуальным стилям: вторичные виртуальные ведущие и гиперреалистичные симуляторы цифровых людей» [7, с. 100]. Вторичные виртуальные ведущие более склонны к аниме-образам, в то время как гиперреалистичные виртуальные цифровые люди визуально более похожи на реальных людей.

Виртуальному ведущему легче справляться с различными изменениями сцены, чем традиционному. Большинство традиционных ведущих могут вести только один тип новостей, а виртуальные цифровые ведущие легко справляются с различными типами новостей благодаря большим данным и алгоритмам. При этом, меняя одежду, моделирование и т.д., один и тот же виртуальный ведущий может появляться в разных сценах, что позволяет экономить затраты на финансирование телевизионных проектов. Кроме того, виртуальные ведущие могут обслуживать определенные группы населения. Например, китайское центральное телевидение CCTV запустило первого сурдоведущего, специализирующегося на глухих людях. Виртуальный ведущий точно выполнил новостной комментарий за 2 минуты 37 секунд, используя 232 движения на языке жестов. Кроме того, можно установить разные ведущие в зависимости от возраста пользователя, например, в детской программе изображение ведущего более симпатичное, может привлечь большее внимание аудитории.

И еще одна тенденция – появление более «иммерсивных» новостей, когда пользователи могут присутствовать при их просмотре.

Метавселенная создает для пользователей виртуальный мир, в котором каждый может создать свою собственную цифровую личность. Можно присутствовать в новостном пространстве и ощущать все аспекты производства новостей. «В СМИ разных стран внедряются технологии создания изображений на основе виртуальной реальности, интеллектуальной 3D- и голографической проекции, что позволяет добиться погружения в реальность, близкую к объективной, при изложении фактов» [8, с. 61]. При этом каждый этап процесса может быть записан во время трансляции новости, что делает ее более достоверной.

Однако из-за сложности разработки иммерсивных новостей, длительного производственного цикла и высоких финансовых требований в настоящее время иммерсивные новости не получили широкого распространения. Поэтому вопрос о том, как разрабатывать и производить иммерсивные новости, которые нравятся аудитории, стал проблемой, над которой необходимо задуматься журналистам. Так, китайский ученый Дэн Цзяньго считает, что «журналисты должны осмелиться стать дизайнерами новостных продуктов метавселенной и перейти от фокусировки на производстве новостного контента к фокусировке на функциях продукта, нацеленности на целевых пользователей, соответствии контента и потребностей пользователей, а также на поддержании отношений с пользователями» [9, с. 7].

Рост метавселенной принесет новостной индустрии не только новые возможности, но и множество проблем. Взаимосвязь реального и виртуального миров изменит способ представления новостей: появятся новости с более глубоким погружением. А появление цифровых людей

изменит традиционный способ подачи новостей и позволит сэкономить больше рабочей силы. Над тем, как должна развиваться медиаиндустрия в условиях технологии метавселенной, еще предстоит поразмыслить специалистам в области медиа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стивенсон, Н. Лавина [Электронный ресурс] / Н. Л. Стивенсон. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=80787&p=1 – Дата доступа: 01.10.2023.
2. Чжана Сиюэ. Исследование инновационного пути и развития новостных СМИ в перспективе метавселенной / Сиюэ Чжана // Культурная журналистика. – 2023. – № 6. – С. 39–41.
3. Чан Чанфэн, Хуан Цасинг. Переосмысление журналистики: применение технологии метавселенной в СМИ / Чанфэн Чан, Цасинг Хуан // В сфере журналистики. – 2022. – № 1. – С. 55–63.
4. Шкарупета, Е. В. Метавселенная как пространственный цифровой двойник в Индустрии 5.0 / Е. В. Шкарупета [и др.] // Экосистемы в цифровой экономике: драйверы устойчивого развития. – СПб., 2021. – С. 778.
5. Отчет о развитии метавселенной // Китай: Университет Цинхуа, – 67 с.
6. Чэнь Вэй. Технология метавселенной в трансформации индустрии новостных СМИ и ее перспективы / Вэй Чэнь // Радио и телевидение. – 2022. – № 3. – С. 179–181.
7. Ли Ин. Экспансия и реинвентаризация: перспективы развития наших виртуальных ведущих в контексте метавселенной / Ин Ли // Китайское телевидение. – 2022. – № 3. – С. 179–181; 2023. – № 8. – С. 100–105.
8. Гао Мэймэй, Лю Чжэсинь. Эволюция форм новостей в перспективе метавселенной / Мэймэй Гао, Чжэсинь Лю. // Молодые журналистики. – 2022. – № 6. – С. 59–61.
9. Дэн Цзяньго, Лю Бо. От WEB 2.0 к метавселенной: о технологиях и инновациях новостных продуктов, ориентированных на пользователя / Цзяньго Дэн, Бо Лю // Издательская индустрия Китая. – 2022. – № 14. – С. 3–8.

УДК 323.22:004.056

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лица Н. М.

*аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Экстремизм представляет собой сложное социально-правовое явление. Экстремизм в современном понимании этого слова является олицетворением социально-негативного девиантного поведения, имеющего своей целью нанести ущерб, создать реальную угрозу безопасности человека, общества и государства, негативно влиять на базовые духовно-нравственные ценности, дестабилизировать общественный порядок.

Ввиду многогранности природы экстремизма, универсального научного его определения до настоящего времени не существует. Например, с точки зрения российского философа Э. Г. Филимонова, экстремизм – это «приверженность к крайним взглядам и действиям», которая «может иметь место в любой сфере общественной жизни, где сталкиваются различные точки зрения на решение тех или иных проблем» [1]. Данная точка зрения является достаточно дискуссионной, так как является не точной и достаточно расплывчатой, подходящей для философского изучения экстремизма как социального феномена. В отличие от понимания экстремизма как приверженности к крайним взглядам, российский правовед А. Г. Хлебущкин рассматривает экстремизм как запрещенную законом антиконституционную деятельность, которая создает угрозу либо наносит существенный вред основам конституционного строя [2].

Аналогичной позиции придерживается и российский юрист С. Н. Фридинский, который предлагает следующее определение экстремизма: это «деятельность общественных, политических и религиозных объединений, либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию, либо иному содействию ее осуществления, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально – технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально – технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в

качестве государственной» [3]. Таким образом, в научной социогуманитарной литературе проблема определения «экстремизма» остается в достаточной степени дискуссионной.

В связи со стремительным развитием информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий любая информация, распространяется достаточно быстро, в том числе распространение определенных идей, в которых могут корениться экстремистские проявления. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 09 ноября 2010 г. №575, определяет информационную безопасность как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [4].

Понятие информационная сфера определяется Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года №1, содержащей положение о том, что информационная сфера – это совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений [5]. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь представляет собой систему официальных взглядов на сущность и содержание обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, определяет стратегические задачи и приоритеты в области обеспечения информационной безопасности [5]. Данной концепцией предполагается некий алгоритм противодействия деструктивному информационному воздействию, в том числе и экстремистского характера. Экстремизм, как известно, может быть политическим, религиозным, национальным и др. Отдельного внимания заслуживает проблема информационного экстремизма.

Под информационным экстремизмом российский правовед Р. В. Упорников определяет деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которого является достижение публично нелегитимных и противоправных целей [6].

В эпоху современных информационно-коммуникативных технологий информационный экстремизм зачастую являются более общественно опасными правонарушениями, чем «традиционные» уголовные и административные проступки. Интернет-ресурсы являются серьезным механизмом социальной интеграции по многочисленным критериям. Пользователи Интернета объединяются в различные сообщества, сформированные по вкусам, интересам, взглядам. Наиболее активной аудиторией Интернет-ресурсов является молодежь, которая отличается повышенной тягой к инновационным формам приема-передачи информации, к компьютерным и телекоммуникационным технологиям. В силу этого молодежь является главной стратегической и тактической целью экстремистского информационного влияния. Именно молодые люди становятся той силой, на которую делают ставки для развязывания религиозных, политических, национальных конфликтов, так как у молодых людей высокий уровень экстремальности мировоззрения, трансгрессивность, лабильность, а также недостаточно сформированная система социальных установок.

По мнению профессора Д. К. Нечевина, информационный экстремизм проявляется в различные рода информационных «войнах», а также в специфических формах грубого воздействия на подсознание людей через масс-медийные пиаровские технологии. Как отмечает О. С. Жукова, новые информационные технологии и средства массовой информации расширили возможности психологического воздействия на личность, широкие группы людей и население в целом [7].

Риски и угрозы, которые несут современные информационные технологии, ослабевают состояние защиты национальных интересов и создают внутренние и внешние угрозы, снижающие уровень защиты национальных интересов в государственной, политической, военной, демографической, общественной, информационной, природоохранной, экономической, транспортной, энергетической и электоральной сферах жизни общества. В связи с этим становится очевидным, что чрезвычайно актуальным является создание эффективной системы профилактики деструктивного социального воздействия на общество в целом, и на молодежь в частности, в сети Интернет. В сфере законотворческой деятельности необходимо постоянно совершенствовать правовую базу, регулирующую деятельность национального сегмента Интернета. В области высоких технологий представляется актуальным создание информационных продуктов,

способных выявлять аккаунты в социальных сетях на предмет наличия деструктивного контента с последующей их блокировкой.

Важно проводить планомерную и постоянную работу с молодежью в учреждениях образования, которая должна включать комплекс информационно-просветительских мероприятий, в рамках которых необходимо рассказывать о сущности экстремисткой деятельности со ссылками на законодательство, примерами из практики, показывать и рассказывать о последствиях экстремисткой деятельности. Одновременно с этим крайне важно формировать у молодежи гражданскую позицию и ответственность, благодаря которой можно будет молодым людям противостоять информационным и другим экстремистским воздействиям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филимонов, Э. Ж. Христианское сектанство и проблемы атеистической работы / Э. Ж. Филимонов. – Киев : Политиздат Украины, 1981. – С. 183.
2. Хлебушкин, А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис.... канд.юрид.наук. – М, 2007.
3. Фридинский, С. Н. Борьба с экстремизмом: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореферат. дис.... канд.юрид.наук. – Ростов н/Д, 2003.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 №575 (ред. от 24.01.2014).
5. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 №1.
6. Упорников, Р. В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореферат. дис.... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2007
7. Жукова, О. С. Экстремизм как угроза информационной и информационно-психологической безопасности / О. С. Жукова, Р. Б. Иванченко // Проблемы противодействия экстремизму: материалы научно-практической конференции, 15 октября 2009. – Белгород : ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2009. – С. 52–56.

УДК [316.77+070]:316.614-057.875

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИИ

Нейман К. П.

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Социализация поколений неотделима от информационного пространства, которое является частью институционального и неинституционального контекстов осуществления процесса социализации. Все люди в той или иной степени включены в информационное пространство: читая газеты, смотря телевидение, слушая радио, отвечая на сообщения в мессенджерах, социальных сетях и т. д. Характер взаимосвязи информационного пространства и социализации раскрывается через анализ общего контекста современности. В условиях «текущей современности» традиционные социальные регуляторы поведения, референтные группы утрачивают былую силу влияния на человека, фиксируется огромное множество релятивных паттернов поведения [1, с. 13–14]. Современная культура уже не описывается в категориях «жесткой культуры», так как нет четко установленных и закреплённых норм, правил поведения, институтов социализации. Данные обстоятельства приводят к ослаблению социального контроля как инструмента поддержания стабильного функционирования системы и механизма регуляции общественного давления. Современная культура многомерна и подразумевает «жидкую социализацию» (информационную), проявлением которой считается не направленность, стихийность, латентность воздействия средств массовой коммуникации и массовой информации [2, с. 92]. Так, средства массовой информации создают привлекательный образ реальности, отличающийся от действительной (то есть подменяют оригинал продаваемой и идеализированной копией).

«Жидкая социализация» неразрывно связана с тем, что установление взаимоотношений, партнерство, иные связи с другими людьми рассматриваются современным человеком, по мнению З. Баумана, как определенные объекты потребления и не обладают долгосрочным характером существования [1, с. 176–183]. Мы признаем это негативным аспектом социализации,

так как следствием названных условий становится проявление «потребительского синдрома», подразумевающего коллекционирование ощущений, утрата идеала солидарности, приводящая к разобщенности в социуме, быстрая изменчивость моральных норм, связанная с плюрализмом трактовок и оценки поведения поступков человека социальным окружением [3, с. 95–96]. Опасность вышеназванных аспектов связана с высоким риском возникновения анонимических состояний в социуме, выбора девиантных моделей поведения для адаптации к условиям социальной реальности, проявления морального кризиса, из-за которого происходит блокировка удовлетворения потребностей, т.е. личность теряет точку опоры.

Социализация, в том числе и информационная, таит в себе опасность: вероятность превращения человека в её жертву. Человек может полностью приспособиться к обществу, но не уметь противостоять ему, выражать свое несогласие с какими-то устоями, порядками (в том числе социально опасными в перспективе). Мятежники, стремящиеся изменить существующую социальную систему, но не получающие одобрения большинства членов социума, считаются девиантами и жертвами социализации [4, с. 85–86]. Обращение к внутреннему аспекту информационной социализации позволяет зафиксировать то, как воспринимается, анализируется информация и катализатором запуска каких изменений в структуре и поведении личности она выступает. Информационное пространство – это один из фрагментов общего структурированного поля социализации. Т. Д. Марцинковская трактует информационное пространство как «общее социокультурное пространство, в котором живут, общаются и действуют люди» [2, с. 94].

СМИ как ключевые звенья информационного пространства признаются «факторами влияния» на личность в процессе формирования базовых ценностей. Сначала ребенок находится в поле воздействия базовых «факторов влияния»: первоначально родителей, но по мере взросления к ним добавляются другие родственники, друзья, знакомые. Затем к «факторам влияния» начинают относиться коллеги, с которыми взаимодействует человек. Перечисленные «факторы влияния» срабатывают на первом этапе ценностнообразующего воздействия: «уровне прямого информационного контакта с субъектом влияния». На втором этапе, «уровне опосредованного информационного контакта с субъектом влияния», возрастает влияние книг, учебников, средств массовой информации и др. Каждый «фактор влияния», при переходе с одного уровня на другой, по-прежнему оказывает свое влияние на формирование ценностей, но уже в иной степени воздействия [5, с. 32–33].

В контексте структурирования и разделения информационного пространства, существования и появления разных по направленности и содержанию источников информации решается проблема современного общества: формирование идентичности, которая больше не определяется с рождения, а ее необходимо отыскать (следствие смещение от коллективизации в сторону индивидуализации) [2, с. 101; 1, с. 38–39].

В современном информационном пространстве выполнение образовательной функции средствами массовой информации приобретает специфические черты, обусловленные так называемым «голодом при изобилии». То есть с увеличением объема информации, стремительно снижается ее полезность. У человека создается впечатление, что ему доступна необходимая информация, но в действительности количество релевантных ресурсов ограничено. «Побочным действием» данного эффекта признается и восприятие жизни как постоянно ускоряющейся, в которой не хватает времени на обработку и оценку информации [6, с. 12]. Перечисленные обстоятельства могут приводить к тому, что образовательная функция СМИ реализуется не в полной мере и ослабевает положительное социализирующее воздействие СМИ на человека, поскольку его уровень информационной компетентности может быть недостаточно развит для анализа большого потока информации, формирования собственного отношения. В результате, человек начинает воспринимать «информационный хлам» как ценность. Таким образом, вместо просвещения человека, СМИ становятся катализатором запуска безграмотности.

В информационном пространстве проявляется «феномен медиапорождения». Его суть заключается в том, что личность постоянно использует определенные медиа в конкретный исторический период, а сам уровень проникновения медиа рассматривается в контексте господствующего типа культуры в социуме. Общий контекст социализации колоссально влияет на формирование медиапоколений и их моделей поведения, создает предпосылки для возникновения солидарности и проживания общей судьбы целым поколением в его социокультурной реальности [7, р. 73]. Это подтверждается при рассмотрении классификации

поколений. Например, В.В. Радаев, применяя социологический подход к анализу поколений в российском обществе и выделяя два временных среза (годы рождения и вступления во взрослую жизнь), пишет о шести поколениях: мобилизационном, поколении оттепели, поколении застоя, реформенном поколении, поколении миллениалов, поколении Z (центиниалах). Ученый подробно проанализировал поколение миллениалов/«цифровое поколение», родившихся в период реформ в России (1982–2000 гг.) и взрослых уже в более стабильный период (2000–2016 гг.). Миллениалы наиболее активно, по сравнению с остальными поколениями, используют Интернет и гаджеты, чаще посещают социальные сети, играют на компьютере [8]. Важно заметить, что В. В. Радаев из анализа исключил поколение Z, по причине того, что оно только начинает вступать во взрослую жизнь.

Американский исследовательский центр Pew Research Center, занимаясь изучением мировых событий, экономических, социальных потрясений, сдвигов и др., использует когортно-возрастной анализ как методологический инструмент их разбора. Сотрудники Pew Research Center пишут о таких поколениях как: сети/молчаливое поколение (1928–1945 г. р.), бумеры (1946–1964 г. р.), поколение X (1965–1980 г. р.), поколение Y (1981–1996 г. р.) и поколение Z (годы рождения с 1997 г.). Технологии, их эволюция накладывают свой отпечаток на определение подвижных границ поколений: появление телевидения изменило образ жизни и взгляды бэби-бумеров, представители поколения X росли в условиях компьютерной революции, Интернет-взрыв совпал с достижением совершеннолетия миллениалов. Уникальным объектом исследования на их фоне предстает поколение Z. Они родились изначально в мире, где все названные технологии, гаджеты (ноутбук, планшет, смартфоны и т.п.), социальные сети и мессенджеры по умолчанию считаются частью их повседневного мира (технологическая среда – это их родная среда), в то время как представителям других поколений приходилось адаптироваться к ним [9].

А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, и Т. В. Щелкова обращают внимание на то, что помимо инновационной технологической составляющей, которая выступает одним из актуальных факторов, влияющих на социализацию, нужно учитывать и исторический контекст. Например, социализация белорусского поколения Z происходила на фоне аномии в социуме (после распада СССР система идеалов, целей и смыслов существования была утрачена и начинался период ее формирования), деидеологизации общества [10, с. 110–111].

Таким образом, наряду с другими факторами социализации информационное пространство формирует среду, в которой переплетаются воедино социокультурные компоненты социализации, разворачивается становление личности, поколения людей вырабатывают свои специфические модели потребления медиа и отношение к технологическим новинкам и др. СМИ как элементы информационного пространства наделены как положительным, так и отрицательным социализирующим воздействием на человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
2. Марциновская, Т. Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков / Т. Д. Марциновская // *Мир психологии*. – 2010. – № 3. – С. 90–102.
3. Добрина, О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции З. Баумана / О. А. Добрина // *Системная психология и социология*. – 2019. – № 4 (32). – С. 92–102.
4. Мудрик, А. В. *Социально-педагогические проблемы социализации: монография* / А. В. Мудрик. – М. : МПГУ, 2016. – 256 с.
5. Правдивец, В. В. *Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие* / В. В. Правдивец, Д. Г. Ротман, В. В. Русакевич. – Минск : Зималетто, 2009. – 184 с.
6. Терещенко, О. В. *Социальное воздействие информационно-коммуникационных технологий // Теория и методы исследований коммуникаций: сборник научных трудов. Вып. 2 / под ред. О. В. Терещенко*. – Минск : БГУ, 2009. – С. 4–13.
7. Sumskaia, A. Russian media generation of the «digital borderline». Theoretical reflection and empirical verification / A. Sumskaia, V. Solomeina // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. – 2022. – № 4. – Pp. 68–93.
8. Радаев, В. В. *Миллениалы: как меняется российское общество [Текст]* / В. В. Радаев. – 2-е изд. – М. : Высшая школа экономики, 2020. – 224 с.

9. Dimock, M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/>. – Date of access: 01.10.2023.

10. Данилов, А. Н. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры / А. Н. Данилов, Ж. М. Грищенко, Т. В. Щелкова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 109–118.

УДК 316.776:654.1

МЕТОДИКА DATA FUSION В МЕДИАИЗМЕРЕНИЯХ АУДИТОРИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Посталовский А. В.

*заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Организация и проведение медиаизмерений аудиовизуальных средств массовой информации позволяет получить комплексное представление о структуре и содержании тематических предпочтений аудитории телевидения. Получаемые показатели востребованности телевизионных каналов делают возможным построение прогнозной аналитики в отношении развития, как самого телевизионного сегмента национального информационного поля, так и медиапространства в целом.

В основе работы системы измерения аудитории ТВ ЗАО «МедиаИзмеритель» лежит технология регистрации телесмотрения на каждом телевизоре в домохозяйстве с измерением телесмотрения на индивидуальном уровне с привязкой к каждому участнику исследования, а также описание основных социально-демографических характеристик (индивидуальных и на уровне домохозяйств). Благодаря индивидуальному измерению телесмотрения присутствует возможность расчета как накопленных аудиторных показателей телеканалов в динамике, так и аудиторных показателей телеканалов с учетом социально-демографических характеристик телезрителей.

В настоящее время традиционная методика медиаизмерения рейтингов телевидения (пилметрия) имеет ряд особенностей в связи с особенностями выборочного социологического метода, применяемого для формирования группы постоянных участников исследования (панель в объеме 550 домохозяйств). К числу таких ограничений необходимо отметить обязательное наличие ошибки выборки и высокие значения удельного веса респондента в панели. Также немаловажной методологической проблемой выступает наличие «нулевых значений» телесмотрения в сетке вещания телевизионных каналов.

«Нулевые значения» представляют собой *отсутствие данных о телесмотрении в пилметрической панели*, обусловленное ограничениями выборочного социологического метода. «Нулевые значения» сессии телесмотрения возникают, когда *в условленный временной интервал ни одно из домохозяйств панели не смотрело конкретный телевизионный канал*, вследствие чего программный пакет обработки эмпирических данных ЗАО «МедиаИзмеритель» Atria Pro фиксирует отсутствие сессии просмотра. Поскольку национальная пилметрическая панель репрезентирует поведение всей национальной телевизионной аудитории, представляющей собой городское население страны, медиа-аналитиками на основании имеющихся эмпирических данных формулируется вывод о том, что в заданный временной промежуток контакт аудитории с телеканалом отсутствовал (канал никто не смотрел).

Однако, если обратиться к массиву «больших данных» BIG DATA телевизионных приставок IPTV ZALA РУП «Белтелеком» (данных, собираемых примерно с 2000000 телевизионных приставок), мы обнаружим наличие сессии телесмотрения указанного телевизионного канала в заявляемый временной период, хотя в панели ATRIA PRO в отношении данного канала фиксировались нулевые значения. Соответственно, вывод об отсутствии сессии телесмотрения конкретного телеканала среди белорусской аудитории ТВ будет считаться неверным. Телезрители, так или иначе, смотрели указанный телеканал, пусть и при невысоких показателях объема целевой аудитории. Указанная ситуация с «нулевыми сессиями» телевизионного просмотра обусловлена ограничениями выборочного метода, в частности, объемом выборочной совокупности, которого недостаточно для полного исключения феномена «нулевого просмотра».

Особенности выборочного метода, используемого при построении телевизионной панели, оснащенной пиплметрическими аппаратами фиксации телесмотра, нивелируются посредством «гибридных» методик телеизмерения, используемых в медиаисследованиях. «Гибридные» методики представляют собой, как правило, конвергенцию (слияние) двух и более методов сбора эмпирической информации, на основании которых формируется сведенный массив интегрированных «больших данных», в частности, данных о телевизионном просмотре аудитории.

Применительно к организации медиаизмерений телевидения, проводимых посредством пассивного измерения (пиплметрия), в рекрутируемой телевизионной панели домохозяйств для уточнения показателей эмпирического массива возможно формирование FUSION-панели («гибридные» телеизмерения). Формирование FUSION-панели не приведет к увеличению количества домохозяйств в телевизионной панели для повышения качества данных, *при этом эвристический потенциал указанной методики позволяет увеличить точность эмпирического массива.*

FUSION-панель – это «интегрированный массив эмпирических «больших» данных (BIG DATA) телевизионных приставок STB (set-top boxes, STB – ресиверы ТВ-приставок РУП «Белтелеком») и показателей телевизионной панели, оснащенной пиплметрическим (PM) устройствами фиксации телесмотра» [1, с. 237]. Панель FUSION DATA (PM + STB) представляет собой «многоэтапный процесс интеграции (слияния) данных STB (set-top boxes, STB – ресиверы ТВ-приставок РУП «Белтелеком») – сплошных объемных данных телесмотра, получаемых по каналам обратной связи (return path data, RPD) без привязки к социально-демографическому блоку (исследователь не знает, кто в настоящее время сидит у экрана телевизора) и репрезентативных данных, получаемых из телевизионной панели PM, которая наделена социально-демографическими показателями (исследователю доступен социально-демографический профиль аудитории)» [1, с. 237]. По верному замечанию Е. Л. Богдановой, «несмотря на то, что сегодня основным источником данных являются панели, созданные независимыми от отрасли компаниями, успех в новом мире больших данных потребует сочетания традиционной модели медиарейтингов и информации о поведении аудитории, получаемой в реальном времени» [2, с. 247].

В указанных контекстах в телеизмерениях начинают структурно оформляться два направления исследования аудитории. Первый – это классическая телевизионная панель домохозяйств, оснащенная пиплметрами. Второе – это RPD-исследования «больших данных» ресиверов телевизионных приставок Set Top Box. При анализе RPD-данных необходимо отметить наличие такого феномена как аномальные сеансы просмотра, которые возникают по причине выключения телевизора без выключения приставки, в результате чего большое количество приставок фиксирует просмотр ТВ как в ночное, так и в дневное время.

Оптимальным методологическим решением в данном случае выступает слияние двух разнонаправленных эмпирических баз – данные, получаемые из пиплметрической панели и «большие данные» ресиверов телевизионных приставок. Интегративный (объединенный) массив данных приставок STB, получаемых по каналам обратной связи RPD, и PM (пиплметрическая панель) в практике реализации медиаизмерений определяется как «DATA FUSION» или FUSION-панель.

Соответственно, основная идея DATA FUSION заключается в интеграции баз данных приставок STB в массив пиплметрической панели, при этом пиплметрическая панель наделяет («оживляет») социально-демографическими показателями «большие данные», а BIG DATA приставок STB ликвидирует нулевые сессии телесмотра и уточняет аудиторные данные в отношении малых аудиторий узкопрофильных телеканалов.

Бесспорным преимуществом интеграции RPD-данных с данными пиплметрической панели выступает ликвидация нулевых сессий телесмотра. В связи с чем, в «Инстар Аналитикс» отсутствуют пропущенные нулевые значения, и в контексте медиааналитики будут отсутствовать позиции об отсутствии просмотра в определенный период времени. В данном случае в контексте медиасоциологии происходит увеличение объема выборки, причем увеличение происходит посредством слияния двух принципиально разных эмпирических баз (социально-демографическая панель с высокими весовыми значениями показателя одного респондента и обезличенного в демографическом плане массива «Больших данных» с низкими весовыми

коэффициентами). Аудиторные показатели в данном случае уточняются и становятся более репрезентативными за счет увеличения выборки.

В наибольшей степени в современных условиях от использования методологии DATA FUSION выигрывают телеканалы с малой аудиторией или узкотематические каналы, поскольку нулевые сессии телесмотрения у них снижаются почти на 50–55 % по сравнению с данными пиплметрической панели, в связи с чем, представляется рациональным предложение «нишевым» телеканалам использовать именно эту методику измерения аудиторных показателей.

RPD-данные, с одной стороны, ликвидируют феномен «нулевого телесмотрения», а с другой стороны – «обрезают» пиковые значения сессий телесмотрения как бы «нивелируя» нижние пороговые значения и верхние. Условно говоря, DATA FUSION усредняет общие рейтинговые показатели, снимая радикальные эмпирические значения «пиков» и «нулей». В контексте обеспечения репрезентативности аудиторных данных заявленная исследовательская стратегия может признаваться в качестве необходимой для применения. Однако, условная «обрезка» верхних «пиковых» значений телесмотрения может вызвать отторжение со стороны медиаиндустрии, которая в наибольшей степени заинтересована именно в максимальных рейтинговых значениях, а не в усреднении массива, поскольку именно от пиковых значений во многом зависит распределение рекламного бюджета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовский, А. В. Использование потенциала big data в измерении телевизионной аудитории / А.В. Посталовский // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 236–239.
2. Богданова, Е. Л. Big Data в медийной рекламе. Выручит ли индустрию вещания обуздание «умных данных» об аудитории? / Е. Л. Богданова, Е. Н. Вансович, А. В. Михайлюк // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 5. – С. 247–250.

УДК 328.1

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Храмцова Ф. И.

*профессор кафедры государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
доктор политических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

В условиях трансформаций угроз национальной безопасности Республики Беларусь факторную роль приобретает цифровая повестка государственного управления в целях обеспечения общественно-политической стабильности посредством *переформатирования профиля информационной политики*. Возрастает детерминантная роль обновления профиля информационной политики посредством мотивации широкого участия граждан, в особенности молодежи в обеспечении системы информационной безопасности. На первый план выступает задача конструктивной работы с лидерами мнений из числа молодежи как потенциальных акторов национальных интересов на основе неоинституционального подхода [1, с. 17]. Сущность его применения состоит в совершенствовании нормативно-правового обеспечения работы с лидерами мнений из числа молодежи, так и в организации регионально-локальной молодежной информационно-технологической инфраструктуры в контексте подготовки и проведения Единого дня голосования (25.02.2023), с опорой на проектные инновации институтов гражданского общества, лидеров ОО «Белорусский Республиканский Союз Молодежи» в информационном пространстве.

На совещании по актуальным вопросам здравоохранения Глава белорусского государства определяет триаду стратегических, тактических, текущих задач руководителям органов государственного управления как по теме совещания, так и по приоритетам управления в обеспечении вопросов дисциплины и «готовности правильно реагировать на современные

вызовы» [2]. Информационная война против суверенной Беларуси – это тот фронт, где страна не имеет права проиграть за сознание, умы, сердца нашей молодежи, – неоднократно подчеркивает Президент Республики Беларусь. Контент-анализ белорусского законодательства в области *цифровой трансформации* за период июнь-июль 2023 года, включенных в Национальный реестр правовых актов (далее – НПА), Национальный правовой Портал, на ресурсах которого опубликован проект Концепции национальной безопасности для всенародного обсуждения – отражает *правовые новации* в области цифровой парадигмы укрепления общественно-политической стабильности, системы национальной безопасности средствами информационной, исторической и молодежной политики. Данный проект Концепции национальной безопасности закрепляет целостные подходы к формированию и реализации единой государственной политики в обеспечении системы национальной безопасности, оценки ее эффективности на основе целостной системы индикаторов и в контексте реалий трансформации всех видов угроз [3]. Подчеркнем *индикаторы оценки состояния обеспечения национальной безопасности*: уровень участия граждан в формировании общественного мнения по вопросам национальной безопасности; уровень доверия граждан институтам государственной власти; уровень развития информационных технологий и телекоммуникаций (Глава 9) [3]. В соответствии с проектом Концепции национальной безопасности Республики Беларусь регламентирован один из видов угроз – *деструктивное информационное воздействие на личность, общество, на молодых граждан страны и государственные институты, наносящее вред национальным интересам*. Система обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь опирается на демократический и правовой принцип широкого участия граждан, молодых граждан, лидеров, групп, объединений в формировании общественного мнения по обеспечению национальных интересов. В проекте впервые на уровне разработки и в статусе всенародного обсуждения применена категория «*электоральный суверенитет*», сущность которой состоит в неотъемлемом праве Республики Беларусь – унитарного демократического социального правового государства – самостоятельно проводить выборы, референдумы в целях обеспечения суверенитета народа как единственного источника государственной власти и полноправного субъекта свободы выбора при верховенстве правовых норм Конституции, действующего национального законодательства и предотвращения вмешательства иностранных государств в избирательный процесс. В проекте Концепции национальной безопасности указано, что обеспечение электорального суверенитета составляет *стратегический национальный интерес Республики Беларусь*, регламентировано, что дискредитация либо срыв электоральных кампаний представляется рассматривается как один из внутренних источников угроз национальной безопасности. В контексте Единого дня голосования (25.02.2024), главной задачей органов государственного управления в подготовке и организации избирательного процесса является обеспечение электорального суверенитета на всех этапах процедуры волеизъявления граждан.

Наряду с этим знаковой новацией белорусского законодательства в области цифровой трансформации за июнь-июль 2023 года, включенных в НПА, как показал контент-анализ, является Указ Президента Республики Беларусь от 13.06.2023 №172 «Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь». Директива Президента Республики Беларусь №2 от 27.12.2006 г. «О дебиюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» претерпела существенные изменения в вопросах информирования граждан посредством *сетевого взаимодействия с населением* [4]. Директива №2 изложена в новой редакции, с учетом цифровой трансформации общества (далее – директива). В директиве новой редакции определены обязательные к исполнению органами государственного управления (республиканского, регионального, местного уровня власти) задачи, реализация которых, по-нашему мнению, может и должна быть сопряжена с *он-лайн и офф-лайн участием лидеров мнений из числа молодежи* как авторитетных в цифровой среде для молодежных интернет-сообществ, подписчиков блогеров, конструктивный потенциал которых необходимо наращивать посредством организации работы с лидерами мнений из числа молодежи, целесообразно политической повестке, корректно привлекаемых органами власти в непосредственный административный процесс для решения обращений граждан территорий, а также обращений молодых людей социума для оказания помощи, поддержки со стороны властей для разрешения насущных проблем с участием лидеров мнений из числа молодежи как

общепризнанных представителей определенных сфер интересов аудиторий молодежи и высокого показателя количества подписчиков (количественный параметр информационных ресурсов).

При таком подходе требуется уточнение сущности понятия «лидеры мнений», введено в научный оборот П. Лазарсфельдом (1944) для обозначения феномена влияния личностного фактора авторитетного субъекта на выработку общественного мнения, определяющего результаты избирательного процесса. Лидер мнения помимо экспертной роли в каком-либо вопросе выполняет опосредованное влияние в роли транслятора определенных смыслов для целевых аудиторий. Российские исследователи Е. А. Кузнецова, Е. В. Зиновьева отмечают специфику термина «лидер мнения из числа молодежи (далее – ЛММ) в цифровой среде» связан с использованием синонимичных понятий «инфлюенсер», «инфлюенсер-эксперт», «селебрити», «блогеры», «видеоблогеры», что означает дифференциацию непрофессиональных и профессиональных блогеров, для категории последней группы, где блогинг представляет основную деятельность, приносящей доход [5]. Данная типология лидеров мнений требует учет как *один из принципов организации работы по обеспечению* созидательного участия в обеспечении национальных интересов для помощи гражданам и молодым людям в формате онлайн-оффлайн административного процесса (по мнению Ф. И. Храмцовой). Российские авторы С. А. Гришаева, П. А. Шамаев подчеркивают актуальность реализации *потенциала политического участия ЛММ* как фактора общественно-политической стабильности [6, с. 32].

Сформулируем *авторскую технологию организации работы с ЛММ в условиях цифровой трансформации*. Предварительно формируется единая информационная база данных лидеров мнений из числа молодежи на основе анкетирования, опроса целевых аудиторий в популярных сетях, мониторинга тематики, содержания публикаций, постов, а также мониторинга органов обеспечения информационной безопасности. База данных структурируют по сферам интересов, социальному статусу компетенциям, качеству контента, с учетом места проживания лидера мнений из числа молодежи в границах административно-территориальной единицы, учитывается уровень патриотической позиции, знание национально-государственной истории, этнической культуры населения. Осуществляется корректное взаимодействие руководителей, специалистов органов государственного управления в целях мотивации и предварительного согласования возможности ЛММ участия в конструктивном сотрудничестве с органами местного управления в информационной среде. Необходимо предусмотреть прохождение ЛММ в онлайн семинаре-практикуме для подготовки к компетентному участию в административном процессе. Требуется провести адаптационную программу вхождения ЛММ как субъектов онлайн-технологий административного процесса. Следует практиковать на исходном и последующих этапах встреч, пресс-конференций глав администраций, председателей исполкомов с лидерами мнений из числа молодежи по актуальным вопросам развития региона, административной территории. Как показывает аудиторная аналитика сообщений слушателей Института государственной службы (сентябрь, 2023) такие формы взаимодействия с общественностью, СМИ, с молодежными блогерами широко практикуются в Гродненской области.

Обновленная редакция Директивы 2 регламентирует проведение *цифрового формата административных процедур* органами государственной власти для рассмотрения обращений граждан и предусматривает обязательное применение целого ряда информационно-коммуникационных технологий, направлений в пространстве глобальной сети Интернет [4], например: ведение официальных аккаунтов органов государственного управления в популярных социальных сетях с размещением новостных материалов, наполнение молодежного контента аккаунтов; использование интернет-сервисов, видео хостингов прямых трансляций для целевых аудиторий, размещение видеосюжетов, обновление видеоконтента по насущным вопросам общества, государства, региональных и локальных социумов, чаяний граждан, молодежи регионов; внедрение информационно-коммуникативных технологий дистанционного обслуживания онлайн приема граждан, молодежных аудиторий, применение технологий электронного управления очередью; технологий визуализации обращений [4].

Сделаем вывод. С учетом трансформации вызовов национальной безопасности Республики Беларусь необходимо разработать единые методические рекомендации для системы органов государственного управления в сфере организации работы с лидерами мнений из числа молодежи как полноправных субъектов формирования конструктивного диалога с органами государственной власти, институтами гражданского общества для позитивного общественного

мнения, социального единения, укрепления общественно-политической стабильности, обеспечения электорального суверенитета государства, политического участия в процессах подготовки и проведения избирательной кампании Единого дня голосования (25.02.2024) в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сенько, А. Н. Стратегии развития регионов в Республике Беларусь: институциональный аспект: монография / А. Н. Сенько, Ф. И. Храмцова. – Минск : Бестпринт, 2019. – 208 с.
2. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на Соповещании по актуальным вопросам здравоохранения. 23.05.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-aktualnym-voprosam-zdravoohraneniya>.
3. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/june/74658/>.
4. Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь» (13.06.2023, 1/20890) / Указ Президента Республики Беларусь от 13 июня 2023 г. № 172 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/july/7475>
5. Кузнецова, Е. А., Зиновьева, Е. В. Психологические аспекты определения и изучения лидеров мнений в цифровой среде [Электронный ресурс] / Е. А. Кузнецова, Е. В. Зиновьева // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 5. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/97PSMN520.pdf>.
6. Гришаева, С. А., Шамаев, П. А. Политическое участие молодежи в цифровой среде / С. А. Гришаева, П. А. Шамаев // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 25–35.
7. Храмцова, Ф. И. Организация работы с лидерами мнений из числа молодежи как фактор общественно-политической стабильности Республики Беларусь / Ф. И. Храмцова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – № 7–1 (82). – 2023. – С. 152–157.

УДК 316.4

МЕТОДОЛОГИЯ DATA FUSION В МЕДИАИЗМЕРЕНИЯХ РЕЙТИНГОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АУДИТОРИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Ярошук Р. С.

младший научный сотрудник

Института социологии Национальной академии наук Беларуси

магистрант специальности «Социология»

Университета Национальной академии наук Беларуси

г. Минск, Беларусь

Основной задачей медиаизмерений аудиовизуальных СМИ выступает фиксация присутствия зрителя (слушателя) в эфир телевидения (радиовещания) для анализа востребованности информационного контента. В данной работе рассматривается методология DATA FUSION, которая применяется при медиаизмерениях аудитории телевидения. Финальным потребителем данных медиаизмерения является телевизионная индустрия, в которую входят как представители телеканалов, так и рекламных агентств. Аудиторные данные призваны помочь рекламодателям узнать или сформировать портрет аудитории того или иного телеканала. Исходя из полученных данных медиаизмерений, рекламодатель имеет представление о структуре целевой аудитории, на которую можно транслировать и распространять рекламный контент.

К настоящему времени в медиаизмерениях сформировано два основных методологических подхода к фиксации рейтинговых показателей телесмотрения. Первый подход состоит в получении данных при помощи пиплметрических устройств (РМ). Указанные цифровые устройства, фиксируют непосредственно какой канал и в какой временной отрезок просматривался тем или иным членом домохозяйства. Это достигается при помощи нажатия пользователем, который начинает смотреть телевидение, соответствующей ему кнопки на пульте дистанционного управления (ДУ). Пиплметрические измерения обладают важной особенностью, а именно наличием социально-демографических характеристик аудитории. Другой подход заключается в сборе и анализе данных телевизионных приставок STB (set-top boxes). Это достигается условно автоматизированным способом посредством STB-ресиверов, в результате

формируется огромный массив данных «BIG DATA» телесмотрения, получаемых из 2 000 000 приставок по стране с точностью до секунды. Далее более детально рассмотрим преимущества и недостатки каждого из методов.

Объём панельной выборочной совокупности, оснащённой пиплметрами в Республике Беларусь составляет 550–600 домохозяйств. Рассчитано, что одно домохозяйство из панели репрезентирует около 8000 домохозяйств по стране. Стоит отметить, что в панели представлены исключительно городские домохозяйства. То есть сельское население не задействовано в подобного рода исследованиях. Это связано с тем, что показатели телесмотрения, оснащённости и доступности телевидения в сельской местности гораздо ниже, чем в городах и в таких условиях проводить измерения рейтинговых показателей телевидения довольно неэффективно.

Кроме этого, как отмечается А. В. Посталовским [1], традиционные пиплметрические измерения обладают недостатками, характерными для любого исследования с использованием выборочного метода, к ним относятся: а) ошибка выборки, б) возможность отсутствия данных для аудиторий узкотематических каналов либо каналов с небольшой аудиторией, в) необходимость ежегодного установочного исследования (УИ).

Крайний недостаток вытекает из того, что аудитория претерпевает определенные структурные изменения. В частности, определенная доля аудитории совершает переход от традиционных СМИ к более современным сетевым ресурсам. В этой связи исследовательская организация вынуждена, как минимум, ежегодно проводить УИ. Цель установочных исследований состоит в том, чтобы отметить изменения, произошедшие в структуре аудитории и откорректировать выборочную совокупность, сохранить ее репрезентативность и иметь возможность продолжать валидные измерения.

Особенность сбора пиплметрических данных заключается в том, что если, например, только один пиплметр из всей панели зафиксировал просмотр определенного канала с 11:00 до 11:30, то исходя из этого делается вывод, что данный канал в указанный временной отрезок просматривался примерно 8000 домохозяйствами по стране. Но фактически это зачастую оказывается не так. Число реальных зрителей может быть, как значительно выше, так и значительно ниже показателя, полученного посредством пиплметрического измерения. Указанный подход имеет достаточно большую погрешность при попытке получения точечных в разрезе времени показателей. Также бывает ситуация, что ни один пиплметр из панели не зафиксировал ни одного просмотра определенного канала и в таком случае показатель телесмотрения данного канала будет считаться нулевым. Но это также почти во всех случаях является ошибочным. То есть рейтинг данного канала не будет равняться абсолютному нулю. В этой погрешности и заключается недостаток пиплметрического измерения как методологического подхода к фиксации рейтинговых показателей телевидения.

На первый взгляд может показаться, что увеличение выборочной совокупности (объема панели) будет способствовать точности измерения телевидения. Однако, учитывая высокую себестоимость одного пиплметра, оснащение большего числа домохозяйств может стать не просто невыгодным, но и практически невозможным. В связи с чем, для уточнения пиплметрических данных используется совмещающий подход, дополняющий эти данные результатами замеров с ТВ-приставок.

Имеют определенные ограничения также и показатели, получаемые с одних только телеприставок. Они возникают по причине того, что фиксация сеанса происходит даже при выключенном телевизоре. Главным условием для фиксации сеанса телесмотрения является включённая ТВ-приставка. То есть, если пользователь включил телевизор утром и ушёл из дома на целый день, выключив телевизор, но забыв выключить приставку, то сеанс телесмотрения будет фиксироваться на протяжении всего времени включенной ТВ приставки. Кроме того, данные приставок не содержат абсолютно никаких социально-демографических сведений, которые имеют большое значения для измерения рейтинговых показателей аудитории того или иного канала информации.

Для устранения недостатков указанных ранее подходов был разработан новый, совмещающий или «гибридный» подход. Данная совмещающая методология проведения медиаизмерений называется DATA FUSION. Ее эффективность и новизна заключаются в слиянии массивов двух баз данных. Один массив, получаемый при помощи пиплметров (PM), а другой

через телевизионные приставки (STB). Преимущества данного гибридного подхода заключаются в том, что он способен детализировать и скорректировать некоторые неточности пиплметрических данных, а также дополнить социально-демографическими характеристиками большие данные, которые в нашей стране получают при помощи приставок, предоставляемых населению компанией РУП «Белтелеком».

Как отмечает А. В. Посталовский [1], применение технологии DATA FUSION состоит из следующих этапов.

1. «Очищение» базы данных, полученной при помощи телевизионных приставок STB от так называемых сессий аномального просмотра или от «Кэппинга», упомянутого ранее.

2. Сравнительный анализ данных STB и PM. Этот анализ связан с выявлением общих тенденций в показателях, а также существенных расхождений. Также разрабатывается понижающий коэффициент для ТВ-приставок по показателям Reach, Share и Rtg, которые являются основными аудиторными метриками приставок, в то время как пиплметры имеют гораздо более широкий перечень фиксируемых метрических показателей. Стоит отметить, что зачастую, объемы телесмотрения, фиксируемые приставками выше, чем данные пиплметров. Также благодаря данным с ТВ-приставок увеличиваются показатели наименее популярных, то есть тематических, или узконаправленных телеканалов.

3. «Большие данные» с приставок наделяются социально-демографическими данными пиплметров.

Исследовательской компанией ЗАО «МедиаИзмеритель» (Минск, Республика Беларусь) в тестовом режиме при фиксации рейтинговых показателей аудитории белорусского телевидения была проведена апробация технологии DATA FUSION. Согласно А. В. Посталовскому [1], данная методология позволила выявить высокий уровень совпадения паттернов просмотра ТВ как посредством данных пиплметрической панели, так и при помощи «больших данных» телевизионных приставок. Допустимая погрешность обозначается в пределах от 5 до 20 минут. Подтверждением гипотезы о дополняющем характере «больших данных» служит то, что в них были зафиксированы просмотры телеканалов, которые не были зафиксированы в пиплметрической панели.

Таким образом, в заключении можно привести следующие выводы. Представленный подход к «объединению данных» DATA FUSION позволяет уточнить показатели телесмотрения, получаемые из пиплметрической панели. Особенностью указанного подхода выступает ликвидация сеансов условного «нулевого просмотра», когда ни один из членов панельного домохозяйства не включил телевизор (пиплметр). В свою очередь, использование непосредственно одного, конкретного метода телеизмерений имеет определенные недостатки в связи с особенностями выборочного метода в социологии. В данном случае именно объединенный мотив DATA FUSION позволит нивелировать методологические недостатки выборочного метода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовский, А. В. Применение методологии DATA FUSION в медиаизмерениях рейтингов телевидения / А. В. Посталовский // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». – 2022. – № 3. – С. 67–72.

«РОЛЬ «WOMEN'S STUDIES» (ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) И ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИН В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»

УДК 321 (316.75)

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ФЕМИНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Александренков Ю. В.

*доцент Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Социальное государство можно рассматривать как тип экономически развитого государства, в котором государственные и общественные институты играют ключевую роль в обеспечении экономического и социального благополучия граждан на основе принципов социальной справедливости.

В феминистском дискурсе тематика социального государства присутствует в рамках различных научных дисциплин: истории, социологии, политологии, социальной работе и социальном обеспечении, государственном управлении, экономике. Феминистский дискурс является внутренне неоднородным, в нём можно выделить, по меньшей мере, либеральный, социалистический и радикальный феминизм, различающиеся трактовками социального государства.

Появление проблематики социального государства в феминистской традиции стало реакцией на гендерно-нейтральные концепции социального государства, учитывающие классовое неравенство в обществе, но не учитывающее гендерное неравенство. В то время как «... только анализ социального государства, который базируется на правильном понимании положения женщин в современном обществе может в полной мере раскрыть сущность современного социального государства» [0, с. 59].

Социальное государство обеспечивает граждан благами, которые они не получают посредством механизма рынка, неправительственных организаций, семьи и других сообществ, формирующих в совокупности сети поддержки индивидов.

С точки зрения феминизма важным является разделение на общественное/личное. Во время становления социального государства в европейских странах доминировала модель семьи с «кормильцем» мужчиной. Нормой являлась деятельность мужчин в общественной сфере (добывание средств пропитания для семьи, политическая деятельность в широком смысле), а женщинам отводилась частная сфера – ведение домашнего хозяйства, оказание услуг остальным членам семьи.

Государственная политика в области трудовых отношений, перераспределение общественного продукта посредством государственных и общественных институтов происходит в публичной сфере. Социальные институты и практики социального государства приспособленные к модели семьи с «кормильцем» мужчиной обеспечивали уровень заработной платы мужчин, достаточный для содержания всей семьи. Государство обеспечивало социальное страхование, основанное на статусе мужчины как работника и социальную помощь, основанную на статусе женщины как жены и матери.

Для преодоления деления общественное/частное необходима передача функций по уходу за детьми и престарелыми членами семьи государству, общественным организациям или рынку. Забота о членах семьи должна рассматриваться не как личное, а как общественное дело.

Социальное государство, помимо декоммодификации, должно обеспечивать дефамилизацию женщин – освобождение женщин от труда по уходу за детьми и престарелыми членами семьи, от труда по обеспечению быта семьи. В таком случае женщина готова стать полноценным участником рынка труда, что освобождает её и от экономической зависимости от мужчины.

Следует учитывать различия социальной политики в различных типах социальных государств. Г. Эспинг-Андерсен выделил либеральный, консервативный и социал-

демократический тип социального государства [0]. В либеральных социальных государствах женщины рассматриваются, в первую очередь, как работники, а не как производители «домашних» услуг, что приводит, зачастую, к нарушению баланса «работа – жизнь».

В консервативных социальных государствах социальная политика направлена на сохранение традиционных социальных структур, в первую очередь семьи. Они обеспечивают существенные трансферты семьям и ограниченные услуги по уходу за детьми и пожилыми членами семьи. В данном случае актуализируется проблема «голоса» женщин, детей и престарелых членов семьи при принятии решений о расходовании социальной помощи.

Социал-демократические социальные государства проводят политику максимальной дефамилизации женщин. Высокий уровень участия женщин на рынке труда сочетается с предоставлением субсидированных услуг по уходу за детьми, предоставлением отпуска по уходу за ребёнком для матери и для отца, а также системой индивидуальных льгот. Государство поощряет модель семьи с двойным доходом, когда оба родителя приносят доход и делают обязанности по уходу за детьми и организации семейного быта.

Следует отметить, что сама типология социальных государств Г. Эспинг – Андерсена критикуется феминистками как не учитывающая влияние гендерного фактора, из-за чего по некоторым гендерно значимым вопросам наблюдаются существенные различия в рамках одного типа и сходства в разных типах.

В настоящее время гендерная политика, семейная политика, политика в области трудовых отношений в развитых государствах привела к существенному обобществлению частной жизни. Однако у данного обобществления частной жизни должны быть и границы, с точки зрения либерального феминизма, так как частная жизнь выступает сферой свободного личного выбора.

Социальное государство, обобществляя частную сферу создаёт большое количество рабочих мест, которые занимают, главным образом, женщины.

Феминистки полагают, что гендер, как и социальный класс, раса или религия, является важнейшими критериями деления общества. Для описания отношений между мужчинами и женщинами, построенных на власти мужчин используется понятие «патриархат» или «мужское доминирование» [0, с. 304].

Сторонники радикального и социалистического феминизма утверждают, что социальное государство развивалось, главным образом, в интересах мужчин, являясь инструментом сохранения их превосходства в социальной жизни общества, способствующим мужскому комфорту, власти и привилегиям.

Сохраняется неравенство в сфере распределения доходов между женщинами и мужчинами на рынке труда. За равный труд женщины получают меньшую оплату. Отмечается феминизация бедности.

Несмотря на высокую долю женщин в органах социального государства, обеспечивающих социальную защиту и оказывающих социальные услуги, они занимают низшие должности, руководителями же, главным образом, являются мужчины. Женщины занимающие высшие должности зачастую не имеют семьи, жертвуя замужеством и материнством ради карьеры. В случае наличия семьи наблюдаются сложности с поддержанием баланса «работа – жизнь».

Мужчины составляют большинство политиков, государственных служащих, лиц, лоббирующих интересы различных социальных и профессиональных групп, деловых и политических элит. Таким образом, повсеместно, даже в социальных государствах Скандинавии, женщины являются «объектом социальной политики, а не ее создателями» [0, с. 459], теми, кто исполняет, а не определяет политику.

Социальное государство рассматривается в феминизме не только как источник благ и социальной защиты, но и как поле конструирования смыслов, в частности, гендеров и гендерных норм.

Например, дискурс «зависимости» в либеральных социальных государствах побуждает женщин среднего класса предпочитать экономическую зависимость от своих мужей государственной поддержке. Данный дискурс не только усиливает патриархальные нормы в институте брака, но и стигматизирует нуждающихся женщин, которые получают государственные трансферты. В общественном мнении формируется их образ как пассивных получателей государственной помощи. Нормой является независимость от государственной поддержки. Таким образом,

социальная политика обеспечивает признание и поддержку одних моделей семейной организации и дискриминирует другие [0].

Социальное государство может и должно выравнивать возможности и уровень жизни женщин и мужчин посредством реорганизации экономических и социальных отношений, внедрения и культивирования соответствующих норм в общественном сознании.

Либеральные феминистки выступают, в первую очередь, за правовое и политическое равенство женщин и мужчин. Женщины должны иметь возможность на равных соперничать в общественной жизни с мужчинами. Социал-феминистки утверждают, что наиболее важным является социальное равенство, обеспечиваемое, в первую очередь, равной оплатой за труд, равенством оплачиваемого труда и неоплачиваемой домашней работы, социальными. Радикальные феминистки, главным образом, стремятся к достижению равенства в семье и семейной жизни.

Существующие физиологические различия между мужчинами и женщинами обуславливают их предрасположенность к определённым видам деятельности. С уменьшением значимости физического труда в современных экономиках значимость таких различий также уменьшается.

Перераспределение обязанностей между мужчинами и женщинами по обеспечению быта семьи, уходу за детьми и пожилыми членами семьи является важным инструментом выравнивания положения женщин и мужчин. Такая политика приводит к высокому уровню гендерного равенства как на рынке труда, так и в семьях.

Новые интерпретации социального государства с точки зрения гендерного подхода уделяют больше внимания вопросам мужественности и отцовства, а также детям. В то время как в прошлом матери считались выразителями интересов и потребностей детей, в настоящее время государства и ученые всё в большей степени рассматривают детей как субъектов социального обеспечения самих по себе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Wilson, E. Women and the Welfare State / E. Wilson. – London : Tavistock, 1977. – 220 p.
2. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 435 p.
3. Orloff, A. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations / Ann Shola Orloff // American Sociol. Rev. – 1993. – 58 (2). – P. 303–328.
4. Lister, R. Women, economic dependency and citizenship / R. Lister // J. of Social Policy. – 1990. – Vol. 19, № 4. – P. 445–467.
5. Nagar, N. Feminist Theories of the Welfare State / N. Nagar // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies [Electronic resource]. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118663219.wbegss747>. – Date of access: 20.09.2023.

УДК 94 (571)

ЖЕНЩИНЫ-ГЕЛЬМИНТОЛОГИ У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ГЕЛЬМИНТОФАУНЫ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Барабанова К. С.

*ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований
Сургутского государственного педагогического университета
кандидат исторических наук
г. Сургут, Россия*

Сибирь по сей день представляет огромный интерес для ученых. Важный вклад в исследование этого огромного пространства сделали женщины. Среди них хотелось бы выделить женщин, посвятивших себя профессии врача. Одной из важных проблем для населения Сибири стали болезни вызванные гельминтами и в первую очередь описторхоз. В начале XX века в России начала оформляться школа гельминтологии. Ее основоположником стал К. И. Скрябин, возглавивший в 1917 году кафедру паразитологии в Донском ветеринарном институте [1]. Особую роль в развитии этого научного направления сыграла ученица Скрябина Варвара Петровна Подъяпольская. В союзных гельминтологических экспедициях, целью которых

было исследование гельминтофауны пространства Советского Союза, она возглавляла медицинские отряды и отвечала за сбор сведений о заражении гельминтами местного населения.

Варвара Петровна закончила в 1918 году медицинский факультет Московских Высших женских курсов и в 1923 году стала главным врачом в санатории, в тоже время она присоединилась к гельминтологическим экспедициям Скрыбина. Позднее в 1941 году она начала работу в Институте медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е. И. Марциновского. В 1951 году она стала лауреатом Государственной премии, а в 1953 году получила члена-корреспондента АМН СССР.

В 1927 году Подъяпольская отправилась в свою первую гельминтологическую экспедицию. Возглавил 50-ю союзную гельминтологическую экспедицию в Сибирский край Скрыбин. Целью медицинского отряда было изучения гельминтофауны горнорабочий Кузнецкого каменноугольного бассейна, а также врачей интересовали заболевания работников водного транспорта и гельминтофауна коренных жителей Горной Шории Ойротии (Горного Алтая) [2, л. 2]. Одной из целей экспедиции было выяснить, есть ли в этом регионе анкилостомоз. Это тяжелое заболевание, вызванное гельминтом анкилостомой и приводящее к острому малокровию, характерно для шахтерских районов. Особый интерес представляло изучение зараженности описторхозом, именно с этих экспедиций начиналось глубокое исследование Обь-Иртышского водного бассейна – природного очага заболевания. Для этого были обследованы рабочие Бобровского затона на Оби, а также экипажи пароходов и бакенщики, которые работали на Оби и Бии. Так как их жизнь была тесно связана с рекой и были поголовно заражены описторхозом, то их образ жизни и пищевые привычки представляли интерес для врачей [3]. В этой экспедиции Подъяпольская приняла участие в обследовании ойротов. Отметим, что экспедиция стала первым опытом обследования определенной категории населения в отдельном географическом регионе [4, с. 168–170].

В 1929 году Подъяпольская отправилась в 70-ю союзную гельминтологическую экспедицию на Средний и Южный Урал, и на Тобольский север. Вновь в центре внимания оказались больные описторхозом. Теперь обследованию подверглись ханты и манси, чья диета, в основе которой была сырая рыба и мясо, способствовала заражению гельминтами и в первую очередь описторхозом. Во время экспедиции отряд Подъяпольской чуть не погиб на Северной Сосьве. Когда они направлялись к селу Березово, их парусное судно взял на буксир катер. Внезапно поднялся сильный ветер и веревки начали лопаться, а лодка стала поперек волны. Подъяпольская схватила запасную веревку и кинула ее на катер, где ее быстро закрепили [4, с. 235]. В результате экспедиции было установлено поголовное заражение описторхозом проживавших в низовьях Оби. Местные называли описторхоз «обской болезнью». По итогам 70 союзной гельминтологической экспедиции были сформулированы рекомендации для организации оздоровительных мероприятий [3].

В 1930 году под руководством В. П. Подъяпольской и М. П. Гнединой была проведена 80-я союзная гельминтологическая экспедиция в Красноярский край. Целью экспедиции было обследование людей и животных в низовье Енисея и бассейне Нижней Тунгуски. Подъяпольская вместе с врачом Блажиным отправилась по Подкаменной Тунгуске. Их лодка останавливалась у домов и чумов, расположенных вдоль реки. Кеты отнеслись доброжелательно к медикам и охотно обследовались. Когда же Подъяпольская решила искупаться в реке, местные сбегались посмотреть на это, так как сами они мылись крайне редко. В ходе работы 8-й союзной гельминтологической экспедиции был сделан вывод, что в низовьях Енисея и Нижней Тунгуски описторхоза не было [4, с. 239].

Среди учеников Скрыбина выделяется доктор медицинских наук Надежда Павловна Шихобалова. Их совместная работа началась в 1927 году, когда Надежда Павловна приехала на консультацию к Скрыбину в Москву в лабораторию Тропического института, чтобы показать ему паразита, найденного ею при вскрытии трупа. Тогда же Константин Иванович рассказал ей об гельминтологических экспедициях и она попросила зачислить ее в ближайшую. Первый полевой опыт Н. П. Шихобалова получила в 50-й союзной гельминтологической экспедиции, где работала вместе с Подъяпольской. Так как состав экспедиции к тому времени уже был утвержден, Шихобалова поехала в Сибирь за свой счет, используя свой отпуск [4, с. 213]. Чуть позднее Скрыбину удалось добиться ставки врача, для усиления экспедиции. После экспедиции в Западную Сибирь Надежда Павловна вернулась в

Самару, но потом на свой страх и риск приехала в Москву, где Скрябин принял ее в Гельминтологический отдел Государственного института ветеринарии в качестве нештатного сотрудника. Позднее Шихобалова трудилась в Гельминтологическом отделе Тропического института и работала в Гельминтологической лаборатории Академии наук СССР [5].

Женщины-врачи еще в XIX веке принимали активное участие не только в оказании помощи местному населению, но и в изучении этого огромного пространства. Одним из аспектов, привлечших внимание исследователей первой половины XX века, стала гельминтофауна Сибири и ее влияние на здоровье населения. Ученицы основателя советской школы гельминтологии Скрябина Подъяпольская и Шихобалова возглавляли медицинские отряды экспедиций в Сибирь и порой с риском для своей жизни отправлялись на сбор материалов в самые отдаленные уголки региона.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115, «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Москвин, А. С. История Российской паразитологии. 100 – лет со дня учреждения первой в России кафедры паразитологии в системе высшего ветеринарного образования / А. С. Москвин // Рос. паразитол. журн. – 2017. – Т. 3, № 9.
2. Труды пятидесятой союзной гельминтологической экспедиции в Сибирский край в 1927 г. // АРАН.Ф.1659. Оп 3. Д. 363.
3. Барабанова, К. С. Между промышленностью и природой: Бобровская затона и 50-я Союзная гельминтологическая экспедиция / К. С. Барабанова // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2021. – № 6 (75). – С. 93–97.
4. Скрябин, К. И. Моя жизнь в науке / К. И. Скрябин. – М. : Политиздат, 1969. – 463 с.
5. Быховская-Павловская, И. Е. К семидесятилетию со дня рождения Н. П. Шихобаловой / И. Е. Быховская-Павловская, К. М. Рыжиков // Паразитология. – 1967. – Т. 1, № 6. – С. 453–454.

УДК:396

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Бурак О. И.

*начальник отдела идеологической работы и по делам молодежи Ляховичского райисполкома, председатель Ляховичской РО ОО «Белорусский союз женщин»
магистрант Академии управления при Президенте Республики Беларусь
г. Ляховичи, Беларусь*

Многие сотни лет женщинам отводилась единственная роль – хранить домашний очаг, продолжать род и воспитывать детей. Но наш век кардинально отличается от предыдущих не только с точки зрения научного и технического прогресса. Женщина в современном обществе выполняет различные социальные роли: она не только жена и мать, но и личность со своими желаниями и потребностями. Сейчас представительницы прекрасного пола сами ищут своё призвание и могут ставить перед собой совершенно любые цели.

Однако здесь возникает противоречие, связанное как раз с тем, что женщину перестали воспринимать в первую очередь как домохозяйку. Даже если девушка сознательно выбрала для себя этот путь, родители и друзья будут постоянно говорить ей, что как бы ни важна была семья, в первую очередь нужно обеспечить себе высокий статус в обществе и финансовую независимость. Имеется в виду, что в современном обществе выходить замуж и рожать детей стоит только тогда, когда женщина нашла себя в карьере и имеет стабильный заработок [1, с. 24–26].

Подобные советы зачастую дают те, кто действительно беспокоится о будущем девушки. Ведь в современном обществе развод стал нормальной практикой, и муж может просто уйти из семьи, оставив её одну с детьми. Причём причиной для развода часто становятся мелкие бытовые разногласия, которые можно было бы уладить. Кроме того, муж может серьёзно заболеть или даже погибнуть. Во всех этих случаях забота о себе и о детях ляжет на плечи женщины, и она должна быть к этому готова.

Выходит, что так или иначе приоритетным в жизни женского пола становится именно вопрос карьеры и материального обеспечения. Быть любящей женой и хорошей матерью – это тоже одна из типичных женских ценностей, но не самая важная. Всё это приводит к переосмыслению не только роли женщины в семье и современном обществе, но и роли семьи в жизни самих женщин [2, с. 97–99].

Роль общественных организаций в жизни любого общества неоспорима. Общественные объединения или организации, наряду с политическими партиями и профессиональными союзами, играют очень важную роль в формировании современного гражданского общества в Беларуси, становлении демократии, защите прав и свобод граждан. Все более заметным становится их вклад в решение общенациональных и региональных задач, связанных с социальной защитой населения. Формирование разветвленной системы общественных организаций и движений является показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов.

Следует отметить, что на развитие женского движения оказывает влияние общественная организации «Белорусский союз женщин», которая получила государственную поддержку. Стратегической целью деятельности ОО «Белорусский союз женщин» на предстоящее пятилетие является содействие устойчивому развитию Республики Беларусь и достижение целей в области устойчивого развития, принятых государствами-членами ООН до 2030 года. При этом, следует отметить, что устойчивое развитие предполагает улучшение качества жизни населения и объединяет в одно целое экономическую, социальную эффективность и экологическую безопасность.

Немаловажным фактором является то, что основные направления общественной организации «Белорусский союз женщин» на 2020–2025 годы определены с учетом решений пятого Всебелорусского народного собрания, «Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2020–2025 годы», Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, Программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2020–2025 годы», Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2020–2025 годы, а также основных задач, предусмотренных Уставом ОО «Белорусский союз женщин».

При анализе истории становления и развития женского движения на территории Республики Беларусь было определено, что белорусские женщины не идентифицируют свои права и интересы. В массовом порядке женщины Беларуси еще слабо вовлечены в общественные и политические процессы, которые формируют гражданское общество. Но возникшие разнообразные женские группы осознали необходимость гражданского участия в общественной и политической жизни и определили «женскую повестку дня» как возражение против несправедливости. Ныне существующие в Беларуси женские общественные организации, так же, как и в ближайших странах, в частности, в России, создаются под конкретные социальные проблемы, затрагивающие, преимущественно, интересы женщин.

При этом в условиях становления суверенитета современной Беларуси женское движение активизировалось. Гендерная политика в Республике Беларусь, не имеющая отдельного правового закрепления, реализуется на основе общих нормативных актов, предоставляющих равные права всем членам общества. Политика по обеспечению гендерного равенства реализуется в Республике Беларусь через Национальные планы действий. В стране приняты три Национальных плана действий по улучшению положения женщин (1996–2000 гг., 2001–2005 гг., 2008–2010 гг.). Реализована также Республиканская программа «Женщины Республики Беларусь».

Анализ современного состояния показал, что на сегодняшний день осуществляют деятельность 15 республиканских и 7 международных общественных объединений, деятельность которых способствует решению проблем женщин, повышению их социального статуса, качества жизни и здоровья, профессионального уровня, раскрытию личностного потенциала, в целом, повышению роли женщин в белорусском обществе. Три из этих организаций объединяют женщин по профессиональному признаку; две из них молодежные организации. Кроме того, в стране осуществляют деятельность два спортивных женских республиканских общественных объединения. При этом 13 общественных объединений, которые осуществляют свою

деятельность, были созданы в 1991–1999 гг., что свидетельствует о их жизнеспособности, востребованности и актуальности осуществляемой деятельности [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гамелько, Е. В. Советское законодательство о положении женщины в 1917-1930-гг. / Е. В. Гамелько. // Молодой ученый. – 2010. – № 5 (16). – Т. 2. – С. 97–99.
2. Бородуля, А. А. Женское движение в Беларуси: миф или реальность? / А. А. Бородуля // XXI век: актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2004. – С. 182–183.
3. Общественная организация «Белорусский союз женщин» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oobsg.by/>. – Дата доступа: 30.08.2023.

УДК 304.444

«ГОРАД ПОЛАЦК – МОЙ ЛЁС І СПРАДВЕЧНЫ АЛТАР»: ТВОРЧЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ПАЭТЭСЫ НАДЗЕІ САЛОДКАЙ

Воднева І. П.

*загадчык Краязнаўчага музея філіяла Нацыянальнага Полацкага
гісторыка-культурнага музея-запаведніка
магістр гістарычных навук
г. Полацк, Беларусь*

Ад нараджэння чалавек мае прыродныя задаткі і здольнасці, талент і адоранасць. У дзіцячым узросце важнай умовай іх развіцця з'яўляецца своечасовы пачатак. Але так бывае не заўсёды. Вельмі часта чалавек на працягу жыцця не выкарыстоўвае свой рэзэрв, не займаецца актыўным развіццём свайго творчага патэнцыялу, і паступова яго магчымасці слабеюць, а ў сталым узросце, на думку некаторых даследчыкаў (напрыклад, Э. Клапарэд), творчае развіццё ў чалавека паступова прыпыняецца. Але ёсць вучоныя, якія маюць супрацьлеглую думку (напрыклад, Б. Г. Ананьеў), яны сталасць лічаць не фінішам, а цэнтральным момантам у развіцці чалавека. Падчас сталасці творчы чалавек імкнецца да зменаў і пераўтварэнняў, валодае шматлікай форм практычнай дзейнасці, лёгка пераходзіць ад аднаго яе віду да іншага, гарманічна злучаючы іх, усведамляючы творчасць як вышэйшую чалавечую дзейнасць. На развіццё творчага патэнцыялу ў сталай асобе ўплывае яе самарэалізацыя, інтранакіраванасць, высокая інтэлектуальная і эмацыянальная актыўнасць. Менавіта ў такіх умовах і фарміраваўся творчы патэнцыял паэта-песенніка з Полацка Н. С. Салодкай.

Як пісала ў сваёй аўтабіяграфіі Надзея Стэфанаўна: «У юнацтве я напісала не больш за паўтара дзесятка вершаў на беларускай і рускай мовах. Некаторыя былі апублікаваныя ў Полацкай і Глыбоцкай раённых газетах недзе ў межах 1967–1972 гг. Потым быў доўгі перыяд творчага маўлення, як меркавалася – назаўсёды». Скончыўшы ў 1968 г. Полацкае медвучылішча, Н. С. Салодкая спачатку працавала лабарантам на Глыбоччыне, потым выйшла замуж і пераехала ў Полацк, дзе з 1971 па 1978 г. была машыністкай ў газеце «Сцяг камунізма». Па стану здароўя вымушана была сыйсці з працы, але, атрымаўшы пенсію па інваліднасці, вырашыла чымсьці заняцца дома. У той час вельмі запатрабаванымі былі наборшчыкі, і Надзея Стэфанаўна стала набіраць тэксты. Пра Надзею Стэфанаўну яе працадаўцы пісалі так: «Усё, што яна робіць, пазначаецца пячаткай высокай якасці. Яна не проста друкуе без памылак па-руску і па-беларуску, але можа вычытаць і паправіць тэкст, падказаць больш трапнае слова, бо вельмі тонка адчувае мову. Яна мудры дарадца і цікавы суразмоўца, добры, спагадлівы чалавек» [5, с. 4]. Каля двух дзесяткаў гадоў Н. С. Салодкая набірала чужыя тэксты, але ў гэты ж час яна ўдасканальвала і свае творчыя здольнасці, і як вынік – пачала пісаць сама. «Я жыла звычайным жыццём. Якое, здавалася, ужо прыйшло да свайго лагічнага завяршэння. Вершы пайшлі практычна імгненна ў адзін вечар, і ўсё яшчэ ідуць» [4, с. 3]. А ў вершарыфмах Н. С. Салодкая пісала аб гэтым так: «Дзе падзела цэлае паўвечча? // Ці знарок рассыпала гады, // Каб у цемры, пры аплывітых свечках, // Падбіраць паспелыя плады» [8, с. 130]. Яе «хросным бацькам» стаў Н. Я. Гальпяровіч, тагачасны старшыня Полацка-Глыбоцкай філіі Саюза беларускіх пісьменнікаў. У жніўні 1997 г. на старонках «Новай газеты» з'явілася яе першая падборка з трох вершаў. Надзея Стэфанаўна доўга не згаджалася на іх публікацыю, адносячыся да сваіх твораў вельмі крытычна. Але ўжо з першага знаёмства з імі пра Н. С. Салодкую сталі казаць як пра сталага майстра слова, а пра яе творчасць – як пра літаратурны

феномен: «Яшчэ адно нешаранговае, выбітнае імя з'явілася і луняе над полацкай зямлёй, над спакойнай праз стагоддзі Дзвіной, над прыціхлым Полацкам. Нарадзілася тут – жыць, гучаць будзе ўсёй Беларусі» [11, с. 3]. І час падцвердзіў гэта.

З канца 1990-х гг. вершы Надзеі Стэфанаўны ўсё часцей можна было сустрэць не толькі ў раённых і гарадскіх газетах, але таксама на старонках абласных і рэспубліканскіх СМІ. Яна стала членам раёнага аб'яднання літаратараў «Надзвінне», і яе творы трапілі ў літаратурны альманах з аднайменнай назвай. У 2000 г. з'явілася і першая самастойная кніга паэтэсы з вельмі сімвалічнай назвай «Я ішла да сябе». «Чытаючы вершы Надзеі Стэфанаўны, ты упэўневаешся ў адным: яна іх вынасіла і спарадзіла, і яны маюць права заявіць пра сябе акаляючаму свету», – так пісалі пра зборнік вершаў калегі паэтэсы [1, с. 4].

У пачатку 2000-х гг. Н. Салодкая ўжо была жанчынай з дастатковым жыццёвым вопытам і пэўнай працоўнай біяграфіяй. Пасля раптоўнай смерці мужа ў жыцці Надзеі Стэфанаўны насталі даволі змрочныя часы, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў вершах: «Ты навошта ўварваўся ў маю непагоду // І бязлітасны холад сабой захінуў... // Я на плыткіх ільдзінах твайго крыгаходу // Усё роўна з табою адчайна тану...» або «...Пасядзім удваіх пры свечках – // Я ў сваім кутку, ты ў сваім... // З цёплай кветкай гліняны глечык, // Час дыхання сваё стаіў. // Не гадуючы крыўды-злосці, // Усё прымаючы, як маё // Можа, некалі зойдешь госцем? // Ці ўсміхнешся хаця б далёк...».

Вершы сталі для Надзеі Стэфанаўны тым месцам, дзе яна змагла выказаць свае пачуцці ўголас. На прэзентацыі адной са сваіх першых кніг Н. С. Салодкая адзначыла: «Творчасць для мяне – найвялікшая асалода... Ёсць такое ўсім вяломае слова “дзеяслоў”. Часціна мовы. Назва тоўстага літаратурнага часопіса. Дзея слоў. Слова дзеіць. Яно нараджаецца, забівае, уваскрасае. Паэт, літаратар, мусіць шукаць і знаходзіць слова, якое нараджае – розум роздум, любоў каханне, само жыццё» [7, с. 7]. У хуткім часе выйшла яшчэ некалькі зборнікаў вершаў полацкай паэтэсы: «На ўзлёце малітвы» (2002), «Свечка жаліцца небу» (2002). Сакратар абласнога аддзялення СБП Ф. Сіўко пасля выхаду яе чарговай кнігі пісаў: «Паэзія Н. Салодкай удала спалучае ў сабе шчырую спавядальнасць і пафас пачуцця, глыбокі роздум над існасцю чалавечага быцця і імкненне да самаўдасканалення, трагізм жыццёвага досведу і веру ў дабро» [10, с. 6]. А яшчэ вершы Надзеі Салодкай вельмі музычныя. І гэта першым заўважыў вядомы беларускі кампазітар Ізмаіл Капланаў: «Трэба толькі разгарнуць кніжку Надзеі Салодкай, музыка нараджаецца імгненна, таму што яна зашыфравана ў саміх вершах, прасякнутых тонкім лірызмам, жыццёвай мудрасцю і бясконцай любоўю да роднай зямлі» [6, с. 6]. Калі спыталі саму Надзею Стэфанаўну, як яна адносіцца да сваіх песень, яна адказала: «Кожнай клетачкай душы я люблю свае песні. Яны прапушчаныя праз маю душу і праз душу кампазітараў і выканаўцаў» [3, с. 4–5].

З восені 1998 г. загучалі песні, напісаныя І. Капланавым і Л. Захлеўным на словы Н. Салодкай. Іх выканаўцамі сталі Нэлі Багуслаўская, Ізмаіл Капланаў, салісты ансамбля народнай музыкі «Бяседа» Анжэла Макарава, Наталля Раманская і Валянціна Кірыленка, Акадэмічны хор Белтэлерадыё, Ірына Дарафеева, Ірына Афанасьева, Пётр Ялфімаў. У 2002 г. Н. Салодкая стала аўтарам тэксту песні-гімна «Горад над Дзвіной», а ў 2009 г. – гімна г. Наваполацка. У 2009 г. у рэспубліканскім конкурсе «На лепшы твор 2008 г.» у песенным жанры Надзея Салодкая атрымала Дыплом II ст. за цыкл песень, прысвечаных Году роднай зямлі. Пасля выхаду новага зборніка вершаў і песень члена Саюза пісьменнікаў Беларусі Надзеі Салодкай «Апошняя квадра» (2007) старшыня абласной арганізацыі СПБ Т. Гусачэнка адзначыла: «Родная Айчына – тая скразная лінія, якая праходзіць праз усе творы кнігі, надаючы лірычным, асабістым матывам высокае грамадзянскае гучанне: ...Гэта ты расціў і нядоліў, // Гэта ты намаляў мой век, // Краю мой, пад тваёй таполяй – // Радасць – слёзенька з-пад век. » [2, с. 15].

Для Надзеі Салодкай Полацк – горад, дзе яна «спазнала нашу гісторыю і душою спасцігла святасць Полацкай зямлі, значнасць горада і роднасць з ім. Нездарма словы склаліся ў рыфмаваныя радкі і загучалі песняй: «Горад мой, мая памяць і гонар...». Гэты горад правёў мяне праз столькі радасці і болю, што проста не мог не стаць родным, кроўным: «...Ведай мой горад, я не забуду // Досвіткаў ціхіх тваіх // Ведай, мой горад, усё, што ні будзе // Будзе з табой на дваіх...». І тут жа яшчэ радкі: «...Летаў сваіх я яшчэ не знасіла // Імем тваім даражу. // Усё, што сабе я ў Бога прасіла // І для цябе я прашу.» Як пісала Надзея Стэфанаўна: «Бог прыйшоў да мяне Сам. Гэта смелая, нахабная выснова ў чарговы раз пацвердзілася ў стасунках Бог – Полацк – я» [2, с. 15]. Каля дома, дзе жыў і працуе Надзея Стэфанаўна, у 2004 г. пабудаваў храм. Яна прызнала яго «сваім». 14 кастрычніка побач адкрылі і каплічку ў памяць загінуўшых у Афганістане палачан, і

паэтка напісала верш «Павініся, Айчына, кайся, што паслала сыноў за гора...». Пра свае пачуцці ў той дзень яна выказалася так: «Мяне літаральна ўзносіла над зямлёй ад адчування судакранання з маім горадам, у якім, як кажуць, “Бог жыве”. Так, Ён тут жыве! І няхай гэта доўжыцца вечна. Мой Святаград...» [2, с. 15]. Такую ж назву – «Мой Святаград» – Надзея Салодкая дала сваёй чарговай кнізе, якая поўнасцю прысвечана роднаму Полацку.

Горад не застаўся ў даўгу перад таленавітым майстрам слова. У 2007 г. Н. С. Салодкая атрымала нагрудны знак «За заслугі перад Полацкам», а ў 2008 г. Полацкім гарсаветам было прынята рашэнне прысвоіць паэту Надзеі Стэфанаўне Салодкай званне «Ганаровы грамадзянін горада Полацка». Менавіта ёй, як нястомнаму грамадскаму дзеячу, кіраўніцтва горада даверыла напісаць тэкст звароту да будучых пакаленняў, які быў закладзены ў пастамент помніку славутому полацкаму князю Усяславу Брачыславічу па прозвішчы Чарадзеі, нашчадкам якога полацкая паэтэса лічыць і сябе.

Надзея Стэфанаўна да сёняшняга часу піша вершы, шмат з іх прысвячае сваёй Бацькаўшчыне: «Я хачу з табой усім дзяліцца – // З той зямлёй, на якой жыву // Што ад кожнай хаты да сталіцы // Бацькаўшчынай роднаю заву...». Яе мабілізаваны творчы патэнцыял дазваляе ёй быць актыўным членам грамадства. Свой талент яна аддала той зямлі, дзе яна нарадзілася, працуе, дзе мае мужнасць, моц духу і святло душы праз слова распаўядаць пра існасць чалавека, грамадзяніна, асобы, да ліку якіх у першую чаргу адносіцца і сама.

СПІС ВЫКАРАСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Голубович, Л. «Цяплынь няскананых слоў...» / Л. Голубович. – Книж. мир. – 2000. – 30 нояб. – С. 4.
2. Гусачэнка, Т. «Няхай не высахне выток гаючых слоў...» / Т. Гусачэнка, В. Алейнікава // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 26 каст. – С. 15.
3. Жарнасек, І. «Я прасіла ў Бога не багацця...» / І. Жарнасек // Наша вера. – 2004. – № 2 – 3. – С. 4–5.
4. Козік, А. «Праблемы вырашаю з дапамогай песні...» / А. Козік // Віцеб. кур’ер. – 2004. – С. 3.
5. Малашэня, Л. «Вінаватасцю адбалелых слоў прачышчаюся...» / Л. Малашэня // Наша слова. – 1999. – 6 крас. – С. 4.
6. Малашэня, Л. Такія песні нараджаюцца ў Полацку / Л. Малашэня // Народ. слова. – 2004. – 11 мая. – С. 6.
7. Салодкая, Н. Верш / Н. Салодкая // Полацкі веснік. – 2003. – 5–7 верас. – С. 7.
8. Салодкая, Н. «Ні аб чым вясну прасіць ня буду...» / Н. Салодкая // Надзвінне : альм. – Полацк, 1999. – С. 130.
9. Салодкая, Н. Полацк. «Слова Божае ды не зносіцца...» / Н. Салодкая // Літаратура і мастацтва. – 2017. – 8 верасня. – С. 7.
10. Сіўко, Ф. «Я азяблае зерне спялю» / Ф. Сіўко // Нар. слова. – 2003. – 4 лют. – С. 6.
11. Сом, Л. Надзея Салодкая: ішла да сябе і прыйшла да нас / Л. Сом // Пол. летапісец. – 2002. – Студз. – С. 3.

УДК 331.5

О ВОЗМОЖНОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

Воронецкая Л. Г.

*заведующий сектором социально-демографической политики
Института экономики НАН Беларуси
магистр управления и экономики
г. Минск, Беларусь*

Наиболее оптимальному сочетанию женщинами-учеными своих потенциальных возможностей в профессиональной, семейной и других сферах жизнедеятельности будет способствовать разработка на государственном уровне соответствующих механизмов и программ специальной поддержки.

Важно отметить, что в настоящее время существует ряд механизмов и инструментов поддержки женщин, способствующих их более полной реализации в самых разных профессиях, а также совмещению профессиональной деятельности с семейной жизнью и воспитанием детей. Эти меры относятся к женщинам любых профессий.

В Беларуси дошкольное и среднее образование является бесплатным для всех детей. Отпуск по уходу за ребенком длится до достижения им трех лет и является одним из самых

продолжительных в мире. Отпуск по уходу за ребенком могут предоставить маме или папе, а если они хотят продолжать работу, то бабушке либо другому родственнику, который будет присматривать за малышом, пока ему не исполнится 3 года, и при этом на ребенка все равно будет начисляться пособие.

В ряде случаев длительный отпуск по уходу за ребенком не слишком положительно сказывается на карьере и профессиональных качествах женщин, в том числе женщин-ученых. Женщина, хотя ей и гарантировано государством рабочее место, становится менее востребованной на рынке труда. А молодое поколение сегодня делает упор на карьерный и профессиональный рост, материальное благополучие. Поэтому некоторые мамы прерывают свой отпуск по уходу за ребенком и спешат вернуться на работу [1].

Также выплачивается ряд пособий на детей: по беременности и родам, по уходу за ребенком в возрасте до трех лет и др. [2]. Многодетным семьям, в которых родился (усыновлен, удочерен) третий или последующий ребенок, назначается семейный капитал. С 1 января 2023 г. его размер составляет 29 950 руб. [3]. Также существует ряд других льгот для многодетных семей, в том числе касающихся улучшения жилищных условий.

В то же время существует потенциал для расширения некоторых мер применительно к женщинам-ученым и разработки отдельных мер применительно к данной категории женщин с учетом специфики их профессиональной деятельности. Такие меры могли бы стать более эффективными за счет учета специфических потребностей женщин-ученых. Они могли бы повысить эффективность и результативность научно-исследовательского труда женщин-ученых, способствовать их карьерному росту и получению ученых степеней и званий, а также обеспечить большую заинтересованность женщин-ученых в рождении и воспитании детей, включающем заботу об их образовании, здоровье, здоровом питании, спортивной и творческой активности, формировании высоких моральных ценностей, что в целом положительно скажется на воспроизводстве населения и обеспечении демографической безопасности страны.

Рекомендуется, чтобы механизм специальной поддержки женщин-ученых базировался на следующих принципах, учитывающих специфику труда и репродуктивного поведения женщин-ученых:

1. Женщины-ученые обладают высоким человеческим капиталом за счет полученного образования, а также творческим потенциалом для проведения научных исследований, открытия новых закономерностей в науке, представляющих ценность для современного общества. Недоиспользования этого потенциала ведет к упущенным возможностям для самих женщин за счет неполной реализации их способностей и потенциала, а также для науки и общества.

2. Женщины-ученые, как и женщины других профессий обладают репродуктивным потенциалом и способны оказать положительное влияние на обеспечение воспроизводства населения и обеспечение демографической безопасности страны.

3. Для среднестатистической женщины-ученого реализовать репродуктивные возможности, связанные с рождением и воспитанием детей, сложнее в связи с тем, что для построения научной карьеры требуется много времени на обучение, в том числе в аспирантуре, заработок в науке в начале карьеры относительно невысокий, написание и защита диссертации требует дополнительного времени, что в некоторых случаях приводит к откладыванию рождения первого ребенка и не ориентирует на рождение второго ребенка, а тем более на многодетность. Из-за откладывания рождения первого ребенка, теоретически уменьшается количество детей, которое женщина-ученый может родить.

4. Рождение и воспитание женщинами-учеными детей может снижать их продуктивность в науке, отрицательно сказываться на мотивации и возможностях написания и защиты диссертации.

5. Полная реализация женщиной-ученым своего потенциала как в научной сфере, так и в семейной жизни и воспитании детей является наилучшим и желаемым вариантом для большинства женщин-ученых, положительно сказывается на их моральном и материальном состоянии, но в большинстве случаев требует помощи и поддержки как стороны супруга, родственников, так и со стороны государства, которая заключается в создании условий для того, чтобы женщина-ученый могла совмещать семейную жизнь с продуктивной научной деятельностью без ущерба для нормального отдыха и здоровья.

6. Не все женщины-ученые имеют возможность получить помощь и поддержку со стороны родственников, чтобы гармонично совмещать работу в науке с заботой о семье, включая рождение и воспитание детей, в связи с чем возникает потребность в поддержке со стороны государства.

Таким образом, *целью* специальной поддержки женщин-ученых является обеспечение на уровне государства благоприятных условий для гармоничного совмещения женщинами-учеными научной карьеры и семейной жизни и полной реализации творческого потенциала в науке и репродуктивного потенциала без ущерба для здоровья женщин-ученых.

Механизм специальной поддержки женщин-ученых включает ряд задач и мероприятий (см. таблицу). Первая задача направлена на стимулирование реализации потенциала женщин-ученых в профессиональной деятельности, вторая задача делает акцент на реализации женщин-ученых в семье, в том числе в качестве матери, третья задача направлена на решение проблем с совмещением женщинами-учеными научной карьеры и семейной жизни.

Предложенные рекомендации могут стать основой для создания на государственном уровне механизма специальной поддержки женщин-ученых. Механизм предполагает использования новых и модернизированных инструментов поддержки, которые могут найти свое отражение в государственных программах в сфере занятости, образования, социальной защиты и др.

Таблица. Задачи и мероприятия, направленные на поддержку женщин-ученых Республики Беларусь

Задачи	Мероприятия
Обеспечение максимальной реализации потенциала женщин-ученых в профессиональной деятельности.	– Проведение научных конференций и круглых столов, посвященных тематике женщин в науке с приглашением к участию в качестве участников и слушателей женщин-ученых из всех областей науки. – Предоставление дополнительных грантов БРФФИ и Минобразования для женщин-ученых.
Обеспечение максимальной реализации репродуктивного потенциала женщин-ученых.	– Организация по месту работы бесплатных семинаров и консультаций для женщин-ученых по репродуктивному здоровью, подготовке к беременности и родам, грудному вскармливанию и уходу за младенцем. – Проведение краткосрочных регулярных выездов на природу женщин-ученых с их семьями с акцентом на развлекательной программе для детей, предусматривающих возможность участия в данных мероприятиях женщин-ученых, не имеющих семьи или детей.
Обеспечение гармоничного совмещения женщинами-учеными научной карьеры и семейной жизни.	– Организация по месту работы семинаров и консультаций для женщин-ученых на тему написания и защиты диссертации женщинами-учеными с привлечением лекторов-женщин, имеющих положительный опыт совмещения научной деятельности с рождением и воспитанием детей. – Организация групп-поддержки для женщин-ученых, испытывающих трудности в совмещении научной карьеры с воспитанием детей. – Расширение возможностей для женщин-ученых получения консультаций научного руководителя по написанию диссертации, а также предоставления отчетности по работе над диссертацией в аспирантуре (за исключением итоговой аттестации) по видеосвязи. – Создание мини-детского сада (детской группы) на базе научной организации при материальном участии государства, профсоюза и самих женщин-ученых, воспитывающих детей дошкольного возраста, посещающих мини-детский сад. – Проведение конкурса на звание «ученая мама года» с ценными подарками победителям и финалистам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет счастливого материнства: что надо знать женщинам перед отпуском по уходу за ребенком? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vitebsk.gov.by/ru/aktual-ru/view/dekret-schastlivogo-materinstva-cto-nado-znat-zhenschinam-pered-otpuskom-po-uxodu-za-rebenkom-22606/>. – Дата доступа: 14.08.2023.

2. Размеры пособий в соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://komtsz.gov.by/index.php/osnovnye-napravleniya-deyatelnosti/pensionnoeobespechenie/naznachenie-pensii/411-razmery-posobij-v-sootvetstvii-s-zakonom-respubliki-belarus-o-gosudarstvennykh-posobiakh-semyam-vospityvayushchim-detej-s-1-maya-2012-g-po-31-avgusta-2012-g>. – Дата доступа: 14.08.2023.

3. Семейный капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/special/ru/gosudarstvennie-garantii-mnogodetnim-semyam-ru/view/semejnyj-kapital-4222/>. – Дата доступа: 14.08.2023.

**РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ИСЛАМЕ: НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ
МУСУЛЬМАНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ****Галиева Г. И.**

*заведующий отделом, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
кандидат социологических наук
г. Казань, Россия*

Религиозный ренессанс, характерный для всех этносов и конфессий российского общества в постсоветский период, активно проявился и в отношении ислама. В современных условиях возрождения религии, где происходит смена одной идеологии (советской, атеистической), на другую, в которой свобода выбора вероисповедания, исполнения религиозных практик никем, ничем не ограничивается, происходит поиск смысла жизни через призму религии. В последнее время среди населения возрос интерес к религиозным верованиям, хотя этот интерес для многих продиктован скорее влиянием «моды», чем проникновением в сущность религиозного учения [2, с. 383]. В сознании разных поколений религии придается разное значение: для людей преклонного возраста, более *старшего поколения* религия выступает как осознанная вера со знанием основных догматов ислама и обязательным выполнением религиозных предписаний; для *поколения средних лет*, воспитанных в советский период в условиях атеизма, является этокультурной традицией, в форме некоего маркера этнической идентичности, не углубляясь в религиозные практики; для *молодого поколения* религия – некий смысл поиска своего жизненного пути или подражание современным тенденциям. Под воздействием трансформирующейся ситуации появляется категория «*примкнувших*», обратившихся в религию под влиянием общественной моды, потому что так было принято в обществе [2, с. 383]. В данной статье рассмотрим, как же происходит религиозная социализация у молодого поколения.

Религиозная социализация в нашем понимании представляет усвоение религиозных ценностей, норм, верований под влиянием социальных агентов и в силу выполнения определённых религиозных законов, изменение взаимоотношений с обществом. Многообразие процесса религиозной социализации зависит от политических, культурных, исторических факторов, временных рамок и вероучительных особенностей [3, с. 210]. Интерес к пробуждающемуся религиозному сознанию появляется с возрождением народных обычаев, традиций, празднований и ритуалов. В связи с этим, нами было проведено ряд социологических исследований в двух разных по этническому и конфессиональному составу регионах Российской Федерации: Республике Татарстан, который несмотря на свою полиэтничность, преобладающим населением являются татары – 53 % и можно негласно назвать мусульманским регионом; и Ивановской области, исконно русский, православный регион, в котором проживают 90,63 % русских, украинцев, доля мусульманского населения не велика – 0,63 % татар, 0,33 % азербайджанцев, 0,13 % узбеков, 0,08 % таджиков, 0,05 % чеченцев, 0,1 % дагестанцев.

Социологическое исследование в Республике Татарстан и Ивановской области было проведено в два этапа. На первом этапе осуществлено количественное исследование в виде пилотажного анкетного опроса респондентов, отобранных с соблюдением таких критериев, как пол (только девушки), конфессиональная принадлежность (мусульманки), возраст (до 35 лет). В ходе исследования было опрошено 500 человек. На втором этапе были проведены качественные исследования: включенное наблюдение и глубинное интервью с молодыми мусульманками (44 интервью в Ивановской области и Республике Татарстан, далее Ив.обл. и РТ).

Существует множество классификаций социализации индивида. На основе анализа источников нами была составлена классификация этапов социализации молодежи в религиозную практику (см. рисунок).

Результаты наших исследований показывают, что большинство девушек приобщились к религии благодаря семейному воспитанию (42 % РТ, 34,3 % Ив.обл.), приобщению родителей, родственников (8,9 % и 8,7 % соответственно). Влияние родителей, прародителей в семейном религиозном воспитании играет огромную роль при первичной социализации в ислам. Их поведение, отношение к религии и окружению являются эталоном для дальнейшего

воспроизведения. Существуют семьи, где несмотря на то, что родители являются этническими мусульманами (не практикующие), требуют соблюдения религиозных предписаний от своих детей.

Отсутствие первичной религиозной социализации в семье является следствием нарушения внутрисемейной коммуникации, в связи с чем происходит распад межпоколенных связей и прерывание трансляции этноконфессиональных ценностей, традиционной культуры.

Рисунок. Этапы религиозной социализации молодых мусульман

Вторичная социализация более сложный процесс, который начинается с 18ти лет и продолжается до конца жизни, как и весь процесс в целом [3, с. 208]. Агентами социализации на данном этапе выступают религиозные институты, социальное окружение. Результаты анкетного опроса показывают, что немаловажную роль в приобщении к исламу играют религиозные институты, в том числе и мечети (15,6 % девушек РТ, 19,9 % Ив. обл.), медресе (4,5 % мусульманок РТ). Если старшее поколение социализировалось в религию благодаря семейному воспитанию, с раннего детства, то современная молодежь чаще, в осознанном возрасте, после поступления в учебные заведения, во время трудовой деятельности. В семьях, где родители воспитаны с атеистическими взглядами в советское время, дети социализируются в религию либо через более старшее поколение, либо через социальное окружение. В Татарстане прослеживалась такая тенденция, что мусульманки, для получения дополнительной информации о религии, для общения с единоверцами устраивали чаепития в квартирах. На данных мероприятиях девушки общались на определенные темы, касающиеся религиозных вопросов применительно к повседневной жизни.

Также выделилась группа мусульманок, пришедшая к религии самостоятельно без внешнего вмешательства со стороны в результате духовных поисков, чувствуя интуитивную связь со Всевышним, в Ивановской области почти в два раза больше чем в Татарстане (19,2 % против 11,6 % соответственно). Практика показывает, что такое «самостоятельное» приобщение к религии является латентным следствием изменения социальных ролей, трагических событий на жизненном пути, утраты близких, изменения статуса внутри малой семьи. Приблизившихся к религии в результате трагических переживаний в Республике Татарстан составило десятую часть опрошенных (9 %), в Ивановской области в 2 раза меньше (3,8 %).

Степень религиозности играет немаловажную роль при социализации в религию. Опрошенные нами девушки не считают себя глубоко верующими мусульманками, так как выполняют не все предписания ислама. Мотивируют свою недостаточную религиозность нехваткой времени, сил, ленью, обстоятельствами в жизни, которые мешают для выполнения некоторых обрядов, слабостью имана (веры в Бога). Однако выделилась небольшая группа

мусульманок, уверенная в своей глубокой религиозности и стремящаяся укреплять, наращивать свои знания в религиозной сфере.

Нельзя оставить без внимания и такой путь прихода к исламу как социальная конвенция, который представляет собой переход из одной религии в другую. Большинство таких переходов связано с заключением брака, когда девушка христианского (православного) происхождения, выходя замуж за мусульманина принимает ислам. Личные беседы с респондентами показали, что приезжие из мусульманских стран студенты, женятся на русских девушек и последние в свою очередь, принимают религию мужа.

В республике Татарстан для социализации мусульман существует множество религиозных институтов – это мечети, медресе, высшие религиозные образовательные учреждения, мероприятия, организованные для мусульманской молодежи, специальные дни для мусульман в спортивных комплексах и т.п., где происходит интеракция в своей конфессиональной среде. В Ивановской области центральным местом для социализации мусульманского комьюнити, является мечеть, в которой происходит общение, знакомства с представителями одной конфессии. Мечеть выполняет функцию передачи религиозных основ, образования, для получения которых участвуют желающие, начиная с младшего, заканчивая престарелого возраста мусульмане. Поэтому на вопрос о том, «Какие места для отдыха и досуга мусульман в вашем регионе Вы знаете?» большинство респондентов Ивановской области ответило «мечеть». Небольшая доля тех, кто в качестве мест досуга и отдыха мусульман выделила халяльные кафе, и общие городские парки.

Таким образом, трансляция конфессиональных традиций в семье играет немаловажную роль для приобщения к религии с раннего детства. Однако в настоящее время более распространенным наблюдаются процессы десекуляризации молодежи в более осознанном возрасте, которая благодаря референтным группам социализируется в ислам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь : пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997. – 420 с.
2. Тезаурус социологии : темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-Дана, 2009. – 489 с.
3. Фолиевая, Т. А. Религиозная социализация: понятия и проблемы / Т. А. Фолиевая // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2 (9). – Ч. 1. – С. 205–212.

УДК 17.022.1-055.2:316.361(476:474.5)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ БЕЛОРУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ЖЕНЩИН, СОСТОЯЩИХ В БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Гребень Н. Ф.

старший научный сотрудник

*ГУ Республиканский научно-практический центр психического здоровья
г. Минск, Беларусь*

Понятие ценностей и их сущности на всех исторических этапах интересовали философов, психологов, педагогов, социологов, культурологов, политиков.

В психологической науке под ценностными ориентациями принято понимать убеждения человека в значимости лично для него некоторого или некоторых объектов, явлений, которые определяют избирательность его отношений к миру, характеризуют его жизненную позицию, направленность его устремлений и могут стать одним из побудителей его практических действий, направленных на воплощение этих ценностей в жизнь [1].

В современных социальных, экономических и культурных условиях развития общества мы можем наблюдать изменения личности женщины. Усложнение содержания жизни современной женщины способствует ее развитию не только как хранительницы семейного очага, но и как профессионального работника. Все больше современные женщины стремятся реализоваться в профессиональной сфере, построить деловую карьеру. Создание семьи откладывается на более поздний возраст, уменьшается количество детей. Альтернатива «ребенок или карьера» все чаще решается в пользу карьеры. Ценность женщины все больше определяется ее профессиональными успехами [2, с. 59].

Доминирование массовой культуры и цифровизация общества приводят к трансформации ценностных ориентаций, стиранию этнокультурных особенностей людей. В этом аспекте исследование этнопсихологических особенностей ценных ориентаций женщин приобретает особую актуальность.

Цель исследования: установить межэтнические сходства и различия в ценностных ориентациях белорусских и литовских женщин, состоящих в брачных отношениях. Методы исследования. Для проведения исследования использовалось психологическое тестирование. Ценностные ориентации изучались с помощью методики «Экспресс диагностика социальных ценностей личности» (Н. П. Фетискин) [4]. Опрос проводился анонимно и в офлайн режиме. Выборку исследования составили 84 замужние женщины, проживающие как в зарегистрированном браке, так и неофициальном, со стажем семейной жизни от 1,5 до 25 лет. Среди них: 40 белорусок и 44 литовки, которые постоянно проживают и являются гражданками своих стран. Возрастные особенности женщин – период ранней зрелости (20–45 лет по Э. Эриксону), средний возраст составил $32,82 \pm 6,52$.

Полученные данные подвергались количественному и качественному анализу. Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с помощью пакета программ статистической обработки данных «IBM SPSS Statistics 17.0» (описательные статистики, частотный анализ, критерий Колмогорова-Смирнова, t – критерий Стьюдента – для выявления различий между двумя независимыми выборками).

Рассматривая вопрос межэтнических сходств и различий можно отметить, что представительницы Литвы в целом дают более высокие оценки по всем обозначенным в опроснике ценностям, кроме духовных (см. рисунок). При этом профили ценностных ориентаций белорусок и литовок достаточно похожие. Наиболее значимые различия наблюдаются по профессиональным, финансовым и физическим ценностям. Несколько менее очевидные различия присутствуют относительно социальных и интеллектуальных ценностей. Для литовок более значимыми выступают семейные, профессиональные и финансовые, а для белорусок – семейные, социальные и интеллектуальные. Наименее же значимыми для женщин обеих выборок оказались общественные и духовные ценности, а у белорусок еще и физические.

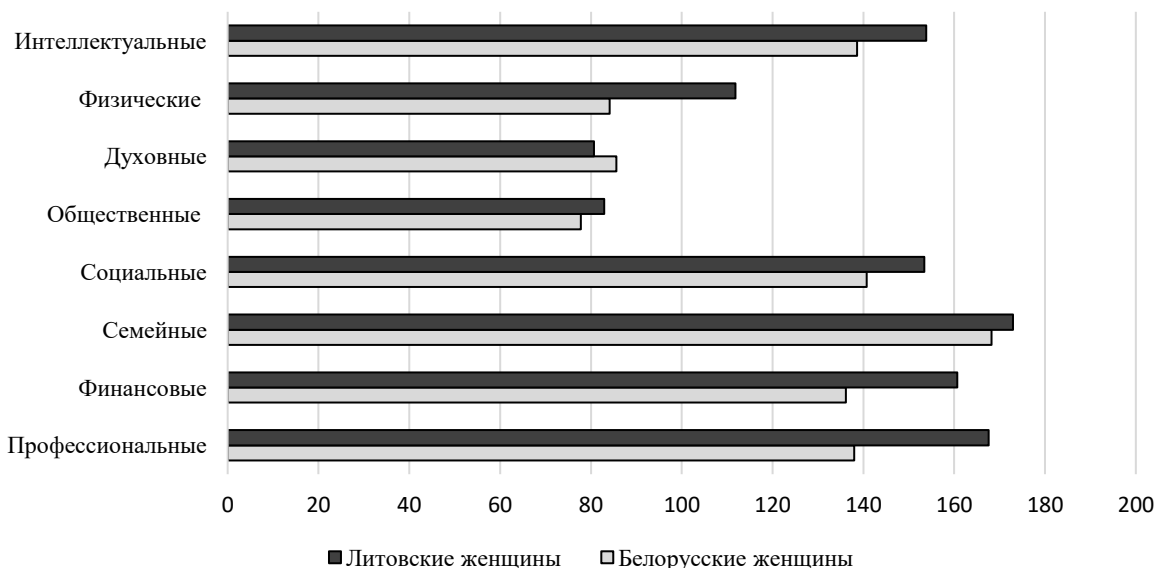

Рисунок. Ценностные ориентации замужних белорусских и литовских женщин

Проверка гипотезы о межэтнических различиях в ценностных ориентациях показала, что значимые различия между литовками и белорусками наблюдаются по таким социальным ценностям как профессиональные ($t=4,097$; $p=0,001$), финансовые ($t=3,107$; $p=0,003$), социальные ($t=2,041$; $p=0,045$) и физические ($t=2,702$; $p=0,008$). Это говорит о том, что замужние литовские женщины, в отличие от замужних белорусских женщин, на уровне ценностных установок в большей степени ориентированы на построение профессиональной карьеры и укрепление своего финансового положения. Также большую значимость для них имеет и наличие широкого круга

социальных связей, возможности участия в социальных мероприятиях. Более значимым для литовок оказалось и стремление поддерживать хорошую физическую форму, и здоровье в целом.

Интерпретируя полученные данные, хотелось бы заострить внимание на следующих моментах. Во-первых, на склонности белорусок к более средним оценкам по сравнению с литовками. Умеренность, сдержанность, нежелание выделяться из толпы традиционно рассматриваются как национально-психологические черты белорусов [3]. Во-вторых, для белорусок важнее ценности отношений, в то время как литовки ценности отношений ставят практически на таком же уровне с личностными ценностями – карьера, финансовая независимость и здоровье. Такого рода иерархия ценностей позволяет говорить о большей выраженности у белорусок фемининных черт, а у литовок – маскулинных.

Таким образом, доминантными социальными ценностями современных замужних женщин раннего зрелого возраста являются семейные и профессиональные. Между ценностными ориентациями замужних белорусок и литовок имеются значимые различия, которые указывают на большую значимость в структуре ценностей литовок профессиональной карьеры, финансовой независимости, широкого круга социальных связей и хорошей физической формы. Белоруски же отличаются большей ориентацией на ценности отношений. Несмотря на процессы глобализации, межэтнические отличия в ценностных ориентациях женщин сохраняются, и в данном случае больше детерминированы особенностями национального характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с
2. Вахрушина, М. О. Самоактуализация современной женщины в семье как психологическая проблема / М. О. Вахрушина // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 57–59.
3. Дубянецкі, Э. С. Таямніцы народнай душы : кн. для вучняў: для сярэд. і ст. шк. Узросту / Э. С. Дубянецкі. – Мінск: Нар. асвета, 1995. – 47 с.
4. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 362 с.

УДК 101.01+101.09

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЕЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Доронина С. Г.

*научный сотрудник Института философии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

Философия для детей (р4с), получившая институциональный статус в конце XX века, в настоящий момент является единственным движением, в рамках которого разработаны получившие мировую признательность международные программы по философии с детьми до- и школьного возраста, содержащие обоснованные теоретические доводы и экспериментально подтвержденные факты эффективного использования философского инструментария в обучении и развитии детей [1].

В середине 70-х годов открылся первый Институт развития философии для детей (*Institute for the Advancement of Philosophy for Children, Montclair State University (IAPC)*), а средства массовой информации стали широко освещать успехи и эффективность его программ в связи с резким улучшением показателей обучения у детей, участвующих в них. Мировая популярность р4с в последующем привела к созданию советов, учреждений, организаций, ассоциаций, отвечающих за продвижение ее идей и методов, которые, к сожалению, получили известность на постсоветском пространстве значительно позже. Ведущая роль в распространении идей р4с, переоценки роли философии в образовании и воспитании, пересмотре представлений о феномене детства и способностях ребенка отводится некоторым философам, чьи заслуги отражают «женский образ» закономерного пути развития философии для детей.

Пионером продвижения идей, теории и практики р4с является Энн Маргарет Шарп, своеобразие пути и научно-исследовательской деятельности которой отображены в сборнике эссе, посвященном ее памяти [2]. «Великая дама философии для детей», – так называют ее последователи, – подготовила тысячи философов и учителей, создала большое количество

учебных пособий и программ в этой области философско-педагогических практик, которые до сих пор актуальны. По некоторым высказываниям, если р4с существует и развивается во всем мире, то во многом благодаря Э. М. Шарп. Именно она выдвинула идею создания пособий для учителей, разработала первые магистерские и докторские программы подготовки специалистов, была инициатором создания Международного совета философских исследований с детьми (ICPIC).

Есть еще два важных и менее известных факта, подчеркивающих особенный вклад Энн Шарп в развитие этого движения. Во-первых, она была первой, кто создала и внедрила программу р4с на дошкольном уровне. Другая ее исключительная заслуга состоит в научных исследованиях, посвященных изучению развития эмоционального интеллекта через философию для детей. Оригинальность ее работ обнаруживается также в демонстрации антидепрессивного потенциала критической и феминистской педагогики¹, борьбе с предрассудками и насилием в отношении детей. Вместе с другими коллегами (Натали Коте, Пьер Лорандо и др.) она создала Программу по предотвращению насилия над детьми.

Профессор философии Э. Шарп и заместитель директора IAPC занимает законное место рядом с другими учеными и педагогами, получившими широкую известность за последние полвека. Благодаря ее и других философов усилиям, р4с сейчас присутствует более чем в пятидесяти странах мира и находится в постоянном развитии.

Другой женщиной и последовательницей идей р4с является профессор философии и педагогики Карен Мюррис, которая одна из первых отстаивала необходимость использования иллюстрированных красочных материалов в философии с детьми. Сфера ее основных интересов связана с философией образования, исследованиями детства, этикой, педагогикой, детской литературой и цифровыми играми. В настоящий момент является ведущим специалистом таких проектов, как «Посткачественные исследования в высшем образовании», «Дети, технологии и игра», «Деколонизация раннего детства: критический постгуманизм в высшем образовании» и др., главным редактором новой серии Routledge, посвященной новым критическим постгуманистическим исследованиям. Большую популярность получили ее работы, в которых анализируются идеи агентного реализма физика и феминистки Карен Барад, позволяющие расширить представления о педагогике и современных направлениях философии, рассмотреть необычные грани обучения и получения знания как постоянной перформативной практики (вос)создания мира [3]. Эта книга может являться отправной точкой для ознакомления с современными тенденциями в педагогике и неофеминистскими подходами.

Дальнейшие трансформации философии для детей тесно связаны с именем коллеги Карен Мюррис Джоан Хейнс, их инициативами, направленными на демонстрацию возможности и эффективности занятий с детьми философией. Профессор р4с Джоан Хейнс автор книги «Дети как философы», переведенной на многие языки (испанский, корейский, греческий, фарси и др.), занимается широким спектром проблем. Философские практики в образовании, вопросы равенства и справедливости, постгуманизм, детство, профессиональное развитие, повседневная этика, критическая и преобразующая педагогика – это те немногие темы, которые затрагивает Хейнс в своих научных изысканиях и педагогических штудиях. Она является международным консультантом в области обучения критическому мышлению и этике, философии с детьми на всех уровнях образования, соисследователем международных проектов «Деколонизация дискурсов раннего детства в высшем образовании» и «Университет для всех возрастов», затрагивающих темы постгуманистических тенденций и возрастных предубеждений в образовании. Является сотрудником SAPERE (*Society for the Advancement of Philosophical Enquiry and Reflection in Education*) и др. организаций и сообществ, содействующих философским исследованиям и размышлениям в образовании, членом редколлегии журналов «Детство и философия», «Философия в школе».

Образ философии для детей в женских лицах за рубежом не ограничивается тремя этими персоналиями, однако именно по ним можно судить о смысловых и формальных линиях ее развития в настоящий момент.

¹ Вдохновлялась феминистскими теориями и критической педагогикой следующих авторов: Симона Вейл, Марта Нуссбаум, Кэрол Гиллиган, Белл Хукс, Вирджиния Вулф, Лоррейн Код и Эвелин Фокс Келлер (феминистская эпистемология), Кэролин Мерчант (экофеминистка) и др.

Ретроспективный анализ вклада женщин в развитие этого движения не будут полными, если не освятить начинания отечественных философов, инициировавших развитие его идей в России. Одной из них являлась профессор Института философии РАН Н. С. Юлина. Сфера научных интересов этого ученого варьируется от современной и аналитической философии до философии образования и философского феминизма². Читала лекции и доклады в различных странах (Великобритании, Израиле, Испании, Италии, Франции, США и др.) и одной из первых на постсоветском пространстве инициировала программы и семинары по р4с. Будучи членом ИСПИС и Президиума межрегиональной детской общественной организации «Философия–детям», организовала в 1993 г. проведение Международной конференции «Философия для детей», а в 1994–1995 гг. – обучающий семинар «Философия для детей». Оставила после себя до сих пор пользующуюся популярностью книгу «Философия для детей: обучение навыкам разумного мышления», в которой рассматриваются теоретические и практические аспекты преподавания философии детям, осуществлены переводы зарубежных авторов. В международном научном сообществе Н. С. Юлина пользовалась авторитетом и признанием и является представителем интересного и непростого этапа развития отечественной философии. Почти двадцать лет назад в одной из своих статей она подняла вопросы, посвященные роли философии в образовании, ее самоопределению и влиянию на развитие общества и молодого поколения, актуальные до сих пор [4].

Еще одной представительницей движения р4с в отечественном дискурсе является профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Л. Т. Ретюнских, ведущий в стране специалист в области «Философии для детей» и член ИСПИС. Она возглавляет Межрегиональную детскую общественную организацию «Философия–Детям», нацеленную на объединение усилий специалистов различного профиля (философов, педагогов, социологов, психологов и т. д.) по развитию детей. Под ее руководством организуются ежегодные международные научные конференции по проблемам детства и философии для детей. Если не брать во внимание обширную сферу ее профессиональных интересов, имеющих отношение к истории философии и теории познания, то, пожалуй, философия и онтология игры, философия детства и философия для детей, в настоящий момент являются приоритетными темами ее научно-исследовательского и практического интереса. Название книг, выпущенных ею за последние двадцать лет ярко свидетельствуют об этом: «Веселая мудрость. Философские игры для детей и взрослых. Размышления и опыт», «Игра как она есть или Онтология игры», «Этика игры», «Философия игры», «В поисках мудрости. Философия для младших школьников» и др.

Оглядываясь назад, можно смело сказать, что развитие философии для детей тесно связано с вышеупомянутыми женскими именами и их вкладом в мировое развитие философского знания и образования. Дальнейший поиск и анализ информации об этих ученых и личностях мог бы превратиться в самостоятельное исследование по изучению взаимосвязи феминистских идей в философии, постколониальных исследований, тем гендерного, расового, классового неравенства и развития движения р4с. Эти темы также коррелируют с научными открытиями в социологии, психологии, нейробиологии и др. дисциплинах, произошедшими в XX в., которые позволили осуществить кардинальную переоценку представлений о детстве и способностях ребенка. В настоящий момент детство, цели и методы обучения существенно пересматриваются, позволяя по-новому взглянуть на процесс образования и социальные практики, и женщины-философы, часто остающиеся в тени продвижения великих идей и эпохальных событий, играют в этом ведущую роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Pritchard, M. *Philosophy for Children* / M. Pritchard // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/children>. – Date of access: 28.09.2023.
2. Gregory, M. *In community of inquiry with Ann Margaret Sharp: philosophy childhood and education* / M. Gregory, M. Laverty. – New York : Routledge, 2018. – 284 p.
3. Murtis, K. *Karen Barad as educator: agential realism and education*. – 1st ed. – Springer, 2022. – 110 p.
4. Юлина, Н. С. Философская ситуация в России / Н. С. Юлина // *История философии*. – 2003. – Вып. 10. – С. 6–22.

² Одна из первых осуществила феминистскую ревизию философии. См., например: Юлина, Н. С. *Феминистская ревизия философии: возможности и перспективы* / Н. С. Юлина // *Феминизм. Восток, Запад, Россия*. М. : Наука, 1993. – С. 226–240.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ «WOMEN'S STUDIES» В ГРОДНЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Ермак Ю. Г.

*заведующий кафедрой всеобщей и славянской истории ГрГУ им. Янки Купалы
кандидат исторических наук,
г. Гродно, Беларусь*

Гусеница : «Вопросы пола!
Просто удивительно, сколько об этом говорят и,
как всегда, явно преувеличивают.
А меня, например, это совершенно не занимает.
Это ниже моего достоинства»
Карел Чапек, 1932 г.

Процессы гуманизации общества, тесно перекликаются с задачей нивелирования неравенства и неравных возможностей во вопросе самореализации различных групп социума. В 70-е гг. прошлого века взяв в качестве базиса либеральный феминизм появились академические междисциплинарные *women's studies* (женские исследования). Эти исследования обратились и начали критиковать такую традиционную форму неравенства, как неравенство по половому признаку. В рамках этих исследований открылись возможности для направления научного интереса в русло прежде не пользовавшейся популярностью среди исследователей формы неравенства – гендерного неравенства.

Фокус внимания в женских исследованиях концентрировался на теориях, которые объясняли возникновение и создание конструкций неравенства. В свою очередь эти конструкции трансформировались в такое явление как дискриминация. Исследователи *women's studies* исходили из постулата, что основным субъектом истории является мужчина. Подобный подход в свою очередь не способствовал объективности в изучении исторических событий. При этом мужские ценности становились универсальными и становились тождественны общечеловеческим. Женский социальный опыт не брался в расчет.

До середины 1970-х гг. преобладало стремление восстановить исторический образ женщины, создать «*Her story*» в противовес «*His story*». Сторонники этого научного направления раскрыли множество неизвестных страниц истории, где женщины самых разных эпох и народов были выдвинуты на главную роль.

Главными отличиями «женских исследований» или «феминологии» как научного направления от всех предшествующих штудий, касающихся социально-половых ролей, этнографии, психологии и социологии пола, были: ориентация на критику наук, ранее не «видевших» женщин; нацеленность на критику общества и потому связанность с женским движением; развитие исследований на пересечении научных дисциплин в форме междисциплинарной исследовательской практики [1].

Часто женские и гендерные исследования ставят в один ряд. Однако существует различие между женскими и гендерными исследованиями. Эти различия определяются ключевыми понятиями: «пол» и «гендер». Гендерный статус и модель поведения не задаются природой, а определяются институтами социального контроля и традициями, принятыми в обществе. Реализация гендерного сознания и поведения на человеческом уровне (уровне индивида) способствует поддержке и консервации сложившейся системы отношений. Закрепляет в обществе систему господства и подчинения. При таком подходе гендерный статус становится частью социальной иерархии, встроенной в систему распределения власти, престижности и отношений собственности.

Гендерная история стала эффективным способом для проведения исторического анализа. Историки гендера исходили из представлений о комплексной социокультурной детерминации различий и иерархии полов и анализировали их функционирование и воспроизводство в макроисторическом контексте [1, с. 190]. Гендерный подход в скором времени приобрел сторонников из среды социальных историков и историков культуры. Были пересмотрены методологические принципы и подходы в результате чего появилась гендерная история, в которой гендерные отношения становятся предметом исследования. Это повлекло изменения в общей

концепция исторического развития, т.к. в нее были интегрированы гендерные отношения. Также, уже в конце 70-х гг. XX в. появились проблемы методологии женских исследований. Они касались узости познавательных концепций.

Ответом на эти проблемы стала смена подходов. Произошел переход от анализа патриархата и женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования преобразовываются в гендерные. Гендерная составляющая становится составной частью всех аспектов общественных взаимоотношений. Как пишет Рената Хоф «Отличием женских исследований от исследования о женщинах является включение женского жизненного опыта ... как основы научной работы, что не только изменило тип аргументации, но также внесло в нее иной познавательный интерес. Впервые стало ясно, что многие из имеющихся общественных теорий, с их претензиями на универсализм, находились в противоречии с жизненной практикой женщин.» [2, с. 27].

Если обратиться к белорусским, гродненским исследователям, работающим в области women's studies и осуществляющих более широкие гендерные исследования надо отметить работы И. Н. Кавинкиной [4; 5]. Автор раскрывает основные понятия гендерологии, анализирует разноаспектные положения, подходы, концепции феминности и маскулинности. В работах представлены важнейшие теоретические положения по данной проблематике, рассмотрены особенности гендерного вербального и невербального поведения, выявлены специфические черты гендерной социализации. Работы С. С. Хударгановой пронизаны «осознанием и принятием того факта, что каждый человек, независимо от его гендерной идентичности, является личностью ... соотношение мужского и женского начал в психике делает каждого человека и общество в целом более продуктивным и гармоничным» [6, с. 361]. Над исследованием китайских женских стереотипов работает А. Г. Устюгова [7]. Список указанных работ далеко не полон и затрагивает работы только последних десяти лет (2013–2023 гг.).

Таким образом, в Гродненском регионе представлены работы, отражающие результаты женских и более широких гендерных исследований. Эти работы заняли устойчивую нишу в социально-гуманитарном блоке белорусской науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фаррел, С. Принципы гендерного конструирования / С. Фаррел, Д. Лорбер // Хрестоматия феминистских текстов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 187–192.
2. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований / Р. Хоф // Пол, гендер, культура : пер. с нем. / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М. : РГГУ, 1999. – С. 27–28.
3. Фіцнер, Т. А. Развіццё гендэрных даследаванняў на постсавецкай прасторы / Т. А. Фіцнер // Изв. Гом. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2004. – № 5. – С. 135–140.
4. Кавинкина, И. Н. Гендерные основы социализации личности [Электрон.ресурс]: электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-030402-01 «Социальная педагогика. Английский язык» / И. Н. Кавинкина. – Электрон. текст. дан. и прогр. (18,2 Мб). – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 2012-22.
5. Кавинкина, И. Н. Гендерология [Электрон.ресурс]: электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-860101-01 «Социальная педагогика (социально-педагогическая деятельность)» / И. Н. Кавинкина. – Электрон. текст. дан. и прогр. (54,7 Мб). – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 2013-20.
6. Хударганова, С. С. Восприятие гендера в современном мире / С. С. Хударганова, Д. В. Санько // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Караганды, 8 апр. 2022 г. – Караганда: Изд-во Кент-LTD, 2022. – С. 359–361.
7. Ustsiuhava, H. Chinese youth in the labor relations system: gender stereotypes, problems, trends / H. Ustsiuhava, Jiang Tianheng // Принимаемые научные чтения : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 7 апр. 2023 г. / БИП–Ун-т права и соц.-информ. технологий ; отв. ред. Т. В. Филипчик ; редкол.: Т. В. Филипчик [и др.]. – Гродно: БИП, 2023. – С. 125–133.

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖЕНЩИН-УЧЁНЫХ БЕЛАРУСИ

Калачёва И. И.

*профессор кафедры социальной коммуникации БГУ
доктор исторических наук, профессор
г. Минск, Беларусь*

Проблематика семьи и семейных ценностей привлекает внимание женщин-исследовательниц и этот факт очевиден, так как существует большое количество работ, написанных соотечественницами. Это вполне закономерно, так как именно женщина как мать, жена, воспитательница своих детей наиболее чувствительна к проблемам семьи, ее специфике. Включенность женщины в семейно-брачные и родственные отношения формирует положительную субъектность в восприятии проблематики. Научные работы, написанные женщинами-учеными, являются бесценным вкладом в белорусскую гуманитарную науку.

Обратимся к эмпирическим материалам, которые показывают, в какой степени семейные ценности важны для современного общества, какие отклики среди респондентов женского пола вызывают новые вызовы и риски, связанные с сохранением института семьи.

Социологический опрос представителей четырех поколений, проведенный нами в рамках научно-исследовательского проекта, посвященного теме исторической памяти как базовой фундаментальной матрицы белорусского народа, показал, что семья как ценность важна в одинаковой степени и для старших, и для младших поколений. По анкете «Профиль поколений» было опрошено 394 человека, с представителями четырех поколений была проведена фокус-групповая дискуссия.

В то же время было выявлено, что проблемы добрачных отношений, проблемы поколения молодых родителей, проблемы воспитания детей требуют большего внимания. Обратимся к результатам фокус-групповой дискуссии с представителями разных поколений по обозначенным аспектам. Укажем, что для выполнения исследовательских задач по вышеуказанной теме нами был осуществлен междисциплинарный подход в достижении цели – раскрыть ценностные максимы старших и младших поколений, выявить общие и отличительные особенности и др.

Нами отмечается, что в суждениях о семье преобладают сходные мнения – молодые люди считают семью важнейшей ценностью (Яна, 17 лет; Владислав, 18 лет; Дмитрий, 20 лет; Олег 18 лет). Наталья, 22 года: «...семья, вот это для меня самая большая ценность, преемственность поколений, но, в первую очередь, – семья, ...потому что я люблю свою семью. Это очень важно, чтобы не забывать, кто мы есть». Арина, 19 лет: «...я выделила – мою страну, себя и мою семью, потому что это взаимосвязанные составляющие...».

Учитывая новые тенденции в развитии института семьи и брака, важным является вопрос о том, каким представляется образ современной семьи для молодежи, какие признаки являются важнейшими?

Дмитрий, 20 лет: «... это равноправный брак, да, конечно, но лидер в семье может быть...»; Арина, 19 лет: «...в семье должна быть хорошая психологическая обстановка, потому что взаимоуважение и взаимопомощь – это, в первую очередь, то, что создает такой микроклимат»; Наталья, 22 года: «...это открытость взрослых своим детям...чтобы каждый умел друг друга слышать и слушать...».

Волнует молодежь проблема отношений родителей и детей, это заметно по тем высказываниям, которые были зафиксированы в рамках групповой дискуссии. Яна, 17 лет: «... это чтобы всем было комфортно, а также, чтобы родители уделяли должное внимание своим детям, их воспитанию, их образованию». Дмитрий, 20 лет: «...если родители не насаждают ребёнку определенную точку зрения, а приучают к самостоятельности...».

А что думают по этому поводу респонденты самого старшего поколения – послевоенного? Общая тенденция в суждениях этой когорты такова: «семья – это базовая ценность человека, эти установки мы приняли как норму от своих близких – родителей, от бабушек и дедушек».

Дискуссия фокус-группы по этому вопросу выявила следующие взгляды: во-первых, вариативность представлений о том, какие традиционные ценности белорусов принимаются

современной молодёжью, а какие отторгаются. К примеру, лидер в семье нужен или нет? А если один из супругов больше зарабатывает, то влияет ли это на распределение обязанностей? Во-вторых, участники дискуссии сошлись во мнениях о необходимости сохранения традиций воспитания, передаваемых от бабушек, дедушек. Респонденты отметили, что многие методы воздействия на современных детей (внуков) неэффективны из-за влияния «большой базы» информации, в рамках которой нужно делать верный выбор; в-третьих, участники озвучили опыт разных стран в отношении семьи и пришли к общему выводу о том, что пропаганда нетрадиционных семей (однополовых браков) в особенности в странах Европы и США приводит к деградации человеческой личности, ставит под сомнение ценность семьи как таковой (Николай, 72 года; Нина, 73 года; Валентина, 74 года; Константин, 68 лет).

Опираясь на ответы самых младших участников дискуссии, обобщим ответы на вопрос: «Какие нормы и традиции старших поколений соответствуют современным реалиям? Какие из них стоит поддерживать, развивать и культивировать, а от каких – можно отказаться?» К таковым относятся следующие: старшим не следует навязывать систему собственных ценностей, так как зачастую она не соответствует потребностям молодых; родителям нужно избавляться от гиперопекаемого поведения в отношении с детьми и внуками; минимизировать манипулятивное, порой, агрессивное поведение в отношении младших или наоборот, – старших к младшим; развивать взаимную выручку, взаимопомощь старших поколений, младшим и, наоборот, младших – старшим; сохранять семейные традиции гостеприимства, формировать культуру семейных традиций и др.

Острым вопросом в последнее время стал вопрос о разных типах семейно-брачных союзов. «Как ваше поколение относится к таким явлениям как гостевые и гражданские браки, однополые союзы, чайлд-фри, ЛГБТ-семьи?» так был поставлен вопрос для обсуждения. Перечислим наиболее типичные ответы представителей разных возрастных групп. Современное поколение молодежи и их мнения. Олег, 18 лет: «...я абсолютно толерантно отношусь к ЛГБТ-семьям, потому что они чувствуют любовь...»; Арина, 19 лет: «...я выбираю обычную традиционную семью... все остальные новые типы семьи меня не интересуют... пусть они делают все, что хотят...»; Дмитрий, 20 лет: «... если эти ценности не пропагандируются в радикальной форме, то в принципе они могут существовать. Главное, чтобы это не заходило за рамки закона, за рамки морали...»; Владислав, 18 лет: «...я рассматриваю их как представителей субкультуры...»; Яна, 17 лет: «...если людям комфортно, то пусть они делают, что хотят, если это не нарушает чьи-то личные границы».

Наталья, 22 года: «...я нейтрально к этому отношусь. Считаю, что и чайлд-фри (браки без детей) и традиционные браки (браки мужчины и женщины) – это нормально. Если людям хорошо, комфортно вместе, почему нет?».

Обобщая суждения молодёжи – представителей современного поколения, отметим, что очевидны тенденции нейтрального, толерантного отношения к новым типам семейно-брачных отношений. При этом отметим довольно очевидное единообразие ответов, общность взглядов.

Старшие участники фокус-групповой дискуссии абсолютно точно уверены в том, что ценности традиционной семьи с ее укладом и нормативной культурой нужны их детям и внукам, «чтобы не прерывалась традиция...». Однако, респондентами замечены признаки трансформаций добрачных, семейно-брачных установок, ценностных ориентиров молодых поколений. К таким отнесены: наличие гражданских браков (сожительств без официальной регистрации в ЗАГСах); рождение детей вне брака (неполнота семей); одинокое проживание человека (невступление в брак); увеличение количества разводов у молодых пар с детьми; приверженность родителей к курению и алкоголизму; отторжение бабушек-дедушек от участия в воспитании внуков и др.

Респондентами были высказаны ряд мнений о том, как менять ситуацию, что делать, чтобы институт семьи оставался привлекательным для молодых людей, чтобы ценности и традиции преемственности сохранялись в нашей реальной жизни.

Исследование выполнено в рамках НИР «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № госрегистрации 20212024 от 02.06.2021).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЖИЗНЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Каменева Т. Н.

*профессор Департамента социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
доктор социологических наук, доцент
г. Москва, Россия*

Конищева Е. В.

*старший преподаватель кафедры русского языка и педагогики
ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России
г. Курск, Россия*

Осуществляя профессиональную деятельность в современных социокультурных обстоятельствах, характеризующих систему высшего образования, преподаватели высшей школы попадают в ситуации взаимодействий, которые сопряжены с рядом затруднений [1]. Многие из подобных ситуаций уже стали привычными и при незначительных эмоциональных, интеллектуальных, организационных усилиях разрешаются, а накопленный в ходе их разрешения опыт пополняет «багаж» профессиональных компетенций педагогических работников вузов. Однако часть из них вызывает повышенное напряжение, требует привлечения дополнительных усилий, выходит за пределы апробированных практик профессиональной деятельности, наполняет собой жизнь за пределами профессиональной сферы, часто сопровождается пересмотром сложившейся системы ценностных установок. Подобные ситуации следует определять как ситуации профессионально-жизненных затруднений, количество которых в последнее время неуклонно увеличивается, что, как правило, приводит к снижению качества профессиональной деятельности и деформирует практики взаимодействий в условиях организации педагогического процесса в высшей школе. Так как в составе преподавателей высшей школы преобладают женщины, то изучение обстоятельств, приводящих к проявлению ситуаций профессионально-жизненных затруднений, приобретает особую актуальность [2]. Цель исследования заключается в анализе гендерных различий при оценке источников ситуаций профессионально-жизненных затруднений и особенностей разрешения подобных ситуаций представителями педагогического сообщества.

В исследовании мы исходим из того, что ключевыми для понимания ситуации профессионально-жизненного затруднения выступают следующие характеристики. Во-первых, подобные ситуации являются результатом рефлексии профессиональных трудностей. Во-вторых, они связаны с акцентированием внимания на возможности возникновения препятствий при достижении жизненных целей. И, в-третьих, неизбежно влекут за собой изменение стратегий взаимодействий.

Внешними факторами, способствующими возникновению ситуаций профессионально-жизненных затруднений, выступают изменения, охватившие институт образования – цифровизация [3], персонализация [4], сетевизация [5], массовизация [6; 7], коммерциализация [8; 9], которые становились предметом изучения многих исследователей.

Особенности восприятия таких ситуаций, поведения в них были выявлены ходе социологического исследования, проведенного в высших учебных заведениях, в 2020 – 2022 гг.

В опросе приняли участие 370 педагогов (320 женщин и 50 мужчин) из вузов Белгородской, Курской и Воронежской областей.

Сравнительный анализ результатов исследования показал, что в оценках источников ситуаций профессионально-жизненных затруднений педагогов-женщин и педагогов-мужчин есть сходства и некоторые отличия. Оценка проводилась по 10 – балльной шкале, где 10 баллов соответствуют наибольшему значению, 1 балл – наименьшему. Так наиболее значимыми источниками ситуаций профессионально-жизненных затруднений для педагогов

выступают такие изменения как массовизация (9,8 баллов – педагоги-женщины и 9,6 баллов педагоги-мужчины) и персонализация (9,8 баллов – педагоги-женщины и 9,4 баллов педагоги-мужчины). Сетевизацию, цифровизацию и коммерциализацию респонденты женского пола с точки зрения источника возникновения ситуаций профессионально-жизненных ситуаций оценили в 8,9 баллов. В тоже время педагоги-мужчины сочли, что менее всего профессионально-жизненные затруднения возникают из-за коммерциализации (8,7 баллов), сетевизации (9,0 баллов) и цифровизации (9,1 балл). Однако из приведенных данных очевидно, что все изменения, охватившие институт образования, оцениваются респондентами как источники профессионально-жизненных затруднений.

Анализируя влияние ситуаций профессионально-жизненных затруднений на другие сферы жизни, кроме профессиональной, преподаватели, принявшие участие в исследовании, высказали следующее мнение. Так 27 % педагогов-женщин отметили, что подобные ситуации не влияют на другие сферы жизни, «все рабочие проблемы остаются на работе», в то время как среди респондентов мужского пола подобного мнения придерживались только 17 % опрошенных. С утверждением о том, что проблемы на работе отражаются на семье, согласны 12 % педагогов-женщин и 27 % педагогов-мужчин. Об отрицательном влиянии ситуаций профессионально-жизненных затруднений на здоровье заявили 24 % женщин и 30 % мужчин из числа опрошенных преподавателей.

Из результатов исследования следует, что отрицательное влияние ситуаций профессионально-жизненных затруднений на другие сферы жизни более характерно педагогам-мужчинам, в то время как педагоги-женщины склонны проблемы, возникающие в ходе профессиональной, разрешать в рамках образовательного учреждения.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что педагоги-женщины в целом успешнее, чем педагоги-мужчины справляются с ситуациями профессионально-жизненных затруднений, ориентируя свою профессиональную деятельность на разрешение подобных ситуаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Каменева, Т. Н. Жизненные затруднения как социокультурный феномен: концептуализация категории / Т. Н. Каменева, Н. С. Степашов, Е. В. Конищева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 18–27.
2. Пугач, В. Ф. Гендерный состав преподавателей российских вузов / В. Ф. Пугач // Высш. образование в России. – 2015. – № 12. – С. 78–88.
3. Сапун, О. Л. Преимущества и недостатки цифровизации образования / О. Л. Сапун, Н. А. Сырокваш // Актуальн. проблемы науки XXI века. – 2021. – № 10. – С. 11–15.
4. Савина, Н. В. Методологические основы персонализации образования / Н. В. Савина // Наука о человеке: гуманитар. исслед. – 2020. – № 4. – С. 82–89.
5. Афанасов, Н. Б. Логика поздней глобализации: сетевизация и геоэстетика / Н. Б. Афанасов // Горизонты гуманитар. знания. – 2019. – № 3. – С. 32–51.
6. Пацукевич, О. В. Массовизация высшего образования (из исследования международного опыта развивающихся стран) / О. В. Пацукевич // Вест. Белорус. гос. с.-х. акад. – 2016. – № 1. – С. 127–130.
7. Перевозный, А. В. Массовое высшее образование: истоки и проблемы организации / А. В. Перевозный // Университ. упр.: практика и анализ. – 2011. – № 1. – С. 28–33.
8. Яковлева, Н. Г. Коммерциализация Российского высшего образования: историко-логические контрпункты / Н. Г. Яковлева // Эконом. возрождение России. – 2017. – № 4 (54). – С. 49–58.
9. Анохина, Ю. А. Проблемы коммерциализации высшего образования: социокультурные и экономические аспекты / Ю. А. Анохина // С.-Петерб. образоват. вестн. – 2017. – № 9–10 (13–14). – С. 14–20.

КОНЦЕПЦИЯ СОУЧАСТВУЮЩЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕОРИИ ДЖЕЙМ ДЖЕКОБС

Касяновская А. С.

доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин

ГрГУ им. Янки Купалы

кандидат исторических наук,

г. Гродно, Беларусь

У истоков формирования концепции соучаствующего проектирования в градостроительстве стояла известная канадско-американская писательница, городская активистка, основоположница движения нового урбанизма Джейм Джекобс (1916-2006). Всю свою научную жизнь она посвятила изучению города и городского социума, стала известной как автор книг: «Смерть и жизнь американских городов» (1961) [1], «Экономика городов» (1969) [2], «Города и богатство наций: принципы экономической жизни» (2000) [3].

Город для Джейн Джекобс – это, прежде всего, особое пространство. При этом городское пространство существует не только физически, его можно воспринимать многомерно, на уровне социума (пространство для социальных отношений и взаимодействия), культуры (пространство, где осуществляется диалог разных культур и религий), истории (пространство, где разворачиваются исторические события). Анализировать городское пространство и городское планирование необходимо, по мнению исследовательницы, с позиции отдельно взятого человека – жителя города. Такой подход предполагал функциональное сегментирование городского пространства – создание зон для разных социальных активностей: проживания, работы, досуга, бизнеса. Кроме того, Джейн Джекобс выступала за снижение приоритета автомобилей в городе. Она подчеркивала важность улиц и выступала за их временное перекрытие, чтобы обеспечить возможность взаимодействия с соседями. Сегодня многие города делают именно это, спонсируя местные фестивали в летние месяцы. Это также подтверждает важность человеческого масштаба в городе, который модернистская архитектура долгое время игнорировала.

Отличительной чертой нового урбанизма Дж. Джекобс является вера в то, что поведение человека можно изменить к лучшему посредством архитектурного проектирования, более ориентированного на человека. Ее творческое кредо гласит: «Мы стремимся воссоединить искусство строительства и общественного строительства посредством совместного планирования и проектирования» [1, с. 331]. Идеи Джейн Джекобс также резонировали с концепцией «права на город» Анри Лефевра. А. Лефевр считал, что люди должны быть допущены к планированию и созданию городского пространства и не только как физического пространства, но и к преобразованию общественных отношений в рамках действующего жилого пространства. То есть концепция «права на город» предполагала возможность активного создания городского пространства и доступа к нему [4].

Такой подход резко противопоставляется классическому модернизму в городском планировании XX века, у истоков которого стоял французский архитектор швейцарского происхождения Л. Корбюзье. Модернистская идеология утверждала, что судьбу людей можно улучшить путем приобретения и применения знаний – научных, технологических, архитектурных, социальных и психологических. Частью модернистской культуры было прославление архитектуры и «современных» идей градостроительства. Но такого рода идеи привели к большим проблемам в городских пространствах, спроектированных таким образом. «Смерть улицы» породила суровую, отчуждающую среду, в которой городская жизнь окутана анонимностью. Соседское и общественное взаимодействие почти исчезло из-за неспособности преодолеть основанный на автомобиле образ жизни и внушительный сверхчеловеческий социальный масштаб, который привел к чувству изоляции и анонимности среди жителей [5, с. 111]. В фундаментальном труде Дж. Джекобс «Жизнь и смерть великих американских городов» особое место занимает критика подхода Ле Корбюзье к городскому планированию. По ее мнению, стремление заключить бедные городские общины в монолитные многоэтажки, разрушение пешеходных улиц и стремление к максимальной функциональности и эффективности способствовали разрыву социальных связей, необходимых для существования и развития городской общины [1]. Городская жизнь и социальные взаимодействия не могут быть

спланированы, так как люди сами создают и подстраивают среду обитания под себя. Они адаптируют улицы, парки и игровые площадки вокруг себя к своим потребностям. Городское планирование, препятствующее этому социальному взаимодействию путем ограничения общественного или социального пространства, приводит к разрушению самого города.

Фундаментальным вкладом работ Дж. Джекобс стало понимание города через описание повседневных событий – за пределами их функциональности – и потребности в близости как городском качестве, которое каким-то образом находит свое распространение в разнообразном городе. Из ее работ взяты ключевые концепции для рассмотрения альтернативного урбанизма, в котором интимность и социальная функция общественного пространства имеют важное значение и усиливаются за счет смешанного использования, гарантирующего постоянную жизнь на открытом воздухе; в котором городская ткань основана на частой структуре улиц с углами, которые создают возможности для встреч людей; в котором существует диверсификация зданий для размещения различных типов офисов и магазинов – от маленьких до больших – и существует концентрация активности, гарантирующая большое присутствие людей на улицах.

Джейн Джекобс, которая считала угрозой здоровой социальной жизни модернистскую застройку, предлагала новые взгляды на планирование и использование городского пространства. Она активно боролась с крупными планами по обновлению Нью-Йорка и строительством крупных автомагистралей и привлекала к проблеме как жителей конкретных районов Нью-Йорка, так и широкую общественность. Тем самым, сама того не зная, осуществляла и культивировала своё право на город и право других людей. В 1963 году она сумела противостоять главному архитектору Нью-Йорка Роберту Мозесу, который запланировал строительство очередного хайвея на месте района Гринвич-Виллидж. Мозес игнорировал вопросы исторического наследия, для него город – это машина, в которой все работает четко и слаженно: днем на постоянную генерацию прибыли, ночью – для отдыха и ночных наслаждений. К сожалению, в его городе не было места для маленьких детей и пожилых людей. Для него Гринвич-Виллидж – это всего лишь полуразрушенные деревни, пристанища первых эмигрантов. Джекобс подняла мощное общественное движение, сумев убедить людей, что Мозес разрушает память, а значит и сообщество. А если нет сообщества, по мнению Джекобс, то нет и города [1, с. 16].

Джейн Джекобс размышляла о судьбах улиц и парков и обнаружила, что эти пространства, как ключи, способны открыть путь ко всем проблемам большого города. Революция в представлениях, которую произвела Дж. Джекобс, состояла в продвижении идеи: современный город живет и успешно развивается не благодаря реализации гениальных градостроительных теорий и архитектурных фантазий, а ввиду разнообразия и гибкости механизмов саморегуляции. Так, один из главных факторов привлекательности города и его районов – безопасность жителей и приезжих. Но, отмечает исследовательница, весь опыт говорит о том, что наиболее безопасны не те места, где больше всего полиции, а те, где интенсивнее всего общественная жизнь. Такие места наиболее прозрачны, и люди сами мотивированы поддерживать в них спокойствие и порядок. Сети местных площадок и заведений – культурных, торговых, образовательных, развлекательных – формируют среду, которая адаптирует «новичков» и нейтрализует «чужаков», приучая всех к определенным правилам общения и терпимости.

Город становится осмысленным человеческим и общественным пространством, когда сами горожане формируют позитивную городскую повестку. Самые живые города – те, в которых действуют механизмы самоорганизации, самые мертвые – те, которые целиком родились в головах чиновников, учила Джейн Джекобс [1].

Активное участие граждан в определении параметров городской среды стало исходным принципом уже упомянутой Джейн Джекобс. Она выступала против планирования города, основанного на абстрактных идеях, игнорирующих мнения горожан, их восприятие происходящих с городской средой процессов. Джекобс сформулировала ряд правил, которые необходимо соблюдать для соответствия городской планировки общественным ожиданиям, к ним можно отнести: наличие функциональной идентичности, самобытности территории, ее культурно-исторического контекста; дробность кварталов; широкое использование публичных объектов в качестве составных элементов уличной ткани; концентрацию в районе зданий разного возраста и состояния и пр. [1, с. 183].

Она стала катализатором появления в странах Запада целого класса городских активистов, которые видели в городских сообществах абсолютное и неоспоримое благо и панацею от всех

проблем, когда-то возникавших и продолжающих возникать в городе. Всякие попытки усиления социальных связей и солидарности между горожанами априори являются благими делами. Сегодня осталась популярной по всему миру практика пеших прогулок «Прогулки Джейн» (англ. Jane's Walk), организуемых городскими активистами в первые выходные мая в память об Дж. Джекобс, с целью знакомства соседей и обсуждения вопросов устройства общего городского пространства.

Сегодня соучаствующее проектирование как технология и метод является не только механизмом вовлечения в городское проектирование, но и выступает площадкой для эффективного сотрудничества представителей разных категорий населения (т.н. коллективный интеллект) – бизнесменов, властей, экспертов, ученых, жителей города. Например, практика соучастия в Беларуси стала набирать популярность с 2018 г. вместе с применением методов краудсорсинга для решения городских проблем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Джекобс, Дж. Смерть и жизнь больших американских городов : пер. с англ. – М.: Новое изд-во, 2011. – 460 с.
2. Джекобс, Дж. Экономика городов = The Economy of Cities / под ред. О. Н. Лугового. – Новосибирск : Культур. наследие, 2008. – 294 с.
3. Джекобс, Дж. Города и богатство наций: Принципы экономической жизни = Cities and the Wealth of Nations : Пер. с англ. – Новосибирск : Культур. наследие, 2009. – 332 с.
4. Davis, M. Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster / M. Davis. – New York : Vintage Books, 1999. – 363 p.
5. Гейл, Я. Города для людей / Я. Гейл. – М. : Крост, 2012. – 267 с.

УДК 304.444

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКИХ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Кашина М. А.

*профессор кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС
доктор политических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия*

Введение. Женские исследования (women's studies) появляются как научная рефлексия проблем женщин и женского движения. Они достаточно ангажированы, и феминистская теория, по классификации Г. Абенда, выступает рамочной (источником априорных фреймов), т.е. представляет собой «мировоззрение, общую перспективу восприятия и интерпретации мира... она касается не самого социального мира, а того, как на него смотреть, как его понимать и репрезентировать» [1, с. 26]. С позиции М. Буравого, феминистская теория является публичной социологией, потому что выступает «социологией аудиторий или групп общественности», [2, с. 16], отстаивая в своих исследованиях права и интересы женщин. Сегодня появилось такое явление как «политика государственного феминизма», когда правительство страны считает улучшение положения женщин своей центральной задачей, а также активно продвигает женскую повестку на международной арене. В качестве примера таких государств обычно приводят страны Северной Европы.

Логично предположить, что революционный настрой women's studies ослабевает по мере решения женских проблем в обществе, и женские исследования переключаются на менее политизированные темы, например, семью. Однако, включив в анализ теорию поля науки П. Бурдьё, который говорит о том, что идея нейтральности науки есть фикция, позволяющая выдавать за научную форму господствующие представления о социальном мире [3, с. 501-502], можно выдвинуть альтернативное предположение, что угасание политического в женских исследованиях связано в первую очередь с давлением внешнего контура – государства, грантодателей, общественного мнения, которые не поддерживают феминистскую ангажированность и радикальность.

Гендерные исследования появились позже женских и были созданы теми, кто хотел дистанцироваться от исключительно женской тематики в науке, «уделяя вместо этого внимание

отношениям женщин и мужчин» [4, с. 38]. В предметное поле гендерных исследований входят наряду с женскими и мужские проблемы, изучаются гендерные отношения, гендерная идентичность, репрезентация гендера в культуре. Включение в объект исследования мужчин не позволяет гендерному подходу быть столь же критическим как феминизм. Гендерные исследования больше стремятся к социальной антропологии, чем к обоснованию социальной политики в интересах женщин. Другими словами, они изначально менее политизированы.

Отметим, что в российских условиях эти два исследовательских направления сложно дифференцировать, тем более что возникли они практически одновременно в начале 1990-х, а не последовательно, как это происходило на Западе. Не случайно во многих публикациях авторы заявляют их одновременно и как женские, и как гендерные исследования.

Важная особенность России связана с неприятием общественным мнением понятия «гендер», оно получило однозначные негативные коннотации с гомосексуальностью, в силу чего все гендерные исследования воспринимаются как квир-исследования. Причины этого требуют отдельного изучения, но, по факту, в России гендерная тематика оказалась более табуированной, чем женская. Ситуацию усложнило принятие 478-ФЗ от 05.12.2022 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [5]. Все это позволяет поставить **исследовательский вопрос**: Имеет ли место в новейших российских работах, которые идентифицируются их авторами как женские и гендерные исследования, тенденция ухода от политической проблематики? Если есть, то где она выражена сильнее в женских или гендерных исследованиях?

Объектом исследования выступают статьи, опубликованные в 2021–2023 годах и индексируемые РИНЦ, которые содержат в своих метаданных словосочетания «женские исследования» или «гендерные исследования», **предметом** – тематические области данных статей. **Гипотеза**. Новейшие российские женские исследования утрачивают политическую составляющую, дрейфуя в сторону более безопасных тем. Этот дрейф у них более выражен, чем у гендерных исследований. Данная тенденция связана с давлением внешнего контура науки, а не успешным решением женских проблем в стране. Схожая тенденция уже была нами зафиксирована в отношении развития гендерных исследований в исторической перспективе 1990–2020-х годов. Современная внешнеполитическая ситуация, предполагающая мобилизацию женского ресурса, может ее только усиливать. **Дизайн**. Исследование пилотажное, выполнено на основе вторичных данных. **Эмпирическая база**. 14.09.2023 из базы РИНЦ по словам «женские исследования» и «гендерные исследования» были отобраны статьи, опубликованные в 2021-2023 годах. По женским исследованиям сейчас пишут несколько больше (на 17 %), чем по гендерным, хотя статей с цитированием 5 и выше больше среди публикаций, посвященных гендерной тематике (на 16 %), т.е. большее число работ участвует в производстве новых статей.

Результаты. Сравнительный анализ тематической направленности статей по женским и гендерным исследованиям (2021-2023), индексируемым РИНЦ, представлен в таблице (см. таблицу).

Таблица. Структура тематической направленности статей по женским и гендерным исследованиям (2021–2023)

№ п/п	Отрасль научных исследований	Количество статей			
		Женские исследования		Гендерные исследования	
		Абс. ч	%	Абс. ч.	%
1.	Психология и педагогика	22	36	17	24
2.	Медицина	16	26	11	15
3.	Физическая культура и спорт	8	13	9	13
4.	Социология	6	10	12	17
5.	Демография	3	5	3	4
6.	Экономика	3	5	6	8
7.	Политология	2	3	4	6
8.	Культурология	1	2	7	10
9.	Юриспруденция	0	0	2	3
	Всего	61	100	71	100

Анализ данных таблицы показывает, что 75 % статей по женским исследованиям к социально-политическому анализу отношения вообще не имеют, зато есть много статей по медицине (это связано с анализом последствий пандемии). В гендерных исследованиях ситуация несколько иная, здесь таких статей только 52 %, в этой выборке больше статей по социологии и культурологии, есть две статьи по праву. Тем самым можно сделать вывод о том, что женские и гендерные исследования 2021–2023 гг. уходят в достаточно нейтральную зону спорта, медицины и психологии с педагогикой. Это не современная тенденция, а продолжение той, которая сложилась на предыдущем этапе их развития [см. 6].

В Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы [7] отмечается, что разрыв в заработной плате мужчин и женщин в России в среднем по экономике на протяжении последнего времени практически не меняется и составляет 28 %. Остается актуальной проблема неоплачиваемого труда в домохозяйстве, сохраняются стереотипы в отношении социальных ролей мужчин и женщин, есть риск феминизации бедности и т.д. Другими словами, нельзя говорить о радикальном улучшении положения российских женщин, более того оно заметно ухудшилось в пандемию, особенно в части роста домашнего насилия. Однако, женские исследования явно деполитизируются. Это означает, что работает вторая объяснительная модель – давление на женские исследования внешнего контура науки, в частности общественного мнения. Интересно, что в гендерных исследованиях социально-политическую тематику удалось сохранить больше. Шестая часть работ выполнена по социологии, десятая по культурологии. Работ по медицинской тематике практически в два раза меньше. В целом это объясняется тем, что в естественных науках (биологии, медицине) и частично в психологии многие проекты выполняются с целью показать особенности женской популяции, женских особей, поэтому авторы правомерно относят их к женским исследованиям (исследованиям женщин). Понятно, что здесь ни о каком феминизме речь не идет. Для нас, с точки зрения цели исследования, важно зафиксировать существующий уклон в медицину, т.е. в исследования биологических основ пола, что в перспективе может привести к усилению эссенциализма.

Заключение. Последствия пандемии и продолжающаяся специальная военная операция серьёзно изменили общественные настроения в России. Рост консерватизма сокращает число акторов, заинтересованных в научном анализе женских проблем. Давление внешнего контура ограничивает тематику научных работ. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о продолжающейся деполитизации женских и гендерных исследований. При этом академическое сообщество, которое в начале 2000 – х гг. выступало одной из движущих сил развития российских гендерных исследований, сегодня утрачивает свою роль в этом процессе. Свидетельством этого служит снижение качества современных статей, посвященных гендерным проблемам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абенд, Г. Значение слова «теория» в социологии / Г. Абенд // Социол. исслед. – 2015. – № 11. – С. 23–28.
2. Буравой, М. За публичную социологию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burawoy.berkeley.edu/PS/Translations/Russia/ASA.Russian.pdf>. – Дата доступа: 26.09.2023.
3. Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. ; отв. ред. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т эксперимент. Социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. – 576 с.
4. Ярская-Смирнова, Е. Р. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе / Е. Р. Ярская-Смирнова // Введение в гендерные исследования : учеб. пособие : в 2 ч. / под ред. И. А. Жеребкиной. – СПб. : Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 17–48.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 05 дек. 2022 № 478-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202212050019>. – Дата доступа: 29.09.2023.
6. Кашина, М. А. История развития гендерных исследований в России через анализ дискурсов их предметных полей (по материалам анализа word-nets и word-clouds) / М. А. Кашина, С. Ткач // Женщина в рос. о-ве. – 2022. – № 3. – С. 36–59.
7. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/4>. – Дата доступа: 29.09.2023.

МЕТОД ОНЛАЙН ЭТНОГРАФИИ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Крыштановская О. В.*директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» РГГУ
доктор социологических наук
г. Москва, Россия***Мещерякова Н. Н.***заведующий кафедрой политической социологии и социальных технологий
ведущий научный сотрудник центра цифровой социологии «Ядов-центр» РГГУ
доктор социологических наук
г. Москва, Россия*

Проблема. Исследования вопросов, связанных с гендерной асимметрией, всегда представляет некоторую сложность для социолога в связи с ее сенситивностью. Многие стереотипы общественного сознания отказываются признать дисбалансы, склоняясь считать все происходящее «нормой». В связи с этим, составление гайда для полевого исследования часто похоже на квест в стремлении обойти «острые углы».

Цифровые социологические методы открывают новые возможности перед учеными-социологами, так как они позволяют преодолеть традиционные ограничения и выйти на простор анализа, который ранее был недоступен. К такого рода новым методам относится *онлайн этнография* (или киберэтнографии), который предполагает проведение скрытого или открытого длительного наблюдения исследователя-аутсайдера за поведением и высказываниями членов сообщества [1]. Известный российский социолог И. Ф. Девятко использует термин «этнографическое исследование» как синоним включенного наблюдения [2].

М. Хаммерслей и П. Аткинсон пишут, «социолог явно или неявно соучаствует в повседневной жизни людей в течение достаточно продолжительного времени, наблюдая за происходящим, прислушиваясь к сказанному, задавая вопросы. В сущности, он собирает любые доступные данные, которые могут пролить свет на интересующие его (или ее) проблемы» [3, С. 111,116].

В течение шести месяцев 2021 г. мы проводили наблюдение в пабликах социальной сети «ВКонтакте», нейминг которых связан с православием и основная тематика которых сфокусирована на различных аспектах жизни верующих. В социальной сети «ВКонтакте» зарегистрировано более 1700 таких групп, насчитывающих в общей сложности миллионы подписчиков. Методом онлайн этнографии были исследованы 5 православных интернет-сообществ: «Православный блог», «Православие – сила в молитве», «Православие.ONE», «Православие – последнее время» и «Символ веры / Православие».

Исследование не ограничивалось пассивным наблюдением, мы постоянно искали контакты с православными женщинами, которые были согласны обсуждать проблемы феминизма как в режиме комментариев, так и в онлайн интервью. Всего за полгода было установлено более 830 контактов, и 90 женщин ответили на вопросы онлайн анкеты. Наши респонденты находятся в возрастной группе от 30 до 45 лет, большая часть из них регулярно посещает церковные обряды и считают себя верующими православными.

Использование стратегии «плотных» данных [4, 5] позволило получить объемный материал по интересующей нас теме. Мы получили Thick-данные, которые позволили на небольшой выборке дать представление о культурном пласте изучаемого сообщества, его взглядах, мнениях и стереотипах людей.

Женская аудитория православных сообществ «ВКонтакте» высказывалась о феминизме самым разнообразным образом, но подавляющее большинство респонденток артикулировали свое отношение с деликатным отрицанием, предполагая, что феминизм все же представляет собой нечто чуждое для православного человека. Многие опрошенные высказывали предположение, что за феминизмом стоит скрытая борьба за власть, которую поддерживают некие темные силы (возможно, «враги России, которые стремятся уничтожить нашу цивилизацию и православную культуру»). Подозрительность по отношению к феминистской идеологии прямо связана, по мнению опрошенных, с ее «импортным характером», который кто-то «специально насаждает в

России». Респондентки во время интервью говорили, что «феминизм меняет естественный порядок вещей и роли, установленные Богом»; что «идеи феминизма аморальны», что «феминистками становятся неуверенные женщины, боящиеся принять свою природу». Православные высказывали мнение, что феминистки – это глубоко несчастные женщины, у которых нет мужа, которых никто не любит. Популярен был также тезис о том, что феминизм есть некое отклонение от нормы, уход от нормальности, связанный с агрессией, отказом от женственности, мягкости, покорности. Именно агрессивность и разрушительный характер феминизма как идеологии православные респондентки воспринимают с тревогой. Смелая и резкая в суждениях женщина, борющаяся за свои права, вызывает страх и негативные эмоции. Бросать вызов укоренившемуся порядку является для двух третей опрошенных чем-то угрожающим и вызывающим.

Получив весьма критическую оценку феминизма как общественного движения, мы поставили задачу узнать, а также ли негативно православная женская аудитория относится к вопросам гендерной дискриминации. Мы задавали конкретные вопросы относительно возможностей женщин получить достойную работу и получать за нее равную с мужчинами оплату, о справедливом распределении обязанностей в семье, о семейном насилии и прочем.

Значительная доля православных женщин, принявших участие в исследовании, рассматривают актуальными проблемы неравенства карьерных возможностей и зарплат среди мужчин и женщин, апеллируя к принципам «справедливости» и «честности». Представители православия, с одной стороны, осуждают феминизм за разрушение традиционных семейных ценностей и института семьи, за пропаганду аборт и чайлдфри, за деградацию и разрушение западного общества. С другой стороны, они готовы признать, что элементы дискриминации присутствуют в обычной российской семье: женщин часто не пускают работать, не дают развиваться, делать карьеру. Более того, применять насилие по отношению к слабым в семье до сих пор считается многими мужчинами «обычным делом, нормой». Некоторые наши респондентки утверждали, что само требование пассивности как стандартной формы поведения женщины, сегодня недопустимо и свидетельствует об отрицании равенства полов.

Среди всех проблем, о которых упоминали наши респондентки, они особо выделяли насилие дома по отношению к женщинам и детям. Женщины считают семейное насилие «неприемлемым в современном обществе» и отмечают «необходимость их защиты и поддержки». Примерно треть опрошенных выражала недовольство позицией церкви, которая склонна к виктимблеймингу (от англ. Victim Blaming – обвинение жертвы). Так, респондент Мария (32) свидетельствовала, что священник ей говорил: «Ты его сама провоцируешь», тем самым оправдывая поведение нетрезвого супруга и обвиняя ее в случившемся конфликте.

Большая часть опрошенных женщин выражают мнение, что в семье должно быть равноправие, при котором оба супруга в равной степени работают и занимаются домашними делами. Женщины, несмотря на традиционный канон, подкрепляют свою позицию аргументами «равенства», «справедливости» и «честности» и считают, что в современных реалиях такой тип взаимоотношений в семье вызван «естественными причинами».

Итак, наше этнографическое исследование православных женщин в социальных сетях выявило следующее противоречие: подавляющее большинство респонденток отрицательно или безразлично относятся к феминизму, не принимают термин «гендерная дискриминация» и отвергают ущемление своих гражданских прав. Но когда речь заходит о конкретных проблемах, опрошенные соглашались с их наличием, признают отсутствие равных возможностей, различие в оплате труда, несправедливое распределение домашних обязанностей, насилие в семье.

Группа православных активисток, с одной стороны, провозглашает традиционные православные ценности, признавая неравенство полов, и обязанность женщин смиренно терпеть и подчиняться главе семьи. С другой стороны, ситуация такого неравенства больше не воспринимается как естественная, терпимая. Тональность высказывания женщин носит обвинительный характер, они жалуются на проблемы, желая изменить принятые в обществе традиции и нормы. Домострой больше не кажется им адекватным эпохе сводом правил.

Их мир как бы раскалывается, и в амбивалентном сознании уживаются ранее несовместимые вещи: протест против семейного насилия с идеей покорности и смирения. Догма о том, что муж – глава семьи и удел женщины – подчиняться и слушаться его, вступает в противоречие с жизненной необходимостью женщине работать, чтобы содержать себя и своих детей.

Теоретически: феминизм – это зло, а практически – православные женщины хотят равных и честных отношений. Наше исследование на примере религиозных сообществ показало, что православные респондентки, критикующие и отвергающие феминизм как общественное движение, разделяют его основные положения, связанные с гендерным равенством и справедливостью. Эта диффузия трансформирует сообщество православных женщин, которые, по сути, становятся «цифровыми космополитами» [6, с. 31]. Зарождается противоречие, в котором, с одной стороны, отчетливо видна стигматизация самого понятия «феминизм» в женской православной среде, а с другой, желание равных прав и свобод для себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полухина, Е. В. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных / Е. В. Полухина // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2014. – № 7. – С. 95–106.
2. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 191 с.
3. Hammersley, M. *Ethnography in Practice* / M. Hammersley, P. Atkinson. – Routledge, 1989. – 273 p.
4. Latzko-Toth, G. Small data, thick data: Thickening strategies for trace-based social media research. *The SAGE handbook of social media research methods* / G. Latzko-Toth, C. Bonneau, M. Millette. – SAGE Reference, 2017. – P. 199–214.
5. Сивков, Д. Ю. Большие данные в этнографии: вызовы и возможности / Д. Ю. Сивков // Социология науки и технологий. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 56–67.
6. Цукерман, Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / Э. Цукерман. – М. : Ад Маргинем. 2015. – 320 с.

УДК 001.81-055.2(476)

ФЕМИНИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Курилович Н. В.

*доцент кафедры социологии БГУ
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Этимология понятия «феминизация» связана с латинским словом «femina», которое в переводе на русский язык означает «женщина». Применительно к научной сфере это понятие используется, как правило, для обозначения процесса увеличения доли женщин в составе научных кадров. Кроме того, понятие «феминизация науки» нередко употребляется для репрезентации процесса возрастания влияния и роли женщин-исследователей в современном обществе.

В XXI в. законодательство большинства стран мира, в том числе Республики Беларусь, не ограничивает доступ женщин к сфере образования и науки. Гендерная статистика подтверждает, что в белорусском обществе наука, наряду со здравоохранением и образованием, является достаточно феминизированной сферой трудовой деятельности. Другими словами, в Беларуси наблюдается феминизация науки.

Гендерные особенности кадрового состава отечественной науки изучаются специалистами из разных областей знания. Весомый вклад в анализ данной проблематики внесли такие белорусские исследователи, как Т. А. Антонова, А. П. Соловей, О. В. Терещенко, И. Р. Чикалова и др. Как правило, специалистами признается важная роль феминизации науки для общества, а также очевидное значение данного процесса как показателя эффективности реализации государственной политики равноправия мужчин и женщин.

Принято выделять три «волны» в истории феминизации отечественной науки. Первая «волна» феминизации науки выпала на 1920–30-е годы, вторая – на середину 1960-х – конец 1970-х годов, а третья – на 1990-е годы. В указанные периоды наблюдался интенсивный рост численности женщин в кадровом составе отечественной науки. Первые две волны феминизации отечественной науки были следствием высоких темпов роста общей численности научных кадров и проводимой в БССР политики равноправия полов. Третья «волна» феминизации науки была вызвана масштабным социально-экономическим кризисом, который привел к массовой «утечке» мужчин из научной сферы [1, с. 129–130]. В публикациях по данной теме отмечается, что феминизация характерна для всей истории развития советской науки.

В настоящее время феминизация отечественной науки получает неоднозначные оценки специалистов. Например, Т. А. Антонова отмечает, что феминизация белорусской науки является следствием уменьшения притока мужчин в научную сферу, которая стала низкооплачиваемой и малопрестижной [2, с. 358]. Белорусский социолог А. П. Соловей подразделяет феминизацию науки на «количественную» (увеличение доли женщин в общей численности исследователей) и «качественную» (увеличение доли женщин среди исследователей с ученой степенью) [1, с. 128]. Как показывает анализ статистических данных, увеличение численности женщин в белорусской науке практически не связано с повышением их научной квалификации, т.е. получением ученых степеней кандидатов и докторов наук. Вышеперечисленное не позволяет рассматривать феминизацию отечественной науки как однозначно положительное явление.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь доля женщин-исследователей в нашей стране составляет 39 %. В период с 2000 по 2021 гг. на фоне общего снижения численности исследователей в стране доля женщин в составе научных кадров уменьшилась на 7 % [3]. Несмотря на то, что общая численность женщин-ученых в стране снижается, в большинстве областей науки доля женщин превышает долю мужчин, поэтому можно утверждать, что феминизация отечественной науки продолжается.

Обращение к статистическим данным позволяет зафиксировать гендерный дисбаланс кадрового состава по определенным областям отечественной науки. Самыми феминизированными в Беларуси являются медицинские, а также социально-экономические и общественные науки: здесь численность женщин-исследователей почти в 2 раза превышает численность мужчин-исследователей. Преобладание женщин в составе исследователей характерно также для сельскохозяйственных (женщин в 1,6 раз больше, чем мужчин) и гуманитарных наук (женщин в 1,5 раза больше, чем мужчин). В технических науках можно наблюдать гендерный дисбаланс в пользу представителей мужского пола, численность которых в 2,7 раза превышает численность женщин. При этом только для естественных наук характерен гендерный баланс: на начало 2021 г. численность женщин-исследователей здесь превысила численность мужчин всего лишь на 50 человек [3].

По данным государственной статистики можно зафиксировать гендерный дисбаланс в составе научных кадров Беларуси не только по областям науки, но и в разрезе ученых степеней. Так, на начало 2021 г. среди кандидатов наук доля женщин-исследователей составляла 41 %, а среди докторов наук их почти в 2 раза меньше – 21 % [3]. Следовательно, несмотря на феминизацию некоторых областей отечественной науки, в сравнении с мужчинами уровень научной квалификации женщин реже подтверждается учеными степенями. В настоящее время численность мужчин, имеющих ученую степень доктора наук, в Республике Беларусь существенно превышает численность женщин.

Можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что весьма низкий уровень представленности женщин на самых верхних ступенях научной иерархии (в числе академиков и руководителей научно-исследовательских организаций) и отставание их квалификационного уровня в сравнении с мужчинами обусловлены давлением традиционных гендерных стереотипов, в соответствии с которыми женщине следует в большей степени ориентироваться не на построение карьеры, а на создание семьи и рождение детей. В гендерных стереотипах, отражающих патриархальные установки общества, нередко воспроизводятся представления о том, что наука – это «не женское дело», поскольку женщина (в отличие от мужчины) не обладает способностями к аналитическому мышлению и в целом является эмоциональным, а не рациональным существом. Конечно, высокие достижения женщин в сфере производства научного знания опровергают такого рода патриархальные стереотипы, но, к сожалению, они встречаются и в наши дни, в том числе и в научной среде. Кроме того, в белорусском обществе совмещение женщиной-ученым профессиональной и семейно-бытовой ролей выступает фактором, который нередко негативно влияет на эффективность ее научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, положение женщин в отечественной науке отличается устойчивостью и незначительными изменениями их удельного веса в кадровом составе. В Республике Беларусь до сих пор сохраняется дифференциация типично «женских» и «мужских» областей науки. К первым относятся медицинские, социально-экономические, общественные, гуманитарные и сельскохозяйственные науки, а ко вторым – технические науки. Кроме того, среди докторов наук

мужчин по-прежнему гораздо больше, чем женщин. Как следствие, женщины-исследователи практически не представлены в составе научной элиты страны. В связи с этим не теряет своей актуальности вопрос о необходимости анализа феминизации отечественной науки с позиций междисциплинарного подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соловей, А. П. Феминизация науки: теоретический аспект / А. П. Соловей // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов : сб. науч. тр. / СПбФ ИИЕТ РАН. – СПб., 2016. – Вып. 2 (32). – С. 123–131.
2. Антонова, Т. А. Женщины в составе исследователей Беларуси: социологический анализ / Т. А. Антонова // Социол. альм. – 2017. – Вып. 8. – С. 358–364.
3. Численность исследователей // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gender.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 22.09.2023.

УДК 930.2

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF WOMEN'S STUDIES IN THE HISTORICAL RESEARCH OF THE PROBLEM OF MENTALLY ILL PATIENTS DURING THE SECOND WORLD WAR (USING THE EXAMPLE OF MINSK)

Dr. Latyshava V. A.

*Associate Professor Department of Source Studies Belarusian State University
Minsk, Belarus*

Based on the achievements of modern historiography, it is right to note that during the years of occupation of the territory of Belarus during the Second World War, almost all mentally ill patients from institutions identified so far that provided psychiatric medical care in the pre-war and war years were exterminated here [1].

Perhaps for the first time, in relation to the territory of Belarus, the problem of extermination of mentally ill patients was raised in an attempt at a joint discourse between the state and society in 1946. In January of that year, a trial took place «по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР» A little later, the materials of the trial were published by the «Государственное издательство» in Minsk [2].

Let us note that it was then that the tendencies of the «internal» Soviet discourse devoted to the problem of extermination of the mentally ill on the territory of Belarus during the years of occupation were laid. One of its characteristic features can be called a certain centralization of the problem, when most often the practice of «speaking» about it was focused on the tragedy that befell patients precisely from Minsk, or more precisely, two of the three places known today associated with crimes against mentally ill patients during the years of the Belarusian occupation capital: a specialized colony in Navinki (suburb of Minsk) and the 6th department of the second hospital of the city.

The second characteristic feature that deserves special attention is the factual detail of the discourse built around Minsk. It is built on a «humanized» history: the basis of the domestic discourse here are «stories» «told» by eyewitnesses. The sources were the testimony of witnesses, reflected in the first post-war decades (see, for example: [2; 3, p. 212, 341 – 344, 349]) and even in the 2000s [4, p. 110–113] years.

They are united by the third characteristic feature of the domestic discourse regarding the problem of extermination of the mentally ill on the territory of Belarus – they are «women's stories».

Thus, the tragedy that happened to patients from the two places mentioned above was «told» to both Soviet and modern society in predominant numbers by women. Among them are witnesses Natalya N. A., Olga I. O., Vanda I. N.¹. Domestic discourse is based on the testimony of the first two of the noted witnesses at the trial of 1946 and the reflection of these testimony in the publication that followed the trial [2, p. 133-136, 193-194], as well as on a fragment of the original manuscript of Vanda I. N.'s testimony published in the 1960s from the funds of the Central State Archive of the October Revolution [3, p. 212] (now – State Archive of the Russian Federation), Moscow.

¹ At this stage of development of historiography, the author sees the presence of a moral and ethical problem in the publication of the names of witnesses to crimes directed against the mentally ill during the Second World War.

Thus, it seems methodologically justified to turn to conceptual foundations within the framework of woman's studies. The potential here is seen as follows. Soviet discourse on the problem was closely connected with the task of ascertaining the facts of the crime, focusing on the need to recognize that these crimes «were!». In post-Soviet times, «speaking» practices began to gravitate towards constructions based on the questions «why was this?» and «how was it?» As part of the first question, attention was drawn to the inhumanity of such crimes, which stemmed from the theoretically developed basis and blasphemous practical implementation of the T-4 program in the late 1930s on the territory of Nazi Germany and the transfer of the experience of persecution and extermination of the mentally ill with the beginning of World War II people to the occupied territories (see, for example: [5]). The second question was aimed at reconstructing the inhumane practice of the Nazis in eliminating mentally ill people from among the patients of specialized institutions located on the territory of Belarus (see, for example: [6]).

Today it seems possible to build a fourth perspective, paying attention to the question «what was it?», where women's studies can serve as the basis. In particular, the object of research attention can be not only the «stories» of women, but also themselves. From their published testimonies, we are able to find out the initials and surnames belonging to them, as well as their place of work and positions held – «doctors of the Minsk psychiatric hospital» as was the case with Natalya N. A., who worked at the time of the occupation in the specialized colony Navinki, and Olga I. O. – «who worked as a doctor in the second clinical town of Minsk» (6th, psychiatric, department of the 2nd city hospital).

Turning to documents from the archival fund of the Republic of Belarus, in particular the National Archive of our country and the State Archive of the Minsk Region, allows us to expand our knowledge about the individuals in question. This is achievable thanks to primary information from witness interviews. In particular, from them we know that the first witnesses were interrogated already in July 1944. The personalities of the interviewees are well personalized – not only their last names are given, but also their first names and patronymics. In addition, we are able to understand at what age these direct witnesses to the crimes were caught by the terrible pictures, which were subsequently reconstructed as part of questioning them as witnesses. For example, Vanda I. N., who witnessed crimes in Navinki, was only about 20 years old at that time. In addition, we learn that her level of education at the time of interrogation was 7th grade at school. The time separating the commission of crimes and witnessing them was equal to a period of at least three years [7, l. 68–69]. From the interrogation protocol we do not know her role in the picture she presented of the murders that took place – she was a direct witness or reconstructed past events from rumors, partly from her observations, etc., but her chances are to face danger in the form of armed male killers in German uniforms were great. At the time of the interview, she named her permanent place of residence: «Psychocolony of Novinki, Minsk region, BSSR» [ibid., l. 68]. Perhaps she lived there and during the initial period of occupation.

The story of Olga I. O. was not based on the defenselessness of the girl's young age. In the summer of 1941, she was more as a young woman's age, about 33 years old. From the interview protocol it follows that by nationality she positioned herself as a Belarusian, she named Gomel as her place of birth, and by education the woman was a psychoneurologist. However, at least the following few facts add tragedy to her story. Due to the nature of her work, she came into direct contact with armed male criminals who began to come with the aim of killing her patients at the very beginning of the occupation. In addition, it is worth paying special attention to the fact that in this situation we are faced not only with a woman, but also with a woman-mother. Her eldest child was no more than 4 years old, and her youngest child was no more than a year old. Obviously, she could experience a feeling of fear, and first of all for her children [8, l. 19–20].

The story of Natalya N. A. represents a separate chapter in modern discourse. With the beginning of the occupation, when most of the men from the staff of the specialized colony went to the front, caring for the patients from Navinki fell on her shoulders. Let us remember that during the occupation it was a remote suburb, and the people located in its area had to be not only treated, but also provided for, including feeding. With the beginning of the occupation, the woman lived on the territory of the colony, finding herself, among other things, between the need to professionally help her patients and life next to the «SS group» located on the territory of the colony, i.e. not a single month, Natalya's life was directly dependent on the behavioral guidelines and moral character of armed men, and, as it soon turned out, also ideological killers [9, l. 9]. It was precisely the «reasons» for the Nazi murder of Dr. Natalya Nikolaevna's patients that tried to break both her professional and personal world into fragments.

Thus, the study of «women's stories» can give a new historiographical vector to the problem – we see not only the victims and their executioners, but also third actors – society through the prism of women, who often found themselves hostage to the situation of war and its terrible ideology. In addition, the heuristic potential of the approach is revealed, aimed at comparative analysis with similar «men's stories», which, unfortunately, are practically unknown to a wide audience (to date, examples of such have been identified in the archival collection of Belarus). In addition, the increase in new knowledge may be associated with attention to the analysis of emotions, etc.

Separately, we note that such research practices not only enrich historical science. They are also called upon to form a modern Belarusian society, giving a worthy place in it to «women's stories», to form a culture of empathy and the development of a humanitarian paradigm, practices of decent living for the most vulnerable social groups and open knowledge about their history and present.

LIST OF SOURCES USED

1. Diskriminiert – vernichtet – vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917 – 1991. Herausgegeben von Alexander Friedman und Rainer Hudemann. Frany Steiner Verlag, Stuttgart 2016. – 564 s.
2. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). – Минск : Гос. изд-во БССР, 1947. – 472 с.
3. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. – Минск : Беларусь, 1965. – 464 с.
4. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 4 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – Кн. 4-я. – 912 с.
5. Хоэндорф, Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме / Г. Хоэндорф // Новости медицины и фармации. – 2010. – № 329.
6. Галета, В. «Lebensunwertes Leben»: лёс пацыентаў псіхіятрычных клінік Беларусі ў 1941–1944 гг. / В. Галета // ARCHE. – 2010. – № 7, 8. – С. 610, 617.
7. Национальный Архив Республики Беларусь. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 64.
8. Национальный Архив Республики Беларусь. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 63.
9. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 17 А.

УДК 338.242.4

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мальгина И. В.

*доцент Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Женщины составляют более 40 % мировой рабочей силы; они приносят продуктивные таланты в рынок труда и контролируют 20 триллионов долл. США годовых потребительских расходов. В мире существует более 126 млн женщин-предпринимателей, открывающих или управляющих бизнесом, и 98 млн управляющих существующим бизнесом [1].

Женское предпринимательство исследуется разными организациями и учеными и в значительной степени связано с положением и ролью женщин в обществе.

Хронология исследований женского предпринимательства показывает, что первое упоминание о женском предпринимательстве появилось в 1976 году, а первый отчет о государственной политике в сфере женского предпринимательства – в 1979 году.

А. Н. Шмелева и Х. Алгада определяют женщину-предпринимателя как уверенную и творческую личность, способную достичь самостоятельной экономической независимости индивидуально или в сотрудничестве, которая создает возможности трудоустройства для других, сохраняя баланс в личной, семейной и общественной жизни [2].

Всемирный банк, Международная организация труда, Организация Объединенных Наций позиционируют предпринимательство как ключевое средство борьбы с обнищанием, признавая, что женщины играют решающую роль в этом процессе исправления. Предпринимательство стало признанным фактором экономического развития и ориентированные на мотивацию перспективы женского предпринимательства подчеркивают автономию (право принятия решений) как ключевой фактор участия женщин в предпринимательстве.

Согласно Глобальному мониторингу предпринимательства количество стартапов среди женщин снизилось на 15 % в период с 2019 по 2020 год и осталось неизменным в 2021 году. У женщин также наблюдалось более резкое снижение, чем у мужчин, намерений начать бизнес в три года и общие темпы запуска в 2020 году, но не в странах с доходом выше среднего.

Во всем мире женщины представляют примерно каждого третьего быстрорастущего предпринимателя и каждого третьего инновационного предпринимателя, ориентированного на национальные и международные рынки. Женщины в странах с доходом выше среднего представляют собой одних из самых инновационных и быстрорастущих предпринимателей в мире, наравне с мужчинами в плане ориентации на международный рынок.

Почти половина женщин-предпринимателей во всем мире работают в секторе оптовой/розничной торговли, а каждая пятая женщина-предприниматель – в государственном секторе и секторе социальных услуг (18,5 % женщин против 10,1 % мужчин). Однако только 2,7 % женщин по сравнению с 4,7 % мужчин открывают бизнес в сфере информации, компьютеров и технологий (ИКТ), секторе, который привлекает большую часть долларов венчурного капитала во всем мире.

Однако, в Иордании несмотря на рост образовательных достижений женщин, только 15 % предприятий принадлежат женщинам. В Королевстве Саудовская Аравия правительство недавно поощряло женское предпринимательство в рамках планов развития страны. Однако, только 4 % зарегистрированных предприятий принадлежат женщинам [2]. Ограничительная культурная практика предполагает, что даже «право» на владение бизнесом является проблематичным, поскольку необходимо запрашивать разрешения и одобрение у семейных авторитетов мужского пола. Социокультурные нормы устанавливают для женщин такие границы, что для того, чтобы быть принятыми в обществе, женщины часто вынуждены выбирать и заниматься семейным бизнесом, а не индивидуальным предпринимательством, чтобы узаконить свои предприятия; даже в этом случае это возможно только после того, как они получают поддержку мужчин, поскольку банки могут требовать подпись мужчины в заявках на получение кредита [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Muhammad, S. An overview of women entrepreneurship from Islamic perspective / S. Muhammad [et al.] // Review of Economics and Development Studies. – 2020. – Т. 6. – № 4. – Р. 857–866.
2. Шмелева, А. Н. Женское предпринимательство в России и за рубежом: обзор проблем развития / А. Н. Шмелева, Х. Алгада // Компетентность. – 2020. – № 8. – С. 20–27.
3. Banihani, M. Is work engagement gendered? / M. Banihani, P. Lewis, J. Syed // Gender in Management: An Intern. J. – 2013. – Т. 28. – № 7. – Р. 400–423.
4. Caputo, A. Supporting opportunities for female entrepreneurs in Jordan / A. Caputo [et al.] // Intern. J. of Entrepreneurship and Small Business. – 2016. – Т. 27. – № 2–3. – Р. 384–409.

УДК 331.5:338.46

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СОСТОЯНИЯ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ УСЛУГ

Морозова Н. Н.

*заведующий отделом экономики сферы услуг Института экономики НАН Беларуси
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Экономический рост и создание рабочих мест, в том числе высокопроизводительных, с включением всех слоев населения в экономическую деятельность тесно переплетены между собой. Вовлеченность женщин в работу рынка труда является одним из элементов реализации человеческого потенциала и критерием роста уровня жизни. В Республике Беларусь уровень занятости населения в 2022 г. составил 67,7 %, таков показатель отмечался в 2016 г. и 2019 г. [1, с. 57]. В сфере услуг в 2022 г. трудились 58,6 % занятых, в промышленности и строительстве – 31,4 %, в сельском, лесном и рыбном хозяйстве – 9,9 %. Среди женщин наиболее высока доля работающих в сфере услуг (72,5 %), мужская занятость характеризовалась высоким удельным весом работающих в производственной сфере (55,5 %). Рынки труда во всем мире остаются сегментированными по гендерному признаку. Доля женщин, входящих в состав рабочей силы,

согласно результатам выборочного обследования домашних хозяйств, остается ниже, чем доля мужчин и составляла в 2022 г. 64,3 % и 73,8 % соответственно (см. таблицу 1).

Таблица 1. Рабочая сила в Республике Беларусь с учетом трудоспособного возраста и гендерной составляющей в 2022 г. [2, с. 10]

Показатели	Рабочая сила, чел.	В том числе		Лица, не в составе рабочей силы, чел.	Уровень участия в рабочей силе, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		Занятые, чел.	Безработные, чел.				
Всего 15 – 74 лет	4901758	4725461	176297	2 228 832	68,7	66,3	3,6
мужчины	2455972	2344881	111091	871 110	73,8	70,5	4,5
женщины	2445785	2380579	65206	1 357 723	64,3	62,6	2,7
В трудоспособном возрасте	4592893	4432637	160256	767 353	85,7	82,7	3,5
мужчины	2366115	2260968	105147	397 115	85,6	81,8	4,4
женщины	2226778	2171669	55109	370 238	85,7	83,6	2,5

Занятость женщин на рынке труда служит фактором роста экономических показателей и уровня благосостояния населения. За 2022 г. средний показатель уровня участия женщин в рабочей силе составил 50,83 % (наибольшее значение 83,73 % – Мадагаскар, а наименьшее 6,2 % Йемен) [3]. Причем, Беларусь, среди Европейских стран, занимала 13-ю позицию в ранге по доли женской рабочей силы и составляла 57,53 % (см. таблицу 2). Согласно данным Всемирного экономического форума, Индекс глобального гендерного разрыва среди стран – членов ЕАЭС (кроме России поскольку данные отсутствуют), лидером по общему уровню гендерного равенства является Беларусь. Из 146 стран Беларусь, согласно данным отчета за июнь 2023 г., заняла в глобальном рейтинге 41 место, опустившись по сравнению с 2022 г. на пять позиций с 36-го места. Казахстан улучшает свои позиции, поднявшись на 3 позиции по сравнению с 2022 г. до 62-го места: сказалось улучшение субиндексов гендерного равенства участия в экономике, получения образования и ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Армения улучшили свой индексы за год более чем на 28 позиций, заняв 61-е место обогнав Казахстан. Что касается и Кыргызстана то по данному показателю он поднялся на 2 позиции заняв 84-е место [4, с. 11].

Таблица 2. Доля женской рабочей силы и гендерный разрыв в странах ЕАЭС в %

Страны ЕАЭС	Доля женской рабочей силы в 2022 г., %	Ранг по 2022 г.		Индекса глобального гендерного разрыва**	
		В мире	Среди азиатских (европейских) стран	Значение индекса	Место
Армения	58,07	56	12	0,721	61
Белоруссия	57,53	58	(13)	0,752	41
Казахстан	65,11	23	4	0,721	62
Киргизия	45,39	130	27	0,700	84
Россия	55,5*	...	...	...	...

*Данные 2021 г. [5]

** Данные World Economic Forum июнь 2023 г. [4]

В ЕАЭС утвержден ряд государственных мер, направленных на дальнейшее устранение гендерного разрыва:

- в Беларуси реализуется Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2021–2025 годы;
- в России в декабре 2022 года утверждена Стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.;
- в Казахстане с целью дальнейшего улучшения ситуации с гендерным равенством реализуется Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года, устанавливающая цель достижения 30 % представительства женщин в органах власти, государственном, квазигосударственном и корпоративном секторах на уровне принятия решений;
- в Кыргызстане в 2022 году принят Национальный план действий по достижению гендерного равенства на 2022–2024 гг., рассматриваются меры по улучшению условий доступа к образованию для женщин, активное вовлечение в трудовую деятельность и предпринимательство.

Повышение роли женщин в экономике способствует экономическому росту, поскольку по оценкам МОТ, сокращение разрыва в соотношении рабочей силы мужчин и женщин на 25 % может увеличить мировой ВВП на 4 %. Равный доступ к профессиям и рынку труда экономически целесообразен, так как ведет к эффективному распределению ресурсов. В то же время есть ряд запрещенных для женщин профессий из-за сложности и напряженности труда. Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 6 июня 2022 № 35 был пересмотрен список должностей, на которые женщин принять невозможно. При этом трудовой кодекс запрещает ущемлять сотрудников по половому признаку. До изменений в списке запрещенных для женщин работ была 181 позиция, а в 2022 г. из данного исключили 93 позиции, оставив в перечне – 88 видов работ. Женщинам запрещено привлекать к работам: по подъему и перемещению вручную тяжестей; к горным и горнокапитальным работам; к сварочным работам в закрытых пространствах; на лесосечных работах; выплавке, отливке, штамповке свинцовых изделий. Отметим, что в республике список тяжелых работ для женщин менялся еще в 1994, 2000 и 2014 годах, что было связано с совершенствованием технологических процессов и внедрением новой техники. Женщины вносят существенный вклад в экономическое благосостояние, когда наряду с профессиональной деятельностью значительную часть времени отводят обязанностям по дому и воспитанию детей, что выражается в так называемой «двойной занятости», которая не учитывается и не включается в ВВП.

Демографическая ситуация Республики Беларусь уже не одно десятилетие свидетельствует, что женщин в стране больше, чем мужчин. На 1 января 2023 г. доля лиц женского пола составляла 54 % [1, с. 43] при среднем возрасте 43,6 лет, в то время как для мужчин он составлял 38,4 года. Как отмечалось ранее, большая доля женщин занята в сфере услуг, в то время как большинство отраслей данной сферы являются социальными и для них характерна низкая заработная плата, что снижает мотивационную составляющую к работе. В то же время большинство женщин соглашаются на работу в данной сфере, поскольку для них важна стабильность места работы, коммуникационная составляющая (образование, торговля, соц. обслуживание, деловые услуги предполагают общение с клиентами и потребителями услуг). Предпринимательство, стремление к новому и готовность к риску не характерна для женщин в отличие от мужчин, которые ориентированы на управление и интеграцию усилий других людей. Мужчины, согласно ряду исследований, менее склонны к построению профессионального пути в сервисной деятельности, и работа в сфере услуг у них сконцентрирована лишь в 2-х отраслях: транспорт и ИТ (информационные технологии и связь).

Таким образом, исходя из анализа состояния занятости с учетом гендерной составляющей, можно сделать следующие выводы:

1. Использование потенциала женщин на рынке труда при быстром старении населения, способно компенсировать нехватку трудовых ресурсов.

2. Предпочтение к занятости, в зависимости от гендерной составляющей, определяется: профессиональной компетентностью, стремлением к управлению, стабильностью места работы, способностью к предпринимательству и желанию самостоятельно распоряжаться своими рабочим временем.

3. Для женщин характерно стремление быть компетентными в своей области, реализоваться в профессии, иметь стабильную работу, совмещать различные стороны жизни.

4. С развитием дистанционной формы занятости для женщин (реализующихся в семье) более привлекательна онлайн-работа, где они могут реализовать свой творческий потенциал (копирайтер, модератор, оператор службы клиентской поддержки, SMM-менеджер, дизайнер);

5. Основная сфера женской занятости – сфера услуг, при этом в отличие от сферы производства уровень оплаты здесь в ряде отраслей ниже, чем в среднем по стране. В результате образуется гендерная сегрегация на рынке труда, когда женщины и мужчины неравномерно распределены между различными видами деятельности, в результате возникают преимущественно «мужские» или преимущественно «женские» отрасли, профессии и соответственно женщины продолжают трудиться в условиях горизонтальной и вертикальной сегрегации на рынке труда и получают в среднем меньшую заработную плату, чем мужчины. Для устранения такого типа гендерного неравенства недостаточно одинаковое участие мужчин и женщин в трудовой деятельности, а требуется трансформация структуры спроса на рынке труда на сферу услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 332 с.
2. Занятость населения в Республике Беларусь (по материалам выборочного обследования) // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 54 с.
3. Доля женской рабочей силы. Классификация стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Female_labor_force_participation. – Дата доступа: 26.08.2023.
4. Global Gender Gap Report 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://reports.weforum.org/globalgender-gap-report-2023>. – Date of access: 26.08.2023.
5. Женщины и мужчины России. 2022 : стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 208 с.

УДК 316.36:316.422.42

ФЕНОМЕН ОТЦОВСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ

Николаева А. О.

*аспирант, Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

В последние десятилетия ракурс женщин-ученых в социологических исследованиях стал важным элементом для понимания социальных явлений. Все больший интерес приобретает исследование отцовства и его влияния на семейную динамику и общественное пространство. Во многих исследованиях отцовство рассматривается через призму мужских перспектив и ролей. Мы проанализируем феномен отцовства с точки зрения женщин-ученых и исследования вклада, который они вносят в эту область знаний. Внимание будет уделено их уникальной позиции и опыту, которые способствуют более глубокому пониманию проблем, возникающих вокруг отцовства, проблемам и перспективам, связанным с продолжением исследований в данной области и значимости участия женщин-ученых в этом процессе.

Профессиональная деятельность женщин, их нацеленность на карьерные достижения приводят к объективной невозможности для мужчины реализовать роль монопольного собственника, кормильца и единоличного главы семьи. Обратимся к основным результатам исследований российских женщин-ученых, занимающихся проблематикой отцовства, в том числе в контексте мирового опыта. Ю. В. Борисенко рассматривает отцовство как особый «этап взросления в развитии личности мужчины», проявляющийся как способность принять на себя семейные обязанности продолжателя рода [1, с. 56]. На этом этапе исследовательница акцентирует внимание на деятельности папа-школ для молодых родителей, которые стали появляться последние 10–15 лет, она пришла к выводу, что подготовка мужчины, в том числе и психологическая, к роли отца повышает готовность к отцовству, помогая справиться с предстоящими трудностями будущему отцу и его спутнице.

О. Н. Безрукова и В. А. Самойлова считают, что важно перенимать опыт западных коллег в отношении политики поддержки отцовства, работая при этом не только с отцами, но с семьей в целом. Для этого необходимо исследовать уязвимые группы отцов, вести учет их проблем и потребностей с целью создания социальной поддержки и предоставления соответствующих услуг, именно в этом задача современных социологов – помогающая практика, направленная на благополучие семьи.

Так, И. О. Шевченко отмечает несколько новых тенденций в современных внутрисемейных взаимодействиях:

- 1) решения принимаются супругами совместно на основе соглашения и с учетом мнения детей;
- 2) хозяйственно-бытовые дела перераспределяются, отец семейства все чаще берет на себя часть домашних дел, включен в уход за маленьким ребенком;
- 3) повышается эмоциональная вовлеченность отцов с раннего детства.

В фокус исследовательницы попали семьи с ролевой инверсией, где мать работает и выступает кормильцем, отец же осуществляет уход за ребенком, выполняя домашние обязанности. Назовем это «модель шведской семьи», так как в Швеции отцы уходят в отпуск по уходу за ребенком минимум на 90 дней, в противном случае отпуск «сгорает», именно в этой стране наиболее выражена ролевая инверсия.

Т. А. Гурко обратила внимание на процесс формирования в обществе нового типа отцовства – «ответственного», «вовлеченного», который приходит на смену традиционному. Приверженцы нового типа отцовства не только осуществляют финансовое обеспечение семьи, но и личными усилиями ухаживают за детьми, систематически интересуются их проблемами и оказывают им деятельную помощь. Такая позиция основана на принципе эгалитарности, то есть равенстве прав и обязанностей во всех аспектах родительской роли. Мужчины-отцы вовлечены в участие и воспитательный процесс, находятся в постоянном контакте со своим ребенком, включены в его повседневные дела и проблемы, оказывают помощь в процессе обучения, играют с ребенком, осуществляют бытовые и гигиенические действия и т. д. Традиционно роль отца была сопряжена с экономической поддержкой и институтом наследования, для вовлеченных в отцовство мужчин характерно осознание собственной ответственности, прежде всего за эмоциональное состояние своих детей, присутствует понимание того, что отцовское поведение закономерно отражается на поведении детей, на формировании их личности.

Особый интерес представляют собой результаты исследования А. Л. Янак, выявившей категории отцов, реализуемых активную вовлеченность. Она связывает активную вовлеченность с готовностью, а также с высокой мотивацией к отцовству и выделяет: зрелых отцов; материально удовлетворенных доходом; планирующих детей; отцов-правоборцев, отстаивающих свое право на воспитание детей в судебном порядке; разведенных монородителей; участников отцовских сообществ; многодетных отцов [2, с. 20].

А. Е. Звонарева считает, что отцовство представляет собой ряд социальных практик, которые в свою очередь представляют социальные действия, направленных на реализацию круга обязанностей, прав и ответственности, их должную реализацию. Практики представляют собой продолжение социальных функций отца, реализуемых в семейном взаимодействии. Важную роль при формировании отцовства, по ее мнению, играют средства массовой информации. В фокусе ее исследования отцы советского периода, где на примере печатных СМИ удалось выявить три образа трансляции отцовства: положительный образ отца, отрицательный образ и образ отца государства. Используя методику исследования данной ученой целесообразно изучить влияние современных СМИ на формирование представлений о семье и отцовстве, как ее структурном компоненте, в сознании современной молодежи. Сегодня существует проблема отсутствия цензуры в глобальной сети Интернет, что затрудняет фильтрацию деструктивных информационных потоков, связанных с навязыванием инфантильных взглядов, в лучшем случае, и неприятием семьи и детей, в худшем.

Е. Ю. Рождественская в своем исследовании специфики феномена отцовства (с XX века и до настоящего времени) приходит к выводу, что сегодня отцовство – маргинальный институт, не имеющий четкой идеологии, при этом именно отсутствие ясности является признаком кризиса. В современном социуме постсоветских стран мы можем наблюдать воссоздание, переизобретение отцовства в новых социально-экономических реалиях. Продолжая и развивая концепцию А. Е. Звонаревой, она считает, что отцовство стратифицировано по практикам различных социальных групп и дифференцировано по уровню образования отцов, возрасту, при этом процесс вовлечения отцовства в воспитание и развитие детей сдерживается рынком труда [3].

С точки зрения представителей гендерной социологии феномен отцовства анализируется, прежде всего, с точки зрения роли, выполняемой мужчиной в семейной группе, как значимого элемента мужской идентичности. Гендер как социальная роль рассматривается в качестве модели, отражающей социальные отношения, возникающие и складывающиеся между мужчиной и женщиной. Поведение в обществе мужчин и женщин в значительной мере предопределяется влиянием гендерных стереотипов. Как указывает Т. Б. Рябова, они могут быть охарактеризованы как устойчивые, стабильные, нормативные образцы поведения, как правило, им присущ выраженный эмоционально-оценочный характер [4]. Отец с этой точки зрения выступает как образцовый носитель маскулинных черт в социуме. Отцовство признается значимым компонентом мужской идентичности, оказывающим существенное воздействие на процесс формирования нормативной мужественности, как правило, в рамках гендерной культуры конкретного социума [5].

Что касается изучения феномена отцовства отечественными женщинами-учеными, необходимо отметить, что чаще отцовство представлено косвенно, в контексте исследований института семьи и брака. С. Н. Бурова обозначает, что брак и семья это не столь объекты научного

изучения, сколько форма и сущность нашей жизни, поэтому важно уловить новые тенденции брачно-семейной сферы. По результатам исследований представлений молодежи о семье и браке, она приходит к выводу, что молодежь стала прагматичнее мыслить, заботясь, прежде всего, о будущем материальном благополучии семьи. Вместе с тем молодежь тревожит и подмена понятия любви сексом, однако существуют и позитивные представления, вера в то, что любовь является определяющим критерием создания прочной и счастливой семьи.

Н. А. Сосновская изучала процесс трансформации института семьи через поколенческое измерение. Основными факторами ценностно-нормативных и структурных изменений института семьи она справедливо называет технологическое и социально-экономическое развитие, создавшие возможности самореализации и усиливая процессы индивидуализации. По результатам эмпирических исследований она зафиксировала, что хотя среди молодежи семья входит в перечень основных ценностей, однако молодежью отмечаются негативные аспекты наличия семьи, выявлено стремление к высокой профессиональной реализации и внесемейному образу жизни [6].

И. И. Морозова считает, что для высокоэффективной работы семейной политики и обеспечения нравственной безопасности страны важно не только привлечение старшего поколения для работы со старшеклассниками, молодежью, но и серьезных мер со стороны государства по сохранению и укреплению духовно-нравственных основ семьи и общества. Исследовательница также обращает внимание на инверсию социальных ролей отца и матери, что приводит женщину-мать к агрессивной авторитарности по отношению к детям, подчеркивая, что отцовство – обязательный компонент семьи, так как дает семье имя. Современные белорусские отцы, по ее мнению, все чаще выступают как партнеры матери, беря на себя заботу о детях, выступая другом жене и детям [7].

Таким образом, современным отцам с течением времени все сложнее соответствовать авторитетному образу, поскольку в большинстве семей мужчины уже не являются единственными собственниками имущества и кормильцами. Однако в силу инерции сознательно или подсознательно большинство мужчин продолжает следовать модели руководителя, главы семьи. Нельзя не отметить, что освоение мужчинами иных моделей ролевого поведения объективно ограничено. В результате у многих мужчин при соотношении своего реального Я с традиционными нормами маскулинности возникает внутренний дискомфорт. В настоящее время социальная реальность подталкивает отцов к освоению сугубо «женских» практик, вследствие чего они вынуждены пересматривать отношение к воспитанию детей, разделять хозяйственно-бытовые обязанности супруги.

Обзор и анализ исследований, посвященных отцовству, с акцентом на вклад женщин-ученых, выявляет уникальную роль и вклад женщин-исследователей в подходах и понимании феномена отцовства, что может привести к новым направлениям исследований и расширению нашего знания об этом важном аспекте социальной динамики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства: монография / Ю. В. Борисенко. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 279 с.
2. Янак, Л. А. Социальные практики отцовства в современной российской семье : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Л. А. Янак ; Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2019. – 23 с.
3. Рождественская, Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2020. – №5. – С. 155–185.
4. Рябова, Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы / Т. Б. Рябова // Женщина в российском обществе, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-i-gendernaya-stereotipizatsiya-metodologicheskie-podhody>. – Дата доступа: 11.09.2023.
5. Чернова, Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллект. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 13–168.
6. Сосновская, Н. А. Трансформация института семьи в современном белорусском обществе: поколенческое измерение : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04 / Н. А. Сосновская; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2021. – 24 с.
7. Беларусь в условиях глобальной социодинамики : философский анализ / Т. И. Адуло [и др.]. – Минск : Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси, 2022. – 40 с.

КАК ЖЕНЩИНЫ СОЗДАЮТ КРАСОТУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ)

Носенко-Штейн Е. Э.

*главный научный сотрудник ФГБУН Институт востоковедения РАН
доктор исторических наук
г. Москва, Россия*

В массовом сознании инвалидность нередко ассоциируется с уродством, а люди с ОВЗ воспринимаются как обладающие другой, часто непривлекательной телесностью (отсутствие конечностей, органов чувств или их деформация). *Другая* телесность нередко воспринимается как чуждая («ненормальная»), а ее носители в различных культурах репрезентируются как обладающие отрицательными личностными качествами, либо как наказанные за грех (свой или совершенный предками). Это вполне применимо к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), особенно к женщинам, которые оказываются дважды стигматизированными: как представительницы социальной группы (люди с ОВЗ), обладающей очень низкими статусами, и как представительницы гендерной группы, чей статус во многих культурах тоже невысок [1; 2; 3]. В результате такой стигматизации женщины с ОВЗ часто чувствуют себя непривлекательными, в том числе в сексуальном плане, а также в сфере создания семьи [4; 5; 6; 7].

Ситуация усугублялась (и в ряде случаев нередко усугубляется и в настоящее время) тем, что многие средства реабилитации (протезы, инвалидное кресло, ходунки, белая трость, слуховой аппарат и пр. до недавнего времени выглядели отталкивающе в эстетических категориях условно здоровых людей [8; 9]. Такими средствами, а также специальной одеждой и аксессуарами, как правило, пользуются люди с визуально определяемой инвалидностью (нарушения опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха), в то время как люди с заболеваниями внутренних органов, многими неврологическими расстройствами не столь стигматизированы в массовом сознании.

До недавнего времени индустрия моды, включая одежду, обувь, парфюмерию, белье, аксессуары не учитывала особенности людей с ОВЗ, в первую очередь женщин. Выпускаемые для них товары были эстетически не привлекательными и часто мало функциональными. Поэтому женщины с *другой* телесностью стремились и стремятся «замаскировать» свои особенности тела, чтобы «выглядеть, как все и соответствовать эстетической норме, установленной условно здоровыми людьми».

В этой публикации рассматриваются отдельные попытки создания функциональных и красивых вещей и моды для людей с ОВЗ, которые предпринимаются в России в последние несколько лет, особенно женщинами, испытавшими опыт инвалидности или имеющими близких с подобным опытом. Источниками послужили полевые материалы автора: результаты включенного наблюдения, материалы различных Интернет сайтов и тексты глубинных интервью, проведенных в Томске и в Москве с создателями моды для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, а также косметики и парфюмерии для незрячих.

Попытки создания красивых и удобных вещей для людей (в первую очередь, женщин) с ОВЗ в России делались и прежде. Например, были начинания по созданию мастерских по пошиву эстетически привлекательной обуви для людей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, но они нередко заканчивались неудачей из-за бюрократических барьеров и пассивности самих людей с инвалидностью, а также стигматизации *другой* телесности, в том числе большого тела.

Одна из успешных попыток такого рода – создание своеобразного дома и школы моделей «Особая мода» в Томске в 2011 г., где также готовят моделей из числа молодых людей с ОВЗ. Основатель этой школы Ирина Дорохова живет в Томске, где я с ней встретила в сентябре 2021 г. Ирина работала менеджером крупной фирме, была замужем, ее дочери было 11 лет, когда в 2007 г. Ирина попала в тяжелую автомобильную аварию, во время которой ее позвоночник был очень серьезно поврежден, она осталась прикованной к инвалидному креслу. Более того, примерно через год в результате неправильного лечения ситуация усугубилась, Ирину практически полностью парализовало. В последствии после длительного лечения и реабилитации она частично восстановилась, хотя и ездит на инвалидной коляске и является председателем Томского отделения Всероссийского общества инвалидов (ВОИ). Ирина потеряла работу, семью (мужа,

хотя потом снова вышла замуж). Ирина в результате переоценки ценностей решила помогать людям с ОВЗ и в 2011 г. основала школу моделей для людей с инвалидностью «Особая мода». Эта школа сейчас успешно действует, в ней учатся и работают молодые люди и девушки в основном колясочники. Их учат правильно двигаться, учитывая их особенности (другой темп и характер движений), подчеркивать выигрышные черты внешности, в ряде случаев они также участвуют в создании модной одежды (подробнее об этом проекте см.: [10]).

Другой проект – это парфюмерный бренд Pure Sense, созданный Екатериной Зинченко в возрасте 26 лет. Екатерина решила обучать людей с визуальными нарушениями создавать и тестировать ароматы (духи, туалетную и парфюмированную воду). До этого она работала в отеле и ресторанном бизнесе, а в 2020 г. окончила курс Грацкого института парфюмерии (Австрия). Она решила создать свой парфюмерный бренд и вместе со своими друзьями, в числе которых были незрячие люди, привлечь к обучению и работе в парфюмерном бизнесе людей с нарушениями зрения (подробнее о проекте и ее создателях см.: [11; 12]).

Такие проекты позволяют людям с ОВЗ частично преодолеть стигму инвалидности и «ненормальной» телесности, более успешно социализироваться и интегрироваться в общество. Более того, опыт «Особой моды» и Pure Sense – это пока немногочисленные в России примеры успешных попыток создания женских социальных бизнесов для людей с ОВЗ, а также создания рабочих мест для таких людей. В случае «Особой моды» – это также успешная попытка показать, что одежда для людей с инвалидностью может и должна быть красивой и функциональной. В обоих случаях это также стремление дать возможность людям с ОВЗ реализовать свой потенциал.

В этих и других проектах такого рода особенно велика роль женщин. Они сами или их друзья и близкие нередко испытали опыт инвалидности, что позволило им глубже понять многие проблемы, с ней связанные. В своих начинаниях они широко используют новые технологии, обучая людей с ОВЗ, развивая бизнесы, направленные на создание красоты для различных категорий людей с ОВЗ, включая создание и показы одежды, обуви, аксессуаров; создание и тестирование ароматов; обучение людей с инвалидностью профессии моделей и парфюмеров; вовлечение людей с ОВЗ в создание модной одежды, аксессуаров, причесок и парфюмерии.

Для более широкого развития подобных начинаний следует, в числе прочего, широко использовать новые технологии, в том числе цифровые, которые необходимы для информирования людей с ОВЗ об имеющихся возможностях, их обучении и тренингах, включая вебинары, консультации психологов и пр.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Грант № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт постсоветских стран и Государства Израиль».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тарханова, Е. С. Особенности социально-трудовой адаптации женщин-инвалидов на региональном рынке труда // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация : материалы междунар. науч.-практ. конф., 27–28 сент. 2018 г. / Нац. исследоват. Нижегород. гос. ун-т. : ред.: З. Х. Саралиева – Н. Новгород, 2018. – С. 776–781.
2. Feminist Disability Studies / R. Garland-Thomson [et al.] ; ed.: Q. H. Kim. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 2011. – X. 323 p.
3. Garland-Thomson, R. Integrating disability, transforming feminist theory / R. Garland-Thomson // Feminist Disability Studies. – 2002. – Vol. 14, № 3. – P. 1–32.
4. Носенко-Штейн, Е. Э. «Хочу замуж за здорового»: образ идеального супруга и стратегии замужества среди женщин с ограниченными возможностями здоровья в современной России // Этнограф. обозрение. – 2018. – № 5. – С. 36–44.
5. Прокопенко, Ю. Секс и инвалидность. Предвзятости в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов [Электронный ресурс] / Ю. Прокопенко // Сексолог. 2001. – Режим доступа: <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm>. – Дата доступа: 17.06.2023.
6. Ярская-Смирнова, Е. Стигма инвалидной сексуальности / Е. Ярская-Смирнова // В поисках сексуальности : сб. ст. / ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – С. 223–247.
7. Mladenov, T. Breaking the silence: disability and sexuality in contemporary Bulgaria / T. Mladenov // Disability in Eastern Europe and the former Soviet Union: history, policy and everyday life / ed.: M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. – Oxford : Routledge, 2014. – P. 141–165.
8. Bernstein, F. Prosthetic promise and Potemkin limbs in late-Stalinist Russia / F. Bernstein // Disability in Eastern Europe and the former Soviet Union: history, policy and everyday life / ed.: M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. – Oxford : Routledge, 2014. – P. 42–66.

9. Gerber, D. F. Disabled Veterans in History / D. F. Gerber. – Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2000. – VIII, 348 p.
10. Пройти через трудности и помогать другим: как меняет жизни Ирина Дорохова и ее «Особая мода» [Электронный ресурс] // Городской портал Tomsk.ru. – Режим доступа: <https://www.tomsk.ru/news/view/158857-proyti-cherez-trudnosti-i-pomogat-drugim-kak-menyaet-zhizni-irina-dorohova-i-ee-osobaya-moda>. – Дата доступа: 28.08.2023.
11. Pure Sense [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://puresense.me>. – Дата доступа: 22.09.2023.
12. Лица Pure Sense [Электронный ресурс] // Pure Sense. – Режим доступа: <https://puresense.me/team>. – Дата доступа: 22.09.2023.

УДК 141.72

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «WOMEN'S STUDIES» В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США

Порошина А. С.

*студентка 2 курса магистратуры ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»
г. Москва, Россия*

«Женские исследования» представляют собой междисциплинарное исследование того, как интерсекциональность пола, расы, возраста, класса, национальности, этнической принадлежности, способностей, сексуальности и других различий. Они влияют почти на все аспекты социальной, политической и социальной жизни [1, с. 177 – 185].

Основа академической области женских исследований была заложена в студенческом движении, движении за гражданские права и женских движениях 1960-х и 1970-х годов, когда женщины в академических кругах утверждали, что производство академических знаний не смогло признать гендер как призму анализа [2, с. 84–112]. Женщины воспользовались своим формальным статусом образования и допуска в академическую среду, а также культурной атмосферой радикальных, социальных и политических волнений, чтобы настаивать на более систематическом и потенциально преобразующем повествовании о жизни женщин. Дисциплина исследует как гендер влияет на популярную культуру и частную жизнь, на законы и социальную политику. Изучая различные дисциплины, такие как политология, социология, литература, психология и другие предметы, «women's studies» стремятся понять гендерные роли в прошлых и современных обществах. «Женские исследования» продолжают отражать в своей учебной программе и исследованиях преподавателей постоянно меняющиеся направления.

Важно понимать, что «женские исследования» – междисциплинарная область, изучающая гендерные роли, социально и культурно детерминированные. Опираясь на такие академические области, как история, психология, социология и антропология, они пересекают границы традиционных дисциплин, поднимая важные вопросы относительно организации социальных и политических институтов и самого знания о женщинах. «Женские исследования» как область академических исследований предоставляют новые рамки, учитывающие не только вопросы пола, но также расы, класса и этнической принадлежности.

Несмотря на то, что «женские исследования» являются относительно новым явлением в сфере высшего образования, сегодня они прочно зарекомендовали себя как междисциплинарная область исследований, которая опирается на знания как из гуманитарных, так и из социальных наук, медицины и естественных наук.

Рассмотрим процесс рождения и трансформации «women's studies» на примере Соединенных Штатов Америки как «пионера» данной дисциплины. На протяжении большей части своей истории высшее образование в США исключало женщин, цветных людей и нехристиан. Однако с середины 20-го века все больше колледжей уделяют приоритетное внимание усилиям по разнообразию, равенству и инклюзивности.

Первый факультет женских исследований был основан в Государственном колледже Сан-Диего (сейчас Государственный университет Сан-Диего) в 1969 году. В штате Сан-Диего группа освобождения женщин в кампусе сформировала комитет из преподавателей и членов сообщества, названный «Специальным комитетом по женским исследованиям». Комитет собрал сотни подписей под петицией в поддержку программы женских исследований [6, с. 301–316].

Осенью 1970 года было официально организовано первое отделение женских исследований. К 1974 году колледж Сан-Диего начал набор преподавателей для укрепления факультета женских исследований. К 1974–75 учебному году на данном факультете было два преподавателя, работающих полный рабочий день, и четыре преподавателя, работающих неполный рабочий день, и насчитывалось около 400 студентов. Факультет женских исследований продолжал расти и в 1995 году начал преподавать для магистров.

Второй факультет женских исследований был создан в Корнельском университете в 1970 году. Программа Корнелла была переименована в «Исследования феминизма, гендера и сексуальности» в 2002 году [5].

С самого начала женские движения внесли большой вклад, выражая голоса обычных женщин и интегрируя их проблемы в исследовательскую программу женских исследований. Аналогичным образом, чтобы преодолеть разрыв между активизмом и академическими кругами, «женские исследования» стремятся преодолеть изоляцию академических кругов.

Вместе с тем, в США наблюдаются дискуссии по дальнейшему вектору развития «women's studies». В то время как женщины-активистки считают, что слишком активное участие в академической деятельности может привести к оторванности от практических проблем в этой области, часть академических представителей опасается, что приоритизация в сторону активизма может нарушить дисциплину академической строгости и научных подходов [4, с. 137–155].

Полагаем, что современные «женские исследования» должны включать в себя как теоретическую базу, так и актуальную повестку дня, чтобы они были значимыми для общества и науки. Генерация теории без участия в общественной практике размывает основную цель «женских исследований» как интеллектуального направления женского движения.

В частности, современные американские исследователи уделяют повышенное внимание вопросам изнасилований, инцеста, избиений, сексуальных домогательств, торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации, феминизации бедности и неравенства в отношении здоровья, связанного с расой, полом и классом [3].

Кроме того, ведется более интенсивный диалог по вопросам субсидируемого государством ухода за детьми, реформы здравоохранения, гендерного равенства в образовании и отпуска для супругов.

Перед учеными, занимающимся «женскими исследованиями», стоят серьезные вызовы: им следует более активно сотрудничать с другими междисциплинарными программами и предоставлять экспертные знания – наряду с этническими исследованиями – для формирования мультикультурных инициатив. Ученые-феминистки продолжают проводить исследования и собирать данные для информирования об общественных дебатах и принятии решений, которые повлияют на женщин и семьи в США и во всем мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Здравомыслова, Е. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // *Обществ. науки и современность*. – 1999. – № 6. – С. 177–185.
2. Здравомыслова Е. Феминистские рефлексии о полевым исследовании / Е. Здравомыслова, А. Темкина // *Laboratorium: журн. соц. исслед.* – 2014. – С. 84–112.
3. Ильин, Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 689 с.
4. Калабихина, И. Женщина и Мужчина в экономической сфере / И. Калабихина // *Введение в гендерные исследования* / ред. И. Костикова. – М. : Аспект Пресс, 2005. – С. 137–155.
5. Braidotti, R. *Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory* / R. Braidotti. – 2nd ed. – New York : Columbia Univ. Press, 2011. – 334 p.
6. Stacey, J. The missing feminist revolution in sociology / J. Stacey, B. Thorne // *Social Problems*. – 1985. – Vol. 32, № 4. – P. 301–316.

**СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ЖЕНЩИН, СТРАДАЮЩИХ БЕСПЛОДИЕМ,
ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОМУ ОПЛОДОТВОРЕНИЮ
(НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Салмина А. В.

*ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ГрГМУ
г. Гродно, Беларусь*

Бойко С. Л.

*доцент кафедры психиатрии и наркологии ГрГМУ
кандидат медицинских наук, доцент
Гродно, Беларусь*

Актуальность. Общемировая тенденция перехода проблемы бесплодия за рамки только медицинской патологии до социально-демографической угрозы актуальна и для Республики Беларусь. Согласно официальным статистическим данным число женщин, страдающих бесплодием, составляет около 750–780 на 100 тысяч женского населения 18–49 лет, мужчин – около 100–200 на 100 тысяч мужского населения в возрасте 18 лет и старше, каждая пятая семейная пара нуждается в медицинской помощи по причине невозможности зачатия [1]. В Гродненской области на конец 2022 года состоит на диспансерном учете по бесплодию 945 женщин, из них нуждается в проведении экстракорпорального оплодотворения (далее ЭКО) 150 – 15,9 %. Согласно указу Президента Республики Беларусь №171 о предоставлении одной бесплатной попытки ЭКО, за 2022 год бесплодным парам (данные по Гродненской области) проведено 201 ЭКО. Беременность наступила у 70 (34,8 %) супружеских пар, в процессе проведения протокола ЭКО находится 29. За предыдущий год по Республике Беларусь в целом начато около 2 тыс. циклов ЭКО за счет государственного бюджета. Эффективность применения составила более 36 % [2].

Цель. Выявить отношение женщин, страдающих бесплодием, к процедуре ЭКО (на примере Гродненской области).

Материал и методы. Для социологического опроса была создана авторская анкета с последующей экспертной оценкой, получена положительная рецензия от ученых-социологов. В данной работе будет освещен анализ ответов на вопросы, которые отражают отношение женщин, с установленным диагнозом «бесплодие», к ЭКО. Выборка составила 102 женщины, обратившихся за медицинской помощью в учреждение здравоохранения «Городская клиническая больница № 4 г. Гродно» в течении 2022 г. в связи с бесплодием. Для обработки и анализа данных использовалось программное обеспечение Microsoft Excel. Статистическая обработка данных проводилась в среде программы «Statistica10», серийный номер AXAR207F394425FA-Q. Результат оценивался как статистически значимый на уровне ошибки первого рода: $p < 0,05$.

Результаты. «Абсолютно положительное» отношение к ЭКО выразили 50 женщин из 102 или 49 % ДИ 95 % [39,3; 58,8], «скорее положительное» – 28 из 102 респонденток или 27,5 % ДИ 95 % [19,2; 36,6], «нейтральное» отношение выявили у 22 из 102 или 21,6 % ДИ 95 % [14,1; 30,1]. «Абсолютно отрицательное» отношения к ЭКО никто из опрошенных не выразил, «скорее отрицательное» отношение у 2 из 102 или 1,96 % ДИ 95 % [0,18; 5,59]. Большинство респондентов 79 из 102 или 77,5 % ДИ 95 % [68,8; 85,1] трактуют ЭКО, как помощь бесплодной паре завести ребенка, 19 из 102 или 18,6 ДИ 95 % [11,6; 26,8] полагают, что вспомогательные технологии – это альтернативный способ зачатия ребенка (см. рисунок).

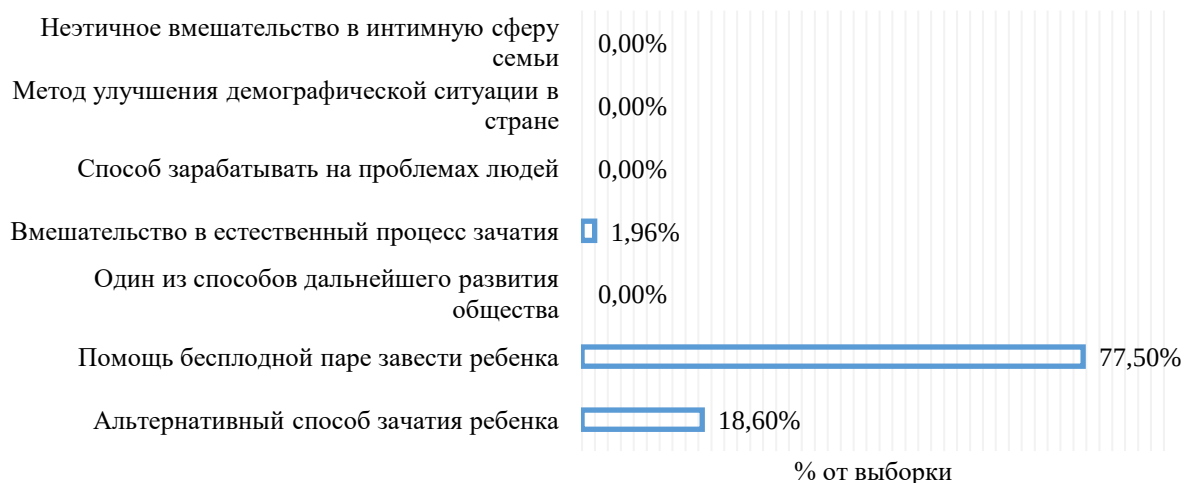

Рисунок. Что есть вспомогательные репродуктивные технологии по мнению респондентов

Заключение. Анализируя результаты исследования, можно сделать вывод, что 49 % респондентов относятся к ЭКО абсолютно положительно и большая часть (77,5 %) воспринимают вспомогательные репродуктивные технологии, как помощь бесплодной паре стать родителями. Положительные социальные установки по отношению к ЭКО у женщин, страдающих бесплодием, являются показателями готовности к использованию репродуктивных технологий при отсутствии других эффективных методов преодоления бесплодия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
2. В Минздраве рассказали, при каких условиях можно получить бесплатную попытку ЭКО // БЕЛТА – информационное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-minzdrave-rasskazali-pri-kakih-uslovijah-mozhno-poluchit-besplatnuju-popytku-eko-546364-2023>. – Дата доступа: 02.10.2023.

УДК 316.477

МАМА МОЖЕТ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ «НЕМАТЕРИНСКИХ» ПРАКТИК МАТЕРЕЙ

Симонова И. А.

*научный сотрудник ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
кандидат философских наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия*

Швецова А. В.

*старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
кандидат социологических наук, доцент
г. Екатеринбург, Россия*

Ориентация на эгалитарный гендерный порядок в современных обществах проявляется, прежде всего, в смещении традиционного ролевого набора мужчин и женщин относительно границ личной, семейной и профессиональной сфер. Рост экономической вовлеченности женщин происходит при сохранении за ними функций по ведению хозяйства и уходу за детьми. Таким образом, ожидания, которые сегодня формируются в современном обществе в отношении женщины, чрезвычайно велики, и затрагивают требования женщин к самим себе: интересная, красивая, деловая, профессионалка должна успешно строить карьеру и развиваться, но при этом, на практике, сохраняется и необходимость демонстрировать хозяйственность, быть идеальной женой и матерью [1; 2; 3]. Особое значение имеет неотъемлемость материнской функции,

которую, в отличие от хозяйственных задач, женщина не может делегировать никому. Все это формирует определенные подходы к практикам материнства, которые оказываются связаны не только с непосредственной заботой о ребенке, но и с целым комплексом задач, в рамках которых решается потребность женщин в личном и профессиональном развитии, реализуются ее финансовые потребности. Период ухода за детьми в возрасте до трех лет – время, требующее тотальной включенности матери в жизнь ребенка, что, как правило, сопровождается отменой привычного жизненного хронотопа. Рождение ребенка вносит существенные коррективы в способ профессиональной самореализации и финансового обеспечения. То, каким образом женщина обеспечивает сохранение своих позиций в качестве социальной единицы в условиях новых и крайне специфических обстоятельств материнства, к сожалению, пока практически не исследуется. Можно отметить, что в международной практике существует тенденция к смене фокуса в исследованиях материнства от ребенка к женщине под влиянием гендерных исследований, результатом чего стало возникновение особого направления – motherhood studies [4; 5]. Характерно, что в английском языке существует два слова, обозначающие материнство – motherhood (материнство как социальный институт) и mothering (задачи ухода за детьми). Это языковое указание на необходимость уделять внимание не только отношениям в диаде «мать – дитя», но и говорить о самих женщинах, их потребностях, возможностях и способах их общественной реализации. Вместе с тем, российский научный дискурс концентрируется в большей степени на материнстве как практиках заботы о ребенке. Не сформирован теоретический язык, позволяющий говорить о родительстве как периоде жизни, вовсе не исключающем женщину из ткани социальности, о матери как о субъекте социальных отношений. Введение в научный оборот понятия «нематеринских» практик матерей [6], таким образом, основывается на необходимости разработать и концептуализировать недостающие инструменты для описания социальных, политических, экономических действий женщин, воспитывающих детей раннего возраста, направленных на установление и сохранение социальных позиций, удовлетворение многообразных потребностей женщин в условиях изменений, обусловленных материнством. Следует отметить, что современные «нематеринские» практики многообразны, они имеют различные формы реализации (онлайн, офлайн), могут быть по-разному организованы, выполняться коллективно и индивидуально, и разворачиваются в самых разных сферах, включают предпринимательские инициативы, волонтерство и социальный активизм, творчество, активности в сфере IT, консалтинг, крафтовое производство и многое другое.

Идея методологического обоснования и концептуализации практик современного материнства, которые существуют фактически, но не имеют научных определений, продиктована дефицитом релевантной исследовательской оптики, которая бы позволила комплексно и согласованно рассматривать многообразные активности женщин, конкретизируя сложную систему взаимовлияния мотивов, внешних (социально-экономических, политических) и внутрисемейных факторов, индивидуальных особенностей биографии женщин. Сам факт признания существования «нематеринских» практик, введение их в сферу исследовательского внимания способствует повышению их статуса, что имеет ряд важнейших следствий в сфере гендерных и семейных исследований. Сценарии реализации «нематеринских» практик тогда могут, наконец, подлежать учету в качестве фактора демографического благополучия, это может помочь при исследовании небиологических причин снижения рождаемости. Комплексное видение женских активностей в цепочках принятия репродуктивных решений, позволяет на новом уровне проводить исследования вопросов благополучия семей с детьми, внутрисемейных отношений, экономического положения современных женщин. Введение в научный дискурс «нематеринских» практик как конструкции, обозначающей группу специфических явления, характеризующихся системностью и обладающих набором особых мотивов, факторов и последствий, позволяет рассматривать материнство в разрезе социальной, политической и экономической теорий, обогащая как представления о нем, так и расширяя знания о современном обществе и гендерных особенностях его функционирования в целом.

Практический смысл такого научного поиска заключается в пересмотре политики защиты материнства и детства с учетом обозначенных социальных реалий. В первую очередь, речь идет о содержательной переоценке программ поддержки матерей, в том числе, практических подходов к их реализации. Так, в ходе интервью, проводимых с матерями весной и летом 2023 года нами было отмечено, что получение образования востребовано у матерей, однако, большинство из них не знали о существовании программ бесплатного образования для женщин, находящихся в отпуске

по уходу за ребенком. Также исследование «нематеринских» практик позволяет осуществлять мотивированную модернизацию инфраструктуры ухода за детьми, которая позволила бы матерям быть более мобильными, рациональнее распределять время. Это касается как организации рабочих мест (например, наличие в общественных пространствах комнат для лактации), так и более глобальных изменений, связанных с практиками присмотра, организации коворкингов и пр.

Сбор и популяризация объективных научных данных о «нематеринских» практиках имеет важное значение для формирования здорового общественного мнения о материнстве, его проблемах и возможностях. В условиях ориентации многих женщин на карьеру и личный рост, важно показать, что материнство, не смотря на всю серьезность хронотопологических изменений, дает новые возможности и ресурсы для социальных потребностей женщины, и при должной корректировке содержания и порядков реализации государственных программ, позволяет не только сохранить хорошее общественное положение женщины, но и совершить позитивные профессиональные трансформации. Также огромное значение имеют исследовательские данные о «нематеринских» практиках для формирования адекватного отношения общества к потребностям женщин в реализации разного рода активностей, прекращения стигматизации активных матерей как «плохих», и признания нормотипичной ситуацией в которой женщина с появлением ребенка не отказывается от значимых для неё форм социальной, политической и экономической активностей. Важно на научных основаниях закрепить право матери оставаться активным членом общества, гражданином, профессионалом, без дополнительной нагрузки общественного порицания. Демонстрация распространенности и позитивных эффектов «нематеринских» практик позволяет подчеркнуть, что у женщины есть выбор – полностью погрузиться в материнские практики, или сохранять устойчивую связь с привычными формами социальной реализации, особенно, если это подкреплено психологическими и экономическими потребностями, продиктовано жизненной ситуацией.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22 – 28 – 00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова, К. С. Гендерный идеал: психосемантическое исследование / К. С. Виноградова // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. оч.-заоч. конф., Краснодар, 20 окт. 2022 года. – Краснодар, 2022. – С. 886–891.
2. Гавриченко, О. В. Особенности переживания психологического благополучия у женщин разного возраста / О. В. Гавриченко, Д. А. Семенова // Вестн. РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. – 2023. – № 1. – С. 50–69.
3. Омеляненко, В. А. Образ современной женщины в рекламе: от стереотипизации до фемвертайзинга // Женщина в рос. о-ве. – 2022. – № 2. – С. 119–27.
4. Kawash, S. New directions in motherhood studies / S. Kawash // Signs: J. of Women in Culture a. Society. – 2011. – Т. 36, № 4. – С. 969–1003.
5. Herranz, I. B. Rethinking Motherhood in the 21st Century: New Feminist Approaches. Introduction / I. B. Herranz, D. Serrano-Niza // Feminismo-s. – 2023. – № 41. – С. 13.
6. Швецова, А. В. Сценарии нематеринских практик молодых российских матерей / А. В. Швецова, М. С. Кривошекова // Наука. Культура. О-во. – 2022. – Т. 28, № S2. – С. 96–104.

УДК 314.74

МИГРАЦИОННЫЕ ТРУДОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Соловей А. П.

*научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь*

При исследовании миграционных процессов необходимо учитывать представления о социальных ролях мужчин и женщин, их «статусно-ролевой» набор в обществе, а также трансляцию и культивирование данных ролей в культуре и массовом сознании. По мнению немецкой исследовательницы Хельмы Лутц, одной из значимых методологических позиций анализа миграционных процессов является выявление уровня социальных характеристик

(гендерных стереотипов) мужественности и женственности в обществе-доноре и обществе-реципиенте. Учет гендерных аспектов при анализе миграционных процессов (к примеру, гендерно-специфические сегменты рынка труда, гендерные модели организации семьи, гендерно-детерминированные индивидуальные практики и позиции) позволяет дать ответы на вопросы об условиях и опыте женщин и мужчин в миграционных процессах [с. 1658–1659].

Следует отметить, что особое значение необходимо уделить изучению степени согласия с гендерными стереотипами. Актуальность изучения уровня гендерной стереотипизации массового сознания закреплена на законодательном уровне нашей страны. Одно из направлений Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. – изучение распределения гендерных ролей в семье, выявление связанных с ними стереотипов. Гендерные стереотипы, которые рассматриваются как общепринятые представления о социальных ролях и моделях поведения в зависимости от пола, являются фактором, в определенной степени детерминирующим процесс достижения гендерного равенства в социуме, семейную и профессиональную самореализацию, трудовую активность человека, профессиональную мобильность и построение им карьеры. Уровень стереотипизации (в т. ч. гендерной) относительно миграционных возможностей в целом для человека, а также миграционных возможностей женщин и мужчин оказывает непосредственное влияние на миграционные установки населения в зависимости от гендерной принадлежности. Степень согласия с гендерными стереотипами может выступать в качестве внутреннего демотивирующего представления о том, что миграционные трудовые возможности могут быть затруднены. Следовательно, сами субъекты миграционных процессов, представляя явные или предполагаемые трудности в процессе трудовой миграции (независимо от их реального существования или наличия их лишь в массовом сознании), могут сознательно отказаться от тех или иных миграционных намерений и предлагаемых возможностей трудовой миграции.

В общественном сознании жителей республики мнение мужчин и женщин относительно гендерных стереотипов, оказывающих влияние на возможности трудовой миграции, разделилось (см. таблицу). Это подтверждают социологические данные, полученные в ходе республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2023 г. В ходе исследования по репрезентативной выборке было опрошено 1847 респондентов ($\Delta = \pm 2,28 \%$, $\alpha = 0,05$), в т. ч. 43,4 % – мужчины, 56,6 % – женщины (см. таблицу).

Таблица. Степень согласия жителей Беларуси, в т. ч. женщин (Жен.) и мужчин (Муж.) с утверждениями и гендерными стереотипами относительно миграционных возможностей (в %)

Миграционные возможности	Согласен/на			Не согласен/на			Затрудняюсь ответить		
	Всего	Жен.	Муж.	Всего	Жен.	Муж.	Всего	Жен.	Муж.
Миграция дает шанс улучшить свое положение и добиться экономической самостоятельности	29,8	27,3	33,2	34,9	37,9	30,9	34,0	33,8	34,3
Женщины менее склонны к участию в трудовых миграционных процессах, чем мужчины	30,0	27,6	33,3	31,1	34,6	26,5	38,0	36,9	39,3
Женщины, выходящие на мировой рынок труда как мигранты, подвергаются дискриминации (неравенству) чаще, чем мужчины	29,7	28,0	31,9	21,9	23,9	19,5	47,5	47,5	47,6
Наличие несовершеннолетних детей снижает возможности трудовой миграции женщин	49,4	48,8	50,1	15,5	16,9	13,8	34,0	33,0	35,3
Наличие несовершеннолетних детей снижает возможности трудовой миграции мужчин	24,3	19,3	30,8	38,5	43,0	32,7	36,1	36,9	34,9
Супруг/а может оставить свою работу, если другому супругу предлагают карьерные возможности в другой стране	48,3	49,1	47,4	15,0	15,1	15,1	35,5	34,9	36,2

Анализ социологических данных, представленных в таблице, позволяет говорить о том, что только каждый третий житель республики согласен с утверждением о том, что «миграция дает шанс улучшить свое положение и добиться экономической самостоятельности». Среди тех, кто так считает, доля мужчин выше доли женщин (различия 33,2 % и 27,3 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 2,737$, $\rho < 0,01$). В то время как среди несогласных выше доля женщин, чем мужчин: 37,9 % и 30,9 % ($\varphi^*_{эмп} = 3,130$, $\rho < 0,001$). Также каждый третий респондент считает, что «женщины менее склонны к участию в трудовых миграционных процессах, чем мужчины» и «женщины, выходящие на мировой рынок труда как мигранты, подвергаются дискриминации (неравенству) чаще, чем мужчины». Среди тех, кто согласен с данными утверждениями, доля мужчин выше доли женщин (различия 33,3 % и 27,6 %, 31,9 % и 28,0 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 2,656$, $\rho < 0,01$ и $\varphi^*_{эмп} = 1,851$, $\rho < 0,04$ соответственно). Не поддерживают данные утверждения больше женщины, чем мужчины (различия 34,6 % и 26,5 %, 23,9 % и 19,5 % статистически значимы: $\varphi^*_{эмп} = 3,804$, $\rho < 0,001$ и $\varphi^*_{эмп} = 2,266$, $\rho < 0,02$ соответственно).

Различия в семейных обязанностях мужчин и женщин, закрепление за ними определенных гендерных ролей, а также установки относительно участия в воспитании детей потенциально могут выступать как сдерживающими, так и мотивирующими факторами миграционных трудовых намерений мужчин и женщин.

Практически половина белорусов считают, что наличие несовершеннолетних детей снижает возможности трудовой миграции женщин – 49,4 %. При этом так думают и мужчины, и женщины в равной степени: 50,1 % и 48,8 % (статистически значимых различий нет $\varphi^*_{эмп} = 0,563$). При этом, доля белорусов, которые согласны с тем, что наличие несовершеннолетних детей снижает миграционные трудовые возможности мужчин в два раза ниже – 24,3 %. Доля тех, кто согласен с данным мнением выше в полтора раза среди мужчин, нежели женщин: 30,8 % и 19,3 % соответственно ($\varphi^*_{эмп} = 5,670$, $\rho < 0,001$). Не согласны с данным утверждением 38,5 % опрошенных. Среди несогласных доля женщин выше доли мужчин: 43,0 % и 32,7 % соответственно ($\varphi^*_{эмп} = 4,534$, $\rho < 0,001$).

Следует отметить, что по мнению 48,3 % жителей республики супруг/а может оставить свою работу, если другому супругу предлагают карьерные возможности в другой стране. Так считают 47,4 % мужчины и 49,1 % женщин (статистически значимых различий не выявлено $\varphi^*_{эмп} = 0,729$). При этом не согласны с данным утверждением 15,0 %, затруднились дать ответ 35,5 %.

Таким образом, необходимость гендерного анализа миграционных трудовых возможностей обуславливается дифференцированными факторами, которые могут затруднять профессиональную мобильность мужчин и женщин. Эмпирически выявленный уровень степени согласия с гендерными стереотипами относительно возможностей и условий профессиональной миграции актуализирует необходимость разработки научно-обоснованных, практических адресных механизмов по минимизации распространения определенных гендерных стереотипов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Lutz, H. Gender in the migratory process / H. Lutz // J. of Ethnic a. Migration Studies. – 2010. – Vol. 36, iss. 10. – P. 1647–1663.

**РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ:
ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)****Сулейманова Р. Н.**

*заведующий отделом новейшей истории Башкортостана
Института истории, языка и литературы Уфимского
Федерального исследовательского центра Российской академии наук
доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
г. Уфа, Россия*

В современной общественно-политической жизни Республики Башкортостан заметным явлением выступает активизация женского фактора. Появление в 1990-х годах множества объединений женщин, различавшихся по национальным, профессиональным и иным признакам, знаменовало возрождение в республике женского движения [1, с. 11]. При разработке им основных направлений деятельности в изменившихся новых условиях в числе стратегических задач было определено вовлечение женщин в общественно-политическую деятельность, содействие повышению их роли в управлении делами общества и государства в рамках выполнения целевой программы «Женщины Республики Башкортостан» [2, с. 257]. Немаловажное влияние на перемены в статусе и социальной активности женщин в общественной жизни, безусловно, оказывали происходившие в республике политические и социально-экономические процессы. Участие в политических кампаниях и массовых мероприятиях явилось определенным показателем уровня их готовности выступать самостоятельной силой в общественной жизни. Однако вскоре последовало снижение уровня их активности. По данным социологических исследований, причинами явились существующие традиционные подходы в решении женского вопроса, достижения равноправия мужчин и женщин, требовавшие незамедлительного пересмотра. Как отмечали исследователи, в общественном сознании устойчиво сохранился стереотип, согласно которому государственная политика, сфера управления – это прерогатива мужчин, а женское дело – это работа, семья, дети, домашнее хозяйство [3, с. 3-4].

В женском движении республики наблюдавшееся поначалу оживление ограничилось всего лишь организационным оформлением. Недостаточная поддержка со стороны государственных органов привела к разобщенности самих обществ в организации мероприятий и проведении работы среди женского населения, которая не выделялась эффективностью, не получили реализации в жизни меры республиканской целевой программы. Отсутствие самостоятельности, сложности и упущения в решении жизненно важных для женщин проблем оказали серьезное влияние на отход последних от общественной работы.

Поставленной перед женскими обществами важной задаче по расширению возможностей реализации женского потенциала во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в политической, придается второстепенное значение. Это привело к заметному снижению интереса женщин к событиям в общественной жизни республики и к нежеланию в них принимать участия. Тому подтверждением являются проводимые массовые опросы, в том числе среди женщин. Они выявляют у последних наличие довольно интересных тенденций. Так, стремление к власти, желание заниматься общественной работой располагались у опрошенных на 15-м месте, у молодых женщин до 30 лет – на 12-13-м местах. Такое отношение особенно последней категории женского сообщества, как показывают опросные материалы, связано с ориентацией на свое развитие, на желание «пожить для себя» [4]. По их мнению, наличие мешающих карьерному росту женщин причин связано с неуверенностью в собственных силах, невысоким уровнем самооценки и пр. Все это также говорит о прочности общественного воззрения о недоверии в их возможности и способности. Так, в канун Международного женского праздника Всероссийский центр изучения общественного мнения провел в стране массовый опрос по проблеме равенства полов. Заметим, что были выявлены довольно интересные результаты. Большинство участвующих высказали мнение, что у женщин столько же прав и возможностей, как и у мужчин, это 61 %. На вопрос «Могут ли мужчины и женщины быть хорошими руководителями» из опрошенных почти половина, 47 %, ответили положительно и лишь 7 % высказались в пользу женщин [5]. Как видим,

общественные воззрения на способности женщин, на вопрос о гендерном равенстве и равноправии занимают устойчивые позиции. Тому подтверждением является реальная действительность в республике. Так, в вышедшей в местной газете заметке автор, опираясь на официальные источники и статистику, пишет: «8 марта – это день солидарности женщин в борьбе за свои права и эмансипацию, многие верят, что равенство обоих полов давно достигнуто. Но в реальности – на примере Башкирии – виден разительный дисбаланс власти» [6].

Реалии общественной жизни республики при кажущемся ее благополучии показывают другую действительность. Женщины в сфере политики и управления продолжают оставаться в меньшинстве, там удерживают прочные позиции мужчины. В органах представительной и исполнительной власти, местного самоуправления сегодня женщин, занимающих руководящие должности, в республике мало. А ведь они являются одной из крупных социально-демографических групп в структуре населения, определяют в значительной мере трудовой и интеллектуальный потенциал республики. В органах законодательной власти по итогам выборов наглядно отражают место и роль женщин в обществе. На прошедших в сентябре 2023 г. выборах в Курултай – Государственное Собрание Республики Башкортостан в общем числе депутатов доля женщин не превысила 10 % [7]. Конечно, женщины оказались на равных с мужчинами в условиях жесткой конкуренции и предвыборной стихии, непросто было в условиях состязательности, тем более с занимающими в большинстве руководящие посты мужчинами выдержать и сделать политическую карьеру. Ничтожно мало их на руководящих должностях в органах исполнительной власти, местного самоуправления. Совсем недавно им доверили руководство двух районов, которых в республике 54, и одного города из 21. Все эти факты указывают, что власть разного уровня в республике продолжает оставаться в руках мужчин.

Таким образом, устоявшиеся в обществе воззрения на возможности и способности женщин привели не только к их вытеснению из активной политической жизни, но и к отчуждению от участия в разработке и принятии государственных решений, касающихся их самих. Патриархальная политическая культура в обществе и сегодня затрудняет доступ женщинам в политику и сферу государственного управления. Созданные в обществе мифы и стереотипы о природном, естественном предназначении женщины, ее месте и роли в обществе продолжают влиять на государственную политику в женском вопросе, по улучшению их положения в гражданской и политической жизни. Согласимся с мнением исследователей, что в современный период для достижения в России равноправия мужчин и женщин государству, обществу и ученым следует помочь молодым людям в преодолении устоявшихся стереотипов и мифов, предоставить им необходимые условия и возможности для понимания и решения этих проблем [3 с. 5–6]. На их актуальную остроту указывает рассмотрение в данной статье региональной действительности на основе привлеченных источников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. От форума к форуму. Хронология событий. Материалы. ; сост. Г. И. Шенбергер – Уфа : Б.и., 2003. – 15 с.
2. Женское движение в Башкортостане. 1941–2000. Сб. документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. – Уфа : Гилем, 2009. – 304 с.
3. Хасбулатова, О. А. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) / О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова // Женщина в рос. о-ве. – 2022. – № 1. – С. 3–21.
4. Бадриева, З. Уходящая Клара Цеткин, или о чем говорят мужчины // Уфим. ведомости. – 2019. – 7 марта.
5. ВЦИОМ. Итоги опросов // Коммерсант. Уфа. – 2023. – 7 марта.
6. Иванова, К. Женщины во власти // Респ. Башкортостан. – 2023. – 8 марта.
7. Выборы-2023. Предварительные итоги // Респ. Башкортостан. – 2023. – 12 сентября.

WOMAN'S CREATIVE INSPIRATION IN «THE DOLL FACTORY» BY E. MACNEAL

Xiao Jie

Minsk State Linguistic University

Second year of doctoral students

Minsk, Belarus

As modern society develops, woman's life are undergoing a revolution, including their social role, and their self-identity, the perspective in which they see the world. Although in the real world, some challenges still exist when it comes to woman's struggle about better employment, education, basic rights and environment for living, some literary works provide much tough while fictitious circumstance where suppressed and disadvantaged women characters fight to survive and develop in their own way. Some of them offer creative inspiration for modern women to live a successful life.

As is known to us, Jane Austen created some most vivid women characters in the 18th century, who belonged to different classes, with various economic status, social status and different expectations of life. Like Emma in *Emma*, girls in *Pride and Prejudice*, and many other woman characters by Austen, women their tended to change their life mostly by marriage. By marrying someone from upper class with a bigger wealth, a woman can achieve success in life. Even in today's modern world, it is still not scarce. That is only a traditional way of development of women.

In fiction, we can see many other woman role models who exhibit creative potential, and that provides inspiration for modern women to develop in modern society, such examples including Iris Whittle in *The Doll Factory* by Elizabeth Macneal.

The book is set in 1850s London, and it is about a young woman who aspires to be an artist, and about a man whose obsession may destroy her world forever. It was a Sunday Times bestseller, a Radio 2 Book Club pick, a Radio 4 Book at Bedtime and a Waterstones Book of the Month. It is currently being adapted for a major TV series[1].

Elizabeth Macneal is a British writer based in London, known for her bestseller novel *The Doll Factory*, which is an exquisite literary thriller, and an intriguing historical fiction. Macneal is good at telling a heart-gripping story, but also gives clues about how young women get rid of oppression and obstacles in the way of chasing their own dream, gaining freedom and being independent. Her main character Iris Whittle is created as a leading figure of feminist fighter, a inspiring creative role model through the adventure of escaping from her parents imprisoned by secular thoughts that being a model means to become a mistress of the artist, and stopping Iris from having her own career, escaping from Silas, the man who kidnapped her, escaping from the doll factory, where she sees no hope and future.

As a slightly deformed woman with a curved clavicle, Iris was born into a lower class family, working at Mrs. Salter's Doll Factory, painting dolls with his disfigured sister Rose, who used to be a perfectly beautiful but was deformed due to smallpox. Even though having a abnormal clavicle, she suffered from inferiority complex to some extent, but with the story unfolding, she changed into a confident woman with a dream of creating her own career of being an artist, a painter. While as a strong contrast, Iris's twin sister Rose Whittle, who used to have better appearance, was abandoned by her boyfriend, after her face endured disfigurement, and she was mentally damaged and sink into resentment against fate and some unreasonable jealous of her now better-looking sister Iris.

Rose is a typical and normal girl, who mentally breaks down after failure of relationship and disfigurement of the face, which is understandable, considering appearance of a girl is one of the most important factors deciding her future happiness. She allows herself to sink into a depression, to blame all the misfortune on other people, to stay in hopelessness. In general, she is a character worth sympathizing, she displays a nature course of a lower class woman's natural development, which mostly are destined to be unfortunate.

By contrast, Iris also comes from a lower working class, painting dolls, earning thin wages. Basically she was not admired by any men. However, she was more lucky than Rose or most girls from her class, as she was invited by Louis Frost, an artist, to be his model for his painting. With enthusiasm for painting, Iris also yearns for a career of painting and dreaming of lifting her sister out of a bog of misery by helping fund her sister to open a flower shop. The job offer of being a model in 18th century is mostly perceived as a degenerate choice, indicating moral decay, even though Louis promises decent work and pay. So

inevitably this job offer was strongly opposed by Iris's parents. With great pressure, she chooses to be a model, to go after her own ambition, after which the relations between the Iris and her parents almost completely break down.

One of the important traits of Iris lies in her positiveness, which is vital when she encountered difficulties. When she was imprisoned by Silas in the dark basement, without proper food and water, with abhorrent sanitary condition, Iris fought and survived. Her faith and hope for a better future supports her to hold out to the last, because she believes in love and wants to see her lover and family again, instead of dying in the dungeon alone. In the hopeless situation, she still patiently waited and actively struggled, so her positiveness is an inspiration for modern young women to persevere in face of misfortune.

Besides, even though she has a deformed clavicle, which contributes to her plainness, but she was generally kind to her friend Albie, her sister, even to Silas who imprisoned her. Unlike her sister Rose, Iris choose not to indulge in the past painful memories and experience, believing that she deserves love and a promising future. Her kindness, generosity and passion for art adds to her beauty and charm. Despite all her disadvantages, she finds love, which to some extent attributes to her positive mindset.

Iris is also a strong-minded character. She makes choices based on her judgement, especially when she chooses to quit the job in the doll factory and to be a painter's model, she wasn't overcome by her parents' objection and threat of disownment due to concern for damaged reputation of their daughter. Her confidence in herself and her passion encouraged her to eventually become a real artist herself.

The creative inspiration Iris displays is her mentality of being a beginner, her willingness to learn painting from scratch. Without any training in art, she is not ashamed to admit it, and she is not afraid of hard working as a model who has to keep the same pose for a long time. As a reward for her efforts, she manages to paint her own work and wins prizes. Furthermore, Iris has spirit of creating her own career by striving to have a workshop of her own, saving money to raise fund for building a flower shop for her sister. Her idea of creating and owning an independent business is advanced as for a girl living in 18th century. Thus this is inspiring for modern women who want to change their existing status and condition.

In conclusion, Iris is a girl also comes from a disadvantaged family, who has a passion for painting and art, who has the courage to pursue her dream. This character provides us a new angle of seeing potential of women in the development of modern society.

In modern society, women suffer from pressure of balancing family and work, due to traditional concept held by some societies that the role of taking care of housework and raising children is mainly woman's responsibility. There are also women who struggle to gain financial independence, equality of opportunity, rights of education, employment and etc. Probably some women also have to fight against sexism, racism, and other dangers in society. However, some female characters in fiction offer us various materials to conduct women studies from more angles, and the obstacles and oppression they meet in books symbolize some realistic problems modern women are faced with now. Therefore creative inspiration, potential of achieving success and strength can be drawn from those women characters and their stories as encouragement for modern women in their development and struggle.

LIST OF SOURCES USED

1. About Elizabeth Macneal [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://elizabethmacneal.com/about>. – Date of access: 11.10.2023.

УДК 378

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ)

Трошкина И. Н.

заведующий сектором

Хакасского научно-исследовательского институт языка, литературы и истории

кандидат философских наук

г. Абакан, Россия

Гендерный дисбаланс научных кадров в России проявляется в снижении удельного веса женщин, занятых исследованиями, увеличении мужчин [1], что обусловлено приоритетом естественно-научного направления (см. рисунок 1).

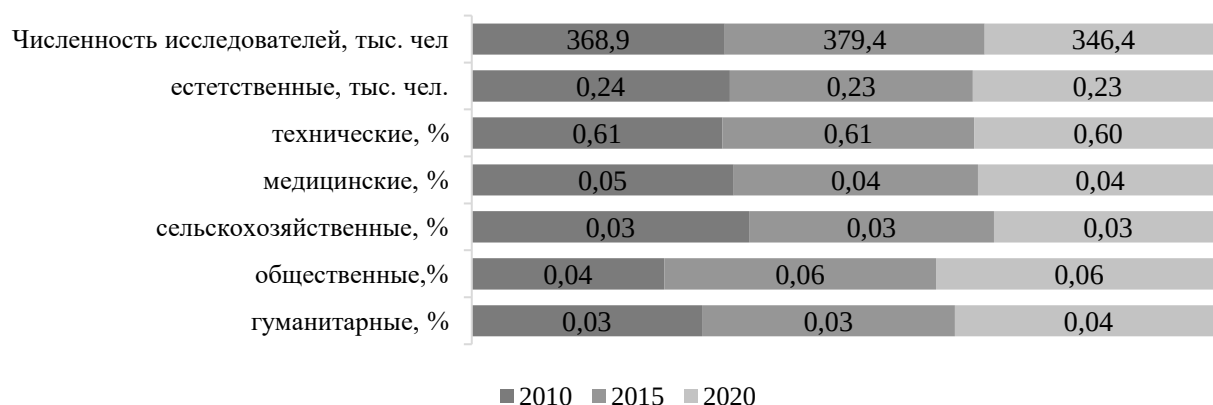

Рисунок 1. Численность ученых в России и их удельный вес по областям науки (2010–2020 гг.) [2]

Сокращение количества женщин в науке (с 1990 г. по современный период) сопровождается их качеством [3, 4] – увеличением удельного веса с ученой степенью кандидата и доктора наук, приростом темпов женщин-ученых последней категории (см. рисунок 2). Данные процессы связаны с появлением условий повышения квалификации исследователей, реализуемыми проектами на уровне РФ, ориентированными на женщин, в т.ч. в научной сфере: «Женская лига» (2017–2022 гг.), «Женщины: школа наставничества» (с 2022 г.), объединяющие женщин-лидеров, представляющих разные сферы деятельности, и студентов. Кроме гендерно направленных проектов значимой является поддержка ведущих научных школ РФ через систему грантов (с 1996 г.), позволяющая раскрыть научно-педагогический потенциал состоявшихся женщин-ученых. Количество ведущих школ с 1996 по 2000 гг. варьируется от 650 до 680 ед., объединяет 3,8 % общего числа научных работников в стране [9, с. 246–247].

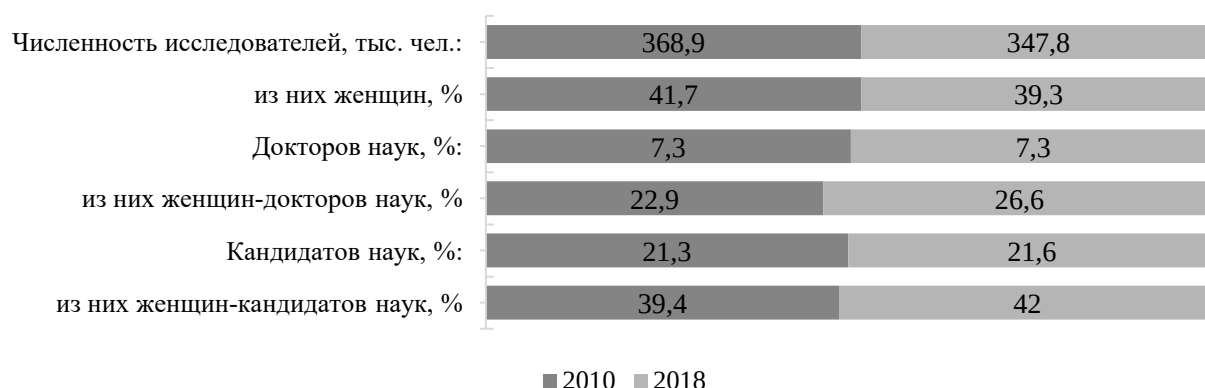

Рисунок 2. Удельный вес исследователей, в т. ч. женского пола по ученым степеням (2010–2018 гг.) [5, с. 51–52]

Несмотря на предпринимаемые меры поддержки в отношении женщин-исследователей, ученые отмечают наличие гендерного неравенства в оплате труда, возможностях карьерного роста [6; 7; 8]. Стоит отметить, что на региональных уровнях данная тема в меньшей степени актуализируется исследователями, что вероятно связано со сложностью нахождения статистического материала, смещением акцента от роли женщины в обществе и науке – на семью. Свидетельством тому являются публикация серии монографий в Республике Хакасия: «Женский мир: традиционные смыслы и новые вызовы» [10], «Женский мир: эволюция ценностей, символов и ритуалов» [11].

Региональная специфика динамики научных кадров разнится в зависимости от совокупности научных, научно-педагогических и иных учреждений, занимающихся наукой, затрат на научные исследования и разработки, включенности в более крупные научные подразделения и проч.

Структура учреждений, занимающихся научной деятельностью в республике Хакасия, наряду с подобными в Южной Сибири, представлена институтами, входящими и не входящими в

состав СО РАН, высшими учебными заведениями, заповедниками. К первой категории относится «Научно-исследовательский институт аграрных проблем Хакасии» (область науки – сельскохозяйственные), ко второй – «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (область науки – общественно-гуманитарные), к третьей – «Хакасский государственный университет им Н. Ф. Катанова» (по всем областям науки) и «Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета» (область науки – естественные, технические), к четвертой – заповедник «Хакасский» (эколого-мониторинговые исследования) [12]. Данные учреждения концентрируют в среднем около 100 исследователей на протяжении последнего десятилетия. Стоит отметить сокращение количества исследователей всех категорий (с ученой и без ученой степени, докторов и кандидатов наук) с 2000 по 2020 гг. на 26 ед., что соответствует в целом общероссийским тенденциям, при этом удельный вес в структуре исследователей с ученой степенью несколько увеличивается, стабильными остаются доли по кандидатам и докторам наук (на уровне РФ их удельный вес снижается) (см. рисунок 3) [2]. Что касается гендерного состава руководителей учреждений в регионе, ведущих научную деятельность, из 6 руководителей данных организаций трое являются женщинами, специализирующимися в различных областях науки.

Среди научных школ Хакасии официально зарегистрированными являются физико-математическая, которую возглавляет Удодов Владимир Николаевич (федеральный уровень), историческая – Тугужекова Валентина Николаевна (межрегиональный уровень).

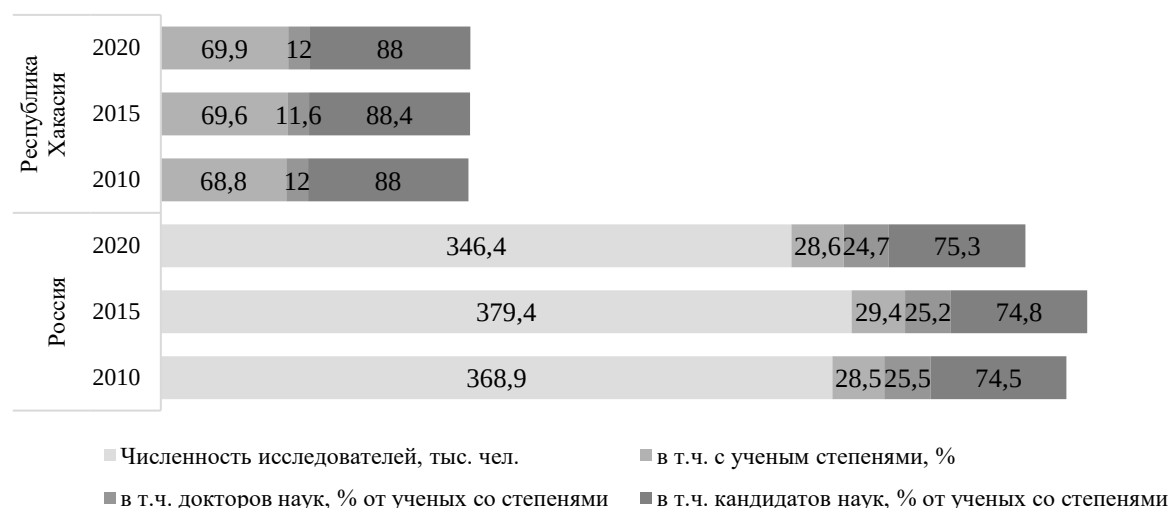

Рисунок 3. Удельный вес исследователей, в т. ч. имеющих ученые степени кандидата и доктора наук в России и Республике Хакасия (2010–2020 гг.) [2]

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) является центром гуманитарных и общественных наук в регионе, проводит исследования по языку, литературе, истории, фольклору, археологии, экономики и социологии, генеалогии, этнопсихологии. С момента создания учреждения (1944 г.) в нем трудились более 100 ученых, из них 48 % женщин-ученых [13]. Состав руководителей учреждения на протяжении продолжительного периода (более 50 лет) был представлен исследователями-мужчинами, с 1998 г. – женщинами, при этом отмечался гендерный баланс среди ученых секретарей (из 20 представителей 9 женского пола). На сегодняшний день удельный вес женщин, занятых исследованиями в ХакНИИЯЛИ, составляет 70,5 % от общей численности ученых учреждения, женщины-руководители научных подразделений – 87,5 % [14]. Моногендерными по составу являются подразделения: литературы, фольклора, этнопсихологии. Преобладающими направлениями исследований среди женщин-ученых являются историческое (коренное население в XIX–нач. XX в., города Енисейской губернии во второй половине XIX – нач. XX в., история Великой Отечественной войны), филологическое (грамматика, лексика, морфология, фонетика, лексикография хакасского языка; эпосоведение, сказковедение; проза, поэзия, драматургия).

Научные школы ХакНИИЯЛИ (зарегистрированные / незарегистрированные): руководитель исторической школы В. Н. Тугужекова (зарегистрированная, под её научным руководством

защитили диссертации на соискание степени кандидатов исторических наук 25 чел., 2 доктора наук; всего научная школа насчитывает более 150 чел., с учетом магистрантов ХГУ им. Н. Ф. Катанова); руководитель литературоведческой школы А. Л. Кошелевой (незарегистрированная, под её руководством защитили кандидатские диссертации 3 чел.; с учетом аспирантов и магистрантов ХГУ им. Н. Ф. Катанова научная школа (2014 г.) насчитывает около 20 человек); руководитель В. А. Карамашева (незарегистрированная, под ее руководством защитили кандидатские диссертации 8 кандидатов наук, с учетом магистрантов ХГУ им. Н. Ф. Катанова научная школа насчитывает около 20 человек).

Таким образом, численность женщин в науке в Республики Хакасия сокращается, что соответствует общероссийским тенденциям, отмечается увеличение их численности на руководящих должностях (директор, заведующий сектором) на уровне научного учреждения в постсоветский период, появление научных школ, возглавляемых женщинами-учеными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доброхлеб, В. Г. Женщины в российской науке как потенциал ее развития / В. Г. Доброхлеб // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 2. – С. 80–89.
2. Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам: по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. – Дата доступа: 10.12.2021.
3. Статистика научных кадров в РФ [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/statistika-nauchnyh-kadrov-v-rf.html>. – Дата доступа: 10.09.2023.
4. Мониторинг научных кадров высшей квалификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/203452022.html>. – Дата доступа: 10.09.2023.
5. Индикаторы науки: 2020 : стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2020. – 337 с.
6. Кельсина, А. С. Женщины в науке: российский и региональный аспекты / А. С. Кельсина // Непрерыв. образование: XXI век. – 2022. – Вып. 1 (37). – С. 2–13.
7. Аллахвердян, А. Г. Динамика развития российской науки: кадровый и гендерный анализ / А. Г. Аллахвердян // Науковед. исслед.. – 2018. – С. 16–25.
8. Женщины в науке: тенденции и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.org/sessions/kmu-2021-zhenshchiny-v-nauke-tendentsii-iperspektivy/translation/>. – Дата доступа: 10.12.2021.
9. Ведущие научные школы: опыт 1996–2008 годов / Д. С. Егере [и др.] // Наука. Инновации. Образование. – 2009. – № 1. – С. 241–264.
10. Анжиганова, Л. В. Женский мир: традиционные смыслы и новые вызовы : моногр / Л. В. Анжиганова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. – 98 с.
11. Анжиганова, Л. В. Женский мир: эволюция ценностей, символов и ритуалов : моногр. / Л. В. Анжиганова. – Абакан : Изд-во Дом литераторов Хакасии, 2017. – 175 с.
12. Наука в Хакасии. – Абакан : Палитра, 2020. – 65 с.
13. Ученые Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (к 75-летию ХакНИИЯЛИ) : биобиблиограф. справ. – Абакан: Журналист, 2019. – 144 с.
14. Сведения отдела кадров ХакНИИЯЛИ на 12.10.2023 г.

УДК 316.45(1–926.8)

СОВРЕМЕННЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРАН ЮГА АФРИКИ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ

Устюгова А. Г.

*доцент кафедры всеобщей и славянской истории ГрГУ им. Я. Купалы
кандидат исторических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь*

Возникновение организованного женского движения в африканских странах связано с подъемом национально-освободительной борьбы против колониализма. Одним из наиболее значительных завоеваний африканских женщин стало их право создавать различные общественные и политические организации, как национальные, так и региональные, межгосударственные, что активно продолжается и сегодня.

В последние десятилетия XX в. поднялась современная волна женского движения, мощным катализатором которой стали многочисленные факторы политико-экономического и социокультурного характера, сложившиеся на континенте. Отмечается значительное изменение идеологического содержания публичных заявлений женских организаций. На рубеже XX–XXI вв. особенно актуальными стали кампании с требованием прав на образование, профессионализм и женское лидерство. Это позволяет признать оформление африканского феминизма.

В начале XXI в. Панафриканские женские организации переживали возрождение, объединяют всех женщин африканского происхождения, независимо от места их рождения или проживания, т.е. по признаку расы. Под влиянием афроцентризма их деятельность и сфера влияния стали трактоваться шире как борьба за освобождение и развитие Африки, защита прав женщин, гендерное равенство и солидарность. В 2000-е годы все сильнее звучали призывы к мирному развитию и борьбе с основными социальными проблемами в странах.

Показателем актуализации женской консолидации является стремление африканок проникнуть в сферу политики, о чем свидетельствует все более заметное место женщин во властных структурах, особенно в государствах Юга. В 2007 г. представители более 50 женских организаций Западной Африки обратились к своим правительствам и международному сообществу с призывом обеспечить их право на участие в политической жизни [1]. Деятельность в Ботсване ассоциации «Эманг Басади» привела к внесению в Конституцию поправки, предоставившей право голоса гражданам Ботсваны, проживающим за пределами страны, во многом способствовала разработке национальной программы борьбы со СПИДом. В 2010-х гг. ЮАР, Мозамбик, Ботсвана и Лесото добились заметного прогресса в осуществлении политики гендерной симметрии [2]. Требования женских организаций уже выходят за рамки формального представительства в местных и национальных парламентах и правительственных учреждениях, предпринимаются усилия по увеличению роли женщин в выработке политического курса и управлении страной. Современные женские организации континента становятся более автономными и диверсифицированными, могут примыкать к политическим партиям или быть аполитичными. Важную роль в совершенствовании деятельности женских объединений играет содействие международных организаций. Структура ООН «ООН-женщины» имеет свыше 20 региональных и страновых представительств на континенте, поддерживающих активность женщин в избирательных кампаниях. Данный процесс нарастает в Кот-д'Ивуаре, Южном Судане и др. [3].

В значительной степени африканские организации сосредоточены на решении вопросов, связанных с нарушением прав женщин и их дискриминацией в социально-экономической сфере. Успешным примером являются социальные движения сенегальских женщин, которые развивались в русле социально-экономических преобразований в стране, отражая потребности народа в сферах образования и сельского хозяйства [4]. Вместе с тем, эта реальная нарастающая тенденция пока мало влияет на улучшение положения женщин.

Заметную роль в поддержке женских объединений играют супруги глав африканских государств. В сфере их внимания – охрана материнского и детского здоровья, профилактика СПИДа среди девушек и женщин, благотворительная деятельность. С 2002 г. создана неправительственная Организация первых леди Африки против СПИДа (Organization of African First Ladies against HIV/AIDS – OAFLA), которая насчитывает 44 члена [5].

Правозащитная деятельность неправительственных женских организаций заметно отличается от их европейской модели. Они больше подчеркивают гендерный аспект прав человека и руководствуются лозунгом «Права человека – права женщин». Эти организации довольно многочисленны, действуют в Сенегале, Нигерии, Кабо-Верде, Танзании и Мозамбике. В то же время защита прав человека, контроль над степенью открытости и эффективностью местного самоуправления – находят слабый отклик с их стороны и воспринимаются как навязывание чуждых ценностей, не соответствующих современным африканским потребностям [6].

Популярность набирает экофеминизм, рассматривающий женщин в качестве ключевой силы при переходе к стабильному миру и в борьбе с западным патриархатом как основным источником разрушения окружающей среды. Крупнейшие государственные и общественные объединения этого типа действуют в Бенине, Камеруне, Габоне и на Мадагаскаре. Неправительственная организация Движение «Зеленый пояс» в Кении стало всеафриканской сетью по посадке деревьев (1986 г.), в 2010 г. здесь был основан Институт мира и экологических исследований [7].

Африканские женские экологические организации активно сотрудничают с крупнейшими международными экофеминистскими центрами (Конгресс женщин в защиту Земли, Женская организация защиты окружающей среды и развития, Альянс женских организаций экологии и развития, Всемирный женский координационный центр и др.).

Интересную форму приобрело женское движение в Кот-д'Ивуаре – самовыражение женщин под девизом быть «округло красивыми» с целью разрушить навязанные стереотипы и защитить местные стандарты женской красоты. Деятельность ассоциации «Rondement belle» имеет и социальный аспект – ее члены выступают за ликвидацию неграмотности среди женского населения, разъясняют важные проблемы здравоохранения, сотрудничая с Министерством по борьбе со СПИДом [8].

Мусульманские женские организации в странах Юга Африки защищают свои права в рамках ислама, его традиций и идеологии. Появилось движение исламских феминисток, развивающееся на основе зафиксированного в Коране полного правового равенства мужчин и женщин в защите чести, имущества и достоинства. Арабские женщины Африки активно борются за участие в общественной и политической жизни, эмансипацию, за свои права в профессиональной, семейной и др. сферах. Мусульманские объединения выполняют широкий спектр социальных функций: организуют курсы по повышению грамотности, домоводству, санитарии и гигиене, оказывают материальную помощь одиноким женщинам, содействуют их трудоустройству. Фонд доноров, Африканское мусульманское агентство, Полумесяц Надежды, Исламская медицинская ассоциация Южной Африки помогают мусульманским женщинам во время конфликтов и стихийных бедствий, политических потрясений. В целом, перед мусульманскими женскими организациями стоят общие для всемирного женского движения задачи: борьба за гендерный паритет, ликвидация нищеты и голода, военных действий, детской смертности, эпидемий и т.д.

Ряд причин по-прежнему влияют на снижение общественной активности мусульманских африканок. Мешают доминирование патриархально-традиционных взглядов, разделяемых и самими женщинами, заметная их ориентация на семейные ценности, сохранение и благополучие семьи, заботу о детях и близких, уверенность в завтрашнем дне и т. п. Лишь единицы демонстрируют приверженность внесемейным ценностям – лидерству, стремлению к руководящей работе, желанию сделать карьеру.

По всему континенту число женщин в общественных организациях и движениях все еще невелико. Причины этого связаны не только с государственно-политической нестабильностью и постоянными вооруженными конфликтами, неразвитостью экономической базы. Важную роль играют особенности исторических и культурных традиций, норм и обычаев регионов континента. Препятствиями являются традиционная изоляция девушек/женщин в семье и особенности национального/этнического менталитета. Кроме того, объединения имеют слабую организационную структуру, сказывается и несогласованность действий между различными правозащитными группами внутри страны, соперничество их лидеров, проблемы их взаимоотношений с властями, правящими кругами, международными НПО.

В целом, несмотря на определенные положительные изменения, на континенте сохраняется гендерное неравенство, изначально низкий социальный статус и социальная роль африканок, дискриминация женщин в доступе к ресурсам жизнеобеспечения, беспрецедентные масштабы домашнего и семейного насилия. Однако женское движение в Африке последовательно активизирует борьбу за ликвидацию всех форм дискриминации женщин не только в рамках семьи, но и в масштабах государства, медленно, болезненно, но преодолевает барьер неравенства между полами. В этой ситуации защита основных прав африканок приобретает для них особую остроту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Садовская, Л. М. Протестные движения женщин на современном этапе развития стран Африки / Л. М. Садовская // Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера : коллектив. монограф. – М., 2020. – С. 161–170.
2. Прокопенко, Л. Я. Женщины и власть (на примере стран Юга Африки) / Л. Я. Прокопенко : отв. ред. Н. А. Ксенофонтова. – М. : Ин-т Африки РАН, 2018. – 206 с.
3. Гришина, Н. В. Женщины стран Тропической Африки в борьбе за политические права / В кн. : Африканские традиции и современность: проблемы истории, культуры и гендера. – М., 2020. – С. 171–180.
4. Самаке, А. Права женщин в Африке / А. Самаке, А. М. Солнцев // Африка и международное право. Сер. «Библиотека кафедры международного права». – М., 2020. – С. 215–232.

5. Гришина, Н. В. Женщины Азии и Африки в международной политической жизни. 2015–2019 / Н. В. Гришина, Н. А. Ксенофонтова // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 54–57.
6. Дейч, Т. Л. Женщины Африки реализуют свой потенциал / Т. Л. Дейч // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 12. – С. 91–92.
7. Громова, О. Б. Женские правозащитные организации в Африке / Женские организации как форма политического и социокультурного самовыражения. Африканский опыт. Сер. «Гендерные исследования». – М., 2017. – С. 132–143.
8. Майстат, М. А. Механизмы расширения участия женщин в политике в странах Восточной Африки / М. А. Майстат, Д. Гитау мванги // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 5 (81). – С. 1581–1597.
9. Ванграуа садиа, Р. С. Женские движения в Африке и их отношения с властью в Нигерии, Кот-д'Ивуаре и Буркина-Фасо / Р. С. Ванграуа садиа, С. Оби // Вопр. нац. и федератив. отношений. – 2022. – Т. 12. – № 1 (82). – С. 213–226.

УДК 330.567.28:316.663-055.2

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В УПРАВЛЕНИИ ФИНАНСАМИ В БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬЕ

Филинская Л. В.

*доцент кафедры социологии БГУ
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь*

Независимость современной белорусской женщины проявляется во всех сферах жизнедеятельности: в выборе учебного заведения, профессиональной деятельности, организации свободного времени, выборе брачного партнера, возраста вступления в брак и рождения ребенка, количества детей. Женщина стремится реализовать свои способности и возможности, иметь не только авторитет в семье, но и достичь высокого статуса в обществе. В Республике Беларусь на 1 января 2023 г. проживало 4 950 295 женщин, что составляет 53,8 % от общей численности населения. В городах и поселках городского типа проживало 79,1 % женщин, в сельских населенных пунктах – 20,9 % [1]. Уровень занятости женщин в трудоспособном возрасте составляет 84,5 %.

В настоящее время модель семьи с двумя работающими партнерами – реальность белорусского общества. Вопросы распределения финансов в домохозяйстве обычно изучают экономисты и социологи. Ряд теорий являются гендерно-нейтральными. В рамках ресурсного подхода (до 1960-х годов) власть и доминантная роль в принятии финансовых решений закреплялась за тем супругом, кто больше приносил денег в семью. Автор теории рационального выбора Г. Беккер также не акцентировал внимание на гендерных ролях, а указывал, что разделение ролей должно основываться на принципе максимизации полезности в домохозяйстве.

Вместе с тем, властные отношения в браке не могут зависеть лишь от экономических показателей. Важное значение имеют гендерные роли, связанные с фемининностью и маскулинностью. Д. Х. Ибрагимова отмечает, что, создавая семью, женщины и мужчины привносят в семейные отношения свои социокультурные ценности, которые выражаются в том числе во взглядах на распределение ролей и власти, управление финансами с позиции гендера [2, с. 125].

Важно также учитывать культурно-исторические факторы: мужчина в белорусской семье долгое время считался/продолжает считаться кормильцем, основным добытчиком материальных благ.

В. Зелизер, предлагая теорию социальной множественности денег, утверждает, что не существует универсальных, общих денег. Денежные средства различаются в зависимости от ситуации, источника, социальных отношений, в которых они участвуют, и от смысла, которым их наделяет индивид [3].

Для анализа особенностей управления финансами в современной белорусской семье будем использовать типологию британских социологов Ж. Пал и К. Воглер. Эмпирическая база – результаты первой волны социологического исследования «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях», проведенного в 2017 году. Концептуальной и методологической основой исследования

стала международная исследовательская программа «Поколения и гендер», реализуемая с 2001 года.¹

В работе «Деньги и брак» Ж. Пал предложила следующую классификацию типов управления семейными финансами [цит. по 4, с. 114]:

- Система полного женского или мужского управления: жена/муж единолично управляет финансами и принимает решение по всем финансовым вопросам;
- Система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства: муж/жена выделяет фиксированную сумму на расходы по ведению домашнего хозяйства, передает ее жене/мужу, а остаток по своему усмотрению тратит на прочие расходы;
- Система независимого управления: оба супруга независимо распоряжаются доходами;
- Система общего пула: супруги наравне распоряжаются финансами, в равной степени принимают решения по финансовым вопросам.

В инструментарий для проведения социологического опроса был включен вопрос «Как Вы и Ваш партнер(-ша)/супруг(-а) организуете доход хозяйства?». На данный вопрос отвечали только те респонденты, которые проживают в домохозяйстве со своим партнером. Как свидетельствуют результаты исследования, наименее популярной в белорусской семье является система независимого управления: только 3,8 % мужчин и 5,2 % женщин заявили, что каждый распоряжается своими деньгами.

Система полного (женского или мужского) управления также мало распространена у белорусов. Женский пул – 15,1 % женщин указали, что распоряжаются всеми деньгами и выдают партнеру/супругу столько, сколько ему нужно. Это подтвердили респонденты-мужчины – 11,5 % из них отметили, что его партнерша/супруга распоряжается всеми деньгами. Мужской пул встречается еще реже – только 7,0 % мужчин заявили, что распоряжаются всеми деньгами, и 5,3 % женщин отметили единоначалие партнера/мужа.

Система фиксированного бюджета практикуется примерно в каждой 7-8 семье: 14,4 % мужчин и 12,8 % женщин подчеркнули, что часть денег у них для общего пользования, а частью они распоряжаемся отдельно.

Определяющим способом распределения финансов и власти в домохозяйствах Беларуси является система общего пула: 62,6 % мужчин и 61,0 % женщин выбрали вариант ответа «у нас общие деньги, и каждый берет столько, сколько нужно».

Похожие результаты получены Д. Х. Ибрагимовой в 2012 г. при опросе населения Российской Федерации [5]. Автор подчеркивает, что на тип управления финансами влияет уровень среднедушевого дохода, семейный стаж пары, образование жены, наличие того же типа управления финансами в семье родителей.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что система женского управления финансами пользуется в белорусских семьях популярностью, хотя и не является доминирующей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Численность населения на 1 января 2023 г. по областям и г. Минску [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl. – Дата доступа: 10.08.2023.
2. Ибрагимова, Д. Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы / Д. Х. Ибрагимова // Экономическая социология. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 116–127.
3. Зелизер, В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / В. Зелизер. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2004. – 283 с.
4. Загоруйко, Т. А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? / Т. А. Загоруйко // Эконом. социология. – 2017. – Том 18, № 5. – С. 111–138.
5. Ибрагимова, Д. Х. Кто управляет деньгами в российских семьях / Д. Х. Ибрагимова // Эконом. социология. – 2012. – Т. 13, №3. – С. 22–56.

¹ Опрос проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Объем выборочной совокупности составил 9996 человек в возрасте от 18 до 79 лет, в том числе 5 338 женщин (53,4 %).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Чжань Бовэнь

*аспирант кафедры социальной коммуникации БГУ
г. Минск, Беларусь*

Высшее образование китайских женщин началось в 1905 году, когда в Пекине был основан Женский университет Северо-Китайского союза. Однако, хотя китайское высшее образование открыло свои двери для женщин в начале 20 века, в последующие десятилетия ситуация изменилась. Из-за политических потрясений и влияния традиций развитие женского высшего образования замедлилось и почти сошло на нет. Например, в 1920 году в Пекинский университет поступили всего 3 студентки! [1]. К 1931 г. во всех видах высших учебных заведений Китая было 44 130 студентов, но только 5 180 студенток, что составляло 12,3 % от общего количества учащихся. На 100 000 человек населения приходилась одна студентка колледжа [2]. К 1947 году общее количество студентов в различных колледжах и университетах выросло до 155 000 человек, из них 22 000 женщин, что составляло 17,8 % от общего числа студентов [3].

В начале 1960-х годов доля женщин в высших учебных заведениях снизилась, но во время Культурной революции в Китае, в связи с особым политическим и историческим фоном того времени, доля женщин, поступивших в высшие учебные заведения, резко выросла и достигла рекордного уровня: в 1975 г. женщины составляли 32,6 % от общего числа студентов.

В конце 1990-х гг., после восстановления системы конкурсного приема студентов в вузы, доля женщин среди студентов снова значительно сократилось. Но в середине 1980-х годов в Китае прошла реформа высшего образования. Предпринятые государством меры способствовали изменению представлений людей о ценности высшего образования и стимулировали стремление женщин поступать в высшие учебные заведения.

Рассмотрим современное состояние высшего образования для женщин и проблемы его развития. В результате проведения «политики открытых дверей» в Китае женское высшее образование достигло беспрецедентного развития. Но в целом все еще существует определенный разрыв между женщинами и мужчинами в получении высшего образования. Причины можно проследить по следующим пяти факторам.

1. Физиологический и психологический факторы. Женщины фертильны и не могут нормально работать во время беременности, вынашивания ребенка и грудного вскармливания. Женщина много времени и сил посвящает проблемам семейной жизни, что создает препятствия к получению высшего образования и реализации деловой карьеры [4].

2. Разница в экономическом и культурном развитии между городом и деревней создает неравные условия для поступления в вузы женщин из сельских районов.

3. Высшее образование в Китае является платным, поэтому не все родители могут обеспечить его всем детям в семье. Из-за распространенности стереотипа о «преимуществе мальчиков перед девочками», семья может выбрать только одного ребенка для получения высшего образования, и зачастую это мальчик (а не девочка).

4. Традиционное гендерное разделение труда и гендерные стереотипы влияют на выбор женщинами специальности при получении высшего образования. Большинство женщин предпочитают выбирать профессии, связанные с преподаванием литературы и языка, бухгалтерским учетом, здравоохранением, и пр.

5. Узкий круг возможностей профессионального выбора, а также более низкий политический статус женщин, чем мужчин, препятствует полной самореализации женщин на рабочем месте.

Таким образом, для минимизации проблем развития женского высшего образования в Китайской Народной Республике целесообразны следующие предложения и перспективы. В целях содействия развитию женского высшего образования необходимо энергично развивать национальную экономику, снизить стоимость высшего образования и уменьшить бремя семей по оплате высшего образования.

В обществе должно быть улучшено положение женщин в целом, политические права женщин в современном китайском обществе должны быть расширены.

Необходимо энергично популяризировать высшее образование, повышать осведомленность женщин о получении высшего образования и повышать качество самих женщин.

Экономическое развитие и социальный прогресс способствовали развитию женского высшего образования. Точно так же развитие женского высшего образования также сыграло свою роль в содействии экономическому развитию и социальному прогрессу. Хотя Китай добился замечательных успехов в развитии женского высшего образования за последние 100 лет, осталось еще много проблем, предстоит еще долгий путь в будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 马万华, 陈定芳, 巨大的进步, 严峻的挑战--中国妇女高等教育世纪之交的回顾[J]清华大学教育研究, 1998, (4) Ма Ваньхуа, Чен Динфан, Большой прогресс, серьезные проблемы – обзор высшего образования китайских женщин на рубеже веков [J] Образовательные исследования Университета Цинхуа, 1998, (4)
2. 茅仲英, 俞庆棠教育论著选[M].北京,人民教育出版社[J] Мао Чжуньин, Избранные труды Юй Цинтана по вопросам образования [M], Пекин, издательство People's Education Press [J].
3. 赵叶珠, 建国后我国女性接受高等教育研究[J] 高等师范教育研究. Чжао Ечжу, Исследование женского высшего образования в Китае после основания Народной Республики моей страны [J] Исследование высшего педагогического образования.
4. 张明芸, 蔡志敏.中国女性参与高等教育的现状制约因素与发展趋势[J].中国高教研究 2000 年第 1 期 Чжан Минюнь, Цай Чжиминь Текущие ограничивающие факторы и тенденции развития участия китайских женщин в высшем образовании [J]. Китайское исследование высшего образования. Вып. 1, 2000 г.

УДК 94 (410)

КОНЦЕПТ «СИТУАТИВНЫХ ЗНАНИЙ» В ИЗУЧЕНИИ ЖЕНСКОГО «БОТАНИЗИРОВАНИЯ» В АНГЛИИ XVIII В.

Шипицына Ю. С.

*ассистент кафедры зарубежного регионоведения
Уральского федерального университета
г. Екатеринбург, Россия*

Женщины-ученые, получившие признание своих современников, сегодня являются героинями множества исследований, объединенных под крылом women' studies. Менее удачливо складывается историографическая судьба сюжетов о женщинах, которые традиционно упоминаются лишь как помощницы и ассистентки ученых. В таком статусе зачастую оказываются женщины-члены семьи: супруги, сестры, дочери. Спутницы и домочадцы ученых мужей воспринимаются как персонажи «второго плана», описываются биографами крайне функционально и редко удостоиваются самостоятельных исследований. Между тем, внимание к таким женщинам, скромно существовавшим в тени своих отцов, братьев и мужей, способно не только обогатить women' studies, но и взглянуть на историю научного знания иным, отличным от привычного способа. Задаче переключения исследовательской оптики призван послужить концепт «ситуативных знаний», предложенный Донной Харауэй еще в 1988 г.

Почетный профессор Калифорнийского университета, экофеминистка и Харауэй известна в России как основоположница киберфеминизма. Ее работы равным образом вызывают к прошлому, и ориентированы на будущее. Харауэй – радикальный теоретик и плодотворный практик – творец оригинальных нарративных стратегий, за которым российский читатель едва-едва успевает угнаться. Так и статья «Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимущество частичной перспективы» появилась в переводе на русский язык только в 2022 г., в первом номере «Логоса» [1]. Основные идеи этого подхода: акцент на проблеме телесного развоплощения зрения как способа дистанцирования познающего субъекта от объекта познания и навязывания некой трансцендентной, условной, редуцированной объективности; как ключ к решению выявленной проблемы – позиционирование видения через вскрытие условий его осуществления и признания за наблюдающим субъектом укорененной в его теле ответственности.

Таким образом, «ситуативные знания» – это призыв обратить внимание на историческую контингентность практик видения и описывающих результаты наблюдения нарративных практик. На примере изучения женского опыта ботанизирования в Англии в XVIII в. можно сказать, что «ситуативные знания» – настоящая методологическая находка *women's studies* для истории науки.

Исследования в области этноботаники, раскрывающие социальную природу взаимоотношений человечества с растительной природой, показывают, что роль женщин в накоплении знаний о кулинарных и медицинских свойствах дикорастущих растений и одомашненных культур, несравнима с участием в этих процессах мужчин [2]. Вклад женщин в ботанику на протяжении XVIII и XIX вв. был существенным, но оставался невидимым [3]. Женщины не имели доступа к институциональным структурам и полноценной коммуникации с другими натуралистами [4], зачастую постигали ботаническую науку в собственных *breakfast rooms* [5], и к тому же испытывали давление со стороны общества, скованного предрассудками о постыдных влечениях женщин, изучающих линеевскую половую систему классификации растений и использующих ее в своих ботанических практиках [6]. В конце концов, женщины имели множество других забот, опосредующих их познание растений. Воспитание детей, забота о доме, организация приемов и многие другие, традиционно для Англии закрепленные за женщинами обязанности, определяли специфику их опыта ботанизирования.

Принято было считать, что мужчина является для женщины необходимым проводником на пути познания. Это убеждение хорошо иллюстрируют изобразительные источники, на которых мужчина демонстрирует женщине химический опыт или держит телескоп, выступая связующим звеном между наукой и женщиной [7]. Именно взгляд мужчины – отстраненный, всеохватный, властный – становится условием объективного наблюдения. Но примеры леди Энн Монсон [8], Сар Софии Бэнкс [9] и леди Доротеи Бэнкс [10], Присциллы Уэйкфилд [11], Шарлотты и Элизабет Найт [12] и многих других женщин, «любительниц» ботаники, говорят о том, что женщины могут быть самостоятельными, инициативными и влиятельными субъектами познания, оставаясь вне доступа к институциональным структурам. Так что если взгляд женщины, сортирующей гербарий для коллекции своего брата, создающей иллюстрации для мужа, разрешающей переводческие трудности для друга семьи, охраняющей интеллектуальное наследие и создающей биографию своего отца, взгляд, укорененный в ином повседневном опыте и принадлежащий другой субъектности – невидимый, игнорируемый взгляд привнес нечто такое, что осталось неосмысленным, нередуцированным, непереуверенным? Что если «вспомогательные» практики женщин на самом деле выступали «проводниками» знания для мужчин?

Исследование женских судеб в истории науки, включение полноценного описания роли супруг, сестер, дочерей, а порой и любовниц, и просто приятельниц, в интеллектуальные биографии ученых мужей не просто корректнее с точки зрения исторической реконструкции. История знает немало примеров, когда женский взгляд подавлялся, признавался ошибочным, оставался молчаливым. Известны примеры, когда женщины выступали в роли агентов распространения мужского взгляда, адаптируя его, приспособливая для той аудитории, которой располагали. Но и в этих случаях интересно проследить степень такой адаптации.

Вероятно, мы можем говорить о подвижном балансе взаимодействия между мужчинами и женщинами в науке. Важнейшие факторы, нарушающие равновесие между оценкой мужского и женского наследия в истории ботаники – зависимость от сферы реализации усилий (публичное или частное пространство) и натурализация пола и гендера в линеевской систематике.

«Ситуативные знания» в области пересечения истории науки и *women's study's* свидетельствуют о необходимости новой нарративной стратегии и открывают перед исследователями неожиданные возможности для восприятия уже известных обстоятельств и фактов. Включение женского опыта в историко-научные повествования меняет представление о науке.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Харауэй, Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимущество частичной перспективы / Д. Харауэй // Логос № 1, 146. Феминистские исследования : пер. с англ. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. – С. 237–271.
2. Howard-Borjas, P. Women in the plant world: the significance of women and gender bias for botany and for biodiversity conservation / P. Howard-Borjas. – Wageningen : Wageningen Univ., 2001. – 31 p.
3. Shteir, A. B. Botany in the Breakfast Room: Women and Early Nineteenth-Century British Plant Study / A. B. Shteir // Uneasy Careers and Intimate Lives: Women in Science, 1789-1979 / ed.: P. G. Abir-Ama, D. Outram. – Rutgers Univ. Press, 1989. – P. 31–43.
4. Creese M. S. Ladies in the Laboratories III / M. S. Creese, T. M. Creese. – Lanham ; Toronto ; Plimouth : The Scarecrow press, 2010.
5. Shteir, A. B. Cultivating women, cultivating science: Flora's daughters and botany in England, 1760–1860 / A. B. Shteir. – Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1996. – 301 p.
6. George, S. Botany, Sexuality and Woman's Writing. 1760–1830 / S. George. – Manchester, 2007. – 261 p.
7. Heat, E. "Give with One Hand and Take with the Other": British Diplomatic Gifts to Russia, 1795–1797 / E. Heat // Courty gifts and cultural diplomacy. Art, material culture and British-Russian relations / ed.: L. Hardiman. – Paderborn : Brill : Shonigh, 2023. – P. 97–134.
8. Monsoniana, E. Lady Ann Monson's Heath / E. Monsoniana // Curtis's Botanical Mag. – 1816. – Vol. 44, P. 1915.
9. Leis, A. S. Sarah Sophia Banks: Femininity, Sociability and the Practice of Collecting in Late Georgian England : PhD theses / A. S. Leis. – 2013. – Vol. I. – 308 p.
10. Newport, E. The Fictility of Porcelain: Making and Shaping Meaning in Lady Dorothea Banks's "Diary Book" / E. Newport // Eighteenth-Century Fiction. – 2018. – Vol. 31, № 1. – P. 117 – 142.
11. George, S. Introduction. Botanising Women: Transmission, Translation and European Exchange / S. George, A. R. Martyn // J. of Literature and Science. – 2011. – Vol. 4, № 1. – P. 1–11.
12. Britten, J. Thomas Andrew Knight (1759–1838) / J. Britten // The J. of Botany. – 1931. – Vol. LXIX. – P. 77.

УДК 316.74+316.658.2

ВОБРАЗ ЖАНЧЫНЫ-НАВУКОЎЦА Ў СЕЦІЎНЫХ ВЫДААННЯХ

Шухно Я. В.

*навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі
г. Мінск, Беларусь*

Сродкі масавай інфармацыі характарызуюцца значнай роляй у фарміраванні грамадскай думкі сучаснага сацыуму, стварэнні іміджу таго ці іншага віду дзейнасці і адпаведнай прафесіі. Трансляцыя пазітыўных устаноў, уяўленняў, стэрэатыпаў, рэальных мадэляў можа спрыяць павышэнню прэстыжу прафесіі вучонага ў грамадстве і выступаць у якасці каталізатара рэкрутацыі і замацавання навуковых кадраў. Трансляцыя негатыўных уяўленняў аб прафесіі навукоўца можа зніжаць прыцягальнасць навуковай дзейнасці, стрымліваць выбар навукі як галіны прафесійнага развіцця, адмоўна ўплываць на працоўную матывацыю навуковых работнікаў. Падобная роля рэпрэзентацыі вобраза вучонага дазваляе разглядаць яе як фактар павышэння прэстыжу прафесіі вучонага, прыцягнення і замацавання навуковых кадраў.

Вывучэнне ролі сродкаў масавай інфармацыі ў фарміраванні вобраза вучонага прадугледжвае аналіз медыяспажывання і вызначэнне іерархіі запатрабаванасці відаў і канкрэтных СМІ ў нацыянальнай медыяпрасторы. Паводле вынікаў сацыялагічнага маніторынгу, праведзенага Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі ў снежні 2021 г. метадам анкетнага апытання (выбарачная сукупнасць – 1516 рэспандэнтаў, $\Delta \pm 2,52\%$, $\alpha = 0,05$), іерархія крыніц інфармацыі жыхароў Беларусі наступная: інтэрнэт (70,3 %), тэлебачанне (62,0 %), міжасобасныя зносіны (44,3 %), радыё (20,2 %), друкаваныя выданні (19,4 %), афіцыйнае інфармаванне на месцы працы (9,0 %) [1, с. 316]. Такім чынам, актуалізуецца неабходнасць вывучэння рэпрэзентацыі вобраза вучонага у інтэрнэт-СМІ як найбольш запатрабаваным відзе сродкаў масавай інфармацыі і найбольш перспектыўным з праксеалагічнага гледзішча.

Кантэнтнае даследаванне дазваляе разглядаць пытанне функцыянальнасці і дысфункцыянальнасці вобраза навукоўца, які канструюецца сродкамі масавай інфармацыі, з

пункту гледжання яго ўплыву на павышэнне прэстыжу навукі і прафесіі вучонага ў беларускім грамадстве.

Эмпірычнай базай сацыялагічнага даследавання паслужылі матэрыялы інтэрнэт-парталаў, зарэгістраваных у дзяржаўным рэестры сеткавых выданняў, – «Onliner.by» і «СБ. Беларусь сегодня» за перыяд з 01.01.2021 па 31.12.2021.

Матэрыялы (артыкулы) падчас аналітычнага этапу даследавання былі згрупаваныя ў тры катэгорыі ў залежнасці ад узроўня рэпрэзентацыі вобраза навукоўца: 1) артыкулы, прысвечаныя асобным вучоным (радзей некалькім прадстаўнікам даследчага калектыву), якія ўяўляюць сабой наратыў у выглядзе інтэрв'ю ці аповеду аб іх жыццядзейнасці; 2) каментары прадстаўнікоў навукавай супольнасці па актуальных пытаннях сучаснай грамадска-палітычнай, эканамічнай сітуацыі; 3) згадкі пра навукоўцаў / іх дзейнасць. Менавіта матэрыялы першага тыпу рэпрэзентуюць комплексны вобраз вучонага, уключаючы падрабязныя суб'ектныя, фізічныя, асобныя, прафесійныя, тапаграфічныя, працэсуальныя і ацэначныя характарыстыкі.

У перыядзе, што разглядаецца, на партале сеткавага выдання Onliner.by выяўлена 30 артыкулаў, у якіх рэпрэзентуюцца навукоўцы і/ці навуковая дзейнасць і якія адносяцца да першай катэгорыі. Вучоным (асобам, якія займаліся на працягу пэўнага перыяду свайго жыцця навукавай дзейнасцю) прысвечаны 7 публікацый (матэрыялы першай катэгорыі), прадстаўлены таксама 16 артыкулаў-каментароў, 7 артыкулаў, якія змяшчаюць згадкі, спасылкі на вучоных.

Гендарнае размеркаванне публікацый першай катэгорыі на партале Onliner.by наступнае: 6 мужчын і 1 жанчына. Матэрыял, прысвечаны жанчыне-навукоўцу, уяўляе сабой біяграфічны наратыў з трыма фотаздымкамі, што лакалізуецца ў аўдыторыі як працоўнай прасторы. Пры гэтым указваецца ўзрост на момант публікацыі (69 год), месца нараджэння, нацыянальнасць, пасада (віцэ-прэзідэнт), месца працы (ІВМ), узнагароды, сямейнае становішча, шлях у навуку, прафесійная кар'ера, краіна (ЗША).

У той жа час на партале сеткавага выдання «СБ. Беларусь сегодня» выяўлена 148 матэрыялаў, прысвечаных вучоным і/ці навукавай дзейнасці, у тым ліку 45 персаніфікаваных матэрыялаў першай групы, 75 артыкулаў-каментароў, 26 артыкулаў трэцяй катэгорыі. Варта адзначыць, што інтэрнэт-сайт «СБ. Беларусь сегодня» таксама ўключае матэрыялы такіх выданняў, як «Рэспубліка», «Народная газета», «Сельская газета», «Знамя юности», «Союз. Беларусь-Россия».

Сярод навукоўцаў, прадстаўленых у публікацыях «СБ. Беларусь сегодня» 41 мужчына і 8 жанчын. Амаль дзве трэці публікацый уяўляюць сабой інтэрв'ю. У сярэднім кожны матэрыял суправаджаецца адным фотаздымкам суб'екта наратыву, які найчасцей вызначаецца як «вучоны». Кожная публікацыя ўтрымлівае звесткі аб пасадзе (пераважна кіраўнік структурнага падраздзялення і старшы выкладчык). Больш за палову публікацый змяшчаюць інфармацыю пра вучоную ступень жанчыны-навукоўца (кандыдат навук). Палова артыкулаў дазваляе лакалізаваць суб'ект наратыву, як правіла, гэта лабараторыя. Месца нараджэння адзначана менш, чым у палавіне публікацый. Ва ўсіх матэрыялах ідэнтыфікуецца месца працы, перадусім гэта НАН Беларусі (кожная трэцяя) і універсітэты. Структурнае падраздзяленне пададзена ў кожнай другой публікацыі. У палове матэрыялаў адзначаны шлях у навуку і прафесійная кар'ера. Усе суб'екты наратыву з'яўляюцца прадстаўнікамі беларускай навукавай супольнасці. Узнагароды адзначаны толькі ў адзіным выпадку. Сям'я асвятляецца ў кожным чацвёртым матэрыяле. Інфармацыя аб маладых вучоных падаецца толькі ў адным артыкуле. Узрост адзначаецца ў кожнай чацвёртай публікацыі. Больш за палову артыкулаў змяшчае характарыстыку-апісанне вучонага, часцей за ўсё гэта ўказанне на ўзрост гераіні публікацыі. Толькі кожны чацвёрты матэрыял змяшчае даныя пра пазапрацоўную, рэкрэацыйную актыўнасць (у прыватнасці – захапленне) навукоўца. Сярод навуковых дысплін адзначаюцца медыцына, хімія, генетыка, біялогія, эканоміка, псіхалогія.

Варта адзначыць, што ў артыкулах першай і другой катэгорыі дамінуюць мужчыны-навукоўцы (84 % і 85 % адпаведна), сярод матэрыялаў трэцяй групы доля жанчын складае трэцюю частку. Адпаведна дамінуючы вобраз навукоўца, які адлюстроўваецца ў айчынных сеціўных выданнях (на падставе сінтэзу атрыбутыўнай, прафесійнай, тапаграфічнай і працэсуальнай характарыстык), – гэта беларускі вучоны-мужчына, які мае вучоную ступень і вучонае званне, займае адміністрацыйную пасаду дырэктара або рэктара, іх намесніка, ва ўзросце 40–50 гадоў, прадстаўнік дакладных, тэхнічных навук, рэпрэзентаваны ў сваёй працоўнай прасторы. Ацэначная характарыстыка як інтэгральная вонкавая ў адносінах да іншых параметраў з'яўляецца пераважна (імпліцытна) станоўчай.

Такім чынам, праведзены аналіз дазволіў эксплікаваць узроставыя, статусныя і службовыя дамінанты рэпрэзентацыі вобраза жанчыны-навукоўца ў айчынных сеткавых сродках масавай інфармацыі, адрозненні пры яго канструяванні ў дзяржаўных і недзяржаўных СМІ. На аснове праведзенага аналізу можна зрабіць наступныя высновы. Па-першае, неабходна правядзенне кампаратыўнага аналізу рэпрэзентацыі вобраза жанчын і мужчын-навукоўцаў у сеціўных выданнях рэспублікі. Па-другое, актуалізуецца мэтазгоднасць далейшых сацыялагічных даследаванняў рэпрэзентацыі вобраза вучонага ў сродках масавай інфармацыі Беларусі як у сеткавых выданнях, так і сярод іншых сегментаў айчынных медыя, перш за ўсё на тэлебачанні як другім паводле выкарыстання СМІ. Па-трэцяе, перспектыўным з’яўляецца аналіз вобраза вучонага, які ствараецца і трансліуецца «новымі медыя» праз іх запатрабаванасць і актыўную ўключанасць у камунікацыйныя практыкі перш за ўсё патэнцыйных навуковых кадраў – маладых людзей старэйшага школьнага ўзросту і студэнтаў. Па-чацвёртае, даныя праведзенага кантэнтнага даследавання пацвярджаюць мэтазгоднасць рэпрэзентацыі паспяховых ралёвых мадэляў у навуцы дзеля прыцягнення новых генерацый вучоных і папулярызаванні прафесіі навукоўца. Па-пятаяе, актуальнай задачай адлюстравання вобраза вучонага з’яўляецца ягоная плуралізацыя з улікам рэальнай прадстаўленасці ў айчынай навуцы розных дэмаграфічных, прафесійных і галіновых груп. Па-шостае, гендарная асіметрыя ў адлюстраванні вобраза навукоўца актуалізуе прыцягненне ў якасці экспертаў большай колькасці навукоўцаў жаночага полу для фарміравання адпаведнай паспяховай ралёвай мадэлі, што будзе спрыяць выбару дзяўчынамі і жанчынамі навукі як сферы прафесійнай самарэалізацыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Шухно, Е. В. Медиапотребление как фактор выбора средств массовой информации при изучении и формировании образа ученого / Е. В. Шухно // Молодежь в науке – 2022 : XIX междунар. науч. конф. молодых ученых, Минск, 25–28 окт. 2022 г. : тез. докл. / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 315–317.

УДК 316.44

КАНАЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ДЛЯ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Юшкіна Н. А.

*аналитик Российского Государственного Гуманитарного Университета
г. Москва, Россия*

Система государственного управления переходит на цифровизацию процессов, что требует внедрения новых технологий и приводит к кардинальному изменению подходов к организации работы, а также накладывает повышенные требования на людей, которые будут осуществлять политическую стратегию государства.

Качество государственных служащих зависит не только от персональных способностей индивидов, но и от всей системы вертикальной мобильности, от созданных каналов социального роста, которые могут обеспечить устойчивое развитие нашей страны. Задачей социальных каналов мобильности является отбор тех способностей и знаний, которые необходимы для выполнения стоящих перед государством задач. П. Сорокин выделял основные социальные лифты, каждый из которых имеет систему социального «сита», для отбора индивидов в верхние страты общества по конкретным критериям и эта система влияет на состояние общества [1, с. 194]. Государство создает систему рекрутации кадров и инкорпорации их в политический истеблишмент, но одинаково ли действуют социальные «сита» в гендерном аспекте?

Вопросы, связанные с гендерным распределением внутри российской политики, играют важную роль в изучении российской политической системы в целом. В российском обществе женщины составляют большинство, однако их доля в парламенте России на 2023 год составляет 19,6 %, что говорит о сохраняющемся гендерном дисбалансе [2, с. 443]. В целом проблематика политического гендерного неравенства хорошо изучена и находит отражение в научных публикациях Айвазовой, Хасбулатовой, Смирновой и др. исследователей [3, 4]. В данной работе фокус гендерной проблематики будет сосредоточен на разнице в социальной мобильности

мужчин и женщин, а также эффективности основных каналов рекрутации в систему государственного управления для женщин.

Трендом современного развития российской политической системы стало преодоление гендерного дисбаланса и увеличения доли женщин, к такому выводу пришли авторы исследования «второго эшелона» федеральной исполнительной власти российской политической системы [5]. Женщин в политике становится не только больше, но и сфера их деятельности расширяется. Если раньше они фокусировались только на вопросах семейной политики, поддержки материнства и детства, то сегодня женщины занимают ответственные посты как в обеих палатах парламента, так и в правительственных структурах РФ. [6, с. 286–288]. Достигнуто ли равенство шансов успешной рекрутации в органы власти для обоих полов в современных условиях?

Вопросам функционирования социальных лифтов в политическую систему России уделяли внимание в своих трудах многие исследователи [7, 8]. В данной работе мы сравнили работу основных каналов социальной мобильности: образовательного и профессионального в гендерном разрезе. Был проведен ретроспективный биографический анализ успешных действующих политиков и управленцев, отобрано восемьсот представителей политического истеблишмента трех уровней законодательной и исполнительной ветвей власти обоих полов.

Образование является одним из важных каналов вертикальной социальной мобильности в обществе, с образования индивид делает первый шаг к своей карьере. Из 800 респондентов-политиков, биографии которых мы изучили, 99,5 % имеют высшее образование. Для точности и полноты измерений уровня образования представителей рассматриваемых категорий и уровней власти был составлен интеграционный индекс образованности.¹ Групповой индекс образованности исчислялся как среднее арифметическое значение для группы и отразил гендерные отличия: у мужчин индекс в целом оказался выше и составил 0,62, у женщин-политиков этот показатель оказался равным 0,47. На федеральном уровне власти сосредоточились наиболее образованные политики обоих полов, среди которых большинство – обладатели дипломов лучших столичных вузов, таких как МГУ им. Ломоносова и МГИМО, и крупнейших региональных вузов страны. Образовательный канал вертикальной мобильности работает одинаково для обоих полов, однако женщины оказались менее образованной социальной группой. Вероятно, это может быть связано с двойной занятостью на работе и в семье, необходимостью уделять время на рождение и воспитание детей. Однако, показатель средней скорости карьеры, который у женщин оказался выше (10,5 лет), чем у мужчин (10,7 лет) ставит под сомнение это предположение. Возможно, мужчины в силу традиционных и культурных общественных установок могут быть более мотивированы к построению карьеры, прилагать больше целенаправленных усилий к стимулированию вертикальной мобильности своих карьерных траекторий. Данные выводы нуждаются в дополнительных исследованиях.

Специфика образования управленческой элиты также важна при рассмотрении образования как средства достижения власти. Около трети политиков обоих полов получили образование экономического и юридического профиля, оттеснившие популярное у элиты с советских времен инженерно-техническое образование. В остальных видах образования гендерные различия таковы: для женщин более распространенными являются педагогическое и гуманитарные виды образования, для мужчин – инженерно-техническое и военное.

Профессиональным каналом мобильности мы считали те сферы деятельности и профессии, в которых человек достиг значимых результатов перед тем, как войти во власть. Оказалось, что существуют специалисты, которые сразу после окончания вуза пришли работать в органы власти, имея нулевой профессиональный опыт. Доля таких политиков в общем числе составляет 12,6 %, в исполнительной ветви власти их сосредоточено в три раза больше, чем в законодательной. В гендерном разрезе важным является тот факт, что доля женщин среди них составляет 17,5 %, что на 5,8 % выше чем у мужчин, большинство женщин идут в органы исполнительной власти, откуда с самых низов начинают выстраивать свою карьеру. Эта важная гендерная особенность построения политической карьеры не только позволяет выделить отдельный тип женщины-

¹ Индекс образованности рассчитывался по принципу: респонденту за одно высшее образование присваивался 0,1 балл; за два – 0,2 балла; за три и более высших образования – 0,3 балла. Наличие ученой степени кандидата наук дает дополнительно 1,0 балл, доктора наук – еще 1,0 балл.

политика, но может оказывать влияние на показатель средней скорости карьеры, частично объясняя более высокое его значение, чем у мужчин.

Анализ профессиональных сфер действующих политиков показал, что существуют гендерные различия в каналах вертикальной мобильности – для женщин главным профессиональным лифтом в политику является педагогическая сфера. Эта сфера объединяет педагогические профессии на всех уровнях образовательной пирамиды: воспитатель детского сада, учитель в школе и преподаватель в колледжах и вузах. Представительницы этих профессий поднимаются по каналам вертикальной мобильности по-разному: большинство школьных учителей попадают в исполнительную ветвь власти на муниципальный уровень; преподаватели вузов выбирают электоратию на региональном уровне власти. Для мужчин основным профессиональным лифтом является инженерно-техническая сфера. Общими для обоих полов эффективными профессиональными каналами рекрутации в государственную систему управления являются экономический и юридический профили, они позволяют специалистам в этих областях инкорпорироваться на самый высокий уровень обеих ветвей власти.

Выводы. Образование является вертикальным каналом мобильности для обоих полов, качественное образование, полученное в лучших вузах страны может способствовать политической карьере на высоком уровне государственной системы. В первую очередь, власть заинтересована в кадрах с экономическим, юридическим и управленческим образованием. Отличает мужчин и женщин характер полученного высшего образования, что в дальнейшем во многом определяет разницу сфер их политической деятельности. Значительно больше мужчин получают инженерно-техническое и военно-специальное образование, в то время как женщины – педагогическое и гуманитарное.

Женщины-политики в целом менее образованы по сравнению с мужчинами. Отчасти это можно объяснить необходимостью уделять время не только карьере, но и семье, необходимы дополнительные исследования этой области, так как выявлена когорта женщин с высокой скоростью карьеры и индексом образованности в исполнительной ветви власти. Особо стоит выделить увеличение доли женщин, которые начинают строить успешную политическую карьеру сразу после окончания вуза, минуя профессиональный канал рекрутации.

В российской государственной системе на муниципальном и региональном уровне остаются сферы влияния, традиционные для женщин, инкорпорация в которые происходит посредством наиболее эффективного для женщин профессионального канала из сферы образования. Государство отбирает в политическую систему женщин с педагогическими компетенциями. Анализ показал, что преодоление гендерной асимметрии и расширение сфер влияния для женщин происходит в основном на федеральном уровне власти для обладательниц экономических и юридических компетенций благодаря универсальности их применения во многих отраслях системы власти – в законодательной деятельности, бюджетном планировании и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин, П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин. – М. : Academia, 2005.
2. Юшкина, Н. А. Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике / Н. А. Юшкина, О. В. Крыштановская // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2023. – Вып. 3. – С. 443–456.
3. Айвазова, С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики / С. Г. Айвазова // Женщина в рос. о-ве. – 2017. – С. 3–13.
4. Хасбулатова, О. А. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) / О. А. Хасбулатова, И. Н. Смирнова // Женщина в рос. о-ве. – 2022. – № 1. – С. 3–21.
5. Центр изучения российской элиты ГУУ. Отчет по исследовательскому проекту «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг.» (Грант РФФИ №19-011-31467 2019 г.), М., 2019. – 47 с. Режим доступа: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Полный-отчет.pdf>. – Дата доступа: 07.09.2020.
6. Крыштановская, О. В. Женщины в российском парламенте / О. В. Крыштановская // Тетради по консерватизму. – 2018. – № 4. – С. 274–290.
7. Дука, А. В. Социальная дифференциация и рекрутирование элит / А. В. Дука // Полит. класс в современ. о-ве. – 2012. – С. 78–107.
8. Гаман-Голутвина, О. В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции / О. В. Гаман-Голутвина // Полис, 2004. – № 3. – С. 22–32.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приветственное слово Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси, академика В. Г. Гусакова.....	3
Приветственное слово сопредседателя организационного комитета, академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, академика НАН Беларуси, А. А. Ковалени.....	4

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Семененко И. С.</i> Аналитический потенциал концепта идентичности в изучении динамики современных политических пространств: евразийское измерение.....	5
<i>Лебедева Е. В.</i> Цифровые факторы развития городской среды	8
<i>Ватыль В. Н.</i> Гуманитарная безопасность Республики Беларусь: социокультурные вызовы и угрозы в условиях глобальных технологических трансформаций	10
<i>Русакова М. М., Ткач С., Жарикова А. В.</i> Культурная норма и ее социетальная устойчивость: кейс пищевых привычек россиян	12

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИУМА

<i>Андрос И. А.</i> Современные теоретические подходы к изучению влияния социокультурных факторов на социально-экономическую активность	16
<i>Бабосов Е. М.</i> Стратегическая значимость социологического осмысления основных тенденций и перспектив развития социального знания в XXI столетии.....	18
<i>Барановский Н. А.</i> Общественное мнение об основных направлениях современной антикриминальной политики в Беларуси	22
<i>Гаврилик О. Н.</i> Социокультурные основания модернизационных процессов.....	24
<i>Екадумов А. И.</i> Моральная солидарность в глобальном обществе риска	26
<i>Кармызова Д. Д.</i> К некоторым аспектам теории социальных ресурсов	27
<i>Максимук Е. Г.</i> Коллективная, историческая, социальная и культурная память в дискурсе социологического знания.....	29
<i>Манвелян Д. М.</i> Концепция жизненного стиля как теоретическая рамка изучения групповой идентичности	32
<i>Мартищенко Е. В.</i> Эффективность реализации социальной политики в оценках населения Беларуси.....	34
<i>Ратникова И. М.</i> Парадигма признания как основание современной критической социальной теории	37
<i>Рафикова К. Ф.</i> Алгоритмическое общество: этические последствия социологических моделей, основанных на эмпирических данных	38
<i>Рачкевич В. А.</i> Теоретические аспекты изучения удаленной занятости.....	40
<i>Рогачева Т. В.</i> Теоретические основания реабилитационной диагностики инвалидов.....	42
<i>Цюхай Е. И., Хабарова М. А.</i> Диалогичность отношений как фактор самоактуализации человека в современном обществе.....	45

<i>Шестакова Е. В.</i> Методологические основания концептуализации понятия «родительская компетентность» в зарубежном дискурсе	47
<i>Шушунова Т. Н.</i> Методическое сопровождение молодежных инициатив: специфика, проблемы, оптимизация	49
<i>Yahela Ya. A.</i> Methodological Features and Prospects of Global History	51

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

<i>Богданович О. Т.</i> Трансформации деятельности в сфере культуры и искусства в условиях цифровизации общества.....	54
<i>Бровчук Н. М.</i> Понятие «цифровые права человека» в контексте социально-информационного пространства	56
<i>Вашко И. М., Вашко О. А.</i> Обеспечение эффективности цифровизации экономики на основе развития экосистемы инноваций	58
<i>Гордеева С. С., Шарыпова С. Ю.</i> Потребление продуктов питания в России и Беларуси в условиях социально-экономической нестабильности.....	60
<i>Груздева М. А.</i> Потенциал цифровизации для нивелирования проблем территориального дисбаланса на рынке труда	63
<i>Денискина А. И.</i> Профессиональные цифровые компетенции как конкурентное преимущество работников Республики Беларусь	65
<i>Ильина Е. М.</i> Цифровая трансформация дистрибутивной функции политической системы.....	68
<i>Кобяк О. В.</i> Особенности функционирования механизма целедостижения современной белорусской молодёжи в условиях цифровизации	70
<i>Крывалап А. Д.</i> Лічбавая трансфармацыя як культурная траўма	73
<i>Ли Исюань</i> Цифровая социальная реклама: опыт Китая	75
<i>Мартищенко Е. В., Гуцева Г. З.</i> Информированность населения по вопросам влияния на здоровья человека излучения от электро-, радио- и мобильных устройств (на примере Гомельской и Витебской областей)	77
<i>Молчанов П. Ю.</i> Символический капитализм: сущность и перспективы развития.....	80
<i>Надточаева Н. В.</i> Цифровая социология: методы и направления исследований.....	82
<i>Новицкий Е. Н.</i> Использование Интернета белорусской молодежью: цифровые практики и навыки по результатам социологического исследования.	84
<i>Ображей О. Н.</i> Отношение к цифровым технологиям как фактор поляризации населения в цифровом пространстве: социологический анализ.....	87
<i>Орлова Н. С.</i> Противоречия и напряженности в вопросах компетентности работников в условиях цифровизации труда в России (гендерный аспект).....	89
<i>Пасовец Ю. М.</i> Трансформация намерений и практик социально-экономической адаптации россиян в постсоветский период	91
<i>Подгайская Л. И.</i> Совершенствование интернет-торговли в Республике Беларусь.....	93
<i>Рымашевский А. Д.</i> Особенности влияния технологических трансформаций на формирование и реализацию социальной политики в современных обществах	95
<i>Рязанцева Т. В.</i> Цифровизация общества как фактор трансформации экономики и социальных отношений.....	96

<i>Сидорчук И. П., Тулейко Е. В., Крысь Е. Г. Новые функции государственных структур в условиях цифровизации</i>	98
<i>Симхович В. А. Что такое VUCA-мир и можно ли им управлять?</i>	101
<i>Сосновская Н.А. Мотивы молодежи к овладению цифровыми навыками в контексте профессиональной деятельности</i>	104
<i>Феценко А. В. Трансформация типов медиапотребления в условиях цифровой метаморфозы: 7 тезисов</i>	106
<i>Черняк А. Д. Цифровые технологии в международном посредничестве</i>	107
<i>Шупенько Т. И. Возможности совершенствования кадровых технологий по подбору кадров из числа молодежи для государственной службы в условиях цифровизации общества</i>	110

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

<i>Аллахвердян А. Г. Эволюция взаимоотношений российской власти и академии наук: историко-социологический анализ.....</i>	113
<i>Артюхин М. И. Динамика отраслевой структуры исследователей в белорусской науке за период 2015-2021 гг.</i>	115
<i>Борисова А. А. Роль искусственного интеллекта в системе современного социального знания.....</i>	117
<i>Володарская Е. А. Динамика проблемного поля психологии науки с позиции науковедческого анализа.....</i>	120
<i>Ворошень О. Г. Динамика показателей деятельности аспирантуры в вузах и научно-исследовательских организациях Российской Федерации за период 2000-2021 гг.</i>	122
<i>Данилов А. Н. Виртуальный поворот в современном образовании: теоретико-методологический аспект.....</i>	124
<i>Ефимова Г. З. Место академического развития научно-педагогических работников в экосистеме образования взрослых</i>	127
<i>Литвинский М. В. Система военно-патриотического воспитания курсантов военного вуза и необходимость ее модернизации в современных условиях</i>	129
<i>Мартыненко Т. С. Искусственный интеллект как фактор трансформации социальных наук</i>	131
<i>Мороз О. В. Цифровизация процесса обучения: возможности для студента и преподавателя.....</i>	133
<i>Морозов А. В. Коммуникационный менеджмент в системе современного социального знания.....</i>	135
<i>Островский С. Н. Образование в условиях пандемии: социально-психологическая оценка возможностей и ограничений цифрового обучения</i>	137
<i>Павлова Е. Г. Условия и барьеры инновационного творчества как элементы социального контроля.....</i>	138
<i>Пацеева А. Г. Представления об образе ученого белорусских студентов.....</i>	141
<i>Посталовская О. А. Экологизация науки как тенденция развития современного социального знания.....</i>	143

<i>Пушкевич С. А.</i> Динамика возрастной структуры исследователей в белорусской науке за период 2015-2021 годы	145
<i>Шарый И. Н.</i> Динамика численности исследователей в Республике Беларусь: региональный аспект.....	147
<i>Щурок Э. М.</i> Основные тренды развития отраслевой структуры подготовки научных кадров высшей квалификации в республиканской аспирантуре за период 2015–2021 гг.	149

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Бельский А. М.</i> Практики чтения населения Республики Беларусь: социологическое измерение	152
<i>Блохин В. Н.</i> Социокультурные трансформации в условиях информационного социума.....	154
<i>Воронюк Д. С., Соколова С. Н.</i> Духовно-нравственный потенциал личности в условиях современных вызовов.....	156
<i>Галанзовский А. С.</i> Теоретические основания исследования феномена социальной напряженности.....	159
<i>Домасевич И. В.</i> Культурная безопасность общества и государства как фактор обеспечения национальной безопасности.....	161
<i>Зенова Т. В.</i> Духовно-нравственное и патриотическое воспитание личности в условиях современного общества.....	163
<i>Косенков А. Ю.</i> Смена поколений и новые траектории цифровизации	165
<i>Лагуновская Е. А.</i> Влияние семьи на формирование представлений молодежи о ценностях традиционных христианских конфессий в условиях вызовов современного общества	167
<i>Масленченко С. В.</i> Цифровизация общества в контексте цифровизации культуры	170
<i>Новицкая Т. В.</i> Социальный остракизм различных групп в оценках белорусской молодежи	172
<i>Норовжамц Монхбат</i> Использование интернета и социальных сетей молодежью Монголии.....	176
<i>Орлович А. А.</i> Феномен кибербуллинга и способы его профилактики	178
<i>Переверзева Ю. А.</i> Библиотечный социальный институт: общественно-ориентированное направление библиотечных исследований	180
<i>Похомова А. А.</i> Волонтерская деятельность лиц третьего возраста в Республике Беларусь.....	183
<i>Радевич Е. В.</i> Информационные технологии и их влияние на современное социокультурное пространство.....	185
<i>Ражкоў А. А.</i> Інавацыйнасць відзагульняў як лічбавай формы баўлення.....	186
<i>Салтанович И. П.</i> Проективная роль культуры цифрового общества.....	189
<i>Смыкова Е. Ю.</i> К некоторым вопросам понимания цифровой культуры	191
<i>Старичёнок В. В.</i> Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи Беларуси	193
<i>Сташис В. О.</i> Цифровая культура как фактор социализации субъекта	196

<i>Сыкало А. И., Мацевич М. Я.</i> Системные основания трансформации социокультурного пространства в новой реальности	197
<i>Фёдорова Д. А.</i> Продвижение молодёжного туризма в новых медиа как предмет социологических исследований.....	200
<i>Цыбульская Н. В.</i> Реализация социально-культурных потребностей пожилых людей в контексте цифровизации белорусского общества (социологический аспект)	202
<i>Чжан Синь</i> Роль социальных сетей в продвижении нематериального культурного наследия Китая: опыт TikTok	204
<i>Чэнь Сяоцзяо</i> Изменения и проблемы взаимодействия китайских семей в цифровую эпоху.....	205
<i>Шеметова А. А.</i> Музейная анимация в межкультурном образовательном пространстве Беларуси	207
<i>Широкалова Г. С.</i> «Памятникопад» как результат идеологической войны с исторической памятью	210
<i>Шиханцова Д. А.</i> Проблема социальной идентификации личности и феномен лиминальности в трансформирующемся обществе.....	213
<i>Шурко А. В.</i> Особенности методологии социологического исследования проблем телесности.....	215

ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА

<i>Балич Н. Л.</i> Развитие социально-культурной сферы на селе в оценках общественного мнения	218
<i>Ворошилов Н. В.</i> Особенности и тенденции развития различных форм участия жителей России в осуществлении местного самоуправления.....	221
<i>Гавриловец Л. В.</i> Сохранение и популяризация нематериального наследия Гомельщины	223
<i>Гантарь В. М.</i> Социальная необходимость совершенствования подходов по развитию массового спорта в Республике Беларусь	226
<i>Гвоздева Г. П., Боброва В. Ю.</i> Факторы социально-экономической привлекательности российских регионов.....	228
<i>Кириенко В. В., Клейман В. В.</i> За полгода до Единого Дня голосования 2024 года: готовность жителей Гомельского региона к модернизации гражданского общества .	231
<i>Красинец Е. С.</i> Трансформации внешней миграции в развитии человеческого потенциала российского общества.....	234
<i>Кулешова Ю. А.</i> Отношение белорусов к рождению детей по результатам социологического исследования	236
<i>Маркин М. Е., Краснова К. И., Толстых Д. С.</i> Рекреационный потенциал региона: социально-экономические аспекты развития агротуризма (на примере Республики Башкортостан).....	239
<i>Муха В. Н., Муха В. Г.</i> Локальная идентичность современных горожан (на примере города Краснодара).....	241
<i>Назарова Д. В.</i> Социальная политика и удовлетворенность населения Беларуси условиями проживания	243

<i>Семёнова А. В.</i> Некоторые аспекты монетарного потребительского поведения городской и сельской молодежи Беларуси	245
<i>Сидорович А.А., Сидорович Т.Н.</i> Демографическое развитие городских поселений Беларуси аграрного функционального типа в 1999–2019 гг.	248
<i>Чефанова Е. И., Тюрина Е. Д., Маркина А. Ю.</i> Образ региона как фактор развития туризма в условиях ограниченной международной мобильности (на примере Большого Сочи)	251
<i>Харитонов И. Н.</i> Социально-экономические показатели развития современного белорусского села	253

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

<i>Гронский А. Д.</i> Участие профессора В. М. Бебика в попытках формирования на Украине новой исторической идентичности	256
<i>Кравцов О. Ю.</i> Глобальные тренды и вызовы современности: социально-прогностическое измерение	259
<i>Лабоцкая А. А.</i> Интегрированная информационная система Евразийского экономического союза	262
<i>Мигранян А. А.</i> Страны ЕАЭС в условиях геополитического шторма	266
<i>Осадчая Г. И., Юдина Т. Н.</i> Свобода знаний в Евразийском экономическом союзе: достижения и проблемы	268
<i>Соловьев Э. Г.</i> ОДКБ в условиях новых геополитических вызовов	269
<i>Сухотский Н. Н.</i> Союзное государство Беларуси и России в оценках белорусской молодежи	273
<i>Хамутовская С. В.</i> Перспективы Беларуси как участника межгосударственных образований: оценка общественного мнения	275

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

<i>Галич Л. П.</i> Проблемы в сфере информационного сопровождения молодежных инициатив в условиях развития цифрового общества в Республике Беларусь	278
<i>Головчин М. А.</i> Формирование у молодежи готовности к профессиональной деятельности в процессе обучения: на примере будущих учителей	280
<i>Горбач М. И.</i> Роль информационно-коммуникационных технологий в самообразовании личности	283
<i>Калачикова О. Н.</i> Мотивация выбора бездетности (по данным глубинных интервью)	284
<i>Леонидова Г. В.</i> Социологическое измерение интеллектуального потенциала населения: региональный опыт	287
<i>Мироненко Е. С.</i> Развитие интеллектуального потенциала детей и молодежи (на примере Научно-образовательного Центра ВолНЦ РАН)	289
<i>Рысюкевич Н. С.</i> Интеллектуализация физического воспитания в учреждениях высшего образования	291

<i>Толстяк Т. А.</i> Престиж профессии учителя как ключевой фигуры процесса интеллектуализации общества.....	293
<i>Шухатович В. Р.</i> Специфика социологического исследования процессов интеллектуализации общества.....	295
<i>Яковлева Н. И.</i> Актуальные тенденции развития общества в условиях интеллектуализации.....	297

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕРЕНИЯ АУДИТОРИИ МЕДИА И СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Вершок И. Л.</i> Динамика правового сознания в сфере защиты персональных данных .	300
<i>Воронина С. Н.</i> Оценка адаптационного потенциала пожилых людей Беларуси в цифровой среде	302
<i>Грицкевич В. А.</i> СМИ и медиапредпочтения современной молодежи	304
<i>Жэнь И</i> Трансформация медиаиндустрии в контексте метавселенной.....	306
<i>Лира Н. М.</i> Информационный экстремизм как угроза национальной безопасности Республики Беларусь	308
<i>Нейман К. П.</i> Взаимосвязь информационного пространства и социализации	310
<i>Посталовский А. В.</i> Методика DATA FUSION в медиаизмерениях аудитории телевидения	313
<i>Храмцова Ф. И.</i> Инновационные технологии работы с молодежью в информационной среде	315
<i>Ярошук Р. С.</i> Методология DATA FUSION в медиаизмерениях рейтинговых показателей аудитории телевидения.....	318

«РОЛЬ «WOMEN’S STUDIES» (ЖЕНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ) И ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЖЕНЩИН В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»

<i>Александренков Ю. В.</i> Социальное государство в феминистском дискурсе.....	321
<i>Барабанова К. С.</i> Женщины-гельминтологи у истоков изучения гельминтофауны Сибири в первой половине XX века	323
<i>Бурак О. И.</i> Перспективы развития женского движения Беларуси	325
<i>Воднева І. П.</i> «Горад Полацк – мой лёс і спрадвечны алтар»: творчы патэнцыял паэтэсы Надзеі Салодкай.....	327
<i>Воронецкая Л. Г.</i> О возможности дополнительного содействия научно-исследовательской деятельности белорусских женщин-ученых	329
<i>Галиева Г. И.</i> Религиозная социализация в исламе: на примере молодых мусульманок Республики Татарстан и Ивановской области.....	332
<i>Гребень Н. Ф.</i> Ценностные ориентации белорусских и литовских женщин, состоящих в брачных отношениях.....	334
<i>Доронина С. Г.</i> Философия для детей и ее женское лицо	336
<i>Ермак Ю. Г.</i> К вопросу развития «women’s studies» в Гродненском регионе.....	339
<i>Калачёва И. И.</i> Проблема семейных ценностей в исследованиях женщин-учёных Беларуси.....	341

<i>Каменева Т. Н., Конищева Е. В.</i> Профессионально-жизненные затруднения преподавателей высшей школы: гендерный аспект.....	343
<i>Касяновская А. С.</i> Концепция соучаствующего проектирования городского пространства в теории Джейм Джекобс.....	345
<i>Кашина М. А.</i> Характерные черты российских женских и гендерных исследований новейшего времени	347
<i>Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н.</i> Метод онлайн этнографии в гендерных исследованиях	350
<i>Курилович Н. В.</i> Феминизация отечественной науки.....	352
<i>Latyshava V. A.</i> Methodological Perspectives of Women's Studies in the Historical Research of the Problem of Mentally Ill Patients During the Second World War (Using the Example of Minsk)	354
<i>Мальгина И. В.</i> К вопросу исследования женского предпринимательства	356
<i>Морозова Н. Н.</i> Гендерный аспект состояния занятости в сфере услуг	357
<i>Николаева А. О.</i> Феномен отцовства в исследованиях женщин-ученых	360
<i>Носенко-Штейн Е. Э.</i> Как женщины создают красоту для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).....	363
<i>Порошина А. С.</i> Теоретические и практические аспекты «women's studies» в современной общественно-политической жизни США	365
<i>Салмина А. В., Бойко С. Л.</i> Социальная установка женщин, страдающих бесплодием, по отношению к экстракорпоральному оплодотворению (на примере Гродненской области).....	367
<i>Симонова И. А., Швецова А. В.</i> Мама может: методологический и практический потенциал исследования «нематеринских» практик матерей.....	368
<i>Соловей А. П.</i> Миграционные трудовые возможности женщин и мужчин: мнение жителей Республики Беларусь	370
<i>Сулейманова Р. Н.</i> Российские женщины в общественно-политической жизни: проблемы гендерных стереотипов (региональный аспект).....	373
<i>Xiao Jie</i> Woman's Creative Inspiration in «The Doll Factory» by E. Macneal.....	375
<i>Трошкина И. Н.</i> Женщины в науке: направления исследований, научные школы (на материале Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории).....	376
<i>Устюгова А. Г.</i> Современные женские объединения стран юга Африки как фактор общественной жизни и развития.....	379
<i>Филинская Л. В.</i> Роль женщины в управлении финансами в белорусской семье	382
<i>Чжань Бовэнь</i> Проблемы развития высшего образования женщин в Китайской Народной Республике	384
<i>Шипицына Ю. С.</i> Концепт «ситуативных знаний» в изучении женского «ботанизирования» в Англии XVIII в.	385
<i>Шухно Я. В.</i> Вобраз жанчыны-навукоўца ў сцёўных выданнях	387
<i>Юшкина Н. А.</i> Каналы социальной мобильности для женщин в российской системе государственного управления	389

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы IV Международной научно-практической конференции
(г. Минск, 9-10 ноября 2023 г.)

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 07.12.2023. Формат 60х80 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. Печ.л. xxxxx Уч.изд.л. xxxx
Тираж 100 экз. Заказ